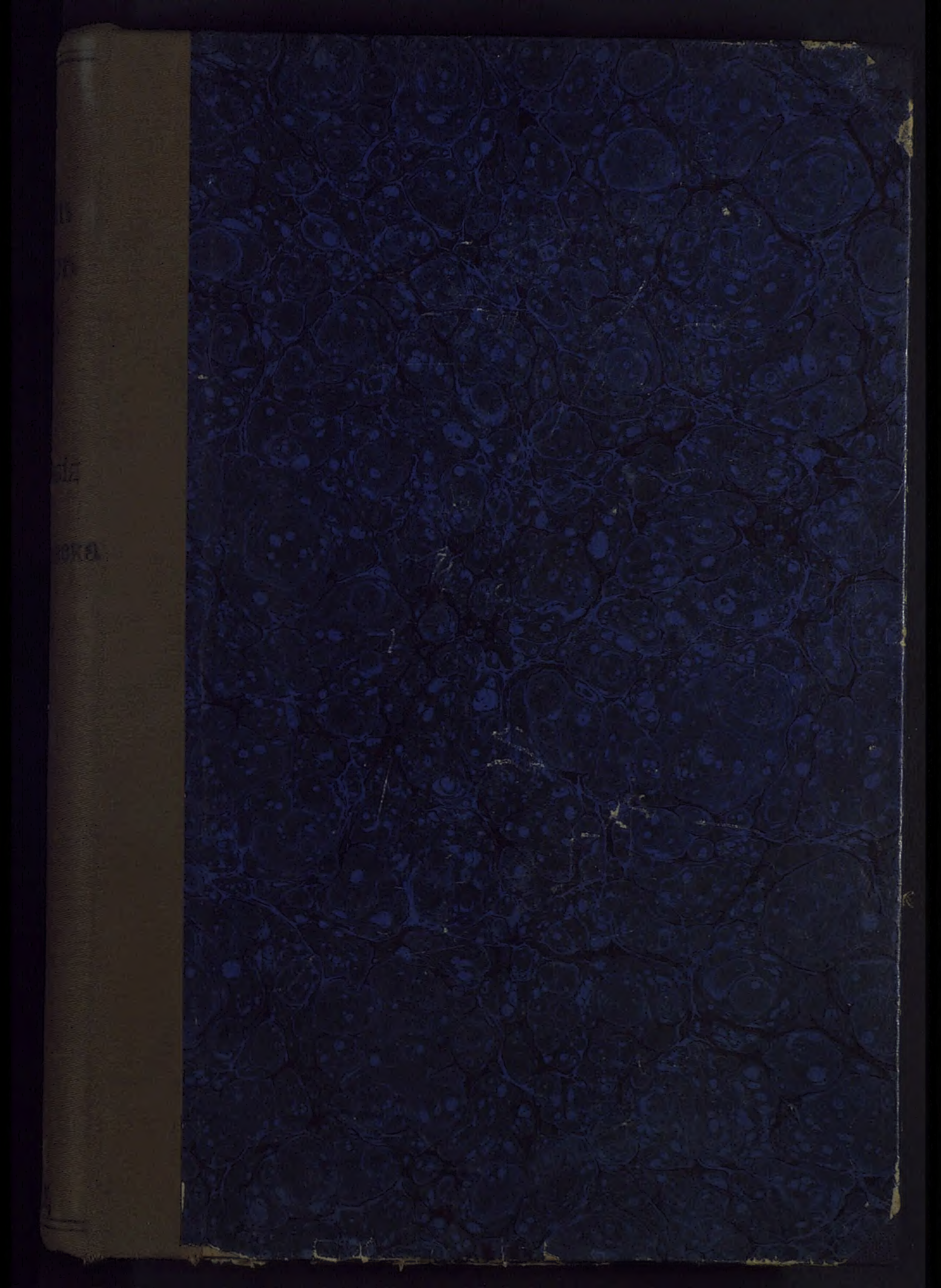
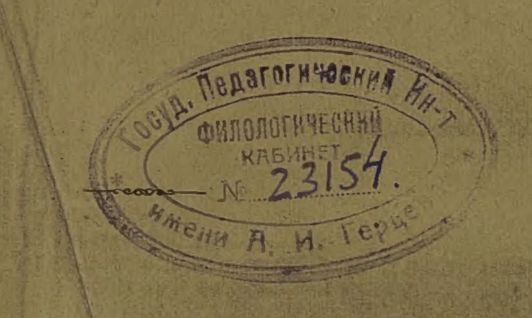

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

ИЗДАНІЯ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ**, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**, П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же.

Томъ II. **Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова**, соч. П. П. Пекарскаго. — **Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича. — **Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) московскаго митрополита Филарета, 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. **Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма**, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

[Томъ IV. **Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время**, И. А. Чистовича].

Томъ V, вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ V, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ**, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

[Томъ VI. **Литературная жизнь Крылова**, Я К. Грота. — **Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ**, его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова**, Я. К. Грота. — **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же. — **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова**, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка. Крылова. — Цѣна 2 р.]

Томъ VII. **О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки»**, записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же**, А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. **Ломоносовъ какъ писатель.** Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова.— **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго.—**Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописямъ XV вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа,** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И. Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Ака-

демика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. **Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго,** составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. **Исторія Россійской Академіи.** М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. **Русскія народныя картинки.** Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и букварп.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. **Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416.** Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. **Эрикъ Лаксманъ.** Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. **Памятники Болгарскаго народнаго творчества.** Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. **Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ.** Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. **Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго.** Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. I. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ.** Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. **Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣ-**

коваго періода. Д. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг.**—Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южнорусскія былины.** Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстого.—**Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева.— **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ Русское Правописаніе. Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** — Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Бѣлорусскій Сборникъ.** П. В. Шейна. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ө. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ө. И. Буслаева.— **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Приложенія. — Симбирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій.—Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, со-

ставленный М. И. Сухомлиновымъ.—Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы. Николай Филипповичъ Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. И. В. Ягича. — Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XLVII. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XLVIII. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ II. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XLIX. Сочиненія Котляревскаго. Томъ III. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ LI. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ, составленный Л. Н. Майковымъ—Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка, сообщеніе Хрисанѳа Лопарева.—Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію) 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

[**Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина.** Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.]

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

[**Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II.** П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.]

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

[**Сербско-Русскій словарь,** П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.]

Филологическія Разысканія. Я. Грота. 2 тома. 1885. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

[**Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ**, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.]
Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.
Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.
Исторія Россійской Академіи, М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.
Екатерина II и Густавъ III, Я Грота. Спб. 1877: 50 коп.
Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.
Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I, М Сухомлинова. 1877: 45 к.
Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
[**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum**. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.]
XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.
Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к. —Томъ VI. № 54,693—66,021. Спб. 1886. 3 р.
Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.
Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.
Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.
Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.
Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.
Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.
Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц 2 руб.
Маріинское Евангеліе, изд. И. В. Ягичемъ 1885. Ц. 5 р.
Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.
Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.
Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.
Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887. Ц. 1 р. 75 к.
Народная поэзія. Очерки Ѳ. Буслаева. 1887. Ц. 2 р. 25 к.
Хронологическая канва для біографіи Пушкина. 1888. Ц. 30 коп. Изданіе 2-е Я. Грота и С. Пономарева.
Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева. 1888. Ц. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.
Книги, обозначенныя въ скобкахъ, въ продажѣ болѣе не имѣются.

---

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томѣ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

№ 97 [illegible]

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIX.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9-я лин., № 12.
1891.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову, г. Предсѣдателю Московскаго Археологическаго Общества.

Высокоуважаемый графъ!

Посвящая вамъ небольшой трудъ свой по наукѣ славянской древности, я позволю себѣ и предварительное *объясненіе* съ отвлеченнымъ образомъ *читателя* замѣнить живою бесѣдою съ вами. Пріймите ее за отчетъ г. предсѣдателю общества о занятіи одного изъ членовъ!

Изслѣдованіе мое не имѣетъ притязанія ни на особую новизну выводовъ, ни на исчерпывающую полноту фактовъ: оно — не болѣе, какъ корректурные листы одной главы изъ науки славянской бытовой древности. Область эта еще такъ не полно изслѣдована въ отношеніи матерьяла, такъ мало обработана въ ученомъ смыслѣ, что думать о новыхъ рѣшительныхъ заключеніяхъ, о полнотѣ содержанія, — будетъ мечтою неопытности. Наука, какъ и жизнь, идетъ постепеннымъ ростомъ: она слагается вѣковою работою многихъ поколѣній—и только самообольщеніе юноши можетъ увлечься мечтой непосильнаго труда и желать преждевременно пожать плоды далекаго будущаго. Всему свое время. Для науки славянской древности не наступило время совершеннолѣтія, когда она могла бы явиться, какъ живой и вѣрный образъ прошедшаго, какъ знаніе, полное убѣждающей, поучительной силы: она находится еще на степени собранія и критической обработки матерьяла. Почтенные, достойные общей признательности, труды совершены въ этой области, но они лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ возвышаются надъ значеніемъ матерьяла нуждающагося въ критической повѣркѣ: они отвѣчали требованіямъ менѣе строгимъ, чѣмъ требованія историко-антикварной науки нашего времени: что такъ легко и свободно разрѣшалось, ими, то снова теперь затягивается въ гордіевъ узелъ и требуетъ иныхъ отвѣтовъ и рѣшеній, что прежде не тревожило ничьего довѣрья, то теперь отвергается или возбуждаетъ недоразумѣнія—и наоборотъ....

Такое состояніе науки, указывая, что она находится въ критическомъ возрастѣ, прямо опредѣляетъ мою задачу. Свести въ одно цѣлое

разрозненные и доселѣ разбросанные факты погребальной старины языческихъ славянъ, критически осмотрѣть, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія, наконецъ — собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія — вотъ что я имѣлъ въ виду исполнить. Если при такой критической переборкѣ уже извѣстнаго, въ концѣ концовъ, и не оказалось бы особенно новыхъ и блестящихъ результатовъ, то все же такая работа казалась мнѣ необходимою, чтобы удалиться отъ *призраковъ*, создаваемыхъ торопливостью толкованія и столь еще обыкновенныхъ въ наукѣ бытовой славянской древности. Вы найдете, что и мое изслѣдованіе заключаетъ не одни голые факты, что и оно не свободно отъ предположеній и домысловъ; какая же изъ историческихъ наукъ можетъ обойтись безъ нихъ? Но догадки— не помѣха наукѣ, если онѣ осмотрительны, если существуютъ достаточныя для нихъ основанія. Стараясь, по возможности, отдѣлять достовѣрные историческіе факты и прямые, необходимые выводы изъ нихъ отъ личныхъ, подлежащихъ спору, объясненій, я имѣлъ въ виду доставить читателю всѣ средства къ убѣжденію, хотя бы оно и не согласовалось съ моимъ и было вѣрнѣе его; ибо кто, наученый опытомъ и уроками прошедшаго, кто можетъ сказать, что его догадки всегда и вездѣ — вѣрны и неопровержимы...

Разумѣется, что къ цѣли такой могло вести только *осмотрительное* изслѣдованіе: мнѣ казалось, что лучше до поры до времени оставить темное темнымъ или *предположительно* объяснять его, чѣмъ предлагать рѣшенія смѣлыя, но непрочныя. Выиграло ли чрезъ это самое дѣло — приглашаю посудить васъ и другихъ знатоковъ и любителей родной старины.

Не входя здѣсь въ подробности касательно самаго предмета, подробности, которыя вы встрѣтите въ своемъ мѣстѣ, позволю себѣ лишь нѣсколько словъ объ объемѣ и формальной постройкѣ моего труда.

Область *погребальной старины* не имѣетъ той самостоятельной, особной бытовой цѣлости, при которой было бы возможно отдѣльное ея изслѣдованіе, независимо отъ другихъ житейскихъ явленій и понятій: она составляетъ одну, и притомъ—внѣшнюю, часть общаго круга понятій и представленій о концѣ человѣческой жизни и посмертномъ существованіи: она должна быть разсматриваема не только въ тѣсной съ ними связи, но и какъ нераздѣлимое съ ними цѣлое: право на вниманіе изслѣдователя имѣетъ здѣсь и обычай, и вѣрованіе, и простое понятіе или представленіе: вѣрованіе и понятіе объясняютъ обычай, обычай позволяетъ заключать о вѣрованіи и понятіяхъ, и даже объ условіяхъ и порядкахъ дѣйствительной жизни. Вотъ причина, почему, преслѣдуя част-

ную задачу, я не могъ удержаться въ ея тѣсныхъ предѣлахъ и иногда входилъ въ предварительныя поясненія уже извѣстныхъ и обслѣдованныхъ предметовъ. Недостаточны покажутся вамъ эти побочныя части моего изслѣдованія, если вы потребуете отъ нихъ самостоятельной полноты содержанія, но самое назначеніе ихъ обязывало меня къ краткости и сжатости изложенія; онѣ лишь служатъ для *поясненія* главнаго предмета, имѣютъ зависимую, несамостоятельную цѣну. Изслѣдуя погребальные обычаи, я не вдаюсь въ пространныя сравнительныя сближенія представленій, хотя и родственныхъ, но въ сущности далекихъ отъ главнаго предмета, для меня важны только тѣ представленія, понятія и вѣрованія, которыя прямо относятся къ концу человѣческой жизни, соприкасаются съ погребальнымъ обиходомъ и опредѣляютъ его порядки: представленіе, искрѣнншее въ религіозное вѣрованіе и неоставившее слѣда въ дѣйствительной жизни, иногда вовсе не отмѣчено мною; однимъ словомъ—меня занимаетъ прежде всего жизнь дѣйствительная, а потомъ уже поэзія, какъ необходимый элементъ жизни, отъ котораго идутъ многіе побѣги ея и который освѣщаетъ многія ея стороны.

Позволяю себѣ указать на это во отстраненіе недоумѣнія, когда въ моемъ изслѣдованіи вы не встрѣтите многаго, что имѣетъ связь съ понятіями о загробной жизни и о многомъ, сюда относящемся, найдете лишь краткія упоминанія; всему этому — приличное мѣсто не въ изслѣдованіи «о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», а въ будущей «славянской миѳологіи».

Понятія о загробной жизни вытекаютъ изъ дѣйствительнаго человѣческаго желанія жизни, изъ чувства цѣны ея, погребальные обычаи и обряды — суть олицетворенное, переведенное въ житейскую практику, желаніе продолжать эту жизнь. Исходя—такимъ образомъ, изъ дѣйствительнаго чувства, сопровождаясь обычаями, почерпнутыми по большей части изъ окружавшей человѣка дѣйствительности, его погребальная древность должна отразить въ себѣ и понятія дѣйствительныя и жизнь реальную, историческую...; но удалось ли мнѣ вскрыть хотя нѣкоторыя черты этой стороны предмета—судить не могу, но крайней мѣрѣ, понимая цѣну и признавая законность этого требованія, я старался, по возможности, удовлетворить ему.

Изслѣдованіе, сообразно системѣ, распадается на двѣ главныя части: *первая* посвящена критическому разсмотрѣнію источниковъ: языка, народнаго быта, извѣстій письменныхъ, могильныхъ памятниковъ, *вторая* — представляетъ систематическое — и отчасти историческое — обозрѣніе понятій языческихъ славянъ о посмертномъ существованіи и ихъ погребальныхъ обычаевъ. Первая часть въ сущности имѣетъ значеніе поясни-

тельной статьи, ей отведено самостоятельное мѣсто для того, чтобы не обременить изложеніе сторонними критическими изслѣдованіями и отступленіями, и чтобы каждый имѣлъ подъ рукою средства повѣрить заключенія и домыслы; существенное отсюда перешло въ главное изложеніе, отчего неизбѣжно явились многія повторенія одного и того же. Устранить ихъ я не съумѣлъ.

Не могъ также избѣжать я и нѣкоторыхъ эпизодовъ, хотя и важныхъ по содержанію, но неотносящихся непосредственно къ моей задачѣ: одинъ изъ нихъ соединяетъ первую часть изслѣдованія со второй, другой, чтобы не нарушать перерывомъ цѣлости изложенія, отнесенъ въ «Приложеніе». Мнѣ казались умѣстными и даже необходимыми—эти отступленія: безъ нихъ остались бы не ясны не только частности, но и самыя основанія иныхъ заключеній, которымъ я придаю нѣкоторую цѣну.

Найдете вы еще, можетъ быть, излишнимъ обиліе библіографическихъ ссылокъ и *примѣчаній.* Слабость эту я охотно признаю за собою; но мнѣ не хотѣлось бросить безслѣдно то, что доставалось усиліями, иногда не совсѣмъ обыкновенными, и что—по доброй совѣсти—я не могъ признать вполнѣ неумѣстнымъ. Наконецъ, считаю нужнымъ сказать, что мое изложеніе ограничивается лишь объективно-исторической стороной вопроса: не задаваясь задачею доказывать какую-либо общую мысль, я желалъ только представить важную страницу изъ жизни прошедшаго и сообразно этому старался вездѣ сохранить *историческую точку зрѣнія* на предметъ; хотя, по причинамъ объясняемымъ ниже, я не могъ слѣдовать точному *историческому способу изложенія.*

Свой трудъ я посвящаю вамъ, высокоуважаемый графъ, на память того участія, какое оказывали вы къ моимъ занятіямъ родной стариной; пусть онъ напомнитъ вамъ время нашихъ общихъ усилій, общихъ трудовъ по любезному Московскому Археологическому Обществу.

Съ чувствомъ высокаго почтенія и искренней преданности имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

А. Котляревскій.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Jus Manium.

Въ числѣ великихъ задачъ, искони поставленныхъ природою человѣческому разумѣнію, ни одна не имѣетъ такого верховнаго, необходимаго значенія, какъ задача *смерти*.

Жизнь человѣка проходитъ въ заботахъ и борьбѣ, въ мятежѣ страстей и разнообразіи явленій; несомый ихъ потокомъ, онъ рѣдко отдаетъ равную дань каждому требованію своей нравственной природы: въ увлеченіи однимъ — онъ равнодушенъ къ другому, вообще же — доволенъ ходячими, унаслѣдованными мыслями и обходится безъ труда тамъ, гдѣ только можетъ. Среди такого самозабвенія — *явленія смерти*, и не рѣдко онѣ однѣ, представляютъ вѣчный мотивъ, возвращающій человѣка къ его нравственному долгу, къ серіозной работѣ мысли надъ задачами существованія.

Смерть всегда была и вѣчно будетъ непримиримымъ врагомъ человѣка, и если во мгновенія, свободныя отъ посѣщеній страшной неземной гостьи, его мысль можетъ спокойно остановиться на ней и представить ее въ привлекательномъ образѣ добраго друга людей, молодаго генія, гасящаго факелъ жизни и призывающаго всѣхъ къ безмятежному покою, — то это лишь мечта поэта, далекая отъ дѣйствительной жизни, отъ обычныхъ человѣку мыслей и чувствованій, для которыхъ образъ смерти всегда отвратительно страшенъ, а ея явленія — всегда дѣйствуютъ но-

вымъ и какъ бы внезапнымъ образомъ. Дѣйствительно, несмотря на законную необходимость смерти, на непрерывную, опытомъ вѣковъ утвержденную, власть ея надъ людьми, человѣкъ никогда не можетъ войти въ полную мировую съ нею, и вѣчный законъ природы все имѣетъ для него значеніе случая или произвола: столько новой тревоги и лишеній ведетъ за собою исполненіе этого закона! Оттого, ни равнодушіе къ общимъ вопросамъ жизни, ни сила привычки, пріучающей человѣка къ самымъ страшнымъ несчастіямъ — не властны овладѣть вопросомъ о смерти, обезсилить его или низвести на обыкновенную, незнаменательную, степень. И въ единичной жизни человѣка, и во всей исторіи человѣчества это — роковой вопросъ, предъ которымъ всѣ другіе кажутся столь малыми, чуть не суетными; самая жизнь ежедневно приводитъ къ нему и — неудивительно, что на рѣшеніе его потрачено столько крѣпкихъ думъ, столько серіознаго умственнаго труда, что онъ всегда былъ великимъ нравственнымъ двигателемъ исторіи!

Ближайшею попыткою отвѣтить на загадку смерти была мысль о матеріальномъ посмертномъ существованіи, идея о безсмертіи. Гдѣ существуетъ хотя какая-нибудь связь семей и поколѣній, тамъ всегда есть и представленія о загробной жизни: они вызваны потребностью души, для которой нѣтъ высшаго блага, какъ благо жизни, и нѣтъ чувства естественнѣе, какъ желаніе продолжить эту жизнь и за дверями гроба. Такимъ путемъ разрѣшаетъ каждый народъ страшную неизвѣстность смерти, — и нѣтъ такого, — какъ бы ни былъ низокъ уровень его нравственнаго развитія, который не испыталъ бы необходимости этой властительной мысли, потому что нѣтъ народа, который не чувствовалъ бы цѣны жизни, святости узъ родства и дружбы, любви и нравственной привязанности, который не оскорблялся бы безпощадными вторженіями смерти и, въ чувствѣ горькой утраты — не отдался бы обаятельной мечтѣ о временной разлукѣ и вѣчномъ союзѣ за гробомъ!

Смутная или понимаемая въ грубыхъ формахъ — въ началѣ,

возвышенно-идеальная — впослѣдствіи, мысль о безсмертіи исполняла великую историческую миссію: возстановляя нарушенный миръ души, она примиряла человѣка съ вѣчнымъ и непонятнымъ для него закономъ природы, поддерживала и укрѣпляла энергію, готовую изнемочь предъ страхомъ совершеннаго уничтоженія, она же столь часто указывала и ближайшую цѣль его дѣятельности и направленія его исторіи: воодушевленіе безсмертія влекло юные народы къ тѣмъ славнымъ подвигамъ, о которыхъ разсказываютъ преданія старины: легко разставаясь съ жизнью, они вѣрили, что съ честью будутъ приняты въ обители блаженныхъ предковъ, что жизнь ихъ отнынѣ будетъ вѣчнымъ праздникомъ и наслажденіемъ; путемъ идеи безсмертія: обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства и грозою вѣчной казни водворились высокія истины христіанства между грубыми варварами, тѣмъ же путемъ, только дѣйствуя на чувственную сторону человѣка и льстя его чувственнымъ инстинктамъ, распространился и исламъ, самъ по себѣ чуждый характера нравственнаго достоинства; множество и единичныхъ явленій, подвиговъ, полныхъ истиннаго величія, любви и блага для человѣчества — вышли изъ этого чувства и этой высокой идеи...

Вообще можно сказать: нѣтъ сферы въ дѣятельности человѣка, гдѣ бы онъ, творя великое, не чувствовалъ бы вдохновительнаго вліянія идеи безсмертія и не согрѣвался ея живительными лучами: боязнь одного исключительно земнаго бытія всегда указывала ему его высокое призваніе и вела его стезею добра и истины.

Но и оставивъ область громкихъ дѣлъ и торжественныхъ событій, спустившись въ среду обыкновенной, частной исторической жизни, мы увидимъ то же могучее вліяніе идеи загробнаго существованія: она удовлетворяетъ не одну только нравственную пытливость и чувство человѣка: исходя отъ дѣйствительности, отъ дѣйствительнаго чувства любви къ жизни, она легко входитъ и въ самую жизнь и опредѣляетъ многія ея воззрѣнія и практическіе порядки. Среди массы грубыхъ первоначальныхъ

миоическихъ представленій, еще далекихъ отъ всякаго религіознаго начала, понятія о будущей жизни — кажется одни — заключаютъ въ себѣ зародыши религіи: они основаны не столько на стремленіяхъ ума и фантазіи, сколько на чувствѣ, этомъ вѣчномъ источникѣ религіи — и вотъ почему такъ рано они получаютъ силу священнаго догмата и вызываютъ практическое обрядовое чествованіе; смерть является не только простымъ примирителемъ, покрывающимъ забвеніемъ былыя страсти и антипатіи, но и даетъ поводъ къ широкой апоѳеозѣ: усопшіе предки становятся божествами—хранителями, а жизнь и дѣла ихъ—предметомъ глубокаго религіознаго почтенія для потомковъ. Предкамъ приносятся умилостивительныя и благодарственныя жертвы, имъ воздвигаютъ алтари, къ нимъ обращены молитвы и призыванія въ различныхъ случаяхъ жизни. Вѣкъ предковъ — это *золотой* вѣкъ жизни человѣчества, область безгрѣшная, свободная отъ недостатковъ земнаго бытія, полная красоты и высокой мудрости: отсюда для народа исходятъ всѣ добрые порядки дальнѣйшей жизни, его священные, нерушимые законы и добрые обычаи, его полезныя знанія и искусства, изъ этой области черпаютъ живыя поколѣнія твердые образцы для своихъ дѣлъ и подвиговъ; къ отшедшимъ блаженнымъ отцамъ обращаются они въ трудныя минуты жизни за наставленіемъ и утѣхой; событія старины, славныя дѣла предковъ вдохновляютъ народныхъ поэтовъ и вообще служатъ обильнымъ источникомъ поэтическаго творчества, наслажденія и высокаго поученія, и чѣмъ далѣе входитъ народъ въ тревожное разнообразіе исторической жизни, тѣмъ привлекательнѣе рисуется ему золотое время предковъ, «когда, по словамъ Гезіода, люди жили какъ боги, вдали отъ трудовъ и бѣды...» (Ἐρ. κ. Η. V, 112) Образованіе и наука даютъ иные идеалы, но какой долгій путь нужно пройти до этого! Тысячелѣтія исторической жизни — говоря о массѣ — лишь немногимъ ослабили религіозное поклоненіе старинѣ и предкамъ!... Апоѳеоза предковъ и вообще чествованіе усопшихъ — у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра — составляло необходимый догматъ рели-

гіознаго вѣрованія и вызывало разнообразные благочестивые обычаи и обряды.

Въ религіи древнихъ индусовъ — поклоненіе усопшимъ, блаженнымъ, божественнымъ предкамъ выступаетъ, какъ священнѣйшая обязанность живыхъ потомковъ, предки — это боги — установители жертвоприношеній и священныхъ обрядовъ, многія божества — суть только души блаженныхъ предковъ, вообще — поклоненіе усопшимъ, молитвы и жертвы имъ являются средоточіемъ всего семейнаго культа [1]).

Классическіе народы чтили своихъ покойниковъ, какъ святыхъ и блаженныхъ боговъ: апоѳеоза мертвыхъ имѣла у нихъ всеобщее значеніе, она распространялась на всѣхъ предковъ, не ограничиваясь только великими людьми, оказавшими услугу отечеству; для древнихъ грековъ покойники были *подземные боги*, римляне называли ихъ *Dii manes*; отсюда этотъ распространенный у греко-италійскаго племени культъ домашнимъ духамъ, покровителямъ родного крова и домашняго очага: Героямъ, Демонамъ, Ларамъ и Манамъ. Въ особенности у практическихъ римлянъ поклоненіе усопшимъ приняло житейскій характеръ и опредѣлило важнѣйшіе порядки семейнаго права [2]).

Широкую апоѳеозу предковъ и почтеніе къ мертвымъ находимъ мы и у языческихъ народовъ средней и сѣверной Европы: кельтовъ, германцевъ, литвы и славянъ: она и теперь еще видна во множествѣ ихъ повѣрій, преданій, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, на нихъ не разъ мы остановимся впослѣдствіи.

Чествованіе усопшихъ было однимъ изъ духовныхъ наслѣдій,

---

1) *Lassen*, Indische Alterthumsk. I, 768 — 9, Em. *Burnouf*. Essai sur la Veda (P. 1863), p. 183 sq.

2) *Fustel de Coulanges*. La Cité antique (2-e ed. 1866), p. 15—21. Здѣсь указано много мѣстъ изъ классическихъ писателей объ апоѳеозѣ мертвыхъ въ греко-римскомъ мірѣ, прекрасно объяснена и связь домашняго культа усопшихъ съ юридическими институтами, но — будучи, какъ кажется, мало знакомъ съ сравнительною наукою древности, авторъ слишкомъ односторонне смотритъ на древнія вѣрованія и представленія, особенно это замѣтно въ 1-й книгѣ его труда. Сравни также *Welcker*. Griech. Götterlehre, I, 794 sq.

принятыхъ западнымъ міромъ отъ стараго. Новыя понятія благопріятствовали этому: подъ ихъ вліяніемъ культъ мертвыхъ получилъ болѣе возвышенный смыслъ: изъ тѣснаго круга семейной религіи онъ поднялся на степень общей обязательной святыни и общественнаго поклоненія; но кажется, что средневѣковая апоѳеоза мертвыхъ никогда не дошла бы до такихъ громадныхъ размѣровъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ ее въ исторіи западной Европы, если бы она не опиралась на готовыя предшествовавшія вѣрованія массъ и не имѣла прочныхъ корней въ прошедшемъ... [1])

Разсматривая это, чрезъ всю исторію человѣчества проходящее, благочестивое поклоненіе усопшимъ, нельзя не видѣть, что оно основывалось на твердомъ сознаніи, что міръ усопшихъ и живущія поколѣнія состоятъ въ непрерывной и дѣятельной взаимной связи: простое чувство и мысль народа понимали эту связь не въ идеально-нравственномъ смыслѣ, но живымъ, реальнымъ образомъ: загробное существованіе и его условія представлялись въ формахъ и условіяхъ существованія земнаго, какъ продолженіе той жизни, тѣхъ потребностей, отношеній и заботъ, какія имѣли мѣсто въ дѣйствительности: боги или близкіе къ божеству — безсмертные, блаженные предки и за гробомъ полны дѣятельной заботы и попеченій о своихъ покинутыхъ близкихъ: полнота жизни нравственной и матеріальной, счастіе и довольство — есть даръ, ниспосылаемый предками, дѣло ихъ любви и заботы о потомкахъ. Въ свой чередъ и усопшіе, отдѣлясь отъ міра живыхъ, не отрѣшились отъ всѣхъ потребностей дольней жизни: они имѣютъ нужду въ услугахъ и чествованіи со стороны потомковъ... Первымъ, важнѣйшимъ и благочестивѣйшимъ актомъ его была *почесть погребальная*.

Для чувства человѣка — естественно стремленіе полагать границу между царствомъ жизни и смерти: обезображенная смер-

1) Превосходную характеристику культа мертвыхъ въ средніе вѣка читатель найдетъ у Гримма, въ его Geschichte d. deutsch. Sprache 1-ое изд. p. 147 — sq или 103 — sq 2-го изд.

тію, распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго исключенія изъ среды живыхъ людей, но человѣческій родъ, по прекрасному замѣчанію Я. Гримма, отрекся бы отъ своей собственной природы, еслибы это *право живыхъ* не смягчалось *послѣднимъ правомъ мертвыхъ* на честь и услугу, необходимую для того, чтобы они могли перейти и водвориться въ вѣчномъ жилищѣ и тамъ продолжать свое существованіе. Забота отдать этотъ долгъ родному или собрату, покончившему разсчеты съ жизнью, *сомкнуть уста, закрыть глаза ему* (Iliad. XI, 453, Odys. XI, 426), какъ забота нравственно-естественная, всегда была и священною нравственною обязанностью человѣка; только самые грубые народы, преданные лишь животнымъ инстинктамъ и потребностямъ, пренебрегаютъ или не знаютъ этой повинности, оставляя своихъ покойниковъ на произволъ судьбы; у всѣхъ же другихъ племенъ, имѣющихъ залоги исторической будущности, *погребальная почесть* искони была предметомъ высокаго нравственнаго и религіознаго долга; въ произведеніяхъ народной словесности вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія о человѣкѣ, лишенномъ погребальной почести; народная пѣсня не знаетъ болѣе страшнаго проклятія, какъ — *чтобы человѣкъ не имѣлъ гроба, чтобы земля его не приняла*, народная повѣсть съ любовью и сочувствіемъ останавливается на лицахъ, которыя не пренебрегли этою священною повинностью: она награждаетъ ихъ долгою и счастливою жизнью... И обычай и законодательство освятили *послѣднее во мертвыхъ* на погребальную почесть. Въ Спартѣ каждый обязанъ былъ, найдя мертвое тѣло, похоронить его или по крайней мѣрѣ посыпать пепломъ; равнымъ образомъ — и въ Аѳинахъ законъ предписывалъ похоронить трупъ, если онъ встрѣтится на дорогѣ, или за недосугомъ — хотя посыпать его прахомъ. Законъ этотъ былъ еще *обще — эллинскимъ* (νόμος Πανελληνῶν) онъ одинаково распространялся и на гражданина и на чужеземца [1]). Въ погребальной почести не

---

1) A. Maury. Histoire des Religions de la Grèce antique, I (P. 1857), p. 159-3.

отказывали даже врагу: дѣло благочестія стояло выше земныхъ страстей и ненавистей; оттого самымъ страшнымъ наказаніемъ въ классическомъ мірѣ было лишеніе погребенія: такъ карались только предатели отчизны, святотатцы, самоубійцы и должники. Лишаясь могилы и погребальной почести, человѣкъ, по понятіямъ древности, какъ бы лишался будущей жизни и подлежалъ вѣчному наказанію; душа его обрекалась на всегдашнее мятежное, безпріютное блужданіе, она, неотдавшая землѣ — земнаго, не могла войдти въ жилище усопшихъ и пріобщиться къ сонму милыхъ родственныхъ тѣней. Такъ муки собственной, живой души, страдавшей при мысли о возможности лишиться священнаго обряда погребенія, человѣкъ переносилъ на своихъ усопшихъ. Нося въ груди такое вѣрованіе, онъ менѣе всего могъ быть равнодушенъ въ своихъ отношеніяхъ къ усопшимъ; понятно почему и боги и общественное мнѣніе преслѣдовали того, кто нарушалъ этотъ святой законъ или же пренебрегалъ имъ. Ничто такъ живо не даетъ чувствовать намъ высокаго значенія *погребальной почести* въ античномъ мірѣ, какъ художественнѣйшее произведеніе Софокловой музы — «Антигона», гдѣ неразумный отказъ въ погребеніи царскому сыну встрѣчаетъ и мужественный протестъ родственнаго чувства сестры усопшаго, жертвующей жизнью за исполненіе своего святаго долга, и справедливую кару боговъ за презрѣніе ихъ «законовъ вѣчныхъ и незыблемыхъ» (Soph. Ant. 1322).

То же сознаніе высокаго значенія погребальной почести, то же чувство нравственнаго долга живыхъ относительно мертвецовъ мы находимъ и у прочихъ племенъ индо-европейскаго корня: одинъ видъ часто величественныхъ погребальныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по Европѣ и уцѣлѣвшихъ вопреки урагану тысячелѣтій, краснорѣчиво говоритъ о глубокомъ религіозномъ почтеніи, съ какимъ провожали эти народы своихъ, отходившихъ на покой, отцовъ и праотцевъ; оттого и такимъ ореоломъ святости окружаются мѣста, гдѣ почіетъ дорогой прахъ опочившихъ предковъ: это величайшая святыня, не терпящая оскорбленія. «У насъ есть

могилы отцовъ — говорили скиѳы посламъ Дарія, — отважьтесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы сражаться за нихъ или нѣтъ» (Her. IV, 127). Если таково религіозное почтеніе къ праху и могиламъ праотцевъ у народа кочевого, то у племенъ осѣдлыхъ оно идетъ еще глубже, является еще необходимѣе: для нихъ *родная земля* не только мѣсто, гдѣ человѣкъ родился и взросъ, но и гдѣ покоится прахъ его предковъ, гдѣ видны ихъ могилы: онѣ — покровители, стражи и свидѣтели родовой недвижимой собственности, по нимъ опредѣляются границы ея, рѣшаются возникающіе споры; онѣ наконецъ составляютъ общую святыню родственныхъ семей, которая, питая затемняемое годами сознаніе родственной связи, скрѣпляетъ ихъ въ тѣсный союзъ на общія предпріятія, одушевленныя унаслѣдованными отъ праотцевъ чувствами и стремленіями.

Такимъ образомъ, вопросъ о народныхъ воззрѣніяхъ на загробное существованіе и происходящихъ отсюда явленіяхъ долженъ быть признанъ вопросомъ глубокаго историческаго значенія и интереса. Онъ не ограничивается предѣлами домашней жизни народовъ, не имѣетъ только узкаго характера антикварнаго знанія, но обнимаетъ собою одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторической науки, какъ вопросъ о постоянномъ дѣятельномъ началѣ исторіи, которое равно участвовало и въ области умственнаго движенія, и въ сферѣ общественныхъ политическихъ событій; но раскрыть во всей полнотѣ его историческое значеніе, прослѣдить развѣтвленіе корней его въ жизни, показать, что въ ней питалось его соками — все это еще долго останется идеальной задачей науки: обширность и глубина вопроса еще неизмѣримо превышаетъ средства изслѣдователя, потому теперь можно лишь исподоволь приготовлять рѣшеніе его изслѣдованіемъ отдѣльныхъ сторонъ предмета; одну изъ такихъ сторонъ, именно антикварную, я предполагаю разсмотрѣть въ настоящемъ трудѣ, ограничиваясь притомъ почти исключительно одною *славянскою народностью.*

Славянское язычество и обычаи.

Вступая въ область дѣятельности, далекой отъ нашего времени и по числу минувшихъ лѣтъ, и по кореннымъ воззрѣніямъ, понятіямъ, порядкамъ и условіямъ жизни, умѣстно будетъ остановиться и уяснить предварительно нѣкоторыя особенности предмета, насъ занимающаго: этимъ точнѣе опредѣлится и самая задача, и способы ея исполненія.

Эпоха славянскаго язычества — вотъ *время, погребальные обычаи — предметъ*, подлежащіе нашему изслѣдованію.

Что же такое славянское язычество? Есть ли это эпоха однородныхъ явленій жизни, имѣетъ ли оно тотъ внутренній характеръ цѣлости и единообразія, какими обыкновенно отмѣчается каждая опредѣленная историческая эпоха?

Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ. Бѣдны и отрывочны наши свѣдѣнія о доисторическомъ времени жизни славянъ, но они достаточны для убѣжденія, что понятіе объ эпохѣ *славянскаго язычества* — есть слишкомъ широкое, исторически-неопредѣленное понятіе, что для того, чтобы отвѣтить требованіямъ науки, оно должно быть подѣлено на составныя части, ограниченныя болѣе дробными и рѣзкими историческими и этнографическими опредѣленіями. Выскажемся яснѣе. Если современная наука не дозволяетъ еще никакихъ заключеній о точномъ времени выдѣленія славянъ изъ общаго индо-европейскаго источника, объ эпохѣ цѣльной славянской народности, условіяхъ и порядкахъ ея жизни [1]), то по крайней мѣрѣ изслѣдователь уже

1) Попытку изобразить, на основаніи фактовъ языка, картину нравственной и матеріальной жизни *общеславянскаго племени* представилъ недавно извѣстный чешскій археологъ Я. Э. Воцель въ статьѣ: «O vzdělanosti slovanského národu v prvnotnich sidlech jeho» (Часопись чешскаго Музея 1864, p. 353—370), трудъ — небогатый содержаніемъ, но прекрасный по счастливой мысли. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ обстоятельно сличены между собою всѣ *словари* индо-европейскихъ языковъ, пока не опредѣлится, что̀ принадлежало *всѣмъ* имъ, что̀ лишь *нѣкоторымъ*, что̀ исключительно *одной* народности, что̀ наконецъ привзошло въ языки вслѣдствіе заимствованія,—до той поры наши заключенія о доисторической жизни индо-европейскихъ отдѣльныхъ племенъ будутъ неполны, отрывочны и ненадежны.

имѣетъ полное право думать, что такой этнологическій процессъ совершился во времена глубочайшей древности, до которой не досягаетъ никакой хронологически-опредѣленный памятникъ. Съ той поры, до времени появленія славянъ на сцену засвидѣтельствованной исторіи, совершилось, конечно, много переворотовъ, мирныхъ и насильственныхъ измѣненій въ ихъ бытѣ и понятіяхъ: *славяне и въ доисторическую эпоху, несомнѣнно, имѣли свою исторію.* Придерживаясь лишь исторически извѣстныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, можно видѣть, что задолго до принятія христіанства огромное славянское племя, «Winidarum natio populosa», раздѣлялось на множество вѣтвей, простираясь, по словамъ Іорнанда, «per immensa spatia»; другіе свидѣтели 6—9 вв. перечисляютъ *многія отдѣльныя* племена славянъ; въ эпоху перевода Свящ. писанія на славянскій языкъ, отмѣчается уже нѣсколько частныхъ видоизмѣненій славянской рѣчи.... Чтобы дойти до такого раздробленія, необходимо было и много жить и многое пережить, потому нельзя сомнѣваться, что разнообразіе физическихъ условій жизни, историческихъ судебъ и вліяній — давно, съ незапамятныхъ временъ, должно было отмѣтить частными особенностями бытъ отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго племени, и при вступленіи въ исторію мы встрѣчаемъ ихъ уже далеко не на равной ступени цивилизаціи и гражданственности: тогда какъ одни заняты еще личною заботой о существованіи и трудовою борьбой съ природой, другіе — уже создаютъ могучія государства; но не только въ общественныхъ учрежденіяхъ, а и въ домашней, семейной жизни и ея порядкахъ, въ области религіи, обычаевъ и нравовъ можно замѣтить то же неравенство развитія, то же отсутствіе единства, которое давало бы дохристіанской, языческой жизни славянъ значеніе цѣльной органической эпохи. Черты ближайшей родственности многочисленны и очевидны, начиная съ языка и оканчивая общественными учрежденіями; но многочисленны также и отличія, и нѣтъ возможности собрать это разнообразіе въ одну общую эпоху и подводить подъ одинъ общій историческій уровень. Отсюда видно, что въ

простомъ повидимому понятіи о языческой эпохѣ жизни славянскаго племени заключается много несоразмѣрнаго разнообразія: это не *одна* цѣльная эпоха, а по крайней мѣрѣ *нѣсколько* ихъ, не одинъ народный организмъ, а большое количество ихъ, хотя и близкихъ, но отмѣченныхъ уже рѣзкими чертами особенности и розни. Сопоставивъ такое, изъ несомнительныхъ фактовъ извлеченное, понятіе объ эпохѣ славянскаго язычества съ требованіями исторической науки, мы увидимъ необходимость *слѣдить жизнь славянскаго язычества въ его историческихъ и этнографическихъ измѣненіяхъ*. Но въ какой мѣрѣ можетъ изслѣдователь удовлетворить этому требованію? Въ темной области, лежащей за предѣлами достовѣрной исторіи, наука овладѣла, до нѣкоторой степени, лишь исходнымъ пунктомъ: она указала источникъ, изъ котораго вышли отдѣльныя индо-европейскія народности, пыталась, и не безуспѣшно, представить объемъ и условія быта этого перваго періода жизни общей индо-европейской семьи[1]; но что слѣдуетъ далѣе, что занимаетъ пространство между эпохой племеннаго единства и временемъ историческимъ, то остается въ лѣтописи народовъ бѣлыми, ничѣмъ не наполненными страницами[2]. Изслѣдователи пытались угадать славянъ въ различныхъ темныхъ именахъ средневѣковыхъ народцевъ и

1) Кромѣ общеизвѣстнаго труда Pictet: «Les origines Indo-Européennes». Gen. 1859—63, 2 vol., слѣдуетъ назвать замѣчательный опытъ A. Kuhn'a: «Zur ältesten Geschichte der Indo-germanischen Völker», помѣщен. вторымъ изданіемъ въ Weber's «Indische Studien» т. 1. (1850), стр. 921—363, и статью Justi: «Über die Urzeit der Indo-Germanen, въ Рауммеровомъ «Historisches Taschenbuch» 1862, p. 303—342. Сюда относится также богатый запасъ частныхъ изслѣдованій или въ отдѣльныхъ изданіяхъ, или въ Повременникахъ (Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch. съ 1851, Beiträge съ 1856), издаваемыхъ Куномъ и Шлейхеромъ.

2) Періоды развитія и постепеннаго раздробленія индо-европейской семьи, опредѣляемые языкознаніемъ (Schleicher's: «Die deutsche Sprache» 1860. St. p. 80—4, его же «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ». Спб. 1865, особ. 59 и слѣд.) остаются до поры-времени голою схемою; они указываютъ лишь на отдаленную будущую возможность нѣкотораго возстановленія картины нравственнаго и матеріальнаго быта племенъ съ эпохи выхода ихъ изъ прародины; единственнымъ матеріаломъ здѣсь можетъ служить *Лексиконъ*, ср. «Прим.» на 11-й стр.

событіями ихъ жизни пополняли пробѣлы собственно славянской исторіи; но предположенія эти, часто счастливыя, имѣющія всѣ условія исторической достовѣрности, все же представляютъ малое пріобрѣтеніе сравнительно съ тѣмъ, чего можно и должно требовать отъ опредѣленной исторіи.... Съ запасомъ скудныхъ свѣдѣній изслѣдователь приходитъ къ началу такъ называемой исторической эпохи, когда часть племенъ индо-европейскаго корня отмѣчается родовыми именами венедовъ, сербовъ и славянъ вообще, но и здѣсь еще долго его преслѣдуетъ случайность свидѣтельствъ, пустота и скупость свидѣтелей, и только съ 8—9 вв. онъ начинаетъ чувствовать подъ собою твердую историческую почву. При такомъ состояніи нашихъ свѣдѣній о древнѣйшемъ бытѣ славянъ нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографической науки, о томъ, чтобы представить *постепенныя измѣненія быта отдѣльныхъ славянскихъ племенъ.* Владѣя незначительнымъ количествомъ отрывочныхъ данныхъ, изслѣдователь можетъ удовлетворить историко-этнографическимъ требованіямъ лишь тѣмъ, что, опираясь на аналогіи и сравнительныя наведенія, онъ отмѣтитъ *относительную* древность нѣкоторыхъ фактовъ народной жизни, укажетъ приблизительно обще-славянское или только племенное, единичное ихъ бытованіе, и сдѣлаетъ *вѣроятныя предположенія* о тѣхъ условіяхъ быта, среди которыхъ возникли эти явленія; въ общемъ же способѣ изложенія онъ поневолѣ долженъ слѣдовать не *историко-этнографическому, но систематическому* порядку. Еще яснѣе окажется неизбѣжность такого способа изложенія, когда мы взглянемъ на отличительный характеръ нашего предмета.

Обыкновенно думаютъ, что народные обычаи идутъ тѣмъ же путемъ историческаго развитія, какому слѣдуютъ и всѣ другія явленія жизни и дѣятельности человѣка, что изслѣдовать ихъ должно историко-генетическимъ методомъ, въ связи съ постепеннымъ ростомъ и измѣненіями народной жизни; но такое мнѣніе справедливо только на первый взглядъ: при болѣе внимательномъ

изученіи предмета оно оказывается примѣнимымъ лишь къ незначительному числу явленій внутренней жизни народа; вообще же — сфера народнаго обычая не подлежитъ закону *органическаго* жизненнаго развитія, и не можетъ быть изслѣдуема по обыкновенному *историческому* методу. Если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ — историкъ имѣетъ дѣло съ явленіями дѣйствительной, настоящей жизни, онъ идетъ по ихъ горячему слѣду, можетъ отыскать причину явленія, слѣдить за его дѣйствіемъ и послѣдствіями, словомъ — явленія представляются ему въ постоянномъ соотвѣтствіи и неразрывной связи съ жизнью... Совсѣмъ иное положеніе изслѣдователя стародавнихъ обычаевъ и обрядовъ: только въ исключительныхъ, счастливыхъ случаяхъ онъ въ состояніи уловить живую связь между явленіемъ и жизнью, прошедшая жизнь обращена къ нему преимущественно не живою, вѣчно обновляющеюся, вѣчно юной своей стороной, гдѣ играетъ разнообразіе страстей и столкновеній, но стороной — если такъ можно выразиться — палеонтологической, областью жизни окаменѣлой, утратившей свой опредѣленный смыслъ и подверженной лишь неорганическимъ превращеніямъ.

По большей части суевѣрный обычай или обрядъ идутъ отъ временъ незапамятной, глубокой древности: откуда и какъ бы ни образовались они, но однажды войдя въ народную жизнь, они получаютъ такую стойкость, которую поколебать не могутъ и вѣковые перевороты въ бытѣ и народныхъ понятіяхъ: нужды нѣтъ, что обычай или обрядъ расходится съ жизнью и даже противорѣчитъ ей: къ нему относятся безсознательно и безотчетно, съ суевѣрнымъ уваженіемъ, его берегутъ, какъ унаслѣдованную отъ праотцевъ, непонятную святыню и твердо вѣрятъ, что всякое отступленіе отъ него ведетъ за собою неминуемое наказаніе. Стремленіе согласить поступки съ убѣжденіями у каждаго народа бываетъ плодомъ долгой жизни, обильной опытомъ, богатой знаніями и развитіемъ, потому — неудивительно, что и въ древности и въ настоящее время въ жизни народа бытовало и бытуетъ много безотчетныхъ и несогласныхъ съ ея поряд-

ками — обычаевъ, они являются иногда полновластнымъ распорядителемъ житейскаго обихода, но въ сущности представляютъ начало мертвое, чуждое живаго, сознательнаго соотвѣтствія съ текущей жизнью. Согласно этому — и *измѣненіе* народныхъ обычаевъ рѣдко указываетъ на движеніе жизни: оно повинуется не закону историко-органическаго развитія, а случайностямъ механическаго осложненія, порчи или утраты; требованія жизни не проходятъ даромъ: старый обычай осложняется новыми приставками, новые обычаи и обряды одновременно бытуютъ со старыми или сливаются съ ними, такъ что не рѣдко обычай представляетъ собою неорганическій сплавъ разнородныхъ и разновременныхъ частей; равнымъ образомъ и исчезновеніе обычая изъ житейскаго обихода случается не въ совмѣстномъ историческомъ соотвѣтствіи съ исчезновеніемъ потребностей, его породившихъ: и по миновании видимой нужды въ немъ, онъ, какъ мы выше замѣтили, живетъ и дѣйствуетъ еще цѣлые вѣка и тысячелѣтія, опираясь на обаятельное дѣйствіе преданія на суевѣрный умъ простолюдина; вымираетъ же обычай или отъ причинъ внѣшнихъ, или въ силу ослабленія народной памяти.

Такой неорганическій характеръ обычая и обряда отнимаетъ у изслѣдователя бытовой древности всякую возможность идти путемъ строгаго историко-генетическаго метода, и ставитъ его чуть ли не въ ложное положеніе: онъ долженъ говорить о мертвомъ обычаѣ среди живой жизни: его исторія всегда будетъ — такъ сказать — исторіей задняго числа, а хронологія — всегда неисторическая; допустивъ даже, что, путемъ анализа и наведеній, онъ сумѣетъ вскрыть нѣкоторыя черты дѣйствительнаго быта, затаенныя въ обычаяхъ, все же онъ можетъ назначить имъ только гадательныя, общія жизненныя помѣты, не какими нибудь опредѣленными историческими періодами, но широкими стадіями народнаго развитія, напр. эпохой кочевья, бытомъ звѣролововъ, пастуховъ или осѣдлыхъ земледѣльцевъ; къ тому же — здѣсь онъ и остановится: вмѣсто историческаго развитія, далѣе онъ будетъ отмѣчать лишь историческіе наросты и осложненія.

Очевидно, что и со стороны *предмета* задача изслѣдователя погребальныхъ обычаевъ языческихъ славянъ опредѣляется только *систематическимъ* изложенiемъ и объясненiемъ фактовъ: заботясь уловить связь между глухимъ явленiемъ и жизнью, когда-то въ немъ трепетавшею, онъ долженъ, по возможности, раскрыть первоначальный смыслъ, причины возникновенiя и бытованiя извѣстныхъ обычаевъ.

Источники.

ЯЗЫКЪ.

Осмотримъ источники нашего предмета. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, конечно, свидѣтельствамъ *языка*, этого вѣрнѣйшаго и иногда единственнаго свидѣтеля былой жизни народовъ.

Древнѣйшiе памятники славянскаго языка по содержанiю своему почти исключительно *церковные и переводные:* такихъ, которые представляютъ попытку выразить самостоятельную мысль, вообще немного, да и они, служа дѣлу новой религiи, рѣдко уклоняются въ мiрскiе интересы и еще рѣже — развѣ для поученiя — касаются частныхъ порядковъ и явленiй языческой жизни. Это исключительно христiанское направленiе древнѣйшей славянской письменности объясняетъ намъ, почему въ ея памятникахъ мы находимъ очень небогатый запасъ словъ и выраженiй, обозначающихъ понятiя о загробной жизни и порядки погребальнаго обихода языческихъ славянъ; но предполагать существованiе такихъ словъ и выраженiй невозможно: если были особые предметы и понятiя, то должны были быть и особые термины и слова, ихъ выражающiе; но, кажется, что изъ нихъ до насъ дошли только немногiе, или случайно оброненные въ памятникахъ, или усвоенные письменностью и дальнѣйшимъ языкомъ, потому что они не слишкомъ рѣзко противорѣчили хри-

стіанскимъ понятіямъ и могли быть безъ соблазна примѣнены къ ихъ выраженію. Щедрѣе, чѣмъ письменные памятники, былъ языкъ народный: какъ въ жизни простолюдина сохранилось много суевѣрныхъ остатковъ язычества, такъ и въ языкѣ — много словъ и терминовъ для выраженія понятій о загробномъ мірѣ и погребеніи, указывающихъ на факты древней языческой жизни славянъ; но и здѣсь многое уже вывѣтрилось, получило иное знаменованіе, а иногда даже замѣнилось чужеземнымъ, такъ что для возстановленія силы этихъ свидѣтелей необходима ученая реставрація.

Факты языка насъ занимаютъ бытовымъ своимъ содержаніемъ, насколько въ нихъ отразились черты дѣйствительности или факты былой народной жизни; но изслѣдованіе ихъ съ этой стороны представитъ много затрудненій, если не принять во вниманіе показаній другихъ источниковъ: народныхъ вѣрованій, обычаевъ, извѣстій письменныхъ; а допустивъ ихъ, мы увеличимъ повторенія въ нашемъ изслѣдованіи, представляющемъ и безъ того ихъ немало, потому намъ показалось удобнымъ дать мѣсто разсмотрѣнію фактовъ языка (какъ древняго, такъ и нынѣшняго народнаго — областнаго), относящихся къ нашему предмету — въ дальнѣйшихъ, и въ особенности — въ заключительной — частяхъ изслѣдованія, когда къ тому представится свой поводъ и мѣсто; здѣсь же нелишнимъ будетъ обозначить общіе пріемы, какимъ слѣдуемъ мы при употребленіи этого источника, и осмотрѣть только тѣ факты, которые или вызываютъ сомнѣнія, или, хотя повидимому и относятся къ предмету, но должны быть вовсе устранены при изслѣдованіи погребальной *языческой* древности.

Разсматривая языкъ, какъ свидѣтеля народнаго быта, необходимо имѣть въ виду *первоначальное, коренное значеніе словъ*, т. е. опредѣленіе того природнаго, живаго явленія, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ котораго образовалось и вступило въ жизнь извѣстное слово; важно такое опредѣленіе потому, что и измѣняясь въ своемъ значеніи, слово по большей части не

окончательно отступаетъ отъ своего природнаго смысла, но только развиваетъ его: предлагая тк. обр. возможность возстановить фактъ древняго быта, оно даетъ объясненіе обычаямъ и понятіямъ, на первый взглядъ лишеннымъ всякаго основанія; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что коренное значеніе и природный смыслъ слова могли поблекнуть еще въ глубокую старину, еще до образованія отдѣльныхъ племенныхъ, этнографическихъ особей: у славянъ оно могло бытовать съ значеніемъ, далеко отошедшимъ отъ первоначальнаго, потому заключенія о фактахъ *славянской* жизни по коренному значенію словъ требуютъ широкой повѣрки иными явленіями; вообще — безопасно допущенный въ *объяснительномъ* отношеніи, корнесловъ обязываетъ изслѣдователя къ крайней осторожности, если онъ захочетъ исключительно на его основаніяхъ возстановлять факты особнаго славянскаго быта. Хотя этотъ предметъ славянской науки до сихъ поръ мало обработанъ, однако, пользуясь трудами современныхъ лингвистовъ[1]), если не всегда можно предложить достовѣрное, положительное, то по крайней мѣрѣ уже можно надѣяться избѣгнуть неосновательныхъ сравненій и догадокъ.

За корнесловнымъ значеніемъ для насъ важно *этнографическое распространеніе словъ*, т. е. опредѣленіе ихъ принадлежности: употреблялись ли они у всѣхъ славянскихъ племенъ, или только у нѣкоторыхъ, самобытны ли они, или обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію другихъ, чуждыхъ народовъ. Это можетъ дать историческія помѣты фактамъ. Впрочемъ, рѣшительныя заключенія здѣсь еще болѣе могутъ быть рановременны и

---

1) Обозначаемъ пособія, которыми мы пользовались: Bopp, Glossarium sanscriticum comparativum. Ber. 1867; Diefenbach, Lexicon comparativum linguarum indo-germanicarum. Fr. am. M. 1851 г. 2, г.; Pott, Wurzel-Wörterbuch der Indo-germanischen Sprachen. Detm. 1867, 2; v. Ejusdem, Etymologische Forschungen, 1-ое изданіе т. 1-ый 1833.; Benfey, Griechisch. Wurzellexicon. Ber. 1839—42. 2 v.; G. Curtius, Grundzüge der Griechisch. Etymologie. L. 1865; сверхъ этого и другими частными изслѣдованіями, которыя обозначаемъ въ своемъ мѣстѣ.

ошибочны: слово, жившее въ старину у *всѣхъ* славянскихъ племенъ, могло съ теченіемъ времени у *нѣкоторыхъ* утратиться и замѣниться новымъ, могло оно, сохраняясь и до сихъ поръ въ языкѣ народа, пройти незамѣченнымъ наукою и быть незанесеннымъ въ извѣстные словари славянскихъ нарѣчій; равнымъ образомъ и заимствованіе слова изъ чужи еще не свидѣтельствуетъ о чужеземномъ источникѣ того явленія, которое имъ обозначается: заимствованіе словъ не всегда есть слѣдствіе нужды, но часто бываетъ дѣломъ случайности или переимчивости, которою иногда безъ нужды увлекаются общества и даже цѣлыя племена.

Весь запасъ славянскихъ словъ, выражающихъ понятія о загробномъ существованіи и предметы погребальнаго языческаго обихода, можетъ быть, какъ кажется, раздѣленъ на четыре отдѣла: во-первыхъ, слова древнія, не принятыя христіанскимъ образованіемъ въ силу ли ихъ языческаго значенія или потому, что они могли быть замѣнены другими, болѣе близкими къ христіанскимъ понятіямъ; во-вторыхъ, слова также древнія, но усвоенныя христіанствомъ, потому что они, не противорѣча его истинамъ, легко примѣнились къ ихъ выраженію; въ-третьихъ — слова и выраженія, изобрѣтенныя вслѣдствіе ли благочестиваго желанія передать христіанскія представленія и понятія, не прибѣгая къ языческимъ терминамъ, или по несуществованію послѣднихъ для выраженія такихъ понятій и наконецъ — слова заимствованныя; мы не упоминаемъ здѣсь о словахъ описательныхъ, каковы напр. *похороны*, *поминки*, *кончина* и т. д.: они идутъ ко всякой эпохѣ и ко всякой религіи, гдѣ существуетъ погребальный ритуалъ.

Очевидно, что для насъ важны слова первыхъ двухъ категорій; другія, впрочемъ немногочисленныя, не идутъ къ дѣлу, но во отстраненіе сомнѣній, мы осматриваемъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка: Изборникѣ 1073 года, Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ, переводѣ словъ Григорія Богослова и т. д. — греческій παράδεισος и

произв. прилаг. — передаются по-славянски словами: порода, породьный, — скый, греческое же γέεννα — словами: родъ, родьство, родъ огньный, родьстко огьно или огненное огнь родный или родьственый[1]). Слова эти никакъ нельзя принимать за народныя и дѣйствительныя, тѣмъ менѣе можно искать въ нихъ слѣдовъ древняго языческаго быта: передавая греч. παράδεισος словомъ порода, переводчики желали, какъ кажется, избѣжать употребленія языческаго термина — рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ[2]). Родъ, родьстко въ значеніи геены явились: во-первыхъ, вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ язычника, во-вторыхъ же, по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: γέεννα и γενεά, γέννησις=родъ, родьство; въ другихъ памятникахъ γέεννα передается описательнымъ выраженіемъ — кзеро горящее или огньное (Miklos. Lex. p. 1155), и не имѣй мы равносильнаго греческаго λίμνη τοῦ πυρός — можно было бы думать, что въ образованіи его участвовали языческія воспоминанія о грозовомъ облачномъ (облако=воздушное море или озеро) мѣстопребываніи душъ усопшихъ. Въ Евангеліи 1307 г. греч. ᾅδης переводится выраженіемъ темный овиизъ[3]), но это передача буквальная древне-классическаго представленія о мрачномъ жилищѣ тѣней.

Остановимся еще на другихъ словахъ.

---

1) Востоковъ, Словарь церковно-славян. языка т. 1. 155, 310; Miklosich, Lexicon palaeosloven. W. 1864. p. 629, 802.

2) См. Описаніе рукоп. Синодал. библ. отд. второй (т. 3-ій М. 1859), стр. 114, 149, 261, 398, 428 и т. 2-ой (М. 1857) стр. 12.

3) Буслаевъ. Палеограф. и филологич. матеріалы для ист. письменъ. М. 1855. стр. 33. Удивительно, однако же, что эти *придуманные* термины придуманы разными лицами почти въ *одно* и *то же время*, ибо встрѣчаются въ различныхъ *одновременныхъ* памятникахъ; быть-можетъ, они идутъ изъ одной школы, отъ одного учителя.

Въ чешскихъ глоссахъ къ С.-Галленскому Словарю (Mater verborum) мы находимъ слово *sarouisce* — жаровище, имъ передается латинское «pira, rogus i lignorum constructio, in quo mortui comburuntur». Этому термину Воцель усвоивалъ погребальное значеніе, заключая отсюда, что многія, сходныя съ нимъ, имена мѣстностей въ *Чехахъ* и въ Моравѣ обозначаютъ именно мѣста, гдѣ въ древности сожигались тѣла усопшихъ славянъ [1]). Нельзя отрицать, что терминъ *жаровище* могъ имѣть встарину и погребальное значеніе, но едва ли это значеніе было *исключительное*, и потому едва ли справедливъ выводъ, изъ него сдѣланный: кажется, что слово имѣло болѣе общее значеніе мѣста, гдѣ дѣйствовалъ огонь (такъ и въ новоболгарскомъ имъ обозначается очагъ), что глоссаторъ къ готовому латинскому тексту прибралъ только *описательное* чешское выраженіе, которое столь же мало указываетъ на языческую древность, какъ и церковно-славянскія слова: *жаратъкъ, жератъкъ.*

Шафарикъ [2]) предполагалъ, что русское слово *бугоръ*, происходя будто бы отъ *Бог*, имѣетъ религіозное значеніе, и такимъ образомъ здѣсь какъ бы замѣчаются слѣды религіознаго поклоненія мертвымъ; но *бугоръ* въ русск. яз. никогда не значитъ собственно Grabhügel = могила: это только возвышеніе всякаго рода, притомъ — вѣрнѣе будетъ думать, что это слово сложное, подобно чешск. *pa-hor*, — *rek*, *pa-hrb*, польск. *pa-górek* [3]).

Нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются, чтобы слово *курганъ* было тюркскаго происхожденія (новоперс. gur-chanê = могильный домъ, или джагатайск. kurgàn †); они готовы допустить его славянское происхожденіе и образованіе per metathesin изъ *круг—анъ*, но такое мнѣніе не имѣетъ никакихъ основаній: чужеземное происхожденіе слова видно уже изъ того, что это

1) Wocel, Grundzüge d. böhmisch. Alterthumsk. Pr. 1845, p. 57.

2) Schaffarik, Die Abkunft der Slaven. Of. 1828, p. 129.

3) Хотя невольно приходитъ на мысль и сближеніе этого слова съ древн. buhil, нын. bühel.

† Muchlinski, Zródtostównik. Pet. 1858, p. 72.

слово — не народное, его нѣтъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, кромѣ русскаго книжнаго, куда оно зашло отъ южныхъ тюркскихъ сосѣдей, хотя — еще въ давнее время (*половчьскый курганъ* упоминается въ 1 новгород. лѣтописи подъ 1224 год.).

Погостъ (παγος, pagus?) въ нынѣшнемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ кладбища, мѣста погребенія; основываясь на этомъ, пок. Неволинъ предполагалъ, что такое значеніе слово могло имѣть и въ языческой старинѣ, что погосты тогда были мѣстами общественнаго богослуженія, когда совершались и празднества въ честь усопшихъ, увеселенія и угощенія ихъ [1]); но въ древнихъ русскихъ памятникахъ IX — XIV вв. сл. погостъ употребляется для обозначенія сельбища въ родѣ слободы или села, позднѣе оно значитъ приходъ церковный, и нигдѣ не видно, чтобы оно имѣло языческое религіозное или погребальное знаменованіе, такъ что послѣднее должно отнести ко вліянію христіанства, гдѣ до XVIII в. умершихъ хоронили на церковныхъ дворахъ.

Покутъ, покута въ обл. смолен. = кладбище и служеніе по покойникѣ: поставивъ эти наименованія въ связь со словомъ *кутъ* — уголъ внутри избы или дома, можно прійти къ догадкѣ, что они скрываютъ отголоски языческой старины, что прахъ мертвыхъ отцовъ, покровителей родного крова, останки ихъ — хоронились въ главномъ углу жилища, какъ домашняя святыня, позднѣе же, подъ вліяніемъ христіанства, терминъ получилъ общее знаменованіе мѣста покоя усопшихъ....; догадка сама по себѣ ничуть не странная: въ подтвержденіе ея можно привесть много суевѣрныхъ обыкновеній и понятій народа, не мало и положительныхъ свидѣтельствъ изъ старины родственныхъ племенъ [2]); но допустить ее въ настоящемъ случаѣ едва ли возможно, потому что эти термины — очевидно христіанскіе: они идутъ отъ слова *каяти-ся* и имѣютъ въ разныхъ нарѣчіяхъ нравственно-

---

1) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, въ Записк. Географическаго Общества т. VIII, Спб. 1853, стр. 86—90. Сравни Извѣстія II отд. Акад. Наукъ т. 2, 1853 г. стр. 259—267.

2) Rochholz, Deutscher Unsterblichkeitsglaube. B. 1867. p. 227 sq.

церковное значеніе покаянія, покаяннаго служенія, мѣста и его юридическое значеніе наказанія (Jungm. III, 256; Linde, IV, 294).

Kar словац. и *Karmine*, — а серб.-хорват. = поминки, погребальный пиръ — кажется должно признать заимствованными отъ другихъ народовъ: въ этомъ убѣждаетъ насъ совершенное одиночество словъ въ славянскихъ лексиконахъ и сличеніи съ готск. *Kara* = sorge, kümmerniss, klage, др. в. н. *charôn* = lamentari, нов.-н. *char-freitag;* нижн.-н. *karmen* = wehklagen и наконецъ, латин. *carmina* (super mortuos?).

Хаутуры, калтуры въ бѣлорус. = похороны и въ тѣсномъ значеніи: сѣтованіе по мертвомъ еще до погребенія, терминъ чужеземный, заимствованный изъ Шкипетарскаго: κελας — хороню, прячу, причаст. фор. ε καλτουρα — похороны [1]). Трудно опредѣлить, какъ зашло это слово на Русь, быть-можетъ съ переселенцами, или еще въ то время, когда волохи пошли на дунайскихъ славянъ и «сѣли въ нихъ».

Непонятнымъ остается для насъ слово *коломище,* которое встрѣчается въ русскихъ памятникахъ [2]) въ смыслѣ мѣста погребенія. Но всего менѣе пригодны для насъ слова заимствованныя и притомъ въ позднюю эпоху, таковы: *труна, трумна,* употребляемое въ малороссійскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ для обозначенія гроба: это испорченное средне-латинское tumba; *truhla* — въ нарѣчіяхъ чешскомъ, словац. и лужицкомъ = ящикъ, потомъ — гробъ, кажется нѣмецкое die Truhe; млр. *цвынтарь,* польск. cmentarz = латинское coemeterium или греческое κοιμη-

---

1) Извѣстія 2-го отд. Академіи Наукъ, т. X, стр. 151. Hr. E. Tyszkiewicz. Rzut oka na zrzódla Archeologii krajowej. Wil. 1842. 6 str. w przep.

2) Древняя Россійская Вивліоѳика, часть XIV, М. 1790 г. стр. 149 и 172: «и мертвыхъ де своихъ они кладутъ въ селѣхъ по курганамъ и по *коломищемъ*». *Дуричь* (Bibliotheca Slavica. I, Win. 1795, p. 78) приводитъ одно мѣсто изъ грамоты Лудовика 832 г., которое, кажется, можетъ навести на объясненіе слова: «usque ad medium *montem*, qui apud Uuinidas Colomezza vocatur» = *коло — межа; ище* — русск. окончаніе увеличительнаго, потому *коломище* = холмище = гора.

τήριον; рус. *костъръ*, взятое, быть-можетъ, изъ древне-сѣвернаго köstr или греч. καύστρα, — στήριον [1]).

Когда и какимъ путемъ ни зашли бы къ намъ эти термины, но очевидно, что они не имѣютъ ничего общаго съ языческимъ бытомъ славянъ.

НАРОДНЫЙ БЫТЪ.

Въ суевѣрныхъ обычаяхъ простого народа до сихъ поръ сохраняются черты далекой старины; онѣ уцѣлѣли силою непрерывнаго преданія, связующаго отходящія поколѣнія съ нарождающимися, которыя не сумѣли или не чувствовали нужды замѣнить эти старые порядки — новыми. Привязанность къ старинѣ, полагая иногда серіозныя преграды успѣхамъ народной мысли и образованности, имѣетъ, такимъ образомъ, ту добрую сторону, что даетъ наукѣ средства оживить многія страницы древней жизни — поясненіемъ ли темныхъ намековъ другихъ показаній, или возстановленіемъ того, что́ вовсе забыто или обойдено ими. Важное значеніе народнаго быта, какъ источника науки древности, уже признано и оправдано, по крайней мѣрѣ — на столько, что попытка воспользоваться его матеріаломъ уже не можетъ показаться неумѣстною; напротивъ — она тѣмъ необходимѣе, что есть и достаточныя средства итти надежной дорогой къ заключеніямъ достовѣрнымъ и важнымъ.

Выше (стр. 14—16) мы имѣли поводъ отмѣтить особенности исторической жизни обычаевъ и опредѣлить по отношенію къ нимъ общую задачу изслѣдователя древности; теперь — время опредѣлить основанія, которыхъ мы будемъ держаться, допуская тѣ или иные обычаи въ кругъ нашего разсмотрѣнія и предлагая объясненія ихъ.

Суевѣрный народный обычай почти всегда есть окаменѣлый, измѣненный временемъ и случайностями жизни, поблекшій и вы-

---

1) Юнгманъ (Slownik II, 141) и нѣкоторые другіе принимаютъ славянское происхожденіе этого слова, какъ kostraun, k-ostr-y, kostraty, рус. кострома, — убатый, — убъ.

вѣтрившійся — образъ явленія, имѣвшаго когда-то свой смыслъ и достаточную причину своего существованія....; такъ должно думать, потому что, думая иначе, въ исторію пріидется внести огромную массу явленій безсмысленныхъ и безпричинныхъ. Но не всякій бытующій въ народѣ суевѣрный обычай есть непремѣнно остатокъ далекой языческой старины: каждое время можетъ творить новые обычаи и порядки, какъ только представляется въ томъ потребность и возможность исполненія; дальнѣйшее движеніе жизни создаетъ новые, уноситъ многіе изъ старыхъ, но не всѣ; часто цѣлые вѣка они продолжаютъ свое существованіе подъ видомъ унаслѣдованныхъ суевѣрныхъ привычекъ и обыкновеній; съ ними тѣмъ труднѣе бываетъ разстаться, чѣмъ менѣе извѣстна ихъ причина и происхожденіе; такимъ образомъ, каждое время можетъ оставить въ наслѣдство другому и многіе суевѣрные обычаи, потому нѣтъ основаній сводить всю массу суевѣрій, облекающихъ нынѣ народную жизнь, къ единственному источнику языческой древности: это — результатъ всего прожитаго до настоящаго дня, а не одной какой-нибудь исключительной эпохи, здѣсь собрались разнородныя воспоминанія, слѣды различныхъ временъ и вліяній[1].... Такъ, весь запасъ народныхъ обычаевъ, относящихся къ концу человѣческой жизни и погребальному обряду, представляетъ собою нестройный сборъ разновременныхъ и разнохарактерныхъ явленій: одни, дѣйствительно— идутъ изъ далекой до-христіанской старины, другіе видимо образовались впослѣдствіи, подъ вліяніемъ новыхъ началъ, наконецъ— третьи не носятъ никакой опредѣленной помѣты и одинаково могутъ быть усвоены всякому времени: древнему, какъ и новому; языческому, какъ и христіанскому.

Задача наша указываетъ, что мы должны принять во вниманіе только древніе обычаи, идущіе изъ языческаго источника.

---

1) Для примѣра стоитъ вспомнить здѣсь только одинъ фактъ русской старины, именно — возникновеніе многихъ суевѣрныхъ понятій и обычаевъ отъ чтенія книгъ *апокрифическихъ*, которыя уже никакъ нельзя отнести къ языческой славянской древности.

Древность ихъ опредѣляется для насъ столько же согласіемъ и связью ихъ съ древнимъ бытомъ, языческими вѣрованіями и воззрѣніями на загробное существованіе, сколько и отсутствіемъ такой внутренней связи ихъ съ христіанскими вѣрованіями и понятіями. Погребальный обрядъ относится къ явленію жизни, въ христіанскомъ смыслѣ важному и знаменательному: съ нимъ связанъ догматъ о будущемъ воскресеніи, вѣчномъ духовномъ блаженствѣ праведныхъ и вѣчной мукѣ грѣшныхъ; христіанская религія не могла произвести погребальныхъ порядковъ, неосвященныхъ присутствіемъ такой высокой мысли, она не могла вызвать и укрѣпить обычаи, которые своимъ земнымъ, матеріальнымъ характеромъ такъ рѣшительно противорѣчили ея истинамъ; потому, находя въ погребальныхъ обычаяхъ несогласіе съ религіозными основаніями христіанства, должно думать, что сила, создавшая такіе обычаи, была иная, именно — предшествовавшія воззрѣнія и вѣрованія народа. Немаловажнымъ признакомъ древности обычаевъ можетъ служить и тожество или сходство ихъ съ однородными фактами жизни другихъ родственныхъ племенъ, хотя отсюда не *всегда* еще можно заключать о непремѣнномъ происхожденіи этихъ явленій въ эпоху племеннаго единства: одинакія воззрѣнія и условія жизни могутъ и въ позднее время породить одинаковые обычаи у различныхъ племенъ.

Суевѣрныя обыкновенія, происхожденіе которыхъ остается сомнительнымъ: древнему — языческому, или новому времени принадлежатъ они — не входятъ въ наше разсмотрѣніе, по большей части они случайны и вообще мало имѣютъ историческаго значенія.

Теперь о *способѣ объясненія* обычаевъ: онъ опредѣляется ихъ происхожденіемъ и причиною, которыя, въ главныхъ чертахъ, уже получили въ наукѣ свое обозначеніе. Причина возникновенія обычаевъ есть причина — жизненная: стремясь дать осязательную форму своимъ мыслямъ, удовлетворить матеріальныя и нравственныя потребности своей природы и жизни, народъ приводится къ извѣстнымъ поступкамъ и пріемамъ дѣйствія, ко-

торые и крѣпнутъ въ обычай. Такъ произошли вообще всѣ древніе обычаи, но одни изъ нихъ явились путемъ завѣдомо разумнаго побужденія, иначе вслѣдствіе сознательнаго изобрѣтенія, или исторической необходимости, другіе возникли, какъ бы помимо воли человѣка, дѣйствіемъ тѣхъ же внутреннихъ, природой въ него вложенныхъ силъ, которыя увлекаютъ его къ безсознательному творчеству и въ языкѣ и въ поэзіи.

Поставленный ребенкомъ предъ природою, человѣкъ въ началѣ и поступалъ, какъ ребенокъ: могучія явленія природы, міръ небесныхъ чудесъ, представлялись его младенческому уму и живой фантазіи въ образахъ *дѣйствій и отношеній* живыхъ, болѣе чѣмъ онъ сильныхъ, существъ; пораженный ихъ впечатлѣніемъ и движимый врожденнымъ стремленіемъ дѣйствовать или нуждой, онъ невольно подражалъ на землѣ тому, что́, по его понятіямъ, происходило въ сферѣ небесной; конечно — подражалъ не вездѣ и не безсмысленно, но тамъ, гдѣ его умъ, слѣдуя первымъ заключеніямъ, открывалъ какое-нибудь соотношеніе между явленіями и понятіями: желая, напр., низвести дождь на свои поля, человѣкъ-младенецъ производилъ громъ орудіями, такъ какъ онъ замѣтилъ, что въ природѣ гроза обыкновенно разражается дождемъ. Имъ руководитъ здѣсь столько же безсознательное стремленіе ребяческой переимчивости, сколько и не менѣе ребяческая мысль, что поступая тк. обр., онъ даетъ своей жизни порядокъ, обезпечитъ ея благосостояніе, отвратитъ грозящія несчастія, словомъ — достигнетъ того, чего желаетъ: его развивавшееся религіозное чувство заставляло въ небесныхъ явленіяхъ предполагать нравственный и благой смыслъ, и тѣмъ скорѣе онъ бралъ отсюда образцы для своихъ дѣйствій....

Какъ *миѳы* были невольнымъ выраженіемъ поэтическихъ воззрѣній народа на міръ, невольными формами его мысли, стремившейся понять и объяснить явленія природы, такъ многіе обычаи были столь же невольнымъ житейскимъ осуществленіемъ этихъ воззрѣній и мыслей: народъ переносилъ ихъ въ среду дѣй-

ствительной жизни и примѣнялъ къ различнымъ ея обстоятельствамъ и случайностямъ.

Это — обычаи *мифическаго источника;* число ихъ въ глубокую старину было гораздо значительнѣе числа тѣхъ, которые явились вслѣдствіе сознательнаго опыта жизни, какъ прямой выводъ ума изъ необходимыхъ и случайныхъ явленій быта, потому что послѣдніе подвержены безпрерывному историческому превращенію, первые же, рано получивъ религіозное значеніе, окрѣпли въ темное суевѣріе, которое долго жило, еще и теперь живетъ въ быту простого народа; ибо что̀ завѣдомо создано рукой его, то можетъ быть нарушено при первомъ случаѣ необходимости, переданная же отъ прадѣдовъ темная святыня уступаетъ только силѣ времени и просвѣщенія.

Двумя источниками: миѳическимъ и бытовымъ, еще однако не объясняется происхожденіе всѣхъ обычаевъ: есть между ними такіе, которые создались исключительно *силой языка,* вслѣдствіе забвенія первоначальнаго значенія словъ и тожества именъ при обозначеніи различныхъ предметовъ: называя, напр., *тучу* (облако) и *корову* однимъ и тѣмъ же именемъ go (по родству внѣшняго впечатлѣнія предметовъ), индусъ эпохи Ведъ въ погребальномъ гимнѣ возсылалъ пожеланія, чтобы душа усопшаго была перенесена *облакомъ* въ обитель блаженныхъ отцовъ; но когда, позднѣе, помутилось значеніе термина, тогда возникъ странный обычай приводить къ умирающему *корову*, держась за которую, онъ думалъ облегчить душѣ переходъ въ вѣчное жилище.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы увидимъ, что дѣйствительно одни изъ погребальныхъ обычаевъ могутъ быть объяснены не иначе, какъ запасомъ *миѳическихъ воззрѣній* народа на явленія смерти, существо души и ея посмертное бытіе (будутъ ли это — обычаи *природоподражательные*, или они возникли по требованію мысли — разница не велика), другіе вышли изъ *историческихъ обстоятельствъ* или *условій быта;* найдутся, конечно, и обычаи происхожденія *лингвистическаго*, но чтобы объяснить эту сторону предмета, необходимо имѣть гораздо болѣе средствъ,

чѣмъ какими въ настоящее время располагаетъ изслѣдователь славянской древности: мы разумѣемъ здѣсь слабость сравнительной разработки лексикона славянскихъ нарѣчій.

Пройдя чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, испытавъ рѣшительное вліяніе новой, высшей религіи, погребальные обычаи не могли уцѣлѣть въ своей рѣзкой, оригинальной формѣ: многія древнія стороны ихъ ушли вмѣстѣ съ жизнью или поблекли, другія — смягчились и получили иное знаменованіе. Возстановить черты древности здѣсь можно только при посредствѣ сравнительныхъ сопоставленій и сближеній съ однородными явленіями жизни другихъ родственныхъ племенъ, ибо они, болѣе насъ богатые свидѣтельствами старины, часто могутъ указать еще живые образы тѣхъ явленій, отъ которыхъ у насъ лишь одни глухіе отголоски; но опредѣливъ свою задачу изслѣдованіемъ погребальныхъ обычаевъ языческихъ *славянъ*, мы находимъ нужнымъ ограничить употребленіе сравнительнаго метода: матеріалъ, предлагаемый стариной родственныхъ племенъ — для насъ не *цѣль*, но только *объяснительное средство*, значеніе его мы измѣряемъ фактами славянской жизни и потому оставимъ безъ вниманія всѣ тѣ, сами по себѣ важныя и любопытныя, явленія его, которыя не находятъ прямаго соотвѣтствія съ славянской стариной, могутъ быть обходимы или ничего не даютъ для ея объясненія. Спора нѣтъ, что необходимо въ наукѣ и сопоставленіе различій: этимъ ярче оттѣняется этнографическая сторона быта различныхъ племенъ, но или теперешнія средства науки слабы, или частныя наши средства, только — въ области погребальной старины индо-европейскихъ племенъ мы не усматриваемъ такихъ противоположностей, которыя могли бы повести къ важнымъ этнографическимъ заключеніямъ: большинство обычаевъ вышло изъ общаго источника и, вѣроятно, еще въ доплеменную эпоху исторія дѣйствовала на нихъ слабо — и вотъ почему, при богатствѣ сходства, мы встрѣчаемъ здѣсь такъ мало различій, имѣющихъ историко-этнографическое значеніе.

Погребальные обычаи миѳическаго источника помутились очень

рано: выходя изъ младенческаго возраста въ новыя формы быта, пріобрѣтая новыя понятія, народъ постепенно забывалъ смыслъ своихъ обычаевъ и держался ихъ только по преданію, можетъ-быть именно потому, что не могъ разрѣшить ихъ загадки; такимъ образомъ, прежнія *сознательныя* дѣйствія стали дѣйствіями темной и невѣдомой причины, безъ разумнаго отношенія къ жизни; и когда мы опредѣляемъ *смыслъ* ихъ, наши опредѣленія относятся не къ этому позднему времени ихъ неразумнаго существованія, но къ эпохѣ ихъ возникновенія и сознательнаго употребленія; иными словами: говоря о *смыслѣ* извѣстнаго обычая, мы не имѣемъ въ виду выразить, что именно *такъ* всегда понимаетъ ихъ и самъ народъ [1]), но желаемъ лишь указать затерянную причину явленія и поводъ его присутствія въ жизни.

Запасомъ бытовыхъ погребальныхъ фактовъ мы воспользуемся впослѣдствіи, въ связи со всѣми прочими данными предмета; здѣсь же остановимся только на тѣхъ явленіяхъ быта, которыя, хотя и не относятся прямо къ погребальному обряду, но по внутреннему родству съ нимъ могутъ имѣть нѣкоторое значеніе при его объясненіи.

Въ извѣстномъ трудѣ своемъ «о сожженіи тѣлъ» (Über das Verbrennen der Leichen), Я. Гриммъ высказалъ мысль, что способы казни преступниковъ стояли въ эпоху язычества въ соотношеніи съ жертвенными и погребальными обрядами, ибо что́ для мертваго было почестью, то для живого обращалось въ наказаніе [2]); вѣрную мысль эту еще съ бо́льшимъ правомъ можно распространить на послѣдующее время: можно думать, что подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій — древняя погребальная *почесть* прямо перешла въ *позорную казнь*. Уклонившійся съ прав-

1) Напротивъ — онъ всегда почти объясняетъ ихъ *другимъ* образомъ, и такія толкованія, будучи попыткой досужей позднѣйшей мысли, рѣдко чѣмъ могутъ служить при точномъ объясненіи обычаевъ; они любопытны совершенно въ другомъ отношеніи: въ нихъ безсознательно иногда высказываются посторонні я черты старинныхъ вѣрованій и понятій.

2) Kleinere Schriften, II (1865), p. 220—221.

ственнаго пути христіанина, преступникъ лишался права на *непостыдно мирную* христіанскую кончину: позорная жизнь заслуживала и вѣнца позорнаго, — и чтó же было позорнѣе стараго языческаго нечестія? Чѣмъ ближе можно было покарать преступника-христіанина, какъ не *языческою почестью?* Вотъ почему исполнительный обычай казни, если онъ не опредѣлялся чужеземными юридическими институтами (напр. римскимъ), почти всегда попадалъ въ колею языческаго погребальнаго обряда [1]).

Войдемъ въ нѣкоторыя частности.

Сожженіе на кострѣ — одинъ изъ обыкновенныхъ способовъ казни въ обычномъ правѣ славянской старины; ему подвергались тѣ личности, которыя, по народнымъ понятіямъ, стояли въ связи со злыми, враждебными человѣку, силами, таковы: вѣщія жонки-вѣдьмы, волхвы, вампиры [2]); согласно съ такимъ взглядомъ и законодательство усвоило эту казнь для колдуновъ, колдуній, еретиковъ и святотатцевъ [3]). Огонь является здѣсь не простымъ средствомъ казни, но имѣетъ особое назначеніе, какъ очистительная стихія. Сожженіе въ этихъ случаяхъ столько же — казнь, столько и забота объ успокоеніи души, огненное очищеніе ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ — очищеніе земли отъ губительнаго начала. Близость обычая съ языческимъ погребеніемъ — очевидна. Замѣчательны нѣкоторыя частныя черты обычая: кое-гдѣ у славянъ вѣдьмы сожигались на *терновомъ* огнѣ, вампировъ же прокалывали *терновымъ* коломъ и потомъ

1) Отсюда должны быть изъяты тѣ роды наказаній, которые опредѣлялись иными понятіями, таковы: отсѣченіе членовъ (головы, руки, ноги, уха, пальцевъ), казнь размычкой, т. е. привязываніе преступника къ дикому коню или хвосту его и т. д.

2) Полн. Собр. рус. Лѣт., т. III, подъ 1227 г.; т. V, подъ 1411. Wahylewič, въ Časopis Českého Museum, 1839, стр. 57, ibidem 1840, стр. 235, 237. Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. т. II. М. 1850, стр. 36 (слово Серапіона). Сожженіе живыхъ по поводу мороваго повѣтрія. См. П. Собр. рус. Лѣт., III (1841), 42 стр.

3) Уложеніе царя Ал. Мих. гл. I, Котошихинъ. О Россіи (изд. 1859), Спб. стр. 95—6; Полное собраніе русскихъ лѣтоп. т. IV подъ 1509 г.. Сожженіе вѣдуновъ и расколоучителей въ XVII—XVIII вв. — общеизвѣстно.

сожигали[1]). Если позволительно по криминальной практикѣ заключать о погребальной, то нельзя ли здѣсь допустить догадку, что и славянской старинѣ не былъ чуждъ обычай сожигать мертвецовъ на кострѣ изъ особаго рода дерева — терновника (сербск. глогъ); о такомъ обычаѣ у германцевъ говоритъ Тацитъ (id solum observatur ut corpora clarorum virorum *certis lignis* crementur....; Ger., cap. 27), и Гриммъ приводитъ рѣшительныя доказательства, что этотъ *извѣстный родъ* дерева былъ *тернъ* †. Догадка будетъ тѣмъ позволительнѣе, что съ одной стороны — обычай могъ образоваться еще въ эпоху племеннаго единства ††, съ другой — миѳически религіозное значеніе *терна*, какъ символа небеснаго огня, до сихъ поръ живетъ въ быту славянъ во множествѣ повѣрій и суевѣрныхъ обрядовъ[2]). Для погребальной старины, можетъ-быть, имѣетъ нѣкоторое значеніе и та черта, что иногда сожигали въ *срубѣ*[3]).

По Литовскому Статуту (Розд. 11, арт. 7), за убійство отца или матери — преступника сажали въ мѣхъ вмѣстѣ съ *псомъ, пѣтухомъ, ужомъ и кошкой*, затѣмъ — *топили въ водѣ;* равнымъ образомъ, въ народныхъ обычаяхъ въ старину бывали примѣры, что при моровомъ повѣтріи (или коровьей смерти), женщину, заподозрѣнную въ злыхъ умыслахъ, завязывали въ мѣшокъ съ кошкою и пѣтухомъ и топили или зарывали въ землю[4]). Въ погребальной старинѣ мы найдемъ не только прямыя соотвѣтствія, но и разгадку этихъ символовъ: тамъ они имѣютъ и достаточный смыслъ, и свою причину, тогда какъ здѣсь — они со-

---

1) Вагилевичъ loc. cit.; Arkiv za poviestnicu jugoslv. Кн. II, стр. 389, 421; кн. VII, 225; Поповъ, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847, стр. 221.

† Kleinere Schriften II, p. 244 и слѣд., 253 и слѣд.

†† Kuhn, Herabkunft des Feuers.... B. 1859, стр. 46, 236.

2) А. Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ.... М. 1858, стр. 307 и слѣд.

3) Такъ сожжены были извѣстные наши расколоучители въ 16—17 вв. См. «Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», passim.

4) Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники.... т. I, М. 1837, стр. 204; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа. Т. II. Спб. 1849, книга 7-ая стр. 14.

вершенно непонятны. *Потопить въ водѣ* преступника, *выбросить тѣло его въ рѣку или море* — обычай столь же нерѣдкій въ старинѣ, какъ и сожженіе †; подобно послѣднему, онъ также согласуется съ древними воззрѣніями на область загробной жизни; самъ по себѣ онъ, конечно, не можетъ служить прямымъ свидѣтельствомъ о бытованіи у славянъ погребальнаго обычая *отправлять усопшихъ въ страну отцовъ путемъ воды*, но въ связи съ другими о томъ намеками, долженъ, кажется, получить нѣкоторое значеніе.

Смерть на *висѣлицѣ*, столь позорная въ христіанскомъ мірѣ, въ язычествѣ вовсе не имѣла такого смысла: повѣшеніе и душеніе было обыкновеннымъ способомъ приношенія жертвы, имъ душа выводилась изъ своего сѣдалища и отправлялась въ горнюю область [1]); такимъ понятіемъ объясняются нѣкоторыя стороны языческихъ погребальныхъ обрядовъ; съ ними мы встрѣтимся немедленно.

Не безполезны для нашей цѣли также и тѣ обычаи, которые соблюдаются при похоронахъ лицъ или неполучившихъ христіанскаго знаменія крещенія, или насильно разорвавшихъ жизненныя связи, какъ самоубійцы. Скончавшись не христіанской кончиной, они и погребаются не по христіанскому обряду, но по древнему языческому, хотя и ослабѣлому: они удалены съ мѣста общаго покоя, ихъ хоронятъ *одиночно*, подъ *семейнымъ порогомъ* [2]) или на *раздорожьѣ, перекресткахъ и путяхъ;* иногда на ихъ могилахъ

---

† Полн. собр. рус. лѣт. т. VI, подъ 1498 г. Миладиновичи. Булгарски, нар. пѣсни. Загр. 1861 г., стр. 136, 155.

1) Религіозно-жертвенное значеніе этого рода казни основательно объяснено Либрехтомъ въ «Zeitschrift für Deuts. Mythologie», II (Göt. 1855), p. 407 и слѣд., ср. также Orient und Occident (G. 1863). II, 274 sq. Этимъ язычески-жертвеннымъ характеромъ *удушенія* объясняются и протесты русскаго духовенства противъ употребленія въ пищу *удавленины*.

2) Такъ хоронятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи некрещеныхъ младенцевъ.

сбирается и горитъ костеръ, эта умиротворяющая старая жертва ихъ осиротѣлымъ, безпріютнымъ душамъ [1]).

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ обычай. Въ своемъ словѣ *о маловѣріи* блаж. Серапіонъ (XIII в.) обращается съ укоромъ къ современникамъ, что они, видя *гнѣвъ* Божій (всякія природныя бѣдствія, засуху и т. д.), заповѣдаютъ: «кто буде *удавленика* или *утопленика погреблъ*, не погубите люди, сихъ *выгребите*» †; обычай былъ еще столь силенъ въ началѣ 16 вѣка, что Максимъ Грекъ счелъ обязанностью вооружиться противъ него особымъ *посланіемъ*. «Кій отвѣтъ сотворимъ въ день судный, говорилъ онъ, тѣлеса утопленныхъ или убіенныхъ и поверженныхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле извлекше ихъ, *отыняемъ коліемъ*, и еже беззаконнѣйше и богомерзко есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣемая нами не преспѣваютъ на лучшее, оставивше молитеся содѣтелю и строителю всѣхъ.... аще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго неиздавна погребена.... *раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и не погребена покинемъ*.... по нашему по премногу безумію виновно стужи мняще быти погребеніе его» [2]). Запрещеніе хоронить утопленниковъ и самоубійцъ мы встрѣчаемъ и у другихъ славянскихъ племенъ [3]), такъ что нельзя не отнести этотъ обычай ко времени древнему. Всякія природныя бѣдствія: бездождіе, градъ, безвременный морозъ — народъ приписываетъ вліянію несчастныхъ, погибшихъ насильственною смертью: ихъ блуждающія души какъ бы мстятъ за неестественную разлуку съ жизнью, они вихремъ и грозою носятся въ воздухѣ и нарушаютъ порядки природы [4]); но зачѣмъ откапываютъ ихъ или

---

1) См. ниже, при разборѣ свидѣтельства Оттона Бамбергскаго.

† Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій Монастырь, Ч. II, М. 1850, стр. 37.

2) Сочиненія Максима Грека. ч. III, Каз. 1862, стр. 170—1.

3) Csaplovics. Slavonien und Croatien, Pesth т. I, 1819, стр. 187.

4) Объясненіе такого представленія о дѣйствіяхъ души см. въ началѣ заключительной части.

оставляютъ вовсе безъ погребенія, повергая на поле и *«отыняя коліемъ»?* Нельзя ли предположить здѣсь слѣдовъ древняго погребенія, хотя и окончательно измѣненныхъ христіанствомъ; нельзя ли думать, что для успокоенія душъ, въ болѣе отдаленную старину, тѣла такихъ людей сожигались, что надъ ними совершался старый языческій обрядъ, который въ христіанствѣ оставилъ послѣ себя только отрицательный слѣдъ *непогребенія?* Источники не представляютъ прямаго подтвержденія этой мысли, но едва-ли иначе можно объяснить существованіе обычая; въ подобной формѣ онъ былъ невозможенъ въ языческой древности: мятущіяся души нуждались въ благочестивомъ успокоительномъ обрядѣ, а не въ безчестіи непогребенія; вмѣсто покоя, послѣднее принесло бы имъ только вѣчную мстительную тревогу; напротивъ, сожженіе, слѣдуя древнимъ понятіямъ, вполнѣ умиротворяло ихъ, и самъ Серапіонъ, въ томъ же словѣ о маловѣріи, свидѣтельствуетъ, что его современники *пожигали огнемъ* неповинныхъ людей при тѣхъ же бѣдственныхъ случайностяхъ жизни: неурожаѣ, бездождіи, холодѣ.

СВИДѢТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫЯ.

Число *письменныхъ* свидѣтельствъ о погребальной старинѣ языческихъ славянъ довольно значительно, важны и нѣкоторыя извѣстія, ими сообщаемыя; но въ большинствѣ они не отличаются опредѣленными подробностями и требуютъ строгой, разборчивой критики: немногія изъ нихъ входятъ въ предметъ ради его самого, другія же упоминаютъ о немъ только по случаю, такъ сказать мимоходомъ: христіанскій характеръ свидѣтелей какъ будто воспрещаетъ имъ остановиться со вниманіемъ на такомъ суетномъ предметѣ, каковъ погребальный обиходъ язычества; потому такъ глухи, такъ случайны ихъ извѣстія, такъ мало въ нихъ подчасъ правдивой наблюдательности историка и такъ много элемента личнаго взгляда. Чтобы правильно оцѣнить эти извѣстія и каждому изъ нихъ назначить свое мѣсто, необходимо, прежде другого, положить различіе между фактомъ народной жизни и

личнымъ на него *воззрѣніемъ* свидѣтеля, между *необходимымъ* явленіемъ быта и несущественнымъ, *случайнымъ* происшествіемъ; сколь не трудно иногда бываетъ провести такую черту различія, мы не отступимъ, по возможности, отъ этого основного закона исторической критики источниковъ и, съ этою цѣлью, постараемся отдѣлить также и наши прямые выводы изъ фактовъ отъ предположительныхъ заключеній и вѣроятныхъ объясненій. Разсмотрѣніе наше мы ограничиваемъ тѣми свидѣтельствами, которыя говорятъ объ *обрядахъ* и *обычаяхъ*, и рѣдко касаемся извѣстій о *вѣрованіяхъ:* при всей стойкости своей — обычай и обрядъ болѣе подверженъ видоизмѣненіямъ и порчѣ, чѣмъ темное вѣрованіе: безотчетно передаваясь изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ, оно, такъ сказать, закрѣпляется имъ и ясно сквозитъ изъ-за своей оболочки, потому и не требуетъ особаго, предварительнаго осмотра; но обычай и обрядъ, часто не носящіе опредѣленнаго названія, не имѣютъ условій такой долговѣчности: они распространяются путемъ практики и, рано или поздно, должны уступить побѣдной силѣ времени: измѣненія ихъ, а равно личныя воззрѣнія на нихъ свидѣтелей — сами собою обусловливаютъ необходимость критики; впрочемъ, кое-гдѣ она необходима и относительно извѣстій о вѣрованіяхъ, именно тамъ, гдѣ свидѣтель не умѣетъ угадать ихъ смысла и говоритъ о нихъ подъ вліяніемъ чисто-личныхъ понятій. При неопредѣленности письменныхъ извѣстій не всегда достаточнымъ бываетъ ближайшее буквальное объясненіе: приходится обращаться къ другимъ источникамъ, сличать письменныя показанія между собою и взаимно повѣрять и пополнять ихъ. Вотъ причина, почему иногда мы принуждены будемъ заходить впередъ и для объясненія одного источника приводить показанія другого, о которомъ рѣчь идетъ еще далеко впереди; только во второй части труда, въ собственномъ изслѣдованіи, надѣемся, уляжется въ стройное этотъ, неизбѣжный въ предварительной работѣ, безпорядокъ. Извѣстія письменныхъ памятниковъ мы расположимъ въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ и лишь рѣшительныя, очевидныя за-

имствованія помѣстимъ непосредственно вслѣдъ за ихъ источникомъ.

Іорнандъ (circa 551) въ 49 главѣ своего сочиненія «De Getarum origine et rebus gestis», слѣдуя недошедшему до насъ Прискову тексту, разсказываетъ о смерти Аттилы слѣдующее: найдя своего вождя умершимъ, гунны

> «ut illius gentis mos est, crinium parte truncata informes facies cavis turpavere vulneribus, ut proeliator eximius non femineis lamentationibus et lacrimis, sed sanguine lugeretur virile»,

потомъ воздавали ему погребальную почесть слѣдующимъ образомъ:

> «In mediis campis et intra tentoria serica cadavere collocato spectaculum admirandum et solenniter exhibetur. Nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambientes, facta ejus cantu funereo tali ordine referebant»....

слѣдуетъ погребальный гимнъ, прославляющій подвиги Аттилы....

> «Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver terra recondunt. Cujus fercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quo gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum reipublicae utriusque acceperit: addunt arma hostium caedibus acquisita, phaleras variarum gemmarum fulgore pretiosas et diversi generis insignia, quibus colitur aulicum decus. Et, ut tot et tantis divitiis humana curiositas arceretur, operi deputatos detestabili mercede trucidarunt, emersitque momentanea mors sepelientibus cum sepulto». (ed. Closs. p. 170—2).

Какъ ни смѣлымъ можетъ показаться желаніе отнести это свидѣтельство къ славянамъ и дать ему мѣсто въ наукѣ славян-

ской древности; но нельзя не признать, что въ томъ видѣ, какъ оно дошло къ намъ, на немъ имѣетъ нѣкоторое право остановиться и изслѣдователь славянской старины. Если сравнительная этнологія не оправдываетъ гаданій о славянствѣ гунновъ, то она и не отрицаетъ смѣшаннаго, составного характера полчищъ Аттилы; что славяне, на ряду съ другими племенами, могли и должны были войти въ дружину гунновъ — противъ этого спорить трудно, имѣя въ виду какъ историческія, такъ и лингвистическія соображенія: прежде другого насъ останавливаетъ тотъ терминъ, который Іорнандъ, или его источникъ, употребляетъ для обозначенія погребальнаго пиршества гунновъ, именно *страва*.

Гриммъ усвоиваетъ это слово готскому племени, онъ производитъ его отъ глагола straujan — sternere, stravida; по его мнѣнію, оно имѣетъ значеніе костра, кучи, погребальнаго ложа для сожженія мертвеца[1]); Дифенбахъ также принимаетъ его въ свой готскій глоссарій, замѣчая, впрочемъ, что Іорнандова форма — латинизирована (по-готски должно было быть stravo?) и что нѣмецкое происхожденіе термина остается подъ сомнѣніемъ[2]). Предположеніе Гримма находитъ нѣкоторую поддержку въ извѣстіи схоліаста (Лактанція) къ Стаціевой Тебаидѣ: «exuviis hostium, говоритъ онъ, extruebatur regibus mortuis *pyra*, quem ritum sepulturæ hodie quoque barbari servare dicuntur, quem *strabam* dicunt lingua sua»; но намъ представляются причины сомнѣваться и въ исключительно готскомъ происхожденіи слова, и въ исключительно такомъ его знаменованіи: какъ готъ, Іорнандъ, кажется, долженъ былъ бы выразиться о родномъ терминѣ опредѣленнѣе, чѣмъ глухими словами: «quam appellant *ipsi*» т.-е. гунны; для него оно, видно, было незнакомо; сверхъ этого,

---

1) *Grimm.* Über das Verbrennen der Leichen въ Kleinere Schriften. t., II, p. 239. cf. статью *его* же: Über Diphthongen nach weggefallnen Consonanten, ibidem, t. III, p. 135.

2) Lexicon Comparativum Linguarum Indo-germanicarum t. II, p. 341—2 и t. I, p. 80.

Аттила скончался не въ бою съ врагами, тѣло его не предавалось сожженію, *страва праздновалась* «super tumulum ejus» и притомъ — «ingenti comessatione», т. е. торжественнымъ, обрядовымъ пиромъ, и потому не могла обозначать погребальнаго костра, «exuviarum hostilium molem»; стало быть позволительно искать *иныхъ* варваровъ, которымъ принадлежало это слово и *иного*, болѣе широкаго, его значенія. Таковы, кажется, должно признать *славянъ*, которые и донынѣ пользуются этимъ терминомъ для обозначенія: пищи, кушанья, запаса яствъ, составляющихъ обѣдъ; въ такомъ значеніи употребляется оно теперь въ нарѣчіяхъ: польскомъ, чешскомъ, словацкомъ, мало-и великорусскомъ [1]); но бытованіе слова можно услѣдить и въ древнее время: мы находимъ его въ той же формѣ въ памятникахъ старой чешской письменности (Hanka. Starob. Sklad. III, p. 55, ver. 578), и именно со значеніемъ погребальныхъ поминокъ, пира по смерти; далѣе — этимологія прямо ставитъ его въ родственный рядъ словъ, древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію: оно сложное — *с-трав-а*, тема, очевидно, идетъ отъ славянскаго корня **троу** [2]), который даетъ происхожденіе глаголу **троути** (?), **натроути, натровити** = cibare, nutrire, почему въ древнѣйшихъ какъ глагольскихъ, такъ и кирилловскихъ рукописяхъ употребляется онъ тамъ, гдѣ позднѣйшія ставятъ глаголъ *питать, напитать*, и въ фрейзингенскихъ статьяхъ мы находимъ: *natrovuechu*, по транскрипціи Востокова — **натровꙗахѫ, натравлꙗахѫ**, при чемъ онъ замѣчаетъ: «глаголы троватп, трую, отровати (то же, что: травити, травлю, отравляти) въ разныхъ діалектахъ словенскихъ употребляются въ переносномъ смыслѣ: окармливать, ядомъ отравлять. Но собственный смыслъ былъ издревле: кормить, пи-

---

1) *Linde.* Słownik, 2-е изд. sub voce, *Jungmann.* ibid.; *Даль.* Толк. Слов. ibid.

2) *Miklosich.* Radices ling. slov. p. 95—6, Wurzeln (1857) p. 6. Болѣе древній, индо-европейскій корень слова остается гадателенъ: *Поттъ* (Wurzel — Wörterbuch I, 1. p. 103—4.) указываетъ на trâ, trâi-оберегать, защищать и *питать*, но не рѣшается подвести къ нему вышеприведенныя славянскія слова.

тать, или также въ среднемъ залогѣ: ѣсть, кормиться. Отъ того *трава:* собственно кормъ [1])». Въ такомъ значеніи, кажется, слово *трава* употреблено въ ипатьевскомъ спискѣ: «она же (Данилъ и Василько) пріяста и съ любовью, *травѣ* же бывши, Данилъ не пойде».... (стр. 173) [2]) и въ современномъ языкѣ: *трава*-страва = съѣдомое, поѣдаемое (Даль. Толк. Сл. sub. voce), *травить*, *стравливать* = уничтожать, истреблять, а далѣе — отравлять; *потрава* = кушанье въ чешск., польск., бѣло-велико- и малорусскомъ [3]). Ясно, что нѣтъ причинъ выдѣлять отсюда *страву* Іорнанда и приписывать ей исключительно готское происхожденіе и значеніе костра †; равнымъ образомъ, нѣтъ причинъ думать, что славяне заимствовали слово отъ гунновъ: этому противорѣчитъ его широкое, *коренное* распространеніе; при такихъ обстоятельствахъ, не будетъ слишкомъ смѣлымъ допустить и предположеніе о славянскомъ характерѣ погребальнаго обычая *стравы* надъ могилой гуннскаго предводителя. Въ подтвержденіе можно привести и извѣстную замѣтку Прокопія Кессар. (6 в.), что славяне во *многомъ имѣютъ нравы гунновъ* [4]). Сближенія и даже отожествленія гунновъ съ славянами нерѣдки и у византійскихъ и у западныхъ лѣтописцевъ; на нѣкоторыя изъ нихъ указываетъ Шафарикъ [5]); наконецъ — гуннскій именословъ стоитъ въ непосредственной связи съ славянскимъ; по всему этому Шафарикъ, кажется, имѣлъ полное право сказать

---

1) *Кеппенъ.* Собраніе словенскихъ памятниковъ (Спб. 1827 г.) р. 69.

2) Можетъ-быть, въ рукописномъ текстѣ стояло: *стравѣ?*

3) Едва-ли, поэтому правъ былъ пок. Шафарикъ, когда глаг. натроути усвоялъ исключительно паннонское происхожденіе и исключительное употребленіе въ глаголицѣ, см. Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858, р. 33.

† Самъ Гриммъ, въ своихъ D. Rechtsalterthümer, p. 3, приводитъ одно слѣдующее мѣсто изъ грамоты 1090: «genus *cibi* quod vulgo *struva* dicitur».

4) «Ingenium ipsis neque malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos (Οὐννικὸν ἦθος) in multis retinent»-Šafařik. Slov. Starožitn. vyd. 1863, II, p. 693.

5) Über die Abkunft der Slaven»... Ofen, 1828, p. 131—2. cf. Grimm. Deutsche Myth. (1854) p. 490.

слѣдующее: «woher diese Aneignung slowenischer Gebräuche und Namen bei den Hunnen und umgekehrt, nach Prokop, hunnischer Sitten bei den Slowenen, wenn beyde nicht eine längere Zeit mit einander verbrüdert und verchwägert gewesen? Schon Ptolomæus zählt unter den Bewohnern des europäischen Sarmatiens auch die Hunnen auf. Es ist daher warscheinlich, dass die Slowenen durch die Übermacht der Hunnen aus ihren alten ruhigen Sitzen geworfen, sich eben sogut wie andere Völker [*diversae nationes*, sagt Iornandes] im Gefolge der Sieger befanden und mit ihnen das Kriegsglück theilten» [1]).

Имѣя, такимъ образомъ, довольно прочные залоги, если не славянскаго происхожденія погребальнаго обряда гунновъ, то, по крайней мѣрѣ, его родственной близости къ славянамъ, мы не можемъ не принять его въ соображеніе: будетъ слишкомъ смѣлымъ пользоваться имъ, какъ прямымъ источникомъ славянской древности, но не признать важнаго объяснительнаго значенія его, кажется, невозможно.

Удивительны своею обстоятельностью подробности, передаваемыя Іорнандомъ [Прискомъ] о погребеніи Аттилы: допустивъ, что его объясненіе убійства рабовъ на могилѣ вождя было лишь *личнымъ* его объясненіемъ, что скорѣе это была жертва усопшему, и за гробомъ имѣвшему нужду въ рабахъ, можно подумать, что мы слышимъ голосъ очевидца. При вѣсти о смерти Аттилы, гунны, въ знакъ скорби, обрѣзали часть волосъ и истерзали свои лица, потомъ вынесли трупъ въ поле и поставили его въ шатрѣ, воинскія ристанія или игры [сл. тризна] въ честь усопшаго сопровождались пѣснями, въ которыхъ прославлялись его подвиги; еще *до погребенія*, на могилѣ [?] совершали *страву*, т.-е. торжественный пиръ; затѣмъ, въ тишинѣ, ночью—тѣло въ богатомъ гробу, украшенномъ золотомъ, серебромъ и желѣзомъ[2]),

1) Abkunft d. Slaven. p. 131.

2) Символика гроба Аттилы, о которой говоритъ Іорнандъ, есть, конечно, личное объясненіе историка.

положили въ могилу; а съ нимъ и оружіе, добытое въ битвахъ, драгоцѣнныя украшенія [ожерелья] и разныя вещи, какими украшаютъ дворецъ. Исполнители погребенія — по всему вѣроятію рабы—предавались смерти...

Трудно, почти невозможно указать въ этихъ обычаяхъ чтó нибудь исключительно славянское: ни одна существенная черта ихъ не противорѣчитъ славянской погребальной практикѣ; но въ равной степени—они могутъ быть отысканы и въ погребальной практикѣ иныхъ народовъ, разительнѣе прочаго — обстоятельство совершенія *тризны до погребенія*, и, если слѣдовать точному смыслу разсказа русской *Повѣсти временныхъ лѣтъ* и нѣкоторыхъ другихъ показаній, то еще на глазахъ исторіи мы встрѣтимъ совершенно подобный обычай въ ходу у языческихъ русскихъ славянъ; позволяя себѣ это сближеніе, я не хочу видѣть здѣсь этнологическаго тожества; но не могу утверждать и противнаго.

Императоръ Маврикій [582—692] въ своемъ Стратегиконѣ, между прочимъ, упоминаетъ и объ обычаѣ славянскихъ женщинъ предавать себя смерти вслѣдъ за умершимъ мужемъ:

Σωφρονοῦσι δὲ καὶ θήλεα αὐτῶν [Σκλάβων καὶ 'Αντῶν] ὑπὲρ πᾶσαν φύσιν ἀνθρώπου, ὥστε τὰ πολλὰ αὐτῶν την τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἴδιον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἑκουσίως, οὐχ' ἡγούμενα ζωὴν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγὴν» [1]).

Маврикій принадлежитъ къ тому небольшому числу византійскихъ историковъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія: онъ не столько анналистъ-литераторъ, сколько практическій человѣкъ, цѣль его Стратегикона—чисто-практическая, руководящая; онъ передаетъ въ немъ не досужую теорію, но плоды своихъ личныхъ наблюденій, личнаго опыта... Непосредственное его знакомство съ нравами славянъ, сосѣдей Византійской имперіи, подтверждается общею вѣрностью въ изображеніи ихъ быта и

1) Не имѣя подъ руками полнаго изданія Стратегикона Маврикія, беремъ цитату изъ Приложеній къ Старожитностямъ Шафарика, 2-е изд. т. 2, р. 694.

нравовъ, что уже давно признано исторической критикой...; тѣмъ драгоцѣннѣе и въ настоящемъ случаѣ является его свидѣтельство. Нѣтъ надобности, кажется, доказывать, что подъ общимъ именемъ славянъ и Антонъ Маврикій исключительно разумѣетъ славянскія племена, обитавшія въ предѣлахъ Византійской имперіи или же сосѣдившія съ нею: о другихъ, жившихъ на сѣверѣ и востокѣ, онъ вовсе не заботился, и, конечно, даже не зналъ ихъ. Останавливаясь на самомъ извѣстіи, мы позволяемъ себѣ разсматривать его не какъ случайное упоминаніе о случайныхъ происшествіяхъ, но какъ положительное извѣстіе объ *обычномъ* фактѣ славянской жизни; таковъ, по крайней мѣрѣ, характеръ всего главнѣйшаго, что передаетъ Маврикій о славянахъ, и нѣтъ причины въ этомъ случаѣ допускать исключеніе, тѣмъ болѣе, что далѣе мы встрѣтимъ и прямыя тому доказательства.

Обыкновеніе славянскихъ женъ лишать себя жизни по смерти мужа, по заключенію Маврикія, вытекало изъ первобытной чистоты нравовъ ихъ, какъ слѣдствіе чувства скорби о дорогой утратѣ, какъ знакъ вѣрности къ мужу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по сознанію безпомощнаго положенія вдовы.... Такое объясненіе обычая есть личное объясненіе образованнаго царственнаго писателя: оно имѣетъ свою долю справедливости, но не можетъ назваться *достаточнымъ*: ни естественное чувство скорби, ни тяжелая жизнь вдовы, своею единственно силой—не могли бы, кажется, создать и укрѣпить такой обычай, еслибы въ основаніи его не лежала болѣе высшая, *религіозная* причина, непонятная и, можетъ-быть, невѣдомая для грека-христіанина. Обычай не имѣлъ всеобщей обязательной силы: *не всѣ, а только многіе* изъ женъ добровольно слѣдовали за своими мужьями въ могилу.

Свидѣтельство Маврикія цѣликомъ вошло въ «Тактиконъ» Льва Мудраго [886—911], который, въ этомъ отношеніи, не нашелъ прибавить къ своему источнику ни одной новой черты, и потому не заслуживаетъ особаго вниманія; мы приводимъ здѣсь его слова лишь для сличенія съ источникомъ:

«Castitate autem feminae quoque ipsorum [id est Sclavorum] erant quam maxima; et tanta quidem, ut earum multae suorum virorum mortem suam propriam esse existiment, et se ipsae suffocent; viduam tolerare vitam non sustinentes» [1]).

Θеофилактъ Симмокатскій, лѣтописецъ первой половины 7-го вѣка [circa 629], въ своемъ описаніи царствованія императора Маврикія, разсказываетъ подъ одиннадцатымъ годомъ его, т. е. 592, что Прискъ, римскій полководецъ, ободренный удачными побѣдами, проникъ во внутреннія земли славянъ [interiores Sclavinorum partes penetrat] и ночью, по указанію какого-то перебѣжчика Гепеда [Γήπαις], напалъ на Музука [Μουσώκιος Μουσωκίως], царя варваровъ.

«Barbarus [т. е. Музукъ] prae ebrietate mentem amiserat: illo quippe die *funeralia festi fratri, ut mos est barbaris, celebrabat.* Itaque singulari timore perculsis omnibus, rex vivus in potestatem adducitur» [2]).

Добровскій, съ обычною ему осторожностью, хотя и не позволялъ себѣ утверждать, чтобы Музукъ былъ *славянскимъ* княземъ (т. е. славянскаго происхожденія), ибо подъ именемъ *варваровъ* лѣтописецъ по большей части разумѣетъ булгаръ и аваровъ, племена чудского происхожденія, тѣмъ не менѣе — не сомнѣвался, что Музукъ владычествовалъ и надъ славянами, потому «и славянамъ былъ не неизвѣстенъ обычай праздновать пиромъ память покойника» [3]). Добровскій, какъ видно, колебался признать славянскую народность обычая, допуская, что онъ былъ извѣстенъ славянамъ лишь потому, что владыка ихъ держался его (weil es mitten unter ihnen von ihrem Fürsten geschah); но, разсмотрѣвъ внимательно разсказъ лѣтописца и другія обстоятельства, можно, кажется, позволить себѣ болѣе точное и опре-

---

1) Šafařik. Starožitnosti, 2 vyd. 2 t. v Přilohach p. 700. Греческаго подлинника мы также не имѣли подъ руками.

2) См. Stritteri Memoriæ populorum т. 2-й (Spb. 1774) p. 61.

3) Abhandlung. d. böhmisch. Gesells. d. Wissensch. r. 1786, статья: Über die Begräbnissart der alten Slaven, p. 336—7.

дѣленное заключеніе Словомъ *barbari* греч. лѣтописцы называютъ не только булгаръ, аваровъ, но и славянъ, напр. подъ годами 581: «Bajänus in ulteriorem fluminis ripam transgressus, vicos et pagos *Sclavinorum* igni ferroque vastavit: et cum nemo *barbarorum* auderet cum illo manus conserere, omnia quae potuit, rapuit,, (Stritt. Mem. pop. II, p. 48); подъ 593 (у Феофилакта)... «Priscus auctoritote imperatoris *ad Istrum movet*, ut ab eo *Sclavorum gens* flumen trajicere prohibita, vel nolens securitatem et otium Thraciae praestaret. Ajebat siquidem Prisco imperator, *barbaros* nunquam quieturos, ni Romani *Istrum* quam acerrime custodirent», (ibid. p. 55—6); въ самомъ разсказѣ о вторженіи Приска въ земли славянъ, они сначала называются собственнымъ именемъ, а потомъ уже общимъ нарицательнымъ *barbari*; и по самому ходу событій видно, что здѣсь разумѣются исключительно славяне: нѣтъ никакого упоминанія о другомъ какомъ народѣ, вездѣ говорится лишь объ онидхъ славянахъ; наконецъ важно въ этомъ случаѣ и имя князя, которое византійцы передаютъ на свой ладъ Μεσοκιως, Μεσεκιος, т.-е. измѣнивъ несвойственный имъ славянскій звукъ *ж* въ σ и прибавивъ греческій суффиксъ ως. Приведенное въ славянскую форму, это имя не представитъ ничего противнаго славянскому именослову: корень мѫж даетъ происхожденіе и другимъ собственнымъ славянскимъ именамъ, какъ серб. *Мужило*, *Какъмужъ*; *окъ* же — обыкновенный суффиксъ въ образованіи именъ. Въ актѣ Брѣтислава 1052 года (Erben, Regesta Boh. 1, p. 48) мы находимъ имя *Musik*. Г. Морошкинъ приводитъ въ своемъ Именословѣ достаточное количество славянскихъ именъ, образованныхъ отъ корня мѫж и встрѣчающихся въ старинныхъ памятникахъ, таковы: *Мужекъ*, *Мужикъ*, *Мужило*, *Мужко*, *Мужочь* и составныя: *Мужедрагъ*, *Мужи-сынъ* и т. д.[1]); также нельзя позабыть, что отецъ

---

1) Славянскій Именословъ, Спб. 1867, стр. 131. Миклошичъ (Bildung der slavischen Personennamen. W. 1860, p. 82) указываетъ то же самое имя въ латинской формѣ *mosog*.

Атиллы носилъ имя Mundzucus (Iorn. c. XXV & XLIX), что, при сродствѣ гуннскаго Ономастикона съ славянскимъ[1]), съ своей стороны, даетъ нѣкоторое право догадываться о славянскомъ источникѣ имени Μϐσϐχιος.

Если всѣ эти соображенія справедливы, то не остается сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ свидѣтельствомъ 7-го вѣка о существованіи у современныхъ подунайскихъ славянъ [2]) обычая праздновать поминки по усопшемъ, при чемъ попойка въ честь его составляла необходимую часть религіознаго обряда. Слова лѣтописца оставляютъ въ неизвѣстности: были ли эти поминки немедленно по смерти извѣстнаго лица, или здѣсь разумѣются періодичныя, срочныя поминки, справлявшіяся по истеченіи извѣстнаго времени. И то и другое имѣло мѣсто въ быту языческихъ славянъ, но въ настоящемъ случаѣ вѣроятнѣе будетъ предположить поминки періодическія, б. м. годовщину, такъ въ предыдущемъ лѣтописецъ вовсе не упоминаетъ о приключившейся смерти брата **Мѫжока**.

Извѣстіе Өеофилакта, безъ измѣненія въ содержаніи, вошло въ хронографъ Өеофана (879), а оттуда и въ сочиненіе Анастасія библіотекаря (circa 866)[3]); но они ничего не прибавляютъ къ своему источнику.

Св. Бонифацій (755), извѣстный просвѣтитель нѣмецкихъ племенъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Этибальду, королю англійскому, сообщаетъ слѣдующее, важное для насъ, свидѣтельство:

«Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset; et laudabilis mulier inter

---

1) Schaffarik. Abkunft der Slaven, p. 131.

2) Только—не мизійскихъ славянъ или тепер. болгаръ, а быть-можетъ—сербовъ: передавая болгарское имя, грекъ, кажется, долженъ былъ бы удержать носовой звукъ ж и передать его такъ: Μϐνσϐχιος; впрочемъ, въ вѣнск. ркп. читается Μονσϐγιος, Stritt. l. c. p. 59 in notis.

3) Приведены у Стриттера, loco citato p. 60.

illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut iu una strue pariter ardeat cum viro suo»†. Добровскій первый указалъ на это свидѣтельство и оцѣнилъ его важность для науки славянской древности [1]); но, несмотря на удовлетворительныя объясненія его и повѣрку иными несомнѣнными источниками, оно испытало много сомнѣній и ложныхъ толкованій; поводъ къ нимъ, кромѣ прочаго, подавало и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто *Winedi* читается Persae [2]). Л. Суровецкій не вѣрилъ, чтобы Бонифацій, который самъ вызывалъ славянъ и заселялъ ими берега Майна, могъ быть о нихъ такого дурного понятія («foedissimum et deterrimum genus hominum»), и потому склонялся къ мнѣнію, что Бонифацій говоритъ здѣсь о пруссахъ и леттахъ [3]). Отчасти опираясь на то же обстоятельство и находя противорѣчіе отзыва Бонифація о славянахъ съ словами его житія, составленнаго Виллибальдомъ (cir. 768), гдѣ славяне называются «вѣрными данниками церкви» («fideles bargildi»), Шпренгель полагалъ, что вмѣсто Winedi слѣдуетъ читать *Hindi*, *Indi*†; наконецъ, Ворбсъ сомнѣвался въ справедливости словъ Бонифація на томъ основаніи, что апостолъ нѣмецкихъ племенъ лично не былъ знакомъ съ славянами и писалъ о нихъ по глухимъ слухамъ; его извѣстіе, потому, лишено исторической правды и относится къ другимъ, сосѣднимъ нѣмецкимъ племе-

---

† Patrologiæ cursus completus, ser. II ac. Migne, t. 89, 1850. P. pagina 760, epistola 62, по изданію Вурдтвейна (1789) это письмо помѣчено № 72-мъ, у Серарія же (1605) № 19-мъ.

1) Ueber eine Stelle im XIX-ten Briefe des heiligen Bonifacius die Slaven und ihre Sitten bettreffend, von Jos. Dobrowsky, въ Abhandlungen der böhmischen Gesellsch. der Wissenschaften auf das Jahr 1787 (III Fl.), P. 1788, pag. 156—160.

2) Такъ у Баронiо въ Annales ecclesiast. подъ годомъ 745: «Est apud Persas»... Отсюда оно перешло и въ другіе изданія и переводы.

3) Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, раз. Л. Суровецкаго, рус. перев. Москва 1846 (Чтен. въ общ. ист. и др. 1846 г. ч. 1-я) стр. 62—3.

† Kruse. Deutsche Alterthümer oder Archiv f. Geschichte etc. t. I, p. VI. Halle 1826. стр. 11-я.

намъ въ Силезіи †. Неосновательность подобныхъ толкованій станетъ очевидна, когда мы ближе разсмотримъ характеръ письма Бонифація и поводъ, по которому оно написано. Прежде всего замѣтимъ, что чтеніе *Persae* вмѣсто *Winedi* не оправдывается ни однимъ спискомъ рукописей «Письма»: ни первый издатель писемъ Бонифація, іезуитъ Н. Серарій, ни Добровскій, просматривавшій вѣнскую рукопись (IX—X в.) этихъ писемъ [1]), ни Дуричъ, предпринимавшій по этому поводу спеціальныя справки въ рукописяхъ [2]), ни позднѣйшіе издатели Вурдтвейнъ и Гильсъ (Giles)[3], никто и нигдѣ не встрѣтилъ чтенія Persae, вездѣ стояло и *uuinedi*, что́ и не позволяетъ сомнѣваться въ правильности чтенія; далѣе замѣчательно еще, что монахъ Альберикъ (cir. 1246), помѣщая въ своей Хроникѣ пересказъ письма Бонифація, такъ передаетъ вышеприведенное мѣсто: «*Windi* quoque id est *Slavi*, quod est foedissimum genus hominum, hunc habent ut mulier, viro mortuo, se in rogum cremari pariter assura praecipitet»†; этимъ кажется окончательно устраняется произвольная легенда Persae. Не трудно устранить и внутреннія причины сомнѣнія: Бонифацій имѣлъ въ виду дать Этибальду наставленіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ запрещаетъ ему удовлетвореніе плотскихъ потребностей внѣ христіанскаго брака, указываетъ не языческихъ саксовъ, у которыхъ нарушеніе супружеской вѣрности подвергалось тяжелому наказанію, потомъ говоритъ о святости брака и въ примѣръ семейныхъ добродѣтелей приводитъ славянъ (вендовъ), у которыхъ жена, по смерти мужа, добровольно лишала себя жизни, чтобъ быть сожженной на кострѣ вмѣстѣ съ усопшимъ. Едва-ли для ближайшей цѣли необходимо было приводить въ примѣръ

---

† Ibidem. t. I, pars 1-a (1824), статья: „Sind die Urnenbegräbnisse..., slavischen oder deutschen Ursprungs„... p. 52.

1) См. Письма Добровскаго къ лужиц. ученому Антону, помѣщен. въ Neues Lausitzsches Magazin t. XIX (или VI нов. серіи), Görl. 1841. стр. 57.

2) Durich. Bibliotheca Slavica. t. I. Wind. 1795, p. 329. 330 in. notis.

3) Текстъ Миня взятъ изъ Вурдтвейна и Гильса (Lond 1844).

† Alberici Monachi Trium Fontium (?), Chronicon, ed. Leibnitz. Hann. 1698. Изд. составляетъ также 2-ю часть изд. Лейбницомъ «Accessionum historicarum».

такой далекій и невѣдомый европейцамъ народъ, какъ индусы или персы: подъ рукою былъ примѣръ ближе, и нѣтъ ничего естественнѣе перехода отъ саксовъ къ сосѣднимъ венедамъ — славянамъ, на которыхъ также распространялась заботливость нѣмецкаго апостола; потому догадка Шпренгеля оказывается ненужною. Противорѣчіе между поступками св. Бонифація въ отношеніи славянъ, похвальными отзывами о нихъ его житія и неблагопріятнымъ сужденіемъ о ихъ характерѣ Письма его къ Этибальду (foedissimum et deterrimum genus hominum) можетъ быть объяснено христіанскимъ настроеніемъ проповѣдника и его желаніемъ подѣйствовать на Этибальда: будучи однимъ изъ главныхъ двигателей борьбы христіанства съ язычествомъ, ознакомившись на самомъ дѣлѣ съ стойкимъ упорствомъ старой религіи, Бонифацій не могъ иначе отзываться о язычникахъ [1]), особенно въ письмѣ, цѣль котораго была дать наставленіе въ правилахъ христіанской жизни: если и такой отвратительный народъ, какъ венеды язычники, хранитъ чистоту нравовъ, то тѣмъ болѣе сохранять ее слѣдуетъ князю христіанину — таковъ, кажется, смыслъ этого мѣста въ письмѣ Бонифація: оно не столько выражаетъ его дѣйствительное мнѣніе, сколько служитъ средствомъ возбудить усыпленную нравственность Этибальда; въ иныхъ житейскихъ отношеніяхъ Бонифацій смотрѣлъ на славянъ иначе и цѣнилъ по достоинству ихъ добрыя качества.

Отстранивъ сомнѣнія, мы должны принять свидѣтельство Бонифація въ прямомъ, даже въ буквальномъ смыслѣ. Онъ, конечно, зналъ славянъ [2]) не по глухимъ только слухамъ: во время своего пребыванія въ Тюрингіи, прежде или послѣ, онъ долженъ

1) Быть-можетъ, къ этому присоединилось еще и національное чувство нерасположенія къ славянамъ. Есть и другое упоминаніе о славянахъ въ письмѣ (позднѣйшемъ) того же Бонифація къ папѣ Захарію cf. Šafařik, Starožitnosti (2-е изд.) т. 2-й р. 531.

2) Какъ спеціальный комментарій къ слову Winidi указываемъ на статьи: Добровскаго: Über eine Stelle etc. v. I. cit. и статью Галлуса: Ueber das Verbrennen der Todten bei den Slaven, помѣщ. въ сборн. Beyträge zur Geschichts und Alterthumskunde der Nieder Lausitz. Lüb. 1838, t. II, p. 12 sq.

былъ знать ихъ по личному, непосредственному опыту, когда рѣшался вызывать ихъ къ переселенію на берега Майна; но и допустивъ противное, все же нельзя не видѣть *достовѣрной подлинности* свидѣтельства Бонифація: нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ предполагать вымыселъ или искаженіе факта, нѣтъ ничего, что́ противорѣчитъ ему, и существуетъ многое, что́ подтверждаетъ и оправдываетъ его,—и прежде всего, разсмотрѣнное уже нами показаніе императора Маврикія. Такимъ образомъ становится несомнѣннымъ, что въ 8 вѣкѣ у сѣверо-западныхъ славянъ (б.-м., только у нѣкоторыхъ племенъ) существовалъ обычай сожигать мертвецовъ на кострѣ, жена умершаго добровольно (proprio manu) предавала себя смерти, чтобы быть сожженной вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, и такой поступокъ вызывалъ всеобщее одобреніе со стороны единоплеменниковъ. Подобно Маврикію, и христіанское чувство Бонифація понимало этотъ обычай, какъ слѣдствіе чувства супружеской любви; но имѣя въ виду нѣкоторые иные факты (о нихъ — далѣе), можно думать, что добровольное принесеніе себя въ жертву со стороны жены было болѣе слѣдствіемъ убѣжденія или вѣрованья, что только такимъ путемъ жена вступитъ въ вѣчное жилище блаженныхъ, только вмѣстѣ съ мужемъ, и какъ бы чрезъ него она пріобщится наслажденіямъ загробной жизни. Вѣрованье это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вытекало изъ общественныхъ условій славянскаго язычества вообще и положенія въ немъ женщины въ особенности. Обычай добровольнаго принесенія себя въ жертву со стороны женъ, въ подтвержденіе свидѣтельства имп. Маврикія, и у сѣверо-западныхъ славянъ — не былъ всеобщимъ: бывали, и можетъ-быть, еще чаще, примѣры противнаго, иначе не имѣла бы смысла похвала, какою, по слову Бонифація, встрѣчали соплеменники такое самопожертвованіе. Къ какому въ частности изъ племенъ славянскихъ относится показаніе Бонифація, нельзя и догадываться, можно лишь думать, что къ племени, географически ближайшему отъ мѣста его дѣятельности, т. е. къ одному изъ сѣверо-западныхъ или балтійскихъ.

Письмо Бонифація къ Этибальду въ свободномъ пересказѣ вошло, какъ мы замѣтили, въ Хронику Альберика (†1246) [1]; не обративъ на это обстоятельство должнаго вниманія, нѣкоторые изслѣдователи (Ворбсъ, Галлусъ и Калина) [2]) ошибочно принимали простую выписку Альберика за *новое*, второе, свидѣтельство о славянахъ. Изъ Альберика то же извѣстіе перенесъ въ свою Хронику и Генрихъ фонъ Герфордъ (1370) [3]) и другой, позднѣйшій компиляторъ, указанный Добровскимъ [4]).

Не мало свѣдѣній о бытѣ и правахъ славянъ передаютъ *арабы*, торговая предпріимчивость и религіозныя стремленія которыхъ заводили ихъ въ отдаленныя страны средней и юго-восточной Европы и ставили въ близкія сношенія со многими народами. Будутъ ли это — извѣстія очевидцевъ-наблюдателей, или только писавшихъ по слухамъ, въ обоихъ случаяхъ они важны и интересны, какъ голосъ объ отдаленной славянской старинѣ, о которой сохранилось столь немного другихъ свидѣтельствъ. Изслѣдователя не разъ смутитъ оригинальность арабскихъ воззрѣній и разсказовъ, онъ можетъ отнестись съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, но его сомнѣнія не оправдаются, когда, распространяя ихъ на все, сообщаемое арабами, онъ откажетъ ихъ свидѣтельствамъ вообще въ научной цѣнности или самостоятельности [5])! Скорѣе можно сѣтовать о бѣдности, чѣмъ

---

1) Vide supra l. cit.

2) Kruse's Archiv I, p. 1. pag 47—8. Gallus und Neumann. Beyträge etc., II, p. 11—12; Kalina v. Jäthenstein. Böhmens heidn. Opferplätze etc. (Pr. 1836), p. 124—15.

3) Liber de rebus memorabilioribus sive Chronicon Henrici de Hervordia ed. A. Potthast. G. 1859. sub an. 754. pag. 19—10.

4) Ueber Eine stelle etc.. p. 157.

5) *Шафарикъ*, при обозрѣніи письменныхъ источниковъ славянскихъ древностей, очень неодобрительно отзывается о восточныхъ свидѣтельствахъ: даже важнѣйшимъ изъ нихъ онъ отказываетъ въ самостоятельности, говоря, что они цѣликомъ заимствованы изъ греческихъ историковъ, что ихъ собственныя извѣстія отличаются сказочнымъ характеромъ, вообще — подозрительны и требуютъ строгой критики (Starožitn. 2-е изд. I. p. 20); послѣднее, конечно, справедливо; но что касается самостоятельности и степени важности этихъ

о незначительности арабскихъ источниковъ славянской древности, особенно вспомнивъ, сколь многое намъ извѣстно только по имени, сколь многое до сихъ поръ не открыто или вовсе потеряно [1]), какъ чрезъ это затрудняется и самое объясненіе уже извѣстнаго, дошедшаго къ намъ иногда не прямо отъ автора, а чрезъ постороннія, позднѣйшія руки и притомъ въ искаженномъ и спорченномъ видѣ... Скорѣе можно сѣтовать и на то, что, несмотря на численную незначительность уже извѣстныхъ арабскихъ источниковъ славянской старины, наука до сихъ поръ далеко не исчерпала ихъ матеріала, повѣрила и объяснила только незначительную часть его. Три замѣчательныхъ труда посвящены почти исключительно разбору арабскихъ извѣстій о славянахъ; но занятые собираніемъ матеріала и критикой текста, ни Френъ, ни Оссонъ, ни Шармуа не имѣли возможности удовлетворить въ то же время и требованіямъ высшей критики историческаго содержанія. Въ изслѣдованіяхъ славянскихъ и русскихъ ученыхъ не рѣдко можно встрѣтить счастливыя объясненія подробностей, но, сколько извѣстно, никто еще не бралъ на себя труда подвергнуть пересмотру весь вопросъ въ цѣломъ его объемѣ; а безъ этого не только единичныя извѣстія, но и самый источникъ остается въ какомъ-то сомнительномъ свѣтѣ: изслѣдователь не знаетъ, въ какой мѣрѣ позволительно пользоваться его из-

---

источниковъ, то позволительно быть иного мнѣнія: греческіе историки дѣйствительно служили источникомъ для нѣкоторыхъ, болѣе позднихъ, арабскихъ писателей (и это объяснено Reinaud'омъ 1, см. Примѣч. на 52 стр.); но никто еще не указалъ греческихъ источниковъ *Ибнъ-Кхордадъ-бега*, *Массуди*, въ особенности — *Ибнъ-Фоцлана и Ибнъ-Досты*. Думаемъ, что и сдѣлать это— едва ли возможно, а потому нельзя отказать ихъ показаніямъ въ самостоятельности и, какъ надѣемся объяснить, въ важности для науки славянской древности.

1) О бывшемъ богатствѣ арабской географической литературы можно получить понятіе изъ Френова предисловія къ изданію: Ibn Fozslan's und anderer Araber Berichte, Spb. 1823, p. XIII sq., а также изъ рецензіи Гаммера на изданіе Reinaud'овой «Географіи Абулфеды», помѣщ. въ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Classe 1849 г. стр. 59—75, 85—109.

вѣстіями, куда, къ какому народу-племени и мѣстности отнести его показанія; недостаточно исполнена и предварительная, такъ сказать, черновая работа: не опредѣлены, какъ слѣдуетъ, и взаимныя отношенія свидѣтельствъ, приблизительная степень ихъ непосредственной достовѣрности, ихъ источники и литературныя заимствованія [1]). Такъ русская историческая наука до сихъ поръ остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно извѣстій, переданныхъ Ибнъ-Фоцланомъ: одни изслѣдователи видятъ въ его Руси варяго-руссовъ (норманновъ), другіе позволяютъ себѣ видѣть въ нихъ славянъ русскихъ; убѣждающихъ доводовъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны — немного, еще менѣе такихъ, которые основывались бы на изслѣдованіи всѣхъ сторонъ и частностей вопроса. Отсюда выходитъ, что каждому, кто въ своихъ изслѣдованіяхъ встрѣчается съ извѣстіями арабскихъ писателей, все еще, по необходимости, предстоитъ предварительная этнографическая критика ихъ извѣстій.

Арабскія свидѣтельства такъ важны въ рѣшеніи вопроса, насъ занимающаго: они предлагаютъ такія точныя положительныя извѣстія о погребальной древности, что мы считаемъ себя не вправѣ легко отнестись къ нимъ, принявъ на вѣру какое-нибудь изъ господствующихъ мнѣній: намъ необходимо, хотя приблизительно, рѣшить, къ какому народу и племени слѣдуетъ отнести эти показанія. Не желая, однако, такимъ отступленіемъ нарушать порядка въ обозрѣніи источниковъ вопроса о погребальной старинѣ языческихъ славянъ, мы относимъ въ «Приложеніе» этотъ краткій, по возможности, разборъ этнографическихъ понятій арабовъ о славянахъ и Руси, здѣсь же приводимъ только конечный выводъ его.

Всѣ *древнѣйшіе* арабскіе писатели подъ именемъ *саклабовъ*, *сакалибовъ* разумѣютъ юго-западныхъ и западныхъ славянъ;

---

1) Въ послѣднемъ отношеніи превосходныя, хотя и слишкомъ общія, указанія сдѣлалъ Рено въ своемъ классическомъ введеніи къ переводу Географіи Абулфеды: Géographie d'Aboulféda, t. I, Par. 1848, 4-o p. XL — CLXXIV и CCLXXXII et sq, passim.

иногда этимъ именемъ обозначается у нихъ и русское племя, быть-можетъ сѣверное, новгородское, которому и русская лѣтопись специально усвоиваетъ наименованіе *словѣнъ*; именемъ же *борджанъ* арабы обозначаютъ *болгаръ дунайскихъ*. *Русь*, *Ros*, *Rus*, столь часто поминаемая у нихъ, по всѣмъ признакамъ есть *Русь славянская*, славянскіе обитатели Черноморья, волжскаго и днѣпровскаго бассейновъ. Такъ позволительно заключать не только по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было твердыхъ этнографическихъ признаковъ чуждаго (норманскаго) происхожденія этой Руси, но и по яснымъ топографическимъ и этнографическимъ указаніямъ, прямо свидѣтельствующимъ о туземной, *славянской* природѣ этого *многочисленнаго народа*, а не о пришлой природѣ дружины, сколь ни была бы послѣдняя велика и предпріимчива. Вообще мнѣніе о норманствѣ арабской Руси составилось не вслѣдствіе разбора и оцѣнки арабскихъ свидѣтельствъ, а отъ готовой гипотезы о норманскомъ происхожденіи имени Русь, и даже давъ этой гипотезѣ полныя права историческаго вѣроятія, должно отказаться отъ мысли встрѣтить для нея поддержку въ извѣстіяхъ арабовъ.

Отсылая читателя за доказательствами всего этого къ «Приложенію», переходимъ къ самому разбору арабскихъ свидѣтельствъ о нашемъ предметѣ.

По счастливымъ обстоятельствамъ мы имѣемъ возможность начать разсмотрѣніе ихъ свидѣтельствомъ *новымъ*, *старѣйшимъ* изъ доселѣ извѣстныхъ.

Абу-Атли Ахмедъ бенъ Омаръ Ибнъ Доста въ своей «*Книгѣ драгоцѣнныхъ драгоцѣнностей*» (Kitâb el-Jlâq en-Nefîsa), писанной около 900 года по Р. Х. [1]), передаетъ, между прочимъ, о *славянахъ* слѣдующее:

---

1) Заслуга открытія этого новаго историческаго источника принадлежитъ доктору Хвольсону, онъ нашелъ его между арабскими рукописями Британскаго Музея и, чрезъ посредство А. А. Куника, сообщилъ намъ два отрывка изъ него въ буквальномъ переводѣ съ оригинала. Считаемъ долгомъ принесть здѣсь обоимъ ученымъ нашу искреннюю признательность.

«Когда кто изъ нихъ умретъ, они сожигаютъ трупъ его. Ихъ жоны изрѣзываютъ ножами свои руки и лица, когда у нихъ кто-нибудь умретъ (изъ членовъ семейства). На слѣдующій день по сожженіи мертвеца, они собираютъ пепелъ съ пожарища, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ послѣдній на холмѣ. По истеченіи года, они приносятъ на ту могилу до двадцати кувшиновъ съ медомъ, тамъ собираются родные усопшаго, ѣдятъ, пьютъ, потомъ возвращаются домой. Если усопшій имѣлъ три жены, и одна, по ея увѣренію, особенно любила его, она приноситъ къ его тѣлу два шеста, укрѣпляетъ ихъ въ землѣ стоймя, потомъ кладетъ на концы ихъ перекладину, а въ срединѣ ея привязываетъ веревку; затѣмъ, стоя на скамьѣ, обвиваетъ одинъ конецъ веревки вокругъ своей шеи. Послѣ того, какъ она это исполнила, скамью принимаютъ изъ-подъ ногъ ея, и женщина виситъ, пока не задохнется и умретъ. Трупъ ея бросаютъ въ огонь и сожигаютъ».

Далѣе въ извѣстіи о руссахъ:

«Когда между ними умретъ какой знатный, для него вырываютъ могилу въ видѣ просторной комнаты, кладутъ туда мертвеца, кладутъ туда также его одежду, золотые обручи, которые онъ носилъ, много яствъ, кружки съ напитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности (деньги?). Жена, которую онъ любилъ, живою помѣщается въ погребальной комнатѣ; затѣмъ затворяютъ двери, и она тамъ умираетъ».

Когда д-ръ Хвольсонъ вполнѣ обнародуетъ свое важное открытіе, тогда станетъ возможнымъ и правильное сужденіе о значеніи этого новаго источника науки славянской древности; теперь же, имѣя въ своемъ распоряженіи только два отрывка, мы должны ограничиться приблизительнымъ опредѣленіемъ ихъ цѣны и значенія.

Былъ ли Ибнъ-Доста лично въ земляхъ славянъ, и къ какому племени относится его показаніе — пока неизвѣстно [1]),

1) Въ частномъ письмѣ къ намъ А. А. Куникъ высказалъ предположеніе, что можетъ-быть Ибнъ-Доста преимущественно имѣетъ въ виду карпатскихъ славянъ или поляковъ.

неизвѣстно также, какое племя разумѣетъ онъ подъ именемъ руссовъ; но предполагая, что этнографія его не представляетъ въ этомъ случаѣ отступленія отъ прочихъ, извѣстныхъ, арабскихъ свидѣтельствъ, мы принимаемъ его руссовъ за русскихъ славянъ вообще. Уже при первомъ взглядѣ на разсказъ Ибнъ-Досты, нельзя не замѣтить полной исторической правдивости его: такъ говорить можетъ только очевидецъ, или тотъ, кто записалъ показаніе достовѣрнаго очевидца; на это указываетъ и обстоятельная, трезвая передача фактовъ, незатемненныхъ личнымъ взглядомъ, отъ котораго едва ли удержался бы собиратель летучихъ слуховъ, и еще болѣе—согласіе ихъ съ другими свидѣтельствами славянской старины. Остановимся и провѣримъ важнѣйшее. У славянъ (?) господствуетъ погребальный обычай *сожженія*, у русскихъ—*погребеніе* въ собственномъ смыслѣ; такое одновременное существованіе различныхъ обычаевъ у двухъ близко родственныхъ племенъ не можетъ показаться страннымъ послѣ того, какъ археологическіе поиски доказали, что одинъ обычай не исключаетъ другого даже въ предѣлахъ одного и того же племени и нерѣдко одной и той же могилы [1]); грубое выраженіе печали терзаніемъ лицъ и рукъ мы встрѣтимъ далѣе и въ положительныхъ свидѣтельствахъ старины и въ теперешнихъ народныхъ нравахъ; обычай собрать пепелъ сожженнаго и справлять поминки по немъ находитъ полное подтвержденіе въ свидѣтельствахъ русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (о чемъ далѣе) и въ разсмотрѣнномъ уже нами показаніи Ѳеофилакта (стр. 44—46), причемъ Ибнъ-Доста пополняетъ и уясняетъ ихъ неточности, опредѣляя время поминокъ и подробности обряда; обычай (добровольнаго?) сожженія жены вмѣстѣ съ мужемъ мы уже имѣли случай отмѣтить въ предыдущемъ (стр. 42—3, 46—50) и много разъ укажемъ впослѣдствіи, точно также, какъ и

---

1) Weinhold. Die Heidnische Todtenbestattung. W. 1859, pag. 6, 10, 24, 38, 91. Lisch. Andeutung über d. altgerm. und slavischen Grabalterthümer. Schw. 1837. pag. 13.

мелкія черты русскаго похороннаго обряда, условленныя убѣжденіемъ язычника, что человѣкъ и по смерти имѣетъ тѣ же потребности и нужды, какъ и при жизни, что могила — это семейный посмертный домъ или хозяйство его. Способъ, какимъ жена предаетъ себя смерти, т.-е. удушеніе веревкой, стоитъ въ очевидной связи съ жертвеннымъ значеніемъ этого дѣйствія (см. стр. 33—4). Мы встрѣтимся съ нимъ снова у Ибнъ-Фоцлана и Льва Діакона. Жертва жены, какъ и у Бонифація, исполняется «proprio manu». Мертвецу не *сожженному* у русскихъ давалась въ могилу *жена живая*, по доброй волѣ или по принудительной силѣ обычая — этого не видно; здѣсь, при случаѣ, замѣтимъ, что память о такомъ обычаѣ русской старины, какъ кажется, сохранилась въ извѣстной былинѣ о Потокѣ: неподдерживаемый жизнью, древній бытовой мотивъ поэтически видоизмѣнился; народъ объяснялъ его тѣмъ, что жена Потока была чародѣйка и мудрости искала надъ мужемъ своимъ; для чего онъ заставляетъ ее, положивъ напередъ заповѣдь, свести *его* съ собою въ могилу, но въ концѣ концовъ, старая дѣйствительность беретъ верхъ надъ поэзіей, и Авдотью Лиховидьевну (лебедь бѣлую) *зарываютъ живою вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ* [1]).

Массуди (†956) принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ арабскихъ путешественниковъ, которые черпали свои извѣстія не изъ книгъ предшественниковъ, но изъ личнаго богатаго опыта, изъ источниковъ непосредственныхъ и прямыхъ: онъ на своемъ вѣку видѣлъ множество земель, до него не посѣщенныхъ или не описанныхъ никѣмъ изъ арабовъ, такъ, нѣтъ сомнѣнія, онъ посѣщалъ Арменію, берега Каспійскаго моря и области Византійской имперіи, можно думать, что онъ былъ и въ земляхъ западныхъ славянъ, или, по крайней мѣрѣ, получилъ о нихъ свѣдѣнія отъ человѣка, лично тамъ бывшаго: на это указываетъ его обстоятельное этнографическое описаніе славянскихъ племенъ,

---

1) Такъ по тексту Кирши Данилова (стр. 220—5), который мы считаемъ *древнѣе*, чѣмъ редакціи у Рыбникова.

которое, будучи сдѣлано по глухому слуху, заключало бы гораздо болѣе порчи, искаженій и преувеличеній; сверхъ этого, мы увидимъ (см. «Приложеніе»), что онъ пользовался какими-то особыми *извѣстіями* о славянахъ, б. м. *греческими* [1]).

«Славяне, говоритъ онъ въ своихъ «Историческихъ Лѣтописяхъ», раздѣляются на многія племена, одни изъ нихъ христіане, также между ними есть маги (т.-е. язычники) и поклонники солнцу... Большинство изъ нихъ маги, они сожигаютъ своихъ мертвыхъ и поклоняются имъ» [2]).

О какихъ славянахъ идетъ здѣсь рѣчь, сказать трудно, какъ по крайней неясности относящихся сюда топографическихъ опредѣленій Массуди, такъ и потому, что изъ его «Историческихъ Лѣтописей» до сихъ поръ въ наукѣ извѣстны только незначительные отрывки.

Въ «Золотыхъ Лугахъ» Массуди высказывается опредѣленнѣе:

«Язычники, обитающіе въ землѣ хозаръ, принадлежатъ къ разнымъ племенамъ, между которыми находятся славяне и русскіе...., они сожигаютъ своихъ покойниковъ, возлагая на тотъ же костеръ ихъ вьючныхъ животныхъ, оружія (Шарм.=домашнюю утварь) и украшенія. Когда кто-нибудь умираетъ, жена его сожигается живою вмѣстѣ съ нимъ, но если жена умираетъ первая, мужъ не подвергается этой участи. Когда кто умираетъ холостымъ, ему даютъ жену по смерти (Шарм.=женятъ по смерти). Жены пламенно желаютъ быть сожженными вмѣстѣ съ своими мужьями, чтобы вслѣдъ за ними (Шарм.=съ ихъ ду-

---

1) О Массуди см. подробнѣе: Reinaud. Géographie d'Aboulféda, p. I. Introduction. p. LXIV sq. и наше «Приложеніе». Переводъ нашъ изъ «Золотыхъ Луговъ» сдѣланъ по новѣйшему франц. изданію Barbier de Meynard'а: Maçoudi. Les prairies d'or. Par. 1861—5 до сихъ поръ 4 vol; въ скобкахъ ( ) помѣщаются разнорѣчія, встрѣченныя нами въ переводѣ Шармуа: Relation de Mas'oudy (помѣщ. въ Mémoires de l'Academie des sciences de Spb. VI ser. II и въ отд. оттискѣ), а также и у другихъ.

2) См. Отрывки изъ «Историческихъ Лѣтописей» напечатаны Кремеромъ въ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie. philos.-hist. Classe 1850, p. 207—11. Объ этомъ сочиненіи см. наше «Приложеніе».

шами [1]) войти въ рай. Это — обычай индусовъ, у которыхъ, однакоже, жена сожигается съ мужемъ только тогда, когда она сама того захочетъ» [2]) (глава XVII или по др. XV).

Далѣе, исчисляя въ главѣ XXXIV (или XXXII) различныя племена славянскія, Массуди говоритъ:

«Что же касается до племени, извѣстнаго подъ именемъ сертиновъ — сербовъ (Шарм. = Serbîne), то славяне, которые его составляютъ, сожигаютъ себя, когда умираетъ ихъ князь (roi) и владыка, въ огонь бросаютъ также лошадей, которыя ему служили; эти племена имѣютъ обычаи, сходные съ индусами...... Въ странѣ хозаръ находятся славяне и русскіе, они сожигаютъ сами себя (?) на огромныхъ кострахъ» [3]).

О *борджанахъ=болгарахъ* дунайскихъ Массуди въ «Историческихъ Лѣтописяхъ» говоритъ слѣдующее:

«Когда изъ борджанъ кто умираетъ, они собираютъ всѣхъ его рабовъ и прислугу (Diener und Gefolge), произносятъ извѣстныя пожеланія (weisheitssprüche) и сожигаютъ ихъ съ мертвецомъ, говоря: «мы сожигаемъ ихъ въ этомъ свѣтѣ, за то они не будутъ сожжены на томъ». Борджане имѣютъ большой храмъ; если кто умретъ, они заключаютъ его въ немъ и съ нимъ жену и рабовъ, и они остаются тамъ, пока не умрутъ съ голода» [4]).

Взвѣшивая всѣ другія показанія Массуди о славянахъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что они далеко не равной цѣны: съ одной стороны онъ представляется намъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ славянскими племенами и ихъ бытомъ, съ другой — только довѣрчивымъ собирателемъ слуховъ, продиктовавшихъ ему напр. ту фантастическую картину славянской религіозной

---

1) У Гамакера: «sic enim se alternam felicitatem adepturas esse credunt». apud Frähn. Ibn Fozsl. p. 105.

2) Barbier de Meynard. Maçoudi, t. II p. 9, 10. Charmoy. Relation, Mémoires...etc., p. 317, отд. оттискъ, — p. 21. Раздѣленіе главъ въ текстѣ Барбье де Мейнара — иное, чѣмъ у Шармуа.

3) Barbier de Meynard. Maçoudi, t. III p. 63—4; Charmoy. Relation, p. 314 (18 от).

4) Кремеръ въ Sitzungsb. der wien. Akademie, 1850, p. 210—11.

древности, какую находимъ въ LXVI (или LXIV) главѣ его «Золотыхъ Луговъ», именно гдѣ говорится о священныхъ зданіяхъ славянъ. Нѣтъ, впрочемъ, никакой видимой причины отнестись подозрительно къ приведеннымъ извѣстіямъ его о языческомъ погребеніи: имъ не противорѣчатъ ни свидѣтельства другихъ источниковъ, ни самыя обстоятельства, въ какихъ находились тогда племена славянскія. Христіанство, хотя и считало уже около столѣтія своей жизни на славянской почвѣ, но, можно сказать, только что начинало приниматься: самъ Массуди, въ другомъ мѣстѣ [1]), замѣчаетъ, что *многіе* изъ славянъ уже христіане и имѣютъ церкви, о большинствѣ же выражается, что они—язычники и солнцепоклонники; языческіе обряды могли еще быть въ своей силѣ или, по крайней мѣрѣ, продолжаться по живому преданію, которое не легко уступаетъ порядкамъ новой религіи даже и тогда, когда она вступаетъ на болѣе готовую почву, чѣмъ это было у племенъ славянскихъ.

Какъ общераспространенный погребальный обычай у славянъ юго-западныхъ: сербовъ и болгаръ (мизійскихъ славянъ) и восточныхъ — русскихъ (быть-можетъ, также новгородцевъ), Массуди знаетъ *сожженіе*, онъ повторяетъ это нѣсколько разъ съ ясностью, недопускающею сомнѣній; только, говоря о борджанахъ=болгарахъ дунайскихъ, онъ какъ бы намекаетъ, что на ряду съ сожженіемъ употреблялся и обычай *похоронъ* въ собственномъ смыслѣ; хоронили ли борджане своихъ мертвецовъ въ храмѣ, какъ можно полагать изъ словъ Массуди, въ этомъ позволительно сомнѣваться — и по совершенному отсутствію однородныхъ показаній въ источникахъ, и по естественному порядку вещей; замѣтимъ къ этому, что другой арабскій этнографъ, Аль-Бекри, списавшій это мѣсто изъ Массуди, ничего не знаетъ о *храмѣ*, а говоритъ прямо о *могилѣ* (см. ниже), у Ибнъ-Досты, какъ мы видѣли, рѣчь тоже идетъ о *могильной* компатѣ; отсюда можно заключать, что это мѣсто изъ текста

1) Ibidem. pag. 208—9.

«Историческихъ Лѣтописей» или испорчено, или передано невѣрно (Кремеромъ?) [1])! Устранивъ ошибку, мы получимъ извѣстіе, что у борджанъ одновременно съ погребальнымъ обычаемъ сожженія существовалъ и обычай *похоронъ*, и такой фактъ не долженъ казаться страннымъ: онъ, какъ мы замѣчали уже, находитъ полное подтвержденіе въ другихъ свидѣтеляхъ древности. Какъ сожигали, такъ и хоронили покойника не одного, но вмѣстѣ съ нимъ его жену, рабовъ, коней и вообще скотъ, оружіе, утварь, словомъ — все, чѣмъ пользовался въ жизни покойникъ, и въ чемъ онъ могъ, по народнымъ понятіямъ, имѣть нужду по смерти. Держась буквально словъ Массуди, можно подумать, что обычай сожигать съ покойникомъ жену и рабовъ былъ общеобязательнымъ, непреложнымъ явленіемъ жизни, только сербы какъ будто *добровольно* обрекали себя на сожженіе съ своимъ мертвымъ владыкою. Относительно рабовъ такой обычай, конечно, не былъ слѣдствіемъ добровольнаго самопожертвованія, но жена покойника — имѣла ли она право выбора: остаться въ живыхъ, или идти на костеръ вслѣдъ за мужемъ? Рѣшить это въ настоящемъ случаѣ трудно: Массуди, не зная всѣхъ условій обычая и основываясь только на видимости, могъ слишкомъ обобщить явленіе; имп. Маврикій и св. Бонифацій, гораздо ранѣе, говорятъ о *добровольномъ* участіи женъ въ судьбѣ мужа (см. выше стр. 42—3, 46—9); но съ другой стороны, ничего нѣтъ страннаго, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и въ 10 вѣкѣ этотъ обычай могъ являться въ жестокой общеобязательной формѣ [2]). Суровость обычая смягчалась *религіознымъ вѣрованіемъ*, что только вслѣдъ за мужемъ—жена, вслѣдъ за господиномъ—рабы

1) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности воспользоваться готовностью нашихъ арабистовъ провѣрить это мѣсто текста «Историческихъ Лѣтописей» Массуди: оно до сихъ поръ не издано, Кремеръ представляетъ только краткія извлеченія и то въ нѣмецкомъ переводѣ. Быть-можетъ, извѣстіе это произошло отъ неточной передачи славянской рѣчи, гдѣ *храмъ* чаще имѣетъ значеніе простого дома, комнаты, чѣмъ священнаго зданія.

2) Выраженіе о сербахъ, что они сожигаютъ *сами себя* (?)—слѣдуетъ, конечно, понимать относительно рабовъ и прислугъ князя или владыки.

могутъ войти въ обитель блаженныхъ; потому-то жены не задумывались жертвовать жизнью и даже пламенно желали этого. Такое вѣрованіе, вмѣстѣ съ понятіемъ, что усопшій продолжаетъ жить и по смерти съ тѣми же потребностями, породило странный обычай — женить холостого по смерти, ибо если женитьба составляетъ законъ и необходимость земной жизни, она равно необходима и въ иномъ мірѣ. Жены и рабы сожигались живыми на кострахъ и (у борджанъ) съ извѣстными религіозными причитаніями; изъ нихъ Массуди приводитъ слѣдующее: «мы сожигаемъ ихъ на этомъ свѣтѣ, за то они не будутъ сожжены на томъ». Если дать этому выраженію цѣну достовѣрности и не принять его за случайное и незначительное, то, кажется, въ немъ можно видѣть намекъ на языческія понятія о томъ, что нѣкоторыхъ людей, напр. жену, непослѣдовавшую за мужемъ, рабовъ—за своимъ господиномъ, ожидала въ загробномъ мірѣ огненная казнь *пекла*. Въ случаѣ естественной смерти жены при жизни мужа, онъ не раздѣлялъ ея участи, не предавался смерти. Религіозное почтеніе къ усопшимъ, покормы и поминки ихъ, чествованіе предковъ въ образѣ домашнихъ пенатовъ, безъ сомнѣнія, заставили Массуди сказать, что *славяне поклоняются мертвымъ*.

Сочиненія Массуди послужили обильнымъ источникомъ, откуда черпали многіе послѣдующіе арабскіе писатели. Мы пройдемъ ихъ извѣстія, указывая только на отступленія отъ источника, таковы:

Аль-Бекри († 1094), написавшій сочиненіе «*Пути и Страны*»[1]). Слѣдуя своему источнику, онъ передаетъ о болгарахъ дунайскихъ слѣдующее:

«Въ числѣ обычаевъ борджанъ находится такой: когда кто умретъ, они кладутъ его въ глубокую *могилу*, погребаютъ вмѣстѣ

---

1) Рено (Géographie d'Aboulféda I, p. CIII) сомнѣвается, чтобы первая часть этого сочиненія, гдѣ говорится о хозарахъ, принадлежала Аль-Бекри; дѣйствительно, онъ только списывалъ и сокращалъ Массуди.

съ нимъ его женъ и служителей, заставляя ихъ умереть съ голода; другихъ сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ» [1]).

Аль-Бекри, мы замѣтили выше, исправляетъ и объясняетъ темное показаніе Массуди о погребеніи у болгаръ дунайскихъ: здѣсь уже нѣтъ помина о *храмѣ*, но о глубокой *могилѣ*, въ которой погребаютъ мертвеца и вмѣстѣ съ нимъ жену и рабовъ, также и одновременное существованіе двухъ различныхъ обычаевъ—*погребенія* и *сожженія* выступаетъ въ словахъ Аль-Бекри явственнѣе, чѣмъ у Массуди.

Ибрагимъ бенъ Вешифъ-Шахъ († 1225) пересказываетъ одно мѣсто изъ «Историческихъ Лѣтописей» слѣдующими словами:

«Большинство славянскихъ племенъ маги (язычники) и сожигаютъ сами себя» [2]).

Якутъ († 1229) въ своемъ Географическомъ Словарѣ представляетъ буквальную выписку изъ «Золотыхъ Луговъ»—о погребеніи сербовъ, при чемъ онъ и сослался на источникъ [3]).

Димешки († 1327) въ своей Космографіи, кажется, только распространилъ это же извѣстіе:

«Одни славяне исповѣдуютъ христіанство, другіе не признаютъ никакой религіи и не зависятъ ни отъ какой пчелы (ни отъ какого народа?), это тѣ, которые всего ближе къ сѣверу и океану. Они сожигаютъ тѣла своихъ князей по ихъ смерти и, вмѣстѣ съ ними, сожигаютъ рабовъ обоего пола, женъ и лицъ, бывшихъ въ услуженіи у князя: секретаря (?), визиря (?), любимца (собокольника) и врача» [4]).

Буквально это мѣсто не встрѣчается въ сочиненіяхъ Массуди, но отсюда нельзя заключать о его самостоятельности, и намъ кажется, что оно явилось вслѣдствіе желанія позднѣйшаго араб-

---

1) Напечатано у Defrémery. Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. Paris, 1849 (оттискъ изъ Journal asiatique 1849, N 10) p. 25.

2) Charmoy. Relation de Mas'oudi, Mémoires etc. p. 326 (30 отд. от.).

3) Charmoy. ibidem. p. 331 (35).

4) Charmoy. ibidem. p. 353 (58).

скаго космографа объяснить темное выраженіе своего источника, въ этомъ убѣждаетъ насъ и исчисленіе ближнихъ людей князя, взятое изъ жизни мусульманскаго Востока, и то обстоятельство, что въ XIII—XIV вв. такой рѣшительно языческій и варварскій обычай уже не могъ имѣть мѣста въ жизни какого-нибудь славянскаго племени, не потому, конечно, чтобы нравы и обычаи народа успѣли смягчиться, но потому, что этого не дозволили бы вошедшіе въ силу христіанскіе порядки. Извѣстіе Димешки, очевидно, запоздало *тремя* вѣками, оно идетъ изъ болѣе стараго литературнаго источника, которымъ и могли быть сочиненія Массуди.

Наконецъ, укажемъ еще, что въ «Лѣтописяхъ достопримѣчательностей» неизвѣстнаго автора и времени,—разсказъ Массуди о погребеніи у сербовъ отнесенъ къ славянскому народу Nandjin или Bâmdjin[1]).

Какъ видно, всѣ пересказыватели Массудіевыхъ извѣстій, ничего не прибавляютъ новаго противъ источника, и только Аль-Бекри поясняетъ его.

Вполнѣ оригинальнымъ является намъ сказаніе Ибнъ-Фоцлана (путеш. около 921 г.), арабскаго посланника калифа Муктедира ко двору болгарскаго царя. Онъ видѣлъ русскихъ купцовъ, приходившихъ въ Булгаръ, наблюдалъ ихъ нравы и образъ жизни, разспрашивалъ чрезъ толмача о значеніи и смыслѣ странныхъ для него обычаевъ, записалъ все, что удалось ему видѣть и выпытать. Извѣстія его сохранились въ географическомъ словарѣ Якута. Въ нашемъ «Приложеніи» читатель встрѣтитъ краткій комментарій ко всѣмъ, сообщаемымъ имъ фактамъ, здѣсь же разсматриваемъ только его извѣстія о погребальныхъ обычаяхъ языческой Руси; о нихъ онъ распространяется всего болѣе, какъ очевидецъ[2]).

1) Charmoy. ibidem. q. 366 (70).

2) Мы переводимъ по тексту (переводу) Френа: „Ibn Foszlan's und anderer Araber berichte... Spb. 1823., нѣкоторыя разнорѣчія приводимъ изъ Расмуссена: De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Haun. 1825, p. 37 sq, и Оссона: Les peuples du Caucase, Par. 1828, p. 96 sq.

«Если кто-нибудь изъ Руси (русскихъ) заболѣвалъ, они разбивали для него въ отдаленіи отъ себя палатку, переносили его туда, и оставляли возлѣ него немного хлѣба и воды. Близко къ больному они не подходятъ, также не разговариваютъ съ нимъ и, что̀ еще хуже—не посѣщаютъ его ни разу во время болѣзни[1]), особенно, если это бѣднякъ или рабъ. Если онъ выздоровѣетъ и встанетъ съ постели, то возвращается домой къ своимъ; въ случаѣ же смерти—его сожигаютъ; только когда это — рабъ, его оставляютъ, какъ онъ есть (не сожигаютъ), пока не станетъ добычею псовъ и хищныхъ птицъ.

Мнѣ говорили, что съ своими (Рас. мертвыми) начальниками они дѣлаютъ вещи, изъ которыхъ сожженіе составляетъ лишь самое незначительное. Я хотѣлъ узнать эти обычаи, и вотъ, наконецъ, меня извѣстили о смерти одного изъ знатныхъ между ними. Они опустили его въ могилу и на десять дней снабдили ее крышею, пока не скроили и не сшили ему одежду. Если покойникъ—человѣкъ бѣдный, ему строютъ небольшую ладью, и сжигаютъ его въ ней, по смерти же богатаго собираютъ его имѣніе и раздѣляютъ на три части: одну даютъ его семьѣ, другую употребляютъ на покупку платья, на третью покупаютъ крѣпкаго напитка (nabis) для попойки въ тотъ день, когда дѣвушка его предается смерти и сжигается вмѣстѣ съ господиномъ...

Когда умираетъ изъ нихъ какой начальникъ (князь), его семейство спрашиваетъ у его дѣвушекъ и отроковъ: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?» Одинъ изъ нихъ отвѣчаетъ: «я», и какъ только скажетъ это, онъ связанъ и уже не можетъ отказаться, даже—еслибы онъ самъ этого захотѣлъ. По большей части дѣлаютъ это дѣвушки; потому, когда вышеназванный мужъ умеръ, спросили у дѣвушекъ его: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?» Одна изъ нихъ отвѣчала: «Я». Тогда поручили

---

1) Расмуссенъ предполагаетъ здѣсь и такой смыслъ: „но посѣщаетъ его ежедневно“ p. 37.

ее двумъ дѣвушкамъ, онѣ должны были стеречь ее, всюду ходить за нею и иногда даже мыли ей ноги; сами же люди (родные?) занялись дѣломъ усопшаго: кроили ему платье, приготовляли все нужное. Дѣвушка же между тѣмъ пила каждый день, пѣла, была весела и довольна.

Когда насталъ день, въ который надлежало быть сожжену умершему и дѣвушкѣ, я отправился на рѣку, гдѣ стоялъ его корабль; но онъ уже былъ вытащенъ на землю, для него были вбиты въ землю четыре большіе столба изъ березы (Chalendsch) и другаго дерева, и кругомъ ихъ разставлены деревянныя фигуры на подобіе людей [1]), корабль притащили сюда и поставили на столбы. Люди между тѣмъ начали ходить взадъ и впередъ и говорили слова, которыхъ я не понялъ, а мертвецъ лежалъ вдали въ своей могилѣ, откуда его еще не вынимали; потомъ принесли скамью (ложе), поставили ее на корабль и покрыли ее ватными стегаными одѣялами, греческой золотой паволокой и подушкой изъ той же матеріи; тотчасъ пришла старая женщина, которую они называютъ ангеломъ смерти, и разостлала названныя вещи на скамьѣ. Она-то распоряжалась шитьемъ платья и всѣми приготовленіями, она же убиваетъ и дѣвушку. Я видѣлъ ее, эту женщину: точно чортъ съ мрачнымъ и страшнымъ взглядомъ! Когда пришли къ могилѣ покойника, сняли землю съ деревянной крыши и самую крышу приняли прочь, вынули мертваго въ холстинѣ, къ которой онъ умеръ. Я видѣлъ, какъ отъ жестокаго холода страны онъ весь почернѣлъ; крѣпкій напитокъ, плоды и музыкальный инструментъ (балалайка?) [2]) были положены съ нимъ въ могилѣ, и все это теперь снова вынули. Мертвецъ, кромѣ цвѣта, не измѣнился. Его одѣли въ подштанники, штаны, сапоги, камзолъ и кафтанъ изъ золотой поволоки съ золотыми пуговицами, надѣли шапку золотой матеріи, опушенную соболемъ. По-

---

1) Rasmus. „statuae ligneae, hominibus, heroibusque formâ similes (p. 40).

2) Frähn: „eine Laute“, Ohsson: „un luth“, во всякомъ случаѣ—инструментъ струнный.

томъ понесли его въ шатеръ, разбитый надъ ладьею, посадили на стеганое одѣяло, подперли подушками, принесли крѣпкій напитокъ, плоды, пахучія травы и положили возлѣ него, также хлѣбъ, мясо и лукъ (чеснокъ) положили предъ нимъ, потомъ принесли собаку, разрубили ее на двѣ части и бросили въ ладью, все оружіе покойника положили возлѣ него, привели двухъ лошадей и гоняли ихъ, дотолѣ ихъ гоняли, пока онѣ не измучились (сильно не вспотѣли), тогда разрубили ихъ своими мечами, и мясо ихъ бросили въ корабль; затѣмъ были приведены два быка (двѣ коровы) и ихъ также изрубили и бросили въ корабль, принесли еще курицу и пѣтуха, зарѣзали ихъ и бросили туда же.

Между тѣмъ дѣвушка, обрекшая себя на смерть, ходила туда и сюда и вошла въ одинъ изъ шатровъ, которые находились тамъ; тогда обитатель его [1]) легъ къ ней и сказалъ: «скажи своему господину, *что только изъ любви къ тебѣ я сдѣлалъ это* (?!)».

Было въ пятокъ послѣ обѣда: дѣвушку подвели къ предмету, ими сдѣланному, который имѣлъ видъ выступа у двери [2]); она стала на ладони мужчинъ, заглянула за возвышеніе (сруба) и произнесла какія-то слова на своемъ языкѣ, потомъ ее спустили съ рукъ. Снова ее заставили взойти на возвышеніе, и она сдѣлала то же, что̀ и въ первый разъ; ее снова опустили, потомъ подняли въ третій разъ, и все она дѣлала то же (т. е. произносила слова), какъ въ первый и второй разъ; тогда ей дали курицу, она отрѣзала ей голову и бросила прочь; курицу подняли и бросили въ корабль. Я освѣдомлялся у переводчика обо всемъ, что̀ она дѣлала: «въ первый разъ, отвѣчалъ онъ, она сказала: «вотъ вижу я отца моего и мать мою», во второй — «вотъ вижу я — сидятъ вмѣстѣ всѣ мои умершіе родные», въ третій разъ — «вотъ и мой господинъ, онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекра-

---

1) Rasmus: „amasius ejus puellae".

2) Расмуссенъ предполагаетъ (p. 41—2 in notis), что здѣсь разумѣется срубъ или возвышеніе надъ колодцемъ, что̀, кажется, и справедливо.

сенъ, такъ зеленъ..., возлѣ него вся его дружина и отроки, онъ зоветъ меня, ведите же меня къ нему». Тогда подвели ее къ кораблю, она сняла пару своихъ ручныхъ обручей и отдала ихъ старухѣ, которую называютъ ангеломъ смерти и которая должна была ее умертвить, сняла также обручи съ ногъ и отдала ихъ двумъ служившимъ ей дѣвушкамъ, называемымъ дочерьми ангела смерти. Затѣмъ подняли ее на корабль, но не пустили, пока, въ раскинутый надъ нимъ шатеръ. Пришли мужчины со щитами и палицами и поднесли ей чашу крѣпкаго напитка (меда). Она взяла ее, запѣла надъ нею и потомъ выпила. «Этимъ, сказалъ мнѣ переводчикъ, она прощается съ своими близкими», подали ей другую чашу, она взяла и пѣла длинную пѣсню; но старуха торопила ее скорѣе выпить чашу и войти въ шатеръ, гдѣ лежалъ ея господинъ; дѣвушка испугалась, нерѣшительно подошла къ шатру; но только просунула голову между имъ и кораблемъ, старуха быстро схватила ее за голову, втащила ее въ шатеръ, и сама вошла туда же; въ ту минуту мужчины начали бить палицами въ щиты, чтобы не было слышно ея криковъ и другія дѣвушки не испугались бы и не отказывались бы снова давать согласіе на смерть съ своими господами. Потомъ въ шатеръ вошли шесть мужчинъ и, совокупившись по одиночкѣ съ нею, положили ее возлѣ ея господина, двое изъ нихъ схватили ее за руки, двое за ноги, старуха же, называемая ангеломъ смерти, надѣла ей веревку на шею и, подавъ концы ея двумъ другимъ мужчинамъ, чтобы они тянули, подошла сама съ большимъ широкимъ ножомъ и вонзила его между реберъ дѣвушки, двое мужчинъ душили ее веревкою, пока она не скончалась. Тогда выступилъ, совершенно нагой, одинъ изъ родственниковъ покойника, онъ взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и шелъ задомъ къ кораблю, держа въ одной рукѣ зажженное дерево, другою придерживая свои заднія части, пока не зажегъ костра подъ кораблемъ. Затѣмъ пришли и другіе съ подпалками и другимъ деревомъ, каждый несъ зажженный кусокъ и бросалъ его въ тотъ костеръ. Скоро огонь охватилъ костеръ, потомъ—корабль, шатеръ, мужчину, дѣвушку и все, что́

было на кораблѣ, подулъ страшный вѣтеръ, и пламя еще болѣе распространилось.

Возлѣ меня стоялъ одинъ изъ тѣхъ руссовъ; я слышалъ — онъ что-то говорилъ съ переводчикомъ, который былъ подлѣ него. Я спросилъ переводчика, что ему сказалъ русскій, и получилъ отвѣтъ: «вы, арабы, сказалъ онъ, глупый народъ: человѣка, который былъ для васъ милѣе и почтеннѣе прочихъ людей, вы зарываете въ землю, гдѣ его ѣдятъ ползающіе звѣри и черви; мы же сожигаемъ его во мгновеніе, чтобы онъ немедленно и безъ задержки вошелъ въ рай.» Тутъ онъ захохоталъ во все горло и прибавилъ: «владыко благосклоненъ къ умершему: вотъ онъ посылаетъ вѣтеръ, который во мгновенье его унесетъ»[1]). И дѣйствительно, не прошло часу, какъ корабль, костеръ и дѣвушка съ умершимъ — превратились въ пепелъ.

Тогда, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ вытащенный изъ воды корабль, насыпали они возвышенье, подобное круглому холму, утвердили въ срединѣ его большое деревянное (изъ березы) сооруженіе [2]), на которомъ начертали имя усопшаго вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя. Сдѣлавъ все это, они разошлись».

Таковы показанія Ибнъ-Фоцлана о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ руссовъ, сохранившіяся у Якута, который, сообщая ихъ въ своемъ «Словарѣ», не могъ не выразить своего изумленія, и отвѣтственность за достовѣрность ихъ возложилъ на автора [3]).

Если въ лицѣ Массуди мы имѣемъ ученаго историка и географа своего времени, собирателя разнородныхъ извѣстій, приводимыхъ имъ въ систему, то въ Ибнъ-Фоцланѣ мы находимъ только разсказчика. Онъ самъ былъ очевидцемъ, самъ наблюдалъ

---

1) Ohsson: «Dieu a voulu le voir arriver plus tôt», p. 101.

2) Frähn: «ein grosses Büchen Holz» (p. 21); Rasmus.: «magnum lignum betullinum ponebant» (p. 45); Ohsson: «une grande pièce de bois de bouleau» (p. 101); въ русскихъ переводахъ это мѣсто обыкновенно передается словомъ *столбъ*; причина, почему мы отступили отъ этого объясненія — ниже.

3) Frähn: Ibn Foszlan's Berichte, p. 23.

нравы и обычаи языческой Руси; но могъ ли онъ все видѣть, о чемъ разсказываетъ, все ли онъ передалъ вѣрно, все ли онъ понялъ такъ, какъ слѣдовало? Ибнъ-Фоцланъ передаетъ что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, но онъ—человѣкъ совершенно иной страны, иныхъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій, чѣмъ эта чуждая, наблюдаемая имъ жизнь; потому онъ глядитъ на нее не простыми глазами: самыя обыкновенныя и простыя явленія, случайные порядки ея представляются его удивленному пониманію, какъ особенности народнаго характера или какой-то обрядъ, и онъ невольно преувеличиваетъ видѣнное, притомъ онъ довѣряетъ всему, что̀ передавалъ толмачъ и самые русскіе, а они, конечно, между правдой разсказывали и небылицы съ желаніемъ порисоваться предъ иноземцемъ и хвастнуть своимъ: «Вы арабы — глупый народъ» —говорилъ Ибнъ-Фоцлану одинъ изъ русскихъ, и другіе едва ли стѣснялись правдой предъ чужеземцемъ, простакомъ-наблюдателемъ... Еще до погребенія знатнаго русскаго купца, Ибнъ-Фоцлану насказали о ихъ обычаяхъ много чудесъ и, разъ приготовясь видѣть небывалое и диковинное, онъ не умѣлъ уже удержаться въ границахъ дѣйствительности: его любопытство идетъ далѣе, и воображеніе пополняетъ непонятные и скрытые пробѣлы происходившаго; къ тому же онъ писалъ для публики, для читателей, прославленныхъ своею наклонностью къ чудеснымъ разсказамъ: чѣмъ необыкновеннѣе повѣсть, тѣмъ болѣе вниманія къ ней и успѣха, тѣмъ болѣе пищи для самолюбія автора и бывалаго странника; при этой мысли трудно вообще остаться холоднымъ передатчикомъ дѣйствительности, трудно не увлечься стремленіемъ поразсказать своимъ читателямъ поболѣе диковиннаго, и потому трудно представить лишь нагую дѣйствительность, не разукрасивъ хотя нѣкоторыхъ сторонъ ея...; для араба же, не привыкшаго полагать границу между прозой и поэзіей жизни, такая трезвая осмотрительность — почти невозможна; потому-то въ разсказѣ Ибнъ-Фоцлана мы не видимъ простого, безыскусственнаго отчета о видѣнномъ: это —-картина *разрисованная*, въ которой сочеталась и нагая дѣйствительность,

и досужія толкованія переводчика-руководителя, и побѣги личной фантазіи изумленнаго мусульманина, который, встрѣтивъ такой необыкновенный народъ и такіе странные обычаи, хочетъ разсказать о нихъ своимъ читателямъ и удивить или позабавить ихъ. Такимъ образомъ, Ибнъ-Фоцланъ соединяетъ въ себѣ столько же достоинства очевидца, сколько и недостатки неумѣлаго наблюдателя и путешественника-литератора: достоинства и важность его показаній давно признаны, но они, надѣемся, станутъ опредѣленнѣе и яснѣе, когда мы отдѣлимъ въ нихъ черты сомнительныя и преувеличенныя, происходящія и отъ неумѣнія его стать въ правильныя отношенія къ наблюдаемому, и отъ довѣрія къ первому подручному объясненію переводчика, и отъ невольнаго соблазна подѣйствовать на читателей разсказомъ о странныхъ обычаяхъ [1]); принявъ въ разсчетъ все это, мы будемъ въ состояніи извлечь изъ показаній Ибнъ-Фоцлана весьма важныя данныя относительно языческой погребальной древности русскихъ — славянъ; они важны не потому только, что записаны очевидцемъ, такъ сказать на мѣстѣ и по горячему слѣду своей жизни, но и по тѣмъ подробностямъ, которыхъ мы не встрѣтимъ ни въ одномъ однородномъ памятникѣ, и въ которыхъ изслѣдователь не имѣетъ права сомнѣваться, потому что они не противорѣчатъ понятіямъ и условіямъ быта языческой старины.

Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ, что больного русскіе отдѣляли въ особое помѣщеніе и прочіе люди прекращали всякое сообщеніе съ нимъ. Такъ слѣдуетъ изъ перевода Френа, но Расмуссенъ, мы видѣли, даетъ тексту и иной смыслъ: «больного посѣщаютъ ежедневно»; послѣднее — вѣроятнѣе; но если принять и первое, то все же едва ли можно видѣть здѣсь какое-нибудь постоянное обыкновеніе русскихъ; скорѣе думать, что

1) Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ указанные нами недостатки Ибнъ-Фоцлана гораздо болѣе видны въ первой части его извѣстій (см. наше Приложеніе), чѣмъ во второй, съ которой мы имѣемъ теперь дѣло: личное наблюденіе имѣло здѣсь свою обязательную сторону.

это было частное обыкновеніе русскихъ купцовъ въ Булгарѣ: побужденіемъ къ нему могла служить или испытанная заразительность болѣзни, или, что вѣрнѣе, бѣдность и рабство: торговымъ людямъ некогда было заботиться о бѣднякѣ или рабѣ, занемогшемъ на чужбинѣ, и они оставляли его на произволъ судьбы; съ богатыми, конечно, бывало иначе, и самъ Ибнъ-Фоцланъ намекаетъ на это, указывая, такимъ образомъ, на случайность своего извѣстія.

Умершіе предавались *сожженію* — таковъ общій погребальный обычай русскихъ по извѣстію Ибнъ-Фоцлана: простые люди просто и сожигались въ лодкѣ, которую строили на этотъ случай, знатные и богатые сожигались съ особыми почестями и приготовленіями. Въ такомъ отличіи нѣтъ ничего страннаго: оно естественно и находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствахъ могилъ не только славянской территоріи, но и вообще всей Европы[1]): богатые и знатные люди имѣли болѣе средствъ и, кажется, болѣе правъ на роскошную погребальную почесть, потому что и бытъ языческихъ славянъ не былъ чуждъ сословнаго элемента. Но зачѣмъ и простая чадь и знатные сожигаются въ ладьѣ? Относительно похоронъ, видѣнныхъ Ибнъ-Фоцланомъ, можно на первый разъ подумать, что это былъ не какой-либо непремѣнный обычай, а простое стеченіе обстоятельствъ: погребался пріѣзжій купецъ, ладья была однимъ изъ главныхъ предметовъ его имущества, и потому, на ряду съ прочими предметами житейскаго обихода, должна была удовлетворять его загробнымъ потребностямъ: на тотъ свѣтъ ему давали его собственность; бѣдняку для той же цѣли могли строить новую небольшую ладью, такъ какъ онъ не имѣлъ своей собственной, хотя и былъ купцомъ... Такъ можно понять извѣстіе Ибнъ-Фоцлана, если допустить, что онъ имѣлъ въ виду лишь погребеніе русскихъ на чужбинѣ, въ Булгарѣ[2]); но, кажется, его словамъ должно придать болѣе общій

---

1) Weinhold. Die heidnische Todtenbestattung... W. 1859, p. 24, 90, 96 et passim.

2) Такъ и понялъ его Ohsson: Les peuples du Caucase, p. 1828, p. 95 not.

смыслъ: слѣдуя изустному сообщенію, онъ могъ говорить такъ и не о частномъ погребальномъ обыкновеніи русскихъ купцовъ въ Булгарѣ, а вообще о русскомъ постоянномъ обычаѣ, независящемъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, тогда лодка, въ которой сожигали покойника, получитъ значеніе одного изъ условій языческаго погребенія русскихъ славянъ (или, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь племени изъ нихъ), и свидѣтельство Ибнъ-Фоцлана возстановитъ намъ любопытный и важный фактъ славянской старины, именно: *обычай хоронить мертвеца въ лодкѣ*, спуская ли его въ открытую воду, путемъ которой онъ достигнетъ страны блаженныхъ отцовъ, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, сожигая его тѣло; существованіе такихъ обычаевъ у другихъ племенъ индо-европейскаго корня не подлежитъ сомнѣнію[1]), относительно бытованія ихъ у славянъ мы находимъ лишь темные отрывочные намеки, сохранившіеся въ языкѣ и нѣкоторыхъ фактахъ народной суевѣрной практики (мы соберемъ ихъ во 2-й части нашего изслѣдованія). Ибнъ-Фоцланъ впервые даетъ опредѣленное въ этомъ отношеніи показаніе, и сомнѣваться въ истинѣ его тѣмъ менѣе должно, что тѣ же воззрѣнія на загробную жизнь, какія условили этотъ обычай у другихъ родственныхъ племенъ — въ равной мѣрѣ, какъ увидимъ, существовали и у славянъ. Право на погребальную почесть имѣли лишь люди свободные: рабы не погребались и не сожигались, по смерти — они выбрасывались и становились добычею хищныхъ звѣрей и птицъ; рабами бывали по большей части иноплеменники и иновѣрцы, въ глазахъ властелиновъ они не заслуживали послѣдней чести, какъ вещь, которую можно было и убить и продать, свершить надъ ними священный обрядъ—значило уподобить ихъ свободнымъ; а по понятіямъ языческихъ славянъ рабство не прекращалось и за дверями гроба (см. ниже свид. Льва Діакона); потому, если и сожигались рабы, то вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, какъ служеб-

---

1) См. Grimm. Kleinere Schriften, t. p. 266 и слѣд. Weinhold, Altnordisches Leben. Ber. 1856, p. 478 sq, 783 sq.

ная сила его посмертному существованію, но не какъ правныя лица; не надъ ними и не для нихъ совершался погребальный обрядъ, а они составляли предметъ, входившій въ него; отсюда понятно, почему рабы, умершіе естественною смертью, въ глазахъ славянъ-язычниковъ не имѣли права на погребальную почесть и оставлялись на произволъ судьбы.

Съ умершимъ сожигались отроки, и еще чаще дѣвушки, по добровольному ихъ согласію; были они, конечно, рабы и рабыни. О сожженіи отроковъ Ибнъ-Фоцланъ получилъ свѣдѣніе изъ разспросовъ, смерть же дѣвушки рабыни онъ видѣлъ своими глазами; причина, почему дѣвушки предаются смерти чаще, чѣмъ отроки — остается темна: быть-можетъ, Ибнъ-Фоцлану такъ разсказали русскіе купцы, торговавшіе исключительно *рабынями;* быть-можетъ, была тому и иная причина, именно—религіозное вѣрованіе, отмѣченное нами выше. О женѣ покойника Ибнъ-Фоцланъ не говоритъ ни слова: кажется, онъ былъ холостой человѣкъ; тогда нельзя ли къ описываемому обряду примѣнить извѣстіе Массуди, что славяне и русскіе въ землѣ хозаръ *женятъ холостого по смерти*, и видѣть въ немъ сочетаніе двухъ, впрочемъ не далекихъ другъ отъ друга, обычаевъ, *погребальнаго* и *свадебнаго*? Не выдавая этого предположенія за вѣрное, мы думаемъ, однако, что оно не лишено вѣроятія, потому что только съ этой точки зрѣнія можно объяснить нѣкоторые частные факты, замѣченные Ибнъ-Фоцланомъ и совершенно странные и непонятные въ священномъ обрядѣ погребенія. Касательно добровольнаго согласія дѣвушекъ и отроковъ умереть съ своимъ господиномъ — извѣстіе Ибнъ-Фоцлана не противорѣчитъ другимъ свидѣтельствамъ (см. выше, стр. 61); кажется, въ X столѣтіи суровая, принудительная сила обычая уже смягчилась: жены, рабы и рабыни уже имѣли право свободнаго выбора между жизнью и смертью и послѣднюю избирали добровольно, увлекаясь надеждой вступить въ обитель блаженства по слѣдамъ своего властелина. Тѣло усопшаго положили напередъ въ изготовленную особо могилу, которую покрыли крышею, и возлѣ него оставили питье,

плоды и музыкальный инструментъ; по понятіямъ язычника — покойникъ, видно, жилъ и въ могилѣ, но только жизнью, которая выдѣляла его изъ царства обыкновенной жизни и требовала для него особаго помѣщенія [1]). На мѣстѣ сожженія — въ день погребальнаго обряда, лодка или погребальное ложе обставлялось человѣкообразными фигурами; хотя ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ другихъ свидѣтельствахъ, но отвергать только поэтому показаніе Ибнъ-Фоцлана—едва ли будетъ справедливо: фактъ принадлежитъ къ числу подмѣченныхъ, не видно, чтобы онъ былъ выдуманъ, или переданъ съ чужого голоса: Ибнъ-Фоцланъ говоритъ здѣсь въ качествѣ очевидца; фигуры эти, вѣроятно, были изваянія божествъ, о которыхъ нашъ путешественникъ упоминалъ выше [2]): погребеніе—всегда дѣйствіе священное, совершать его было естественно въ присутствіи боговъ. Усопшаго, какъ богатаго и знатнаго, погребали съ роскошью, великолѣпно одѣвъ его и убравъ погребальное ложе; его снабжали яствами и питьемъ, положили возлѣ него оружіе, сюда же бросили изрубленныхъ коней, быковъ (коровъ?), собаку, пѣтуха и курицу. Ибнъ-Фоцланъ не знаетъ, почему коней предварительно измучили ѣздой, мы позволяемъ себѣ видѣть здѣсь не безцѣльное дѣйствіе, но почесть, оказываемую мертвому: бѣгъ происходилъ въ честь его, подобно тому, какъ воины Аттилы, «lectissimi equites, in modum circensium cursibus ambientes, facta ejus cantu funereo referebant» [1]). Домашнія животныя должны были служить

---

1) Невольно вспоминается при этомъ, что и тѣло Аттилы до погребенія (см. выше, стр. 41) было также вынесено на поле и поставлено подъ разбитымъ шатромъ.

2) Frähn. Ibn. Foszl. p. 7—8 и *наше Приложеніе.* Можетъ-быть, эти фигуры были изображеніями предковъ усопшаго, пріобщавшагося къ ихъ сонму, тогда совершеніе обряда въ присутствіи ихъ будетъ еще понятнѣе. Существованіе подобныхъ пенатовъ въ языческой славянской старинѣ, какъ увидимъ ниже, подтверждается многимъ, и всего яснѣе запасомъ народныхъ суевѣрій.

1) Приводимъ здѣсь, по указанію Круга (Forschungen, II, p. 525), выдержку изъ Петра Дюсбурга о подробномъ же обычаѣ Пруссовъ: «cum nobilibus mortuis arma, equi, servi et ancillae, vestes, canes venatici, aves rapaces et alia, quae spectant ad militiam urerentur».

покойнику на томъ свѣтѣ — и съ этою цѣлью сожигались съ нимъ на кострѣ; такъ, вѣроятно, объяснялъ народъ значеніе обряда, и, съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ; но первоначальный источникъ обычая, кажется, возникъ помимо такого практическаго взгляда и вытекалъ изъ первобытныхъ миѳическихъ воззрѣній на загробное существованіе и пребываніе души въ сферѣ воздушной, гдѣ движутся небесныя стада — облака (быки, коровы), гонимыя воющимъ вѣтромъ (собакою) и освѣщаемыя блескомъ молній, небеснымъ огнемъ (пѣтухами), по этой области воздушнаго моря должна была носиться душа усопшаго въ *ладьѣ* или на бурномъ конѣ. Мы не разъ еще остановимся на слѣдахъ такихъ воззрѣній на загробную жизнь, условившихъ многіе частные порядки погребальнаго обряда, тогда наше толкованіе, надѣемся, не покажется страннымъ или натянутымъ, здѣсь замѣтимъ только, что, конечно, русскіе X вѣка, надѣляя своего покойника животными и птицами, не понимали уже первоначальнаго значенія обряда и исполняли его по преданію, вѣроятно, придавая ему указанное выше, позднѣйшее значеніе.

Погребальнымъ обрядомъ распоряжалась старуха, называемая *Ангеломъ Смерти*, ей помогали двѣ дѣвушки, которыя назывались *дочерьми ея;* небогатые источники славянской языческой старины не говорятъ ничего объ этомъ дѣйствующемъ лицѣ погребальнаго обряда: нѣтъ, сколько знаемъ, никакого упоминанія о немъ и въ древне-сѣверныхъ источникахъ, но такое отсутствіе свидѣтельствъ еще не даетъ права отвергать показаніе Ибнъ-Фоцлана. Въ суевѣрной практикѣ славянъ лицо старухи знахарки-ворожеи и донынѣ играетъ весьма важную житейскую роль, языкъ и обычай, въ свою очередь, сближаютъ понятіе о смерти съ понятіемъ о женщинѣ-старухѣ [1]), какъ знахарки она была хранительницею обычая и могла руководить его порядками; что до ея имени, ангела смерти, то въ немъ можно

---

1) cf. Worbs. Archiv für die Geschiche der Lausiz. S. 1793 p. 107 — 108. У лужичанъ и понынѣ мертвымъ тѣломъ завѣдуетъ старуха *cělowa žona.*

видѣть мусульманскую передачу какого-нибудь русскаго нарицат., намъ неизвѣстнаго; служившія ей дѣвушки, вѣроятно, назывались ея дочерьми въ силу родовой черты языка, который усвоиваетъ родственныя наименованія лицамъ, хотя и не стоящимъ въ дѣйствительномъ родствѣ, но связаннымъ какими-либо отношеніями. Сообщеніе обреченной на смерть дѣвушки съ любовникомъ можно понять, какъ символическій обрядъ вступленія въ бракъ съ умершимъ, которому природа уже отказала въ земномъ супружескомъ правѣ, какимъ, по естественному закону, сопровождается бракъ: его символически замѣняетъ другое, *живое* лицо; но слова, сказанныя имъ дѣвушкѣ, а равнымъ образомъ и совокупленіе съ нею 6-ти мужчинъ — совершенно невѣроятны. Весь текстъ первыхъ крайне не ясенъ и почти лишенъ смысла, къ тому же, какъ могъ посторонній человѣкъ и чужеземецъ видѣть, что́ происходило втайнѣ, скрытно отъ всякаго чужого взора, гдѣ и какъ онъ могъ слышать слова, которыя влагаетъ онъ въ уста любовника дѣвушки? Онъ руководился объясненіями толмача; но гдѣ порука, что объясненія эти были согласны съ дѣйствительностью, а не выдуманы для забавы надъ пытливымъ арабомъ! Допустивъ даже возможность разсказываемаго, все же невозможно признать его обычаемъ или обрядомъ: это могло быть только случаемъ, но какъ переводчикъ, остававшійся возлѣ Ибнъ-Фоцлана, могъ предусмотрѣть его, или знать, что́ дѣлается тамъ, въ закрытомъ шатрѣ! Кажется, что къ такой *фантазіи* Ибнъ-Фоцланъ былъ приведенъ мыслью о крайней чувственности и сладострастіи русскихъ[1]): воображеніе только восполнило скрытую дѣйствительность — и вотъ, шесть мужчинъ, вошедшихъ въ погребальный шатеръ для того, чтобы предать смерти жертву, прежде поодиночкѣ наслаждаются съ нею чувственною любовью..., — и онъ точно присутствуетъ при совершеніи этого мерзостнаго обряда. Нигдѣ, ни у одного народа нельзя найти подобной черты быта: явленіе такъ противо-

---

1) Онъ говоритъ объ этомъ выше, см. наше «Приложеніе».

рѣчитъ чувству почтенія къ смерти и усопшему, такъ профанируетъ торжественность священнаго обряда погребенія, что мы не колеблемся признать все это сказкой араба, желающаго удивить соотчичей разсказомъ о томъ, какія чудеса пришлось ему повысмотрѣть на своемъ вѣку.

Предъ смертью дѣвушка исполняла два обряда: она глядѣлась въ колодезь и торжественною пѣснью прощалась съ своими близкими, выпивая при этомъ подносимыя чаши напитка. Колодезь имѣетъ быть значеніе *рая*: миоическія представленія индоевропейскихъ народовъ сближаютъ жилище отшедшихъ блаженныхъ предковъ, рай — съ *колодцемъ* или *источникомъ;* страну отцовъ миоическое воззрѣніе помѣщаетъ на *островѣ* среди воздушнаго океана или въ *облакахъ — источникахъ*[1]), когда миоы низвелись на землю и пріурочились къ извѣстнымъ земнымъ предметамъ, тогда произошла перемѣна и въ этомъ представленіи: мѣсто небесной воды заступила земная, источникъ или колодезь, и вѣчно зеленѣющій островъ блаженныхъ народная фантазія помѣстила въ колодцѣ... Чтобы смягчить во всякомъ случаѣ тяжелый переходъ въ вѣчность, обреченную жертву допускали напередъ увидѣть блаженства рая, и вотъ причина троекратнаго глядѣнія дѣвушки въ колодезь, гдѣ ея изступленное воображеніе видѣло всѣхъ родныхъ и господина, окруженныхъ прелестями райской жизни[2]). Питье прощальной чаши и послѣднее причитаніе встрѣчаетъ многочисленныя аналогіи въ обычаяхъ славянскихъ племенъ: мы приведемъ ихъ въ своемъ мѣстѣ. Обрядъ, который совершала дѣвушка съ курицей, предъ своею смертью, можетъ имѣть столько же погребальное, сколько и

---

1) Въ Ригъ-Ведѣ *облако* представляется *источникомъ.* Ср. Mannhardt. Germanische Mythen. Berlin. 1858, p. 268—270, et passim.

2) Замѣтимъ въ разсказѣ Ибнъ-Фоцлана кажущуюся неточность: дѣвушка видитъ своего господина въ раю, онъ зоветъ ее къ себѣ *прежде* окончательнаго погребальнаго обряда сожженія, который совершался именно для того, чтобы проводить усопшаго въ рай! Неточно ли переданы слова дѣвушки, или уже самое вѣрованіе помутилось въ своей опредѣленности—сказать трудно.

брачное значеніе: въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ курица играетъ весьма видную роль: ею кормятъ молодыхъ на постелѣ, она служитъ для особыхъ свадебныхъ примѣтъ и гаданій, ею дарятъ молодыхъ на новое хозяйство, и вообще она является символомъ новой семьи, новоселья[1]); при такихъ понятіяхъ естественно подарить *новобрачную*, переселяющуюся на *другое* жилье, курицей, которую она и *беретъ* съ собою. Объясненіе, какое даетъ Ибнъ-Фоцланъ битью палицами въ щиты слишкомъ раціонально: вѣрнѣе думать, что такое дѣйствіе входило въ торжественность религіознаго обряда и первоначально основывалось на подражаніи громовымъ звукамъ явленій небесной сферы, куда переселялись души новобрачныхъ покойниковъ. Какъ способъ смерти дѣвушки отмѣтимъ *удушеніе* (см. выше, стр. 33—4, 55—6). Костеръ зажигалъ одинъ изъ родственниковъ покойника, *нагой и идя задомъ къ кораблю*, другіе слѣдовали за нимъ; намъ неизвѣстна причина такого обнаженія, едва-ли, впрочемъ, слова Ибнъ-Фоцлана слѣдуетъ понимать буквально: быть-можетъ, родственникъ усопшаго сбросилъ съ себя только важнѣйшую часть одежды, и тогда это можно понять, какъ трауръ по близкомъ[2]), видимый знакъ бѣды (бѣдности), скорби; обстоятельство, почему онъ шелъ задомъ къ костру кажется случайнымъ, быть-можетъ, онъ желалъ защитить зажженный факелъ отъ противнаго вѣтра. На пепелищѣ сожженнаго насыпали въ память ему круглый холмъ-могилу и въ срединѣ ея ставили деревянное сооруженіе, на которомъ начертывали[3]) имя покойнаго и русскаго князя.

---

1) Lausitz. Provinz. Blätter. 1782. I, 141; II, 70.; Этнограф. Сборникъ, V, р. 71; Терещенко, Бытъ рус. нар. II, 53; Haupt. Sagenbuch der Lausitz, L. 1862. I, p. 62—3; Csaplovics. Croaten und Wenden. Dres. 1829, 114 p.; Буслаевъ. Очерки рус. нар. поэзіи. I, 47—48.

2) Taylor (Researches into the early History of Mankind. L. 1865. p. 49—50) предлагаетъ много примѣровъ или полнаго обнаженія тѣла, или нѣкоторыхъ частей его въ знакъ покорности, уваженія, потомъ—бѣды, печали, траура.

3) О письменахъ этихъ нельзя ничего сказать положительнаго; быть-можетъ, это были *рѣзы*. О существованіи особыхъ письменъ у Руси X вѣка говоритъ Ибнъ-Якубъ-Эль-Недимъ и представляетъ снимокъ ихъ, доселѣ необъясненный. См. Frähn. Ibn-Abu-Jakub-El-Nedim's Nachricht v. d. Schrift der Russen im X Jhrd. Pet. 1835.

Что́ это было за сооруженіе — мы попытаемся опредѣлить впослѣдствіи; кажется, однако, это не былъ простой столбъ: путешественникъ выразился бы тогда яснѣе; кажется, что здѣсь рѣчь идетъ о *надгробной постройкѣ.* Странно, что Ибнъ-Фоцланъ ничего не говоритъ о погребальной тризнѣ, хотя выше, упоминая о раздѣлѣ имущества покойника, онъ прямо выражается, что третья часть его идетъ на попойку (тризну, которая ему казалась только попойкой) въ тотъ день, когда сожигается дѣвушка вмѣстѣ съ своимъ господиномъ; вѣроятно, тризна совершалась или не на могилѣ, а дома, или нѣсколько позднѣе, и тогда Ибнъ-Фоцланъ не видѣлъ ея.

Подобно Массуди и извѣстія Ибнъ-Фоцлана перешли въ произведенія многихъ послѣдующихъ арабскихъ писателей-этнографовъ: изъ него, кажется, взяли свои показанія:

Истахри (путеш. около 951 г.): «русскіе сожигаютъ своихъ покойниковъ, вмѣстѣ съ имуществомъ, на пользу ихъ душъ»[1]).

Ибнъ-Хаукалъ (976): «русскіе сожигаютъ своихъ усопшихъ, и съ богатыми изъ нихъ сожигаются вмѣстѣ и дѣвушки (служанки, рабыни) по собственному ихъ побужденію»[2]).

Эдризи ($\frac{1}{2}$ XI в.) буквально повторяетъ Ибнъ-Хаукала, впрочемъ съ указаніемъ на источникъ[3]).

Левъ Діаконъ († circa 989), разсказывая о борьбѣ Святослава съ Цимисхіемъ въ Болгаріи и пораженіи, какое потерпѣли Русы у Доростола, передаетъ слѣдующее: когда отъ руки Анемаса погибъ первый послѣ Святослава богатырь Икморъ (Ἴκμο-

---

1) Mordtmann. Buch der Länder, Hamb. 1845, стр. p. 106. Можетъ-быть, Истахри и самъ, независимо отъ указаннаго источника, получилъ тѣ же свѣдѣнія, такъ-какъ онъ, должно полагать, былъ въ земляхъ прикаспiйскихъ.

2) Frähn. Ibn-Foszlan's Berichte... p. 252. Ибнъ Хаукалъ, какъ видно, взялъ извѣстіе изъ Ибнъ-Фоцлана, а не изъ Истахрія, своего главнаго источника.

3) Lelewel. Géographie du moyen âge. Brux. 1852 t. III—IV. p. 185.

ρος), Руссы (Ρῶς), сильно пораженные этимъ несчастіемъ, забросили щиты на спину и отступили къ городу...

„ἤδη δὲ νυκτὸς κατασχούσης καὶ τῆς μήνης πλησιφαοῦς οὔσης, κατὰ τὸ πεδίον ἐξελθόντες τοὺς σφετέρους ἀνεψηλάφων νεκρούς· οὓς καὶ σιναλίσαντες πρὸ τοῦ περιβόλου καὶ πυρὰς θαμινὰς διανάψαντες κατέκαυσαν, πλείστους τῶν αἰχμαλώτων, ἄνδρας καὶ γύναια, ἐπ' αὐτοῖς κατὰ τὸν πάτριον νόμον ἐναποσφάξαντες, 'εναγισμούς τε πεποιηκότες ἐπὶ τὸν Ἴστρον ὑπομάζια βρέφη καὶ ἀλεκτρυόνας ἀπέπνιξαν, τῷ ῥοθίῳ τοῦ ποταμοῦ ταῦτα καταποντώσαντες. λέγεται γὰρ Ἑλληνικοῖς 'οργίοις κατόχους ὄντας..“ (ed. Bonn. L. IX, c. VI. p. 160).

Мы далеко отошли бы отъ нашей цѣли, войдя въ подробное разсмотрѣніе этнологическаго вопроса о Руссахъ (Ρῶς) византійскихъ писателей: конечно, важенъ этотъ вопросъ по многимъ отношеніямъ; но и наука не владѣетъ, пока, достаточными средствами къ его рѣшенію, и по самой сущности дѣла онъ представляется въ настоящемъ случаѣ—*обходимымъ*; въ разсказѣ Льва Діакона рѣчь идетъ ни о какомъ-нибудь этнологически цѣльномъ народѣ, *но о вояхъ* Святослава. Примемъ ли мы *норманское* происхожденіе *Русси*, или *славянское*, все же этнологическая цѣлость воевъ Святослава останется недоказанною: ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя будетъ еще заключать, что она состояла изъ исключительно пришлаго (норманскаго), или изъ исключительно туземнаго (славянскаго) народа. Вопросъ о составѣ воевъ Святослава отчасти разрѣшается извѣстіями русской лѣтописи, еще подъ годомъ 6390 читаемъ: «пойде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи»; подъ 6415: «иде Олегъ на Греки.. поя же множьство Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и Сѣверо, и Деревляне, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть Тлъковины»...; подъ 5452 годомъ: «Игорь совокупивъ *вои* многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ и Печенѣги... пойде на Греки»; послѣ битвы при Переяславцѣ Святославъ бралъ съ грековъ дань «и за

оубьеныя, глаголя: яко родъ его возьметъ»; потомъ, «видѣвъ мало дружины своея, рече въ собѣ... пойду въ Русь, приведу болѣ дружины»; взявъ съ грековъ дары, «поча думати съ дружиною, рька сице: аще не с'творимъ мира со царемъ, а оувѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше ѡступятъ ны въ градѣ, а Руска земля далеча...., но с'творимъ миръ со царемъ, да изнова изъ Руси, *съвокупивше вои, оумноживши*, поидемъ Царюгороду». Эти ясныя указанія заставляютъ думать, что, если даже допустить исконную отличительную черту мирнаго характера славянскихъ обитателей юга Россіи[1]), уже при Олегѣ примѣръ пришлаго дружинничества не оставался безъ вліянія и на туземное славянское населеніе, вызывая и въ немъ жажду славы и воинскихъ подвиговъ: убыль въ пришлой дружинѣ пополнялась туземнымъ источникомъ, и чрезъ сотню лѣтъ послѣ пришествія чуждаго военнаго сословія, даже и при новыхъ притокахъ его, въ дружинѣ, а тѣмъ болѣе и въ *вояхъ*—не замѣчается уже перевѣса чуждой народности. Далѣе, Кедринъ (или Скилица?) разсказываетъ, что въ числѣ убитыхъ воевъ Святослава находились *и женщины, переодѣтыя въ мужское платье*, онѣ сражались *съ мужьями* (μετὰ τῶν ἀνδρῶν) противъ грековъ[2]); изъ Льва Діак. извѣстно, что въ лагерѣ были и *младенцы*, которые, нѣтъ сомнѣнія, принадлежали этимъ женщинамъ, рѣшившимся раздѣлить тревоги воинской жизни съ своими мужьями[3])... все это скорѣе

---

1) Едва ли, впрочемъ, такая мысль можетъ имѣть значеніе историческаго факта: одно географическое положеніе славянъ, обитавшихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ азіатскими народами, то кочевавшими въ тѣхъ мѣстахъ, то тянувшимися мимо нихъ на западъ, должно было вывести русскихъ славянъ изъ идилліи мирнаго быта и воспитать въ нихъ воинскую предпріимчивость; вспомнимъ здѣсь удалыхъ черноморскихъ руссовъ и ихъ походы ва Востокъ. Впрочемъ, объ этомъ см. Приложеніе.

2) Cedr. ed. Bonn. II p. 406.

3) Иного мнѣнія держится уважаемый А. А. Куникъ: «Sie (erschlagene Frauen) waren, говоритъ онъ, schwerlich Familienmütter, sondern gehörten wol ohne Zweifel zur Klasse der Schildmädchen, welche wir in der normannischen Geschichte öfters antreffen, nach deren Aussagen sie theils ohne Männer theils in Verbindung mit ihnen auf kriegerische Abenteuer auszogen». Beruf. der schw.

указываетъ на *туземный* (славянскій) составъ воевъ Святослава, чѣмъ на бездомную дружину пришлецовъ (норманновъ). Потому, руководствуясь только этими указаніями, можно, кажется, принять за исторически достовѣрное, что *вои* Святослава подъ Доростоломъ въ большинствѣ состояли изъ русскихъ славянъ; иначе трудно будетъ объяснить и ихъ отважную заботу *не посрамить земли русской* и ихъ осѣдлыя наклонности характера: какъ, несмотря на богатую приманку добычи впереди, ихъ все-таки влечетъ мысль о возвратѣ въ далекую русскую землю, гдѣ видѣлся отдыхъ отъ трудовой и бурной жизни воина. Къ этому прибавимъ, что имя Русь, Ῥῶς, въ 10 вѣкѣ уже не имѣетъ строгаго этнологическаго характера: Левъ Діаконъ употребляетъ его для обозначенія войска Святослава, Лѣтопись—для обозначенія русской земли вообще, русскаго народа и въ частности—воевъ и дружины.

Не находя, такимъ образомъ, никакого внѣшняго препятствія отнести свидѣтельство Льва Діакона къ *славянской* древности, позволяемъ себѣ подробный разборъ его внутренняго содержанія, при этомъ главнымъ образомъ имѣемъ въ виду этнологическую сторону предмета.

Со стороны теоріи норманскаго происхожденія Руси, кажется, сдѣлано все, чтобы объяснить вышеприведенное свидѣтельство Льва Діакона: блестящій и остроумный комментарій къ нему г. Куника читатель найдетъ въ 2-мъ томѣ его труда: «Berufung der schwedschen Rodsen (Spb. 1845, p. 451—492)». Позволяя себѣ не раздѣлять, въ этомъ случаѣ, основного взгляда уважаемаго нами ученаго на славянскій элементъ Святославовой дружины, попытаемся представить такой же комментарій къ свидѣтельству Льва Діакона съ точки зрѣнія славянскаго быта.

Rodsen. II p. 452. Чтобы такое *предположеніе* могло получить силу, для этого, во—1-хъ, необходимы доказательства болѣе прочныя, чѣмъ указанія на полубаснословныя образы Ольги и Рогнѣды; во 2-хъ; необходимо доказать, что младенцы, о которыхъ говоритъ Левъ Діак., принадлежали не женщинамъ, находившимся въ числѣ воевъ Святослава.

Предварительно продолжимъ выдержку изъ Льва Діак.: она касается вѣрованій тавроскиѳовъ (т. е. руссовъ)[1]) въ будущую жизнь. Разсказавъ, что они, будучи побѣждены и не видя спасенія, никогда не предаются въ руки врагу, Левъ Діак. поясняетъ, „τοῦτο δὲ πράττουσι, δόξαν κεκτημένοι τοιαύτην· φασὶ γὰρ τοὺς πρὸς τῶν ἐναντίων κατακτεινομένους ἐν τοῖς πολέμοις, μετὰ τὸν μόρον καὶ τὴν ἐκ τῶν σωμάτων διάζευξιν τῶν ψυχῶν, ἐν ᾅδου τοῖς αὐθένταις ὑπηρετεῖν. Ταυροσκύθαι δέ, τὴν τοιαύτην δεδιότες λατρείαν ἀποστυγοῦντες δὲ καὶ τοῖς ἀναιροῦσιν αὐτοὺς ἐξυπηρετεῖν, τῆς ἑαυτῶν σφαγῆς αὐτόχειρες γίνονται. ἀλλὰ τοιαύτη μὲν ἡ ἐπικρατήσασα ἐν αὐτοῖς δόξα„ (ed. Bonn. p. 151—2). Какъ изъ этого, такъ и изъ вышеприведеннаго мѣста Льва Діакона открывается, что руссы на будущую жизнь смотрѣли, какъ на продолженіе настоящей, съ ея радостями и горемъ (рабство), что употребляемый ими способъ погребенія мертвецовъ—было сожженіе; надъ усопшими они убивали плѣнниковъ мужчинъ и женщинъ; по совершеніи же погребальнаго обряда душили младенцевъ и топили ихъ съ пѣтухами въ рѣкѣ. Едва ли слѣдуетъ доказывать, что вѣрованіе въ чувственную будущую жизнь и обычай сожженія тѣлъ усопшихъ были одинаково распространены и у норманновъ, и у языческихъ славянъ: относительно послѣднихъ на это существуютъ прямыя историческія свидѣтельства; мы собираемъ ихъ въ настоящей главѣ нашего труда; и если они представляются далеко не въ такомъ обиліи, съ какимъ они собраны г. Куникомъ относительно сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ, то, по крайней мѣрѣ, въ такой же ясности, не дозволяющей сомнѣваться или отвергать ихъ: бѣдность свидѣтельствъ о сожиганіи тѣлъ усопшихъ у славянъ объясняется вообще сравнительною бѣдностью лѣтописныхъ свидѣтельствъ о нравахъ и обычаяхъ этихъ племенъ въ эпоху ихъ язычества, и богатство свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ у скандинавовъ—никакъ не даетъ права заключать о норманскомъ

---

1) Объясненіе этого *ученаго* термина у г. Куника: Berufung d. Rodsen II, p. 8—9 et 447.

характерѣ погребальной тризны Святославовыхъ воевъ: вѣрованіе въ чувственную будущую жизнь, обычай сожженія—столько же норманскіе, сколько и славянскіе. Говоря объ убійствѣ плѣнниковъ надъ тѣлами павшихъ воиновъ, о потопленіи младенцевъ и пѣтуховъ въ струяхъ Дуная, Левъ Діак. несомнѣнно передаетъ не случайное явленіе, но обычный фактъ народной жизни (κατὰ τὸν πάτριον νόμον), такъ понимали его всѣ изслѣдователи древности, но какой смыслъ могъ имѣть этотъ обычай—это, пока, остается вопросомъ. Относительно убійства плѣнниковъ, мужчинъ и женщинъ, мы наклонны раздѣлить мнѣніе г. Куника, что это были не языческія жертвы богу войны, а рабы, предназначавшіеся на служеніе павшимъ [1]), тѣмъ болѣе, что самъ лѣтописецъ, какъ видно изъ приведенной нами выдержки, свидѣтельствуетъ, что руссы переносили идею рабства и въ область загробнаго міра; естественно такое понятіе у народа рабовладѣльца, который посмертную жизнь понимаетъ и представляетъ въ реальныхъ, земныхъ формахъ; существованіе его въ славянской древности подтверждается извѣстною клятвенною формулою Игорева договора: «да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій», о самомъ обычаѣ упоминается, какъ мы видѣли, и въ другихъ положительныхъ свидѣтельствахъ славянской древности.

«Совершенно иную цѣль— говоритъ г. Куникъ—имѣло удушеніе младенцевъ и погруженіе ихъ вмѣстѣ съ пѣтухами въ Дунай: можетъ-быть, этимъ хотѣли доставить средства къ благополучному переходу душъ павшихъ воиновъ; вообще нѣмецкія племена приносили въ жертву младенцевъ и въ особенности закладывали ихъ въ стѣны» (р. 458). Здѣсь не вполнѣ ясною представляется связь между обрядомъ и мыслью: чѣмъ именно облегчали эти жертвы переходъ въ вѣчность? Давъ силу нѣкоторымъ преданіямъ и археологическимъ фактамъ славянской древности, окажется, что суровый обычай зарывать и закладывать въ стѣну

1) Куникъ, loco citato, Срезневскій. Святилища и обряды яз. богослуж. Славянъ (X. 1846) р. 17, 85—8.

живыхъ людей, какъ взрослыхъ, такъ и младенцевъ — имѣлъ мѣсто и въ жизни языческихъ славянъ [1]); но едва ли между нимъ и потопленіемъ младенцевъ воями Святослава существуетъ какая-нибудь связь, по крайней мѣрѣ она — не видна, и потому здѣсь гораздо вѣроятнѣе допустить объясненіе историческое: между павшими воями Святослава, какъ видно изъ Кедрина, были женщины; нѣтъ сомнѣнія, что съ ними въ дружинѣ были и дѣти, грудные младенцы; по смерти отцовъ и матерей [2]) они оставались сиротами, на произволъ судьбы, имъ не было болѣе мѣста въ военной, непосѣдной дружинѣ; а отсюда, естественно, должна была явиться мысль о присоединеніи ихъ къ сонму усопшихъ родныхъ: ихъ *удушили* и, слѣдуя вѣрованію, сближающему загробную *область съ водою* (небесною), *погрузили въ струи Дуная*. Обычаю приносить въ жертву усопшимъ пѣтуховъ — г. Куникъ не нашелъ подтвержденій въ сѣверныхъ источникахъ. Для славянской древности указанія на этотъ обычай не рѣдки: мы встрѣтили уже такой же обычай у Ибнъ-Фоцлана, приведемъ еще нѣкоторые факты изъ суевѣрныхъ народныхъ обычаевъ: по указанію г. Срезневскаго [3]), у карпатскихъ горцевъ и у хорутанъ кое-гдѣ доселѣ существуетъ обыкновеніе умерщвлять на могилѣ пѣтуха, въ Аткарскомъ уѣздѣ (Саратов. губ.) тотъ же обычай уцѣлѣлъ уже въ смягченной формѣ: когда опускаютъ мертвеца въ могилу, родственница покойнаго, поймавъ заранѣе въ домѣ его *пѣтуха* или курицу, передаетъ его чрезъ могилу другой женщинѣ, а потомъ его отдаютъ нищему [4]);

---

1) Нѣкоторыя изъ нихъ указаны К. Я. Эрбеномъ, въ ст. его Obětování zemi, въ Časop. česk. Museům, 1848, p. 37 sq.

2) Мы позволимъ себѣ даже высказать предположеніе, что женщины, которыхъ, по словамъ Л. Д., убили руссы надъ кострами своихъ воиновъ, были вовсе не *плѣнницы*, а скорѣе *жены* павшихъ: предположить это естественнѣе, чѣмъ думать, что греки, отправляясь въ недалекій походъ, брали съ собою и женщинъ; славянскій обычай убійства жены на гробѣ мужа — не требуетъ подтвержденія.

3) Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ X. 1846, p. 88.

4) Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1845, № 36.

жертвы пѣтухами являются у славянъ въ многочисленныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни †; изъ сравнительнаго разбора относящихся сюда преданій и повѣрій видно, что въ образѣ пѣтуха миѳическое міросозерцаніе народа олицетворяло *небесный огонь, блескъ грозы* въ пространствѣ *небеснаго моря*[1]), а такъ какъ то же міросозерцаніе *тамъ же* представляло себѣ и область пребыванія и дѣйствія душъ усопшихъ, то участіе пѣтуховъ въ погребальномъ обрядѣ становится понятнымъ; сюда принадлежитъ и замѣчательная чешская поговорка о душахъ усопшихъ младенцевъ, что они на *лугу пасутъ пѣтушковъ* (na louce kohoutky pasou)[2]), т. е. *въ раю стерегутъ небесные блески=молніи.* Переселяя, такимъ образомъ, души младенцевъ въ воздушную область небеснаго моря, народный обычай придавалъ имъ и пѣтуховъ (символъ небеснаго блеска), которыхъ они будутъ пасти на томъ свѣтѣ.

Такимъ образомъ, и по внутреннему содержанію свидѣтельство Льва Діакона можетъ быть усвоено славянской старинѣ[3]), и даетъ для нея слѣдующіе факты: оно подтверждаетъ существованіе погребальнаго обычая сожженія у славянъ (восточныхъ); при чемъ—усопшимъ давались въ услугу рабы-плѣнники, которыхъ предавали смерти надъ погребальнымъ костромъ; съ усопшими родителями иногда предавались смерти чрезъ удушеніе и младенцы-сироты, которыхъ, слѣдуя *преданію, имѣющему миѳическое основаніе, топили въ водѣ* вмѣстѣ съ пѣтухами.

Титмаръ, епископъ Межиборскій († 1018) оставилъ въ

---

† Hanuš Bájeslovný kalendář slovanský. Pr. 1860 стр. 124, 129, 175, 182 et passim.. Востоковъ, Описаніе ркп. Румянцовск. Музея. Спб. 1842, стр. 228 ст. 2. Grohmann, Aberglauben und Gebräuche aus Böhmen und Mähren. Pr. 1864. p. 51, 74—6.

1) Ср. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 1-й, М. 1866. стр. 518 и sq., Mannhardt, Germanische Mythen., B. 1858 p. 341.

2) Hanuš Bájesl. kalend. p. q.

3) Свидѣтельство Льва Діакона относитъ къ славянской древности и Яковъ Гриммъ см. Kleinere Schriften, B. t. II. 1865 p. 293—4, ст. Über das Verbrennen der Leichen.

своей Хроникѣ два относящихся до нашего предмета свидѣтельства: одно касается вѣрованій славянъ въ безсмертіе души, другое—ихъ погребальнаго языческаго обычая.

Первое находится въ 7-й главѣ 1-й книги.

«Haec loquor.... in litteratis et maxime Sclavis, *qui cum morte temporali omnia putant finiri*» †.

Это, на первый взглядъ странное, извѣстіе вызвало слѣдующій обстоятельный комментарій г. Срезневскаго: «замѣчаніе Дитмара — говоритъ онъ, какъ ни случайно вброшено оно въ его лѣтопись, приводитъ обыкновенное доказательство тому, что славяне не имѣли понятія о безсмертіи души; но послѣ доказательствъ противнаго, при убѣжденіи, что Дитмаръ не говорилъ того, чего не зналъ, нельзя не искать въ его замѣчаніи иного, болѣе правдоподобнаго, смысла. Можно предполагать, что Дитмаръ, не заботясь о фактѣ, высказалъ только мнѣніе, для христіанина его времени очень возможное, что славяне, какъ язычники, не могли сознать идеи о воскресеніи душъ иначе, какъ посредствомъ всѣхъ другихъ истинъ христіанскаго ученія; но этому предположенію противорѣчитъ характеръ всей лѣтописи Дитмара: желая сказать такую мысль, онъ выразилъ бы ее полнѣе. Остается, слѣдовательно, предположить, что Дитмаръ, зная о вѣрованіи славянъ въ двоійственность посмертной судьбы человѣческой, зная, что, по вѣрованію славянъ, для однихъ готовилась послѣ смерти новая жизнь, между тѣмъ какъ для другихъ смерть была совершеннымъ окончаніемъ существованія, обратилъ вниманіе только на эту послѣднюю мысль, какъ на совершенно противную духу христіанства. Едва ли можно какъ-нибудь иначе понять слова Дитмара, не вѣря тому, что Дитмаръ не зналъ никакого обычая славянъ, въ которомъ выражалась бы ихъ надежда на жизнь послѣ смерти. Неловкость выраженія оправдывается его случайностью» [1]). При всемъ уваженіи къ уче-

---

† Bielowski. Monumenta Poloniae historica. t. 1. Lwów. 1864. p. 244.

1) Ст. о языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души. Ж. Мин. Нар. Просв. 1847 № 2, стр. 193—4, Ср. Святилища и обряды яз. бог. др. Сл. стр. 18.

ному авторитету проф. Срезневскаго, мы позволяемъ себѣ въ настоящемъ случаѣ быть иного мнѣнія, и вотъ на какихъ основаніяхъ: понятіе о совершенномъ уничтоженіи бытія по смерти было совершенно чуждо славянскому язычеству: его не подтверждаютъ никакіе памятники старины; приведенныя г. Срезневскимъ заклинанія и поговорки («Богъ меня убей, біи тя сила Божа, niech mię Pan Bòg zabije, zoby mje Bòh zabil, да ме Бог убиjе, изгинуо као невjерац, исчезни, сгинь ты, пропади, провались, не стало те нити душе твоjе») едва ли выражаютъ что-нибудь иное, а не простое недоброе пожеланіе утратить дорогой даръ жизни: какъ ни сильна была вѣра въ будущую жизнь, но все же она не могла пересилить привязанности къ земному бытію и побѣдить смутное чувство страха предъ неизвѣстною таинственностью загробнаго существованія; подобныя поговорки возможны при всякой религіи и даже при такой, которая совершенно чужда понятія о загробномъ возмездіи. Спору нѣтъ, что вообще *возможна идея* о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ, но при чувственномъ характерѣ язычества, она едва ли могла изъ идеальной идеи стать реальнымъ понятіемъ и сдѣлаться твердымъ, опредѣленнымъ предметомъ вѣрованія. По отношенію къ свидѣтельству Титмара также нѣтъ, кажется, надобности предполагать существованіе такого понятія или вѣрованія въ славянской языческой древности: Титмаръ начинаетъ 72-ю главу II книги своей Хроники слѣдующими словами: «ut nullus Christo fidelium de *futura mortuorum resurrectione* diffidat, sed ad beatae immortalitatis gaudia anhelanter per sancta proficiscatur desideria, quaedam, quae in urbe Wallislevo.. accidisse veraciter comperi, intimabo» (Biel p. 243), и вслѣдъ затѣмъ передаетъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ о томъ, какъ ночью усопшіе являлись въ церквахъ и совершали богослуженіе, какъ привидѣнія предсказывали всегда что-нибудь необыкновенное или недоброе. Этими примѣрами Титмаръ хочетъ убѣдить тѣхъ, которые невѣруютъ (inlitterati=невѣгласи)въ христіанскій догматъ воскресенія мертвыхъ и возмездія въ будущей жизни, въ особен-

ности *славянъ, которые полагаютъ, что съ смертью все кончается*; глава заключается богословскимъ разсужденіемъ о трехъ родахъ душъ. Отсюда видно, что Титмаръ смотрѣлъ на понятія языческихъ славянъ о будущей жизни съ точки зрѣнія христіанской догматики; не находя у нихъ вѣрованія о воскресеніи мертвыхъ, онъ не задумался приписать имъ понятіе о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ; къ тому, быть-можетъ, ему былъ извѣстенъ славянскій погребальный обычай сожженія; обычай этотъ такъ противорѣчилъ духу христіанства и его догматамъ, что благочестивый епископъ не нашелъ для него другого объясненія, какъ допустивъ существованіе указаннаго небывалаго понятія. Здѣсь невольно приходитъ на мысль и отвѣчающее Титмарову извѣстію—мѣсто изъ нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: «се же послѣ же, говорилъ Володимиръ своимъ болярамъ и старцамъ, придоша Грьци.. и много глаголаша, сказающе отъ начала міру, о бытьи всего міра..... *и другій свѣтъ повѣдаютъ быти*: да аще кто дѣеть, въ нашу вѣру ступить, *то паки, оумеръ, станетъ* и не оумреті ему ввѣки....» годъ 6495. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь рѣчь идетъ не объ общемъ вѣрованіи въ безсмертіе души, а о христіанскихъ догматахъ будущей жизни и воскресенія мертвыхъ. Такъ, по нашему мнѣнію, должно понимать и слова Титмара о мнимомъ вѣрованіи славянъ.

Второе свидѣтельство Титмара касается уже погребальнаго языческаго обряда славянъ. Оно тоже случайно и потому очень глухо: подъ 1018 г., рисуя нравственное состояніе подданныхъ Болеслава Храбраго, онъ говоритъ:

«in tempore patris sui (т. е. Miseconis, Мечислава), cum is jam gentilis esset, unaquaeque milier post viri exequias sui igne cremati decollata subsequitur»[1]).

Само по себѣ ясное, это свидѣтельство очевидца подавало поводъ ко многимъ противорѣчивымъ толкованіямъ: извѣстный Добнеръ[2]) относилъ его не къ полякамъ, а къ сосѣдившимъ съ

1) Liber VIII cap. II. Bielowski. Monum. p. 312.
2) Hagek a Lib. Annales Bohemorum. (Pr. 1763,) tomus II, p. 51. in notis.

ними пруссамъ; Ворбсъ простиралъ его лишь на нынѣшнюю Силезію, гдѣ, по его мнѣнію, существовали лугіи, нѣмецкое племя, у котораго было въ обычаѣ сожигать тѣла умершихъ [1]). Такія предположенія выходили изъ напередъ принятой системы, будто бы славянскія племена имѣли исключительно одинъ погребальный обычай, обычай *погребенія* въ собственномъ смыслѣ или похоронъ въ землѣ и не сожигали, подобно многимъ другимъ народамъ, тѣлъ усопшихъ. Еще Добровскій [2]) достаточно показалъ неосновательность перваго предположенія; что же касается до *второго* (предп. Ворбса), то оно можетъ показаться правдоподобнымъ только тогда, когда мы станемъ разсматривать его въ отдѣльности, т. е. безъ связи съ предшествующимъ текстомъ Титмара и безъ сопоставленія съ другими свидѣтельствами славянской древности. Титмаръ говоритъ о правахъ славянъ, о польскомъ народѣ, имѣющемъ различные грубые, но въ то же время и похвальные (interdum laudabiles), обычаи; онъ оправдываетъ суровую жестокость ихъ тѣмъ, что самый народъ, котораго *должно пасти, какъ быковъ и бить, какъ ословъ* «sine poena gravi non potest cum salute principis tractari», что чрезъ такіе обычаи и наказанія божественный законъ, недавно насажденный *въ тѣхъ странахъ* (in hiis regionibus noviter exorta), гораздо прочнѣе укореняется, чѣмъ чрезъ установленный епископомъ постъ. Заговоривъ о Болеславѣ Хр. и отцѣ его Мечиславѣ, хронистъ снова находитъ поводъ коснуться *похвальной* грубости древнихъ польскихъ нравовъ, потому что встрѣчаетъ невыгодное противорѣчіе ей въ распущенности и развратѣ своего времени: жестокъ былъ обычай убивать жену по смерти мужа, жестоко и наказаніе за нарушеніе дѣвственной чистоты; но они хранили общую нравственность, тогда-какъ отсутствіе строгости повлекло за собою полный развратъ современности. Та-

1) Kruse. Deutsche Alterthümer (H. 1824), t. I. pars I, pag. 48.

2) Abhandlungen der Böhmisch. Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1786 (Pr. 1786), p. 336.

кова, какъ кажется, мысль Титмара. Ни о какомъ другомъ племени, кромѣ польскаго (populus ejus, sc. Bolizlavi), здѣсь нѣтъ и помину, самая принадлежность Силезіи къ Польшѣ въ нач. XI вѣка и существованіе въ ней въ эту эпоху лугіевъ, не находитъ никакого подтвержденія въ историческихъ свидѣтельствахъ [1]); потому и нѣтъ достаточныхъ причинъ не относить свидѣтельство Титмара къ польскимъ славянамъ 10 вѣка; изъ него неоспоримо вытекаетъ, что еще при Мечиславѣ, до принятія имъ христіанства, у поляковъ существовалъ древній погребальный обычай сожженія; на гробѣ мужа предавалась смерти (м.-б. противъ своей воли) и его жена, чрезъ отсѣченіе головы. Текстъ Титмара не разрѣшаетъ вопроса: сожигалась ли жена съ мужемъ или нѣтъ; сжатость рѣчи хрониста дозволяетъ допустить и то и другое: Ибнъ-Доста, Ибнъ-Фоцланъ и другіе свидѣтели старины, какъ мы видѣли, говорятъ о сожженіи тѣла жены; если же держаться буквальнаго смысла текста, то должно будетъ принять, что жена *только предавалась смерти* по совершеніи погребальнаго обряда надъ своимъ мужемъ; во всякомъ случаѣ, позволительно полагать, что останки ихъ хоронились въ одной могилѣ: на это какъ бы указываетъ глаголъ *subsequitur*, который, впрочемъ, можетъ имѣть и общее значеніе послѣдованія въ вѣчность [2]).

---

1) Beiträge zur Geschichts und Alterthumskunde der Nieder-Lausitz. hrsg. v. Galus und Neumann. II Hef. Lübben. 8⁰. 1838, p. 10.

2) Неопредѣленность выраженія Титмара заставила Л. Суровецкаго сомнѣваться въ справедливости его показанія; въ такомъ мнѣніи утвердило его и то обстоятельство, что Гельмольдъ, по его словамъ, вѣрный переписчикъ Титмара, хорошо знавшій славянъ вообще и поляковъ, не смѣлъ повторить этой сказки (см. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, рус. пер. М. 1846, стр. 62). Причина, почему Гельмольдъ не перенесъ въ свою хронику Титмарова свидѣтельства, объясняется легко частнымъ или случайнымъ характеромъ послѣдняго; сверхъ того, Гельмольда никакъ нельзя называть переписчикомъ Титмара: множество извѣстій его вполнѣ самостоятельны, и наоборотъ у Титмара находится многое, о чемъ вовсе не говоритъ Гельмольдъ. Вообще, послѣ того, какъ намъ стали, хотя отчасти, извѣстны арабскіе источники славянской древности, послѣ успѣховъ археологической науки, едва ли кто рѣшится назвать извѣстіе Титмара—*сказкой*.

Можно было бы вовсе опустить совершенно незначительныя упоминанія Гельмольда (cir. 1147) о погребальной старинѣ славянъ, но такъ какъ нѣкоторые археологи[1]) ссылаются на нихъ въ рѣшеніяхъ вопроса о характерѣ славянскаго погребенія, то мы находимъ не лишнимъ выслушать и его показанія, хотя только затѣмъ, чтобы ихъ отвергнуть.

Въ XXXVI (по др. раздѣленію XXXVII) главѣ 1-й книги своей *славянской хроники* Гельмольдъ разсказываетъ о пораженіи руянъ у Любека: руяне приняли непріятельскія войска за свою конницу и вышли изъ кораблей на встрѣчу имъ съ великою радостію, тогда Генрихъ V ударилъ на нихъ,

«et facta est ruina magna in exercitu Ranorum in die illa, cecideruntque interfecti coram castro Lubeke, nec fuit minor numerus eorum, qui aquis praefocati sunt, quam occisorum gladio. Feceruntque tumulum magnum, in quo projecerunt corpora mortuorum, et in monumentum victoriae, vocatus est tumulus ille Raniberg, usque in hodiernum diem»[2]).

По смыслу рѣчи видно, что холмъ насыпали не руяне, а ихъ непріятели, нѣмцы: нельзя думать, что, выигравъ поле битвы, нѣмецкія войска немедленно оставили его; гораздо вѣроятнѣе предположить, что это—они, собравъ въ кучу тѣла враговъ, насыпали надъ ними холмъ въ память своей побѣды; самъ Гельмольдъ указываетъ на такой ходъ дѣла, говоря, что нѣмцы прогнали руянъ «ad naves usque», что число тѣхъ, которые, спасаясь, утонули, было не менѣе числа убитыхъ; самое имя Raniberg говоритъ о *нѣмецкомъ* происхожденіи побѣднаго холма; а потому отсюда и трудно извлечь какую-нибудь черту славянской погребальной древности! Въ другомъ мѣстѣ «Хроники» (кн. 1, гл. LXXXI или LXXXIV)[3]) Гельмольдъ приводитъ наказъ графа Адольфа славянамъ въ Нордалбингіи, «ut transferrent

1) W. Adler. Die Grabhügel etc.. im Orlagau. Saalf., 1837, p. 64.
2) Helmoldi. Chronica Slavorum, editio Bangerti (Lub. 1659 4⁰), p. 91.
3) Ibid. p. 188.

mortuos suos tumulandos in atrium Ecclesiae». Извѣстіе любопытно лишь въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на одно изъ средствъ, какимъ пользовались распространители христіанства, чтобы пріучить народъ приходить къ церкви: зная привязанность живущихъ къ дорогому праху почившихъ предковъ и родныхъ, они наказываютъ хоронить ихъ на церковномъ дворѣ; такой обычай велся издавна, мы встрѣчаемъ его много разъ въ постановленіяхъ западныхъ соборовъ и капитуляріяхъ правителей, особенно Карла Великаго; смыслъ его станетъ для насъ понятнѣе, когда мы разсмотримъ свидѣтельства о нашемъ предметѣ извѣстнаго *Оттона, епископа Бамбергскаго* (1125 г.).

Въ одномъ письмѣ Оттонъ отдаетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ странѣ языческихъ славянъ-лютичей и говоритъ, что онъ приказалъ новообращеннымъ,

«ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in silvis aut in campis, sed in cimiteriis sicut mos est omnium christianorum, ne fustes ad sepulchra eorum ponant»[1]).

Христіанское погребеніе на кладбищахъ (при церквахъ) Оттонъ противополагаетъ языческому погребенію въ *лѣсахъ* и на *поляхъ*; съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему поморянскій апостолъ, въ числѣ прочихъ, отмѣченныхъ рѣзкими чертами язычества, обычаевъ, какъ языческое богослуженіе, ворожба, гаданія, жертвы, запрещаетъ и такое, повидимому, незначительное и не рѣзко противорѣчащее христіанству, обыкновеніе погребать усопшихъ въ лѣсахъ и на поляхъ; но не должно упускать изъ виду, что похоронный обрядъ всегда сопровождался явленіями и дѣйствіями, оскорблявшими чувство христіанина-миссіонера, что религіозное почтеніе къ предкамъ, прахъ которыхъ покоился въ лѣсахъ, влекло язычника въ тѣ

---

1) Письмо помѣщено въ Хроникѣ Эккегарда (прежде приним. за ab. Urspergensis) подъ 1125 г., Перца Monum. Germaniae historica t. VIII, 263—4, а также и въ одномъ житіи Оттона, напечатанномъ въ Vierter Jahresbericht d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stetlin. 8⁰—1830, p. 157.

мѣста, бывшія святилищами ихъ [1]); такимъ образомъ, *обычай хоронить въ лѣсахъ* давалъ поддержку язычеству, тогда какъ похороны на церковномъ кладбищѣ, подъ надзоромъ служителей церкви—являлись довольно дѣйствительнымъ средствомъ къ укрѣпленію новой религіи и воспитывали въ язычникѣ религіозное чувство почтенія къ новой святынѣ—церкви.

Другое запрещеніе Оттона весьма глухо, оно касается обыкновенія сносить на могилу хворостъ, палки, fustes (дрова?) [2]). Что это былъ не какой-нибудь частный, неимѣющій особаго смысла, случай, но распространенный обычай, на это указываетъ уже самый фактъ запрещенія: онъ не имѣлъ бы смысла, относясь только къ частному явленію или даже къ нѣсколькимъ частнымъ явленіямъ: странно было бы запрещать то, чтó само по себѣ незначительно, чтó не опиралось на языческія вѣрованія и понятія; потому и не будетъ слишкомъ смѣлымъ видѣть здѣсь одинъ изъ обычаевъ погребальной языческой старины славянъ. Какой же былъ смыслъ его? Зачѣмъ на могилу, или въ нее, полагали языческіе лютичи палки или хворостъ? Въ отвѣтъ на это можно представить лишь догадку: намъ кажется, это было ослабѣлымъ остаткомъ обычая собирать костеръ для сожженія усопшаго: никакой важный и сложный обычай не уступаетъ своего мѣста другому безъ того, чтобы, по закону наслѣдства, не передать ему нѣкоторыхъ своихъ чертъ и особенностей даже и тогда, когда они стоятъ въ видимомъ противорѣчіи съ нововведеніемъ; такъ могло быть и здѣсь: обычай *сожженія* усопшихъ—еще до водворенія христіанства—смѣнился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *погребеніемъ* въ собственномъ смыслѣ, но отъ перваго уцѣлѣло

---

1) Свидѣтельства объ этомъ предметѣ собраны у Бернгарди Bausteine: zur Slavischen Mythologie, Jordan's Jahrbücher für Slavische Literatur 1844. H. 1. p. 21 sq. и у г. Срезневскаго: Святилища и обряды etc. p. 31—5.

2) Fustis, es имѣетъ значеніе палокъ, изъ которыхъ дѣлаютъ загороду или плетень, палокъ употреблявшихся для наказанія: fustibus verberari caedi. въ постановленіяхъ Карла Лысаго читаемъ: «Ut servi pro hoc convicti, non: cum grossa fustei; sed nudi cum virgis vapulent». Ducange, Glossar. Latinitatis, sub voce.

обыкновеніе собирать на могилѣ мертвеца костеръ изъ палокъ или хворосту. Вѣроятность такого объясненія подтверждается нѣкоторыми суевѣрными обыкновеніями, сохраняющимися въ простомъ народѣ: въ Лужицахъ кое-гдѣ существуетъ обычай класть на могилы усопшихъ камни или вѣтви, изъ которыхъ и образуется впослѣдствіи цѣлый холмъ; у русскихъ поселянъ западнаго края—самоубійцъ хоронятъ на перекресткахъ, на могилы ихъ бросаютъ *палки, вѣтви*, солому или сѣно, иногда ихъ сожигаютъ; въ Луковскомъ уѣздѣ есть такая могила, существующая съ незапамятныхъ временъ, ежегодно выростаетъ на ней костеръ и ежегодно его *сожигаютъ*; обычай кое-гдѣ сохранился и на Руси: въ Вологодской губерніи—на курганѣ, гдѣ по преданію похороненъ извѣстный воинъ Аника, всякій прохожій непремѣнно обязанъ бросить *прутъ*; въ Псковской—существуетъ нѣсколько такихъ могилъ, и въ особенности извѣстна одна возлѣ погоста Бѣнецъ; она усвоивается также богатырю, и каждый изъ окрестныхъ жителей, минуя ее, отламываетъ сучекъ дерева и бросаетъ его на могилу. Такимъ образомъ, собирается большая куча сучьевъ на могилѣ, она увеличивается въ продолженіе двухъ лѣтъ, но на третье, по разсказамъ стариковъ, *непремѣнно сгораетъ*; въ Харьковской губерніи проходящіе бросаютъ на могилы людей, погребенныхъ на дорогахъ, палки, *щепки*, траву и др.; то же дѣлаютъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи на мѣстахъ погребенія самоубійцъ и некрещеныхъ дѣтей [1]); болѣе древній слѣдъ такаго обычая мы увидимъ еще впослѣдствіи. Останавливаясь на приведенномъ, нельзя, полагаю, объяснять этого обычая однимъ только желаніемъ выразить почтеніе къ праху почившаго: тогда зачѣмъ не распространить такаго невин-

---

1) Haupt. Sagenbuch der Lausitz. L. 1862, t. I, p. 162 и 179 in notis; Gołębiowski. Lud Polski. War. 1830, p. 250; Wojcicki. Zarysy domove. War. 1842, t. III, p. 336—7; Русскій Архивъ, 1864, годъ 2, стр. 229; Карман. книжка для любит. землевѣдѣнія. Спб. 1848, стр. 307—9; Кулишъ; Записки о Южной Руси. Спб. 1857 г. т. II, стр. 288; A. Nowosielski. Lud Ukrainski. t. I, Wil. стр. 42; Шейковскій. Бытъ Подолянъ. К. 1860, вып. II, стр. 6—7.

наго обыкновенія на всѣ могилы, зачѣмъ оно удержалось только относительно могилъ неизвѣстныхъ *богатырей, самоубійцъ, некрещеныхъ* младенцевъ, зачѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти костры набросанныхъ сучьевъ *сожигаются*? Объяснить это можно, допустивъ мысль, что здѣсь скрывается остатокъ языческаго способа погребенія, потому суевѣрный обычай и распространяется только на могилы великихъ людей языческой старины, богатырей и лицъ, погребенныхъ *не по христіанскому* обряду. Сюда же, очевидно, относится и запрещеніе Оттона. Бартольдъ и Гизебрехтъ даютъ иныя объясненія: первый полагаетъ, что Оттонъ разумѣетъ здѣсь обычай огораживать могилы болѣе знатныхъ людей частоколомъ или плетнемъ (der Edleren Gräber wahrscheinlich, mit Pfählen und Stangen bezeichnet blieben) [1]). Объясненіе само по себѣ вѣроятное, но такой фактъ, если дѣйствительно онъ существовалъ, кажется нашелъ бы со стороны Оттона болѣе опредѣленное выраженіе, да и къ чему было запрещать такое невинное и въ христіанскомъ смыслѣ обыкновеніе?! При томъ же, въ словахъ источника нѣтъ ни малѣйшаго помина о могилахъ *знатныхъ*: они говорятъ вообще о народномъ обычаѣ. Толкованіе Гизебрехта—символическое: у славянъ балтійскихъ цвѣтущее зеленое дерево было, по его мнѣнію, символомъ жизни, напротивъ—отломанная, лишенная зелени вѣтвь была знакомъ смерти, разобщенія съ жизнью, отсюда обычай у поморянъ полагать палки на гробъ усопшаго: мертвый въ могилѣ былъ для нихъ тою же отломанною отъ дерева вѣтвью; съ временною смертью, по ихъ вѣрованію, все оканчивалось (Титмаръ); потому-то Оттонъ Бамбергскій и запретилъ новообращеннымъ поморянамъ этотъ мнимо-*невинный* обычай, нехристіанскій смыслъ котораго дол-

1) Barthold. Geschichte v. Rügen und Pommern, Ham. 1839, т. I, p. 578. Гораздо ранѣе, еще въ 17 в., такое же объясненіе было предложено Крамеромъ: Das grosse Pommrische Kirchen-chronicon, 1628, 4°, p. 18, а потомъ Зеллемъ: Geschichte des Herzogthums Pommern. I. Band, Ber. 1819, pag. 22, 8°.

женъ былъ быть ему извѣстенъ [1]). При всей привлекательности своей такое объясненіе слишкомъ искусственно: допустивъ, что подобная отвлеченная идея могла входить въ кругъ понятій язычника, все же останется непонятною причина существованія подобнаго обычая, или иначе: связь понятія съ обрядовымъ дѣйствіемъ; уже съ этой одной стороны объясненіе Гизебрехта не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, но сверхъ того, оно вообще не находитъ никакого подтвержденія въ свидѣтельствахъ древности и предполагаетъ въ славянскомъ язычествѣ болѣе высокую (философскую) степень развитія, чѣмъ та, до которой оно въ дѣйствительности доходило.

Въ хроникѣ Мартина Галла (12 в.) находится извѣстіе о смерти Мѣшка (Мечислава) сына Болеслава Храбраго: вся Польша, говоритъ лѣтописецъ, плакала по немъ, *какъ мать по единственномъ сынѣ*, и всѣ сословія и возрасты.

«lamentando *feretrum* mortui sequebantur u exsequias ejus lacrimis et suspiriis celebrabant. Ad extremum misera mater cum *in urna puer plorandus conderetur* (по др. сп. *poneretur*) una hora quasi mortua, sine vitali spiritu tenebatur, vix que post exequias ab episcopis ventilabris et aqua frigida suscitabatur» [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что погребеніе Мѣшка было совершено по христіанскому обряду: имѣя дѣда, отца и мать христіанъ, царственный юноша былъ, конечно, также христіаниномъ; погребальный обрядъ совершали епископы; тѣло усопшаго, по словамъ М. Галла, было *погребено*; но чѣмъ при этомъ объяснить выраженіе «cum in *urna* puer conderetur или poneretur?» Гизебрехтъ (Луд.), основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ средневѣковой древности, предполагалъ, что тѣло усопшаго было предварительно подвергнутоваркѣ, мягкія части — сожжены, и пепелъ положенъ въ урну, а кости схоронены въ могилѣ [3]); дѣй-

1) Baltische Studien, t. VI, от. 1. (Stettin 1839) p. 156, cf. ibidem t. XIII. от. II, (1847) p. 34 sq.

2) Bielowski. Monumenta Poloniae historica, I, p. 424.

3) Baltische Studien, t. XII, pars II (St. 1846) ст. «Die Zeit und die Formen der Todtenverbrennung». p. 127—130.

ствительно, такой обычай упоминается въ письменныхъ источникахъ [1]), но, какъ ясно изъ многихъ примѣровъ, онъ всегда зависѣлъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и болѣе всего, когда извѣстное лицо умирало вдали отъ отчизны, и приближенные желали перенесть и похоронить его кости на родной землѣ; ничего подобнаго не случилось относительно сына Болеслава, а потому и самое предположеніе оказывается неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что оно не подтверждается никакимъ свидѣтельствомъ славянской древности. Гораздо вѣрнѣе будетъ думать, что слово *urna* употреблено Мартиномъ Галломъ не въ собственномъ значеніи погребальнаго сосуда, а въ общемъ смыслѣ могилы, гроба; легко могло быть, что выраженіе *in urna condere* или *ponere* было буквальнымъ переводомъ народнаго польскаго выраженія, которое въ эпоху язычества *точно* обозначало дѣйствіе погребальнаго обряда, въ эпоху же христіанскую удержалось по преданію и получило общій смыслъ похоронъ. Самое слово *urna* могло имѣть значеніе каменнаго выдолбленнаго гроба, какіе иногда встрѣчаются въ земляхъ западно-славянскихъ и, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, относятся къ эпохѣ языческой [2]). Несмотря, однако, на свою неопредѣленность, извѣстіе Мартина Галла, кажется, служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ *языческую эпоху* и у польскихъ славянъ было обыкновеніе полагать прахъ сожженнаго усопшаго въ погребальный сосудъ; нельзя и допускать, что по такому обычаю былъ погребенъ Мѣшко, но трудно иначе объяснить выраженіе лѣтописца: не имѣя основаній въ языческой старинѣ, оно останется совершенно необъяснимымъ и даже безсмысленнымъ.

Хотя *Козьма Пражскій* († 1125) и жилъ спустя три столѣтія по введеніи христіанства въ чехахъ, но язычество при

---

1) Много ихъ собрано въ сочиненіи Ph. Jaffè. De arte medica saeculi. XII, Ber. 1853, p. 27, 30—32.

2) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ см. въ статьѣ Цыбульскаго: «Obecny stan nauki o runach Słowiańskich», помѣщ. въ Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego. t. I. Pozn. 1866, p. 458 sq.

немъ еще не перестало быть живой стихіей народной жизни: обаятельная, вѣками закрѣпленная сила его дѣйствовала и въ народныхъ полу-историческихъ или мѣстныхъ сказаніяхъ («senum fabulosae narrationes»), и въ народныхъ обычаяхъ и обрядахъ; слѣды ея видны даже въ лѣтописцѣ, занимавшемъ высокую духовную должность декана. Между памятниками чешской старины Козьма Пражскій называетъ и двѣ славныя въ его время могилы: одна была воздвигнута Кассѣ (Kazi), дочери Крока, другая была насыпана въ честь вождя Тира (Стира Далимиловой Хроники); о первой лѣтописецъ говоритъ:

«Ejus (sc. Kazi) usque hodie cernitur tumulus ab *incolis terrae ob memoriam suae dominae* nimis alte congestus *super ripam* fluminis Mzie (Mže, Mies-Beraun) *juxta viam*, qua itur in partes provinciae Bechin per montem qui dicitur Ossiek».

О происхожденіи другой онъ разсказываетъ, что Тиръ передъ битвою обратился къ своимъ воинамъ съ такою рѣчью:

«Si forte contigerit me mori in proelio, sepelite me in hoc colliculo et construite Mausoleum mihi in secula nominativum vel memoriale, unde et *hodie* nominatur militis accerrimi *bustum* Tyri [1])».

Очевидно, лѣтописецъ передаетъ народныя преданія—fabulosae senum narrationes, ходившія въ его время о двухъ извѣстныхъ могилахъ Кассы и Тира. Нельзя, конечно, давать преданіямъ значеніе событія или строгой, исторически-достовѣрной истины; но какъ неложные памятники народныхъ понятій, они нерѣдко имѣютъ всю цѣну историческаго свидѣтельства; такъ и въ настоящемъ случаѣ, основываясь на нихъ, позволительно заключать, что въ XI—XII вѣкѣ чехи имѣли понятіе объ извѣстномъ родѣ погребенія своей языческой старины, именно, что надъ *прахомъ знаменитаго усопшаго, въ память ему воздвигался холмъ.* Еслибы и не было у насъ никакихъ другихъ подтвердительныхъ тому указаній, то уже одна близость преданій

1) Scriptores rerum Bohemicarum. Cosmas Pragensis. Pr. 783, 4⁰. p. 10. ct. 31.

къ эпохѣ язычества даетъ право думать, что традиціонное понятіе о языческомъ погребеніи основывалось на дѣйствительности, что такой обычай дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ жизни народа. О способѣ самаго погребенія: сожигалось ли тѣло усопшаго или было хоронено несожженнымъ, заключать трудно: преданія въ этомъ случаѣ не ведутъ ни къ какому опредѣленному заключенію; правда, выраженіе *bustum Tyri* въ собственномъ смыслѣ знаменуетъ *сожженіе*[1]); но, по вѣрному замѣчанію Добровскаго, Козьма Пражскій такъ часто заимствуетъ изъ классическихъ писателей слова и цѣлыя выраженія, вовсе не соединяя съ ними того смысла, какой они имѣли въ цвѣтущую эпоху латыни, что становится слишкомъ смѣлымъ придавать выраженію лѣтописца значеніе *сожженія*[2]). Не безъ значенія, кажется, и та черта народнаго преданія, что могилу Kaccѣ насыпаютъ на *берегу рѣки при дорогѣ*: судя по извѣстіямъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ старины, это—не простая случайность, но скорѣе обычный фактъ народной жизни: поставленный на такомъ торномъ мѣстѣ, погребальный памятникъ громко говорилъ каждому проходящему о величіи того, чей прахъ онъ скрывалъ; дорогою, какою проходили предъ нимъ многія поколѣнія, широко разносилась и слава почившаго[3]). Было ли также въ обычаѣ хоронить на готовомъ, природномъ холму, какъ можно бы заключать изъ словъ Тира—сказать трудно: отъ народнаго преданія, мы замѣтили, нельзя

1) *Bustum* (отъ buro)—жаровище, позднѣе гробница вообще, гробъ, отсюда средневѣковое *bustare=humo* condere, cf. Ducanges, in voce, *bustum* толкуется въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ глассахъ: graf, ein graf. Diefenbach, Novum Glossarium (Fr. 1867) in voce.

2) Добровскаго: «Ueber die Begräbnissart der alten Slaven....» въ Abhandl. d. Böhm. Gesells. d. Wissenschaften auf d. Jahr 1786, 4°, Pr. p. 340.

3) Что такая идея и такое чувство было присуще понятіямъ старины, это видно изъ словъ умирающаго Беовульфа: «скажи героямъ—говорилъ онъ Виглафу—по сожженіи насыпать мнѣ могилу на высокомъ мысѣ Гроне, пусть она служитъ для памяти моему народу, а пловцы, что бороздятъ темныя волны, будутъ называть ее—холмомъ Беовульфа». Такъ и было: десять дней насыпали герои холмъ Беовульфа, они окружили его стѣною, положили въ него и драгоцѣнности, добытыя почившимъ, потомъ праздновали тризну и пѣли пѣсни, прославлявшія дѣла его. Editio Greinii, vers. 2805 sq. и 3157 sq.

требовать опредѣленности прямого историческаго факта, хотя такой обычай—дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ бытѣ народа.

Подъ 1039 годомъ Козьма передаетъ слѣдующее постановленіе князя Брѣтислава:

«Similiter et qui in agris sive in silvis suos sepeliunt mortuos, hujus rei praesumptores archidiacono bovem et CCC (300) in fiscum ducis solvant nummos; mortuum tamen in poliandro fidelium humi condant denuo».

Далѣе, подъ годомъ 1092 (по др. 1093) о князѣ Брѣтиславѣ II разсказывается, что онъ

«principatus sui in exsordio omnes magos, ariolos et sortilegos extrusit regni sui e medio, similiter et lucos sive arbores, quas in multis locis colebat vulgus ignobile extirpavit et igne cremavit. Item et superstitiosas instituciones, quas villani adhuc semipagani in pentecosten tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant. *Item sepulturas, quae fiebant in sylvis et in campis atque scenas* (cenas), *quas ex gentile ritu faciebant in biviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant*.. has abominationes et alias sacrilegas adinventiones dux bonus ne ultra fierent in populo Dei—exterminavit»[1]).

Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ правительственнымъ запрещеніемъ, чтобы поселяне, adhuc semipagani, не хоронили мертвецовъ по языческому обряду на поляхъ и въ лѣсахъ. Обстоятельное извѣстіе лѣтописца, современника Брѣтислава II, даетъ право полагать, что запрещеніе это не было простымъ повтореніемъ общаго мѣста церковныхъ постановленій, но было вызвано дѣйствительностью: чешскій народъ, хотя давно обращенный въ

---

1) Pertz. Monumenta Germaniae Historica t. IX, 1851, ed. Köpke, p. 69 et 102.

христіанство, имѣлъ еще много языческихъ обыкновеній[1]) и могъ хоронить своихъ усопшихъ съ языческою обрядностью и по древнему обыкновенію въ лѣсахъ и на поляхъ. Далѣе, постановленіе Брѣтислава указываетъ и на нѣкоторыя частныя черты погребальной старины языческихъ чеховъ; объясняя ихъ, Добровскій думаетъ[2]), что слова: «scenas quas ex gentili ritu faciebant in biviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem» могутъ быть понимаемы двоякимъ образомъ: или поселяне на распутьяхъ строили *хижины* для поминокъ или жертвъ усопшимъ, или это была *тризна*; самое же слово «pausatio animarum» онъ сближаетъ съ чешскимъ выраженіемъ «*lehke odpočinuti, odpočiwanj*»—миръ души. Дѣйствительно, выраженіе Козьмы Пражскаго уже въ 12 вѣкѣ представлялось двусмысленнымъ: Сазавскій продолжатель и интерполяторъ Козьмы (между 1126—1162 г.) изъ *scenas* сдѣлалъ *coenas*, чтó также не лишено смысла и значенія. Гайкъ († 1553 г.) передалъ это слово чешскимъ *stanky* т. е. шатры; въ средневѣковой латыни *scena* обозначало и игру, и хижину, σκηνή, porticum; scenofactor, по нѣмецкимъ глоссамъ—«eynr der do hotten macht mit laube[3])»; по всему этому не легко рѣшить, которое изъ двухъ значеній будетъ въ настоящемъ случаѣ истинное: *тризна*, въ которую входила обрядовая игра, могла для христіанина имѣть видъ театральной сцены, но можно разумѣть здѣсь и постройку, хижину надъ могилой, воздвигаемую затѣмъ, чтобы души усопшихъ, посѣщая родной прахъ, отдыхали отъ долгаго пути. Оставляемъ рѣшеніе этого до разбора русскихъ извѣстій и замѣтимъ только, что Козьма Пражскій и далѣе говоритъ о погребальныхъ *играхъ* (joca profana), давая такимъ образомъ знать, что они представ-

---

1) Объ остаткахъ язычества у чеховъ того времени смотри указанія Гануша, въ его новомъ сочиненіи: Das Schriftwesen und Schrifttum d. böhm. slovenisch. Völkerstämme.... Pr. 1867, p. 37—39.

2) «Ueber die Begräbnissart der Slaven.» l. cit. p. 350—2.

3) Diefenbach. Novum Glossarium latino-germanicum. Fr. am. M. 1867, p. 330.

ляли нѣчто другое, отличное отъ предыдущихъ *сценъ*. Не незамѣченнымъ должно пройти для насъ обстоятельство, что эти сцены производились при дорогахъ, на *распутьяхъ* или *перекресткахъ*, in biviis et triviis. Поминки по усопшемъ, кромѣ игръ (joca profana), состояли въ попойкѣ, переряживаніяхъ и пляскѣ: въ иномъ смыслѣ трудно понять выраженіе постановленія: «jocos prafonos.... induti faciem larvis bachando exercebant»; почему именно *москолудство* соединилось съ поминками усопшихъ—понять не трудно: обычай переряживанія основывался на древнихъ миоическихъ представленіяхъ народа о явленіяхъ весенней, пробудившейся къ жизни природы: онъ возникъ изъ наивнаго подражанія тому, что совершалось въ надземной сферѣ, и что дѣтская фантазія народа понимала въ формахъ жизни и дѣятельности зооморфическихъ существъ[1]), весною же совершались и обычные поминки усопшихъ, такъ какъ вѣрованіе соединяло понятіе о душахъ усопшихъ съ представленіями явленій воздушной природы, преимущественно весенней: пребывая въ оцѣпенѣніи и бездѣятельности во время зимняго сна природы, души предковъ, вмѣстѣ съ нею, воскресаютъ для дѣятельности весною и принимаютъ различные звѣрные образы (тучи), потому-то поминки, какъ бы вопреки естественному характеру грустнаго празднества, въ старину, да кое-гдѣ и теперь—отличаются весельемъ и даже разгуломъ[2]). Слова постановленія Бр.: «super mortuos inanes cientes manes» Добровскій понялъ въ смыслѣ вызыванія мертвыхъ съ цѣлью узнать отъ нихъ будущее. Объясненіе—вполнѣ умѣстное и вѣроятное: обычай вызыванія усопшихъ нерѣдко упоминается и въ письменныхъ источникахъ и въ народныхъ преданіяхъ европейской средневѣковой старины; Гриммъ (Deuts. Myth. 1178—9) собралъ многія свидѣтельства, относящіяся къ

---

1) Удовлетворительныя въ этомъ отношеніи объясненія см. въ сочин. Аѳанасьева: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» т. I. М. 1866, стр. 117—119.

2) См. Rochholz. «Deutscher Unsterblichkeitsglaube». Ber. 1867, p. 317 и слѣд.

нѣмецкой древности, и нѣтъ причинъ утверждать, что эти «sacrilegia ad sepulchra mortuorum» или «super defunctos» не имѣли мѣста въ бытѣ языческихъ славянъ[1]): слѣды ихъ и понынѣ видны и въ народной поэзіи и въ суевѣрныхъ обыкновеніяхъ простого народа: такой обычай естественно вытекалъ изъ сознанія непрерывной связи между поколѣніемъ живущихъ и сонмомъ усопшихъ, блаженныхъ праотцевъ, и странно было бы не встрѣтить его тамъ, гдѣ существовали обычныя приглашенія къ *милымъ родителямъ*, чтобы они приняли участіе въ заупокойной трапезѣ потомковъ; въ современныхъ народныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, мы увидимъ далѣе, сохранились явственные слѣды обращенія къ мертвымъ предкамъ за разрѣшеніемъ какого-нибудь темнаго или запутаннаго дѣла; но этого естественнаго и простого обыкновенія никакъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ позднѣйшей *некромантіи*, порожденной классическою *наукою* тайныхъ знаній и распространившейся по Европѣ путемъ исключительно книжнымъ.

Кадлубекъ (1223) въ своей Хроникѣ разсказываетъ цѣлую краснорѣчивую повѣсть о томъ, какъ Попѣлъ младшій (minor Pompilius), подстрекаемый навѣтами жены, отравилъ своихъ дядей (patruos); онъ притворился умирающимъ и созвалъ ихъ для утѣхи и совѣта: пусть они разсудятъ о наслѣдствѣ престола и въ то же время пусть отпразднуютъ вмѣстѣ съ нимъ еще заживо его погребальную тризну:

«mori namque, говорилъ онъ, omnino mihi non videor, si vestra erga me viderim studia, si *meas* vobiscum concelebraverim exequias; nam quid ab eo speraverim, qui qvod mortuo debet, viventi negaverit»,

такъ притворялся онъ, и всѣ подняли великій плачъ:

lacerant crinem virgines, matrone (æ) vultum, habitum annose (æ)... post *funebres* itaque *supersticiones*, *quas eciam hodie*

---

1) У русскихъ въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай *кликать* мертвыхъ въ великій четвертокъ. См. *Стоглавъ*, глава 41, вопр. 26.

in funeribus exercet gentilitas, lautissimis deliciarum deliciis, quos mero aliquantisper a merore solutos rex, ut sese visant postulat; et vicaria poculorum adoracione coram ipso blande consolentur..... Surrigatur ergo, inquit Rex, poculum; surrigar et ego ut omnes consalvere jubeam, ut *valadictivo* invicem feremur osculo, ut ex hoc divino nectare me presorbillante singuli delibant...»

Отвѣдавъ смертнаго напитка, дяди Попѣла въ теченіе ночи окончили жизнь въ мученіяхъ, и жестокій тиранъ даже *отказалъ имъ въ погребальной почести*; скоро, однако, онъ постигнутъ былъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло огромное количество мышей, которыя преслѣдовали его всюду, пока наконецъ—не сожрали, поймавъ въ башнѣ, гдѣ онъ думалъ найти убѣжище съ женой и двумя сыновьями[1]). Таковъ романическій разсказъ Кадлубка. Послѣ тщательныхъ разысканій Бѣлевскаго нельзя болѣе сомнѣваться, что главнымъ источникомъ его были повѣствованія классическихъ историковъ и поэтовъ, но далеко не единственнымъ: нѣкоторыя черты разсказа позволяютъ предполагать, что въ образованіи его принимало участіе и *народное преданіе*, ходившее въ то время о Попѣлѣ[2]), не трудно устранить изъ разсказа цвѣты краснорѣчія,

---

1) Magistri Vincentii (Kadlubkonis) Cronica Polonorum, ed. A. Comes Przezdziecki, Crac. 1862, p. 27—31. Предположеніе, что Кадлубекъ заимствовалъ какъ многое другое, такъ и этотъ разсказъ изъ болѣе древняго (XI в.) лѣтописца Мёрсвы (Miersua, Dzierzwa), а не наоборотъ—и послѣ разысканій Бѣлевскаго (см. его Wstep krytycz. do dziejów polski. L. 1850, p. 33 sq, 190 sq, 378 sq,)—не можетъ быть еще признано за неподлежащій сомнѣнію литературный фактъ. Помѣщая текстъ Кадлубка, мы считаемъ, однако, необходимымъ замѣтить, что текстъ Мерсвы (Бѣлевскій, l. c. стр. 378—88) не отличается отъ него ни въ чемъ, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, такъ что для насъ дѣло не измѣнится въ своей сущности, если предположеніе Бѣлевскаго и окажется справедливымъ, только извѣстіе изъ XII—XIII в. должно будетъ повысить въ XI.

2) Свидѣтельства о томъ, что преданіе, задолго до Мерсвы, Мартина Галла и Кадлубка, было распространено въ Польшѣ—собраны у Бѣлевскаго (Wstęp.. p. 399—40). Эти указанія и въ особенности слова Мартина Галла: «Narrant eciam *seniores antiqui*» etc... должны были бы, кажется, остановить слишкомъ рѣшительное сужденіе Бѣлевскаго, будто бы весь разсказъ о Попѣлѣ, въ своей цѣлости, идетъ изъ классическаго книжнаго источника.

но возвратить преданію древнѣйшій видъ, отдѣлить необходимое народное отъ произвольныхъ добавокъ хрониста, не видится возможности за неимѣніемъ повѣрочныхъ данныхъ[1]); потому главная черта Кадлубковой повѣсти, обстоятельство, что Попѣлъ справлялъ свою погребальную тризну еще при жизни — должна остаться подъ сомнѣніемъ: выражала ли она хотя *случайный*, но *обычный* фактъ славянскаго языческаго быта, или есть плодъ личнаго вымысла лѣтописца. Въ свидѣтельствахъ древности, сколько знаемъ, не встрѣчается никакихъ указаній на такой *обычай*, кромѣ указанія Ибнъ-Фоцлана и темнаго намека русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», гдѣ Ольга, еще до избіенія древлянъ, приказываетъ отрокамъ своимъ *«пити на ня»* и какъ бы справляетъ тризну по врагамъ еще до смерти ихъ; такой поступокъ имѣлъ, конечно, иной смыслъ, нежели благочестивая погребальная тризна, торжественное прощаніе съ близкимъ уми-

---

Гдѣ, напр., въ какихъ письменныхъ источникахъ можно найти извѣстіе о погребальной прощальной тризнѣ Попѣла, гдѣ литературный непосредственный источникъ преданія, что Попѣлъ былъ съѣденъ мышами, вышедшими изъ труповъ отравленныхъ и лишенныхъ погребенія дядей? Подобное народное преданіе существуетъ у многихъ индо-европейскихъ народовъ, и между прочимъ, почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ—у чеховъ. Попытки освободить черты народныхъ польскихъ преданій изъ-подъ лживой одежды, въ какую облекали ихъ патріотизмъ, ученость и реторика хронистовъ, представлены были Сан-Мартомъ: «Die Polnische Königssage» B. 1848 и позднѣе Гутшмидомъ: «Kritik der polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek (помѣщ. въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen, t. 17, W. 1857, p. 297—326). Заслуживая полнаго вниманія по мысли, по многимъ частнымъ соображеніямъ, труды эти заставляютъ желать, чтобы вопросъ былъ пересмотрѣнъ снова, сообразно современному состоянію науки сравнительной миѳологіи. Въ повѣсти Кадлубка Гутшмидъ признаетъ остаткомъ народнаго преданія только одну черту, именно: происшествіе съ мышами и отчасти образъ злой жены Попѣла; но если разсказъ объ умерщвленіи дядей должно отнести къ ученымъ выдумкамъ хрониста, то я не вижу причинъ утверждать, чтобы черта погребальной тризны была также чистой выдумкой: Кадлубекъ могъ списать ее съ обычаевъ простого народа и только приспособить къ своему роману.

1) Мартинъ Галлъ разсказываетъ просто, что Попѣлъ былъ съѣденъ мышами, и опускаетъ всѣ другія подробности: «istorum gesta, говоритъ онъ, quorum memoria oblivio vetustitatis abolevit, et quos error et ydolatria defoedavit, memorare negligamus». Chr. l. I. c. 2 Также безъ всякихъ подробностей и извѣстіе другого лѣтописца у Бѣлевскаго l. c. p. 339.

рающимъ, но въ сущности, кажется, можно признать фактъ русской лѣтописи за явленіе однородное съ Кадлубковой тризной Попѣла. Оттого нельзя, думаемъ, положительно отвергать этой черты, нельзя рѣшительно утверждать, что она вымышлена хронистомъ: она могла быть въ жизни славянскаго язычества не какъ обычай, имѣющій повсемѣстную силу, но какъ явленіе частное, не противорѣчившее понятіямъ и обычнымъ обрядамъ: если не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣломъ усопшаго совершали торжественный обрядъ прощанія, почему не могли совершать того же обряда съ умирающимъ, который отправлялся въ долгій путь, къ новому мѣсту жительства, почему и то и другое не могло происходить съ одинаковою обрядовою обстановкою: питьемъ прощальной чаши, прощальными привѣтствіями? Итакъ, не позволяя себѣ принимать извѣстіе Кадлубка за несомнѣнный фактъ славянскаго языческаго быта, мы нисколько не отрицаемъ ни *возможности*, ни *вѣроятія* его. Древнею, не произвольно вымышленною чертою разсказа должно признать заключительный эпизодъ его о мышахъ, въ которыхъ превратились мстительныя души дядей Попѣла: что черта эта принадлежала народному преданію, въ этомъ убѣждаютъ насъ и слова Мартина Галла (narrant seniores etc...) и многія одинаковыя преданія родственныхъ народовъ[1]); представленіе души въ образѣ мыши—довольно распространенное въ миѳологіи индо-европейскихъ племенъ[2]), мстительность же ихъ объясняется не только злодѣйствомъ Попѣла, но еще болѣе тѣмъ, что онъ отказалъ своимъ жертвамъ въ *погребальной почести*, которая одна, по языческимъ понятіямъ, могла успокоить мятущіяся, безпріютно блуждающія души. Наконецъ, разсказъ Кадлубка, свидѣтеля XII—XIII вѣка (или Мёрсвы—XI в.) даетъ подтвержденіе уже извѣстному изъ дру-

1) San Marte. Die Polnische Königssage. B. 1848, p. 59. Gutschmid. Kritik. etc. p. 313—317. Liebrecht: Die Sage vom Mäusethurm, пом. въ Zeitschrift für Mythologie, II (1855), p. 405—13, сравни также сочин. Grohmann, Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indo-Germanen. Pr. 1862, p. 76 sq.

2) Grohmann. loco cit. passim.

гихъ источниковъ, именно, что славянскій языческій обрядъ погребенія сопровождался торжественнымъ пиромъ, попойкой и различными суевѣрными обрядами «quos eciam *hodie* (т. е. во время хрониста) in funeribus exercet gentilitas»; къ нимъ, конечно, относились и тѣ публичныя выраженія траура, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ словами: «lacerant crinem virgines», etc...

Краледворская рукопись предлагаетъ намъ нѣсколько выраженій, относящихся къ понятіямъ языческихъ славянъ о посмертномъ существованіи души, и нѣсколько прямыхъ указаній на погребальные обычаи; предположивъ воспользоваться первыми въ заключительной части изслѣдованія, останавливаемся здѣсь только на послѣднихъ.

Въ пѣснѣ Zàboj a Slawoj, въ концѣ читаемъ:

«Aj bratře, aj šery wrch!
bozi ny tamo wicestwiem dařili,
tamo i wěle duš tĕkà sěmo tamo po dřewech;
jich bojie sě ptactwo i plachy zwěř,
jedno sowy nebojà sě.
Tamo k *wrchu pohrebat mrch*,
i dàt pokrm bohowòm,
i tamo bohòm spasàm dàt mnostwie oběti,
a jim hlàsat milych slow,
i jim oružie pobitych wrahòw! [1])

Въ пѣснѣ Čestmir a Wlaslaw, когда первый поразилъ послѣдняго, то

«Morena jej sipàše w noc črnu.
Kypieše krew ze silma Wlaslawa,

---

1) Текстъ вездѣ приводимъ по изданію, помѣщенному въ Wybor'ѣ z literatury Česke. t. I, Pr. 1845 p. 11, 39. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться поправками бр. Иречковъ (въ Světozor'ѣ 1858), о которыхъ они упоминаютъ въ своемъ сочиненіи: Die Echtheit der Königinhof. Handschrift, P. 1862, pag. 191 | 2.

po zelené tràwě w syru zemiu teče;
aj, a vyjde duša z řwúcej huby,
wyletě na drwo a po drwech
sěmo tamo, doniž *mrtew nežžen.*

Въ пѣснѣ Jelen убитый юноша представляется *погребеннымъ*:

«Ležie junoše w chladnej zemi,
na junoši roste dubec, dub,
rozklàdà sě w suky šiř i šiř.

Наконецъ—въ пѣснѣ Zarmaucenà ясный намекъ на *погребеніе*:

Kdě mòj otčik, otčik mily?
zahřeben w rowece;
kde moje màti, dobrà màti?
tràwka na niej roste....

Я не считаю умѣстнымъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о подлинности Краледворской рукописи: послѣ того, что было писано въ защиту ея чешскими учеными, сомнѣнія становятся едва ли возможны, по крайней мѣрѣ—незаконны; иное дѣло относительная древность частей сборника: она еще можетъ вызывать неодинаковыя рѣшенія. Памятникъ сохранился въ рукописи XIII—XIV в.[1]); но нѣтъ причинъ полагать, что всѣ пѣсни, въ него входящія, по времени своего появленія принадлежатъ именно къ этому вѣку; напротивъ, различіе въ содержаніи, направленіи и духѣ ихъ, во взглядахъ на предметы и самомъ языкѣ, указываютъ на разновременность ихъ происхожденія; и попытки опредѣлить время возникновенія пѣсенъ существуютъ почти со времени открытія знаменитой *рукописи*; онѣ продолжаются и донынѣ, хотя не всегда съ однимъ стремленіемъ открыть *только* истину...

---

1) Добровскій по письму относилъ рукопись ко времени между 1290—1310 г., см. Geschichte der Böhmischen Sprache, Pr. 1818, p. 386; Палацкій—ко времени между 1289—1290 г.; но не выше, см. Jahrbücher der Literatur. 1829, t. XLVIII, p. 150.

Изъ пѣсенъ, касающихся нашего предмета, Zarmaucenà (Opuščena) не носитъ на себѣ признаковъ опредѣленнаго времени, кромѣ палеографическаго признака рукописи: лирическое по характеру, изображая тоскливое чувство одиночества сироты, оно въ равной мѣрѣ могло возникнуть и прежде и позднѣе XIII в.; то же мы позволимъ себѣ сказать и о стихотвореніи *Jelen*: многіе чешскіе ученые, основываясь на общемъ впечатлѣніи, находятъ, что оно имѣетъ характеръ глубокой древности и относятъ его къ 9-му вѣку[1]); дѣйствительно, въ тонѣ стихотворенія гораздо менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, слышится сентиментальности, этого исключительнаго плода позднѣйшей лирики; но ничто не даетъ права заключать о высокой древности произведенія, о томъ, что оно принадлежитъ языческой старинѣ: живое чувство природы, на основаніи котораго первый объяснитель[2]); считать его древнѣйшимъ во всемъ Сборникѣ, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе: такого чувства нельзя отрицать и у поэта XII—XIII вв., и даже въ позднѣйшее время[3]) еще менѣе умѣстно искать въ стихотвореніи *миѳическаго смысла* и думать, что убитый юноша есть образъ *лѣтняго божества, осиленнаго враждебными великанами зимы*[4]); къ такой догадкѣ не приводитъ ни одна черта произведенія; нѣтъ въ немъ ничего, что̀ указывало бы на исключительно миѳическую, а не на земную, реальную обстановку. Итакъ, если нѣтъ причинъ относить эти два стихотворенія (Jelen и Opuščena) къ языческой

---

1) Wybor z literatury České, I, p. 26; Sitzungsberichte d. k. böhmischen Gesellsch. d. Wissensch. 1865 II, p. 40; Nebesky въ Časopis Českého Museum, 1853, pag. 387—8.

2) Kralodworsky rukopis. od. W. Hanky a W. Swobody, P. 1829 (2-ое издан.) p. 65.

3) Таково, въ главныхъ чертахъ, было и мнѣніе Палацкаго, высказанное имъ въ разборѣ 2-го изданія Крал. ркп., въ Jahrbücher der Literatur. t. XLVIII, p. 150, позднѣе въ «Примѣчаніяхъ» къ изданію графа Туна (Gedichte aus Böhmens Vorzeit, P. 1845, p. 91) онъ относилъ стихотвореніе къ *языческой эпохѣ*.

4) Hanus. Das Schriftwesen und Schrifttum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme.. P. 1867, p. 93.

древности, то нѣтъ и повода придавать ихъ *намекамъ на погребеніе* какой нибудь значительный для насъ смыслъ.

Стихотворенія «Zàboj a Slawoj», «Čestmir a Wlaslaw»—по содержанію, безспорно, принадлежатъ къ древнѣйшимъ во всемъ Сборникѣ. Чешскіе ученые относятъ ихъ къ языческой эпохѣ и время появленія перваго опредѣляютъ 805—6 годомъ, основываясь на слѣдующемъ соображеніи: произведеніе изображаетъ жизнь языческую, потому оно не могло возникнуть *позднѣе* водворенія христіанства въ Чехіи, т. е. времени 845—863 г.; появилось оно и *не ранѣе* эпохи Карла Великаго (768—814): на это указываютъ нѣкоторые признаки и, между прочимъ, слово *kral*, встрѣчающееся въ значеніи собственнаго имени *Karel Carolus*; между двумя крайними предѣлами этого историческаго періода есть событіе, черты котораго подходятъ къ происшествію пѣсни, именно—неудачныя вторженія франковъ въ Чехію въ 805—6 гг., о немъ-то и разсказываетъ стихотвореніе Краледворской рукописи. Пѣснь «Честміръ и Влаславъ» помѣчаютъ 830 годомъ, или вообще первой половиной IX вѣка—на томъ основаніи, что около этого времени Козьма Пражскій повѣствуетъ о битвѣ и смерти героя Тира, личность котораго, а равно и самое событіе тожественны съ личностью Честміра (Далимиловъ Štir=Ctsmir, Ctmir крлд. ркп.) и его подвигомъ[1]). Отдавая полную справедливость остроумію такихъ гаданій, мы не можемъ, однако, признать ихъ убѣдительными: повѣсть Козьмы Пражскаго о Тирѣ (Штирѣ) не имѣетъ ничего общаго съ пѣснью о Честмірѣ, кромѣ призрачнаго созвучія и въ именахъ героевъ, имя *kral* можетъ быть понимаемо и въ нарицательномъ значеніи (rex), безъ малѣйшаго нарушенія смысла рѣчи; остается только общій признакъ языческой эпохи произведеній, именно—черты жизни, ими изображаемой; по сколько позволительно судить объ

---

1) **Jos. und Herm. Jireček**, Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Pr. 1862. p. 7, 176—8; V. **Nebesky**, Kralodvorsky Rukopis, въ Časopis českého Museum, 1853, pag. 384—8; **Thun.**, Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Pr. 1845, предисловіе П. І. **Шафарика**, стр. 21 и замѣтки **Палацкаго**, стр. 53, 73.

основаніяхъ и условіяхъ языческаго быта славянъ, о характерѣ ихъ древняго поэтическаго творчества, мы не колеблемся сказать, что такія произведенія не могли быть *непосредственнымъ, прямымъ* плодомъ языческаго періода славянской жизни; по крайней мѣрѣ, во всей исторіи европейской поэзіи нѣтъ другого примѣра, чтобы памятникъ языческой эпохи представлялъ такое полное ослабленіе стихіи язычества, какъ эти пѣсни Краледворской рукописи: оно является какъ-то случайно, скорѣе по воспоминанію, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительнаго участія въ жизни; поблеклые образы его ясно говорятъ о его внутреннемъ безсиліи, немыслимомъ для времени начала 9-го вѣка; языческіе обряды и обыкновенія рѣдко выступаютъ въ прямомъ дѣйствіи, но болѣе въ описательныхъ упоминаніяхъ; ходомъ событій управляетъ уже новое политическое начало народной вражды и раздраженія, которое и даетъ произведеніямъ быстрый, лирическій характеръ; отсюда и самые образы ихъ—не спокойные образы величаваго стариннаго эпоса, а созданія минуты, возмущенной вторженіемъ чуждыхъ началъ. Всѣ эти признаки говорятъ не въ пользу высокой языческой древности названныхъ пѣсенъ Краледворской рукописи[1]); но при всемъ томъ трудно думать, что слѣды древней религіи и быта зашли въ произведенія, какъ обдуманная своевольная прибавка позднѣйшаго слагателя, желавшаго представить картину старины: для этого они слишкомъ просты, естественны и не умышленны, древній источникъ ихъ—несомнѣненъ; но они уцѣлѣли не въ томъ видѣ, въ какомъ бытовали въ язычествѣ, а въ ослабѣлыхъ, выродившихся образахъ, пройдя чрезъ

---

1) Здѣсь не можемъ не помянуть добрымъ словомъ критики пок. Фейфалика (Ueber die Königinhofer Handschrift. Wien. 1860, p. 36—9.), хотя изъ предыдущаго читатель можетъ видѣть, что мы совершенно несогласны съ этимъ ученымъ въ выводахъ, какіе онъ сдѣлалъ. Возраженія бр. Иречковъ устраняютъ послѣдніе, но не устраняютъ возможности другихъ: Иречки *доказали*, что стихотворенія Кр. ркп. могли возникнуть въ XIII в., но *не* доказали такой возможности для начала 9-го вѣка; вообще эта сторона возраженій чешскихъ ученыхъ неполна и критика Фейфалика остается, пока, въ своей силѣ.

время, которое не могло питать и поддерживать ихъ. Поэтому, въ пѣсняхъ Краледворской рукописи мы наклонны видѣть не непосредственныя произведенія языческой эпохи, но поздніе пересказы древняго оригинала, который сохранялся путемъ устной передачи и, конечно, подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ, подобно русскому слову о Полкѣ Игоревѣ и малороссійскимъ думамъ [1]. Первоначальное произведеніе могло появиться и въ 10 вѣкѣ, пересказъ же его едва ли былъ записанъ ранѣе XII—XIII вв. Таково наше *предположеніе*; къ нему, кромѣ прочаго, приводитъ и замѣченная бр. Иречками порча текста пѣсенъ [2]), происходящая, кажется, не отъ неисправной *переписки*, но отъ дурной, забывчивой устной *передачи*.

Возвратимся теперь къ нашему предмету. Несмотря на относительно поздній видъ пѣсенъ, исторія и христіанскія понятія отразились въ нихъ лишь отрицательною стороною: ихъ вліяніе ослабило черты древнихъ вѣрованій и обычаевъ, но не замѣнило ихъ новыми, несовмѣстными съ древнимъ бытомъ; потому мы имѣемъ право разсматривать показанія этихъ произведеній, какъ свидѣтельства конца языческой жизни чешскаго племени.

Стихотвореніе «Zàboj a Slawoj» указываетъ на обычай *погребенія* въ собственномъ смыслѣ, стихотвореніе же «Čestmir a Wlaslaw» — на погребальный обычай *сожженія*; одинъ обычай, какъ мы замѣчали уже (см. выше), не исключалъ другого, и въ настоящемъ случаѣ тѣмъ менѣе умѣстна была такая исключительность, что *погребеніе*, какъ кажется, не было только простымъ посмертнымъ обрядомъ, но имѣло и иную цѣль, именно — *сооруженіе высокой могилы въ память побѣды надъ врагами*; такъ объясняетъ д-ръ Ганушъ выраженіе: «*k wrchu* pohřebat mrch», т. е. не *на горѣ*, *но горою, высокою насыпью*

---

1) Что эпическія (?) пѣсни Кралд. ркп. не принадлежатъ къ *народной* поэзіи въ собственномъ смыслѣ, съ этимъ согласны и Иречки (l. cit. p. 49); но болѣе чѣмъ странно поступаютъ они, когда такое понятіе распространяютъ и на весь славянскій эпосъ.

2) Die Echtheit der Königinhofer Handschrift... p. 191.

(berghoch)[1]), и мы не находимъ препятствій раздѣлить это мнѣніе.

Богамъ спасителямъ, побѣднымъ (bohòm spasàm) приносятся *жертвы* (mnostwie obĕti), *другимъ богамъ—покормъ*. Чтó значитъ такое *различіе*? Нельзя ли въ послѣднихъ видѣть *души* убитыхъ въ бою воиновъ[2]), нельзя ли въ словѣ *bohowót* предположить такое же значеніе, какое имѣетъ латинское *divus* (чешск. nebožtik) и передать его латинск. *diis manibus*? Кажется, что можно. Тогда *покормъ* будетъ имѣть значеніе погребальной *стравы* на могилѣ усопшихъ.

Богамъ-спасамъ дѣлаются *благочестивыя возглашенія* (hlàsat milych slow) и приносится *оружіе побитыхъ враговъ*; хотя въ этомъ мѣстѣ текста и не замѣчается никакого искаженія, а равно и никакого противорѣчія обычаямъ языческаго времени, но имѣя въ виду общую порчу окончанія пѣсни[3]), не вѣрнѣе ли будетъ допустить и здѣсь перебой стиховъ и читать ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «tamo k wrchu pohřebat mrch, i dat pokrm bohowòm, a jim hlasat milych slow, i jim oružie pobitych wrahòw; i tamo bohòm spasàm dàt mnostwie obĕti!» Такой порядокъ едва ли не естественнѣе общепринятаго, по крайней мѣрѣ—заключеніе выходитъ эпически-законченнѣе и поэтичнѣе. Если эта, впрочемъ совершенно личная, догадка не лишена вѣроятія, то и извѣстіе о погребеніи можетъ пополниться двумя подробностями, именно: глашеніемъ *милыхъ* словъ (причитаній) усопшимъ и принесеніемъ имъ оружія враговъ, которое, вѣроятно, полагалось въ могилу, какъ въ могилу Аттилы положили «arma hostium cædibus acquisita».

Наконецъ, замѣтимъ выступающе (въ стих. Čestmir) значеніе погребальной почести: душа до той поры не находитъ покоя и

---

1) Das Schriftwesen und Schrifttum der böhm.-sloven) Völkerstämme.. Pr. 1867, p. 86.

2) Таково мнѣніе и Гануша (loco citato): онъ видитъ здѣсь *пенатовъ*.

3) «Der Schluss des Záboj, говорятъ Иречки, ist so beschaffen, dass eine duch ein Versehen des Abschreibers (? по нашему мнѣнію — *пересказывателя*) veranlasste Versetzung mehrerer Stellen angenommen werden muss.» l. cit.

мятежно блуждаетъ по деревьямъ, пока не совершится священный обрядъ сожженія.

Важныя извѣстія о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ русскихъ племенъ сохранила намъ «*Повѣсть временныхъ лѣтъ*», или древнѣйшій лѣтописный сборникъ русской старины.

Историко-литературная критика обозначила уже довольно ясно составъ «*Повѣсти*» и опредѣлила важнѣйшіе источники, которыми пользовался составитель[1]): идеальная личность простодушнаго лѣтописца, передающаго, не мудрствуя лукаво, что́ знаетъ и что́ слышалъ, кажется навсегда уступила мѣсто образу *составителя обдумывающаго*, который, по византійской мѣркѣ, свелъ показанія различныхъ источниковъ въ систематическую хронику о томъ, «*что ся удѣя*» на русской землѣ[2]). Съ положительностью, почти несомнѣнной—наука уже отличаетъ древнѣйшій лѣтописный слой, отрывки котораго вошли въ разныя мѣста «Повѣсти»; потому въ вопросѣ, насъ занимающемъ, мы можемъ разсматривать ея показанія, слѣдуя иному порядку, чѣмъ тотъ, котораго держался лѣтописецъ-составитель.

На первомъ мѣстѣ мы поставимъ *народныя преданія* о смерти Аскольда, Дира и Олега и мщеніи Ольги древлянамъ, отнесенныя въ «Повѣсти» къ 882, 912 и 945 годамъ.

«И оубиша Аскольда и Дира, носоша на гору и *погребоша* и на горѣ».

«Умре (Олегъ) и плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголеться

---

1) Съ уваженіемъ назовемъ здѣсь труды: гг. Срезневскаго (Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Спб. 1862), Костомарова (Лекціи по русской исторіи. Спб. 1860), Гедеонова (Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ. Спб. 1862, глава IV) и Куника (Замѣчанія къ книгѣ г. Погодина: Гедеоновъ и его система. Спб. 1864, стр. 51—8, 64—73).

2) Послѣднимъ защитникомъ этого идеальнаго взгляда на тк. наз. Нестора выступилъ недавно г. Погодинъ, въ своей брош.: Гедеоновъ и его система. Спб. 1864, стр. 4 sq. et passim; но съ такими доводами, которые ни на іоту не поколеблятъ противоположнаго мнѣнія: общія мѣста—самый непрочный и ненадежный способъ убѣжденія.

Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова».

Убивъ Игоря, древляне *погребли* его и, вслѣдъ затѣмъ, отправили къ Ольгѣ пословъ съ предложеніемъ выйти замужъ за князя ихъ Мала; Ольга отвѣчала пришедшимъ:

«люба ми есть рѣчь ваша, оуже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся; азъ оутро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи, и отпусти я въ ладью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заоутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не едемъ на конихъ, не на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи. Рѣша же Кияне: намъ неволя; Князь нашь оубьенъ, а Княгини наша хоче за вашь Князь, и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ, въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны Игоревы смерти; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я».

Ольга требуетъ отъ древлянъ присылки новыхъ *нарочитыхъ мужей*; они, не подозрѣвая обмана, посылаютъ извѣстныхъ правителей своей земли.

«Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: измывшеся придите ко мнѣ. Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти: и запроша о нихъ истопъку, и повелѣ зажечи я отъ двери и, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: се оуже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже оубисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсути

могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне к Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко оупишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000, а Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ».

Мы не безъ намѣренія пересказываемъ подробности общеизвѣстнаго лѣтописнаго разсказа: онѣ, какъ увидимъ, не такъ чужды нашей цѣли, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Примемъ ли мы эти разсказы за дѣйствительныя происшествія, допустимъ ли въ созданіи ихъ участіе народнаго поэтическаго творчества (чтó и гораздо вѣроятнѣе), значеніе ихъ для насъ будетъ одинаково: дѣло идетъ не о строгой исторической достовѣрности событій, но о достовѣрности фактовъ внутренней жизни народа: сохраненные въ трезвой лѣтописной памяти или записанные по устному разсказу, какъ народныя преданія, они равно драгоцѣнны для насъ, потому что взяты изъ дѣйствительнаго быта, а не вымышлены досужей фантазіей.

Смерть своего мужа Ольга мститъ сначала тѣмъ, что первыхъ пословъ древлянскихъ заживо *погребаетъ*, вторыхъ *сожигаетъ*. Преданіе не даетъ особаго значенія этимъ дѣйствіямъ: относясь къ древлянамъ съ національнымъ пренебреженіемъ, какъ къ простакамъ, оно видитъ здѣсь только хитрую уловку мудрой жены, въ которую попадаютъ враги по своей умственной малости; но въ такомъ ли смыслѣ и должно понимать эти дѣйствія: древлянскіе послы находились въ полной власти мстящей кіевской княгини, она могла, не прибѣгая къ хитрости, поступить съ ними какъ хотѣла: умертвить или замучить ихъ, и если для этого она выбрала не прямые пути, то, конечно, не безъ причины и основанія. Какъ врагъ древлянъ, убитый Игорь, хотя и былъ погребенъ, но *безчестно*, безъ священнаго обряда; душа его *требовала* не только мести, но и успокоительной погребаль-

ной почести и жертвы, и это-то, кажется, руководило поступками Ольги: пословъ древлянскихъ она приноситъ въ жертву неумиротворенной душѣ своего погибшаго мужа, справляя надъ ними заживо *религіозные погребальные обряды*: однихъ она закапываетъ въ землю въ *ладьѣ* (ср. показанія Ибнъ-Фоцлана), другихъ — *сожигаетъ*; третій актъ мести имѣетъ такой же погребально-жертвенный характеръ: надъ могилой вождя избиваются древляне, какъ рабы, приносимые ему въ жертву и назначенные на служеніе его посмертному существованію; замѣчательна и та частная черта, которая предшествуетъ избіенію, она прямо взята изъ погребальнаго обряда: Ольга приказываетъ своимъ отрокамъ *пить на* древлянъ, за смерть или на смерть имъ [1]), соотвѣтственно тому, какъ при погребеніи живые пьютъ прощальную чашу за мертваго и выливаютъ ее въ могилу (вспомнимъ прощальную чашу дѣвушки у Ибнъ-Фоцлана и Попѣла у Кадлубка, др. показанія см. ниже). Очевидно, что месть Ольги не была простымъ наказаніемъ, но религіозно-обрядовымъ дѣйствіемъ (сербск. *осветой*): она приносила погребальную жертву душѣ своего мужа. Такой фактъ, съ одной стороны, подтверждаетъ замѣченную нами связь погребальныхъ обычаевъ съ жертвенными и обычаями казни, съ другой — даетъ нѣкоторыя указанія и на самые погребальные обряды: *погребеніе въ ладьѣ, сожженіе, питье чаши въ честь мертваго* или *возліянія ему*—вотъ, кажется, бытовыя черты, которыя можно освободить изъ-подъ оболочки поэтическаго народнаго преданія. Но и кромѣ этого, оно и прямо указываетъ на другія стороны дѣйствительности: Аскольда у Дира и Олега — *погребаютъ*, древляне также *погребаютъ* Игоря, потому можно заключать, что въ 10 вѣкѣ у полянъ и древлянъ было обыкновеніе погребенія въ собственномъ смыслѣ, что и совпадаетъ съ разсказомъ Ибнъ-Досты. Случайно или по обычаю Аскольдъ и Диръ

---

1) *Пить на кого*,—пить за чье-нибудь здоровье, въ «Повѣсти» подъ 1064 г. .....«рече Котопанъ: княже! хочю *на тя пити*...».

были погребены *на горѣ* — этого не видно; но *такъ*, по народному преданію, былъ погребенъ и Олегъ, и надъ Игоревымъ гробомъ (т. е. могилой) Ольга насыпаетъ высокій холмъ, конечно—въ честь или воспоминаніе о немъ. Плачь Ольги на гробѣ мужа должно понимать въ обрядовомъ значеніи, какъ обычное причитаніе; въ такомъ смыслѣ слово *плакатися на* или *по комъ* употребляются въ «Повѣсти» постоянно. За насыпью могилы слѣдовала *тризна*; въ чемъ состояла она—въ преданіи не говорится, но можно думать, что обрядовая попойка составляла только заключительный актъ ея; такъ слѣдуетъ изъ чтенія: ...,повелѣ тризну творити. *Посемъ* сѣдоша Деревляне пити»... Пропускъ, впрочемъ, не невозвратимый: онъ восполнится для насъ другими показаніями старины и свидѣтельствами языка.

Подъ 6477 (969) въ «Повѣсти» занесено извѣстіе о кончинѣ Ольги:

„...Умре Ольга, и плакася на ней сынъ ея и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженную Ольгу».

Это безцвѣтное показаніе оживляется другимъ, близкимъ къ нему по содержанію: оно находится въ Прологѣ XV в. подъ 11-мъ іюля:

«Призва (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрестись, а могылы не сути, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти»[1]).

При отсутствіи предварительной историко-критической разработки русскихъ «Прологовъ», нельзя, покамѣстъ, правильно су-

---

1) Приведено Востоковымъ въ его Словарѣ церковно-славянскаго языка т. 1-й. sub voce. Еще въ 1828 г. г. Погодинъ привелъ подобное мѣсто въ своихъ примѣчаніяхъ къ критикѣ Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго: «въ рукописныхъ макарьевскихъ большихъ Минеяхъ, или въ какомъ-то Прологѣ, *не помню* (!!), читалъ я о в. к. Ольгѣ: «и заповѣдала ему со землею равно погрестися, а могилы не сыпати. ни тризнъ ҁрити ни бды не дѣяти»; см. Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 12, № 23—24, стр. 255. Очевидно, что изъ того же самаго памятника, только въ дурно переданномъ видѣ.

дить и о цѣнности ихъ показаній; изъ доселѣ извѣстнаго можно видѣть только, что этотъ родъ сборниковъ представляетъ иногда такія данныя, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ [1]). Таково и настоящее свидѣтельство: оно, очевидно, идетъ не изъ лѣтописи, но изъ какого-то иного источника, можетъ-быть, общаго для обоихъ. Частныя черты позволяютъ предполагать источникъ древній, когда память о языческомъ погребеніи была еще свѣжа. Насыпаніе *высокой могилы и тризна* выступаютъ здѣсь, какъ отличительныя особенности языческаго погребальнаго обряда; но какое значеніе имѣетъ *бъдынъ* и какъ слѣдуетъ понимать выраженіе «ни бдына дѣяти».? Такъ какъ рѣчь идетъ о языческомъ погребеніи, то Востоковъ и понялъ слово въ смыслѣ надгробнаго памятника, хотя съ сомнѣніемъ, выраженнымъ знакомъ вопроса; съ такимъ же значеніемъ и сомнѣніемъ перенесъ его въ свой Словарь (р. 49) и Миклошичъ: ни тотъ, ни другой не встрѣтили иныхъ случаевъ употребленія слова. Едва ли слѣдуетъ давать термину общее значеніе надгробнаго памятника, потому что подобные памятники слишкомъ обыкновенны въ христіанскомъ мірѣ и ничѣмъ не могли оскорблять христіанскаго чувства Ольги; здѣсь разумѣется исключительно языческій памятникъ, и такимъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно признать особую *надстройку надъ могилою*. На нее, прежде другого, указываетъ этимологія слова; краткій ъ органически замѣняетъ звукъ у, *ынъ* (соб. инъ) суффиксъ въ образованіи именъ, стало быть корень = *буд*, и онъ даетъ происхожденіе именамъ (какъ нарицательнымъ, такъ и множеству собственнымъ) и глаголамъ, обозначающимъ постройку (см. Linde. Słow. sub voce buda); въ смыслѣ погребальной постройки мы встрѣчаемъ это слово въ Ипатьевскомъ спискѣ, подъ 1175 г.: «вложимы и любо си въ *буди*, любо си въ гробъ», и въ современномъ русскомъ областномъ—*буда* не только постройка вообще, но и *склепъ для покой-*

1) Таковъ напр. Прологъ XIII в., описанный г. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древ. 1846 (годъ 1-й), № 2. стр. 5—23.

никовъ (Даль. Толк. Сл. sub voce); далѣе, мы видѣли (стр. 101—2), что Козьма Пражскій упоминаетъ о *хижинахъ* (scenae) на распутьяхъ для *успокоенія душъ усопшихъ*, Ибнъ-Фоцланъ также говоритъ о какомъ-то деревянномъ *сооруженіи* на могилѣ сожженнаго русскаго (см. выше), въ «Сказаніи о началѣ Москвы», хотя и не древнемъ по формѣ, но сохранившемъ многія черты древности, неизвѣстный князь Даніилъ, убѣгая отъ кучковичей «по прилучаю найде въ дебри *струбецъ* малъ стоящъ, *подъ нимъ же погребенъ бысть* ту нѣкоторый *мертвый человѣкъ*, князь же *влѣзъ* въ *струбецъ* той, *закрыся* въ немъ [1])»; наконецъ, языческое обыкновеніе ставить постройку надъ могилою продолжается и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской земли (Нижегородск., Костр., Калуж., Земля войска донскаго), такая постройка называется *голубецъ* и дѣлается срубомъ съ крышею, будкой или домикомъ [2]); какъ несогласный съ христіанскими порядками, такой обычай теперь прекращенъ.

Такимъ образомъ, Проложное свидѣтельство, оправдываясь и объясняясь другими источниками, доноситъ къ намъ любопытный фактъ славянской погребальной старины. О цѣли этихъ надмогильныхъ построекъ, можно догадываться изъ словъ Козьмы Пражскаго: они служили для *отдохновенія* душъ (ob animarum pausationem), прилетавшихъ навѣстить свое прежнее жилище и утомленныхъ долгимъ путемъ.

Возвращаемся къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Гораздо важнѣе, чѣмъ предыдущія, тѣ данныя, которыя внесены въ сборникъ особой вставкой, въ началѣ; между прочими

---

1) Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1851 г. кн. 11-я смѣсь, стр. 26.

2) Даль. Толковый Словарь в. рос. яз. sub voce *голубецъ*. Карамзинъ (Ис. Г. Р. т. II, примѣч. 269) говоритъ, что Ярополкъ († 1139) былъ схороненъ въ *голубцѣ* у церкви св. Андрея; намъ неизвѣстно, откуда взялъ исторіографъ свое показаніе; но въ Лѣтописи вмѣсто *голубца* стоитъ *гробница*, см. подъ годомъ 1145. Откуда самое названіе *голубецъ* — рѣшать не беремся; но оно замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по значенію съ классическимъ columbaria.

нравами и обычаями языческихъ русскихъ племенъ отмѣчаются и обычаи погребальные:

«И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху.... Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу (= краду) велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ, собравше кости, вложаху въ судину (= ссудъ) малу и поставяху на столпѣ (= на столѣ) на путехъ. еже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая (и) Кривичи, прочіи поганіи...» (П. С. Р. Л. I, стр. 6).

Къ какому времени слѣдуетъ отнести это этнографическое описаніе?

Кажется, оно не могло принадлежать къ составу первоначальныхъ лѣтописей: въ немъ нѣтъ ни историческихъ или мѣстныхъ преданій, ни собственныхъ событій, ни хронологическихъ помѣтъ, составляющихъ основу краткихъ первоначальныхъ лѣтописей; не думаемъ, чтобы можно было относить его и ко времени сложенія самой «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: въ этомъ убѣждаетъ насъ приписка, очевидно принадлежащая составителю «Повѣсти»: «еже творятъ Вятичи и *нынѣ*»; она была бы не умѣстна, еслибы *все извѣстіе* принадлежало составителю или было записано имъ лично со словъ людей бывалыхъ [1]). Этнографическое описаніе нравовъ и обычаевъ русскихъ племенъ, несомнѣнно, представляетъ *отдѣльный* разсказъ, вставленный въ повѣсть съ *готоваго* уже оригинала: неизвѣстно, списанъ ли этотъ разсказъ дословно или переданъ въ пересказѣ, (на что́ кажется намекаетъ постоянное употребленіе прошедшаго времени), но, во всякомъ случаѣ, по содержанію онъ старше самой «Повѣсти» и приблизительно можетъ быть помѣченъ временемъ X—XI вѣка. Неизвѣстенъ также ближайшій источникъ его: какого рода человѣку обязанъ онъ своимъ происхожденіемъ, всего ближе будетъ предположить оче-

---

1) Также и въ предыдущемъ исчисленіи племенъ русскихъ читаемъ: «Дулѣби *живяху* по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне... суть гради ихъ и до *сего дне*».

видца разсказываемаго, м.-б. какого бывалаго купца и притомъ русскаго по происхожденію [1]).

Въ разсказѣ ничего не говорится о погребальныхъ обычаяхъ полянъ и древлянъ: быть-можетъ, это зависѣло отъ случайности: разсказчикъ не имѣлъ случая видѣть и наблюдать ихъ такъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ свадебные обычаи, но, можетъ-быть, была тому и иная причина: такіе обычаи въ X—IX вѣкѣ могли быть близки къ христіанскому обыкновенію *погребенія*, по крайней мѣрѣ—если бы древляне въ XII вѣкѣ держались иного *«поганскаго норова»*, то составитель «Повѣсти», съ своей стороны, не преминулъ бы указать на то какою-нибудь прибавкою, въ родѣ прибавки о вятичахъ; тѣмъ болѣе, что нравы древлянъ онъ рисуетъ самыми мрачными красками. Соображеніе находитъ поддержку и въ приведенныхъ выше народныхъ преданіяхъ. Радимичи, сѣверяне, кривичи и «прочіе поганіи»—въ X-XI вѣкѣ, вятичи же еще и въ XII—имѣли погребальный обычай *сожженія*: сначала надъ мертвецомъ справлялась *тризна*, потомъ собирали костеръ (*кладу*, *краду*), предавали тѣло сожженію, затѣмъ собирали кости въ небольшой сосудъ и поставляли его «на *столпѣ* на *путехъ*». Загадочнымъ представляется послѣднее извѣстіе. Если понимать его въ современномъ обыкновенномъ смыслѣ, то прійдется допустить странность: прахъ усопшихъ *собирали* затѣмъ, чтобы не *сохранить его*, ибо выставленный на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію... Очевидно, что выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Грамматическая правильность и ясность текста дѣлаетъ ненужнымъ предположеніе объ искаженіи или порчѣ, потому остается думать, что слово *столпъ*, *стлъпъ* здѣсь имѣетъ иное, отличное отъ обыкновеннаго, знаменованіе; ни русскіе, ни древнеславянскіе памятники, гдѣ оно обозначаетъ στήλη и πύργος,

---

1) Русское происхожденіе этнографа ясно не только изъ мелочно вѣрныхъ наблюденій, но и изъ народныхъ терминовъ для обозначенія ихъ: чужеземецъ употребилъ бы выраженія описательныя.

не даютъ настоящаго смысла; его указываетъ санскритъ: отъ корня stûp=coacervare, errigere, образуется существит. stûpa= cumulus, возвышеніе изъ земли и камней, высокая могила; этому слову, по органически правильному переходу звуковъ, отвѣчаетъ польское *stypa* (**ы=и** первонач. **у**), которое первоначально должно было обозначать *могилу*, но уцѣлѣло уже въ переносномъ значеніи *погребальнаго пира*, поминокъ[1]). Въ силу того же органическаго перехода звуковъ слово явилось въ церковно-славянскомъ языкѣ въ формѣ *стлъпъ* (правильнѣе: *стълпъ*, ибо u=ы переходитъ въ ъв, в же въ л), въ русскомъ — столпъ, столбъ. Итакъ, не въ древнемъ ли значеніи землянаго возвышенія, холма, насыпной могилы слѣдуетъ понять *столпы* «Повѣсти», по крайней мѣрѣ ихъ трудно понять иначе, особенно когда вспомнимъ прямое показаніе Ибнъ-Досты, что славяне, по сожженіи мертвеца, собирали пепелъ съ пожарища, складывали его въ сосудъ и ставили послѣдній *на холмъ*. Погребальная урна съ костями и пепломъ, конечно, ставилась не *на поверхности* могилы, но въ срединѣ ея; объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ, доселѣ бывшія, археологическія раскопки. Помѣщеніе могильныхъ холмовъ на видномъ мѣстѣ *путей*[2]) вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ назначенію: съ одной стороны они свидѣтели памяти покойника (сравни выше) съ другой — пограничные стражи родной земли, села или волости, оберегаемыхъ прахомъ почившихъ предковъ; ибо жилищамъ боговъ *терминовъ* приличнѣе всего стоять на межѣ путей. Мы видѣли, что Козьма Пражскій отводитъ для языческихъ чешскихъ *сценъ* мѣста *путей и раздорожій* (in biviis et in triviis); въ средневѣковыхъ

---

1) *Stypa* на нашъ взглядъ есть не иное что, какъ прилагательное притяжательное, равносильное сл. *stypowa*. Того же происхожденія и польское слово słup=столбъ и могильный памятникъ, но тожественное въ началѣ со словомъ styp-a, оно пошло въ языкѣ совсѣмъ иной дорогой.

2) Водныхъ (пѫть=πόντος) или обыкновенныхъ сухопутныхъ дорогъ—это все равно. О погребальномъ значеніи *перекрестковъ* мы будемъ имѣть случай говорить во 2-й части изслѣдованія.

поморянскихъ грамотахъ славянскія могилы постоянно называются, какъ пограничные знаки или марки, до которыхъ идетъ владѣніе извѣстной волости[1]), въ чешскомъ (отчасти и въ южнорусскомъ въ Галиціи) языкѣ сл. *hranice* имѣетъ значеніе и *межи, термина и могилы, погребальнаго костра* (Jungmann. Slow. sub. voce); литовск. *kapas* — погребальный холмъ, kapczius — граничный холмъ, славянск. *купа, купица*; можно было бы поставить сюда и русское *сопка*, если бы не существовало сомнѣній на счетъ перехода славян. **С** въ **К**; по одному, не лишенному вѣроятія, извѣстію, въ старину у насъ на *распутьяхъ* стояли *столбы*, чураки (чуръ-пенатъ, предокъ); и мимо нихъ никто не проходилъ безъ какой нибудь жертвы[2]).

Возвратимся еще разъ къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Разсказывая подъ 10015 г. о смерти Владимира, лѣтописецъ передаетъ слѣдующее:

«Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и̓, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, обертѣвши въ коверъ, и ужи съвѣсиша на землю; възложьше и на сани, везъше поставиша и въ святѣй Богородици».

Лѣтописецъ наклоненъ объяснить этотъ поступокъ желаніемъ скрыть отъ Святополка смерть Владимира, но не странно ли, что вслѣдъ за тѣмъ, тѣло умершаго князя выставляютъ въ церкви, къ нему приходятъ «людіе безъ числа», и похороны совершаются гласно и торжественно: объясненіе, очевидно, не идетъ къ происшествію. Мы имѣемъ основанія видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помостъ и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ[3]) и славянскихъ.

---

1) Мѣста эти собраны у Лиша, Friderico Francisceum. L. 1837, p. 11—15.
2) Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 1851 г. № 10, отд. IV, стр. 7.
3) Simrock. Handbuch der deutschen Mythologie. Bonn. 1864, p. 597. Zeitschrift für Deutsche Mythologie (Göt. 1858), t. IV, p. 280.

Какъ бы ни объясняли точный смыслъ [1]) словъ лѣтописца, несомнѣннымъ останется, что тѣло Владимира было вынесено *не чрезъ дверь*, а чрезъ *проломъ*. Подъ вліяніемъ христіанства языческій обычай сталъ глухимъ суевѣріемъ, и въ такомъ видѣ встрѣчается въ началѣ XVII вѣка: по одному современному извѣстію—тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго *чародѣемъ*, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ), чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ *проломъ* †; въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ *приподнять* въ потолкѣ *матицу* (отсюда и народн. примѣта—*матица* трещитъ, кто-нибудь *умретъ*); колдуны, по народнымъ разсказамъ, всегда долго томятся въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ *потолочную матицу*, и тѣло такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ изъ *окна*; при повальной болѣзни мертвецовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно* [2]); у мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно* [3]). Эти ослабѣлые остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ лѣтописномъ извѣстіи о смерти Владимира не какую-нибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смыслъ его теменъ: быть-можетъ, его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служитъ для прихода и ухода живыхъ, смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей.

Свидѣтельства особой для насъ важности сохранились въ

---

1) Весьма вѣрное объясненіе дѣлаетъ здѣсь пок. Борисовъ: тѣло князя, по его мнѣнію, было спущено съ верхнихъ въ нижнія сѣни чрезъ проломанный помостъ. Владимирск. губерн. вѣдомости, 1862; № 3.

† Московскій Телеграфъ 1833 г., ч. 3-я, стр. 10—11. Воронежскій литер. Сборникъ. I (В. 1861), стр. 317.

2) Борисовъ. Влад. Губер Вѣдом. 1862, № 3.

3) Töppen. Aberglauben aus Mazurien. Danz. 1867. p. 112.

«Житіи» князя Константина Муромскаго. Хотя оно и составлено не ранѣе XVI вѣка (т. е. во время или по канонизаціи Константина), но содержитъ въ себѣ такія любопытныя и важныя черты погребальной древности, что мы, не сомнѣваясь, должны поставить его въ число первостепенныхъ нашихъ источниковъ. Вотъ его показаніе по тексту ркп. Сергіевой Лавры (№ 54), сличенному съ румянцевскою (№ 364)[1]. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то

«невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву (рум. князю Михаилу), взнакъ на востокѣ (р. во знакъ на востокъ лицемъ), а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но равно съ землею, ни тризнища, ни дыни (? рум. дымы ?) не дѣяху, ни битвы, ни пожекроенія (рум. кожи кроянія) не творяшеся, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго, и о томъ безумніи ругахуся...»

Далѣе, разсказавъ объ обращеніи муромы въ христіанство, сочинитель Житія восклицаетъ:

«Гдѣ рѣкамъ и езеромъ требы кладущеи? гдѣ кладезямъ кланяющеися, очныя ради немощи умывающеися и сребреницы въ ня поверзающеи? Гдѣ кони закалающеи по мертвыхъ и ременная плетенія древолазная съ ними въ землю покоповающеи (р. погребающіи) и битвы и кроенія (р. лицъ), или натреканія (р. натресканія) и дранія творящеи? Гдѣ свѣрѣпія и бѣсованія и горшая согрѣшенія восклицающихъ? Они бо вси посрамишася, ницы на земли лежатъ, и пребыша мертвы».

Чтобы дать надлежащую цѣну и значеніе этимъ показа-

---

1) Этотъ отрывокъ изъ текста ркп. Сергіевой Лавры напечатанъ въ Библіографическихъ разысканіяхъ пок. В.М. Ундольскаго. М. 1846 г. стр. 69—79 (от. изъ Москвитянина 1846 № 11—12 стр. 194—195), хотя тамъ, по недосмотру, онъ отнесенъ къ житіямъ Петра и Февроніи Муромскихъ; румянц. текстъ Житія (редакціи позднѣйшей, видоизмѣненной) напеч. въ *Памятникахъ* старинной русской литературы, издан. г. Костомаровымъ т. I, Спб., 1860, стр. 229—235.

ніямъ, необходимо предварительно остановиться на самомъ памятникѣ. *Житіе*, какъ мы сказали, составлено не ранѣе 2-й половины XVI вѣка (мощи святого открыты въ 1552 г.); время жизни Константина Муромскаго, если принять тожество его съ Ярославомъ Святославовичемъ, сыномъ Святослава Черниговскаго [1]), опредѣляется годомъ его кончины 1129. Спрашивается: на основаніи какихъ данныхъ составлено было *Житіе*, какими источниками пользовался неизвѣстный біографъ, жившій четыре слишкомъ столѣтія спустя?

Пр. Макарій (Ист. р. ц. II, стр. 275) полагаетъ, что составитель *Житія* писалъ на основаніи устныхъ преданій, сохранявшихся въ Муромѣ, или и краткихъ записокъ, что весь приступъ и нѣкоторыя мѣста въ заключеніи буквально взяты изъ Житія Владимирова, составленнаго Яковомъ Мнихомъ; другія мѣста, хотя не съ такою буквальностью—изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и изъ Похвалы митр. Иларіона Св. Владимиру (ср. пр. Филарета Обзоръ рус. дух. лит. 1, пар. 133). Если, такимъ образомъ, біографъ имѣлъ предъ собою два различные источника, то изъ какого шло вышеприведенное любопытное извѣстіе о погребальныхъ обычаяхъ: изъ устнаго-ли народнаго преданія, или какого иного письменнаго памятника? Позволяемъ себѣ заключать, что изъ послѣдняго: народная память едва ли сохранила бы такія дробныя, нагія черты языческой бытовой древности; онѣ лишены того, что́ всегда охраняетъ преданіе отъ сокрушительнаго забвенія, именно—обаятельнаго поэтическаго колорита фантазіи, онѣ слишкомъ будничны, слишкомъ противоположны чувству христіанина, чтобы, отвергнутыя жизнью, могли удержаться въ его памяти въ теченіе четырехъ съ половиною вѣковъ; потому, кажется, онѣ должны быть записаны лишь по горячему слѣду своего существованія, взяты прямо изъ житейскаго обихода; а въ такомъ случаѣ—внесены въ *Житіе* изъ гораздо *старшаго*

1) Пр. Филаретъ. Истор. русск. церкви, т. I (изд. 4-е) ч. 1862, стр. 23—4). Макарій. Исторія русской церкви, Спб. 1857, т. II, стр. 19—20.

литературнаго источника. Полагаю, что такимъ источникомъ въ данномъ случаѣ не могли быть краткія записки объ обращеніи муромы въ христіанство, существованіе которыхъ допускаетъ пр. Макарій, потому что извѣстія Житія о *погребальныхъ и другихъ языческихъ обрядахъ относятся не къ чудской муромѣ, но къ русскому (славянскому) населенію: составитель Житія* имѣлъ задачею представить искорененіе *язычества* въ муромѣ; далекій отъ изображаемой эпохи, онъ понималъ чудское язычество лишь въ отвлеченномъ (не этнографическомъ) смыслѣ, какъ *язычество* вообще и, встрѣтивъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ описаніе русскихъ языческихъ суевѣрій и обычаевъ, — не задумался воспользоваться ими для оживленія своего разсказа; такимъ образомъ черты языческаго быта русскихъ славянъ были перенесены ими на язычество чудской муромы. Въ этомъ мнѣніи насъ утверждаетъ не одно только согласіе фактовъ *Житія* съ извѣстными фактами русской языческой древности, но и ясныя, несомнительныя указанія самаго памятника и нѣкоторыя иныя соображенія: какъ иначе объяснить напр. слѣдующія заключительныя слова *Житія*: «идѣ же убо въ Муромстей области пройдеши, нигдѣ не услышаши проклятыхъ многобожныхъ именъ, ни Перуна, ни Ждагода (=Дажьбога), ни Мокоши, имъ же *поганіи* требы творяху»? Далѣе, отвлеченнымъ, анти-этнографическимъ взглядомъ біографа на муромское язычество объясняется и его извѣстіе о томъ, что въ Муромѣ отцы приносили въ жертву дѣтей и покланялись Мухаммеду («тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ и скверпаго Моамеоа пророкомъ называть», и въ др. мѣстахъ), покрайней мѣрѣ—это болѣе вѣроятно, чѣмъ предположеніе о распространеніи мухамеданства въ Муромѣ отъ волжскихъ Болгаръ[1]).

Наконецъ, наше мнѣніе подтверждается буквальнымъ сходствомъ одного мѣста въ «Житіи» съ приведеннымъ выше

---

1) Памятн. старин. рус. литер. т. I, стр. 238.—Филаретъ. Русскіе святые. Мѣс. май, Чер. 1863, стр. 151.

проложнымъ свидѣтельствомъ объ Ольгѣ: нельзя думать, что списатель «Житія» К. М. пользовался *только* имъ (тогда—откуда такія вѣрныя подробности въ описаніи погребальныхъ обычаевъ!); но или онъ пользовался имъ *между* прочимъ, или и Житіе и Прологъ черпали свои показанія изъ одного, древнѣйшаго источника; во всякомъ случаѣ, сходство этихъ мѣстъ въ памятникахъ даетъ полное право относить извѣстія «Житія» къ языческимъ русскимъ славянамъ.

Если все это справедливо, то «*Житіе Константина Муромскаго*» представитъ намъ весьма древнее, можетъ-быть, современное введенію христіанства, свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ русскихъ славянъ.

Послѣ этого необходимаго отступленія, обращаемся къ содержанію источника.

Символическое христіанское погребеніе на востокъ лицемъ (прообразованіе будущаго воскресенія) противополагается языческому, но въ чемъ именно заключалась противоположность — этого не видно, можно полагать только, что эта черта христіанскаго погребальнаго обыкновенія не наблюдалась у русскихъ язычниковъ; *вмѣстѣ съ усопшимъ въ могилу полагались «ременныя плетенія древолазная»*, т. е. *лѣстницы*, вслѣдствіе, какъ увидимъ далѣе, вѣрованія, что душа усопшаго должна взбираться на высокую гору = рай, мѣсто пребыванія душъ; слѣды этого вѣрованія и обычая мы встрѣтимъ и въ современныхъ суевѣрныхъ обыкновеніяхъ славянъ; на *могилѣ убивали коня*, конечно въ томъ убѣжденіи, что конь необходимъ покойнику въ загробной жизни; хотя свидѣтельство и не даетъ прямаго указанія, но вѣроятно, что убитый конь погребался вмѣстѣ съ тѣломъ усопшаго; *могила насыпалась холмомъ высоко надъ уровнемъ земли; по погребеніи—совершалась тризна*, состоявшая изъ *воинскихъ упражненій, битвъ*, при чемъ, конечно, была и попойка (текстъ м. б. не случайно раздѣляетъ *тризнище* и *битву*); печаль по мертвомъ выражалась не только *плачемъ безмѣрнымъ*, но и лицедраніемъ и *кожи кроеніемъ* (ср. выше извѣстіе Іорнанда, Ибнъ-

Досты и Кадлубка); что касается до слова *дымы*, *дыни*, то нѣтъ сомнѣнія, что это испорченное *бѣдынъ* Проложнаго извѣстія. Мы объяснили его выше (стр. 119—20).

Обозрѣніе русскихъ источниковъ мы пополнимъ разсмотрѣніемъ погребальныхъ терминовъ, въ нихъ встрѣчающихся.

Клада. Творяху *кладу* велику... Во многихъ варіантахъ къ этому мѣсту читается *краду*: можно подумать, что это простое, обычное замѣненіе плавныхъ звуковъ р и л; но можно и полагать, что здѣсь общепонятный терминъ *клада* (trabs, κλάδος, колода, чешск. klada; отъ корня *klad*=tegere, sternere) замѣнилъ собою болѣе древнее и непонятное *крада*; послѣднее въ церковно-славянскомъ употребляется не только для обозначенія костра, печи[1]); но и *горящаго жертвеннаго алтаря*=βομός[2]); въ этомъ значеніи оно точь въ точь отвѣчаетъ санскр. *çra'dda* = священная жертва въ честь мертвыхъ, и если дѣйствительно въ текстѣ русскаго извѣстія стояло слово *крада*, то подъ нимъ можно разумѣть не простой костеръ, но именно *погребальный*, воздвигнутый и сожигаемый въ честь мертваго.

Могила. Повелѣ съсути могилу велику.. Слово исключительно славянскаго происхожденія и распространено почти во всѣхъ нарѣчіяхъ (въ церковно-славянскомъ, н.-болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ—*могила*, въ сербскомъ и хорутанскомъ—*gomila*[3]), у бывшихъ полабскихъ славянъ—*migkola* (по Геннингу), *mogela*, *muggula* (по поморянскимъ актамъ), вездѣ въ смыслѣ землянаго холма и преимущественно—холма *погребальнаго*. Относительно происхожденія и кореннаго значенія слова

---

1) Востоковъ. Словарь церковно-славянскаго языка. т. I, sub voce.

2) Miklosich. Lexicon palaeoslovenicum, 1863, p. 307, Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Синод. библіотеки, т. III, (1859), стр. 301, 395.

3) Мы полагаемъ, что *гомилу* должно считать метатезисомъ слова *могила*, ибо странно думать, что для обозначенія такого необходимаго предмета славянскій языкъ долженъ былъ заимствовать слова изъ языка чуждаго народа (cumulus). Еще страннѣе полагать, что славянское слово заимствовано изъ арабскаго manhal (Muchlinski. Zródłosłownik, 1858, p. 87; Köppen. Über Tumuli in Russland. Spb. 1836, p. 2).

изслѣдователи останавливаются на корнѣ *мог*, индо-евр. *mah* въ значеніи crescere; этотъ корень имѣетъ однако и другое значеніе, которое намъ кажется въ данномъ случаѣ должно быть предпочтено первому, именно: *colere*, *venerari*[1]). Въ такомъ мнѣніи насъ утверждаетъ другое слово того же происхожденія: *мощти*; *мощи*=останки, кости мертваго [2]), которыя у языческихъ славянъ, какъ видно изъ перевода X-го Слова Григорія Богослова, имѣли священное значеніе; *могила* (предп. перв. форма mag-ula) это не только холмъ, *но почитаемая* хранительница *святыни* — мощей: коренное значеніе наименованія вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду язычника славянина на его блаженныхъ родителей — предковъ.

Тризна. Корень слова теменъ, можно предполагать *tri* (tar), въ значеніи побѣждать, превосходить (въ борьбѣ). Въ запасѣ словъ родственныхъ языковъ до сихъ поръ не указано этимологически отвѣчающаго [3]) термина, такъ что его можно признать исключительно славянскимъ. Въ древнихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка *три(ы)зна*, о, ь (тризма) употребляется въ смыслѣ битвы, состязательнаго поприща=αγών, certamen, στάδιον; *тризнище*=locus certaminis, σκάμμα; *тризновати*=pugnare и подвизаться; *тризньникъ*=ἀθλητής, pugnator [4]); съ такимъ же значеніемъ слово занесено и въ наши старинные азбуковники, «такъ въ Тлъкованіи неудобь познаваемомь речемъ»

---

1) Pott. Etymologische Forschungen, 1-е изд. (H. 1833), т. I, стр. 282—3; Diefenbach. Lexicon comparativum linguarum Indo-germanicar. Fr. am M. 1851 t. II, 19—22, 68. Здѣсь изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ тщательно извлеченъ запасъ словъ, происшедшихъ отъ корня mah; сравни еще ibidem, pag. 1 sq.

2) Словари Востокова и Миклошича sub voce, Собраніе государ. грам. и договоровъ, т. IV (М. 1828), стр. 293, столб. 1-й.

3) Развѣ позволено будетъ сдѣлать сближеніе съ готскимъ Trigo=λύπη и родственными нѣмецкими, указанными у Дифенбафа: Lexicon compar. II, p. 579.

4) Востоковъ. Слов. цер. Слав. языка II. 462, 6; Miklosich. Lexicon palaeoslov. 1865 p. p. 1001—2. Горскій и Новострувъ. Описаніе рки. синод. библіот. т. III. (М. 1858), стр. 81, 53, 115, 199, 261, 341, 399.

тризна объясняется: страдальство, подвигъ; въ Словарѣ Памвы Берынды: «*тризникъ*—шпрмѣръ, або тотъ, що на игриску есть, *тризнище* — мѣстце, гдѣ бываютъ поединки, або шпрмѣрства, або боіованья, вытѣчки, або куглярства»[1]); слово имѣетъ довольно широкое распространеніе и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: въ чешскихъ глоссахъ къ С.-Галленскому Словарю (Mater Verborum) сл. *тризна* поставлено въ объясненіе слѣд. латинскаго текста: inferiae, placatio inferorum vel obsequiae, vel infernalium deorum sacrificia mortuorum sepulturae debitae, и въ другомъ мѣстѣ при словахъ: inferiae sacrificia quae diis manibus inferebant [2]); стало быть въ значеніи *погребальномъ*; *tryzen*, *tryzneni*, *tryzniti*, въ старомъ чешскомъ = бѣда, мученіе, мучить, бить, гонять, *tryznowati*=насмѣхаться; въ словацкомъ *trúzniti*= вести рѣчь, бесѣду, *truznitisia*=веселиться (см. Jungm. Slownik. IV, 664); въ русскомъ—тризна осталась въ значеніи погребальныхъ поминокъ, въ бѣлорус. *тризниться*=грезиться. Разсматривая отмѣченныя слова, кажется не трудно угадать древнее значеніе *тризны*: это—обрядовая военная игра, *бой* и, въ примѣненіи къ усопшимъ—поминки по нихъ военною *игрою*, битвой; такой смыслъ совпадаетъ вполнѣ съ свидѣтельствомъ источниковъ: Іорнанда (м. б. Ибнъ-Фоцлана и Козьмы Пражскаго), житія Константина Муромскаго и еще одной русской статьи, содержащей въ себѣ церковныя правила: здѣсь налагается епитимія, если кто «по *мертвеци дрался*»[3]); веселымъ характеромъ поминокъ объясняется значеніе чешскаго *tryznowati* и словацк. *truznitisia*, далѣе слово уже получаетъ отвлеченный смыслъ бѣды, мученія и, по связи мертвыхъ съ привидѣніями — значеніе грезы.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія древнѣйшихъ свидѣтельствъ

---

1) Калайдовичъ. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. М. 1824 г. стр. 196; Востоковъ. Описаніе ркп. Румянцов. Музея. Спб. 1842, стр. 267; Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. т. II, (Спб. 1849) кн. V, стр. 106.

2) Schaffarik—Palacky. Die ältesten Denkmäler d. böhm. Sprache. Pr. 1840, p. 228.

3) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, т. III, (М. 1859), стр. 282.

о погребальной старинѣ языческихъ славянъ, считаемъ не лишнимъ объяснить причины, почему въ него не вошли извѣстія важной привиллегіи 1249, данной Яковомъ, папскимъ легатомъ и намѣстникомъ въ Польшѣ, Пруссіи и Помераніи [1]). Сколь ни важны и интересны эти свѣдѣнія [2]), но мы не видимъ возможности относить ихъ къ поморянамъ, или вѣрнѣе къ поморскимъ славянамъ, какъ дѣлаетъ А. В. Мацѣевскій [3]): архидіаконъ Яковъ имѣетъ въ виду не славянъ, но исключительно пруссовъ — неофитовъ, обитавшихъ въ Помезаніи, Вармія и Натангіи, онъ называетъ ихъ только *сосѣдями* поляковъ (et saecularia judicia Polonorum *vicinorum* suorum), говоритъ, что эти Neophyti idolum consueverunt pro deo colere cui nomen *Kurcho*, приводитъ и прусскія имена ихъ жрецовъ Tillusones (=Tulissones) et Linguschones (=Ligaschones). Всѣ эти обстоятельства, не допуская сомнѣній на счетъ прусской народности новокрещенныхъ *привиллегіи*, даютъ намъ полное право устранить ее изъ нашего обозрѣнія.

Въ произведеніяхъ писателей и историческихъ документахъ 15—17 вв. кое-гдѣ мы встрѣчаемся и съ нѣкоторыми чертами языческой погребальной старины славянъ; христіанскія понятія и обряды давно получили въ жизни перевѣсъ надъ языческими, давно овладѣли и народной погребальной практикой; но старая

---

1) Она внесена въ Хронику Петра Дюсбурга, ed. Hartknoch. M. D. C. LXXIX, p. 467—8, а также и у Дрегера: Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommersch-Rugianischen t. I. Stettin. 1748. p. 286 sq.

2) Для сравнительной цѣли представляемъ здѣсь выдержки важнѣйшаго: porro Neophyti... promiserunt, quod ipsi et haeredes eorum in mortuis comburendis et subterrandis cum equis sive hominibus, vel cum armis, seu vestibus, vel quibuscunque aliis rebus pretiosis, vel etiam in aliis quibuscunque ritus gentilium de caetero non servabunt, sed mortuos suos juxta morem christianorum in coemeteriis sepelia(e)nt et non extra»... далѣе разсказывается объ обрядахъ жрецовъ на похоронахъ и какъ они: «erectis in coelum luminibus exclamantes mendaciter asserunt, se videre praesentem defunctum per medium coeli volantem in equo armis fulgentibus decoratum usum (nisum?) in manu ferentem et cum commitatu magno in aliud saeculum procedentem...».

3) Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV в. рус. перев. М. 1846, р. 55; сравни И. И. Срезневскаго: Святилища и обряды яз. бог. др. славянъ. Х. 1846. стр. 14—15.

вѣковая жизнь не вся ушла въ могилу: она оставила за собою, правда—поблекшіе, но все же видимые слѣды: множество мелкихъ суевѣрныхъ обрядовъ и обыкновеній, иногда и до сей поры бытующихъ въ жизни простолюдина; занесенныя въ памятники письменности, эти черты дороги и важны для насъ; но случайность ихъ, ихъ одиночное, забытое положеніе среди жизни, пересозданной христіанствомъ, снимаетъ съ изслѣдователя обязанность разсматривать извѣстія источниковъ съ тою исчерпывающею подробностью, какой требовали источники перваго порядка, древнѣйшіе; потому, принявъ всѣ болѣе важныя указанія позднѣйшихъ свидѣтельствъ въ заключительную часть нашего труда, здѣсь мы остановимся только на нѣкоторыхъ, требующихъ, по той или иной причинѣ, предварительнаго осмотра, таковы извѣстія: *Длугоша*, *Маршалка Турія*, *Гайка*, *Стоглаваго Собора*, *Іоанна Менеція*, *Клоновича и Гваньино*.

Длугошъ († 1480) разсказываетъ о погребеніи миопческаго Крака слѣдующее:

«ad cujus (т. е. Крака) exequias honestandas primum Polonorum proceres, ceterumque vulgus promiscuum accurrit, er *juxta morem illius temporis*, cadaver suum in monte Lassotino, qui cracoviensi urbi confrontatus est, justo honore et conploratione *sepelivit*»; далѣе: «bustum autem ejus, quo esset durabile et perpetum et nulla illius edax posset abolere abliterareque apud posteros, vetustas, sabulo monti, in quo conditus est, arte et ingenio superjecto, duo fillii ejus a patre, dum adhuc viveret, speciali mandato edocti, ad tantam produxerunt altitudinem, ut collis ipse omnibus vicinis sit editior et sublimior humano cacumine, elaboratoque opere et tanti viri *sarcophagum* arte excisum Polonorum pro traducenda nominis sui ad posteros memoria et tribuenda illi immortalitate etiam in hoc tempus favorem ostendet; quae etiam sepulchri editioris forma» etc, etc...

Далѣе онъ разсказываетъ о Вандѣ, какъ послѣ побѣды надъ Ритигаромъ, она задумала принести себя въ жертву богамъ и для этого

«proceribus convocatis Polonorum, victimis prius caesis, et sacrificio more patrio, rite peracto, in quo et gratiae de praestitis donis exoluebantur et imponebatur precatio ut sibi partes meliores concederentur apud inferas sedes, de ponte in amnem Vislam saliens undis fluvii praefati Vislae se donavit. Quibus praefocata mortem subiit ac super fluvinm Dłubnia (Dlabina) uno a Cracovia militari (miliari?) in campo *sepulta* est, res apud posteros plus admirationis habitura, quam fidei; sepulchro quoque idem honos qui paterno servatus. Terrena enim mole collis in altum erectus, *bustum* suum illic in hac diem testatus, a quo et loco *nomen* est *Mogila* inditum»[1]).

Оригинальное объясненіе Длугошевыхъ разсказовъ предложилъ Галлусъ: отстаивая положеніе о существованіи у славянъ обычая сожигать тѣла усопшихъ, онъ обращаетъ и слова Длугоша въ подкрѣпленіе любимой мысли и видитъ въ нихъ слѣды этого обычая: выраженіе *bustum* означаетъ, по его мнѣнію, мѣсто, гдѣ сожжены были тѣла усопшихъ, костеръ сожженныхъ и воздвигнутую на этомъ мѣстѣ гробницу; по описанію Длугоша, говоритъ онъ, оба царскія тѣла были сожжены, кости и пепелъ собраны въ сосуды, и послѣдніе, по обычаю древнихъ народовъ, погребены на мѣстѣ сожженія, а сверху насыпана исполинская могила[2]). При всемъ безотносительномъ вѣроятіи такого объясненія, оно невѣрно относительно Длугоша: историкъ-риторъ 15-го вѣка, Длугошъ изукрасилъ разсказъ своихъ источниковъ (Кадлубка † 1223 и Богухвала † 1267) романическими подробностями: у Кадлубка ничего не говорится о погребеніи Кракуса и Ванды[3]), Богухвалъ передаетъ лишь *народное преданіе* о смерти

1) Historiae Polonicae libri XII, ed. Huyssen. L. 1711, f°, l. 1. p. 53, 57.

2) Beiträge zur Geschichts und Alterthumskunde der Nieder Lausitz. hrs. von Gallus und Neumann, II lief. Lüb. 1838, p. 6.

3) Басня о томъ, что Ванда принесла себя въ жертву богамъ, бросившись въ рѣку, по замѣчанію Бѣлёвскаго, выросла изъ дурно понятыхъ словъ Кадлубка: «diis immortalibus Wanda pro suis victimet»—и очень поздняго происхожденія (см. Wstęp. kr. do dziejów Polski. Lw. 1850, 290).. Не зная доводовъ Бѣлёвскаго, мы позволяемъ себѣ считать это мнѣніе недоказаннымъ, неосно-

Ванды *въ волнахъ* и о насыпѣ надъ ея прахомъ могилы (Mogila Clara tumba)—и это едва ли не *единственная, сколько-нибудь значительная, черта извѣстій Богухвала и Длугоша.* Говоря коегдѣ (какъ напр. въ извѣстіи о смерти Лешка 1-го), что народные правители бывали погребаемы *по обычаямъ того времени,* Длугошъ былъ далекъ и отъ знанія, въ чемъ состояли эти обычаи и вообще отъ пониманія смысла языческаго погребенія; это видно изъ басни, пущенной въ ходъ едва ли не имъ первымъ, что разсѣянныя по полямъ урны *выростаютъ* сами изъ земли и суть произведенія природы[1]). Что касается слова *bustum,* то, какъ мы видѣли, уже Козьма Пражскій употребляетъ его просто для обозначенія *погребенія;* тѣмъ болѣе въ такомъ значеніи долженъ былъ употребить его Длугошъ, писавшій два вѣка спустя—варварской, вывѣтрившейся латынью: его *bustum* значитъ просто гробница, могила, могильный холмъ или памятникъ, къ которому только и могутъ итти слова *durabile et perpetuum.*

вательнымъ представляется намъ и его утвержденіе, что всѣ народныя преданія гораздо позднѣе письменныхъ извѣстій и опираются на непониманіи смысла ихъ и ихъ ложномъ толкованіи (na niezrozumeniu i balamutnem przekręceniu pomnika pismiennego). Это можно сказать только о нѣкоторыхъ, дѣйствительно позднѣйшихъ преданіяхъ, другія же несоразмѣрно старше письменныхъ извѣстій, такими въ миѳической исторіи Польши слѣдуетъ признать преданія — о Кракѣ и борьбѣ его съ змѣемъ и о Вандѣ: они основаны на чисто народныхъ миѳологическихъ представленіяхъ, какъ это основательно, по нашему убѣжденію, раскрыто Сан-Мартомъ (А. Шульцемъ) въ его небольшомъ трудѣ: «Die Polnische Königssage (aus d. Neuen Jahrb. für deutsche Sprache und Alterthumsk. Bd. VIII besonders abgedruckt). Ber. 1848, p. 20—37, хотя объясненія С.-Марта намъ не кажутся во всемъ согласными съ началами современной науки сравнительной миѳологіи. То же должно сказать и о статьѣ Гутшмида: «Kritik der Polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadłubek», на которую мы указывали выше: вѣрно опредѣляя черты народныхъ преданій у польскихъ лѣтописцевъ, онъ не всегда вѣрно объясняетъ ихъ происхожденіе и значеніе. Сказаніе о Вандѣ онъ также признаетъ (p. 309) ученымъ изобрѣтеніемъ хрониста, который захотѣлъ дать Вандаламъ повелительницу Ванду и дурно понявъ слово Кадлубка victimet, — заставилъ ее утопиться въ Вислѣ. Доказательство не совсѣмъ убѣдительное, ибо остается необъясненнымъ, почему Ванда именно утопилась въ *рѣкѣ,* и *послѣдняя получила отъ нея свое названіе!*

1) Histor. Pol. ib. lib. I, p. 45; басня эта повторялась потомъ многими хронистами и quasi-археологами даже въ началѣ прошлаго столѣтія.

Вообще говоря, извѣстія Длугоша для насъ малоцѣнны; они свидѣтельствуютъ лишь, что въ 15 вѣкѣ еще было сознаніе о томъ, что прахъ народныхъ героевъ хоронили на горѣ, или же надъ нимъ насыпали высокую могилу; память объ этомъ поддерживалась, какъ видно, народнымъ преданіемъ, имъ же поддерживается она и до сей поры[1]).

Останавливаясь съ подробностью на извѣстіяхъ Длугоша, мы имѣли въ виду не столько разъясненіе занимающаго насъ вопроса, сколько устраненіе произвольнаго, но на первый взглядъ вѣроятнаго, толкованія ихъ.

Въ концѣ XV вѣка въ Мекленбургѣ пробудилась любовь къ историческимъ и археологическимъ занятіямъ, они находили поддержку даже въ правительственныхъ лицахъ; между людьми, посвящавшими свой трудъ этимъ наукамъ, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ Николаю Маршалку Турію (1470—1525, Marschalk, Marscalcus Thurius, т. е. родомъ изъ Тюрингіи), ученому и государственному человѣку Мекленбургскаго герцогства. Классически образованный, знатокъ и любитель греческаго языка и литературы, онъ захотѣлъ пополнить пробѣлы древнѣйшей исторіи Мекленбурга помощью греческой; въ этомъ духѣ и направленіи и было написано имъ по-латыни и по-нѣмецки нѣсколько сочиненій, изображавшихъ жизнь древнихъ обитателей Мекленбурга[2]). Для того, кто въ этихъ трудахъ сумѣетъ отличить личныя мнѣнія и гипотезы закупленнаго классической ученостью хрониста отъ положительныхъ извѣстій, сообщаемыхъ имъ, какъ очевидцемъ-наблюдателемъ, произведенія Маршалка представляютъ истинную драгоцѣнность и имѣютъ всю цѣну историческаго документа; между прочимъ, въ нихъ находимъ мы и богатый запасъ фактовъ о бытѣ славянскаго населенія Меклен-

---

1) См. объ этомъ соч. Лэпковскаго: «O tradycyach narodowych». Kr. 1861, p. 34—51.

2) О жизни и трудахъ Маршалка см. Jahrbücher des Vereins für Meklenburg. Geschichte und Alterthumskunde. т. IV, (St. 1839) p. 92—162, ст. Лиша.

бурга, ихъ нравахъ, обычаяхъ, еще живыхъ, не окончательно уступившихъ вліянію германскаго начала; представляетъ здѣсь то, что́ собственно относится къ погребальнымъ обычаямъ и обрядамъ[1]).

Въ *Annales Herulorum*[2]) ad an. 1521:

«Genus sepulturae Herulorum minime vulgare. Tumulus e lapidibus in colle plerumque congestis, saxo maximo superimposito. Procerum ut *arbitror* sepulturae genus fuit. Nam multi, qui in aliquo tamen fuere numero in urnis siti sunt, cum insignibus. Gabaliones (обитатели Jabelhaide, земли между Судой и Рёгницомъ) mortuos adhuc canto et choreis prosequuntur, pocula tumultuatis superfundunt (въ нѣмецк. текстѣ: benetzen mit Getranck die Güther der Verstorbenen) (1 p. 193)»;

въ *Vitae Obetritarum*:

«genus sepulturae Obetritis ad instar antiquitatis ex lapidibus in colle congestis et terra, mole ingenti super imposita... Procerum hoc sepulturae genus quondam, quod et peculiare Cimbris: nam ceteri, qui in aliquo fuere habiti numero, in urnis siti sunt; quae multis ante nos seculis obrutae, sub Te, princeps illustris (Гейнрихъ Миролюбивый) plurimae anno superiore erutae antiquitatis miraculum exhibent uno omnium tuorum dignissimmo, sub quo reviviscant majores sui» (II, p. 1512), наконецъ, въ *Рифмованной Хроникѣ*:

«Der Obetriten Begräbnis schlecht
auf Bergen darumb gantz gerecht
gelegt Steine gross im Ring;
dass was uff die Zeit ein herlich Ding.

---

1) Сочиненія Маршалка изданы Вестфаленомъ въ «Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum. L. 1734—40, 2 ч, f⁰, на томы и страницы этого изданія мы ссылаемся въ текстѣ.

2) Подъ Герулами Маршалкъ разумѣлъ славянъ балтійскихъ, бодричей (Heruli — говоритъ онъ постоянно — qui et Obetriti. cf. 1-я главы соч. Vitae Obetritarum), слѣдуя общераспространенному псевдо-историческому понятію, которое ставило геруловъ въ этнологическую связь то съ славянами, то съ литвой.

Im Mitten da wurden die Herren begraben,
oder ander herrlich und mächtige Knaben.
Der ist das Land noch allenhalben voll,
dabey man sie erkennen soll;
Ein Theil haben auch verbrennen lassen
gelegt in Krüge recht an die Strassen....
Wann ehr der Frauen verstirbt der Mann
ihr besten Braut-kleider thut sie an,
so hilfft sie ihn zu Erden tragen,
ist wohlgeziert, ich will das sagen.
Die Nacht auch weil die Leich noch stet,
man trauret nicht fast es ist ihr söt,
Sie trincken und murmeln die ganze Nacht,
nach Schytischer Weise als hergebracht...
Den Gabelheiten wird ihr Leben führ,
die sind allein, der Sprach nach, Wenden,
die verstreuet zu manchen Enden;
Dieselbige haben Gewohnhet alt,
Wenn jemand ward vom Tode kalt,
sie folgen ihn mit Gesange zu graben;
zuletzt muss er einen Ehrentrunk hahen,
den giessen sie ihm wol in die Gruben.»... (1,574)

Въ XV—XVI вѣкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мекленбурга[1]) еще сохранялись и славянскій языкъ и славянскіе обычаи; они, по свидѣтельству того же Маршалка, отличались отъ нѣмецкихъ и назывались особымъ именемъ *славянскихъ* («*Wendischer sitt* ist ihm bekannt, jetzo ist er *Sclavasco* genannt». Chr. ryth. I, p. 574); Маршалкъ, стало быть, разсказывалъ о нихъ въ качествѣ очевидца; но при всемъ томъ, нельзя дать одинако-

---

1) См. любопытную статью Боля: «Meklenburgs deutsche Colonisation im 12—13 Jahrhund.», пом. въ Jahrbücher und Jahrsb. d. Vereins für meklenb. Geschichte etc. т. XIII, (Schw. 1848), стр. 69—70.

вой цѣны его показаніямъ: въ нихъ говорятъ какъ бы два разные человѣка: одинъ—ученый археологъ XVI в., другой—внимательный и *достовѣрный*[1]) наблюдатель нравовъ своего времени; отличивъ эти двѣ стороны, мы увидимъ, что какъ очевидецъ-наблюдатель Маршалкъ говоритъ объ обычаяхъ славянскаго населенія Мекленбурга и Гавельгейды и какъ археологъ—описываетъ онъ собственно способы погребенія и могилы бодричей; ничто въ первомъ не указываетъ ученаго систематика, напротивъ, подъ вліяніемъ археологической системы сложились его показанія второго рода. Этимъ опредѣляется и сравнительная цѣнность извѣстій Маршалка.

Славянское населеніе Мекленбурга въ XV—XVI в. еще держалось слѣдующихъ погребальныхъ обыкновеній: пока тѣло усопшаго не погребено, ночью въ домѣ его идетъ попойка въ честь его, никто не предается печали, цѣлую ночь пьютъ и ведутъ бесѣду (такъ понимаемъ мы «*murmeln*»), жена умершаго одѣвалась въ подвѣнечное платье и провожала его до могилы; жители Гавельгейды, также славяне по языку, торжественно, съ пѣснями и плясками, несли мертвеца къ мѣсту погребенія, тамъ воздавали они ему послѣднюю честь: предлагали чашу напитка, которую и проливали въ могилу, орошая имущество, вещи, какими снабжали усопшаго.

Таковы обычаи, о которыхъ говоритъ *очевидецъ* Маршалкъ; они такъ естественны и согласны съ языческими понятіями, что не требуютъ долгой повѣрки и объясненій.

Мы замѣчали уже, что не всегда погребальные обычаи имѣютъ грустный, траурный характеръ, что они не исключаютъ своего рода религіознаго веселія, и въ этомъ то смыслѣ, думаемъ, слѣдуетъ объяснять сказанія Маршалка о веселой попойкѣ и веселыхъ проводахъ усопшаго; не противорѣчатъ славянскому язы-

---

1) «Я ничего не написалъ, говоритъ Маршалкъ, чего самъ не видѣлъ, или не почерпнулъ изъ источниковъ самыхъ достовѣрныхъ («nisi quorum testis fuerim oculatus et praeterea quae et monumentis fidissimis transcripserim»).

ческому быту и понятіямъ и другія черты: провожая покойнаго мужа въ подвѣнечномъ платьѣ, жена совершаетъ торжественный, священный обрядъ прощанья, она какъ бы вспоминаетъ первый день своего брака и въ той одеждѣ, въ которой начала она свою новую, семейную жизнь, въ той хочетъ и окончить ее; символическое уподобленіе *смерти—браку*, какъ увидимъ впослѣдствіи, принадлежитъ къ обычнѣйшимъ сближеніямъ народнаго ума и чувства. Почетная чаша, возливаемая въ могилу, эта послѣдняя честь покойнику — совершенно въ духѣ языческихъ понятій (и позднѣе, до сихъ поръ: угостить виномъ, поднести чашу значитъ *оказать почесть*) и подтверждается старинными извѣстіями «*Повѣсти временныхъ лѣтъ*» и Ибнъ-Фоцлана, а равно и современными обычаями.

Иной характеръ имѣютъ извѣстія Маршалка о способахъ погребенія древнихъ бодричей (оботритовъ): это уже не *свидѣтельства*, но ученое мнѣніе археолога. Маршалкъ различаетъ два рода погребенія бодричей: одинъ состоялъ въ томъ, что надъ прахомъ усопшаго воздвигали изъ земли и камней огромный холмъ, его окружали правильными рядами торчащихъ камней, а на верху могилы полагали огромный камень—таковы были, по его предположенію, могилы знатнѣйшихъ; останки болѣе мелкихъ людей—сожигали и собирали пепелъ въ урны и вмѣстѣ съ вещами (cum insignibis) ставили при дорогахъ. Источникъ этихъ извѣстій — очевиденъ: Маршалкъ излагалъ древнюю исторію Мекленбурга; онъ зналъ, что древними обитателями мѣстности были славяне, онъ засталъ еще значительные остатки славянскаго населенія, ихъ языкъ, ихъ особые обычаи, онъ видѣлъ старинныя могилы, которыя и прежде и въ его время назывались *sepulchra antiquorum* или *Sclavorum*, *Wendengräber*, *Wendenkirchhöfe*[1]); онъ видѣлъ и предметы, добытые изъ этихъ могилъ: горшки, наполненные пепломъ, костями и вещами изъ житейскаго обихода—и вотъ

1) См. Lisch. Friderico-franciscęum L. 1837. p. 11—15.

на какихъ основаніяхъ сложилось его *мнѣніе* о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ бодричей! Отсюда, изъ этихъ памятниковъ, достойныхъ полной вѣры (ex monumentis fidissimis) онъ списалъ свои показанія и вывелъ цѣлую археологическую систему (на это указываетъ и выраженіе «ut arbitror»); но если древнія могилы и представляютъ «monumenta fidissima», то не для науки XV—XVI вв., и даже не для нашего времени, а для будущаго, которое сумѣетъ вскрыть до сихъ поръ еще неразоблаченную тайну ихъ происхожденія.

По всему этому, принимая съ полнымъ довѣріемъ показанія *очевидца-наблюдателя* Маршалка о современныхъ ему языческихъ погребальныхъ обыкновеніяхъ славянскаго населенія Мекленбурга, мы должны оставить въ сторонѣ археологическую систему автора, хотя и любопытна она, и изумительна по своему согласію съ древнѣйшими источниками и въ особенности со свидѣтельствами русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Не смотря на доказанную (Палацкимъ[1]) историческую ненадежность и даже недобросовѣстность *Гайка* (†1553), никто, однако, не скажетъ, чтобы его «Хроника», во всѣхъ своихъ подробностяхъ, была плодомъ личной, прихотливой фантазіи или выдумкой, ни на чемъ неоснованной: въ пресловутомъ произведеніи, прежде столь уважаемомъ и нынѣ столь пренебрегаемомъ, нельзя не видѣть своей доли правды, хотя и поглощенной вольными и невольными искаженіями; ибо облекая народныя преданія въ вымышленную историческую одежду, Гайкъ, еслибы даже и желалъ того, не могъ вконецъ сгубить внутренней истины ихъ, потому—мы не колеблемся привести изъ его лживой Хроники слѣдующія, не лишенныя истины, черты народныхъ погребальныхъ обыкновеній[2]): когда умеръ баснословный Крокъ, его погребали съ богатыми дарами,

1) Würdigung der alten böhmischer Geschichtschreiber. Pr. 1830, p. 273—292, и Časopis Českého Musea, 1864, I, p. 11—16. sq.

2) Приводимъ по изданію *editionis principis* 1541 года.

«a kamen weliky na hrob geho vwaliwsse, *oheň* na niem vdielali, a tu odiew geho bohuom obietugijce *spalili* (f. V).

При извѣстіи о смерти Любуши, Премыслъ

«kàzal Služebnicem gegijm, tielo gegij w draby odiew oblecy, a w truhlu wložiti, piet Grossuw zlatte mince do Miessce vsnieného wložiw, dal Služebnicem aby do gegij lewe ruky miessetz ten wložili, rzka: toto ona ma dnes Bohu neznamemu obietowati Dati gi rozkazal take dwa grosse mince stříbne do ruky prawe. geden Wuodcy, a druhy Plawcy, aby bez messkanij dala»... (f. XV).

тѣло Премысла опрятывали

«wedle na ten čas gijch ocyčege, pieti a třmi grossy opatřiwsse do truhly w krasnem odiewu gey wložili... (f. XXI).

По смерти княжны Грубы,

«bez přestanij *oheň* na hrobie gegim *palili*, a mnohe wiecy po nij pozústale take y swe do toho *ohnie mecyce palili*, nayposleze pak *kamenijm přes hlawy mecýce* odessly (f. XXVII);

на гробѣ князя Мнаты

«oheň weliky až do dne třetijho hořal» (f. XXXVI);

на гробѣ Воена князя — то же:

«Osm dnij pořàd oheň byl palen, a tu mnohà obiet byla zan Bohuom neznàmym činiena» (f. XXXXIII);

то же самое находимъ и при разсказахъ о смерти Неклана (f. LV) и Гостивита (LX).

Далѣе, передавая по-чешски извѣстіе Козьмы Пражскаго о мѣрахъ Брѣтислава противъ языческихъ обычаевъ (см. выше, стр. 100—1), Гайкъ не довольствуется простой передачей и пополняетъ его новыми чертами:

«Mnozy pak po lesych a popolich s rozličnnymi Kauzly, a zlym duchuom dary, mrtwe swe pohřebowali: ginij stanky pohanskym obyčegem na Rozcestij činili, prawijce ze by se tu dusse předkuow, aneb přatel gijch z tiel wychazegice zastawowati mieli, a ned žeby bohowe pekelnij, časem tu swu rozkoss mijwali (это передача и объясненіе словъ Козьмы Пражскаго: scenas, quas fa-

ciebant in biviis et in triviis quasi ob animarum pausationem). Přy Smrti pak ten obyčeg mužij y ženy zachowowali: tu kdež tielo mrtwe dřyw nez pohřebeno bylo s Marami stàlo, puol pecna chleba na zemi položili, a yakž to tielo mrtwe wzdylij, tak dlauhau Swijci včinijce, pod Marami gij na ten Chleb, oswijcenau položili. To Plutowi Bohu pekelnemu obietugijce. A když tielo bylo k hroby neseno w larwy, gijmž rikaly sskrabossky, pripravijce se tancowali, a diwnie wzhuoru skakali (Kos. Пр. induti faciem larvis bachando exercebant). A když se od pohřbu nawracowali, kamenij neb dřiwij y trâwu neb listij na zemi zbiragijce, na zpatek přez hlawu metali, a ne ohledali se (fol. CXXXXVII, обор.)».

Разсматривая внимательно эти извѣстія, сличая ихъ съ показаніями другихъ свидѣтельствъ, невольно убѣждаешься, что они не вымышлены, по крайней мѣрѣ—не вымышлены важнѣйшія черты ихъ; тогда — откуда идутъ они, откуда могли быть взяты хронистомъ 16-го вѣка? Когда онъ говоритъ о жертвахъ pekelnemu bohu Plutowi и вообще о *божествахъ пекла*, то мы можемъ еще предполагать вліяніе школьной классической миѳологіи; но во всемъ другомъ такого вліянія не замѣтно; остается думать, что Гайкъ или пользовался какими-нибудь древними показаніями [1]), или, что́ вѣроятнѣе, перенесъ современные ему суевѣрные обычаи и нравы на времена отдаленной древности и по настоящему заключалъ о давнопрошедшемъ; такой пріемъ замѣчается у многихъ хронистовъ, напр. у Кадлубка (см. стр. 105 прим.). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ показанія Гайка сохраняютъ для насъ свою цѣну.

Баснословныхъ князей и княженъ Гайка *хоронили*, но на

---

1) Что Гайкъ заботился о собраніи историческихъ источниковъ и народныхъ преданій, это видно изъ письма его къ бургграфу Краловеградскаго округа (оно напечатано у Палацкаго: Würdigung d. b. Gesch. p. 276), въ Хроникѣ онъ не разъ ссылается на многіе письменные источники, нынѣ совершенно неизвѣстные (Palacky, loco cit. p. 292) — и какъ знать, на сколько лживы эти ссылки, нѣтъ ли какого основанія для вышеприведенныхъ извѣстій въ которомъ-нибудь изъ этихъ источниковъ.

могилѣ ихъ *горѣлъ костеръ*, на которомъ сожигали *имущество покойныхъ*, точно такъ, какъ въ эпоху полнаго язычества съ умершимъ сожигалась и его собственность. При разборѣ извѣстій Оттона Бамбергскаго (стр. 94—5) мы имѣли случай замѣтить, что обычай *сожженія* тѣлъ на кострѣ, смѣнившись *погребеніемъ*, оставилъ за собой видимый слѣдъ въ суевѣрномъ обыкновеніи собирать хворостъ, сучья на могилѣ усопшаго, что иногда такой костеръ *сожигался*, какъ жертва усопшему. Не то ли мы встрѣчаемъ у Гайка? Въ XVI вѣкѣ такой суевѣрный обычай еще могъ быть вполнѣ возможенъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства одновременнаго съ Чешской Хроникой русскаго памятника и нѣкоторыя обыкновенія народнаго быта. Въ 26-мъ вопросѣ 41-й главы *Стоглава* говорится, что «въ великій четвертокъ порану *солому палятъ и кличютъ мертвыхъ*»; въ Курской губерніи и теперь — подъ Рождество и подъ Крещенье *жгутъ* навозъ среди двора, чтобы родители на *томъ свѣтѣ согрѣвались* [1]); на гробахъ самоубійцъ, неизвѣстныхъ богатырей иногда *сожигается костеръ* (см. стр. 95); у мазуровъ — солома, на которой несутъ мертвеца, *сожигается* на границѣ деревни или же на *могилѣ* [2]); то же соблюдается и у венгерскихъ словаковъ и иногда въ то самое время, когда погребаютъ тѣло [3]). Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для мысли, что Гайкъ перенесъ суевѣрный обычай своей современности на древность и по немъ разрисовалъ погребальныя жертвы своимъ князьямъ и княжнамъ, потому изъ его словъ можно не столько *видѣть* древній погребальный обычай, сколько *заключать* или догадываться о немъ.

Такой же характеръ имѣютъ и тѣ извѣстія, которыми онъ пополнилъ разсказъ Козьмы Пражскаго: обычай ставить надгробныя постройки на распутьяхъ для отдыха душъ (см. стр.

1) Даль. Толковый Словарь в. р. яз. sub voce Кутія.
2) Töppen. Aberglauben aus Masuren. Danz. 1867, p. 110.
3) Csaplovics. Gemälde von Ungern. Pest. 1829, t. II, p. 308.

101 — 2) еще существовалъ въ XVI вѣкѣ, иначе Гайкъ едва ли могъ бы предложить столь вѣрное и подробное объясненіе двусмысленнаго выраженія своего источника; хлѣбъ полагался при мертвомъ на землѣ—для покорма души, возженная свѣча—символъ души покойника (см. ниже), обычай давать *перевозныя деньги Водцѣ и Плавцѣ* до сихъ поръ наблюдается въ быту простыхъ поселянъ; верженіе камней, сучьевъ, травы и листьевъ на могилу сходится съ многими народными обыкновеніями и съ свидѣтельствомъ Оттона (стр. 93 и слѣд.); обстоятельство, что камни и сучья бросали чрезъ голову, что, возвращаясь съ похоронъ, не оглядывались можно объяснить желаніемъ положить границу между царствомъ жизни и смерти (сравни обычный сказочный мотивъ бросанія чрезъ голову платка и гребешка, которые превращаются въ рѣку или густой лѣсъ и *отдѣляютъ* злую вражью силу отъ убѣгающихъ), отъ смерти нужно уходить безъ оглядки [1]).

Въ Стоглавѣ (1551 г.), кромѣ указаннаго выше, находится еще одно любопытное и важное для насъ показаніе:

«Въ троицкую субботу по селомъ и погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ (умершихъ) съ великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти...» (глава 41, вопр. 23).

Замѣчательно соотвѣтствіе этого свидѣтельства со словами Козьмы Пражскаго: «et jocos profanos, quos super mortuos suosinanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant.... dux bonus exterminavit». Въ Стоглавѣ рѣчь идетъ о поминкахъ, и какъ въ старину тризна отличалась смѣсью печали съ разгуломъ и веселостью (у Iорнанда: contraria invicem sibi copulantes, *luctum* funereum *mixto* gaudio explicabant), такъ и

---

1) По народнымъ суевѣріямъ не слѣдуетъ оглядываться, когда кого преслѣдуетъ нечистая сила.

здѣсь вопли и причитанія смѣняются играми и пляской на гробахъ. Явленіе — очень обыкновенное въ языческой древности и средніе вѣка; оно объясняется тѣми воззрѣніями, какія имѣли язычники объ отношеніяхъ живыхъ къ мертвымъ и о посмертномъ существованіи.

Въ 1551 году польскій священникъ въ Лыкѣ, Іоаннъ Менецій или, какъ обыкновенно называютъ его, Мелетій издалъ свою эпистолу къ Георгію Сабину подъ заглавіемъ: «de sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum, aliarumque vicinarum gentium»[1]); въ ней мы находимъ нѣкоторыя, весьма важныя, свѣдѣнія и по нашему предмету. Хотя Менецій въ предисловіи и говоритъ, что онъ намѣренъ представить религіозные обычаи различныхъ народовъ, но въ самомъ изложеніи онъ не вездѣ указываетъ, какіе обычаи принадлежатъ собственно Литвѣ въ Судавіи (въ бывшемъ Судинскомъ округѣ) и какіе относятся къ сосѣднему русскому населенію[2]); впрочемъ, не трудно провести черту различія: Менецій приводитъ народныя названія обычаевъ (напр. рус. *зажинки*, обжинки), а иногда и цѣлыя выдержки изъ народныхъ обычныхъ причитаній, поговорокъ, народныя выраженія и т. д.; основываясь на этомъ, мы полагаемъ, что слѣдующее его описаніе погребальныхъ обычаевъ относится именно къ славянскому, русскому племени:

«In funeribus hic servatur ritus à rusticanis. Defunctorum cadavera vestibus et calceis induuntur, et erecta locantur super sellam, cui assidentes illorum propinqui, perpotant ac helluantur.

---

1) Эпистола была издана много разъ, мы пользовались двумя изданіями: однимъ (нашъ основный текстъ), помѣщеннымъ въ Scriptores rerum Livonicarum, т. II, L. et. R. 1848, p. 389—392, и другимъ (прибавки въ нашемъ текстѣ, заключенныя въ скобки), Эльзивировскимъ, въ Respublica Moscoviae et urbes ed. *Boxhorn-Zverius*, Lun. Bat. 1830, in 32°, p. 164—177. Зная, что эпистола Іоанна Менеція была впослѣдствіи правлена и дополнена его сыномъ Іеронимомъ, мы полагаемъ, что прибавки во 2-мъ изданіи принадлежатъ именно послѣднему. cf. Scr. R. Lw. II p. XV.

2) О русскомъ населеніи этой части Пруссіи см. ст. Надеждина: «Объ этнографическомъ изученіи народности русской», Записки русскаго географическаго Общ-ва, т. I II, Спб. 1849, стр. 151—2.

Epota cerevisia fit lamentatio funebris, quae in lingua Rutenica sic sonat: *Ha lele y procz ty (mene) umarl? (y za ty nie miel szto yesty albo pity? Y procz ty umarl?) Azaty nie miel krasnoye žony (mlodzice? Y procz ty umarl?)*, id est, Hei mihi: quare mortuus es? Num tibi deerat esca aut potus? (quare ergo mortuus es? Hei, Hei mihi: an non habuisti formosam conjugem? Quare ergo mortuus es? etc.). Hoc modo lamentantes enumerant ordine omnia externa illius bona, cujus mortem deplorant: nempe, uxorem, liberos, oves, boves, equos, anseres, gallinas etc.. Ad quae singula respondentes, occinunt hanc Naeniam: cur ergo mortuus es, qui haec habebas?

«Post lamentationem dantur cadaveri munuscula, nempe mulieri fila cum acu: viro linteolum idque ejus colo implicatur. Cum ad sepultura effertur cadaver, plerique in equis funus prosequuntur, et currum obequitant quo cadaver vehitur: eductisque gladiis verberant auras, vociferantes, *gey geyte, begoyte peckelle*, id est: aufigite vos daemones (in infernum). Qui funus mortuo faciunt, nummos projiciunt in sepulchrum, tanquam viatico mortuum prosequentes. Collocant quoque panem, et lagenam cerevisiae plenam ad caput cadaveris in sepulchrum illati, ne anima vel sitiat vel esuriat. Uxor mane et vesperi, oriente et occidente sole super extincti conjugis sepulchrum sedens, vel jacens lamentatur diebus *triginta*. Cognati vero ineunt convivia die tertio, sexto, nono, et quadragesimo a funere. Ad quae convivia animam defuncti invitant precantes ante januam. In his convivijs quibus mortuo parentant, tacite assident mensae tanquam muti: nec utuntur cultris. Ad mensam vero ministrant duae mulieres, quae hospitibus cibum apponunt, nullo etiam cultello utentes. Singuli de unoquoque ferculo aliquid sub mensam jaciunt, quo animam pasci credunt, ei que (eisque) potum effundunt. Si quod forte deciderit de mensa in terram, id non tollunt, sed desertis (ut ipsi loquuntur) animis (animabus?) relinquunt manducandum, quae nullos habent vel cognatos vel amicos viventes, à quibus excipiantur convivio. Peracto prandio sacrificulus surgit de mensa,

ac scopis domum purgat; animasque mortuorum cum pulvere ejicit, tanquam pulices: atque his precatur verbis, ut e domo recedant: «*jely, pily, duszice, nu uuen, un uuen*», hoc est, edistis ac bibistis animae dilectae, ite foras, ite foras. Post haec incipiunt convivae inter se colloqui et certare poculis... Mulieres viris praebibunt et viri vicissim mulieribus, seque mutuo osculantur»[1]).

Едва ли необходимо доказывать, что черты погребальной древности, переданныя Менеціемъ, относятся именно къ западно-русскому населенію: въ этомъ убѣждаютъ насъ и случайно оброненныя черты языка, славянскій (бѣлорусскій) характеръ которыхъ ярко свѣтитъ изъ-подъ латинской одежды, и соотвѣтствіе разсказанныхъ обычаевъ съ обычаями, бытующими до сихъ поръ среди простого русскаго народа; насъ останавливаетъ только одно обстоятельство, именно — странность выраженія: «*gey geyte, begoyte peckelle*»; въ такомъ видѣ оно не можетъ признано *русскимъ*; но ошибется и тотъ, кто пріиметъ его за *литовское*: несоотвѣтствіе этого выраженія съ литовскимъ языкомъ замѣтилъ еще Л. Юцевичь (природный литвинъ); допуская ошибку и порчу текста, онъ предлагаетъ поправить его по-литовски, такъ: »*ginkiet, biekiet Pikole*»; онъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что у литвы до сихъ поръ существуетъ подобный обычай[2]); но съ такимъ же правомъ можно думать, что Менецій невѣрно передалъ русское выраженіе: «*гей, геть-те* (прочь), *бѣгайте пекельни*». При объясненіи самаго обычая позволительно допустить два вѣроятія: или это обычай — языческій, и тогда въ немъ можно видѣть *остатокъ* воинской тризны, или происхожденіе его слѣдуетъ приписать уже христіанскимъ воззрѣніямъ, гдѣ, какъ извѣстно[3]), было широко распространено представленіе о стремленіи злыхъ демоновъ овладѣть душею усопшаго и о борьбѣ ихъ по этому поводу

---

1) Scriptores Rer. Lw. II, p. 391—2, col. Ezr. p. 174—177.
2) Litwá pod względem starożytnych zabytków, Wilno 1846. p. 288.
3) Revue archéologique 1845 г. P. т. II, стр. 229. et passim, ст. А. Мори.

съ Ангелами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ я не вижу причины усвоивать этотъ обычай *исключительно* литовцамъ.

Обратимся къ разсказу Менеція: онъ важенъ прежде прочаго тѣмъ, что представляетъ едва ли не древнѣйшее русское похоронное причитаніе, потомъ — по подробностямъ какъ самаго погребенія, такъ и поминокъ. Покойника, одѣтаго и обутаго, садили на коня, какъ бы отправляя его въ *далекій путь*, родственники садились, какъ бываетъ на прощаньи — и пили, потомъ начинались обычныя причитанія; окончивъ ихъ, дарили мертваго: женщину, вѣчную работницу-пряху — иглой съ ниткой (о значеніи этого *символа* мы распространимся далѣе), мужчину—платкомъ, который вязали ему на шею; трупъ сопровождали въ могилу на коняхъ, съ обнаженными мечами, прогоняя вражью силу, которая, вѣроятно, по ихъ понятіямъ, стремилась овладѣть душею усопшаго. Совершители погребальнаго обряда бросали въ гробъ мертвецу деньги (перевозныя) на дорогу, ставили туда въ головахъ покойника хлѣбъ и кувшинъ, полный вина, чтобы душа могла утолить свой голодъ и жажду, и *тридцать* дней потомъ, утромъ и вечеромъ, при восходѣ и закатѣ солнца, жена ходила на могилу оплакивать усопшаго... Замѣчательно здѣсь это число дней — 30, назначенныхъ для траура: если не ошибаемся, здѣсь представляется *важное* свидѣтельство о существованіи у славянъ религіозно - юридическаго обыкновенія *тридцатидневнаго* траура, до истеченія котораго никакая власть не имѣетъ силы надъ домомъ и семьей покойника: заимодавецъ не имѣетъ права взыска съ осиротѣлаго должника, этотъ послѣдній не можетъ вступить въ права наслѣдованія, однимъ словомъ — семьѣ, постигнутой горемъ, предоставляется полное право покоя и тишины вдали отъ всѣхъ заботъ и обязанностей общественной жизни. Такой обычай былъ распространенъ и освященъ законодательствомъ у многихъ народовъ, преимущественно же у племенъ нѣмецкихъ [1]; по относительно

1) См. объ этомъ изслѣдованіе Гомейера: «*Der dreissigste*» (aus Abh. d. Ber. Akad. 1864), B. 1864. p. 42.

славянъ, сколько знаемъ, это одно изъ рѣдкихъ указаній, намекающихъ о его быломъ существованіи [1]).

Поминки совершались въ 3, 6, 9 и 40 день по погребеніи, на нихъ приглашали душу покойнаго, стоя предъ дверью; вкушали пищу молча и совсѣмъ не употребляя *ножей* (черта, значеніе которой — темно; быть-можетъ, она стоитъ въ связи съ погребальнымъ значеніемъ молота (позднѣе — сѣкиры), или благочестіе людское опасалось, чтобы какъ-нибудь не ранить душу, незримо витавшую въ воздухѣ возлѣ покорма). Двѣ женщины служатъ обряду; нѣкоторые изъ участниковъ трапезы бросали отъ каждаго кушанья частицу подъ столъ, гдѣ, по ихъ понятіямъ, пасутся души; туда же проливали и напитокъ. Что́ случайно было обронено на землю, того не подымали, но оставляли *душамъ сиротамъ* (deserti-блуднымъ), не имѣющимъ ни друзей, ни знакомыхъ, которые могли бы предложить имъ угощеніе. По окончаніи трапезы, глава обряда (конечно = старшина, владыка дома) выметалъ жилище вѣникомъ и провожалъ душъ, и тогда только начинался между празднующими разговоръ: удовлетворивъ въ тишинѣ потребностямъ благочестиваго чувства, они весело проводили остатокъ празднества: женщины перепивали мужчинъ, обратно — мужчины женщинъ и взаимно обнимали другъ друга...

Черты сѣдой, глубокой древности доносятся къ намъ въ разсказѣ Менеція: кажется, будто входишь съ нимъ въ самую глубь язычества, еще не тронутаго силою христіанства, будто присутствуешь среди древней семьи, совершающей обычный обрядъ погребенія и религіозную поминку или страву по своихъ *родителяхъ!* Степень достовѣрности разсказа Менеція опредѣляется достаточно уже тѣмъ, что многія изъ его извѣстій и досолѣ живутъ въ простомъ народѣ, въ ослабѣломъ, поблекшемъ видѣ; а потому, когда онъ говоритъ въ заключеніи: «haec, quae de su-

1) Сравни также подобное извѣстіе Коллинса: «Нынѣшнее состояніе Россіи» рус. перев. П. Кирѣевскаго. М. 1846, стр. 8 (гл. IV).

perstiosis ritibus, et caeremonijs illarum gentium narravi partim ipse vidi, partim ab hominibus fide dignis audivi» — мы должны дать полную вѣру его словамъ, должны думать, что тѣ, которые сообщали ему свѣдѣнія, были дѣйствительно «homines fide digni» [1]).

Въ ряду письменныхъ источниковъ нашего предмета мы поставимъ и *«Роксоланію»*, поэму Клоновича (†1604) [2]). Она написана латинскими гексаметрами и заключаетъ въ себѣ описаніе Червоной Руси XVI вѣка, произведеній ея природы, занятій жителей, городовъ и обычаевъ простого народа. Отстранивъ напыщенныя фразы классической учености, мы найдемъ здѣсь превосходную и вѣрную картину нравственнаго и физическаго состоянія Червоной Руси XVI вѣка [3]). О погребальныхъ обычаяхъ Клоновичь говоритъ въ самомъ концѣ поэмы:

«Cum volat ex animi postremus anhelitus ore,
    Vitalis linquit frigida membra calor.
Mox anus ingeminat doctas mercede querelas,
    Nonque suum deflet foemina jussa virum.
Venales lachrymas invitis torquet ocellis,
    Et querulos luctus anxia fingit anus.
Conductis pretio resonat singultibus æther,
    Ex oculis emptæ progrediuntur aquæ.
Et lamentatrix, lugubria carmina miscens,
    Exprimit iu fletu talia verba suo.

---

1) Разсказъ Менеція цѣликомъ повторилъ потомъ Лазичь или Лазицкій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «De diis Samagitarum, caeterorumque Sarmatarum et falsorum christianorum ed. Grasser. Bas. p. 57—8. (какъ приложеніе къ изданію Михалона Литвина: «de moribus Tartarorum» etc. ib.).

2) Roxolania Sebastyani Sulmurcensis *Acerni* (т. е. *Klonowicza*) изд. въ Краковѣ въ 1584 г. Мы пользовались новымъ изданіемъ Малиновскаго, помѣщ. въ IV т. Przełkadów poetów Polsko-Lacinskich. Warsz. 1852 г. Помѣщенный въ томъ же изданіи переводъ Сырокомли (т. II)—не можетъ назваться вѣрнымъ подлиннику.

3) Пользуемся случаемъ обратить вниманіе нашихъ этнографовъ на это отличное описаніе: оно заслуживало бы не перевода, но *изложенія* по-русски.

Heu moreris conjux, moreris fidissime conjux,
Ibis in aeternas non rediture domos.
Cui viduata domus parebit? cui mea proles?
Quis pinques agros te moriente colet?
Quis pecudes pascet? quis promet stipite mella?
Quis calathos plectet caseolisque meis?
Miror cur moriâre amens, quasi plurima desint,
Non te viventem pressit acerba fames......»

Причитаніе длится долго: Клоновичь заставляетъ плакальщицу перечислить всѣ предметы домашняго хозяйства и довольства, но не просто, какъ у Менеція, а въ живописной картинѣ по образцу Буколикъ Виргилія; вѣрнымъ дѣйствительности остается только *предметъ*, но не *изложеніе* его. Затѣмъ друзья покойнаго просятъ попа, чтобы отпѣлъ его или далъ ему на тотъ свѣтъ письмо, которое и излагается у поэта въ юмористическомъ видѣ.

«Praeterea exanimi dat vile numisma sacerdos,
Ut melius longum perficiatur iter.
Ut possit stygium Russus persolvere naulum.
Tranet ut ad superos Elisiumque nemus.
Quinetiam mos est, morientûm pascere Manes,
Portari tepidos ad monumenta cibos.
Creduntur volucres vesci nidoribus umbrae,
Ridiculaque fide, carne putantur ali.
Scilicet oblitus modo se petiise, Rutenûm,
Ut cassas animas Petrus in astra vehat.
His tamen in terris convivia sera sepultis,
Vivere quos coeli retur in arce, parant» [1]).

Черты погребальныхъ языческихъ суевѣрій Червоной Руси XVI в. у Клоновича немногочисленны: наемъ *плакальщицъ*, обязанныхъ причитать по покойникѣ, *перевозная монета*, кото-

1) Loco citato, pag. 202—5.

рую самъ священникъ давалъ ему въ руки, наконецъ—покормъ мертвымъ, поставляемый на могилѣ.

Только во уваженіе славныхъ именъ Добровскаго и Я. Гримма [1]) упомянемъ мы и объ Александрѣ Гваньино (1538—1614), который въ своемъ «Описаніи европейской Сарматіи» посвятилъ нѣсколько строкъ и погребальнымъ обычаямъ славянъ:

«Sepulturae eorum — говоритъ онъ — erant in silvis et agris, tumulosque aggestis lapidibus vestientes eminenter muniebant, quod genus in Russiae (подр. изд. Prussiae) regionibus passim adhuc visuntur: nonnuli quoque more romano cadavera cremare, cineresque collectos in urnas recondere solebant [2]).

Въ собственномъ смыслѣ показаніе Гваньино не можетъ быть названо свидѣтельствомъ: подобно Маршалку онъ снялъ его съ видимости: встрѣчая на славянской территоріи, по полямъ и лѣсамъ, видныя могилы, одѣтыя камнями, итальянскій историкъ заключалъ, что это могилы древнихъ славянъ и отсюда опредѣлилъ самый способъ древняго славянскаго погребенія; что же касается до свѣдѣнія объ обычаѣ сожженія, то, конечно, онъ получилъ его изъ старѣйшаго источника литературнаго, хотя мы и не можемъ указать его [3]).

Этимъ оканчиваемъ мы обзоръ письменныхъ источниковъ предмета.

Пробѣгая мыслію рядъ приведенныхъ свидѣтельствъ, нельзя не замѣтить какаго-то чуждаго, безучастнаго ихъ характера: иноземца поражаетъ только наружная странность старыхъ порядковъ, христіанинъ останавливается на нихъ случайно, какъ-бы брезгуя наружнымъ нечестіемъ ихъ; оттого ихъ извѣстія

1) Оба ученые (Добровскій въ извѣст. ст. Über Begräbnissart d. Slaven l. c. p. 334, Гриммъ въ Über das Verbrennen der Leichen. Klein. Schr. II, p. 288) даютъ словамъ Гваньино весьма важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о погребеніи славянъ.

2) Pistorius. Scriptores rerum Polonorum. t. I. p. 25.

3) Герберштейнъ, прямой источникъ Гваньино—ничего не говоритъ о сожженіи.

рисуютъ общія и притомъ внѣшнія черты явленій, наружную сторону древняго быта, но не внутренній смыслъ его, который руководилъ обычнымъ отданіемъ долга усопшимъ и благочестивымъ ихъ чествованіемъ; чѣмъ далѣе, однако, жизнь отходитъ отъ эпохи язычества, тѣмъ болѣе послѣднее возбуждаетъ вниманія: въ свидѣтельствахъ 16 — 17 вѣковъ язычествомъ овладѣваетъ уже наука, которая стоитъ выше празднаго любопытства и совершенно чужда узкихъ предубѣжденій противъ мнимаго нечестія «поганскихъ норововъ»; такому просвѣщенному отношенію къ предмету мы обязаны сохраненіемъ многихъ подробностей старой жизни, о которыхъ не говоритъ ни одинъ предшествующій свидѣтель.

МОГИЛЫ.

При изслѣдованіи источниковъ *погребальной* древности естественно остановиться и на *могилахъ*.

Старыя могилы—одна изъ самыхъ прочныхъ надеждъ науки доисторической древности: гдѣ скупыя письменныя свидѣтельства даютъ лишь неясныя показанія, гдѣ вѣрный свидѣтель жизни человѣка, его *слово*, подвергаясь крушеніямъ времени, оставляетъ изслѣдователя въ неразрѣшимомъ недоумѣніи на счетъ житейскаго явленія, въ немъ затаеннаго,—тамъ ученый можетъ ждать помощи со стороны погребальныхъ памятниковъ, схоронившихъ въ себѣ не только уснувшія силы опочившихъ поколѣній, но и неподкупныхъ свидѣтелей ихъ матеріальнаго быта, ихъ нравственныхъ понятій и вѣрованій. Жизнь, кажется на вѣки исчезнувшая, не отмѣтившая себя ни единой чертой въ лѣтописяхъ исторіи, выходитъ на свѣтъ изъ темныхъ могилъ ради великихъ и поучительныхъ уроковъ живущему потомству.

Жизнь есть синонимъ потребностей, наслажденій и нуждъ. Воодушевляясь вѣрою въ будущую жизнь, чувство язычника считало долгомъ удовлетворять требованіямъ жизни и за дверями гроба: такъ, не одними молитвами и добрыми пожеланіями провожало живущее поколѣніе своего покойника, но и священ-

нымъ обрядомъ, необходимымъ для перехода въ вѣчность, и вещественнымъ выраженіемъ своихъ чувствованій, вещественнымъ достаткомъ, въ которомъ, по понятіямъ древности, усопшій могъ нуждаться, вообще — всѣмъ, на что̀ въ жизни дольней была обращена его симпатія, что̀ любилъ, чѣмъ обладалъ, надъ чѣмъ трудился онъ. Оттого могилы хранятъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для всей науки древности: онѣ могутъ неопровержимымъ фактомъ свидѣтельствовать о бытѣ, характерѣ народа, степени матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и художественнаго развитія его, самостоятельности его культуры или зависимости отъ другихъ, болѣе образованныхъ племенъ, о военныхъ и мирныхъ связяхъ народа и т. д. Выступая въ большинствѣ случаевъ съ характеромъ самостоятельнаго свидѣтельства, могилы представляютъ и надежный повѣрочный и объяснительный терминъ того, что̀ извѣстно изъ другихъ свидѣтельствъ и что̀ требуетъ ближайшаго объясненія или подтвержденія.

Такое важное значеніе могилъ, завѣщанныхъ языческой стариной, понятно и оцѣнено уже болѣе столѣтія: могильный сонъ отшедшихъ поколѣній нарушенъ, жилища ихъ потревожены; но не съ корыстною цѣлью матеріальной поживы, а съ благороднымъ стремленіемъ разъяснить прошедшія судьбы человѣчества, оживить духомъ жизни мертвенную персть, надъ которою пронеслись цѣлые вѣка вѣковъ. Нельзя сказать, что вообще такія стремленія были безуспѣшны: многое въ жизни древней и средневѣковой Европы уже освѣтилось ихъ свѣточемъ; но въ отношеніи могилъ намъ *близкихъ*, славянскихъ — результатъ изслѣдованій еще далеко не соотвѣтствуетъ ни законному ожиданію, ни труду, на нихъ затраченному, и, кажется, что воспользоваться плодомъ ихъ—суждено грядущимъ поколѣніямъ.

Здѣсь стоитъ остановиться на причинахъ такого явленія: онѣ сами собою объяснятъ намъ степень значенія могилъ, какъ современнаго источника науки славянской древности.

Недаромъ называютъ могилы — загадочными, молчаливыми

свидѣтелями былой жизни человѣка: болѣе чѣмъ всякій иной историческій источникъ онѣ даютъ просторъ смѣлой мечтѣ и преждевременному гаданію изслѣдователя: историческая наука предполагаетъ строгія *этнологическія опредѣленія*, она условливается хотя приблизительною *хронологіей*, имѣетъ дѣло лишь съ *извѣстными* народами въ извѣстныя эпохи ихъ жизни; оттого каждый памятникъ древности только тогда получаетъ цѣну и значеніе достовѣрнаго историческаго источника, когда представляетъ ясные этнографическіе и временные признаки своего происхожденія, по крайней мѣрѣ только при этихъ условіяхъ имъ можно воспользоваться успѣшно и въ надлежащей мѣрѣ.

Примѣняя эти необходимыя требованія и условія историческаго источника къ могиламъ, нельзя не видѣть, что онѣ лишь въ рѣдкихъ, можно сказать исключительныхъ, случаяхъ отвѣчаютъ имъ. Сама по себѣ взятая, могила представляетъ смутный историческій источникъ: она не носитъ на себѣ никакихъ, съ перваго взгляда ясныхъ, этнологическихъ и временныхъ помѣтъ. Правда, случается, что могильная монета указываетъ на относительную *немолодость* могилы, но, во-первыхъ, такіе случаи — рѣдки, даже исключительны; во-вторыхъ, этотъ признакъ не разрѣшаетъ другого, еще болѣе важнаго вопроса — о *народности* могилъ: въ могилахъ великаго воднаго пути, «изъ Варягъ въ Греки» нерѣдко встрѣчаются и арабскія диргемы, и монеты Византійской имперіи, и англо-саксовъ, но позволительно ли отсюда заключать, что эти могилы принадлежатъ грекамъ или англосаксамъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы и среднюю Россію и балтійское поморье заселить обитателями мусульманскаго Востока!

Еще менѣе, покрайней мѣрѣ до сихъ поръ, имѣютъ для насъ значенія письменные памятники, встрѣчающіеся въ могилахъ сѣверной и средней Европы, надписи на погребальныхъ урнахъ, горшкахъ и вещахъ: ихъ очень немного вообще, но и изъ немногаго — большинство еще не прочтено [1]), или и прочтено, но

1) Такъ—не разобраны до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, надписи на погребальныхъ горшкахъ, открытыхъ у Радебурга, о которыхъ см. извѣстіе

такимъ способомъ, который можетъ дать очень невыгодное понятіе объ успѣхахъ рунической эпиграфики и во всякомъ случаѣ не будетъ одобренъ осторожной наукой [1]. Само собою, что мы разумѣемъ здѣсь преимущественно руническую эпиграфику славянскихъ памятниковъ или, вѣрнѣе, признаваемыхъ за таковые: какъ ни странно кажется, но до сихъ поръ нельзя указать ни одной вещи съ опредѣленно-славянскою руническою надписью; что онѣ существуютъ—это не должно подлежать сомнѣнію, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію существованіе рунъ въ славянской древности [2]; но что объясненія ихъ изслѣдователями не имѣютъ еще прочныхъ основаній и не выдерживаютъ даже легкой критики — это также фактъ несомнительный и безспорный. Такимъ образомъ, относительно могилъ народовъ средней Европы, ни монеты, ни памятники эпиграфики не даютъ еще никакихъ положительныхъ основаній для опредѣленія времени ихъ происхожденія и ихъ народности. Съ этой стороны — могилы какъ были, такъ и остаются загадочнымъ свидѣтелемъ старины. Другіе пути къ рѣшенію вопроса открылись при дальнѣйшемъ развитіи науки: поддерживаемая естествознаніемъ, археологія успѣла утвердить нѣкоторые пункты въ опредѣленіи относительной древности могильныхъ памятниковъ, раздѣливъ ихъ приблизительно

Прейскера въ *Kruse*' Deutsche Alterthümer, B. II, p. 6, pag. 1—52, также и его Nachtrag къ этой статьѣ въ журн. Розенкранца: Neue Zeitschrift für die Geschichte der germanischen Völker. B. I, p. 3, (1832) pag. 77—82, не разобраны руны на урнѣ, открытой у Данцига и подробно описанной Фёрстеманомъ въ Neue Preus. Provinzialblätter, 1851, B. XII, p. 411 и слѣд.

1) Разумѣемъ здѣсь не только такія попытки, какъ сочиненія Воланскаго (Briefe über slavische Alterthümer. Gn. 1846, 2 тома), Коллара (Staroitalia Slavjanska. W. 1853), Черткова (О языкѣ Пелазговъ во Времени. Об. Ист. и др. к. 23, 25); но и труды Лелевеля (Czesc bałwochw. Sławian, P. 1857) и въ особенности странныя объясненія Л. Гизебрехта въ Baltische Studien, St. t. XII (1846), p. 1, pag. 1—27 и t. XI, p. 2, pag. 30—42. См. критику славянской рунической эпиграфики въ ст. Цыбульскаго: Obecny stan nauki o runach Słowianskich (Roczniki towarz. przyjac. nauk poznansk. t. I, (1860) стр. 406 — 430. Rački, Pismo slovjenske. Z. 1861. p. 26—30.

2) Ср. Обстоятельное изслѣдованіе Гануша: Zur slavischen Runen-Frage. W. 1855, pag. 61 — 65, также соч. Рачскаго: Pismo slovjenske. Zagr. 1861, p. 1 — 61.

на три большія эпохи: *каменную*, *бронзовую* и *желѣзную*; но такое разграниченіе, оставаясь вѣрнымъ въ *общемъ* смыслѣ и предлагая важные результаты для общаго развитія европейской цивилизаціи—оказывается не въ мѣру широкимъ, когда дѣло идетъ о различныхъ дробныхъ народностяхъ и эпохахъ: и славяне, и литва, и племена нѣмецкія, и кельты — могли совмѣстно и современно пользоваться каменной [1]) (?), бронзовой или желѣзной культурой, потому общая могильная хронологія по тремъ эпохамъ и не приводитъ ни къ какимъ частнымъ этнографическимъ заключеніямъ: она можетъ указать только относительную древность памятника, но не народность его. Болѣе примѣняемости имѣетъ обычай (не скажемъ — ученый пріемъ) опредѣлять этнографическія помѣты могилъ по общему характеру памятниковъ, въ нихъ заключающихся: изслѣдователи приводятъ въ связь показанія письменныхъ источниковъ съ фактами могилъ, и отсюда дѣлаютъ свои заключенія о народности памятниковъ; но какъ ни удачно—счастливы могутъ быть подобныя заключенія, и они не устраняютъ многихъ ошибокъ и вообще не имѣютъ силы непреложнаго историческаго вывода: уже одинъ несомнѣнный фактъ, что въ дохристіанскую эпоху Европы, оружія, предметы житейской необходимости и роскоши распространялись путемъ торговыхъ сношеній и стало быть—*одни и тѣ же* могли существовать у *различныхъ* народовъ [2]), значительно обезсиливаетъ этотъ способъ доказательствъ; сверхъ того, онъ вообще слишкомъ стоитъ въ зависимости отъ обилія источниковъ, отъ ясности этнографическихъ понятій свидѣтелей и лѣтописцевъ: извѣстія

---

1) Въ послѣднее время, противъ системы (Томсона, Ворсо, Лиша и Данейля) *трехъ* вѣковъ европейской доисторической жизни были сдѣланы довольно сильныя возраженія со стороны Ф. Мауера и Линденшмита, но, устраняя многія частныя ошибки въ системѣ, они едва ли сильны поколебать общую сторону ея.

2) Мысль о распространеніи *ископаемыхъ* орудій путемъ торговли принадлежитъ Линденшмиту: въ подтвержденіе ея со стороны русскихъ источниковъ можно указать на свидѣтельство Ибнъ-Фоцлана, что жены русскихъ купцовъ очень любятъ цвѣтныя *привозныя бусы*, см. наше «Приложеніе».

о бытованіи какого-нибудь обычая, объ употребленіи какого-нибудь украшенія или орудія у племенъ нѣмецкихъ или кельтскихъ — исключаетъ ли присутствіе подобнаго обычая, употребленіе подобныхъ предметовъ и орудій въ бытѣ славянъ, только потому, что объ этомъ нѣтъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ; свидѣтельства — случайны, они могли и утратиться и вовсе несуществовать, ими вполнѣ доказывается фактъ жизни одного народа, но никакъ не отвергается существованіе его у другого [1]). Ко всему этому, нѣтъ ничего труднѣе, какъ по темнымъ, часто противорѣчивымъ показаніямъ путешественниковъ, географовъ и историковъ-чужеземцевъ опредѣлять этнологическіе признаки мелкихъ народцевъ, которые роями кишѣли, въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ сѣверной, средней и юго-восточной Европѣ и имена которыхъ дошли къ намъ иногда въ такомъ испорченномъ видѣ, что почти не предвидится средствъ къ ихъ возстановленію... Не трудно было бы дать этнографическія помѣты могиламъ страны, которая испоконъ вѣка была населена цѣльною этнологическою особью, не подверженной ни значительной помѣси расъ, ни перерожденію, ни тревогамъ кочевой, непослѣдной жизни, и враждебному насильничеству; но гдѣ найти эту, для науки блаженную, землю? Легко также напр. отмѣтить могилы классическихъ народовъ: грековъ и римлянъ, потому

1) Извѣстный знатокъ кельтскаго міра Шрейберъ, въ классической своей монографіи *о кельтѣ* (Die ehernen Streitkeulen. F. 1842, p. 74 sq.), считалъ это орудіе непосредственнымъ и исключительнымъ произведеніемъ кельтской культуры, *потому что есть свидѣтели, говорящіе о его употребленіи у кельтовъ*, но мекленб. археологъ Лишъ съ большою убѣдительностію доказалъ, что орудіе было въ употребленіи и у племенъ нѣмецкихъ (Тацитова framea), см. его Friderico Franciseum, Text, L. 1837, p. 36 sq; раскопки въ другихъ странахъ Европы, Азіи и даже Африки обнаружили фактъ широкаго распространенія *кельта*, а при этомъ, конечно, мысль объ исключительно кельтскомъ его происхожденіи падаетъ сама собою, несмотря на документальныя доказательства его употребленія у кельтовъ и полное отсутствіе такихъ доказательствъ относительно другихъ племенъ. Далѣе, свидѣтельству Тацита о погребальномъ обычаѣ германцовъ можно подыскать множество отвѣчающихъ могильныхъ памятниковъ изъ разныхъ мѣстностей, куда никогда не заходила и нога нѣмецкая.

что намъ извѣстны исконныя формы жизни ихъ, всѣ мелочи ихъ быта, ярко бросающіяся въ глаза даже на чужой землѣ и среди чуждой обстановки; они не только носятъ на себѣ опредѣленный типъ, но и доказываютъ свое происхожденіе и время его — совокупностью признаковъ, отмѣченныхъ нами выше: монетами, надписями, произведеніями искусства...; но для народовъ средней Европы: кельтовъ, нѣмцевъ, славянъ — кто можетъ указать постоянное, исконное мѣсто ихъ жительства, страну, которую они заняли безъ предшественниковъ, гдѣ продолжали жить въ мирѣ, безъ помѣси съ чужеродцами, и которую оставили потомъ безъ чуждыхъ имъ наслѣдниковъ? Въ земляхъ нѣмецкихъ встрѣчаются повсюду несомнѣнные слѣды и памятники пребыванія кельтовъ, славянъ и другихъ народовъ, въ земляхъ, занятыхъ нынѣ славянскими племенами — несомнѣнные слѣды и памятники различныхъ чуждыхъ народностей. Какъ младшій побѣгъ индоевропейской семьи, славяне шли уже по готовой, торной дорогѣ, многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизацій предшественниковъ, народовъ иногда безъ имени, безъ роду и племени...; нѣтъ, кажется, мѣста, гдѣ славяне заняли бы еще дѣвственную, неистощенную стадами кочевниковъ и плугомъ пахарей землю, гдѣ они явились бы *первыми древнѣйшими* насельниками...

Принимая въ соображеніе эти обстоятельства историческаго водворенія славянъ въ Европѣ, зная, что и послѣдующія судьбы ихъ благопріятствовали не столько сосредоточенію ихъ народности, сколько раздробленію и смѣшенію ея съ чужеродными племенами, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцовъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ; думаемъ, что вообще—едва ли; по крайней мѣрѣ нельзя полагаться и безусловно довѣрять заключеніямъ, выведеннымъ отсюда, такъ какъ на земляхъ, населенныхъ съ давнихъ временъ славянами, существуетъ много могильныхъ памятниковъ и чуждыхъ народностей, а наука до сихъ поръ не имѣетъ средствъ ясно отличать признаки народности въ вещественныхъ

памятникахъ языческой эпохи. Кромѣ этого историко-этнографическаго затрудненія, въ вопросѣ насъ занимающемъ присоединяется еще другое, зависящее отъ самаго предмета: какъ племена родственныя, пошедшія отъ одного корня, и нѣмцы, и литва, и славяне употребляли, какъ говорятъ намъ письменныя и бытовыя свидѣтельства, весьма сходные обычаи погребальной почести, такъ что и съ этой стороны не представляется, пока, возможнымъ положить различіе между инонародными могилами; различіе, конечно, было—и, должно полагать, не маловажное; но оно ускользаетъ отъ наблюденія, даже самаго проницательнаго: письменныя и бытовыя свидѣтельства не даютъ намъ рѣзкихъ чертъ этого различія, а безъ нихъ—самыя различія въ могилахъ, способѣ ихъ устройства и содержаніи — ни на шагъ не подвигаютъ вопроса о могильной этнографіи.

Въ подтвержденіе сказаннаго, взглянемъ на судьбу вопроса объ отличительныхъ признакахъ славянскихъ могилъ.

Попытки опредѣлить народность могилъ, разбросанныхъ по Европѣ, встрѣчаются еще въ 17 — 18 вѣкахъ; онѣ прошли даромъ, потому что были основаны не на строгомъ изслѣдованіи памятниковъ, но на случайномъ знакомствѣ съ ними и досужемъ примѣненіи школьной учености къ ихъ объясненію. Вслѣдъ за тѣмъ, съ легкой руки извѣстнаго Добнера[1]), думали разрѣшить вопросъ тѣмъ, что славянамъ усвоивали исключительный обычай *погребенія* въ землѣ, нѣмцамъ же — обычай *сожженія*; долгіе споры ученыхъ [2]) по этому предмету привели къ одному полез-

1) Въ одномъ изъ примѣчаній къ латинскому переводу Хроники Гайка (Annales Bohemor. II, pag. 49. 51) Добнеръ утверждалъ, что славяне только *хоронили* тѣла усопшихъ, но не *сожигали* ихъ. Мнѣніе встрѣтило тогда же обстоятельное опроверженіе Добровскаго, въ статьѣ, на которую мы ссылались уже много разъ: Über die Begräbnissart der alten Slaven, etc., въ Abhand. d. böhm. Ges. d. Wissen. 1776 г. Въ противоположность Добнеру, лужичанинъ Антонъ впалъ въ другую крайность, полагая, что славяне только сожигали тѣла усопшихъ, см. его Erste Linien e. Versuches über d. alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. L. 1783, p. 136.

2) Споръ снова былъ поднятъ статьею Ворбса: Sind die Urnen-Begräbnisse im östl. Deutschl. slavischen oder deutschen Ursprungs, пом. въ Deutsche

пому результату: изслѣдователи убѣдились, что оба обычая были одинаково распространены, какъ у племенъ нѣмецкихъ, такъ и славянъ, что нужно искать другого, болѣе прочнаго, критерія для рѣшенія вопроса о народности могилъ; трудами ученыхъ Обществъ (мекленбургскаго, померанскаго, тюринго-саксонскаго и др.) собрался между тѣмъ значительный запасъ археологическаго матеріала, и вскорѣ была отыскана мѣрка для опредѣленія не только древности, но и *народности* могилъ: она основывалась на *совокупности историко-этнографическихъ признаковъ*, т. е. на соотвѣтствіи памятниковъ съ свидѣтельствами исторіи: такъ возникла система Лиша, получившая наибольшее распространеніе въ наукѣ. Онъ опредѣлялъ отличительные признаки могилъ дохристіанскаго Мекленбурга и поэтому коснулся и могилъ славянскихъ. Въ Мекленбургѣ, по его словамъ, различается *три* рода могилъ: 1) *могилы исполиновъ* (Hünnengräber), принадлежащія неизвѣстной, старой европейской народности; 2) *кегельныя могилы* (Kegelgräber), обязанныя своимъ происхожденіемъ германцамъ и 3) *Вендскія кладбища* (Wendenkirchhöfe); послѣднія усвоены славянамъ какъ вслѣдствіе названія, такъ и потому, что онѣ принадлежатъ позднѣйшему языческому населенію страны, какимъ, по исторіи, являются славяне. Вендскія могилы не имѣютъ опредѣленной формы: это общія возвышенія, иногда незамѣтныя и далеко тянущіяся по долинамъ и на отлогостяхъ; въ нихъ съ краю, между камней, находятся не глубоко зарытыя урны въ невѣроятномъ количествѣ, въ урнахъ — разнаго рода орудія, кости и пепелъ; *погребенія* нѣтъ и слѣдовъ, нѣтъ и выжженныхъ мѣстъ (жаровищъ); всѣ орудія и вещи *Вендскихъ кладбищъ новѣе*, чѣмъ въ *кегельныхъ*, въ послѣднихъ

Alterthümer, т. I (H. 1824) p. 59 sq. Ворбсъ былъ мнѣнія, что славяне только *погребали* тѣла, противъ такого утвержденія писали: Гейнцельманъ (ibidem t. III, 1828 г. p. 25 — 35), Галлусъ (Beitr. z. Gesch. und Alterthumskunde d. Nieder-Lausitz. 1838, L. t. II, p. 1—31), Нейманъ (ibidem, t. I, 1835, p. 8—14 и въ особой статьѣ въ *Архивѣ* Ледебура 1834, t. XV, послѣдней мы не могли воспользоваться) и другіе.

преимущественно встрѣчаютъ бронзу и золото, въ первыхъ — желѣзо и серебро и вообще—видимые слѣды христіанской культуры. Географически — Вендскія могилы простираются именно до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходили славяне на западѣ и сѣверѣ [1]). Такова, въ главныхъ чертахъ, теорія *славянскихъ* могилъ Мекленбурга, высказанная Лишемъ, болѣе чѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея непогрѣшительности; онъ ставилъ себѣ въ особую заслугу *рѣзкое отдѣленіе* древностей германскихъ отъ славянскихъ, и хотя говорилъ, что его характеристикой нельзя покончить изученія славянскихъ могилъ, но на самомъ дѣлѣ ни на черту не уклонился отъ нея въ теченіе 32-хъ лѣтъ и только поддерживалъ ее ежегодными раскопками вендскихъ могилъ [2]), нисколько не сомнѣваясь въ *славянскомъ* ихъ происхожденіи. Теорія Лиша получила чуть ли не общее признаніе; возраженія, какія сдѣлалъ ей Л. Гизебрехтъ, прошли непри-

---

1) Лишъ изложилъ свою систему первоначально въ небольшой книжкѣ: Andeutungen über d. altgermanischen und slavischen Grabalterthümer Meklenburgs. R. 1837, стр. 18 — 24 (вторымъ, пополненнымъ изданіемъ статья напечатана въ Jahresbericht des Vereins f. mekl. Gesch. und Alterthumsk, Schw. 1837, p. 141 — 5), потомъ въ большомъ изданіи Friderico Francisceum Text. Leip. 1837, p. 81 и слѣд. Здѣсь мы не можемъ не вспомнить о другомъ археологѣ и *его* системѣ: за годъ до обнародованія системы Лиша, Данейль напечаталъ общій отчетъ (General-Bericht) о своихъ многолѣтнихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Зальцведеля въ Альтмаркѣ (помѣщ. въ Neue Mittheilungen aus d. Gebiete histor. antiquar. Forschungen hrs. v Förstemann, t. II, Halle 1836, p. 544 — 584), классификація и характеристика могилъ у него сходна съ Лишевой, но къ славянамъ онъ былъ милостивѣе и предположительно усвоилъ имъ кромѣ *вендскихъ кладбищъ* и особый родъ (2-ой) *холмистыхъ могилъ*; когда вышло сочиненіе Лиша, Данейль постарался примирить свою систему съ мекленбургскою: 2-й классъ *холмистыхъ* могилъ (кегельныхъ) онъ по *внѣшности* приписалъ *германцамъ*, по *внутренности* же — *славянамъ*, и для этого принималъ, что остатки первыхъ нѣмецкихъ обитателей Марка, при вторженіи славянъ, приняли цивилизацію и нравы послѣднихъ и поэтому, сохраняя для своихъ могилъ прежнюю германскую *внѣшность*, не могли сохранить германской *внутренности* (Erster Jahresbericht d. altmärkisch. Vereins f. Geschichte etc. Neuh. 1838, p. 41). Кажется, нѣтъ нужды говорить объ искусственности такого предположенія и о неосновательности подобныхъ этнографическихъ опредѣленій!

2) Въ своемъ изданіи: Jahrbücher und Jahresbericht d. Vereins für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde съ 1836 года по настоящій.

знанными, можетъ-быть, по странности нѣкоторыхъ понятій померанскаго археолога [1]), по неудачности его собственныхъ попытокъ въ опредѣленіи славянскихъ памятниковъ; но успѣхи науки взяли свое, и нынѣ теорія Лиша держится только на добромъ довѣріи къ авторитету археолога: съ какой стороны ни взглянемъ, мы найдемъ ее въ противорѣчіи съ свидѣтельствами древности. Прежде всего естественно думать, что если вендскія кладбища дѣйствительно славянскаго происхожденія, то они должны непремѣнно находиться и въ земляхъ, издревле населенныхъ славянами, но ихъ тамъ вовсе нѣтъ, и напротивъ — они, вопреки показанію Лиша, распространены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда, сколько извѣстно, не жило ни одно славянское племя: въ Скандинавіи, Шлезвигѣ, Вестфаліи и западномъ Тюрингенѣ [2]). Шатки также и заключенія Лиша, выведенныя изъ признаковъ древности, ибо во 1-хъ) никто до сихъ поръ не указалъ достовѣрнаго соотвѣтствія историческихъ эпохъ съ эпохами монументальной палеонтологіи, во 2-хъ) славяне жили въ Мекленбургѣ *гораздо прежде* вторичнаго появленія нѣмцевъ (саксовъ), и если позволительно заключать о народности памятниковъ по степени ихъ древности, то вендскія могилы съ гораздо большимъ правомъ могутъ быть приписаны *двоевѣрнымъ* саксамъ, чѣмъ *языческимъ* славянамъ. Остается одно имя *вендскихъ кладбищъ, Wendenkirchhöffe*; но гдѣ доказательства, что это наименованіе *точно* обозначаетъ предметъ? Названіе идетъ отъ нѣмцевъ (духовенства), а при ихъ нерасположеніи къ славянамъ — мудрено ли, что всякую *языческую* могилу они называли *вендскою*, что имя *вендъ* и *язычникъ* были синонимы; дѣйствительно, въ

---

1) Baltische Studien, hrsg. v. Gesellsch. f. Pommersche Gesch. und. Alterthumskunde. Stettin, t. V, pars 2 (1838), p. 46—49; t. VII, pars 2 (1840) p. 111; t. XIII, pars 2 (1847) p. 39; t. XI, pars 2, p. 99 sq. Гизебрехтъ всего менѣе можетъ имѣть права на имя *точнаго* археолога, но труды его столько же богаты матеріаламъ, сколько и фантастическими объясненіями его.

2) Какъ указано Гизебрехтомъ (l. cit.) и Вейнгольдомъ въ 24 Bericht der Schl. Holst. Lauen. Gesellsch. d. vater. Alterthümer. Kiel. 1864, ст. Die Eintheilung der Heidengräber, p. 19.

поморянскихъ грамотахъ XII — XIV вѣка однѣ и тѣ же могилы называются: «sepulchra paganorum, antiquorum, sepulchrum gigantis и sepulchra *Slavorum*» [1]). Не ясно ли, что такія названія не могутъ имѣть никакого ученаго значенія; не ясно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и вся теорія Лиша должна быть отвергнута наукой, дорожащей не столько *объемомъ*, сколько *достовѣрностью* своего матеріала? Чѣмъ болѣе археологическія разысканія подвигались впередъ, тѣмъ болѣе усложнялся вопросъ о *народности* могилъ и затруднялось его рѣшеніе: открывались напр. на одной мѣстности съ двумя преемственными, но этнографически различными, населеніями — множество разныхъ видовъ могильныхъ памятниковъ [2]), и свидѣтельства исторіи оказывались безсильны опредѣлить ту или другую ихъ народность; потому осторожные ученые довольствовались приблизительными догадками, другіе же предлагали и рѣшенія, но только затѣмъ, чтобы видѣть скорое паденіе собственнаго зданія; такъ не оправдалось мнѣніе чешскаго археолога Калины, который приписывалъ славянамъ всѣ доисторическія могилы не только чешской территоріи, но и Силезіи, Лужицъ, Мейсена, Саксоніи, Тюрингена, земель полабскихъ, Бранденбурга и Помераніи [3]); остались безъ дальнѣйшаго подтвержденія и многія частныя попытки (напр. Альберти [4]) опредѣлить характеръ славянскихъ могилъ извѣстной мѣстности . . . Относительно многихъ славянскихъ земель не существуетъ даже матеріальной подготовки къ рѣшенію вопроса: что̀, напр., знаемъ мы о могилахъ южныхъ славянъ (болгаръ, сербовъ, хорутанъ), славянъ, обитавшихъ и

1) Lisch. Friderico Francisceum. Text. 11—15.

2) Для примѣра укажемъ на островъ Рюгенъ, гдѣ Гагеновъ отмѣтилъ 8 видовъ могилъ и еще съ подраздѣленіями, см. 2-ter Jahresbericht der Gesellsch. für Pommersche Gesch. und Alterthumskunde. St. 1828 p. 26 — 29, ibidem, 3-er Bericht, 1828. p. 91—5.

3) Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer. P. 1836, p. 211—249.

4) Относительно могилъ, вскрытыхъ въ Фойхтландѣ у Раниса и Вернбурга, см. Variscia. Mittheilungen des Voigtl. Alterthumsforsch. Vereins, pars II, Gera, 1830, p. 93—123, особенно 106—109.

обитающихъ на Карпатѣ, этомъ гнѣздѣ славянскаго племени; что́, кромѣ случайныхъ разысканій, можетъ представить и русская археологическая наука †?

Сопоставивъ такое младенческое состояніе могильной археологіи съ трудностью общаго вопроса объ отличительно-славянскихъ признакахъ этихъ свидѣтелей старины, мы не увидимъ возможности создать въ настоящее время правильную, отвѣчающую требованіямъ науки, историко-этнографическую систему славянскихъ могилъ: есть рѣшенія, но они — непрочны, есть догадки, но достоинство ихъ не выше простаго вѣроятія, которымъ наука не можетъ довольствоваться.

Обратимся ли мы къ самому народу, вопросимъ ли его стародавнія преданія о памятникахъ, которыми полны его поля и лѣса, захотимъ ли по такимъ указаніямъ заключать о народности поколѣній, почившихъ въ этихъ могильныхъ жилищахъ,—мы еще менѣе можемъ прійти къ какимъ-нибудь положительнымъ заключеніямъ: здѣсь отовсюду насъ окружитъ не *дѣйствительная*, но *поэтическая* исторія, не земныя событія, но миѳы, низведенные съ неба на землю: вмѣсто обыкновенной жизни мы встрѣтимъ подвиги героевъ, вмѣсто простыхъ людей — силу неземную: враждебныхъ чудовищъ и богатырей, или же и лица историческія, но не въ исторической, а въ миѳически-поэтической обстановкѣ. Такія преданія имѣютъ свой высокій интересъ и свое важное значеніе для науки, но для историко-этнографическихъ заключеній они безполезны, какъ безполезна фантазія въ дѣлѣ строгой науки.

Вотъ все, что́ на этотъ разъ мы имѣемъ сказать о *могилахъ*, какъ о *современномъ* источникѣ науки славянской древности, и въ

† Для могилъ *южныхъ* славянъ найдутся лишь немногія замѣтки въ «Археологической Хроникѣ Австрійской Имперіи», печатаемой ежегодно (прежде Зейдлемъ, потомъ Кеннеромъ) съ 1849 года въ Archiv für Kunde Oesterreich. Geschichtsquellen, но здѣсь вниманіе болѣе обращено на *вещи* (и притомъ на классическія), чѣмъ на *могилы*.

особенности той части ея, которая служитъ предметомъ нашего изслѣдованія.

Кажется, довольно основаній, чтобы, пока, или вовсе отказаться отъ употребленія этого источника, или же допустить его свидѣтельства въ качествѣ *не самостоятельнаго*, но *вспомогательнаго* матеріала, какъ подтвержденіе того, что̀ передано источниками несомнительными. Мы рѣшаемся избрать послѣднее: оно представляется намъ болѣе сообразнымъ съ требованіями науки, потому что можетъ уяснить нѣкоторые темные вопросы ея, не отяготивъ самаго содержанія ничѣмъ недостовѣрнымъ. Въ соображеніе мы принимаемъ лишь тѣ могильные факты, которые имѣютъ вѣроятіе быть славянскими, т. е. отвѣчаютъ требованіямъ исторіи, топографіи и культурѣ языческихъ славянъ. Пособія мы обозначаемъ каждое въ своемъ мѣстѣ; здѣсь только назовемъ почтенный трудъ Вейнгольда: «О языческомъ погребеніи въ Германіи»[1]), который имѣетъ для насъ особенно важное значеніе: Вейнгольдъ свелъ въ одно всѣ сдѣланныя до 1858 года раскопки въ Германіи; огромная масса наблюденій даетъ его заключеніямъ наибольшую степень вѣроятія, и когда онъ нѣкоторыя могилы называетъ *славянскими*, то такое опредѣленіе всегда основано на отличіи ихъ отъ совокупности другихъ могилъ, наблюденныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славяне не жили; впрочемъ, съ осторожностью истиннаго ученаго, Вейнгольдъ не позволяетъ себѣ рѣшительныхъ приговоровъ, оставляя ихъ будущему времени. На нѣмецкой почвѣ Вейнгольдъ отмѣтилъ болѣе *сорока* видовъ разныхъ могилъ и разныхъ способовъ погребенія; со временемъ, конечно, откроется ихъ еще болѣе; но такой фактъ невольно наводитъ на мысль, что племена одного и того же происхожденія, можетъ-быть одно и тоже племя, имѣли *различные способы погребенія*; дальнѣйшее, надѣемся, оправдаетъ

---

1) Die Heidnische Todtenbestattung in Deutschland. Wien. 1859 г. 2 части (отдѣльный оттискъ изъ Sitzungsberichte d. Wien. Akademie, t. XXIX и XXX).

эту мысль, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдаетъ и сдержанность тѣхъ, кто не рѣшается давать этнографическія помѣты могиламъ, основываясь только на различіяхъ внѣшней формы памятниковъ и замѣченныхъ въ нихъ погребальныхъ обычаевъ.

Дославянское время.

Сколь ни было бы несовершенно наше понятіе о *единомъ* индо-европейскомъ или арійскомъ народѣ, изъ котораго, съ теченіемъ времени, вышли и образовались отдѣльныя племена, мы должны принять *такую гипотезу* за несомнѣнный историческій фактъ: она незамѣнима никакою другою и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки.

Въ виду разительнаго родства языка, нравовъ, обычаевъ и воззрѣній славянъ съ подобными явленіями племенъ индійскихъ, зендскихъ, грекоиталійскихъ, кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и литовскихъ — можно думать, что было время, когда эти народности не существовали въ отдѣльныхъ видахъ, но составляли одно цѣлое племя, эмбріонъ дальнѣйшихъ развѣтвленій, что прежде чѣмъ выдѣлиться изъ этого общаго племенного потока и стать народомъ съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ именемъ — должны были существовать общіе, основные элементы нравственной жизни, семейныхъ и общественныхъ отношеній, обычаевъ и воззрѣній на человѣка и окружающую природу. Такое общее нравственное достояніе забираетъ съ собой каждый народъ, образуясь современемъ самобытною единицею, и на немъ, при вліяніи измѣняющихся историческихъ и природныхъ условій, онъ выводитъ уже свое *особное* зданіе, свою *родовую народность*, въ отличіе отъ прежней *племенной* и новой народности другихъ братьевъ-народовъ. При этомъ процессѣ, изъ стараго наслѣдія иное гибнетъ, другое видоизмѣняется сообразно новымъ порядкамъ вещей; но общія основанія, выработанныя вѣковою племенною жизнью, остаются видны даже у народовъ, испытавшихъ коренные перевороты и потрясенія.

Оттого, изслѣдуя обычаи *славянской народности*, необходимо начать съ ихъ праотцевъ, тѣмъ болѣе необходимо, что, въ силу неорганической жизни обычаевъ, они, полные смысла и значенія у предковъ, вырождаются у потомковъ въ дѣйствія темной и непонятной причины.

Мы возьмемъ лишь самыя общія черты вѣрованій и обычаевъ, именно только такія, которыя встрѣчаются у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, или же занесены въ почтенный памятникъ глубочайшей древности — пѣсни Веды; послѣднія хотя и не принадлежатъ въ строгомъ смыслѣ обще-арійской старинѣ, но содержатъ данныя, прямо идущія изъ эпохи племеннаго единства: ихъ особныя родовыя черты незначительны, и стоитъ только отнять нѣкоторыя народныя имена боговъ и предметовъ, чтобы стать среди древнѣйшей арійской эпохи.

Древнѣйшія миѳическія представленія арійцевъ были природнаго, чувственнаго характера: въ явленіяхъ небесной сферы первобытное племя видѣло дѣйствія и борьбу живыхъ существъ, образы которыхъ его воображеніе опредѣляло по ближайшей аналогіи съ дѣйствительностью: сначала — это зооморфическія существа, потомъ человѣкообразныя, но въ обоихъ случаяхъ они—не иное что, какъ невольное олицетвореніе видимыхъ фактовъ воздушной природы, а ихъ дѣла и отношенія — движеніе и борьба элементовъ этой природы.

Природа является въ вѣчномъ движеніи, жизнь ея — рядъ постоянныхъ превращеній и измѣненій, потому на душу человѣка она должна была дѣйствовать измѣнчиво и разнообразно: одно и то же явленіе производило различныя впечатлѣнія, явленія разныя отражались одинакимъ впечатлѣніемъ, и фантазія, подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, рождала образы текучіе, измѣнчивые, живописующіе одинъ предметъ разными и разные предметы — одинаковыми представленіями. Такое отсутствіе опредѣленнаго постоянства въ первобытныхъ представленіяхъ должно быть напередъ замѣчено: имъ объясняется одинъ фактъ, имѣющій для насъ особую важность, именно — возможность одновре-

меннаго существованія различныхъ обычаевъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ жизни; ибо обычай, какъ мы замѣчали (стр. 28), есть только житейское, практическое примѣненіе извѣстныхъ воззрѣній и представленій; разнообразіе послѣднихъ выражается и разнообразіемъ обычаевъ, и какъ разныя представленія объ одномъ и томъ же предметѣ не исключали другъ друга, такъ и разные, иногда противорѣчивые, обычаи мирно уживались между собою, не смущая ничьего благочестиваго чувства; стремленіе регулировать обычаи по одной мѣркѣ и происходящая отсюда исключительность или нетерпимость—есть плодъ дальнѣйшей жизни, когда водворяется догматическая система и разнообразіе жизни стѣсняется внѣшнею мѣрою. Въ жизни арійскаго племени мы не можемъ предположить существованія такой системы, да и впослѣдствіи она стоитъ какъ-то въ сторонѣ отъ народнаго быта, управляетъ чѣмъ случится, блюдетъ болѣе за наружнымъ порядкомъ, потому что не имѣетъ силы овладѣть внутреннимъ. Имѣя въ виду это обстоятельство, мы не станемъ отъ погребальныхъ обычаевъ требовать догматической послѣдовательности, и примемъ ихъ разнообразныя несогласія, какъ естественное выраженіе разнообразія жизненныхъ представленій и вѣрованій народа, неумѣющаго приводить ихъ къ одному логическому знаменателю.

Судя по языку, народнымъ повѣрьямъ индо-европейскихъ племенъ и ведійскимъ гимнамъ, первобытные арійцы боготворили свѣтлое *небо*, которое они отличали отъ воздуха [1]): *твердое небо* (= *гора*) лежало *за* воздушнымъ пространствомъ и было жилищемъ свѣта и живительнаго дождя; между землею и небомъ лежитъ пространство воздушное, гдѣ дѣйствуютъ, въ борьбѣ небесныя существа; оно одушевлено вѣчнымъ *дыханіемъ*, имъ же одушевлена и вся живая природа и человѣкъ.

1) Индо-европейскія представленія *неба* собраны у Маннгардта: Germanische Mythen, Ber. 1858, p. 332 sq. 455 sq., и у Аѳанасьева: Поэтич. воззрѣнія славянъ. М. 1866, т. 1. стр. 114 и слѣд.; для воззрѣній эпохи ведійской см. ст. Рота: Die höchsten Götter der arischen Völker, пом. въ Zeitschr. d. morgenländ. Gesellsch. т. VI (1852), pag. 67 sq.

Жизнь, по понятіямъ арійцевъ, выражалась *дыханіемъ*=*вѣтромъ* и *огнемъ*=теплотой, и наоборотъ, съ понятіемъ смерти они соединяли представленія *объ отсутствіи движенія* и дѣятельности, *о мракѣ, холодѣ* [1]): человѣкъ живетъ пока *вѣтеръ* волнуетъ грудь его, пока онъ согрѣвается внутреннимъ *огнемъ*, пока его очи глядятъ: безъ этого — онъ *недвижимый холодный* трупъ.

На такомъ естественномъ понятіи основалось множество разнообразныхъ представленій *о душѣ* и *посмертномъ ея существованіи*.

Дѣвственному чувству народовъ противна безотрадная мысль о совершенномъ уничтоженіи по смерти; они не могутъ представить себѣ, что жизненная сила, огонь, вѣтеръ, одушевлявшіе и согрѣвавшіе человѣка, гибнутъ и разрушаются вмѣстѣ съ омертвѣлою плотью; юному уму представляется, что они только *отлетаютъ* въ ту область, гдѣ вѣчно царствуетъ видимое, но непонятное для него, движеніе, гдѣ, по воззрѣніямъ первобытныхъ людей, носятся и борются небесные звѣри, гдѣ виденъ небесный огонь, гдѣ пасутся небесныя стада, гдѣ витаютъ небесныя птицы, гдѣ плывутъ небесныя ладьи и горятъ небесные цвѣты... Поставивъ *душу* человѣка въ связь съ воображаемыми существами и предметами воздушной сферы, младенческая фантазія опредѣлила и самые ея образы по признакамъ этихъ существъ и предметовъ.

Почти у всѣхъ индо-европейскихъ племенъ слова: *душа* и *вѣтеръ* образовались отъ одного лингвистическаго корня [2]), что́

---

1) Сообразно этому и термины, обозначающіе въ языкахъ индо-европейскихъ народовъ понятіе о смерти, произошли отъ корня mri (усиленн. mar), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія: санскр. mrin, mrijê, греч. μειρειν, лат. mori, слав. мрѣти, литов. mirti. Лексиконъ словъ этого корня подробно обслѣдованъ: у Pictet. Les Origines Indo-Europeénnes, II, 488 sq.; Pott'a. Etymolog. Forsch. 1-ое изд. ч. 1, 1833 г. p. 230—1, и Curtius'a. Grundzüge der griech. Etymologie. L. 1866 p. 297—8.

2) Санскр. *anila*=вѣтеръ, греч. ἄνεμος, лат. *animus*, — a; санскр. *âtum*, лат. *spirare* и *spiritus*; *gisan* и *geist*.

и указываетъ на внутреннее родство своихъ представленій: *душа — легкое дыханіе*, она — *огонь*, который нисходитъ на землю съ воздушнаго пространства въ образахъ *змѣи*=молніи или метеора=*звѣзды* [1]) и воплощается въ человѣка; *душа—воздушная птица, бабочка* или иное легкое *крылатое* существо; она — небольшое *огненное животное*, какими фантазія первобытнаго человѣка населяла воздушную сферу; по связи представленій воющаго *вѣтра* и лающей *собаки, душу* представляли и въ образѣ *послѣдней*, и вообще матеріальный образъ *души* соединился въ понятіяхъ человѣка-младенца со всѣми разнообразными представленіями явленій воздушной природы, живущихъ—для него—тѣмъ же началомъ жизни: движенія и огня, которымъ живетъ и человѣкъ и окружающая его природа; нѣсколько позднѣе образуются антропоморфическія представленія *душъ*, какъ *дѣтей-малютокъ*, сидящихъ на небесныхъ деревьяхъ (облакахъ), бѣлыхъ, облачныхъ дѣвъ, заключенныхъ въ небесныхъ *горахъ*.... итд. [2]).

Освобожденная смертью отъ оковъ плоти, душа, по арійскимъ понятіямъ, возвращалась туда, откуда нисходила для земнаго воплощенія, т. е. въ *воздушное море*; здѣсь постоянное мѣсто дѣйствія душъ; но *жилище* ихъ лежитъ надъ облаками, на небѣ, на *твердой свѣтлой горѣ* или *островѣ* среди океана. По

1) На этомъ воззрѣніи основанъ цѣлый рядъ индо-европейскихъ представленій о *птицахъ*, приносящихъ на землю *огонь* и *души;* повѣрья эти превосходно изслѣдованы Куномъ въ его классической книгѣ: Die Herabkunft des Feuers... B. 1859, особ. стр. 107 и слѣд. Представленіе души, какъ *звѣзды* (падающей) до сихъ поръ живетъ въ суевѣріяхъ простого народа, объ этомъ см. Mannhardt. Germanische Mythen. B. 1858, стр. 310, 474 729. Связь *жизни съ огнемъ* (свѣтомъ) породило символическое представленіе *души*, какъ горящаго *свѣтильника, факела*, свѣчи: гаснущій свѣтильникъ — образъ отходящей жизни, улетающей души, послѣ которой остается *смерть-мракъ*.

2) Намѣчая лишь общіе образы, въ какихъ представлялись души усопшихъ, указываемъ здѣсь тѣ труды, въ которыхъ можно найти объясненіе и изложеніе подробностей: Grimm. Deutsch. Mythologie (1854), pag. 788 — 799; Mannhardt. Germanische Mythen, p. 269, 298, 368, 80, 300, 456 et passim; Grohmann. Apollo Smintheus. Pr. 1862, p. 20—2, 47; Kuhn. Zeitsch. für vergleich. Sprachforsch. IV (1855), 101 sq. и др.

смерти душа *отправлялась* въ путь къ свѣтлому обиталищу, путь этотъ долгъ и труденъ: она должна перейти *великій потокъ* (облачную область) по *тропинкѣ душъ* (по Ригъ Ведѣ = тропинка боговъ = млечный путь или радуга), или *переплыть* его, дорогу стерегутъ злыя, лающія *собаки* (вѣтры), она должна ихъ утишить, должна она также заплатить и кормщику, который перевозитъ души на *островъ*; по другимъ представленіямъ душа переносилась облакомъ = коровой чрезъ небесныя воды, почему и самая дорога кое-гдѣ называется *тропинкой коровы* (въ нѣм. kaupat = kuhpfad) [1].

Понятіе о посмертномъ жилищѣ и о существованіи душъ колеблется между представленіемъ *блаженства*, обилія, радости, веселости и наслажденія и понятіемъ муки и *печали:* въ раздумьяхъ о смерти, юное племя не могло представить страну ея — радостною, въ помыслахъ о судьбѣ отшедшихъ праотцовъ, съ которыми живые связаны столь крѣпкими любовными узами, оно не могло вообразить ее — печальною: его родственное чувство ласкала мысль о блаженствѣ предковъ; добро — требовало награды, зло — наказанія; отсюда *двойственное* представленіе о посмертномъ существованіи человѣка, оно должно было существовать еще въ арійскую эпоху, хотя, конечно, въ нетвердыхъ и неустановившихся образахъ.

Мѣсто дѣйствія душъ — сфера воздушная, гдѣ происходитъ грозовая (огненная) борьба элементовъ природы: не сдерживаемыя тѣсными границами плоти, души вихремъ носятся по обширной небесной сферѣ, цѣлымъ полчищемъ кишатъ онѣ здѣсь, помогая божеству въ его дѣяніяхъ, направленныхъ ко благу людей; въ ихъ бурномъ, воздушномъ полетѣ раздаются пѣсни (= свистъ бури) и громовые звуки, иногда онѣ сходятъ на

---

1) Pictet. Les Aryas primitifs... (G. 1863) II. p. 520—4; Kuhn. Zeitschrift für vergleichende Sprachforsch. II (1853), p. 316 sq. Justi. Über die Urzeit der Indogermanen (Histor. Taschenbuch v. Raumer, 1862, p. 326 — 330), представленія *острова* среди воздушнаго океана, *стеклянной горы* (рая), *моста* душъ, *небеснаго кормчаго*—встрѣчаются въ повѣрьяхъ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ.

землю, посѣщаютъ своихъ потомковъ и принимаютъ отъ нихъ благочестивыя приношенія.

Соединивъ представленія о воздушной природѣ и ея вліяніяхъ съ понятіемъ посмертнаго существованія душъ, народная мысль, естественно, должна была выразить это въ дѣйствіи, т. е. въ житейскихъ, погребальныхъ порядкахъ. Погребальный обрядъ, прежде всего, имѣлъ цѣль практическую: на поколѣніи живыхъ лежала нравственная; обязанность облегчить роковую судьбу близкихъ мертвыхъ, помочь ихъ переходу въ вѣчность и обезпечить ихъ жизнь въ обители блаженства, этому высокому долгу народы удовлетворяютъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, сообразныхъ съ ихъ понятіями о посмертномъ существованіи души, объ отношеніяхъ міра усопшихъ въ міру живыхъ, живыхъ къ усопшимъ и смерти вообще.

Прежде чѣмъ войти въ изложеніе арійскихъ погребальныхъ обычаевъ, представимъ нѣкоторыя соображенія о различныхъ способахъ погребальной почести.

Есть одно, нелишенное наивной прелести, апокрифическое сказаніе, занесенное, между прочимъ, и въ наши старыя книги, о томъ, какъ прародители погребли своего сына, перваго мертвеца на землѣ. Долгое время Адамъ и Ева не знали, что́ дѣлать съ убитымъ Авелемъ: «и плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста его погрести; и повелѣніемъ божьимъ птенца два прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе и. Видѣвша же се Адамъ и Ева, ископаста яму и вложиста Авеля и погребоста съ плачемъ». Случайному наблюденію надъ нравомъ животныхъ обязанъ обычай погребенія своимъ происхожденіемъ! Какъ ни наивенъ разсказъ, но онъ поразительно вѣрно изображаетъ первобытное состояніе человѣчества: многіе обычаи произошли изъ наблюденія надъ явленіями и законами природы; но такія наблюденія дѣлаются медленно, и до времени, пока не накопилось значительнаго запаса ихъ, пока память и умъ человѣка не осилили и не упорядочили ихъ, не могло быть и прочныхъ житейскихъ обы-

чаевъ: поколѣнія жили внѣ обычая, повинуясь случайнымъ влеченіямъ и побужденіямъ! Долго или кратковременно, но въ исторіи человѣчества долженъ былъ существовать такой періодъ; онъ, однако, останется навсегда закрытъ и для самой отважной мысли: черты нравственной жизни его лишены всякаго постоянства: онѣ случайны, измѣнчивы и неуловимы для ума; оттого — нельзя сказать, что́ дѣлали съ своими умершими племена, находившіяся на первой ступени развитія; выходя же изъ этой недовѣдомой области въ жизнь, подчиненную обычаю и стало быть— общественную, мы находимъ два главныхъ способа погребальной почести: собственное *погребеніе* и *сожженіе*. Нельзя сомнѣваться, что древнѣйшимъ изъ нихъ должно признать *погребеніе:* сожженіе предполагаетъ если не развитое религіозное чествованіе огня, то по крайней мѣрѣ—изобрѣтеніе и полное владѣніе имъ; а человѣчество, нѣтъ сомнѣнія, прожило долгій періодъ, пока овладѣло этимъ великимъ орудіемъ развитія и узнало его важное значеніе. *Погребеніе* древнѣе сожженія, но откуда вышелъ этотъ обычай, какъ мысль человѣческая пришла къ нему, что́ дало ей поводъ хоронить мертвецовъ въ землѣ? Объ этомъ можно только догадываться. Если и высоко развитыя племена никогда не могутъ примириться съ мыслью о совершенномъ уничтоженіи по смерти, то тѣмъ болѣе невозможна такая мысль у племенъ юныхъ, только начинающихъ свое жизненное поприще: ихъ умъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на задачу смерти, не можетъ даже указать ближайшихъ причинъ ея, ихъ чувство не допускаетъ мысли, что съ смертью оканчиваются всѣ отношенія умершаго къ живымъ и порываются всѣ взаимныя связи ихъ; но опытъ скоро убѣждаетъ ихъ, что мертвецъ — другое существо, чѣмъ живущій: онъ измѣнился и ведетъ другой образъ жизни, ему необходимо и *другое* жилище, покойное, недоступное мірской суетѣ и волненіямъ. Такъ, естественно, безъ особой хитрой мысли, могъ возникнуть первоначальный способъ похоронъ въ землѣ; но по мѣрѣ того, какъ слагались и опредѣлялись понятія о смерти и загробномъ суще-

ствованіи души, выходили и новые погребальные обычаи, и самый обычай погребенія въ землѣ осмыслился болѣе глубокимъ значеніемъ.

Неразгаданною останется для насъ причина возникновенія тѣхъ способовъ погребальной почести, какіе употреблялись въ язычествѣ, если мы станемъ искать ее въ отмѣченныхъ нами понятіяхъ и представленіяхъ о душѣ и посмертномъ ея существованіи: послѣднія породили множество частныхъ погребальныхъ порядковъ, но главные вышли изъ другого источника.

Чтó въ видимой природѣ представляло для человѣка-младенца разительный образъ жизни и смерти, чтó раждалось, жило и *умирало* предъ его глазами, чтó согрѣвало міръ живительной теплотой, одушевляло его дѣятельностью и трудомъ, весельемъ и радостью—во время своей жизни, чтó, умирая, погружало природу въ мертвенность, мракъ и холодъ; однимъ словомъ—чтó въ природѣ могло для первобытнаго человѣка дать первообразы практическихъ порядковъ жизни и смерти.

Это—великое свѣтило дня, «лучезарный владыка и отецъ» древнихъ людей!

Множество формъ языка и поэзіи, множество древнихъ миѳовъ свидѣтельствуютъ, что въ ежедневномъ движеніи солнца человѣкъ видѣлъ цѣлую жизнь живаго существа, подобіе своей собственной: оно *родилось*, быстро становилось *юношей*, затѣмъ—*мужемъ*, исполненнымъ силъ, постепенно *старѣло* и наконецъ—*умирало* [1]. Переводя такія воззрѣнія въ собственную жизнь, человѣкъ-младенецъ выразилъ ихъ рядомъ подражаній тѣмъ явленіямъ и картинамъ природы, которыми сопровождалось жизненное теченіе свѣтила и которые могли быть выражены небогатымъ запасомъ средствъ его. Представимъ теперь явленіе сол-

1) Нѣкоторые солнечные миѳы объяснены М. Мюллеромъ въ его статьѣ Comparative Mythology см. его Chips from a German Workshop, L. 1867, II, p. 89—98, тамъ же превосходно опредѣлено великое значеніе солнца въ нравственной жизни первобытныхъ племенъ.

нечнаго заката или *смерти* солнца, вообразимъ природу, среди которой совершалось это величественное, поражающее зрѣлище, и мы будемъ имѣть первообразы, съ которыхъ юныя племена сняли обыкновенія погребать своихъ *мертвецовъ:* у племенъ приморскихъ *солнце*, окончивъ жизненный путь свой—*сгорало и погружалось въ море;* у жителей равнинъ и горъ—оно *сожигалось и уходило въ землю или за горы*; то мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось оно, представлялось человѣку обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью. . . .; и вотъ, онъ хочетъ помочь своимъ близкимъ усопшимъ *переселиться* въ это жилище и избираетъ тѣ-же пути и способы, какъ и великое небесное существо: онъ отправляетъ ихъ въ страну блаженства *на ладьѣ*, которую иногда *зажигаетъ и пускаетъ въ открытое море*, онъ *сожигаетъ* ихъ и опускаетъ прахъ ихъ въ *землю* или въ *земляную гору*.

Такъ, по нашему мнѣнію, возникли важнѣйшіе способы погребальной языческой почести: *отправленіе мертвеца на ладьѣ въ открытое море, сожженіе и похороны* праха [1]).

Осматривая погребальные обычаи, какіе остались народамъ въ наслѣдіе отъ эпохи общей нераздѣльной жизни, стараясь разгадать значеніе частныхъ порядковъ въ нихъ, нельзя не прійти къ мысли, что они вышли не изъ одного источника: одни—опредѣлились взглядомъ человѣка на мертвеца, какъ на живущаго, хотя живущаго иною жизнью, другіе вышли изъ подражанія природному явленію смерти и похоронъ солнца, третьи образовались изъ представленій о воздушномъ образѣ души и ея посмертномъ существованіи. Была, конечно, нѣкоторая *историче-*

---

1) Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы укажемъ еще на *миѳъ о кончинѣ міра* чрезъ міровой *пожаръ*, послѣ котораго очищенная земля обновляется, зеленѣетъ и начинаетъ цвѣтущее утро своей жизни: миѳологи справедливо объясняютъ это представленіе, какъ снимокъ съ образа ежедневной погибели свѣтила въ пожарѣ.

ская послѣдовательность въ появленіи обычаевъ, но жизнь пользовалась ими въ неразобранномъ видѣ: она не смущалась противорѣчіями, когда отовсюду была окружена разнообразіемъ колеблющихся, измѣнчивыхъ впечатлѣній, взглядовъ и представленій; потому все, что́ можно сказать относительно историческаго движенія погребальныхъ обычаевъ, это фактъ старшинства погребенія мертвецовъ въ землѣ.

Въ X книгѣ Ригъ-Веды находится погребальная пѣснь, которой, судя по формѣ и содержанію, не коснулась позднѣйшая брахманская передѣлка. Въ гимнѣ нѣтъ слѣдовъ обычая сожженія: говорится только о *погребеніи.* Мы изложимъ здѣсь его содержаніе, такъ какъ, устранивъ черты исключительно ведійской эпохи, его можно принять за отголосокъ древне-арійскаго обычая похоронъ въ землѣ [1]).

Скончался семьянинъ, его тѣло стоитъ у *вырытой* могилы около сидитъ вдова умершаго, кругомъ—родственники и друзья. Жрецъ, совершивъ заклинаніе смерти, да удалится она своей дорогой и не оскорбляетъ живыхъ, *полагаетъ камень* между трупомъ и кругомъ живыхъ, какъ видимый знакъ границы царства жизни и смерти, котораго не смѣетъ преступить послѣдняя; потомъ произносится молитва, чтобы младшій членъ семьи не умеръ прежде старшаго, но подобно естественной смѣнѣ дней и временъ года, естественнымъ образомъ, да слѣдуетъ одинъ за другимъ. За тѣмъ слѣдовала жертва: замужнія подруги вдовы бросали жиръ въ священное пламя; по приглашенію жреца вдова выступала изъ царства смерти и вступала снова въ кругъ живыхъ, жрецъ бралъ изъ рукъ умершаго лукъ въ знакъ того, что сила и мужество не уходятъ въ могилу за усопшимъ, а продолжаютъ жить въ потомкахъ; по окончаніи этихъ религіозныхъ обрядовъ,

---

1) Гимнъ ничего не говоритъ объ обычаяхъ, онъ представляетъ только пѣсни, которыми они сопровождались. Ротъ, изслѣдовавшій этотъ гимнъ въ Zeitschrift der deutschen morgenländisch. Gesellsch. VIII, 1854, p. 467—475, долженъ былъ реставрировать обычаи; срав. также статью Штенцлера въ Abhandlungen f. Kunde d. Morgenlandes, L. 1865, t. IV, 1, стр. 158—160.

разрѣшивъ брачныя узы, связывавшія мертваго съ женой, тѣло бережно опускалось въ могилу съ причитаніемъ къ землѣ, да откроетъ она пространныя свои объятья, какъ мать, да пріиметъ этого новаго сына съ любовью и дружескимъ привѣтомъ и да будетъ ему *хорошимъ жилищемъ*. На тѣло полагали плиту и надъ нею воздвигали курганъ, но такъ, чтобы земля не стѣсняла мертвеца, и весь погребальный обрядъ заключался мольбой, да найдетъ тѣло успокоеніе здѣсь въ могилѣ, а тамъ, въ царствѣ блаженныхъ—да приготовитъ владыка смерти (Яма) небесное мѣсто отшедшей душѣ.

Ведійскій гимнъ не представляетъ никакихъ частностей погребальнаго обряда: не видно напр. тѣхъ предметовъ, которые полагались мертвецу въ могилу, и вообще онъ имѣетъ уже религіозно-жреческій характеръ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ яснымъ доказательствомъ, что похороны въ землѣ въ арійскую эпоху предшествовали другимъ способамъ погребенія. Замѣчательны въ гимнѣ обозначеніе *могилы—mrinmajo grihas=земляной домъ* и забота, чтобы земля не стѣсняла мертвеца; это указываетъ на вѣрованіе, что покойникъ продолжалъ жизнь въ могилѣ. Такое вѣрованіе дѣйствительно существовало въ глубокой древности: душу не отдѣляли отъ тѣла и, предавая погребенію мертвеца, думали, что онъ живетъ, имѣетъ нужды и потребности, которымъ и удовлетворяли тѣмъ, что въ могилу полагали одежду, обувь, домашнія орудія, яства и напитки, коней и другихъ животныхъ, слугъ и женъ: народное чувство страшилось нарушить собственность усопшаго, оно не допускало, чтобы рабъ пережилъ своего господина; впрочемъ, въ арійскую эпоху—слуги и жена не шли въ могилу за господиномъ: кажется, что такой обычай возникъ позднѣе, когда усложнились житейскія отношенія и воинскія столкновенія опредѣлили съ одной стороны—понятіе рабства, съ другой—пассивное, служебное значеніе женщины [1]).

---

1) Варварскій обычай сожженія женъ—явленіе относительно позднѣйшее: это доказывается и вышеприведеннымъ ведійскимъ гимномъ и существова-

Когда образовались представленія о душѣ, какъ легкомъ, окрыленномъ существѣ, оставляющемъ тѣло и витающемъ въ воздушной облачной сферѣ, погребеніе въ землѣ, основанное на понятіи о нераздѣльности души отъ тѣла, должно было бы исчезнуть, но оно не исчезло, и какъ въ арійскую эпоху, такъ и цѣлыя тысячелѣтія потомъ — продолжало свое существованіе, принявъ въ себя новыя черты и, въ свою очередь, передавъ свои особенности погребальному обычаю сожженія. Погребали усопшаго, снабжали его земнымъ достаткомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что душа оставляетъ тѣло и только иногда прилетаетъ къ нему, въ его жилище. Кажется, однако, что не по одному преданію чрезъ всю языческую жизнь, уцѣлѣлъ обычай похоронъ въ землѣ: онъ могъ поддерживаться воззрѣніями о похоронахъ солнца (заходѣ его въ землю), о томъ, что души на облакахъ уходятъ подъ землю (т. е. скрываются на краю горизонта въ землю); наконецъ, когда древнія миѳическія представленія подверглись локализаціи и были низведены съ неба на землю — прежнее мѣстопребываніе душъ въ *воздушныхъ горахъ* также перенеслось на землю, родилось представленіе о *подземномъ жилищѣ тѣней*, а надъ остатками усопшихъ (сожженныхъ или несожженныхъ) насыпали *высокія земныя горы*.

Можно полагать, что въ жизни арійскихъ племенъ имѣлъ мѣсто и обычай отправленія мертвеца на ладьѣ въ море, по крайней мѣрѣ засвидѣтельствованное существованіе этого обычая у

ніемъ арійскаго слова *vidhavâ*, слав. *вдова*, которое при арійскомъ единоженствѣ не могло бы существовать, еслибы жена предавалась смерти вмѣстѣ съ мужемъ. Унизить жену до значенія предмета собственности могла только война; кажется, что въ связи съ этимъ возникло и многоженство, ибо воинъ нуждался въ услугахъ многихъ рукъ, рабовъ или рабынь, которыя и оставались его женами. Не останавливаемся здѣсь на мнѣніи Макса Мюллера (Chips from a German Workshop, II, p. 34—35), который полагалъ, что женосожженіе возникло отъ ложнаго пониманія брахманами одного стиха изъ Ригъ-Веды. Такого случая не было относительно другихъ индо-европейскихъ племенъ — и однако же, обычай сожженія женъ у нихъ существовалъ и иногда во всей своей суровой силѣ.

однихъ индо-европейскихъ племенъ и множество слѣдовъ его у другихъ даютъ нѣкоторое право предполагать его древнее, донародное существованіе [1]). Смыслъ обычая—мы уяснили выше, но здѣсь замѣтимъ, что въ жизни онъ поддержался миѳическими представленіями *неба* (воздушнаго пространства), какъ *моря-пустыни* и *облаковъ*, какъ *кораблей*, плывущихъ по (воздушному) морю: мертвецовъ хоронили или сожигали въ лодкѣ, на которой они переплывали воздушное пространство и достигали вѣчнаго жилища.

Несомнѣнно, что въ арійскую эпоху существовалъ обычай сожженія тѣлъ: въ языкахъ индо-европейскихъ племенъ не мало существуетъ терминовъ для обозначенія погребенія, костра, могилы, погребальной урны, которые своимъ конкретнымъ смысломъ указываютъ на сожженіе мертвыхъ [2]); но гораздо болѣе слѣдовъ былого обычая сохранилось въ свидѣтельствахъ старины и суевѣрныхъ обыкновеніяхъ. Сожженіе усопшихъ тѣмъ легче могло войти въ жизнь и стать обычаемъ, что народъ соединялъ съ понятіемъ огня смыслъ священнаго элемента, посредника между небомъ и землею (санск. dûta=посланникъ—постоянный эпитетъ огня); а душу представлялъ, какъ воплощеніе небеснаго огня. Послѣ сожженія оставались лишь легкіе слѣды пребыванія человѣка на землѣ, онъ какъ бы весь переносился въ другой міръ, потому индусы ведійской эпохи взывали къ огню, чтобы онъ не *жегъ* мертвеца, не *разрушалъ* его кожи и членовъ, а *перенесъ* бы его въ жилище отцовъ [3]). Далѣе, самый образъ жизни молодаго племени не мало способствовалъ такому обычаю: оно,

---

1) О существованіи этого обычая у племенъ нѣмецкихъ подробно говоритъ Вейнгольдъ, Altnordisches Leben, Ber. 1856, стр. 483 и слѣд. У славянъ мы найдемъ также слѣды обычая.

2) Они исчислены Пиктетомъ. Les Origines Indo-Européennes, II, p. 505—514 и Гриммомъ въ его статьѣ Über das Verbrennen der Leichen. l. c. passim.

3) Pictet. Les Origines etc... II, p. 530; Max Müller. Die Todtenbestattung. bei d. Brahmanen, прилож. къ Zeitsch. d. d. Morgenländ. Gesellsch. IX, 1855, p. XIV—XV

быть-можетъ, начинало уже свое великое кочевое движенiе, осѣдлость уступала мѣсто роковымъ стремленiямъ на западъ; а при непосѣдной жизни умѣстнѣе было сожженiе, чѣмъ погребенiе въ собственномъ смыслѣ. Погребальный обычай сожженiя, снятый съ природнаго явленiя огненной смерти солнца и подкрѣпленный вѣрованiями о воздушныхъ огненныхъ образахъ душъ, пребывавшихъ въ надземной *грозовой* сферѣ, также распространился не въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, но обставился частностями старшаго погребальнаго порядка и такимъ образомъ очутился среди противорѣчiй: съ покойникомъ *сожигалась* и его собственность, хотя немного нужно было наблюденiя, что послѣ такого обряда мертвецъ уже не воспользуется ею; остатки сожженныхъ предметовъ полагались вмѣстѣ съ прахомъ въ могилу, мертвецу приносились покормы, хотя душа отрѣшилась огнемъ отъ плоти и не нуждалась въ матерьяльныхъ потребностяхъ. Однимъ словомъ—въ этой области народнаго благочестiя, куда ни взглянемъ мы, насъ отовсюду окружатъ противорѣчiя младенческой жизни.

Много важныхъ подробностей погребальныхъ обычаевъ заключаютъ въ себѣ брахманскiе ритуалы (сутры); вовсе не думая относить къ арiйской эпохѣ всего, о чемъ говорятъ они, мы представляемъ по нимъ важнѣйшiя черты погребенiя индусовъ съ цѣлью объяснительною, какъ пособiе, которое можетъ навести на значенiе заглохшихъ обычаевъ славянскаго язычества.

Обрядъ сожженiй тѣла совершался не на открытомъ мѣстѣ, а въ нарочно приготовленной, вырытой могилѣ (—остатокъ болѣе древняго похороннаго обычая), которую предварительно освящали съ нѣкотораго рода религiозными обрядами, имѣвшими цѣлью прогнанiе злыхъ духовъ: ее окропляли водой съ священной *вѣтви* (м. б. символъ молнiи), три раза обходили костеръ слѣва направо. Трупъ мертвеца къ приготовленному костру привозили *коровы*, а позади также вели *черную корову*, которую и убивали на могилѣ: какъ символъ *облака-тучи*, она должна была принести душу усопшаго въ горнюю обитель. Въ руки

мертвеца влагалась часть мяса, чтобы на пути онъ могъ утишить страшныхъ собакъ, сторожившихъ дорогу; когда не было мяса—въ руки давали хлѣбъ съ тою же цѣлью. Усопшаго окружали мясомъ и покрывали сверху свѣжею снятою кожею коровы (туча); если онъ былъ воинъ или охотникъ, въ его руки влагали лукъ, родственникъ или слуга бралъ оружіе обратно, натягивалъ стрѣлу и обходилъ кругомъ костра, потомъ онъ ломалъ лукъ и бросалъ обломки на костеръ. На костеръ полагали также различную утварь, которую употреблялъ при жизни усопшій: она должна была служить ему и въ будущей жизни. Костеръ зажигали и раздавалась торжественная погребальная пѣснь, да войдетъ усопшій въ свѣтлый покой блаженныхъ. Живые разстаются съ покойникомъ, проходя мимо мѣста сожженія такъ, чтобы оно оставалось на лѣвой сторонѣ (на западѣ, мѣстѣ захода солнца). Уходя, *не должно оглядываться*, потомъ каждый изъ присутствующихъ подвергался извѣстнымъ очищеніямъ. Собраніе костей усопшаго совершалось нѣсколько времени спустя по сожженіи, ихъ очищали отъ золы, и прахъ хоронили въ могилу, недоступную водѣ; исполнители обряда уходили, не оглядываясь, и снова подвергались очищеніямъ. По истеченіи нѣкотораго времени снова совершалось очищеніе, которымъ окончательно устранялась власть *смерти* въ домѣ покойника; его кропили водою и на очагѣ зажигали огонь, возлѣ него разстилали кожу быка, и на нее вступали нѣкоторые родственники покойнаго, жрецъ окружалъ огонь съ четырехъ сторонъ кусками дерева и клалъ камень на землю, на сѣверъ отъ очага. За этимъ дѣйствіемъ слѣдовала жертва усопшему. Ведійскіе индусы приносили усопшему жертву каждый новый мѣсяцъ, по истеченіи же годового срока онъ пріобщался къ сонму блаженныхъ предковъ и уже вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ поминальной трапезѣ потомковъ; только ежегодно въ день его смерти ему приносилась особая жертва. Общія поминки усопшихъ совершались у жертвеннаго очага, къ нимъ приглашались всѣ предки: божественный напитокъ, покормъ и пѣсни приносились къ нимъ огнемъ; когда онъ

пожиралъ жертву, никто не сомнѣвался въ присутствіи отцовъ покровителей; живые вкушали молча, не нарушая суетнымъ шумомъ сонма душъ, чтобы они могли насладиться пищею. Такія обыкновенія основывались на твердой мысли, что души усопшихъ иногда оставляютъ небесное жилище и, чувствуя потребность въ пищѣ, влекомые желаніемъ навѣстить дорогую землю и милыхъ сиротъ своихъ, прилетаютъ въ прежнія жилища и кормятся благочестивой поминкой живыхъ.

Усопшіе становились богами-покровителями потомковъ: въ ведахъ они носятъ имя *Отцовъ*, Pitris; божества, властвующія надъ царствомъ смерти (Яма и Ями), были первые смертные, первые люди, пришедшіе въ страну вѣчности; во множествѣ повѣрій индо-европейскихъ племенъ до сихъ поръ еще ярко свѣтитъ эта древняя апоѳеоза мертвыхъ: ее создало достоинство нравственной природы человѣка, которая не можетъ обойтись безъ любви, благодарности и признательности за прежніе подвиги предковъ и за тѣ вѣчныя заботы о потомкахъ, какія придавало имъ наивное вѣрованіе древняго человѣчества.

Мы отмѣтили главныя черты арійскихъ воззрѣній на существо души и ея посмертную жизнь, указали предположительно и погребальные обычаи эпохи, первоначальную причину ихъ и тѣ подробности, съ какими встрѣчаются они въ исторически древнѣйшее время. Предъ нами проходитъ цѣлая вереница образовъ и порядковъ, колеблющихся, подъ часъ полныхъ внутренняго противорѣчія: они вполнѣ отвѣчали нравственной природѣ юнаго человѣчества, живой, увлекаемой разнообразіемъ впечатлѣній, богатой воображеніемъ и бѣдной опытомъ и разсудкомъ; но послѣдующее время, время опыта и сознательныхъ отношеній къ жизни — постаралось ли оно упорядочить и примирить несогласія въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ, воспринятыхъ по наслѣдству отъ праотцовъ, установило ли однообразіе, постоянство и послѣдовательность погребальныхъ порядковъ? Нисколько! Дальнѣйшее движеніе жизни, вліяніе исторіи измѣнили только немногія частности старыхъ воззрѣній и обычаевъ, они осложнили ихъ но-

выми прибавками и тѣмъ еще болѣе усилили хаосъ противорѣчій: вся разница между младенческимъ и старѣющимъ язычествомъ заключалась въ томъ, что первое породило разнообразіе представленій и несовмѣстимыхъ обычаевъ по естественному закону жизни, второе держалось ихъ по безотчетному, суевѣрному чувству уваженія къ непонятной старинѣ; первое могло напр. одновременно и сожигать и хоронить покойниковъ въ силу того, что оба способа погребенія согласовались съ его понятіями о смерти и загробной странѣ отцовъ; второе—могло дѣлать то же по причинѣ совершенно противоположной, потому что оно не понимало ни того, ни другого погребальнаго обычая, а пользовалось ими по вѣковому преданію.

Славянскіе порядки.

Съ эпохи общей, нераздѣльной жизни племенъ до времени, когда образовалась особая *славянская* народность, прошло, быть-можетъ, не одно тысячелѣтіе; но что пережило человѣчество въ данный періодъ времени, то останется на долго еще предметомъ однихъ гаданій.

Мы минуемъ эту, недоступную для знанія, область и войдемъ въ эпоху, когда славяне начали настоящую исторію и стали извѣстны, какъ отдѣльный народъ съ отдѣльнымъ именемъ, какъ совокупная единица ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ «обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья».

Сравнивая славянскія воззрѣнія на существо души и образы посмертнаго ея существованія съ тѣмъ, что̀ отмѣчено нами въ первое время общеплеменной, арійской жизни, мы не увидимъ ни коренныхъ различій, ни слѣдовъ замѣтнаго поступательнаго движенія: только немногія частныя черты представленій указываютъ, что измѣняющая сила времени и жизненныхъ условій не оставалась праздною, что кое-гдѣ работала и мысль человѣка, по-

пополняя или отвергая старыя, испоконъ вѣка шедшія воззрѣнія и порядки, но общимъ основаніемъ все же служила праотеческая старина, переходившая по наслѣдству чрезъ тысячи поколѣній.

Мы коснемся славянскихъ понятій и представленій о душѣ, смерти и загробномъ мірѣ только въ той мѣрѣ, въ какой это можетъ служить для уясненія явленій жизни дѣйствительной, погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ [1]).

И для язычника-славянина понятія жизни и смерти опредѣлялись видимой природой въ ея ежедневныхъ и годовыхъ измѣненіяхъ: утро и вечеръ, весна и зима, свѣтъ и мракъ, теплота (огонь) и холодъ — вотъ обычные образы для представленія жизни и смерти человѣка: они и по сю пору бытуютъ и въ языкѣ и во многочисленныхъ повѣрьяхъ. Какъ природа начинаетъ ежедневную жизнь свою утромъ и оканчиваетъ вечеромъ, одѣваясь сумрачнымъ покоемъ, какъ она съ весною расцвѣтаетъ для жизни и постепенно, съ приближеніемъ зимы, теряетъ силы и погружается въ сонъ и холодъ, такъ и жизнь человѣка, по славянскимъ понятіямъ, имѣетъ свое утро и свой вечеръ и ночь, свою красную весну и свою *чорную* зиму: при рожденіи возжигается свѣтильникъ жизни, со смертію онъ погасаетъ, и человѣкъ отходитъ въ область черной ночи, засыпаетъ въ ней [2]): Краледворская рукопись опредѣляетъ жизненный путь съ *весны* по *моранузиму*, т. е. съ рожденія по смерть (Zab. a Sl.), «už se s nim *svečeriva*» говорятъ чехи объ умирающемъ; жизнь — бодрство-

---

1) Славянскія языческія представленія о душѣ уже неоднократно были предметомъ ученыхъ изслѣдованій гг. Буслаева (О вліяніи христіанства на славянск. яз. стр. 61 и сл., Очерки народ. поэзіи I, стр. 138 слѣд.), Аѳанасьева (Архивъ истор. юрид. свѣдѣній о Россіи т. III, отд. 6, стр. 3—26 и въ 3 (неизд.) томѣ Поэтическихъ воззрѣній славянъ гл. XXIV) и I. Иречка (Časop. Českého Musea 1863, стр. 1 sq.); отсылая читателя за частностями къ этимъ почтеннымъ трудамъ, мы ограничиваемся изложеніемъ важнѣйшаго и только пополняемъ въ нихъ недосказанное.

2) См. выше пѣсню Честмиръ и Влаславъ. Представленіе жизни *свѣтильникомъ* или просто свѣчой распространено у всѣхъ народовъ, оно дало поводъ ко многимъ суевѣрнымъ гаданіямъ и примѣтамъ.

ваніе, свѣтъ и огонь, смерть — мракъ, холодъ и покой, старость—темнота—синонимы, славянскаго языка и постоянные образы народной поэзіи [1]); но какъ природа, умирая, не уничтожается, но только облекается холоднымъ мракомъ и покоемъ, такъ и человѣкъ не гибнетъ [2]), но только отходитъ на покой, засыпаетъ сномъ [3]).

Безсмертіе для природы создано наблюденіемъ, безсмертіе для людей рождено чувствомъ человѣка, и если въ нравственной жизни и религіи славянъ должно признать существованіе опредѣленныхъ понятій, то однимъ изъ важнѣйшихъ должно было быть понятіе о будущей жизни или *безсмертіи души:* никакая другая мысль не была такою народно-психологическою необходимостью, какъ мысль безсмертія: тогда какъ одни религіозныя понятія стояли на высотѣ чисто-нравственныхъ идей, доступныхъ и сознаваемыхъ немногими, а потому лишенныхъ силы общенародной необходимости и лишь случайно входившихъ въ дѣйствительность,—другія же держались въ жизни по преданію, въ образахъ безотчетнаго вѣрованія, часто заглохшаго или готоваго заглохнуть, понятія о загробной жизни, вытекая изъ неизбѣжнаго, постоянно дѣятельнаго закона смерти и чувства любви къ близкимъ усопшимъ, никогда не теряли живаго значенія, должны были сохраняться и поддерживаться непрерывно. Мы

---

1) Для обозначенія перехода въ вѣчность всѣ славянскія нарѣчія употребляютъ термины, произведенные отъ индо-европейскаго корня mri, mar, осложняя его иногда приставками, какъ: *съ-мрьть, оу-мрьти.* Первоначальное коренное представленіе нами указано выше, оно видно и изъ запаса другихъ родственныхъ славянскихъ словъ: *мръ-знути, мръ-кнути* и. т. д. Связь понятій *смерти съ холодомъ и мракомъ* довольно обстоятельно изслѣдована г. Потебней въ его сочин. О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Х. 1860, стр. 36, 53 и слѣд.

2) Идея конечнаго уничтоженія, кажется, была чужда языческому міру: славянскія слова *гыбнути, гынути=погибать,* судя по другимъ терминамъ одного происхожденія: *гыбати, гнути,* обозначали только упадокъ, склоненіе (солнца и) жизни человѣка: равнымъ образомъ то же значеніе имѣетъ глаголъ *пасти, про-падать.*

3) Отсюда имена *покойникъ, усопшій*=мертвецъ.

не хотимъ сказать, что каждое отдѣльное представленіе, каждый обычай, относившійся къ области понятія безсмертія и загробнаго существованія, всегда имѣлъ ясный и опредѣленный смыслъ для язычника-славянина, нѣтъ—традиціонная безотчетность господствовала и здѣсь, какъ въ представленіяхъ, такъ и въ обрядахъ; но въ основаніи ихъ лежало твердое, почти догматическое понятіе о безсмертіи, и когда послы кн. Игоря скрѣпляли свой мирный договоръ съ греками религіозно-юридическою клятвою, что нарушители его «да будутъ раби въ сь вѣкъ и въ будущій», они говорили совершенно въ духѣ славянскаго язычества; когда воины Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, не надѣясь на спасеніе, предавали сами себя смерти, они вѣрили, что чрезъ это избѣгнутъ позорной повинности быть рабами своихъ побѣдителей на *томъ* свѣтѣ [ἐκ τῶν σωμάτων διάζευξιν τῶν ψυχῶν ἐν ᾄδου τοῖς αὐθένταις ὑπηρετεῖν]; когда, напротивъ, Титмаръ приписываетъ славянамъ (балтійскимъ) понятіе, что съ временною смертью оканчивается все бытіе человѣка, онъ говоритъ, какъ христіанинъ, искавшій въ язычествѣ христіанскаго догмата воскресенія мертвыхъ.

Ни въ какую эпоху славянскаго язычества мы не можемъ предположить присутствія мысли о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ, иначе пришлось бы не только отвергнуть всѣ показанія древности, но и отказать славянскому племени въ существенныхъ человѣческихъ потребностяхъ, въ обычныхъ путяхъ нравственнаго развитія.

Во всемъ организмѣ славянской рѣчи, въ ея мелкихъ развѣтвленіяхъ присутствуетъ слово *душа* съ существительнымъ, конкретнымъ смысломъ предмета *матеріальнаго, отдѣльнаго отъ тѣла.* Слово идетъ отъ древне-арійскаго корня *dhu*—[1])

---

1) Глаголы дꙑхати дъмѫ идутъ отъ другого, хотя по значенію родственнаго, корня *dam.* Подробное перечисленіе родственныхъ индо-европейскихъ словъ читатель найдетъ у Дифенбаха: Lexicon Comparat. II, 617—618, а лингвистическій разборъ у Потта: Wurzel-Wörterbuch d. Ind. g. Spr. II (1867), p. 1072 sq.

agitare: посредствомъ образовательнаго суффикса *x* происходитъ *духъ*, въ женской (предполагаемой) формѣ—*духја* и отсюда, съ перемѣной гортанной въ шипящую, — *душа* = слово въ слово *движущая* (ся?), *летящая*; въ древне-славянскомъ языкѣ слово имѣетъ конкретный смыслъ *дыханія, жизненнаго вѣтра*—πνοή, halitus и отвлеченное ψυχή; во всѣхъ прочихъ нарѣчіяхъ слово удержало матеріальный смыслъ преимущественно въ тѣхъ выраженіяхъ, которыми живописуется кончина жизни: человѣкъ *испускаетъ духъ, выпускаетъ, отдаетъ душу, душа выходитъ, улетаетъ, выскакиваетъ* изъ тѣла, *положить душу, duši wypuditi, duši* na *jazyku*, na *pysku mjti, душу брать* съ бѣлыхъ грудей, *душа* въ него *вступила* (—ожилъ см. П. С. рус. Л. I, 111), у меня *душа* не на *мѣстѣ*[1]) и т. д.; въ Краледворской рукописи молотъ Забоя *выбилъ* (wyrazi) душу у Людека и занесъ ее на пять ступней въ войско, въ другомъ изъ стихотвореній ея: душу юноши также *выбиваетъ* изъ тѣла молотъ врага (Jelen). Такія выраженія были бы невозможны, еслибы съ понятіемъ души не соединялся матеріальный образъ, и простой народъ до сихъ поръ воображаетъ душу, какъ существо, которое можетъ гдѣ-нибудь сѣсть или стать, за что-нибудь ухватиться, которое можетъ имѣть нужду въ пищѣ и питьѣ [2]).

Образы, въ какихъ славяне-язычники представляли себѣ душу усопшаго—тѣ же, какіе мы указали въ арійской старинѣ: *душа—дыханіе, «дымецъ малъ», вѣтеръ* и согласно съ этимъ—*легкое, крылатое существо*: въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—*легкая, лака душа* (въ пѣсняхъ: «то изусти, лаку душу пусти»); по сербскимъ повѣрьямъ есть люди, изъ которыхъ во время сна выходитъ духъ—*вѣдогоња* [3]) и летаетъ по горамъ, ломая деревья и метая камни; въ Краледворской ру-

1) См. Словари Востокова, Юнгмана, Линде и Даля sub voce.
2) Иречекъ въ Časopis Musea kr. Česk. 1863, p. 4—5.
3) В. С. Караджић. Живот и обичаји народа српского. Б. 1867, стр. 215 cf. Рјечник s. v.

кописи (см. выше) *души* убитыхъ *летаютъ* по деревьямъ, *душа* Властава также *вылетѣла* на дерево; въ чешской Александреидѣ *души* павшихъ въ битвѣ летѣли густо, какъ распущенное стадо; въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи и преданіяхъ—представленія *летающихъ душъ* очень обыкновенны †. При такомъ воззрѣніи естественно представить душу *птицею, мотылькомъ* или *бабочкою:* по сербскимъ повѣрьямъ душа *вѣщицы* вылетаетъ изъ нея и становится *лепиремъ* (мотылькомъ) или *курицей* [2]); въ Ярославской губерніи *душечкой* называется денная *бабочка*; по болгарскимъ повѣрьямъ—душа, по выходѣ изъ тѣла, летитъ въ видѣ *бабочки* или *птички* и садится на ближайшее дерево [3]). Душа человѣка—существо небольшое и, подобно птицѣ—женскаго рода: всѣ славянскія нарѣчія преимущественно любятъ называть ее уменшительными именами: *душки*, *душицы*, *душички*, она невидима для глазъ смертнаго, ее видятъ только птицы и звѣри (Крал. ркп.), какъ существа ей сродственныя по природѣ. Слѣдуя древнимъ, праотеческимъ воззрѣніямъ, и славянскія повѣрья представляютъ душу усопшаго въ видѣ *огня* или огненнаго существа (—молніи): по русскому преданію — если женщина сильно будетъ убиваться по умершемъ, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ *огненнаго змья*; бѣлоруссы называютъ *блуждающіе огоньки одноглазными малютками;* представленіе душъ въ видѣ блуждающихъ огней распространено въ повѣрьяхъ лужичанъ, чеховъ и русскихъ [4]); еще обычнѣе у славянъ представленіе души въ

† Пречекъ въ Časopis'ѣ, l. c.

2) В. С. Караджић. Живот etc., 211.

3) Сообщено Л. Каравеловымъ.

4) Ст. Аристова въ Духѣ Христіанина, 1861—2, Дек. стр. 269. Аѳанасьевъ: Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, т. III, гл. XXIV; Лужичане называютъ блудящія души—*błudniki*, błudne *swieczki*. *Haupt-Smoler* Próznicki sersk. l. II. L. 1843, p. 266. *Pannach* въ Lausizische Monatsschrift 1797, II, p. 747; пат. *Крольмусъ* (Staročeske pověsti etc. P. 1851, III, p. 26 not.) излагаетъ слѣдующимъ образомъ суевѣрный взглядъ чеховъ на существо души: каждый

образѣ *звѣзды—небесной свѣчи*: звѣзда падаетъ—человѣкъ умираетъ на землѣ, «*свѣча* чья-нибудь *погасла*» (—кто-нибудь умеръ) говорятъ приморскіе сербы, когда звѣзда катится по небу и гаснетъ [1]). Это повѣрье было когда-то общераспространеннымъ въ славянскомъ язычествѣ и связывалось съ вѣрованіемъ въ дѣвъ судьбы, *Рожениць* или Судичекъ, назначающихъ человѣку его долю.

Многочисленныя повѣрья указываютъ, что славянинъ-язычникъ поставлялъ свои представленія о душѣ въ ближайшую связь и съ растительною природою: деревьями и цвѣтами, въ которые переходили или превращались души умершихъ и живыхъ людей: народная славянская поэзія и донынѣ полна образами такихъ превращеній въ звѣрей, птицъ и растенія [2]); но это—не метем-

---

человѣкъ, говорятъ, имѣетъ на небѣ свою опредѣленную *звѣзду*, и когда прійдетъ конецъ ся (večer), она слетаетъ на землю, а человѣкъ умираетъ и отправляется въ горнюю область. Его жизнь подобна *горящей свѣчѣ*: на землѣ гаснетъ, а на небѣ зажигается, душа должна оставить тѣло на землѣ и отлетѣть на небеса въ образѣ *птички* или *голубка*; потому, говорятъ, по заходѣ солнца, когда стихнетъ церковный звонъ, на кладбищахъ летаютъ огненныя души, какъ голуби: онѣ разлучаются съ живыми. Говорятъ также, что блудящіе огоньки (světylka, bludičky) суть души усопшихъ некрещеныхъ дѣтей: они должны вынести здѣсь покаяніе, прежде чѣмъ взойдутъ на небо. Cf. Grimm. Deutsch. Myth. (1854), p. 869. Представленіе души въ образѣ *мыши* (=огненной) см. у Grohmann'a Apollo Smintheus. Pr. 1862, p. 20—2. *Ejusdem*, Sagenbuch aus Böhmen, P. 1863, p. 232, cf. выше (у Кадлубка).

1) Arkiv za povjestnicu jugoslaven. Z. 1863 t. VII, p. 224. Grohmann. Aberglauben aus Böhmen etc... P. 1864, p. 31. Щаповъ. Очерки народнаго міросозерцанія. Ж. М. Нар. Просв. 1863 г. № 7, стр. 20 sq. По болгарскому повѣрью звѣзда родится и умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, чтобы убить человѣка; вѣщицы обманываютъ его звѣзду, снимаютъ ее на землю и гасятъ въ колодцѣ. Сооб. Л. Каравеловъ.

2) Факты объ этомъ изъ чешскихъ пѣсенъ собраны у Иречка, Časopis čes. M. 1863, 8—10, изъ малорусскихъ—у г. Костомарова въ его соч. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Х. 1843, стр. 42—89 и Славянская миѳологія. Кіевъ, 1847, стр. 64—70; Срав. Сушиль: Moravské národni pisne. 1860, p. 99, 116, 149, 137, 394, Метлинскій: Южно-русскія пѣсни, стр. 286—7, 290 sq. et passim, Миладиновичи: Булгарски народни пѣсни. Б. 1861. стр. 140; Valjavec: Narodne pripoviedke. 1858, стр. 15—16, сербскія повѣрья у Вука Стефановича: Живот и обичаје etc... p. 224 и въ пѣсняхъ и сказкахъ Приповијетке... № 32.

психозъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, а зародыши его, которые остановились на первомъ возрастѣ и не сложились въ систему. Основаніемъ для мысли о переходѣ душъ въ міръ животныхъ и растеній послужило столько же младенческое наблюденіе надъ жизнью природы, умомъ и инстинктомъ животныхъ, сколько вѣрованіе, что оставляя тѣло, душа человѣка переселялась въ горнюю воздушную область, гдѣ и облекалась въ фантастическіе образы небесныхъ звѣрей, птицъ и растеній.

Наконецъ отмѣтимъ и антропоморфическія представленія души: они столь же обычны въ славянскомъ язычествѣ, какъ представленія стихійныя, зооморфическія: полагая душу небольшимъ существомъ, естественно представить ее въ образѣ небольшого ребенка или карлика, таковы напр. малорусскія *мавки*, лужицкіе *людки*, *чешскіе* — *шетки* (šetek cf. Mater Verborum), кашебскіе — *кросията* и т. д.; о нихъ мы еще будемъ имѣть поводъ говорить впослѣдствіи [1]).

По понятіямъ славянъ душа пребывала во время жизни человѣка въ его *груди* или горлѣ, выходила же устами, отсюда въ древне-славянскомъ языкѣ горло иногда называется *душникъ* [2]), а въ русскомъ — именемъ *души* кое гдѣ обозначается ямочка на шеѣ, надъ грудною костью, гдѣ именно, по мнѣнію народа, живетъ душа (Даль. Т. Сл. s. v.); въ Краледворской рукописи мы находимъ нѣсколько мѣстъ, доказывающихъ это воззрѣніе: «a wyjde duša (Власлава) z řwucej huby, wyletě na drwo..., uderi (врагъ) těžnym mlatem w prsy... wyrazi z junose dušu, dušicu, sie wyletě pěknym tàhlym hrdlem, z hrdla kràsnyma rtoma (Jelen); въ Словѣ о Полку Игоревѣ о Ярославѣ говорится, что онъ «изрони жемчужную душу изъ храбра тѣла чрезъ злато *оже-*

---

1) Въ дополненіе ко всему этому укажемъ, что народныя понятія связываютъ существо души съ *тѣнью* (за тѣломъ слѣдуетъ тѣнь—душа, человѣкъ безъ тѣни—не имѣетъ и души) и *яйцомъ*, въ которомъ заключенъ зародышъ жизни. Послѣднее встрѣчается преимущественно въ сказкахъ.

2) Miklosich. Lexicon palaeoslov. sub voce, Описаніе рки. Синод. библ. т. III (М. 1859), стр. 460.

релье; въ связи съ этимъ понятіемъ образовались и вышеприведенныя выраженія: «имѣть душу на языкѣ или на губахъ».

Представляя душу въ стихійныхъ образахъ вѣтра, огня и звѣзды, въ звѣриныхъ формахъ крылатой птицы, летучаго насѣкомаго или небеснаго животнаго, славянинъ-язычникъ не отступилъ отъ праотеческихъ воззрѣній и въ своихъ понятіяхъ о мѣстѣ дѣйствія и пребыванія душъ, разлучившихся съ тѣломъ: онѣ отлетали въ сферу надземную, воздушную; но прежде чѣмъ войти въ подробности этого предмета, необходимо коснуться понятій о *смерти* и переходѣ въ вѣчность.

Несмотря на твердость вѣры въ загробное существованіе, славянинъ соединялъ съ понятіемъ Смерти тяжелыя, нерадостныя представленія: въ его народной поэзіи Смерть никогда не является въ свѣтломъ, успокоительномъ образѣ; напротивъ— она представляетъ постоянный и единственный трагическій мотивъ ея; такимъ характеромъ запечатлѣны напр. обычныя поэтическія уподобленія Смерти—брачному обряду, смертнаго одра—брачному ложу, новоселья могилы—новому супружескому хозяйству [1]): ихъ создало не одно внѣшнее сходство понятій, но и глубокое скорбное чувство внутренней противоположности. Въ жизни практической Смерть знаменуется губительнымъ вліяніемъ: до чего коснулась рука ея, то несетъ за собою слѣды гибели и потому требуетъ уничтоженія или очищенія. Такая мысль о разрушительномъ, тлетворномъ вліяніи Смерти создала много повѣрій; она отразилась, какъ увидимъ, и въ погребальныхъ обыкновеніяхъ.

Смерть, а равно и болѣзнь, по понятіямъ славянъ, насылались невѣдомою силою или божествомъ, «од бога од старого крвника» [2]); сообразно этому взгляду Смерть и болѣзнь олицет-

1) См. напр. Метлинскій. Южно-русскія пѣсни, Кіевъ 1854, стр. 19, 424, 448; В. С. Караджић. С. Н. Пјесме I, № 660, II, № 9.

2) Почему болѣзни носятъ слѣдующія наименованія: *божа рука*—нервный ударъ, *божа рана*—моръ, повѣтріе; *божьй бичъ* или *божья мочъ*—падучая, *богине*—оспа. Bernhardi. Bausteine z. Slav. Mythol. въ Jordan's Slavische Jahrbücher. 1843, № 5, стр. 342. Когда кто подвергся удару, лужичане говорятъ: «его коснулась *божья рука*».

ворялись въ страшныхъ образахъ демоническихъ старухъ (Морена, Мара, Морија, Куга, Смертница и т. д.), которыя предвѣщаютъ кончину человѣка, или же сами поражаютъ его смертнымъ ударомъ: какъ ни сильна была вѣра въ будущую жизнь, она не устраняла трепета предъ ея тайной, и если въ славянскихъ нарѣчіяхъ существуетъ много ласкательныхъ наименованій Смерти [1]), то они выражаютъ не естественное чувство любви къ этой страшной гостьѣ, а желаніе наружнымъ привѣтомъ снискать ея расположеніе и отвратить грозящіе удары. Вообще, кончина человѣка представлялась живому чувству язычника—борьбой или битвой между Жизнью и Смертью; послѣдняя какъ бы съ боя отымаетъ дорогой даръ земнаго бытія, котораго никто не уступаетъ безпрекословно; отсюда вышло олицетвореніе Смерти грознымъ воинственнымъ существомъ, оно является внезапно и пресѣкаетъ нить жизни [2]).

Смерть полагаетъ предѣлъ земной жизни человѣка, она разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова: *кончина*, *судъ* и *судьба*, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ)=*отрѣзанный* предѣлъ, *кончина*—отрѣзанная нить жизни, *судъ же и судьба*—*развязка*, *разрѣшеніе*, *расплетеніе*; позднѣе эти термины получаютъ уже болѣе отвлеченный смыслъ [3]).

---

1) Русскія: *смёртошка*, *смёртушка*; чешско-моравскія: *mila smrti*, *mila smrtničko*, *mila stařeno*, *čekanko*.

2) Въ сербскомъ яз. предсмертная агонія живописуется *борьбой съ душею*. Пјесме, II, p. 113, ver. 260, p. 188, ver. 63—4. Олицетворенія Смерти въ образѣ стрѣльца или косаря—нерѣдки въ славянскихъ сказкахъ и преданіяхъ.

3) Польск. *konac*, *konanie*=умирать, чеш. рус. слов. *кончина*=смерть и предѣлъ какой-нибудь земли, новгор. *конецъ*. Судъ нашелъ на него=смерть пришла (П. С. р. Л. I. 63); *Суда* божія (=смерти) не минути, на Судъ привести—въ Сл. о П. Игоревѣ; не къ *Суду* пришло=не къ смерти (Рыб. пѣсни, III, 27, 31). Первоначальное этимологическое значеніе слова *судъ* явствуетъ изъ родственныхъ нѣмецкихъ: готск. *Sundro*, древ. в.-н. *Suntari*, нынѣш. *sondern*, древнесѣвер. *Sundra*=dissecare, discerpere, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узы?); значеніе же слова *кон* ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить, кончитый=и т. д. Корень будетъ *Кап*=колоть, рѣзать, прекращать существованіе.

Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область, потому переходъ въ вѣчность, какъ въ старину, такъ и нынѣ, обозначается описательнымъ выраженіемъ *далекаго пути*: въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ «на далечи пути» (Лавр. 100); по малорус. поговоркѣ: Смерть—неминующая *дорога*, рус. област. (арх.) *странствовать* значитъ *хворать*, *удорожить*=довести кого-нибудь побоями до смерти, въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: ђе ћеш господаре, на томъ тамо *путу далекоме* оклепо се никадъ не долази»; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцомъ: «na *dalek* mi ti *put ode s* kog te neću dopogledat», въ чешскомъ: «na *daleku cestu* se strojiti»= умирать, *душа на пути*=человѣкъ умираетъ [1]). Смерть уносила усопшихъ въ страну отцовъ: въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ *отшествіи къ отцамъ* въ смыслѣ смерти («Otčik zaide к otcem» v. 26; «i tridesět ich otide к otcem» v. 138); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ «Повѣсти врем. л.»: *приближитися* или *приложитися* ко *отцемъ* и *дѣдомъ* (Лав. 93, 185), и въ нынѣшнемъ чешскомъ: «k velikemu *hejnu* se přidružiti».

Для обозначенія человѣка, постигнутаго судьбою, умершаго, славянскія нарѣчія преимущественно употребляютъ термины, произведенные отъ корня *mri* (san. mrita—mortuus): *мьрътвъ*,—*вьцъ*, *мертвый*, слов. mertew, серб. мртав, чеш. mrtv,—ec,—ola, mrcha, пол. martwy и т. д., что̀ этимологически значитъ недвижимый, окоченѣлый, холодный [2]); далѣе,—*покойникъ*, *усопшій*, значеніе которыхъ пояснено нами выше; *трупъ*,—іе собственно убитый, отъ корня trup ferire, occidere; въ нв. болгарскомъ слово до сихъ поръ бытуетъ въ древнемъ знаменованіи погиб-

---

1) В. С. Караджић. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба. В. 1849, p. 103, Arkiv za povjestnicu jugoslav. II, 2, стр. 363. Čelakovsky. Mudroslovi narodu slovanského. P. 1852, p. 586.

2) Срав. въ Кіевск. лѣтописи (П. С. р. Л. II, стр. 131) «уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцю его».

шаго исключительно насильственною смертью, въ другихъ же нарѣчіяхъ—со значеніемъ вообще мертваго; *стървь*, стерво—въ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ унизительномъ смыслѣ дохлаго животнаго; въ древне-славянскомъ для обозначенія трупа—cadaver; вѣроятно въ древности терминъ относился и къ человѣку, какъ показываетъ русское *стербнуть*—терпнуть, замирать и родственное др. вер.-нѣм. sterban, sterben; но первоначальный смыслъ его теменъ; въ польскомъ употребляется еще слово zwłoki (съвлъкы), равносильное русскому *останки*, какъ будто бы внѣшняя одежда, оставленная отлетѣвшей душой [1]). Замѣчательно то *нравственное* наименованіе, которое даетъ русскій народъ своимъ покойникамъ: онъ называетъ ихъ *родителями* безъ различія возраста, какъ бы въ той мысли, что всякій умершій становится предкомъ-покровителемъ своей семьи или рода-племени. О значеніи слова *мощи* мы имѣли поводъ говорить выше.

Понятіе о матеріальномъ существѣ души человѣка условливаетъ необходимость другаго понятія, о загробномъ ея существованіи, и у славянъ-язычниковъ оно выражалось съ тѣмъ разнообразіемъ и съ тѣми же противорѣчіями, какъ и у ихъ арійскихъ праотцовъ: вѣря, что покойникъ *продолжаетъ жизнь* въ гробѣ, они тѣмъ не менѣе—отдѣляли существованіе души отъ тѣла и назначали особую область для ея пребыванія и дѣйствія.

Слѣды древней вѣры въ матеріельную жизнь мертвецовъ ясно видны изъ многихъ произведеній славянской народной поэзіи: отвѣчая на призывы родственнаго чувства или необходимости, усопшіе часто прерываютъ свой могильный сонъ и выходятъ изъ жилищъ, или подаютъ свой голосъ, чтобы попросить живыхъ о какой-либо услугѣ и дать имъ наставленіе; особенно трогательны въ такомъ положеніи образы матери, оставившей сиротъ, и разлученныхъ любовниковъ: народное чувство иногда

---

1) Терминъ *навье*—объясняется ниже.

любитъ возвращать ихъ къ прежнимъ минутамъ земнаго бытія, земныхъ привязанностей и сладкихъ заботъ; на такомъ вѣрованіи основанъ обычай вызыванія душъ усопшихъ, который мы замѣтили у Козьмы Пражскаго. Могила—жилище усопшаго [1]), но мрачное и безрадостное: сырая земля и камень налегли на сердце, руки и ноги замерли, глаза сомкнулись — вотъ образы, какими обыкновенно рисуетъ мертвецъ свою жизнь въ отвѣтъ на земные призывы, онъ не можетъ подняться и принять участіе въ горѣ или радостяхъ своихъ близкихъ. Еще яснѣе раскроется намъ вѣрованіе въ посмертную жизнь усопшихъ при разсмотрѣніи обыкновеній, сопровождавшихъ ихъ погребеніе и поминки.

Рядомъ съ этимъ, первобытнымъ и грубымъ, представленіемъ было и другое, по которому душа, существо воздушное, вѣтеръ, птица или огонь, оставляетъ тѣло и отлетаетъ въ воздушную область: выше мы имѣли уже поводъ отмѣтить чешское выраженіе: *души на зеленомъ лугу пасутъ* (или пасутся?) *пѣтушковъ*, и объяснили его въ смыслѣ грозовой воздушной сферы, гдѣ пребываютъ души усопшихъ; другія чешскія выраженія, обозначающія кончину, указываютъ на то же самое представленіе: душа «съ *дикими гусями* (миѳическое обозначеніе плывущаго облака) свѣтъ стережетъ», она «съ *Мелюзиной* (литературное замѣненіе древней *облачной* бѣлой дѣвы или *облака*) *соль лижетъ»* [2]). Когда Краледворская рукопись говоритъ о *черной ночи*, въ которую Морана усыпила (или прогнала) Власлава, то здѣсь можно разумѣть не простое, описательное обозначеніе смерти, а донесенный языкомъ отголосокъ древняго миѳическаго представленія о покрытой облаками, туманной странѣ

1) Отчего гробъ и называется *домомъ, домовищемъ, домовиною*; *итти домой* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русской земли значитъ *умереть*, см. Буслаевъ: письмо къ пр. Соловьеву, приложенное при первомъ изданіи 2-го т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, стр. 20.

2) Grohmann. Aberglauben aus Böhmen. P. 1864, p. 234; Hanuš. Děva zlat. bohyně Slovanův, P. 1860, p. 4.

усопшихъ; равнымъ образомъ эпическій мотивъ души, которая *порхаетъ по деревьямъ*—въ древности могъ имѣть болѣе широкій смыслъ пребыванія души въ сферѣ воздушной, на небесныхъ *деревьяхъ* (облакахъ); народныя повѣрья, подъ вліяніемъ локализаціи, представляютъ новорожденныхъ младенцовъ сидящими на деревьяхъ [1]), на вѣтвяхъ играютъ и Мавки-Русалки, которыя первоначально были облачными олицетвореніями душъ усопшихъ, впослѣдствіи же получили значеніе *рѣчныхъ* и *лѣсныхъ* существъ. Понимая облака, какъ небесныя *горы*, фантазія помѣщала въ нихъ и души усопшихъ: по преданіямъ многихъ славянскихъ племенъ—Мавки, Вилы, Людки, Кроснята, эти поэтическія олицетворенія душъ, живутъ въ горахъ или въ горныхъ пещерахъ, въ горы же уходятъ и богатыри русскіе при своей погибели [2]); въ моравской пѣснѣ о судномъ днѣ—испуганныя души усопшихъ садятся на *горы*, прося ихъ *овлажить* сердечко въ нихъ [3]). Вообще, въ поэтическихъ преданіяхъ славянскаго язычества, какъ и въ преданіяхъ другихъ родственныхъ племенъ, почти нѣтъ такихъ образовъ, которые, олицетворяя явленія воздушной природы, не связывались бы, прямо или косвенно, съ представленіями душъ усопшихъ и не принимали бы въ себя ихъ особенностей; населивъ воздушную сферу душами, язычникъ заставлялъ ихъ раздѣлять судьбу природы: онѣ воплощаются въ ея образы и дѣйствуютъ, какъ элементарные духи огня, вѣтра, тучъ и. т. д.

Но какъ разнообразіе природной жизни отражалось въ умѣ и фантазіи человѣка-младенца измѣнчивымъ разнообразіемъ пред-

---

1) Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи о новорожденныхъ младенцахъ говорятъ, что они найдены сидящими на *деревьяхъ*. Cf. Induceкъ въ Časopis'ѣ. I. c. p. 4—5. Индо-европейское происхожденіе этого представленія прекрасно объяснено Куномъ въ его соч. Herabkunft des Feuers. B. 1859, p. 70, 235 и *его же:* Sagen, Gebräuche etc. aus Westfalen. I, 1859, p. 240—1.

2) L. Siemieński. Podania, Legendy. P. 1845, p. 123—4; Wahylewič въ Časopis'ѣ česk. M. 139, p. 59; Arkiv za pov. jugoslav. I (1851), p. 90 sq.; Гильфердингъ въ Этнографическомъ Сборникѣ. V (1862), 149.

3) Sušil. Moravske národni pisně. 1853, p. 42.

ставленій, такъ и судьба міра усопшихъ и мѣсто ихъ пребыванія не имѣли въ его понятіяхъ строго опредѣленнаго, установившагося характера. Страна усопшихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ носитъ названія: *рая*, *нави* и *пекла*.

Этимологія слова *рай* указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень raj, отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употребляется въ Ведахъ [1]), и преданія славянскаго язычества подтверждаютъ это знаменованіе. *Рай*, *Ирій*, *Вырій* †, по преданіямъ чеховъ и хорутанъ, былъ жилищемъ Солнца=Хорса, Кърта ††; оно лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на твердомъ островѣ (рус. Буянѣ); сюда отходитъ Солнце, окончивъ свое дневное шествіе, здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и улетаютъ птицы, здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю, здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей, еще не рожденныхъ. По нѣкоторымъ преданіямъ это блаженное жилище душъ находится на высокой *стеклянной* или *желѣзной* горѣ (образъ свѣтлаго облака или голубого небеснаго свода) и представляется зеленымъ лугомъ или цвѣтущимъ садомъ, полнымъ блаженства и обилія [2]).

---

1) Обстоятельное изслѣдованіе о значеніи этого лингвическаго корня можно найти въ статьѣ M. Müller'а въ Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. t. XII (1862) pag. 27—30.

† Ирій и Вырій только иныя лингвистическія формы слова *рай*, прямо происшедшія отъ того же корня, только въ иной формѣ *arj*. Санскр. *svarga*= рай, небо не безъ основанія можно относить сюда же: *su—arj*=прекрасносвѣтлое небо.

†† Ст. г. Срезневскаго: Объ обожаніи солнца у др. славянъ. Ж. М. Нар. Просв. 1846 № 7, стр. 50.

2) Срав. выше, стр. 77. Срезневскій. I. c. p. 43; Аѳанасьевъ. Времен. Общ. ист. и древн. к. 9 (1851), стр. 11 слѣд.; Шейковскій. Бытъ Подолянъ. К. 1860, II, 24. Срав. также новгородское преданіе о земномъ раѣ на высокой горѣ, окруженномъ свѣтомъ *самосіяннымъ* и исполненномъ ликованія, въ Соф. Временникѣ, I, М. 1820, стр. 330 (посл. арх. Василія къ Ѳеодору).

То же представленіе соединялось, вѣроятно, и съ понятіемъ *нави:* въ старинныхъ памятникахъ славянской письменности (древне-славянскихъ, русскихъ и чешскихъ) это слово нерѣдко употребляется для обозначенія страны усопшихъ, *навь, навье*= мертвецъ, пришлецъ съ того свѣта, *унавити* = умертвить [1]; древній корень слова до сихъ поръ остается гадателенъ [2]), но, кажется, онъ долженъ былъ обозначать представленіе воздушнаго моря: на это указываетъ лингвистическое сходство *нави* съ родств. nâva, νηο, navjs=корабль и съ корнемъ пар, откуда лат. Nep-tûnu-s и nimb-u-s=облако. Облачное пребываніе усопшихъ видно и изъ того, что въ чешскомъ *Велесова* (бога тучепокровителя) страна помѣщается *за моремъ* [3]); народныя пословицы говорятъ о покойникахъ, что они находятся по той *сторонѣ рѣки* или моря (млр. по тимъ боцѣ); въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ Ангела поплыть «до батенька (умершаго) по *морю*» и принести отъ него вѣсти [4]). Потому—нельзя сомнѣваться, что мѣстопребываніемъ душъ усопшихъ, по народнымъ понятіямъ, была сфера воздушная, солнечная и облачная страны. При полной жизни и веселіи природы и жизнь предковъ представлялась уму славянина-язычника—радостною, но когда мрачныя тучи облегали небо, онъ приходилъ къ мысли о мукахъ, которыя терпятъ

---

1) Востоковъ и Miklosich—Словари ц.-сл. яз. sub voce *навь; Jungmann:* Slownik sub. v. *nava, unaviti; Даль.* Тлк. Сл. п. сл. *навь.* Въ н. болгар. *навякъ*= птица, въ которую обращаются умершіе дѣти.

2) Такимъ корнемъ во всякомъ случаѣ нельзя признать *naç* или др. *nak*= necare, cf. νέχυς, какъ принимаютъ первые европейскіе лингвисты (Боппъ, Поттъ, Кунъ, Курціусъ и др.), ибо тогда будетъ необъяснимъ переходъ к—ç въ гот. u и слав. в; нѣтъ причинъ также считать славянское слово заимствованнымъ отъ готовъ (Miklosich. Fremdwörter in d. Slavisch. Spr. p. 41). Превосходную лингвистическую критику всѣхъ доселѣ бывшихъ мнѣній представилъ Гаттала въ статьѣ «Původ gotskeho *naus* a slovanského *navi*» въ журн. Krok, 1864, pag. 166—172, 211—214. Авторъ производитъ слово отъ корня *nu*, чтó и совершенно вѣрно относительно славянской области, но въ арійскомъ значеніе этого корня не согласуется съ понятіемъ слав.-готск. *нави*.

3) Jungmann. Slownik. V, p. 57.

4) Сементовскій. О праздникахъ у Малороссіянъ, въ Маякѣ, 1843, т. XI, к. 21-ая, стр. 63.

души и отсюда, кажется, возникло понятіе о сумрачной странѣ (черной ночи) усопшихъ и о пеклѣ.

Лишеннымъ основанія, кажется, должно признать мнѣніе тѣхъ славянистовъ [1]), которые приписываютъ слову *пекло* — чужеземное, нѣмецкое † происхожденіе: противъ этого говорятъ и индо-европейская древность корня и широкое распространеніе термина почти у всѣхъ славянскихъ племенъ ††. Слѣдуя лингвистическимъ указаніямъ, позволительно думать, что слово *пекло* въ далекой языческой старинѣ не имѣло того исключительнаго смысла мѣста загробной муки, съ какимъ оно является въ преданіяхъ и суевѣріяхъ: корень *рак* (сан. раç.) обозначалъ просто дѣйствіе небесной теплоты, солнечныхъ лучей, небеснаго огня. *Пекло* = область горняя, гдѣ дѣйствуетъ небесная теплота и огонь; нетвердыя понятія древнихъ язычниковъ могли помѣщать души усопшихъ въ пеклѣ безъ всякой мысли о мукахъ, могли они соединять съ пекломъ и представленіе о мученіяхъ, такъ какъ самая природа, при борьбѣ своихъ элементовъ, терпѣла грозовыя, огненныя муки. Съ развитіемъ въ народѣ нравственныхъ понятій, съ опредѣленіемъ началъ правды, добра и зла — послѣднее представленіе о пеклѣ необходимо должно было взять перевѣсъ: безразличный образъ страны усопшихъ уже не удовлетворялъ мысли человѣка; страна блаженства, рай не могъ быть открытымъ для злыхъ, преступниковъ и враговъ, они *шли* въ *пекло*, гдѣ претерпѣвали мученія въ возмездіе за свои земныя дѣла; такъ мало по малу устанавливалось понятіе о пеклѣ, какъ огненной странѣ мученій. Этому поспособствовали два обстоя-

---

1) Копитара (въ Glagolita Clozianus. W. 1836, p. IX, XXIII) и Миклошича (Die Fremdwörter in den Slavischen. Spr. W. 1867, p. 49).

† Противъ нѣмецкаго происхожденія слова возражаетъ Я. Гриммъ въ своей рецензіи Копитаровой Глаголиты: Götting. gelehrte Anzeigen 1836, № 34—5, p. 331.

†† Обстоятельный лингвистическій разборъ слова и его распространеніе по славянскимъ нарѣчіямъ читатель найдетъ въ книгѣ г. Бодянскаго: О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855, стр. 238—242.

тельства: локализація воздушныхъ представленій и вліяніе христіанскихъ понятій о вѣчной загробной мукѣ грѣшниковъ.

Когда мысль человѣка низвела пекло съ неба подъ землю, страшный характеръ его долженъ былъ усилиться еще болѣе мрачными красками: страна подземная лишена дневного свѣта, этого источника радостей и веселія, она назначена не для жизни и наслажденій, а для вѣчнаго, бездѣятельнаго страданія; именно въ такомъ образѣ, утвержденномъ въ свою очередь и христіанскими понятіями, является пекло въ славянскихъ народныхъ суевѣріяхъ и преданіяхъ: это подземная страна, гдѣ злые духи мучатъ души злыхъ людей, погруженныхъ въ кипящую смолу (которая въ древне-славянскихъ памятникахъ и обозначается словомъ пекло, пъклъ пьколъ) или въ неугасаемый огонь [1]).

Локализаціей представленій о воздушной странѣ отцовъ должно объяснить тѣ, распространенныя въ славянскомъ мірѣ, повѣрья, по которымъ души усопшихъ или миѳическія ихъ олицетворенія: Вилы, Мавки, Русалки — живутъ въ рѣкахъ и горахъ [2]).

Устранивъ изъ запаса языческихъ преданій черты позднѣйшія и христіанскія вліянія, мы не найдемъ основаній полагать строгія границы между различными областями загробнаго міра, не найдемъ и опредѣленнаго, постояннаго мѣста для нихъ: рай, нава и пекло, кажется, обозначали въ старѣйшемъ язычествѣ одинъ и тотъ же предметъ, или вѣрнѣе—различные образы, въ какихъ падземная, облачная страна усопшихъ представлялась живой фантазіи язычника-славянина; опредѣляемые послѣднею, образы эти не имѣли твердости религіознаго догмата: разнообразіе и измѣнчивость ихъ необходимо зависили отъ разнообразія

---

1) Срезневскій въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1847, № 2, стр. 191—2. ст. О вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души.

2) О рѣчныхъ нимфахъ у славянъ говоритъ еще Прокопій (552), серб. хорут. *вилы* и болгарск. *самовилы*—живутъ то въ морѣ, то на облакахъ, то въ рѣкахъ, то въ горахъ (вила *отъ горы*).

явленій небесной сферы и отъ непостоянства юной мысли, которая не могла овладѣть и привести въ стройный порядокъ увлекавшаго ее богатства внѣшнихъ впечатлѣній [1]).

При такой нетвердости понятій о загробномъ мірѣ, языческіе славяне не могли имѣть и опредѣленной мысли о возмездіи [2]); правда—чувство родственной любви и уваженіе предъ добромъ населяли рай сонмомъ блаженныхъ, отвращеніе къ злу и пороку—усвоивало муки людямъ злымъ и врагамъ; но и добродѣтельные той страны могли терпѣть нужды и горести, и злые, и рабы могли быть въ раю, хотя какъ сила, назначенная на служеніе блаженнымъ отцамъ. Вообще, понятіе языческихъ славянъ о жизни въ загробномъ мірѣ было отраженіемъ земного быта и его условій: какъ здѣсь одни были свободны отъ тягостей и заботъ, другіе были рабами, такъ и въ жизни посмертной; въ періодъ юности народовъ понятіе добра опредѣляется отношеніями родственными или племенными и не выходитъ за черту ихъ; потому и въ томъ мірѣ, по понятіямъ языческихъ славянъ, враги и чужіе были рабами или вовсе исключались изъ блаженной жизни: народная мысль еще не доросла до признанія достоинствъ въ человѣкѣ, если онъ не принадлежалъ къ своему

1) Здѣсь мы позволимъ себѣ коснуться мнѣнія уважаемаго нами чешскаго археолога Ганушa: въ своихъ трудахъ по славянской миѳологіи онъ неоднократно выражаетъ мысль объ опредѣленности мѣста рая, который будто бы помѣщается на свѣтломъ, невидимомъ небѣ, за облаками, за стеклянною горою (Bajesl. kalend. 8—10, Sitzungsb. d. böhmisch. Gesellsch. 1865, II, p. 29, Děva, p. 24). Точно, рай помѣщался въ этой солнцевой странѣ; но помѣщался онъ и на облакахъ—горахъ, на островѣ среди воздушнаго моря; иначе—чѣмъ объяснить, что русская дѣвушка (у Ибнъ-Фоцлана, стр. 66—7) глядитъ въ колодезь и видитъ въ немъ зеленѣющій рай.

2) Нѣсколько отличное отъ нашего мнѣніе было высказано I. Иречкомъ Studia v oboru Mythologie české въ Časop. Mus. kral. česk. 1863, p. 15—17): онъ принимаетъ, что въ *навь*, по языческимъ понятіямъ славянъ, шли души добрыхъ людей, злые же и непріятели отправлялись въ царство *черной ночи;* относительно времени позднѣйшаго—различіе, быть-можетъ, и справедливо, но для времени древняго—едва ли; ибо нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сама *навь* не была страною *черной ночи:* и то и другое обозначали просто облачныя мѣста пребыванія усопшихъ.

роду-племени, подвигъ не цѣнился въ врагѣ или рабѣ: какъ врагъ—онъ велъ злую жизнь и терпѣлъ муки за гробомъ, какъ рабъ—онъ оставался рабомъ. Языческіе славяне были совершенно чужды понятія о загробной наградѣ за земныя горести и страданія: язычникъ уносилъ съ собой въ могилу твердую вѣру о продолженіи матеріальной жизни, именно той, которую онъ оставлялъ на землѣ; а какъ нужды были всегда удѣломъ человѣчества, то и загробная жизнь представлялась не свободною и не въ равной степени несвободною отъ нихъ; ибо одни имѣли достатокъ и слугъ, другіе ихъ не имѣли: это сирыя души; наконецъ, третьи сами несли рабскую повинность. Нуждамъ усопшихъ помогало благочестивое чувство живыхъ, оно начинало свою благотворительность у постели больного и продолжало ее до той поры, пока, по вѣчному закону природы, и само потребовало посмертной услуги.

Страна отцовъ отдѣлена отъ міра живыхъ воздушнымъ моремъ; чтобы достигнуть новаго жилища, душа или должна итти по *мосту*, *небесной дорогѣ*, подъ которой славянскія повѣрья понимаютъ то радугу, то млечный путь [1]), или переплыть по морю на ладьѣ; отмѣченный нами арійскій образъ небеснаго перевозчика встрѣчается и въ многочисленныхъ преданіяхъ славянскихъ племенъ. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ древности, у славянъ существовало представленіе о *проводникѣ* душъ, который сопровождаетъ ихъ на этомъ трудномъ пути и водворяетъ на мѣстѣ. Такимъ, кажется, былъ *Ній* или *Нія*, о которомъ упоминаетъ Длугошъ и котораго Гайкъ называетъ *Водцой* [2]).

---

1) Болгаре называютъ этотъ путь словомъ *влакненъ мостъ* (волокнистый), по немъ проходятъ души. См. Миладиновичи. Булгарск. нар. пѣсни. Загр. 1861, стр. 50; у хорутанъ радуга носитъ названіе *mavra* или *mavriza*, этимъ же именемъ обозначается *корова* и вообще *скотъ*, что̀ приводитъ насъ къ арійскому представленію о *тропинкѣ коровы* (стр. 173); въ областномъ русскомъ млечный путь носитъ названіе мышиныхъ *тропокъ* (т. е. дороги душъ).

2) Текстъ Длугоша «Plutonem cognominabant *Niia*, quem inferorum et animarum, dum corpore linquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni sedes *deduci*». ed. Huyssen, L. 1711. p. 37.

Переходя къ изложенію погребальныхъ обычаевъ, приведемъ къ общему итогу все доселѣ сказанное. Вѣря въ безсмертіе души, языческіе славяне имѣли разнообразныя и между собой несогласныя представленія о душѣ и посмертномъ ея существованіи: какъ огонь или существо стихійное, она улетала по смерти человѣка въ сферу надземную, гдѣ пребывала въ раю, навѣ, на облакахъ-горахъ, на островѣ, или носилась въ грозовыхъ, пламенныхъ тучахъ и вертепахъ пекла; какъ существо нераздѣльное отъ тѣла, она жила въ могилѣ съ мертвецомъ и жила тою же жизнью, что̀ и прежде, съ тѣми же потребностями, только лишенная дѣятельности, радостей и свѣта земнаго существованія. Разнообразіе и несогласіе такихъ понятій и представленій, естественно, должно было отразиться и въ погребальныхъ обычаяхъ, цѣль которыхъ была доставить покойнику средства счастливаго существованія, облегчить ему переходъ въ новое жилище и водвореніе въ немъ, словомъ—удовлетворить его загробныя потребности.

Старѣйшіе источники славянской древности не вводятъ насъ въ подробности языческихъ обычаевъ, которые имѣли мѣсто при кончинѣ человѣка, но что такіе обычаи существовали и были разнообразны—это доказываютъ современныя суевѣрія, изъ которыхъ многія отзываются глубокою стариной; находя соотвѣтствіе въ обычаяхъ другихъ родственныхъ племенъ, эти факты

Въ лингвистическомъ отношеніи имя *Нія* или *Ныя* не представляетъ препятствій къ сближенію съ *Нава*, отъ слав. корня *Ну* (ы=у). Не сюда ли относится и славянскій *Навать*, о которомъ однажды упоминается въ Супрасльской рукописи, Monum. l. palaeosl. ed. Miklosich, 1851, p. 266: «ω наѳане, чимъ дръзнѫвъ отъвѣштати хоштеши *наватомъ* поем'емъ», т. е. Смертью (замѣтимъ здѣсь, что Миклошичь почему-то не внесъ этого слова въ свой Lexicon ling. palaeoslov.); не къ этому ли лицу слѣдуетъ отнести и извѣстіе Массуди о богѣ Сатурнѣ (?) у славянъ; самый аттрибутъ его—*посохъ* или палка въ рукахъ, сближаетъ его съ Радамантомъ—проводникомъ. Charmoy. Relation de Massoudi, Mem. de l'Ac. t. VI, p. 320, или 24 от. от. Позднѣе, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, проводниками и перевозчиками душъ становятся ангелы или апостолы. Cf. Миладиновичи: Булг. нар. п. стр. 49—50; В. С. Караджиħ, Пјесме I, стр. 134—5.

славянскаго быта не могутъ быть не древни и случайны. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ.

Погребальный обрядъ въ областномъ (кур.) русскомъ носитъ характеристическое названіе *Правежа*: онъ понимается, какъ законная правда, какъ отправленіе долга въ отношеніи къ усопшимъ.

Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему была забота облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ, закрыть глаза ему или, какъ говорятъ малоруссы, доглядѣть смерти покойника; для этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Руси снимаютъ потолокъ надъ мертвецомъ или матицу, у болгаръ — снимаютъ все, что́ виситъ на потолкѣ, сметаютъ пыль, паутину, какъ бы съ той мыслью, что, имѣя предъ собою открытое пространство, душа легче выйдетъ изъ тѣла [1]); у словаковъ около Дармотъ трудно умирающаго окуриваютъ травой [2]), вѣря, что душа улетитъ вмѣстѣ съ дымомъ, такъ какъ по природѣ своей она родственна съ этимъ явленіемъ. Почти у всѣхъ славянскихъ племенъ бытуетъ обычай облегчать предсмертную борьбу положеніемъ умирающаго на полъ, на землю или на *солому*: на постелѣ онъ не легко разстается съ душей, иногда вовсе умереть не можетъ [3]); трудно понять, какая мысль создала этотъ обычай, но распространеніе и строгое наблюденіе его говорятъ

1) Вѣстникъ Европы, 1830 г., № 14—15 ст. Мухлинскаго, стр. 275; Воронеж. лит. Сборникъ, В., 1861. 317; Духъ Христіан. 1861—2, Дек. стр. 268; свѣдѣніе о болгарскомъ обыкновеніи сообщено Л. Каравеловымъ; срав. стр. 125 и Grimm's D. Myth. 1070, 1133, Gesch. d. Deutsch. Sp. (2-ое изд.) p. 83.

2) Časopis česk. Mus. 1859 г. p. IV, pag. 507, ст. *Божены Нѣмцовой*; въ связи съ этимъ находится мазурское гаданіе: если, при пріобщеніи больного въ церкви, *дымъ* отъ погашенной свѣчи *выйдетъ дверью*, то больной умретъ. Töppen. Aberglauben aus Masuren. D. 1867, p. 105.

3) Обычай распространенъ почти у всѣхъ славянскихъ племенъ (русскихъ, сербовъ, словинцовъ, словаковъ, мазуровъ), см. Авдѣева. Записки о стар. русск. бытѣ. Спб. 1842, с. 122, Arkiv za povjestn. jugoslav. II, 2, p. 361; Csaplovics. Croaten und Wenden, Pres. 1829, p. 121; *ejusdem*—Gemälde v. Ungern. P. 1829, II, 307. Božena Němcova въ Časop. česk. Mus. 1859, p. 507. Горчанскій въ Provinzialblätter (lausitz.) I, L. 1782, p. 250—2. Haupt a Smoljer, Průznicki l. Sersk. II, 251.

о его значительности: въ объясненіе его можно указать только на иные обычаи, гдѣ солома имѣетъ обрядовое, важное значеніе и даже носитъ поминальное названіе *дѣдухъ*[1]); у мазуровъ покойника кладутъ подъ окно на скамью, на которой также бываетъ разостлана *солома*[2]).

Какъ скоро человѣкъ скончался, немедленно отворяли окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водою, чтобы душа могла омыться и улетѣть †; славянскія преданія вообще связываютъ существо души съ элементомъ воды (первоначально—воздушной); у угорскихъ словинцовъ, по извѣстію Чапловича, когда больной кончался, ему лили на лицо воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси обмываютъ умирающаго еще заживо и даже думаютъ, что дѣлать это послѣ кончины — грѣшно; то же обыкновеніе наблюдается и у сербовъ въ Краинѣ[3]). Впрочемъ, душа не удаляется отъ тѣла до исполненія погребальнаго обряда и даже возвращается въ домъ по его совершеніи, почему въ Галичинѣ около Збруча на окно ставятъ кружку съ водой и хлѣбъ для покорма души; сюда же, вѣроятно, относится и обычай, замѣченный Гайкомъ (стр. 143), полагать на землѣ при умершемъ полъ печенаго хлѣба; у мазуровъ для отдохновенія души ставятъ въ домѣ стулъ и вѣшаютъ на дверяхъ платокъ[4]), послѣднее встрѣчается и у чеховъ. Породнивъ душу съ *огнемъ*, народная мысль

---

1) Потебня, О миѳич. значеніи нѣкотор. обряд. М. 1865, р. 73.

2) Töppen. Aberglauben. p. 106. Важное обрядовое значеніе *соломы* въ глубокой древности отмѣчено Куномъ въ его: Sagen, Gebräuche aus Westfalen. L. 1859 II, p. 109—110.

† Обычай—общераспространенный у всѣхъ славянскихъ племенъ. Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, P. 1864. p. 193. Галько, Народныи звычаи надъ Збручемъ, Л. 1862. II, стр. 38. Кулишъ, Записки о южной Руси, Спб. 1857, II. р. 284. Духъ Христіанина l. c. p. стр. 269; Этногр. Сборникъ, Спб. 1862, V, 80—1. Горчанскій — Provinzialblätter I, p. 252. Haupt a Smoljer. Próznicki, II, p. 251. Bož. Němcova. Časop. čes. M. l. c. p. 507.

3) Csaplovics. Croaten und Wenden in Ungern. P. 1829. p. 120. Воронежск. литерат. Сборн. В. 1861, стр. 317. Милићевић. Живот Срба селяка. Б. 1867, стр. 124—5. Arkiv za povjest. jugoslav. VII, 180.

4) Töppen, Aberglauben, p. 111; Grohmann, Aberglauben, p. 193.

выразила это и въ обычаѣ поставлять при усопшемъ *свѣчу*: обычай также указанъ еще Гайкомъ (*ib.*); у чеховъ онъ продолжается донынѣ, а равно и у галичанъ, въ другихъ мѣстахъ влагаютъ возженную свѣчу въ руки умершему [1]).

Съ кончиной кого-нибудь въ домѣ прекращается работа, чтобы не нарушить покоя усопшаго †: потребности живыхъ уступаютъ мѣсто исполненію долга къ усопшему: одни заботятся о томъ, чтобы *опрятать* его и снарядить въ *далекій путь*, другіе идутъ возвѣстить событіе смерти тому округу, которому принадлежалъ покойникъ, и исполняютъ то, чего онъ самъ не успѣлъ или не могъ исполнить; только для предотвращенія губительнаго вліянія смерти исполняются и нѣкоторые обряды *посторонніе*, посвященные земнымъ цѣлямъ и потребностямъ живущихъ.

У лужичанъ въ концѣ прошлаго вѣка, а у западныхъ лужичанъ и донынѣ—смерть оповѣщалась посредствомъ *черной палки*; ее брали у судьи, и она обходила деревню отъ сосѣда къ сосѣду, пока не возвращалась снова къ судьѣ, потому вмѣсто словъ «кто-нибудь умеръ» говорили: czorny kij dze wokol [2]). Возвѣщеніе смерти во всеобщее вѣдѣніе соблюдается и теперь въ нѣкоторыхъ юго-славянскихъ земляхъ (Болгаръ, Бокѣ Которской) и у мазуровъ: всѣ, даже совершенно чужіе и незнакомые люди, приглашаются отдать послѣднюю почесть усопшему [3])... Покойникъ, владѣлецъ дома и движимой собственности, по понятіямъ языческихъ славянъ, могъ увлечь съ собою могилу и все ему

---

1) Hanuš, Děva; p. 9. Галько, Народн. звычаи, II, стр. 38; Милиѣевиѣ, Живот Срба, p. 125; Снегиревъ, Русскіе прост. праздн. М. 1837, I, стр. 174.

† Почти повсемѣстно: у мазуровъ (Töppen, 106), сербовъ и хорватовъ (Милиѣевиѣ, p. 122; Arkiv II, 2, 364; III, 238), лужичанъ (Горчанскій, II, 71, Haupt a Smoljer, II, 251), чеховъ (Grohmann, 188), русскихъ (Шейковскій, II, 30; Духъ Христіан. 1861—2, ч. IV, p. 269).

2) Горчанскій въ Provinzialblätter, 1782, II, p. 71. Haupt a Smoljer. Próznicki II, p. 251.

3) Boué. La Turquie, II, 503. Княжескій. Приб. въ Жур. М. Нар. Пр. 1846, III, стр. 81. Töppen, Aberglauben aus Masuren, p. 103.

принадлежавшее; чехи вѣрятъ, что и послѣ погребенія онъ трижды возвращается къ своему дому и обходитъ его, сторожитъ, чтобы не приключилось какого несчастія оставленнымъ роднымъ [1]), на этомъ основаніи у мазуровъ новый хозяинъ дома, какъ скоро скончается старый, идетъ къ дому, хозяйскимъ строеніямъ, деревьямъ, домашнимъ животнымъ и возвѣщаетъ смерть прежняго господина и вступленіе во власть новаго—слѣдующими словами: «прежній господинъ умеръ—я теперь новый владѣлецъ вашъ»; то же исполняется у лужичанъ съ пчелами и домашнимъ скотомъ †.

Опрятываніе покойника имѣло цѣлью удовлетворить его загробныя потребности, которыя, по понятіямъ языческой старины, ни въ чемъ не отличались отъ потребностей земной жизни: вѣря, что мертвецъ продолжаетъ жизнь, люди снабжали его всѣмъ необходимымъ какъ для того, чтобъ онъ могъ безпрепятственно и нетрудно совершить далекій путь и достигнуть страны отцовъ, такъ и для довольства существованія, чтобы онъ не почувствовалъ нужды и лишеній и имѣлъ все, что́ пріобрѣлъ своимъ трудомъ и чѣмъ владѣлъ въ земной жизни: ему давали его собственность, особенно предметы имъ любимые или тѣ, на которыхъ сосредоточивалась его дѣятельность; чувство живыхъ иногда даже старалось удовлетворить и такимъ потребностямъ покойника, какихъ онъ не испыталъ при жизни или не удовлетворилъ ихъ, на этомъ основывался обычай посмертной женидьбы, замѣченный Массуди у славянъ 10-го вѣка (см. стр. 58 стр. и ниже).

Какъ въ славянской древности совершалось опрятываніе мертвеца, можно судить и по краткому извѣстію Ибнъ-Фоцлана и по многимъ народнымъ обычаямъ. По смерти русскаго купца, тѣло его вынесли изъ дому, опустили въ особую могилу съ

---

1) Grohmann, Aberglauben aus Böhmen, p. 193.

† Töppen, Aberglauben aus Masuren, p. 106., Haupt a Smoljer. Próznicki, II, p. 251.

крышею и занялись приготовленіями къ погребенію, шитьемъ платья и заботой о будущей женѣ покойника; всѣмъ этимъ распоряжалась особая старуха, главное лицо погребальнаго обряда (стр. 64—5). Мы замѣчали уже (стр. 74) соотвѣтствіе между извѣстіемъ Ибнъ-Фоцлана и разсказомъ Іорнанда о погребеніи Аттилы, тѣло котораго также было вынесено изъ дому и поставлено на полѣ подъ шатромъ; но можно ли здѣсь видѣть *обычный* фактъ славянской языческой жизни—сказать не рѣшаемся по совершенному отсутствію другихъ однородныхъ показаній; правда, Менецій (в. стр. 146) говоритъ, что русскіе поселяне Литвы имѣли обыкновеніе садить покойника, одѣтаго и обутаго, на сѣдло (на коня?), но это могло быть исполняемо и въ домѣ; въ народныхъ же обычаяхъ не встрѣчается рѣшительно никакихъ слѣдовъ предварительнаго выноса мертвеца въ поле: онъ лежитъ нѣкоторое время въ жилищѣ и отсюда прямо выносится на мѣсто погребенія. Если въ сообщеніи Ибнъ-Фоцлана позволительно видѣть обычай, то онъ можетъ быть объясненъ стремленіемъ поскорѣе удалить изъ среды живыхъ человѣка, которымъ овладѣла смерть. Очень много разнообразныхъ обычаевъ опрятыванія сохранилось въ современномъ бытѣ славянскихъ племенъ. Это дѣло кое-гдѣ и нынѣ состоитъ въ вѣдѣніи особой старухи; ее-то, кажется, Ибнъ-Фоцланъ называетъ *ангеломъ* (или богиней?) *Смерти*, а лужичане—*женою тѣла* (см. стран. 75), она омываетъ усопшаго, одѣваетъ его въ лучшую одежду и у словинцовъ сторожитъ его цѣлую ночь (žena pri lučici)[1]). Болгары, можетъ-быть не безъ причины, омываютъ покойника виноградныиъ виномъ, потомъ одѣваютъ его въ *вѣнчальное* платье и осыпаютъ цвѣтами; послѣднее наблюдается у сербовъ, словаковъ и русскихъ[2]) и, кажется, не по одному только жела-

---

1) Slavische Blätter, 1865, p. 8, pag. 377, Arkiv za povjest. VII, p. 315.

2) Княжескій, Обычаи Болгаръ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1846 (Приб.) к. III, стр. 81. A. Boué, La Turquie d'Europe. P. 1842, II, p. 503—4; В. С. Караджић, Montenegro, L. 184, p. 98; Rohrer, Die Illyrische Provinzen. W. 1812, p. 170.

нію украсить покойника, но и по особому понятію о связи растительной природы съ его душею (см. ниже). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца одѣваютъ въ особое *смертное платье*, саванъ или верхнюю длинную рубаху, которая у куявскихъ поляковъ и кашебовъ[1]) носитъ характеристическое названіе *zgło*, указывающее на древній языческій обычай *трупосожженія*; у южныхъ славянъ этотъ смертный покровъ надѣваютъ позднѣе, когда мертвеца опускаютъ въ могилу †. Для *далекаго пути* у чеховъ даютъ мертвецу сапоги на дорогу, которые онъ долженъ износить, пока достигнетъ жилища отцовъ ††. Со всевозможною заботливостью, часто мелочною, снаряжаютъ простолюдины-славяне своего покойника; особенно наблюдается, чтобы онъ былъ снабженъ *платкомъ и монетою*: первый повязываютъ на шеѣ (такъ о литовской Руси передаетъ Менецій, см. в. стр. 147) или за поясомъ, вторую влагаютъ въ руку мертвеца или завязываютъ въ тотъ же платокъ[2]). Простолюдины по своему объясняютъ эти обычаи: они говорятъ, что платокъ (=полотенце) нуженъ покойнику, чтобы отереть лицо, запыленное долгимъ путемъ; а монета затѣмъ, чтобы купить мѣсто на томъ свѣтѣ, или

---

1) Труды Курск. стат. комит. К. I, 1863, стр. 500. Osc. Kolberg, Lud. Jego zwyczaje, sposób życia etc. t. III, Warsz. 1867, p. 248; Записки геогр. Общ. Спб. 1867, стр. 589; Сборникъ кашебскихъ словъ *Цейновы* въ Матер. для сравнит. Словаря и Грамм. т. V, Спб. 1861, р. стр. 272. Обычай одѣвать мертвеца въ *саванъ* м. б. возникъ изъ наивнаго подражанія бѣлому савану воздушной сферы, тучъ, которымъ покрывались души усопшихъ. Ср. Mannhardt. Germanische Mythen. B. 1858, p. 654. Замѣчательно, что обычай одѣвать въ саванъ уцѣлѣлъ доселѣ при смертной казни; это подтверждаетъ замѣченную нами связь погребенія съ юридически-жертвенною казнью. См. выше стр. 31, слѣд.

† Boué, La Turquie etc. II, 504. Liubič. Običaji kod Morlakah. Z. 1846, p. 111.

†† Časopis českého Musea, ст. Housky, 1856, III, p. 63.

2) Töppen, Aberglauben aus Masuren, 108; Božena Němcova: Časopis česk. Mus. 1859, p. 507; Houška ibid. 63; Gołębiowski. Lud. Polski, W. 1830, p. 256; Шейковскій. Бытъ Подолянъ II, К. 1860, стр. 33; Кавелинъ, Собраніе сочиненій. М. 1859, т. IV, стр. 212; Этногр. Сбор. т. I, 1853, стр. 51; Горчанскій, Lausitz. Provinz. blätter. 1782, II, p. 71. Arkiv za povjest. jugos. II, 2, 362. Въ Малороссіи обычай давать платокъ мертвецу—повсемѣстенъ.

какъ плата ему за оставляемую собственность; но еще Гайкъ (стр. 142), Менецій (ib.) и Кленовичь (стр. 152), руководясь классическими указаніями, правильно поняли послѣдній стародавній обычай: это плата проводнику (Wuodcy) и перевозчику небесному (Plawcy), который переправляетъ душу, чрезъ великій потокъ или воздушное море; что же касается платка или полотенца, которое даютъ покойнику, то можно полагать, что и его назначеніе было не иное; въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не *полотномъ*, могъ заплатить покойникъ небесному перевозчику въ ту эпоху славянской жизни, когда еще не существовало монеты, какъ представителя цѣнности? На Руси подляссной въ руки умершаго кладутъ кусокъ *полотна*[1]), оно кое-гдѣ у бѣдныхъ поселянъ и нынѣ служитъ своего рода мѣновою монетою; вспомнимъ далѣе, что платокъ — употребляется, какъ *обычный* подарокъ — плата въ другихъ торжественныхъ случаяхъ жизни, при крестинахъ и свадьбѣ, и мы будемъ имѣть нѣкоторое право думать, что погребальный платокъ, полотенце или холстъ имѣли первоначально назначеніе служить платою, возмездіемъ за трудъ небеснаго кормчаго. Обычай перевозной платы наблюдается почти у всѣхъ славянскихъ племенъ: его, кажется, замѣтилъ и Ибнъ Доста у русскихъ язычниковъ 9—10 вѣка[2]); но у нѣкоторыхъ онъ выродился въ странное обыкновеніе закрывать деньгами глаза усопшаго, у другихъ монета бросается въ гробъ или могилу при самомъ погребеніи; говорить о древнемъ миѳическомъ происхожденіи обычая — не предстоитъ надобности (см. в. стр. 173).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у славянъ простолюдины не обрѣзываютъ ногтей мертвецу, или же собираютъ ихъ и кладутъ вмѣстѣ съ нимъ[3]); народъ довольно вѣрно толкуетъ обычай: ногти

1) Wójcicki. Zarysy domove, t. III, W. 1842, p. 333; Gołębiowski. l. c. p. 256.

2) Въ текстѣ Ибнъ-Досты (стр. 55) двусмысленность: неодушевленные предметы цѣнности могутъ и прямо обозначать деньги.

3) Шейковскій. Бытъ Подолянъ, II, 24—6; Кулишъ. Зап. о Южной Руси, т. II, стр. 288; Духъ Христіан. 1861—2, Дек. к. IV, стр. 170. Новгор.

нужны покойнику для того, чтобы съ помощью ихъ онъ легче могъ взобраться на крутую стеклянную или желѣзную гору, на которой стоитъ рай.

По свидѣтельству Менеція (стр. 147) женщинѣ-покойницѣ давалась въ руки *игла съ ниткой*, потому что этотъ предметъ былъ вседневнымъ занятіемъ ея жизни; въ средневѣковой юридической символикѣ прялка и кудель — обычный символъ хозяйки (Grimm, Rechtsalterth. 163, 171); такое же значеніе имѣетъ здѣсь игла, хотя не въ смыслѣ символа, а въ дѣйствительномъ значеніи предмета, необходимаго для посмертнаго занятія женщины; замѣтимъ, что иглы и прялки не рѣдко встрѣчаются въ могилахъ славянской территоріи [1]).

Смерть есть синонимъ горя и лишеній. Выраженіе скорби при смерти близкаго лица естественно вытекаетъ изъ чувства любви и нравственной привязанности и, конечно, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вошелъ въ семейныя и общественныя формы быта и узналъ нравственныя отношенія; потому выраженія печали: плачи, причитанія или нареканія по мертвымъ идутъ съ глубокой, незапамятной старины; они не только существуютъ сами по себѣ, но и признаны человѣкомъ за необходимость, введены имъ въ кругъ обычаевъ и освящены значеніемъ нерушимаго закона. *Жели, плачи* и *сѣтованія* [2]) по мертвымъ были прямою обязанностью его родныхъ и близкихъ: до сихъ поръ простолюдины у славянъ особенно уважаютъ и почитаютъ ту женщину, которая умѣетъ хорошо причитать по усопшемъ [3]); но эти естественныя выраженія чувства, въ силу общаго закона жизни обы-

---

Сбор. Нов., т. V., 1866, стр. 52; Врем. Общ. Ист. и Древ. к. VIII М. 1850, стр. 26; Миличевић. Живот. Срба. 107. Срав. Mannhardt: Germanische mythen. 1858, p. 336—7, 629 sq.

1) См. напр. Berichte d. Pommersch. Gesellsch. für Alterthumskunde, IV, p. 84—5.

2) *Желѣти*=плакать по мертвецѣ, желя=плачь. См. Опис. ркп. син. библіот. т. IV (1862) стр. 598, 66.

3) Arkiv za povjestn. jugoslavesku, VII, p. 279.

чаевъ (стр. 14—15), уже въ языческую старину во многомъ расходились съ дѣйствительностью и выражали не настоящую жизнь народа, но окаменѣлые, остановившіеся факты его далекаго прошедшаго. Съ такимъ характеромъ они кое-гдѣ сохраняются и донынѣ.

Когда Ибнъ-Доста говоритъ о женахъ славянъ IX—X в., что онѣ изрѣзываютъ ножами свои руки и лица при смерти кого-нибудь изъ членовъ семейства (стр. 54), когда о томъ же погребальномъ *лицедраніи* и *кожикроеніи* упоминаетъ и Житіе Константина Муромскаго и Кадлубекъ (стр. 126, 104), то нѣтъ сомнѣнія, что это грубое, приличное лишь дикому состоянію человѣка, выраженіе печали внѣшнимъ терзаніемъ, не было естественною необходимостью жизни, но исполнялось отъ времени незапамятнаго по требованію стародавняго обычая; тѣмъ менѣе оно соотвѣтствуетъ жизни въ настоящее время и, однако, соблюдается еще у черногорцевъ и другихъ сербовъ — далматинцевъ [1]). Плачи и причитанія по мертвомъ начинаются съ его кончины и идутъ чрезъ все время погребальнаго обряда, повторяются и потомъ при обычныхъ поминкахъ. Причитаетъ, обыкновенно, жена по мужѣ, дочь по отцѣ и матери, мать и сестра по сынѣ и братѣ. Для исторіи погребальныхъ причитаній весьма любопытно постановленіе Муранскихъ статей 1585 г. на языкѣ словацкомъ, здѣсь въ XVII статьѣ предписывается: «*pohanské* nad mrtvým tělem *nařikani,* davikani, *kvileni*, rukoma lamani, které byva s vyčitovanim kde jakych skutků a učinků mrtvého spojeno, ma se preč zanechati» [2]). Сила народнаго обычая была такъ велика и обязательна, что и сирота не оставался безъ нареканія: у словаковъ, когда умретъ какой молодой человѣкъ — сирота, надъ нимъ причитаетъ чужая дѣвушка, надъ

1) В. С. Караджић. Montenegro, St. 1837, p. 101; Boué. La Turquie d'Europe, P. 1840, II, p. 505; Liubič. Običaji kod Morlakah. Z. 1846, p. 111; Медаковић. Живот. и обичаи Црногораца. Н. С. 1860, 54.

2) Božena Němcová въ Časopis'ѣ Česk. Musea, 1859, pag. 508—9.

пожилымъ — женщина, по собственному ли вызову или по порученію[1]); у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ сохранился древній обычай нанимать плакальщицъ. Клёновичь говоритъ объ этомъ обычаѣ въ Червонной Руси XVI в. (стр. 151); словинцы нанимаютъ многихъ плакальщицъ, то же еще недавно дѣлалось въ Сербіи, Герцеговинѣ и Черногоріи[2]). Понятенъ этотъ обычай при смерти сироты, лишеннаго рода-племени, но какой смыслъ могъ имѣть онъ въ примѣненіи къ мертвому, у котораго были близкіе родные? Кажется, что его создало одно народное вѣрованіе, идущее изъ глубокой старины и распространенное и у славянъ и у многихъ индоевропейскихъ племенъ: *мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать*; слезы родныхъ не даютъ имъ покоя въ могилѣ, они тревожатъ ихъ призывами къ землѣ и земной жизни, призывами, которымъ не можетъ отвѣтить покойникъ, замершій и засыпанный тяжелою перстью; слезы родныхъ жгутъ ихъ, онѣ орошаютъ одежду мертвецовъ и дѣлаютъ ее невыносимою[3]); вообще принуждаютъ ихъ къ земнымъ страданіямъ и мученіямъ; потому при кончинѣ человѣка у словаковъ родные не плачутъ, чтобы *не заплакать* умирающаго, и чехи считаютъ необходимымъ послѣ плача по усопшемъ сожигать на огнѣ масло во облегченіе души

---

1) Ibidem. p. 508. Желая выразить великое сиротство человѣка, словаки говорятъ: «Nemá ho kto narickat».

2) Csaplowics. Gemälde v. Ungern, II, P. 1829, p. 308; Ejusd. Croateu und Wenden. P. 1829, 124—5; Liubič, Običaji kod Morlakah, 111; Arkiv za povjest. jugoslav. II, 2, 420. В. С. Караджић. Живот и обичаjи нар. српск. 154. Ejusd. Montenegro, p. 100.

3) Индо-европейское происхожденіе обычая указано А. Куномъ въ Wolf's Zeitschrit für d. Myth. p. I, 1853, p. 63—4; cf. Rochholz. Deutscher Glaube, I. B. 1867, p. 207—8. Grohmann. Aberglauben aus Böhmen. P. 1864 p. 192. Кулишъ. Записки о Южной Руси, II, 43, Časopis Českeho Mus. 1856, III, p. 63. Имѣетъ ли вѣрованіе миѳическое основаніе? Такъ кажется, судя по фактамъ, собраннымъ Куномъ: слезы, быть-можетъ, здѣсь метафоры дождя, которымъ обливается душа, витающая въ надземной сферѣ и терпящая страданія, но такое знаменованіе вѣрованія затемнилось еще въ глубокую старину, и оно получило житейскій смыслъ и примѣненіе.

его [1]). Но обычай требовалъ плача, и вотъ вѣрованіе примиряется съ обычаемъ тѣмъ, что усопшаго оплакиваетъ чуждая ему женщина, слезы которой не возмущаютъ его могильнаго покоя. Не смотря на то, что мертвящая сила обычая заковала естественное выраженіе родственнаго чувства въ постоянныя формы, она не могла совершенно осилить ихъ высокой внутренней правды и искренности и низвести ее на степень формальнаго обыкновенія: въ погребальныхъ *плачахъ* и *нареканіяхъ* славянскихъ племенъ мы встрѣчаемъ множество художественныхъ, поэтическихъ образовъ, поразительныхъ по теплотѣ и искренности чувства скорби. Причитанія, записанныя у Менеція и Клёновича (стр. 147, 151—27), хотя и древнѣйшія, мало даютъ понятія о внутренней красотѣ погребальной поэзіи славянъ; ее нужно искать у малоруссовъ и сербовъ, у первыхъ — для образца нѣжнѣйшаго чувства, у вторыхъ — какъ помянальную лѣтопись дѣлъ храбраго воина, заботливаго отца семейства и нѣжнаго брата [2]).

Воротимся къ теченію погребальнаго обряда.

Опрятавъ мертвеца, его клали на лаву, или усаживали на особомъ мѣстѣ: Менецій (стр. 146—7) говоритъ, что русскіе Литвы садили его на сѣдло, выражая тѣмъ или обычное его занятіе его жизни, или символическое надѣленіе покойника конемъ, на которомъ онъ долженъ совершить *далекій путь*; у мазуровъ тѣло мертвеца не полагаютъ на семейный столъ, боясь, что чрезъ это изъ семьи кто-нибудь умретъ [3]). Затѣмъ присут-

---

1) Časop. českeho Mus. 1859, 507, *ibidem.* 1856, III, 63. Жгучія, горючія слезы постоянный эпитетъ славянской народной поэзіи.

2) См. Метлинскій. Народныя южно-русскія пѣсни. К. 1854, 292—3. Сербскіе нареканія и *тужбалицы* собраны В. С. Караджичемъ: Живот. и Обичаи н. срп. 154—59. Они имѣютъ старинный эпическій характеръ, напоминающій похоронную пѣснь воиновъ Аттилы: прославляются дѣла и добродѣтели покойника, иногда разсказывается вся его жизнь. Ср. Arkiv za povjestnicu jugoslav. II, 2, 362.

3) Töppen. Aberglauben aus Masuren, 107. Въ Малороссіи и у Пинчуковъ мертвеца обыкновенно кладутъ на лавѣ подъ окномъ. Zienkiewicz. O Uroczyskach zwyczajach ludu pinskiego. Warsz. 1853, p. 33.

ствующіе, родные и близкіе покойника начинаютъ обрядъ прощанія. Къ нему приготовляется хлѣбъ и вино, люди *пьютъ чашу на добрую дорогу* усопшему. Совершался ли въ языческой славянской старинѣ такой обрядъ еще при жизни покойника — сказать трудно: слѣдуя указаніямъ источниковъ (стр. 106), позволительно полагать, что такое явленіе, не будучи твердымъ, необходимымъ обычаемъ, не представляло и никакого отступленія отъ житейскихъ заведенныхъ порядковъ: важно было не время совершенія обряда, но самый обрядъ.

Темно происхожденіе обычая *пить чашу на здоровье, счастье* и *благополучіе*[1]), но оставшіеся слѣды его даютъ право предполагать древній, религіозный его источникъ, по крайней мѣрѣ въ жизни это обыкновеніе является при особыхъ, торжественныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, ему придается смыслъ важный и необходимый[2]), который едва ли могъ вырости изъ будничнаго житейскаго явленія. По своимъ взглядамъ на покойника языческая старина могла и должна была желать ему благополучія и счастья: ему предстояла трудная дорога къ новому жилищу и цѣлая безконечная жизнь въ будущемъ, жизнь не свободная отъ нуждъ и горя, такихъ же, какія онъ имѣлъ и на землѣ; потому питье чаши было необходимымъ условіемъ языческаго погребальнаго обряда. Ибнъ Фоцланъ говоритъ (стр. 65), что у русскихъ язычниковъ одна часть имущества назначалась именно на покупку напитка; преданія, записанныя у Кадлубка и въ Повѣ-

---

1) Выскажемъ наше *предположеніе:* не стоитъ ли этотъ обычай въ связи съ первобытнымъ воззрѣніемъ на благодѣтельную, плодотворную силу *дождя*, этого божественнаго напитка, низведеннаго съ неба на землю, гдѣ его замѣняетъ древняя Сома или Медъ; понятіе о плодотворности, здоровьѣ и силѣ этого питья могло вызвать обыкновеніе пить на здоровье. Въ былинахъ и сказкахъ богатырь, напившись воды-дождя, получаетъ громадную силу; простолюдины до сихъ поръ приписываютъ дождю здоровую, молодящую и цѣлительную силу и потому умываются и часто пьютъ дождевую воду.

2) Hanuš. Bajeslovny kalendař slovansky. P. 1860 p. 57—8. Прекрасное изслѣдованіе объ этомъ обычаѣ у племенъ нѣмецкихъ см. въ книгѣ Zingerle: Johannissegen und Gertrudenminne. W. 1862.

сти временныхъ лѣтъ (стр. 106, 116—17), также свидѣтельствуютъ объ этомъ обычаѣ языческой древности; Менецій (стр. 147) передаетъ, что у русскихъ поселянъ Литвы 16-го в. питьемъ собственно открывался погребальный обрядъ; по извѣстію Маршалка (стр. 138) у мекленбургскихъ славянъ XV—XVI в. въ домѣ умершаго, до выноса тѣла, собирались люди и цѣлую ночь проводили въ питьѣ и бесѣдѣ (о покойникѣ); въ современномъ бытѣ поселянъ, почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, вино, питье чаши составляетъ предметъ первой необходимости: у южныхъ славянъ пьютъ всѣ собравшіеся въ домѣ покойника, то же наблюдается у словаковъ, поляковъ и русскихъ [1]); у мазуровъ обрядъ совершается не просто, но съ нѣкоторою древнею торжественностію, чередуясь съ погребальными пѣснями [2]). Такую же важную роль имѣетъ въ погребальныхъ обычаяхъ и хлѣбъ: мы видѣли (стр. 207), что онъ поставлялся при мертвомъ; у Пинчуковъ, когда мертвеца снимутъ съ лавы, на которой онъ лежалъ, ее посыпаютъ *житомъ* и кладутъ хлѣбъ, гдѣ лежали плечи покойнаго; около него по обѣ стороны садятся женщина и дѣвушка, иногда всѣ садятся вокругъ хлѣба и, при выносѣ тѣла, подскакиваютъ и причитаютъ, да будетъ мертвецу такъ хорошо на томъ свѣтѣ, какъ онъ добръ былъ для людей на землѣ [3]). Обычай осыпать жилище и особенно мѣсто, гдѣ лежалъ мертвецъ, зерновымъ хлѣбомъ — существуетъ у простолюдиновъ Червонной и Малой Руси †; онъ имѣетъ, конечно, очистительное значеніе: жизнь (жито) возвращала силу тому, что осквернилось прикосновеніемъ смерти.

Такимъ образомъ прощаются съ усопшимъ, желая ему счастливаго пути.

---

1) Boué. La Turquie d'Europe, II, 505; Bózena Němcova въ Časop. česk. Mus. 1859, p. 507; Kolberg. Lud, jego zwyczaje. W. III, 1867, p. 249.

2) Töppen. Aberglauben aus Masuren, 103—4.

3) Zienkiewicz. O Uroczyskach i zwyczajách ludu Pinskiego. W. 1853, p. 33.

† Вѣст. Европы, 1830 г. № 15, стр. 275; Кавелинъ. Собр. сочиненій, т. IV, стр. 213; Воронеж. Бесѣда 1861, стр. 221.

Источники славянской древности ничего не говорятъ о томъ, сколь долго тѣло покойника стояло въ домѣ и оставалось непогребеннымъ; это зависѣло отъ обстоятельствъ: хоронили, какъ скоро исполнено было все, что́ необходимо для погребенія, т. е. когда усопшій былъ прилично снаряженъ и простился съ родными и друзьями, такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ показанія Ибнъ-Фоцлана.

У большинства славянскихъ племенъ тѣло мертвеца въ настоящее время полагается въ *гробъ*; но кажется, что обыкновеніе это не было непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова [1]) и то, что у нѣкоторыхъ племенъ, напр. болгаръ, тѣло опускается прямо въ землю [2]); равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника [3]). Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства: тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* †. Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и *погребаемый*: его, какъ свидѣтельствуютъ Ибнъ-Доста (стр. 55), Массуди и множество могилъ ††, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе у языческихъ славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ, выдолбленныхъ *колодъ*,

---

1) *Гробъ*-собственно *вырытое* мѣсто (готск. graban, лит. grabas), могильная комната, потомъ переносно—ящикъ, въ которомъ хоронятъ мертвеца. Въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ (П. С. р. л. I, 135, 137) и въ нынѣшнемъ малорусскомъ; Гриммъ (Göttin. gelehr. Anz. 1836, p. 335) считаетъ это слово заимствованнымъ славянами отъ нѣмцевъ; даже не принявъ этого мнѣнія, должно принять, что значеніе слова, какъ погребальнаго ящика, не древнее.

2) Княжескій. Прибавл. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846, III, стр. 84.

3) В. С. Караджиѣ. Montenegro. L. 1837, p. 99.

† Мощи Никиты пересл. были найдены въ берести (Милют. Минея Май, 1294).

†† Kalina v. Jäthenstein. Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber etc. P. 1836, p. 123; Дерпт. газ. *Inland* (ст. Брандта) 1850, № 46; Weinhold. Die heidnische Todtenbestattung, 1859, pag. 10, 49—8.

въ которыя прятали мертвеца; въ древнемъ и нынѣшнемъ областномъ русскомъ гробъ часто носитъ названіе колоды †; такія колоды Калина находилъ въ языческихъ могилахъ чешской территоріи *†, да и самый обычай былъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка замѣченъ Чапловичемъ у словинцовъ около Пожеги: срубливали дуплистое дерево, отесывали его, и мертвое тѣло втискивали въ средину его [1]); раскольники Черниговской губ. донынѣ дѣлаютъ гробы непремѣнно изъ цѣльной колоды [2]).

Вынось мертвеца изъ дому у славянъ совершался также не безъ особыхъ знаменательныхъ дѣйствій; такъ, можно полагать, что кое-гдѣ, подъ вліяніемъ мысли, что смерть не должна знать входа въ жилище живыхъ, мертвеца выносили чрезъ разобранный помостъ или въ окно (стр. 124—5). Прощаніе покойника съ домомъ у угорской Руси въ Верховинѣ выражается тѣмъ, что гробомъ стучатъ объ уголъ избы или о порогъ воротъ, у сербовъ въ Сеосскомъ округѣ три раза выносятъ и вносятъ тѣло изъ воротъ и дверей, у чеховъ стряхиваютъ носилками надъ порогомъ или дѣлаютъ ими крестъ на немъ [3]). Что̀ значили первоначально эти темныя дѣйствія — рѣшить трудно, такъ помутились обычаи, переживъ многія тысячелѣтія; но изъ нихъ ясно какое-то соотношеніе мертвеца съ семейнымъ порогомъ, подъ

---

† Между такими колодами положено было тѣло убитаго князя Глѣба (Сильвестр. спис. листъ 93—4), тѣло Якова Боровицкаго, по словамъ его житія въ Милютинскихъ Минеяхъ (окт. стр. 127), плыло Мстою въ колодѣ безъ верху (сооб. И. С. Некрасовымъ): въ областномъ русскомъ гробъ часто называется *колодою.* см. *Даль.* Толк. Словарь в. р. яз. sub voce.

*† Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze... p. 123; Giesebrecht въ Baltische Studien, St. 1847, XII, II, p. 63 sq.; Weinhold. Heidnische Todtenbestattung, p. 24, и въ 24 Bericht d. Schlesw. Holstein. Lauen. Gesellsch. Kiel. 1864, p. 10.

1) Csaplovics. Slavonien und z. theil Croatien. I, P. 1819, p. 185.

2) Домонтовичъ. Чернигов. губерн. Вѣд. 1865, 539.

3) Biedermann. Die Ungarischen Ruthenen. Inns. 1862, I, 80; Arkiv za povjestnicu jugoslavensku VIII, (1865) p. 216; Časop. čes. Museum, 1856, III, p. 63; Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, p. 189; Галько. Народныи звычаи. Л. 1862, II, стр. 38; Gołębiowski. Lud polski, W. 1830, p. 256.

которымъ, по понятіямъ древности, обитали стражи семьи и родного крова, домашніе пенаты, души прежнихъ отшедшихъ отцовъ. Нѣсколько яснѣе представляется слѣдующее, родственное съ предыдущими, суевѣрное обыкновеніе мазуровъ: вынося тѣло, на порогѣ кладутъ *сѣкиру*, также на дорогѣ, гдѣ оканчивается владѣніе покойника, кладутъ два *топора* крестообразно и проносятъ чрезъ нихъ тѣло †; у лужичанъ *сѣкира* кладется на гробъ покойника ††. Въ Воронежской губерніи (Острогож. уѣзда) по выносѣ мертвеца кладутъ подъ порогъ какую-нибудь желѣзную вещь, чаще всего *топоръ*, и потомъ всѣ выходятъ на нѣкоторое время изъ хаты [1]). Это обыкновеніе можетъ быть объяснено очистительнымъ значеніемъ молота — топора (молніи); но для того, чтобы понять значеніе предыдущихъ обыкновеній, считаемъ не лишнимъ сопоставить съ ними одинъ фактъ жизни древне-сѣверныхъ народовъ.

Въ Эддѣ (Gylfaginning) Торъ освящаетъ костеръ Бальдура — своимъ *молотомъ*, въ пѣснѣ Атарваведы о погребальномъ обрядѣ употребляется слѣдующая формула при зажженіи погребальнаго костра: «съ молотомъ молніи (=vajra) отправляю я Агни, пожирателя тѣлъ, въ міръ *отцовъ*» [2]); далѣе, *молотомъ* въ индо-европейскихъ преданіяхъ освящается бракъ [3]) и право владѣнія, граница межа †††. Молотъ (сканд. mjöllnir) — обычный символъ молніи, небеснаго огня; а такъ какъ земной огонь, по понятіямъ древности, былъ только воплощеніемъ небеснаго, слетѣвшаго на землю ††††, то значеніе молота или сѣкиры при погребеніи стано-

† Töppen. Aberglauben aus Masuren, p. 109.

†† Горчанскій въ Provinzialblätter (lausitzische). L. 1782, I, p. 249.

1) Воронежская Бесѣда на 1861 г. Спб., стр. 221.

2) См. ст. Mannhardt'а въ Zeitschrift für deutsche Mythologie, Gött. 1859, p. 295—8.

3) Почему и насъ кузнецы куютъ свадьбу.

††† Grimm. Deutsche Mythologie, p. 164. *ejusd.* Kleinere Schriften II, p. 55—6, статья Deutsche Grenzalterthümer.

†††† Какъ прекрасно объяснено Куномъ въ его книгѣ: Die Herabkunft des Feuers. B. 1859.

вится ясно: онъ символизировалъ молнію; погребальный костеръ возжигался земнымъ огнемъ, молотъ же служилъ, какъ знакъ небеснаго происхожденія этой очистительной стихіи; сверхъ этого, какъ мы видѣли (стр. 190), самая душа въ образѣ молніи могла отлетать въ царство усопшихъ. Не безъ значенія и та черта погребальнаго обычая, что молотъ или сѣкира полагалась на *порогѣ* и на *границѣ владѣнія* усопшаго: проходя чрезъ нихъ, онъ какъ бы передавалъ свою собственность другому владѣльцу †.

Мертвеца, имѣющаго отъ роду болѣе 20 лѣтъ, у сербовъ *обжигаютъ* смертною свѣчею по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ тѣла, гдѣ ростетъ волосъ; потомъ, предъ самымъ выносомъ тѣла, чрезъ ту же свѣчу выжигаютъ гробъ порохомъ, сѣрой и паклей [1]) — это суевѣрные, ослабѣлые остатки нѣкогда былого обычая: полагать въ могилу полусожженное или обожженное тѣло [2]) и выжигать мѣсто погребенія покойника [3]).

Въ день выноса тѣла изъ дому у лужичанъ присутствующіе угощаются пивомъ и даже поминальнымъ обѣдомъ, у сербовъ, словаковъ и чеховъ иногда въ головы мертвеца кладутъ кусокъ хлѣба, который и раздѣляется потомъ между тѣми, кто былъ на погребеніи ††; сербы за мертвецомъ несутъ два новыхъ кувшина, въ одномъ вода, въ другомъ — вино съ масломъ, у

---

† Къ этой области вѣрованія относится и слѣдующій обычай при окуриваніи скота въ Ворон. губерніи: зажегши костеръ, обходятъ его, и *старый* крестьянинъ съ *топоромъ* выходитъ впередъ и бросаетъ его чрезъ скотъ въ костеръ. Воронежскій литературный сборникъ. В. 1861, стр. 388.

1) Милићевић. Живот. Срба Селяка. Б. 1867, p. 125.

2) Обычай подтверждается многими могилами. См. Weinhold. Todtenbestattung, p. 96; Giesebrecht въ Baltische Studien. St. 1847, XIII, II, 77, 59, 81, 90; 3 Bericht d. Pommr. Gesellschaft f. Altrth. St. 1828 101—2; Brandt, ст. въ газетѣ Inland, 1850, № 46.

3) H. E. Tyszkiewicza. Rzut oka na zródła Archéologii, p. 6; Sacken. Leitfaden z. Alterthumsk. W. 1865, p. 67. (о чешскихъ могилахъ); Giesebrecht l. c.

†† Горчанскій. Provinzialblätter 1782, I, p. 250; Časopis českeho Musea, 1859, 507.

послѣдняго привѣшивается калачъ пшеничнаго хлѣба; во время отпѣванія это все стоитъ у головы покойника, а затѣмъ полагается въ гробъ и погребается въ землѣ †.

При самомъ выносѣ мертвеца изъ дому у мазуровъ выпускаютъ изъ хлѣвовъ весь домашній скотъ, чтобы онъ могъ проститься съ хозяиномъ ††; вслѣдъ за погребальнымъ ходомъ у русскихъ за Днѣстромъ наблюдался слѣдующій обычай: жена покойника хватала новый горшокъ и разбивала его о-земь, потомъ, по слѣду процессіи посыпала дорогу овсомъ *†; послѣднее, конечно, имѣетъ значеніе очищенія дороги, по которой прошла смерть; но что̀ значитъ битье горшка: было ли это символическимъ выраженіемъ мысли, что домашняя собственность не переживаетъ своего хозяина, или что усопшій разорвалъ свою связь съ хозяйствомъ [1]), вытекало ли это дѣйствіе изъ какой другой мысли — рѣшить не беремся по недостатку основаній; во всякомъ случаѣ обычай не можетъ назваться новымъ и незначительнымъ.

Слѣдуя указаніямъ русскихъ лѣтописей можно думать, что къ мѣсту погребенія покойника вывозили на *саняхъ* [2]), отсюда и древне-русское выраженіе на *саняхъ сидѣть* = приближаться къ могилѣ, стоять у дверей гроба [3]); но подъ этимъ словомъ едва ли можно понимать сани въ теперешнемъ значеніи: это былъ, какъ полагалъ Успенскій †††, родъ особой повозки, покойной и небольшой, на ней ѣздили и лѣтомъ ††††, ее же съ мертвецомъ иногда

† Милиħевиħ. Живот Срба, p. 125.

†† Töppen. Aberglauben aus Masuren, p. 109.

*† Czerwinski. Okolica za-dniestrska, Lw. 1811, p. 260.

1) Такой смыслъ имѣлъ напр. символико-юридическій обычай разламыванія *палки* судьей (Grimm. Rechtsalterthümer, p. 136—7); битье горшковъ въ свадебныхъ обычаяхъ, кромѣ символическаго смысла потери дѣвства, могло имѣть и значеніе разрыва съ прежней дѣвичьей жизнью.

2) П. Собр. рус. лѣтоп. I, 56, 70, 78, 86, II, 4, 220.

3) Въ Поученіи Мономаха: «на далечи пути да на *санѣхъ* сѣдя». Ib. I, 100.

††† Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Х. 1818 (2-ое изд.) стр, 140, not.

†††† Полн. Собр. русскихъ лѣт. II, подъ 1194, ѣздили на санѣхъ и раненые, ib. подъ 1276.

поставляли въ церкви †. Усопшаго вывозили или выносили до могилы; боясь мертвящаго вліянія смерти, галичане не употребляютъ для этого кобылъ: онѣ будутъ неплодны, а везутъ волами или конями *†; у хорватовъ есть обычай употреблять на этотъ случай не своихъ, но чужихъ коней, сосѣднихъ; ибо покойникъ можетъ взять съ собою въ могилу свою собственность **†. Если умершій былъ воинъ, за его тѣломъ вели его коня *†*, вели, конечно, за нимъ и коровъ и другихъ животныхъ, назначенныхъ для его посмертнаго служенія (см. стр. 182, 66); Маршалкъ и Менецій сохранили намъ любопытнѣйшія черты погребальныхъ проводовъ покойника (стр. 138, 147): мекленбургскіе славяне у Гавельгейды провожали его съ пѣснями и пляской (choreis); жена слѣдовала за тѣломъ мужа, наряженная въ свое лучшее *подвѣнечное* платье, какъ будто бы дѣйствительно совершался не печальный обрядъ, но веселая свадьба; намъ не покажется странною эта веселость, если вспомнимъ, что языческая древность имѣла иныя, совершенно отличныя отъ нынѣшнихъ, воззрѣнія на усопшаго: онъ былъ только переселенцемъ, здѣсь праздновалось это событіе; былъ онъ человѣкъ женатый — за нимъ слѣдовала жена, холостаго же — женили по смерти; такъ что веселыя проводы славянъ мекленбургскихъ могутъ быть приняты за отголосокъ древней посмертной свадьбы. Мы возвратимся къ ней немедленно. Менецій рисуетъ совершенно иную картину: провожатые озабочены мыслью, что душа покойника можетъ подпасть власти злыхъ духовъ, что ее увлекутъ они въ пекло, и она не успѣетъ насладиться счастіемъ послѣдней почести, не будетъ ея свидѣтельницею; потому грознымъ полчищемъ, на ко-

† Ibidem I, подъ 1074; II подъ 1288.

*† Галько. Нар. звычаи въ околиць подъ Збручемъ. Л. 1862, стр. 38.

**† Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. VII, 196, p. 215.

† Объ этомъ есть темный намекъ въ Кіевской лѣтописи подъ 1171 г., о Кн. Андреѣ Володимировичѣ; Николай Криштофъ Радзивилъ завѣщалъ, чтобъ за его гробомъ не вели *коней*. См. Maciejowski. Polska pod wzgledem obyczajów. W. 1842, t. IV, 54, cf. pag. 52.

нях и съ обнаженными мечами, ѣдутъ проводники русскаго покойника 16-го вѣка, оберегая душу его отъ враждебныхъ насилій. Таковъ, какъ кажется, смыслъ извѣстій Маршалка и Менеція.

Похоронный обрядъ совершался, кажется, *до захода солнечнаго*. Гайкъ разсказываетъ, что когда умерла княжна Груба, князь, слѣдуя тогдашнему обычаю[1]), не позволилъ ее похоронить по *заходѣ солнца* (XXVII f. ed. princ.); существованіе такого обычая подтверждается и нѣкоторыми русскими свидѣтельствами[2]): вопросъ Кирика (12-го вѣка) къ еп. Нифонту объ этомъ предметѣ, вызываетъ со стороны послѣдняго христіанское объясненіе[3]), но нѣтъ причинъ полагать, что и самый источникъ понятія былъ христіанскій, ибо на это нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній; для язычника же обычай имѣлъ опредѣленный смыслъ: въ пути солнечномъ онъ видѣлъ подобіе своей собственной жизни, солнце служило для него указателемъ дороги въ страну отцовъ (стр. 176); похороненный послѣ заката солнечнаго, онъ оставался во мракѣ безъ путеводителя и легко могъ заблудиться; сверхъ этого, жизнь древняго человѣка опредѣлялась жизнью солнца: съ восходомъ его начиналась дѣятельность и оканчивалась съ заходомъ, народныя суевѣрія до сихъ поръ считаютъ всякое дѣло по заходѣ солнца несвоевременнымъ, безуспѣшнымъ и даже опаснымъ; тѣмъ болѣе несвоевремененъ былъ тогда важный обрядъ погребенія. Эта мысль, пройдя чрезъ множество вѣковъ, удержалась кое-гдѣ и доселѣ въ народныхъ понятіяхъ: подоляне не хоронятъ усопшихъ по закатѣ, сербохорваты предъ опущеніемъ тѣла въ могилу открываютъ гробъ, чтобы его *огрѣло* яркое солнце[4]).

---

1) Т. е. по суевѣрному обычаю 16-го вѣка. См. стр. 144 наш. изслѣдованія.

2) Карамзинъ. Истор. Государ. Россійск. т. II, примѣч. 228. Памятники Россійской Словесности XII в. М. 1821 стр. 184.

3) ... «То бо послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія».

4) Шейковскій. Бытъ Подолянъ, II, стр. 30, Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. II, 2, 363. Какъ на исключеніе, можно указать на погребеніе Свято-

Душа мертвеца, по понятіямъ славянскаго язычества, слѣдовала за тѣломъ: Краледворская рукопись изображаетъ душу Власлава порхающею по дереву до поры, пока не сожгутъ тѣло (стр. 108); по вѣрованію болгаръ — душа въ образѣ птички или бабочки летитъ за тѣломъ до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребенія; по совершеніи его, она отправляется съ своимъ проводникомъ (ангеломъ) въ далекій путь[1]); мазуры также думаютъ, что до погребенія душа находится вблизи тѣла и даже бываетъ видима; за гробомъ она слѣдуетъ, сидя на верхней его части, и улетаетъ по окончаніи обряда; на основаніи такого вѣрованія провожающіе мертвеца бросаютъ на встрѣчный перекрестокъ или границу пучекъ соломы, чтобы душа могла отдохнуть[2]).

Отсюда становится яснымъ важное значеніе погребальнаго обряда у языческихъ славянъ: онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться, иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга (см. стр. 34)[3]).

Пока совершается погребальный обрядъ, двери дома покойника остаются отворены, но никто не смѣетъ войти въ нихъ съ дурною цѣлію[4]); совершаются очищенія отъ присутствія смерти; постель, на которой лежалъ покойникъ, у русскихъ поселянъ (Орл. губ.) выносится на три дня къ пѣтухамъ для опѣванія[5]); у хорватовъ же — въ поле; солома, служившая для смертнаго

славовыхъ воевъ у Доростола: оно происходило ночью при полномъ свѣтѣ луны (см. стр. 79), но это обстоятельство достаточно объясняется исключительно военнымъ положеніемъ дружины: днемъ обрядъ могъ быть нарушенъ нападеніемъ непріятелей.

1) Сообщено Л. Каравеловымъ. Замѣтимъ, что и у кашебовъ существуетъ повѣрье, что душа до погребенія не покидаетъ тѣла и сидитъ на домовой трубѣ въ образѣ птицы. Mannhardt. Roggenwolf... D. 1866, p. 70.

2) Töppen. Aberglauben aus Masuren, p. 108—9.

3) Обстоятельное разсужденіе о блудныхъ душахъ можно найти въ ст. J. Иречка Studia v. oboru Mythologie česke, Časop. česk. Mus. 1863, p. 5—7.

4) Töppen. l. c. 109.

5) Кавелинъ. Собраніе сочиненій. М. 1859, т. IV, 213, стр.

одра, сожигается въ полѣ †, избу посыпають житомъ; словомъ, стараются уничтожить всѣ слѣды губительной смерти.

Проводивъ мертвеца до могилы, остановимся на нѣкоторыхъ историческихъ соображеніяхъ о предыдущемъ.

Весь ходъ погребальнаго обряда съ кончины до похоронъ представленъ нами на основаніи позднѣйшихъ свидѣтельствъ и суевѣрныхъ обычаевъ, бытующихъ у простого народа: древніе источники даютъ слишкомъ мало указаній на эту вводную часть обряда языческой славянской старины; но и обычаи не многимъ вознаграждаютъ насъ: доведенные силою непрерывнаго преданія до нашего времени, они почти не удержали ясныхъ историческихъ помѣтъ, съ которыми когда-то присутствовали въ жизни: мы замѣчаемъ въ нихъ черты древнихъ понятій и вѣрованій, видимъ исконное, постоянное смѣшеніе двухъ противоположныхъ воззрѣній на посмертное существованіе (земное и воздушное); но мы не можемъ подмѣтить историческаго движенія жизни въ обычаяхъ и опредѣлить степень древности послѣднихъ; а — нѣтъ сомнѣнія — эти измѣненія существовали, какъ существовали во время язычества и мѣстныя различія въ погребальномъ обрядѣ у особныхъ славянскихъ племенъ, различія, которыхъ мы также не можемъ услѣдить въ наличномъ содержаніи науки. Эпоха жизни осѣдлой, земледѣльческой, послѣдняя по времени, такъ сказать, покрыла здѣсь всю предшествовавшую исторію, все разнообразіе бытовыхъ условій: образъ непосѣднаго странника — кочевника, звѣролова или пастуха стадъ скрывается совершенно; мы не знаемъ, что́ дѣлали славяне, проходя эти формы быта (если только они проходили ихъ!), съ своими усопшими, какъ они *опрятывали* ихъ и снаряжали въ *далекій путь*; но изъ доселѣ осмотрѣнныхъ обычаевъ намъ ясенъ образъ земледѣльца, привязаннаго къ родному крову, знающаго цѣну осѣдлой, прочной жизни и чтущаго *хлѣбъ*, какъ предметъ священный, хранящій живыхъ отъ губительнаго вліянія смерти.

---

† Arkiv za povjestnicu jugoslav. II, 2, p. 361. То же у поляковъ Куявы, Kolberg. Lud. jego zwyczaje. etc. W. 1867, p. 248.

Пойдемъ далѣе. Гдѣ воздавали языческіе славяне погребальную почесть своимъ мертвецамъ, въ какихъ мѣстахъ хоронили они останки усопшихъ, руководились ли они въ этомъ случаѣ какою опредѣленною мыслью, или это было дѣломъ случайности, личной воли и личныхъ соображеній? Судя по всѣмъ, доступнымъ намъ, источникамъ древности, должно полагать, что и здѣсь дѣйствовалъ обычай, а слѣдовательно и опредѣленное, непроизвольное начало.

Изъ глубочайшей древности доносятся къ намъ глухіе отголоски, позволяющіе мечтать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы: тамъ кое-гдѣ и теперь хоронятъ *некрещенныхъ* младенцевъ (стр. 34), тамъ — по повѣрьямъ — живутъ домашніе пенаты-покровители, которыми становились души предковъ; примѣръ прочихъ народовъ какъ будто даетъ поддержку этой догадкѣ [1]); ничего противоестественнаго, несогласнаго съ понятіями и порядками языческой жизни не имѣетъ она и сама по себѣ, ибо мощи родителей составляли домашнюю почитаемую святыню, на которой основывалось благосостояніе дома. Тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся высказаться утвердительно и, за недостаткомъ болѣе ясныхъ указаній, оставляемъ вопросъ до будущихъ открытій и новыхъ соображеній.

Держась положительныхъ свидѣтельствъ, мы находимъ, что балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ *по лѣсамъ* и *по полямъ* («in silvis et in campis», v. p. 93, 101); по лѣсамъ — въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста [2]), по полямъ же, кажется — не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія земледѣльца. Этимъ понятіемъ

---

1) Fustel de Coulanges указываетъ въ своей книгѣ (La Cité antique, P. 1866 г. p. 32.) на свидѣтельство Сервія, который говоритъ, что обычай хоронить мертвыхъ въ самомъ домѣ идетъ изъ временъ глубокой старины.

2) См. ст. Bernhardi въ Jordan's Jahrbücher für slavische Literatur 1844, № 1, pag. 21—6.

можно объяснить и замѣченный «Повѣстью врем. лѣтъ» русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ на *путяхъ* (стр. 121, 123), ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничными стражами ея стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Потому, кажется, что въ славянской языческой старинѣ не было опредѣленнаго обычая хоронить мертвецовъ на общемъ кладбищѣ: кладбища были семейныя или родовыя, общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени; такъ позволительно заключать и изъ того, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ не существуетъ древняго термина для обозначенія общей усыпальницы [1]); археологическія раскопки съ своей стороны предлагаютъ этому подтвержденіе: могилы славянскихъ земель стоятъ или *одиночно или группами* (семейными), кладбища встрѣчаются рѣдко [2]), и существованіе ихъ достаточно объясняется высказаннымъ выше соображеніемъ. Мѣстомъ покоя усопшихъ языческіе славяне иногда избирали *горы* (см. в. стр. 99, 118, 138); могло быть, что и обычай образовался не безъ соучастія мысли о пребываніи душъ усопшихъ въ горахъ (= небесныхъ облакахъ), что древнее миѳическое представленіе отвердѣло въ житейское обыкновеніе; но возможно также, что оно опредѣлялось желаніемъ помѣстить прахъ знаменитаго покойника на видномъ, памятномъ мѣстѣ, чтобы онъ служилъ въ вѣчное назиданіе всѣмъ мимоидущимъ (см. стр. 100).

«Рабу не оказываютъ погребальной почести, бѣднаго человѣка погребаютъ просто, но когда умретъ какой-нибудь знатный,

---

1) Слово *буй, буйвище* употребляется въ русскихъ грамотахъ для обозначенія кладбища, но значеніе это — переносное: буйвище, буянъ — собственно мѣсто, поросшее высокой травой, притомъ этотъ терминъ обозначаетъ уже христіанское кладбище.

2) Kalina v. Jäthenstein, Böhmens heid. Opferplätze p. 11, 38, 155; Brandt въ газ. Inland. 1850, № 46. Указанное нами явленіе повсемѣстно и не требуетъ доказательствъ: каждое обстоятельное описаніе раскопки можетъ представить ихъ; что же касается до Вендскихъ кладбищъ, то о нихъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ по причинамъ, объясненнымъ на стр. 161—3.

его хоронятъ торжественно, вмѣстѣ съ имуществомъ, слугами и женой». Вотъ общій, предварительный выводъ, какой можно сдѣлать о характерѣ погребальнаго обряда языческой славянской старины; потому, чтобы понять частные порядки обряда, мы необходимо должны остановиться на нѣкоторыхъ историческихъ соображеніяхъ объ условіяхъ общественной жизни и общественныхъ понятій у славянъ въ до-христіанскую эпоху.

Императоръ Маврикій говоритъ о томъ, что славяне имѣли мягкія формы рабства [1]); другіе, болѣе поздніе, свидѣтели указываютъ на торговлю рабами и на жестокое обращеніе ихъ съ плѣнными [2])... Для объясненія этого мнимаго противорѣчія нѣтъ нужды, думаемъ, прибѣгать къ предположенію о чужеземномъ вліяніи [3]), которое будто бы внесло въ свободолюбивую жизнь славянъ чуждое имъ начало рабскихъ отношеній: вопросъ разрѣшится проще и естественнѣе, когда мы приведемъ на память различія быта и его условій у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Мирные земледѣльцы не имѣютъ суроваго рабства: взявшись за мечъ по случаю, ради собственной обороны, они также случайно добываютъ рабовъ и дѣлаютъ ихъ пособниками своей жизни: рабъ становится у нихъ работникомъ и какъ бы принадлежитъ семьѣ; не то бываетъ у племенъ воинскихъ: здѣсь рабъ служитъ предметомъ добычи и обогащенія, онъ цѣнится, какъ вещь и, внѣ вещной цѣны своей, не имѣетъ никакого значенія. Эти двѣ формы фактическаго † рабства существовали и у славянъ: одни, преданные земледѣльческимъ занятіямъ, не имѣли, какъ кажется, и жестокаго рабства; другіе, воины или воинственные торговцы, привыкнувъ къ суровой жизни, и съ рабами обходились сурово,

---

1) У Шафарика. Starožitn. 2 vyd. 1863, II, p. 694.

2) Напр. Гельмольдъ, Chronic. Slavor. II, cap. XIII.

3) Макушевъ: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. Спб. 1861, p. 148.

† Говоримъ *фактическаго*, ибо юридическое, закономъ установляемое, рабство является позднѣе и подводитъ подъ одинъ уровень прежнія бытовыя различія формъ рабства.

признавая въ нихъ предметъ выгоднаго сбыта или вѣчнаго, низкаго слугу. Выражалось ли это различіе чѣмъ-нибудь въ погребальныхъ обыкновеніяхъ — источники не указываютъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что у языческихъ славянъ рабы не получали той погребальной почести, какую оказывали человѣку свободному: Ибнъ-Фоцланъ говоритъ (стр. 64), что русскіе, въ случаѣ естественной смерти раба, вовсе не заботились о немъ и оставляли его на произволъ судьбы; явленіе было совершенно въ порядкѣ древняго быта; погребальный обрядъ имѣлъ цѣлью обезпечить будущее существованіе покойника, — что же могло вызвать такую заботу о рабѣ-иноплеменникѣ, который при своей жизни цѣнился только, какъ рабочее орудіе или предметъ торговли! Могла вызвать такую заботу мысль о необходимости погребальнаго обряда для *человѣка* вообще, но юныя племена не доросли до этой мысли: для нихъ не существовало нравственныхъ обязанностей внѣ семейства и рода-племени, они не признавали въ *рабѣ человѣка*! Рабы включались въ погребальный обрядъ, но на столько, на сколько входили въ него и всѣ прочіе предметы домашняго хозяйства; они предавались смерти и погребались вмѣстѣ съ свободнымъ покойникомъ для того, чтобы и въ загробной жизни служить его нуждамъ и потребностямъ; такъ Ибнъ-Фоцланъ передаетъ, что у русскихъ съ умершимъ сожигались обыкновенно отроки или рабыни; Массуди говоритъ то же о сербахъ и болгарахъ дунайскихъ (стр. 58—9); Левъ Діаконъ — о вояхъ Святослава, умертвившихъ плѣнниковъ надъ тѣлами своихъ собратьевъ (стр. 79—80). Въ виду этихъ фактовъ намъ становится понятенъ *отважный* страхъ русскихъ воиновъ, чтобы не попасть живыми въ руки непріятеля (стр. 83—3): они предпочитали временную смерть вѣчному рабскому существованію, ибо ставъ плѣнниками и рабами, они думали, что останутся ими «въ сь вѣкъ и въ будущій». Обычай погребать заживо отроковъ и дѣвушекъ съ ихъ господиномъ у Ибнъ-Фоцлана является уже въ ослабленной, смягченной формѣ: у нихъ предварительно спрашиваютъ на то согласія; но въ бо-

лѣе отдаленную и болѣе грубую старину, конечно, обходились безъ этого и не требовали добровольнаго согласія, какъ не потребовали его отъ своихъ плѣнниковъ и воины Святослава. Замѣтимъ къ этому, что и Массуди ничѣмъ не намекаетъ на свободу выбора между жизнью и смертью!

Но не одни рабы шли въ могилу за господиномъ: шла туда и порабощенная жена за владыкою мужемъ. Мы сказали *порабощенная,* потому что не можемъ иначе объяснить этого варварскаго обычая, какъ крайнимъ общественнымъ порабощеніемъ женщины, которое отозвалось и ея порабощеніемъ умственнымъ. Импер. Маврикій (стр. 42) и св. Бонифацій (стр. 46) объясняютъ это обыкновеніе преданностью къ мужу, чистотою нравовъ народныхъ и сознаніемъ безпомощнаго состоянія вдовы по смерти мужа; такая безграничная преданность жены едва ли могла существовать у народа, живущаго въ формахъ полигаміи; равнымъ образомъ сознаніе безпомощности положенія вдовы едва ли, своею единственно силою, могло довести женщину до самопожертвованія; здѣсь очевидно дѣйствовала мысль болѣе сильная и рѣшительная: женщина думала, что она создана только для мужа, какъ созданъ рабъ для господина; она вѣрила, что только чрезъ мужа, т. е. вмѣстѣ съ нимъ, она можетъ войти въ рай и блаженствовать; потому, по словамъ Массуди, такъ пламенно желала послѣдовать за мужемъ въ могилу... Чтобы дойти до такого понятія, чтобы увѣрить себя въ собственномъ ничтожествѣ и рабскомъ назначеніи, необходимо пережить цѣлые вѣка самой тяжелой и унизительной жизни, необходимо чувствовать полную и постоянную зависимость отъ мужа..... И кажется, что обратить это чувство въ необходимую привычку или обычную мысль, женщина могла только не въ мирной жизни земледѣльца-поселянина, гдѣ и по смерти мужа она находила мѣсто, какъ мать своихъ дѣтей, посреди долгой и непрерывной воинской жизни, гдѣ она присутствовала только въ качествѣ рабыни и предмета физической необходимости. Умиралъ мужъ, должна была умереть и жена, и не потому только, что существованіе ея ока-

зывалось совершенно лишнимъ, но и потому, что оно было необходимо для умершаго мужа: владѣлецъ бралъ съ собою собственность ради удовлетворенія своихъ потребностей. Мы не хотимъ этимъ сказать, что тѣ вѣка славянской жизни, отъ которыхъ дошли къ намъ свидѣтельства о самопожертвованіи женщинъ, имѣли именно такой суровый характеръ: жизненное явленіе совершалось тогда уже не по необходимости, а по обычаю, и доказательствомъ тому служитъ обстоятельство, что женамъ предоставлено было право добровольнаго выбора между жизнью и смертью; но безъ предшествующихъ вѣковъ полнаго господства войны и грубой силы, не могъ возникнуть и самый обычай. Впрочемъ, и во время историческое положеніе вдовы не было отрадно: въ мужѣ она лишилась защитника и сама, не привыкнувъ къ самостоятельности въ дѣйствіяхъ, не могла справиться съ тревогами жизни, въ которой обычный законъ все обезпечивалъ мужчинѣ и, кажется, ничего не обезпечивалъ женщинѣ. Обычай славянскихъ женщинъ умирать на гробѣ мужа засвидѣтельствованъ древними и несомнѣнными источниками; его замѣтили: въ VI в. Маврикій у славянъ византійской Имперіи, въ VIII—Бонифацій — у славянъ балтійскихъ, въ IX-X Ибнъ-Доста — у славянъ (карпатскихъ?) и русскихъ, въ X—Массуди и Ибнъ-Фоцланъ — у славянъ русскихъ, сербовъ и болгаръ дунайскихъ, въ X—XI Левъ Діаконъ—у русскихъ воиновъ, наконецъ — въ XI в. его указалъ Титмаръ — у славянъ польскихъ. Такимъ образомъ, почти у всѣхъ славянскихъ племенъ существовалъ этотъ суровый обычай; и теперь, кажется, память о немъ, какъ неясный сонъ, виднѣется въ народныхъ понятіяхъ и въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи. Болгаре думаютъ, что мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ и по смерти, потому женщины рѣдко выходятъ во второй разъ замужъ, а равно и дѣвушка рѣдко выходитъ за вдовца: она останется одинокою на томъ свѣтѣ, потому что мужа отыметъ первая жена[1]); то же думаютъ

1) Сообщено Л. Каравеловымъ.

и сербы; въ моравскихъ народныхъ пѣсняхъ мертвецы, мужья или женихи, подымаются изъ могилъ и уводятъ съ собою своихъ женъ и невѣстъ[1]), наконецъ — русская былина прямо говоритъ, что богатырь Потокъ по смерти былъ схороненъ съ живою женою (стр. 57).

По извѣстію Массуди (стр. 58), если у славянъ (словѣнъ?) и русскихъ кто умираетъ холостъ, его женили по смерти; основываясь на этомъ показаніи, можно догадываться, что русскіе купцы въ Булгарѣ, обычаи которыхъ описалъ Ибнъ-Фоцланъ, выдавали замужъ дѣвушку за своего покойника. Съ этой точки зрѣнія мы и позволили себѣ (стр. 76—78) объяснить нѣкорыя частности обряда. Какъ отголосокъ этого обычая должно, кажется, признать слѣдующія обыкновенія: въ Малороссіи умершую дѣвушку наряжаютъ, какъ подъ вѣнецъ, и къ погребальному обряду присоединяютъ свадебные; то же дѣлаютъ и при смерти парубка; у подолянъ есть убѣжденіе, что умирающимъ безъ *дружины* нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ; потому похороны парубка носятъ названіе свадьбы — *весилья* и совершаются съ свадебной обстановкой: употребляются квитки, вѣнки и платки. Умершей дѣвушкѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ платки несущимъ хоругви; для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, и такимъ *молодымъ* бываетъ какой-нибудь парубокъ: ему перевязываютъ руку *свадебнымъ платкомъ*, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до *хаты* (могилы). Съ той поры семья умершей считаетъ его зятемъ, а прочіе вдовцомъ[2]). У сербовъ, когда умираетъ юноша — момакъ, какая-нибудь дѣвушка одѣвается, какъ къ вѣнцу, беретъ два вѣнка и несетъ ихъ за гробомъ, ее провожаютъ два брачные деверя; при опущеніи мертвеца въ могилу, одинъ вѣнокъ бросаютъ на покойника, другой передаютъ

---

1) Милићевић: Живот Срба селяка, Б. 1867, р. 127; Sušil. Moravske narod. pisně. B. 1860, p. 791, 111, 188.

2) Шейковскій. Бытъ Подолянъ, II, стр. 23, 33; Свидницкій въ Основѣ 1861 г. № 11, стр. 52—3.

дѣвушкѣ, которая носитъ его нѣкоторое время, хотя она никогда не думала выйти замужъ за усопшаго[1]); наконецъ, самое уподобленіе смерти браку, столь обычное въ народной поэзіи, какъ бы указываетъ, что старина не находила страннымъ такое соединеніе двухъ разнородныхъ житейскихъ событій: для нѣкоторыхъ смерть была дѣйствительно бракомъ!

Погребались ли также заживо и *дѣти* съ родителями — изъ источниковъ не видно: умерщвленіе грудныхъ младенцевъ надъ тѣлами воиновъ Святослава могло быть вызвано не обычаемъ, но силою обстоятельствъ, положеніемъ военной дружины, гдѣ грудные сироты были вполнѣ неумѣстны (стр. 85).

Частности похороннаго славянскаго обряда зависѣли отъ состоянія и образа жизни покойника: богатый и знатный и хоронился богато, бѣдный же — просто, съ удовлетвореніемъ только первыхъ необходимостей (стр. 64) загробной жизни; воинъ погребался съ воинскою обстановкой, земледѣлецъ, можно предполагать, съ земледѣльческою. Однимъ словомъ, загробный міръ, жизнь въ немъ и ея условія — въ понятіяхъ язычниковъ были тѣ же, что̀ и на землѣ: формы для понятія жизни вообще опредѣлялись окружающей дѣйствительностью, и жизнь загробная не представлялась и не могла представляться иначе, какъ въ формахъ, подобныхъ земному существованію и земнымъ житейскимъ порядкамъ.

Переходимъ къ погребальному обряду.

Неизвѣстно съ точностью, когда у славянъ совершалась погребальная *тризна*: предъ началомъ обряда, или по окончаніи его; держась письменныхъ свидѣтельствъ (стр. 41, 118), должно принять первое. Тризна отличалась отъ поминокъ, она была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристанія, игры или битвы. О такомъ воинственномъ характерѣ обычая свидѣтельствуютъ многіе источники древности

---

1) Милићевић Живот Срба селяка, p. 127.

(стр. 131—2). Тризна могла родиться и вырости не иначе, какъ среди воинскаго быта: только воину прилично отдавать прощальную честь усопшему собрату — воинской игрой или битвой; племена мирныя не знаютъ тризны и обходятся вмѣсто нея мирнымъ поминками; потому, кажется, не всѣ славяне имѣли этотъ обычай, какъ не всѣ были воинами; исторически засвидѣтельствовано существованіе его у русскихъ (стр. 74, 118, 126), чеховъ (стр. 131—2) и, если дать значеніе показанію Іорнанда (стр. 41), у славянъ южныхъ. Въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, сопровождалась ли тризна какими-нибудь военными пѣснями, на подобіе гимна, который пѣли воины Аттилы въ честь своего почившаго вождя; предположеніе наше, что подъ названіемъ «милыхъ словъ» Краледворской рукописи можно разумѣть тризненное причитаніе (стр. 113—14), есть догадка совершенно личная. Съ теченіемъ времени обычай тризны слабѣлъ, такъ что въ современныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ почти не сохранилось его отголосковъ [1]): онъ уступилъ мѣсто *стравѣ* или поминкамъ, которыя совершались въ заключеніе погребальнаго обряда [2]).

Трудно, почти невозможно рѣшить, былъ ли у древнихъ славянъ, съ той поры, какъ они выдѣлились изъ племеннаго единства и стали *особымъ* народомъ, былъ ли у нихъ обычай погребать своихъ мертвецовъ, отправляя ихъ на ладьѣ въ открытое море: есть, правда, слѣды существованія у Славянъ тѣхъ же понятій, которыя условили этотъ обычай [3]); есть какъ будто бы отголоски обычая въ томъ, что мертвеца хоронятъ въ ладьѣ

---

1) Если не признать за такой отголосокъ одну южно-русскую игру при погребеніи (бить лубка), о которой см. у Шейковскаго. Быть Подолянъ, II, стр. 28.

2) Кажется, она была и у поляковъ, по крайней мѣрѣ еще въ XVI в. князь Николай Радзивилъ завѣщалъ, чтобы на его погребеніи не ломали копій. Maciejowski. Polska, IV, p. 54.

3) Нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены нами въ ст.: Для сравнительной науки древности. М. 1865, (оттискъ изъ 1-го т. Трудовъ Московск. Археол. Общ.), стр. 37—8; сравни выше стр. 200.

(стр. 64 слѣд.), что самое слово *навье* этимологически указываетъ на лодку и море (стр. 199); но первое можетъ быть только воспоминанія древней, до-славянской эпохи жизни, послѣднее же еще не даетъ права заключать о житейскомъ, практическомъ обычаѣ; ибо мертвеца могли снабжать лодкою, назначая ее не для дѣйствительнаго, но для воздушнаго моря, которое ему предстояло переплыть, чтобы достигнуть страны отцовъ (см. стр. 172 — 3). Прямые источники нигдѣ не говорятъ о такомъ обычаѣ, да и самое исторически извѣстное положеніе славянъ, въ большинствѣ удаленныхъ отъ моря, не могло поддерживать его †; оттого, все, что́ мы можемъ сказать о существованіи у древнихъ славянъ обычая погребальной почести чрезъ отправленіе снаряженнаго мертвеца въ море, будетъ имѣть значеніе одной вѣроятности: такъ могло быть, потому что причины къ противному могли отсутствовать въ болѣе отдаленное время[1]).

Несомнѣнныя свидѣтельства древности указываютъ на два способа погребальной славянской почести: *погребеніе* въ собственномъ смыслѣ, т. е. похороны въ землѣ безъ сожженія, и *сожженіе* съ погребеніемъ праха. Естественно представляется вопросъ о причинѣ розни этихъ обычаевъ. Одни изслѣдователи объясняли явленіе историческимъ движеніемъ быта и обычаевъ: сожженіе усвоивали старѣйшимъ кочевникамъ, погребеніе — болѣе позднимъ племенамъ, земледѣльческимъ[2]); другіе угадывали причину въ религіозныхъ или имущественныхъ отношеніяхъ: полагали, что племена, сожигающія мертвыхъ, составляли какъ

---

† Ibidem, стр. 35, слѣд.

1) Пользуемся случаемъ, чтобы къ небольшому числу намековъ объ этомъ обычаѣ присоединить одно *народное преданіе* изъ Милютинскихъ Миней (октябрь, стр. 1277): тѣло Якова Боровицкаго плыло Мстою на льдинѣ, которая имѣла на себѣ «колоду (=гробъ) безъ верху кровли, и та горѣла». Сообщ. И. С. Некрасовымъ.

2) Это мнѣніе принадлежитъ Я. Гримму: Kleinere Schriften, II, стр. 217—18.

бы одну религіозную секту, погребающія же — другую[1]); что богатые люди предавались сожженію, бѣдные — погребенію... Недостаточность подобныхъ предположеній видна даже изъ простого перечня свидѣтельствъ.

Въ VIII вѣкѣ св. Бонифацій отмѣтилъ у славянъ балтійскихъ погребальный обычай *сожженія* (стр. 46).

Въ IX—X в. Ибнъ-Доста говоритъ о *сожженіи* у славянъ (карпатскихъ или польскихъ?) и *погребеніи въ землѣ* — у русскихъ (стр. 54—5).

Въ X в. Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ обычай *сожженія* у русскихъ въ Булгарѣ; сожигали *богатаго купца* и съ нимъ его рабыню, но Ибнъ-Фоцлану передали, что обычай *сожженія распространяется и на бѣдняка* (стр. 64 слѣд.).

Въ томъ же вѣкѣ Массуди говоритъ, что русь, славяне (словѣни) и сербы — *сожигали* своихъ покойниковъ, а болгаре дунайскіе и *сожигали* ихъ и предавали *погребенію* (стр. 58—9).

Въ томъ же вѣкѣ, по извѣстію Льва Діакона, воины Святослава сожгли своихъ павшихъ соратниковъ (стр. 79—80).

Въ царствованіе Мечислава († 992), какъ видно изъ словъ Титмара, въ Польшѣ существовалъ погребальный обычай *сожженія* (стр. 89).

---

1) Лелевель въ Numismatique du Moyen âge, t. III, P. 1835, p. 89 выражается слѣдующимъ образомъ о предметѣ: «Il paraît que les plaines de la Vistule nourrissaient les habitans partagés en deux rites qui divisaient—dit=on—la Scandinavie. Les Léchites, les Mazoviens, les Polaniens, les Lentchitzaniens, les Poméraniens, et les autres habitans des côtes de la Baltique, les Lutices, les Prussiens — brûlaient leurs morts. Dans toute cete étendue de pays, on retrouve d'immenses cimetières remplis d'urnes où des cendres humaines furent déposées et on y voit très rarement de simples ensévelissemens de corps de ces siècles reculés. Dans la Chrobatie on enterrait et on élevait très souvent des tertres moghila, des monticules, qui résistaient au dégât du tems, et on en voit çá et lá dans les pays de Sandomir, de Cracovie, de la Haute Silésie». Сравни также 105—6 стр. того же сочиненія. Мнѣніе, ни на чемъ не основанное, ибо ни одинъ источникъ древности не указываетъ на существованіе религіозныхъ сектъ въ славянскомъ язычествѣ. Столь же мало имѣетъ основаній и попытка Гизебрехта (Baltische Studien, St. 1844, X, 2, p. 109—115) опредѣлить религіозные культы въ способахъ языческаго погребенія.

Въ X—IX, по извѣстію «Повѣсти временныхъ лѣтъ», радимичи, сѣверяне и кривичи *сожигали* усопшихъ, поляне же и древляне — *хоронили* ихъ въ землѣ (стр. 121, 117—118).

Въ XII, по извѣстію составителя «Повѣсти» — обычай *сожженія* еще бытовалъ у вятичей (ib.).

Въ XIII вѣкѣ, Краледворская рукопись замѣтила въ языческой чешской старинѣ два погребальныхъ обычая: *сожженіе* и *погребеніе* въ землѣ (стр. 112—113).

Изъ этой регесты обычаевъ по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ древности — видно, что въ позднѣйшую эпоху язычества, не только у различныхъ славянскихъ племенъ, но и у одного и того же племени и у различныхъ вѣтвей его — одновременно употребляются разные погребальные обычаи, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ исторической преемственности; равнымъ образомъ нѣтъ слѣдовъ и того, что такая разница зависѣла отъ разности религіозныхъ понятій племенъ или матеріальнаго достатка покойниковъ; напротивъ, религіозныя понятія кривичей, сѣверянъ едва ли въ чемъ отличались отъ понятій древлянъ, а между тѣмъ эти племена имѣютъ различные обычаи погребенія; богатство же или бѣдность усопшихъ опредѣляли не самый обрядъ, но его внѣшнюю обстановку: бѣднякъ такъ же сожигался, какъ богатый, послѣдній былъ также погребаемъ въ землѣ, какъ и первый. Тѣмъ не менѣе причина различія должна была существовать, и ее можно предугадывать. Выше (стр. 180—1) мы имѣли поводъ замѣтить, что еще въ эпоху глубокой древности возникъ и распространился обычай сожженія тѣлъ; но что онъ не исключилъ совершенно старѣйшаго обычая погребенія въ землѣ, а бытовалъ совмѣстно съ нимъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что иначе было и въ послѣдующее время: если бы сожженіе окончательно вытѣснило похороны въ землѣ, то христіанство застало бы первый обычай повсемѣстнымъ, а этого не было; наоборотъ — если бы погребеніе въ землѣ пересилило обычай сожженія, то христіанство не могло бы застать сожженія, по крайней мѣрѣ оно застало бы его въ слабомъ образѣ частнаго явленія, а

не въ той силѣ, съ какою обычай этотъ имѣлъ мѣсто въ жизни народовъ средневѣковой дохристіанской Европы... Остается полагать, что какъ погребеніе въ землѣ, такъ и сожженіе бытовали совмѣстно и одновременно съ древнѣйшей эпохи до самой поры распространенія христіанства. Причина, почему одни употребляли одинъ, другіе — другой обычай, заключалась, какъ кажется, въ *семейной традиціи*; семьи или роды были хранителями стародавнихъ обыкновеній: тѣ, которыхъ предки, м. б. за нѣсколько тысячь лѣтъ, сожигали своихъ покойниковъ, тѣ и удерживали этотъ обычай непрерывно; другіе, въ силу той же привязанности къ семейной старинѣ, удержали обычай погребенія. Вѣроятность такого предположенія усиливается, когда мы припомнимъ, что у славянскихъ племенъ, за вычетомъ балтійскихъ, вѣрованія не успѣли сложиться въ религіозную систему, которая обыкновенно подводитъ все подъ единый уровень: славянское язычество, кажется, не знало религіозной нетерпимости, потому что не знало догматической, обязательной религіи; имѣя разнообразныя воззрѣнія на міръ, оно могло пользоваться и различными другъ съ другомъ несогласными, обычаями, которые никого не смущали и ни въ комъ не вызывали осужденія. Что такой фактъ дѣйствительно существовалъ, на это есть прямыя доказательства: при раскопкахъ нерѣдко встрѣчаютъ разные обычаи въ одной и той же могилѣ, возлѣ *сожженнаго* лежатъ иногда останки *погребеннаго*, иногда сожигаются только нѣкоторыя части тѣла; другія — хоронятся безъ сожженія [1]). По всему этому можно, думаемъ, позволить себѣ догадку, что различіе двухъ способовъ погребенія въ славянской языческой древности было различіемъ не вѣрованій или исторической жизни, а различіемъ преданія, хранившагося со временъ незапамятной древности въ отдѣльныхъ семьяхъ и родахъ: со-

---

1) См. Примѣч. на стр. 56; а также III Bericht d. Pomm. Gesellsch. f. Alterthumsk. St., 1828, p. 101-2; Ibid. VII, 1836, p. 21-2; Baltische Studien, XII, 2, 1846, p. 144 sq. Ibid. XIII, 2, p. 77, sq.

юзъ семей различнаго преданья чрезъ женидьбу можетъ служить объясненіемъ, почему одна и та же могила иногда принимала какъ сожженные, такъ и несожженные останки усопшихъ.

Традиціонная жизнь обычаевъ необходимо дѣлаетъ ихъ употребленіе безотчетнымъ: еще погребеніе въ землѣ, по своему простому, съ перваго взгляда понятному, назначенію и смыслу, должно было и употребляться сознательно; но обычай сожженія едва ли находилъ свое достаточное объясненіе въ понятіяхъ тѣхъ, кто имъ пользовался; по крайней мѣрѣ — сознательное его понимание не выразилось ни въ обычаяхъ, ни въ письменныхъ свидѣтельствахъ древности: объясненіе, какое давалъ ему русскій купецъ, разговаривавшій съ Ибнъ-Фоцланомъ (стр. 68), ничего не выражаетъ положительнаго: это общая фраза о важности обычая—не болѣе.

Покойнику погребаемому приготовляли посмертное жилище или домъ: вырывали въ землѣ могилу на подобіе просторной комнаты и полагали туда мертвеца (стр. 55, 59, 62). Такой могильный домъ изображаетъ намъ древнее русское стихотвореніе:

«А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень...
И тутъ Потокъ Михаило Ивановичь
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тоежь могилу глубокую,
И заворочали потолкомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми.. [1])»

Намъ неизвѣстенъ способъ устройства могилы, но можно предполагать, что онъ зависѣлъ отъ состоянія покойниковъ: бѣдные прямо опускались въ землю, для болѣе богатыхъ усыпаль-

---

1) Др. Р. Стихотворенія Кирши Данилова. М. 1818, стр. 222—3.

ница отстраивалась деревомъ или камнемъ [1]). Такого рода могилы дѣйствительно находятся на пространствѣ, занятомъ славянскимъ племенемъ [2]). Усопшаго полагали или просто, или въ особомъ помѣщеніи, въ выдолбленной колодѣ или ладьѣ. О послѣдней говоритъ Ибнъ-Фоцланъ (стр. 64 слѣд.), хотя въ примѣненіи къ покойникамъ *сожигаемымъ*; имѣя, однако, въ виду указаніе «Повѣсти времен. лѣтъ» (стр. 116—17), позволительно думать, что ладью иногда давали и *погребаемымъ*; мысль язычниковъ не стѣснялась непослѣдовательностью: и погребаемый въ землѣ могъ, по ихъ понятіямъ, воспользоваться ладьею для отплытія въ страну отцовъ, лежащую за моремъ (стр. 72).

Кажется, что славянская языческая древность не наблюдала опредѣленнаго способа положенія тѣла въ могилѣ: изъ Житія Константина Муромскаго видно (стр. 126), что для русскихъ язычниковъ казалось *страннымъ* христіанское символическое положеніе взнакъ на *востокъ лицемъ;* могилы также не представляютъ опредѣленнаго положенія тѣлъ [3]), такъ что едва ли при этомъ руководились какимъ-нибудь особымъ побужденіемъ или мыслью.

Усопшій, котораго сожигали, не нуждался въ вырытой могилѣ: ему, какъ видно изъ Ибнъ-Фоцлана (стр. 65 сл.), строили иное жилище: ладью подымали на столбы или костеръ, на нее ставили смертное ложе, убирали его, раскидывали надъ нимъ

---

1) У болгаръ покойника кладутъ прямо въ могилу, которую выкапываютъ на сажень въ глубину и на сажень въ длину, поперекъ кладутъ три толстыя бревна, а на нихъ—широкія доски, такъ что могила получаетъ видъ комнаты. См. Княжескій. Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846, к. III, стр. 84.

2) Упомянемъ о каменныхъ могилахъ, какъ менѣе извѣстныхъ: Dubois de Montpèreux. Des Tumulus de la Russie, въ Annuaire des Voyages, P. 1846, p. 46 sq; Lippoman. Zastanowienie się nad mogiłami. Ber. 1832, p. 12 not; Zegota Pauli. Starožitn. Galicyisk. L. 1838, p. 27. Г. К. Тышкевичъ. О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси, В. 1865, стр. 19, 47, 104; Wocel. Grundzüge d. böhm. Alterthumsk. 1845, p. 32.

3) См. Замѣчанія объ этомъ у гр. Тышкевича: о Курганахъ, стр. 103-4. Adler. Die Grabhügel im Orlagau. S. 1837, p. 19; Sell. Gesch. d. Pommer. Ber. 1819 I, p. 21.

шатеръ и на ложе полагали снаряженнаго покойника. Людей бѣдныхъ просто сожигали въ ладьѣ или на кострахъ. Такъ было у русскихъ язычниковъ. Слѣдовали ли другія славянскія племена (болгаре, сербы, чехи, поляки и балтійскіе славяне), сожигавшія своихъ мертвецовъ, тѣмъ же порядкамъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, если и были различія, то различія случайныя, несущественныя.

Полагая, что усопшій и за гробомъ продолжаетъ ту же жизнь, языческая славянская старина равно надѣляла какъ погребаемыхъ, такъ и сожигаемыхъ всѣмъ необходимымъ для будущаго существованія: жены, прислуга (рабы), домашнія животныя, одежда, украшенія и оружіе, домашняя утварь, яства и питья, и вообще всѣ предметы житейской необходимости, житейскихъ занятій и симпатій покойника — полагались ему въ могилу. Воинъ погребался съ оружіемъ и конемъ (стр. 66, 126)[1]), земледѣлецъ—съ животными и орудіями его мирнаго быта, женщина—съ украшеніями. Предметы назначались для прямаго удовлетворенія нуждъ усопшаго и для того, чтобы облегчить ему переходъ въ вѣчность: Житіе Константина Муромскаго упоминаетъ, что въ могилу закапывали *ременныя плетенія* древолазныя (стр. 126): это лѣстницы, по которымъ душа будетъ взбираться на высокую гору-рай; слѣды обычая доселѣ видны при поминкахъ. Покойнику давали и *молотъ*, можетъ быть не съ практическою цѣлью, а по связи этого символа молніи съ представленіемъ души и ея посмертнаго мѣстопребыванія[2]). Вѣроятно также, что и нѣкото-

---

1) См. извѣстіе о замѣч. раскопкѣ въ Кіевской губерніи, Русскій Инвал. 1866, № 260, cf. Kruse. D. Alterthümer, H. 1828, III, p. 26. Извѣстно, что Андрей Боголюбскій велѣлъ *похоронить* своего коня, «жалуя комоньства его». П. С. р. л. I, 140; II, 47.

2) Молоты нерѣдко находятся въ предполагаемыхъ славянскихъ могилахъ, они иногда даже изображаются на погребальныхъ урнахъ въ видѣ *креста*. См. Giesebrecht. Baltische Studien, St. 1845, XI, 2, 43-6; Wocel. Archäologische Parallelen, II, 55—9; Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze, p. 186; Wocel. Grundzüge d. böh. Alterth. P. 1845, p. 6; III Jahresbericht d. thüring. sächsisch. Alterth. Vereins. St. 1823, p. 19. Языческій обычай полагать *молоты*

рыя животныя имѣли символическое назначеніе, какъ олицетворенія явленій воздушной природы (собаки, быки = тучи, пѣтухи=огненные блески[1]), см. стр. 33, 75, 85): съ ними вмѣстѣ, или чрезъ нихъ, душа переносилась въ горнюю область. Конечно, славяне IX—X в. были далеки отъ пониманія причины и смысла обычая, они слѣдовали ему безсознательно, или толковали его по своимъ практическимъ соображеніямъ; но, имѣя предъ собою болѣе древній и ясный образъ обычая (стр. 182), едва ли можно отрицать въ его происхожденіи участіе миѳическаго міровоззрѣнія.

Показанія свидѣтелей, имп. Маврикія, св. Бонифація, Льва Діакона, Ибнъ-Досты, Ибнъ-Фоцлана, Массуди, Повѣсти временныхъ лѣтъ и позднѣйшихъ, о томъ, что славяне надѣляли покойниковъ имуществомъ, находятъ полное оправданіе въ другихъ источникахъ древности. Чѣмъ болѣе какая-нибудь мѣстность земли, занятой нынѣ славянами, удалена отъ притока новизны, тѣмъ свѣжѣе сохраняется старый обычай. Археологическія раскопки съ своей стороны свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ и широкомъ его распространеніи: могила безъ житейскихъ предметовъ — рѣдкость и исключительный случай въ археологическомъ мірѣ: она указываетъ на полную бѣдность и круглое сиротство усопшаго. Нѣкоторыя могилы предлагаютъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ[2]).

въ могилу выродился въ христіанское обыкновеніе втыкать *кресты* на могилѣ, такъ что, по свидѣтельству Горчанскаго, у лужичанъ конца прошлаго вѣка иногда вся могила бывала усѣяна маленькими торчащими крестиками. Provinzialblätter, 1782, I, 251. Внѣшнее сходство креста съ орудіемъ бога Громовника дало, конечно, поводъ къ сближенію.

1) О погребальномъ значеніи пѣтуховъ, какъ символовъ небеснаго огня, мы разсуждали при разборѣ извѣстій Льва Діакона, здѣсь дополнимъ наши извѣстія указаніемъ на сербскій обычай: въ Краинѣ, когда усопшій еще стоитъ въ домѣ, иногда въ гробъ кладутъ *курицу*, потомъ закрываютъ ее вмѣстѣ съ мертвецомъ крышею и такъ погребаютъ. Милићевић. Живот. Срба, 121, 127; срав. Москов. Вѣдомости, 1861, № 195, стр. 1530.

2) Гр. К. Тышкевичъ. О курганахъ, В. 1865, стр. 108-9; Alberti въ поврем. Variscia. Gr. 1830, II, p. 116, 117.

Предъ самимъ началомъ погребальнаго обряда, сколько можно заключать по современнымъ суевѣрнымъ обычаямъ, присутствующіе еще разъ прощались съ покойникомъ, выливали на него въ могилу чашу напитка (у мекленбургскихъ славянъ, см. стр. 138—9)[1]), бросали туда же перевозную деньгу, если этого не было исполнено прежде [2]); у болгаръ, галичанъ и поляковъ внутренность могилы посыпаютъ зернами хлѣба †, который служилъ, вѣроятно, тоже предметомъ хозяйства усопшаго, или выражалъ символически мысль о его загробной жизни. Затѣмъ, жена и близкіе просили усопшаго привѣтствовать на томъ свѣтѣ родню и пріятелей ††,—и гробъ засыпался землей, а костеръ зажигался однимъ изъ родственниковъ усопшаго (стр. 68). Есть нѣкоторые намеки (стр. 32), что славяне, подобно племенамъ нѣмецкимъ, употребляли для священной погребальной *крады* или костра (стр. 129 — 30) особый родъ дерева, колючій терновникъ, какъ растеніе, въ которое, по миѳическимъ представленіямъ, воплотился небесный огонь и которое служитъ земнымъ его представителемъ; но эти намеки, чтобы получить силу факта, нуждаются еще въ новыхъ подтвержденіяхъ.

Изъ Ибнъ-Фоцлана видно, что обрядъ сожженія происходилъ при громѣ палицъ въ щиты; при громѣ небесномъ, по народнымъ повѣрьямъ, отворялись небеса = рай; подражая небесному явленію, наивное вѣрованіе думало отворить двери рая для новаго пришельца, точно такъ, какъ оно и теперь думаетъ, что душа человѣка убитаго громомъ будетъ счастливая и войдетъ въ

---

1) У южныхъ славянъ предъ тѣмъ, какъ закрыть могилу, грудь мертвеца орошаютъ крестообразно виномъ и масломъ, а также присутствующимъ раздается хлѣбъ, соль и подносится три рюмки вина. Boué. La Turquie, II, 504. 5.

2) Сообщ. Л. Каравеловымъ; Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, 190.

†) Rohrer. Die Illyrische Provinzen. W. 1812, — объ ускокахъ. Lorek. Pomm. Provinzialblätter, Tr. 1821. III, p. 425—у кашебовъ; Ворон. лит. Сборн. В. 1861, 317; Ворон. Бесѣда, 1861., 218, Шейковскій, Бытъ подолянъ, II. 33; Маякъ, 1843, III, 72; Аѳанасьевъ. Поэт. воззрѣн. славянъ, М. 1866, I, стр. 577.

†† Liubič. Običaji kod Morlakah. Zad. 1846, p. 111; Милићевић. Живот, p. 125.

рай [1]), что случайный громъ при погребеніи обозначаетъ отвореніе небесныхъ воротъ для принятія души [2]).

Надъ домомъ усопшаго *погребеннаго* насыпали холмъ (стр. 99, 126), который долженъ былъ увѣковѣчить его память; останки же *сожженнаго* на другой день собирались въ сосудъ и ставились на холмѣ. Такъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Доста относительно славянъ и повѣсть временныхъ лѣтъ — относительно нѣкоторыхъ русскихъ племенъ (стр. 54, 121); Ибнъ-Фоцланъ не упоминаетъ объ этомъ: по его словамъ, вслѣдъ за сожженіемъ, на жаровищѣ былъ насыпанъ круглый холмъ, который и скрылъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства взаимно пополняютъ другъ друга: принявъ во вниманіе безчисленные факты могилъ, гдѣ встрѣчаются погребальные сосуды съ костями сожженныхъ [3]), должно признать полную истину показанія Ибнъ-Досты и русской «Повѣсти» †, съ другой стороны нельзя не признать справедливости и извѣстія Ибнъ-Фоцлана о насыпаніи холма ††, ибо и оно вполнѣ подтверждается археологическими раскопками. Ставить сосуды съ прахомъ сожженнаго на поверхности холма или столба не соотвѣтствовало цѣли обряда, который заботился о *сохраненіи* дорогихъ останковъ.

Есть основанія думать, что языческіе славяне на могильномъ холмѣ ставили родъ памятника усопшему, небольшую деревянную постройку въ видѣ домика или шатра (стр. 119-120), для

---

1) Въ Малороссіи, cf. Шейковскій. Бытъ Под. II, 42; Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, 36.

2) Grohmann. Aberglauben ibid. 37; Časopis česk. Mus. 1855, p. 56.

3) Фактъ не требуетъ документальной ссылки по своей общеизвѣстности.

† Сюда относится и темный намёкъ Мартина Галла, см. стр. 97-8.

†† Какъ насыпался холмъ можно судить по теперешнему ослабѣлому обычаю и народнымъ преданіямъ: каждый считалъ обязанностью принести свою долю участія въ дѣлѣ, каждый бросалъ землю или камень на могилу (и теперь считается добрымъ дѣломъ—бросить горсть земли въ могилу усопшаго); совокупнымъ трудомъ выросталъ могильный холмъ. См. Преданія о такихъ могилахъ у Dubois de Montpéreux. Des Tumulus de la Russie, Annuaire des Voyages 1845, p. 193; Чтенія Об. Ис. и Др. 1848, № 6, стр. 87 смѣси (преданіе Дѣвичь-гора).

того, чтобы утомленная душа, когда прилетитъ навѣстить тѣло — могла успокоиться и отдохнуть и чтобы живые могли здѣсь осѣтовать своего покойника. У русскихъ такая постройка носила названіе *буды* или *будына*, въ древне-славянскомъ языкѣ она, кажется, называлась *жалью, жаліемъ и жюпищемъ, жюпилищемъ* (отъ корня *гир*=покрывать, санскр. *гора*=навѣсъ), которыми передается греческое μνημεῖον [1]). Слѣды такихъ надмогильныхъ построекъ уцѣлѣли доселѣ въ погребальной практикѣ русскаго простонародья (стр. 120) [2]).

Мы замѣчали выше, что обыкновеннымъ мѣстомъ погребенія славяне выбирали лѣса (стр. 227): въ понятіяхъ язычниковъ можно замѣтить какую-то особую связь мысли о загробной жизни съ царствомъ растительной природы; эта связь видна еще и теперь: какъ внутренность могилы или гробъ, такъ и поверхность ея украшаютъ зеленью, дерномъ, цвѣтами, садятъ деревья въ головахъ покойника, вѣря, что когда ростетъ оно, ему будетъ легче лежать; въ малорусскомъ языкѣ — выраженіе: *посадить калину* равносильно выраженію: *похоронить кого-нибудь* [3]).

Такое понятіе создалось, конечно, еще въ эпоху древней дружной жизни съ природою, во время наивнаго вѣрованія въ пере-

---

1) См. Словари Цер. Сл. яз. Востокова и Миклошича sub voce. Въ русскомъ жаль и жальникъ (Даль, I 468) = могила, могилки, буйвище, кладбище, убогій домъ, гдѣ складываютъ тѣла. Слово встрѣчаетъ себѣ подобныхъ во всѣхъ славянскихъ парѣчіяхъ. Значеніе его, кажется, производное отъ *жельти*=mereor, lugeo: слѣдовательно жаліе, жаль = мѣсто для плачей по мертвому. *Жюпилище* по этимологическому значенію — покрытая постройка. Замѣтимъ здѣсь, что сближеніе этого слова съ терминомъ жупелъ = сѣра или горючее вещество—не можетъ быть признано; ибо основывается на случайномъ созвучіи: жупелъ — слово чужое, лат. sulfur.

2) Бѣлоруссы Черниговской губерніи до сихъ поръ на могилахъ ставятъ *срубы* вмѣсто могильныхъ насыпей. Домонтовичь. Черниговская губернія, Спб. 1865, стр. 533.

3) Метлинскій. Южно-русскія пѣсни, К. 1854, 94-5, 267, 462; Шейковскій. Бытъ подолянъ, II, 8-9; Czerwinski. Okolica za-Dniestrska, L. 1811, p. 262, Княжескій. Приб. къ Жур. М. Н. П. 1846, к. III, 84; въ могилахъ также замѣчается этотъ обычай. См. Giesebrecht въ Baltische Studien, St. 1847, XIII, 2, стр. 34-88, статья: Die Pflanzenstoffe in der Todtenbestattung; особенно 85-7 стр.

селеніе души человѣка въ міръ растеній: погребенная въ землѣ, душа, подобно мертвому зерну, воскресала и выходила изъ могилы живымъ, зеленѣющимъ растеніемъ.

Немедленно за погребальнымъ обрядомъ слѣдовала *страва* (стр. 39—40), поминальный обрядовый пиръ и попойка; она совершалась на могилѣ или по близости ея, такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ словъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (стр. 118) и изъ темнаго намека Краледворской рукописи (стр. 113); нынѣ обрядъ имѣетъ мѣсто въ домѣ усопшаго; но болгаре до сихъ поръ справляютъ его возлѣ могилы, а также и у пинчуковъ нѣкоторые изъ дому возвращаются на могилы и тамъ доканчиваютъ задушную трапезу [1]). Содержаніе обряда отчасти видно изъ современныхъ суевѣрныхъ поминокъ; въ него входили поминаніе усопшаго *питьемъ и ѣдой*, жертвы ему [2]) и нѣкоторые другіе обряды [3]), о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Гайкъ передалъ намъ суевѣрный обычай своего времени (стр. 142, 4) — сожигать костеръ на могилѣ усопшихъ. Подтверждаемый свидѣтельствомъ Оттона Бамбергскаго и народными преданіями (94 — 5), обычай этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ ослабѣлый слѣдъ древняго сожженія тѣлъ. Столь же древній отголосокъ виденъ и въ чешскомъ обычаѣ уходить съ мѣста смерти, не оглядываясь (стр. 143, 5, ср. стр. 182), и бросать назадъ къ могилѣ сучья и камни: этимъ символически полагалась непереходная граница между царствомъ жизни и

---

1) Княжескій, въ Жур. М. Н. Пр. Приб. 1846, III, 81; Zienkiewicz. O Uroczyskach ludu pinsk. W. 1853, p. 32.

2) Что жертвы приносились усопшему, это видно изъ современныхъ суевѣрныхъ обыкновеній: у сербовъ-хорватовъ при погребеніи людей болѣе богатыхъ *закалываютъ какой-нибудь скотъ*, чтобы онъ не переводился. Послѣднее, конечно, есть теперешнее объясненіе. Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. II, II, 362.

3) Упомянемъ здѣсь объ одномъ: при стравѣ на могилѣ, кажется, также разбивали посуду или горшки, см. выше стр. 221; по крайней мѣрѣ археологическіе факты даютъ тому несомнѣнное доказательство. См. Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze, p. 20, 75—76; Weinhold. Heidnische Todtenbestattung, p. 52. Wagner. Tempel und Pyramiden. L. 1828, p. 22, 27.

смерти; и нынѣ кое-гдѣ у лужичанъ возвращающіеся съ погребенія непремѣнно выбираютъ путь черезъ воду и зимою на этотъ конецъ даже разрубиваютъ ледъ [1]): рѣка раздѣляетъ ихъ съ смертью, послѣдняя не можетъ перейти этой межи и остается на томъ берегу.

Древній погребальный обычай не вдругъ смѣнился новымъ, христіанскимъ, и не вдругъ забылся: не только въ темномъ суевѣрномъ быту простолюдиновъ [2]), онъ виденъ и въ исторіи, и въ области народной поэзіи; такъ псковской князь Всеволодъ—Гавріилъ былъ похороненъ, какъ прилично воину: «бранное оружіе его, мечь и щитъ поставлено бысть на гробѣ его на хвалу и на утвержденіе граду Пскову»[3]); такъ, по народной легендѣ, былъ погребенъ и знаменитый смоленскій воинъ Меркурій: на гробѣ его устроили щитъ и копье †. Въ сербскомъ, по преимуществу воинскомъ, эпосѣ встрѣчаются тѣ же отголоски: когда Марко Кралевичь увидѣлъ приближеніе смерти, онъ вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему вѣрному сподвижнику, коню Шарцу; честно схоронилъ онъ его, на четверо разбилъ острую саблю, изломалъ боевое копье, забросилъ въ море свой тяжелый буздованъ, разостлалъ одежду подъ деревомъ на травѣ, сѣлъ и уснулъ на вѣки; другая пѣсня изображаетъ похороны воеводы Кавцы: саблями отесали ему гробъ и схоронили его, въ головахъ воткнули копье, посадили на него сокола, за копье привязали коня, на могилѣ положили оружіе ††.

По возвращеніи домой участники погребальнаго обряда подвергались очищеніямъ отъ слѣдовъ общенія съ смертью. Письменные источники ничего не говорятъ объ этой сторонѣ народ-

1) Haupt. Sagenbuch der Lausitz. L. 1862, II, 243.

2) Еще въ 1643 году одинъ поселянинъ словакъ Ďuro Hanin схоронилъ жену свою безъ священника *подъ дерево*; спрошенный правительствомъ, онъ оправдывался, что его отцы такъ дѣлали и что онъ не могъ этого не сдѣлать. Bǒzena Němcova, Čas. česk. Mus. 1859, p. 509.

3) Карамзинъ. Ист. Государ. Россійск. т. II, Примѣч. 266.

† Буслаевъ. Очерки народной поэзіи. Спб. 1860, II, 184.— 5.

†† В. С. Караджиѣ. С. Н. Пjесме, II, стр. 441 — 2, 489.

наго быта; но за то она сохранилась въ обычаяхъ съ чертами несомнѣнно древними. Главными очистительными элементами являются огонь и вода: въ южно-славянскихъ земляхъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются; или, омывъ руки, берутъ съ очага уголь и бросаютъ чрезъ голову [1]); на Руси — берутся руками за печь или заглядываютъ въ нее [2]). Предметы и животныя, служившіе при погребальномъ обрядѣ, также подвергаются своего рода очищеніямъ: у сербовъ заступъ и лопата, которыми копали яму, погребальныя дроги и кони, везшіе мертвеца, не вносятся и не вводятся въ дворъ (съ ними вмѣстѣ можетъ войти въ семейный кругъ и губительное начало смерти!), ихъ оставляютъ за оградой 3 дня, а коней пускаютъ на вольную пашню [3]).

За очищеніемъ слѣдовали поминки, въ которыя непремѣнно входитъ питье чаши вина въ память покойника и поминальный пиръ, иногда состоящій изъ особыхъ жертвенныхъ яствъ †. Обычай и досель наблюдается у всѣхъ славянскихъ племенъ безъ различія сословій.

Подобно прочимъ народамъ, и славяне въ язычествѣ чтили усопшихъ: они видѣли въ нихъ боговъ—покровителей, домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, родного крова и семейной собственности. Слѣды такой вѣры до сихъ поръ еще ясны во многочисленныхъ преданіяхъ и повѣрь-

1) Rohrer. Die Ilyrische Provinzen, W. 1812, p. 173. Arkiv za povjestn. jugoslav. VII, 216; Jlič. Slavonski običaji, Z. 1846, 314 — 15.

2) Духъ христіанина, 1861 — 2. Дек. 369; Кавелинъ. Собраніе сочин. т. IV, 213; Труды Курск. стат. комитета, I, К. 1863, стр. 502. Объ очистительномъ значеніи очага и печи основательно разсуждаетъ г. Аѳанасьевъ въ соч. Поэтическія воззрѣнія славянъ, II, стр. 29, слѣд. Тотъ же обычай съ печью есть у лужичанъ. Haupt. Sagenbuch der Lausitz, 187.

3) Arkiv za povjestn. jugoslavensku III, 216.

† Болгаре для погребальнаго пира обвариваютъ *пшеницу*, жарятъ барана или теленка и приготовляютъ вино; у мазуровъ употребляется *вино*, смѣшанное съ медомъ, каша съ медомъ; у сербовъ хорватовъ — особый хлѣбъ и колачь изъ кукурузы. См. Княжескій, Ж. М. Н. Пр. Приб. 1846, III, 81. Töppen. Aberglauben, 114; Arkiv za povjestn. II, 2, 364; ibid. VII, 216. Boué. La Turquie, II, 506; Liubič. Običaji kod Morlakah, 112, Wóycicki. Zarysy domowe, III, 340.

яхъ славянскихъ племенъ. *Чуръ*, *Домовой*, *Вилы*, *Русалки*, цѣлая толпа предковъ-пенатовъ подъ именемъ *людковъ*, *кроснятъ*, *шетковъ*—въ старину стояли въ гораздо болѣе любовномъ и близкомъ общеніи съ семьей, чѣмъ нынѣ: они были предметомъ благочестиваго чествованія, имъ приносились жертвы и покормы. Не распространяясь объ этомъ предметѣ, достаточно обслѣдованномъ г. Аѳанасьевымъ [1]), укажемъ на факты болѣе къ намъ близкіе. Изъ славянскихъ прибавленій къ переводу X-го слова Григорія Богослова видно, какъ высоко чтили славяне своихъ покойниковъ: ихъ останки были святыней, мощами (см. стр. 130), на которой производилась присяга [2]); къ могилѣ, хранившей мощи покойниковъ, прибѣгали въ тяжелыхъ обстоятельствахъ и затруднительныхъ случаяхъ жизни, отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причитаніями (стр. 101, 103) [3]). Самыя названія усопшихъ — *дѣды*, *родители* выражаетъ болѣе чѣмъ простое наименованіе: ихъ именами обозначаются народные праздники, подобно тому, какъ памятью святыхъ помѣчаются дни года †. Такая вѣра необходимо вызывала обрядовое чествованіе, и въ жизни славянъ оно выражалось разнообразно: то въ благочестивой трапезѣ, которую готовили *дѣдамъ и родителямъ*, то въ веселыхъ играхъ, которыми праздновалось ихъ нисхожденіе на землю, то въ другихъ, не менѣе существенныхъ, услугахъ.

Славяне вѣрили, что и разлучившись съ тѣломъ, когда послѣднее уже погребено, душа нѣкоторое время не можетъ отстать

---

1) Поэтическія воззрѣнія славянъ. II, 74 слѣд.

2) Изслѣдованія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы. Спб., 1856, стр. 148.

3) Метлинскій. Южнорусскія пѣсни. № 277. Снегиревъ. Русскіе простонародн. праздники. М. 1837, I, 208. Сахаровъ. Сказанія рус. народа, II, 82; Valjavec. Narod. pripovjedke, V. 1858, p. 44.

† Одинъ чешскій пенитенціалъ 12-го в., между прочимъ, запрещаетъ пѣніе на ночь бѣсовскихъ пѣсенъ о мертвыхъ. Hanuš. Schrifttum d. böhm. slov. Stämme P. 1867, p. 82. Это были молитвы усопшимъ = богамъ-пенатамъ, о нихъ, кажется, упоминаетъ и Краледвор. ркп. словами: «otcik k nim hlasat chodivase».

отъ роднаго жилища и по ночамъ прилетаетъ въ него: для нея на окошкѣ постилаютъ бѣлое полотенце, кладутъ хлѣбъ, соль и ставятъ воду [1]). Угощенія усопшихъ покормомъ и поминки по нихъ совершались сначала на 3, 6, 9 и 40 [2]) день по погребеніи, (147) потомъ періодически: въ день смерти усопшаго—частныя его поминки и весною— поминки общія всѣхъ *родителей*.

О древне-славянскихъ поминкахъ усопшаго упоминаетъ еще въ VII в. Ѳеофилактъ (стр. 44), представляя ихъ праздникомъ, на которомъ шла заупокойная попойка; Ибнъ-Доста говоритъ о нихъ опредѣленнѣе: родные усопшаго собираются на могилѣ его и совершаютъ погребальную *страву* (стр. 54); еще подробнѣе извѣстіе Менеція (147—8): на поминальный пиръ приглашаютъ покойника, стоя предъ дверью; молча садятся за столъ и ѣдятъ не употребляя *ножей*, покормъ бросаютъ подъ столъ для души; а случайно оброненное оставляется для душъ-сиротъ; потомъ провожаютъ незримыхъ гостей [3]), и идетъ веселая попойка. Въ народномъ суевѣрномъ быту славянъ обрядъ совершается почти тѣмъ же порядкомъ: но кое-гдѣ всплываютъ черты еще болѣе глубокой древности. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ обычай пинчуковъ: накрывъ столъ бѣлой скатертью, посрединѣ его зажигаютъ водку, бросаютъ соль на горящіе угли и прислушиваются къ треску. Поминальныя яства состоятъ изъ бобовъ, гороха, вареныхъ въ медовой сытѣ. Для родителей-дѣдовъ раскладываютъ хлѣбы; иногда на видномъ мѣстѣ вѣшаютъ саблю или ожегъ, если поминаемый былъ воинъ; затѣмъ отворяютъ окна и двери. Старшій въ семьѣ обходитъ домъ, глядитъ на недалекія могилы и призываетъ родителей на пиръ; возвратившись—всѣ стоятъ въ тишинѣ, прислушиваясь какъ бы къ бесѣдѣ

---

1) См. выше стр. 207 и Цебриковъ. Смоленск. губернія. Спб. 1862, стр. 268.

2) У южныхъ славянъ на 5 и 8 день, потомъ на 40, по истеченіи года или по полугодіи, по истеченіи 2-хъ лѣтъ. Boué. La Turquie, II, 506.

3) Въ Воронежской губерніи существуетъ особый обрядъ *проводовъ душки* о немъ см. Воронежскій листокъ 1864, № 21.

душъ; потомъ садятся, вкушаютъ сначала помипальныхъ яствъ, и каждый три первыхъ ложки отливаетъ для души съ каждаго кушанья; при питьѣ чаши, подносятъ ее ко рту и прежде часть отливаютъ на полотенце для родителей-дѣдовъ; часть ѣды полагаютъ за окномъ (вѣроятно для душъ-сиротъ). По окончаніи обряда — часть, отдѣленную для душъ, отдаютъ дѣтямъ, чтобы имъ не вредили *бури, молніи и громъ*, другую—даютъ домашнему скоту, третьею кормятъ птицъ или бросаютъ въ рѣки и озера. Поминки оканчиваются на могилахъ. Въ старину при этомъ у пинчуковъ существовалъ обычай завязывать глаза какой-нибудь дѣвушкѣ: ее садили на пнѣ, вкопанномъ въ присбу около печи, и прорицательница угадывала прибывающихъ душъ и разсказывала о судьбѣ и жизни ихъ [1].

Въ годичные поминки у бѣлоруссовъ и пинчуковъ совершается еще особый обрядъ *прикладинъ*: на могилѣ усопшаго кладутъ во весь ростъ его дубовую колоду или дѣлаютъ ему надгробикъ, срубъ, *бдынъ* [2]; иногда это исполняютъ немедленно по погребеніи и вмѣсто колоды полагаютъ *камень* или *плиту* на могилу; послѣднее, можетъ, быть—стоитъ въ связи съ обычаемъ полагать межу или предѣлъ между жизнью и смертью [3].

Въ сербскомъ языкѣ поминки носятъ названіе *датя*, т. е. обѣтъ (чешск.), жертва мертвымъ †. Праздникъ усопшихъ въ славянской древности совершался *весною*, когда природа пробуждается отъ зимняго усыпленія и души родителей, раздѣлявшія судьбу ея, получаютъ доступъ на землю. Ихъ встрѣчаютъ обычныя трапезы и жертвы: на мѣстахъ погребенія ихъ снова собираются потомки, обливаютъ виномъ или медомъ могилы (у Бѣ-

---

1) Zienkiewicz. O uroczyskach izwyczajach ludu Pinskiego. W. 1853, p. 31-2.

2) Zienkiewicz. l. cit. Волынск. губ. Вѣд. 1859, № 17, стр 69.

3) H. E. Tyszkiewicz. Rzut oka na zródła Archeologii krajowej. W. 1842, p. 5.

† Нѣкоторые сближаютъ его съ готскимъ dauths, dauthus = мертвый, смерть; но послѣднее происходитъ отъ корня dau, санскр. han. См. Benfey. Orient und Occident, II, p. 761.

лоруссовъ и Хорутанъ †), иногда закалываютъ на нихъ барашка, пѣтуха или другое животное (у хорутанъ и карпатскихъ горцевъ)[1]), возжигаютъ свѣчи, угли[2]) или костры соломы (Стоглавъ; см. стр. 144) и затѣмъ — приглашаютъ *милыми словами дѣдовъ* на пиръ. Окончивъ заупокойную трапезу, они провожаютъ ихъ обычнымъ порядкомъ[3]). На Руси праздникъ усопшихъ носитъ названіе Радуницы (ведійс. radanh = жертвоприношеніе, отъ корня râd=давать ††, приготовлять) т. е. *обѣта*, сербск. *дати*, и Навьскаго Великаго дня.

Весеннія поминки усопшихъ были столько же грустнымъ, сколько и веселымъ празднествомъ: мысль о смерти родныхъ требовала плачей; вѣра, что усопшіе низошли на землю и принимаютъ участіе въ жизни близкихъ, вызывала радостное чувство, и оно выражалось игрой, обрядовой пляской съ москолудствомъ и веселыми пѣснями. О такомъ характерѣ празднества ясно говоритъ Стоглавъ и Козьма Пражскій (стр. 145, 101). Игры въ честь предковъ совершались, такъ сказать, въ ихъ присутствіи, на распутіяхъ, потому что самыя жилища ихъ, хранители семейныхъ полей, стояли на межахъ (стр. 102, 123), возлѣ которыхъ шли пути и встрѣчались раздорожья. Прошло много вѣковъ: жилища старыхъ боговъ-терминовъ стали чуждыми чувству человѣку, заглохли и часто сравнялись съ землею; но привыкнувъ праздновать память отцовъ на мѣстахъ путей, простолюдинъ и

1) Срезневскій. Святилища и обряды яз. богослуж. древ. славянъ. Х. 1846. стр. 88.

2) У болгаръ. См. Записки Одесск. Общ. Ист. и Др. т. IV, 1860, стр. 464. Скальковскій. Болгарскія колоніи. Од. 1848, 142. Болгаре окропляютъ могилу виномъ или водою. Поливаніе и посыпаніе могилы совершается и внѣ поминокъ при обычныхъ причитаніяхъ матери или сестры на могилѣ: этимъ душа облегчается. Ср. Миладиновичи. Булгар. нар. пѣсни, З. 1861. пѣсня 100. Свѣчи на могилахъ во время поминокъ возжигаются и у южныхъ славянъ. Boué. La Turquie II, 506 — 7.

3) Сѣверный Архивъ 1822, № 24, стр. 467—9; Hr. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Borysowskiego. W. 1848, p. 380; Gałębiowski. Lud Polski, W. 1830, 257.

† Csaplovics. Slavonien und Kroatien P. 1819, I, 184; Сахаровъ. Сказанія рус. народа, II, 82 ст. праздники; Миличевиѣ. Живот. Срба, 63.

†† Дювернуа. Объ историч. наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М. 1867, стр. 63.

до сихъ поръ съ понятіемъ перекрестковъ соединяетъ много суевѣрныхъ преданій.

Мѣста покоя усопшихъ въ славянской древности, кажется, не навсегда закрывались: новые члены присоединялись къ великому сонму отцовъ, и могилы раскрывали «свои объятья», чтобы принять ихъ останки. Въ одной сокровищницѣ славянинъ-язычникъ часто хоронилъ нѣсколько поколѣній [1]), и тѣмъ большее значеніе придавалъ онъ ей, тѣмъ выше чтилъ этотъ храмъ, гдѣ собраны покровители его жизни, стражи и защитники его собственности и родовыхъ интересовъ.

Этимъ оканчиваемъ мы обозрѣніе погребальныхъ обычаевъ языческихъ славянъ.

---

1) Существованіе семейныхъ могилъ въ славянской древности находитъ подтвержденіе и въ народныхъ обычаяхъ и въ археологическихъ фактахъ: у словинцовъ наблюдается, чтобы всѣ члены фамиліи или семьи лежали въ одномъ мѣстѣ, и часто похороненный уступаетъ свое мѣсто новоумершему: Чаплович самъ видѣлъ, какъ сынъ, хоронившій мать — заставилъ вырыть кости отца, прежде схороненнаго, онѣ были собраны въ одно мѣсто, обмыты *краснымъ виномъ*, сынъ перецѣловалъ ихъ по порядку, связалъ въ чистый, бѣлый платокъ и положилъ на крышку гроба своей матери, потомъ могилу засыпали землею. Csaplovics. Slavonien, P. 1819, I, стр. 184; у болгаръ—если кто изъ семьи умретъ, то разрываютъ могилу родного предшественника, собираютъ останки его, обмываютъ краснымъ виномъ и, положивъ въ мѣшокъ, хоронятъ съ новымъ мертвецомъ. Если въ теченіе трехъ лѣтъ—никто не умретъ; а могилу нужно вскрыть, то отыскиваютъ какого-нибудь, хоть и чужого, мертвеца и хоронятъ. Это отголосокъ старой вѣры, что могила требуетъ жертвы. Княжескій. Приб. къ Ж. М. Нар. П. 1846, III, 83. Въ археологич. отношеніи см. Wagner. Tempel und Pyramiden, L. 1828, p. 22.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей.

Обозначимъ сначала, слѣдуя хронологическому порядку, имена арабскихъ свидѣтелей и тѣ сочиненія ихъ, гдѣ говорится о землѣ и племенахъ славянскихъ; ограничиваемся только *древнѣйшими*, до XI-го вѣка и притомъ такими, которые представляютъ извѣстія самостоятельныя [1]), незаимствованныя изъ сочиненій предшественниковъ, таковы:

Аль-Фергани (пис. около 844) составилъ *начала Астрономіи*, въ которыхъ онъ обозрѣваетъ важнѣйшія земли и города 7-ми климатовъ [2]).

Ибнъ-Хордадъ-Бегъ († 912), написавшій «Книгу дорогъ и странъ» [3]).

1) Говоримъ *относительно*, съ точки зрѣнія современной науки: быть—можетъ, многое, что въ арабскихъ писателяхъ теперь кажется намъ *оригинальнымъ*, было лишь *копіей* неизвѣстнаго или неоткрытаго доселѣ оригинала, быть—можетъ, впослѣдствіи оно и окажется *таковою*. Примѣры въ этомъ отношеніи — не рѣдки.

2) Латинскій переводъ мѣста, относящагося къ славянамъ, перепечатанъ у г. Гедеонова. «Отрывки изъ Изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ». Спб. 1862, p. 82—3, при чемъ г. Гедеоновъ, слѣдуя Френу, полагаетъ, что Аль-Фергани черпалъ свои показанія изъ греческихъ источниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Аль-Фергани былъ знакомъ съ греческой географіей, но заимствовалъ ли онъ изъ нея свои показанія—это вопросъ, и пока не разрѣшится онъ, свидѣтельства его сохраняютъ для насъ цѣну прямаго показанія.

3) Отрывки о славянахъ изданы у Рено: Géogr. d'Aboulféda. t. I. Intr. p. LVIII — LIX, и съ объясненіями въ статьѣ И. И Срезневскаго: «Слѣды давняго знакомства русскихъ съ южной Азіей» въ Вѣст. Геогр. Общ. 1854, № 1. стр. 49—68; мы пользовались новымъ французскимъ переводомъ (вм. съ подлин.) Barbier de Meynard'a: Le livre des routes et des provinces, texte arabe, publié, traduit et annoté. Par. 1865. (отд. оттискъ изъ Journal asiatique 1865, № 9).

Массуди († 956) написалъ пространное историко-географическое сочиненіе «Лѣтописи времени» или «Историческія Лѣтописи», изъ него доселѣ извѣстны только небольшіе отрывки; изъ этого большого труда авторъ сдѣлалъ сокращеніе, озаглавивъ его именемъ «Золотые Луга» 1).

Ибнъ-Фоцланъ, посланникъ Калифа Муктедира къ булгарамъ волжскимъ (путешеств. съ 921 г.), отрывокъ изъ его путешествія, именно о Руси, внесенъ въ географическій Словарь Якута 2).

Эль-Истахри (½ X вѣка) написалъ «Книгу Земель»; хотя онъ, какъ кажется, и пользовался Ибнъ-Фоцланомъ и Массуди, но представляетъ свѣдѣнія, до сихъ поръ незамѣченныя у этихъ писателей 3).

---

1) До 1860 г. полагали, что «Лѣтописи временъ» Массуди — утрачено, такъ думалъ Рено (Géogr. d'Ab. 1, p. LXVI) и др., но въ 1849 нѣмецкій оріент. Кремеръ открылъ, если полагаться на точность его извѣстія, экземпляръ этого сочиненія въ Халебѣ (Алеппо) въ библіотекѣ одного изъ тамошнихъ медрезетовъ (училищъ); Кремеръ напечаталъ объ этомъ краткое извѣщеніе въ Sitzungsberichte d. k. Akademie der Wissenschaften zu Wien. philosoph. — hist. classe. 1850, Heft IV и V р., гдѣ представилъ любопытныя, хотя, къ сожалѣнію, очень краткія, выписки касательно славянъ и борджанъ. Сравни также замѣчаніе Рёдигера объ открытіи Кремера въ Zeitschr. d. deutsch. Morgenländ. Gesellsch. t. V p. 429: Рёдигеръ полагаетъ, что Кремеромъ открытъ только 1-ый томъ «Лѣтописей Временъ». Выдержки о славянахъ изъ «Золотыхъ Луговъ» Массуди изданы Оссономъ: Les peuples du Caucase P. 1828 p. 85 sq, потомъ Шармуа: Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves въ Mém. de l'Acad. de Spb. 1834 г. t. VI, p 397—408 (или 1—112 от. от.). Теперь, на иждивеніи парижскаго азіатскаго Общества, выходитъ полное изданіе текста съ французск. переводомъ Barbier de Meynard'a и Pavet de Courteill'я: Maçoudi, Les Prairies d'Or, P. 1861—1865, всего вышло до сихъ поръ 4 тома. Мы указываемъ главы и текстъ по этому послѣднему, какъ болѣе доступному, отмѣчая, однако, и разнорѣчія въ другихъ переводахъ.

2) Текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ и обстоятельнымъ комментаріемъ изданъ Френомъ: Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Spb. 1823; потомъ у Оссона: Les peuples du Caucase. P. 1828, p. 85 sq. и Расмуссена: De Orientis Commercio cum Russia.. etc. H. 1825 p. 32 — 45.

3) Полный нѣмецкій переводъ съ комментаріемъ сдѣланъ Мордтманомъ: Das Buch der Länder von Schech Ebu Ishak el Farsi el Isztachri. Hamb. 1845, г. 4⁰.

Ибнъ-Хаукалъ составилъ сочиненіе (около 976 г.) «Книгу дорогъ и земель». Главнымъ источникомъ его былъ трудъ Истахри, но нѣкоторыя показанія его имѣютъ для насъ и самостоятельное значеніе [1]).

Мы не остановимся на извѣстіяхъ Ахмедъ-Эль-Катэба (пис. въ 889 — 891 г.), потому что они уже получили вѣрную оцѣнку въ трудѣ г. Гедеонова [2]).

Хотя и Шармуа и былъ того мнѣнія, что арабы IX — X-го вѣка владѣли *точными* историко-этнологическими и географическими свѣдѣніями, какъ ни одинъ изъ современныхъ народовъ †, но въ сущности эта *точность* не шла далѣе простаго и случайнаго знакомства съ предметами. Арабы не были людьми науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, подобно современнымъ путешественникамъ, которые посѣщаютъ отдаленныя страны и народы съ цѣлью *изслѣдовать* ихъ нравы и обычаи; они не имѣли и не могли имѣть никакихъ точныхъ пріемовъ историко-этнографическаго изслѣдованія и наблюденія; но, по своему времени хорошо образованные и начитанные, они въ своихъ странствіяхъ и сношеніяхъ съ невѣдомыми народами, многое видѣли собственными глазами, еще болѣе слышали отъ людей бывалыхъ или туземцевъ, къ которымъ любознательно обращались за объясненіями; свѣдѣнія, довѣрчиво собранныя между дѣломъ, они приводили въ систему, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать имъ характеръ, соотвѣтствующій мусульманской историко-географической наукѣ того времени, привести ихъ въ связь съ тѣмъ, что́

---

1) Извлеченія изъ него представлены у Оссона. Les peupl. du Cauc. глава V; Френа (о Руссахъ), passim; Шармуа (о славянахъ), Relation, etc. p. 323—4 или 27—8 отд. отт. Сравни Reinaud. Géogr. d'Aboulféda, I, p. LXXXIV. Замѣтимъ здѣсь, что между древнѣйшими источниками арабскими мы не поставили Ибнъ-Досты, потому что намъ, пока, неизвѣстны его показанія, кромѣ отрывковъ о погребальныхъ обычаяхъ.

2) Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Спб. 1862, стр. 90—93.

† Charmoy. Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, Spb. 1834, p. 8.

было замѣчено прежде нихъ, и что они могли читать въ разныхъ сочиненіяхъ; но такое стремленіе къ систематизаціи, замѣчаемое у большинства арабскихъ географическихъ писателей, не развило въ нихъ критическаго такта, и вся арабская географическая наука стоитъ еще на переходѣ отъ древняго баснословнаго взгляда къ точной наукѣ нашего времени: рядомъ съ положительными открытіями и историко-этнографическими фактами она заключаетъ въ себѣ еще цѣлую массу полумиѳическихъ воззрѣній и понятій, географическихъ и этнографическихъ неточностей, непримиренныхъ противорѣчій; оттого — при разборѣ арабскихъ извѣстій необходимо полагать различіе не только между прямымъ свидѣтельствомъ опыта и темнымъ слухомъ или литературнымъ заимствованіемъ; но и между сообщаемымъ фактомъ и его объясненіемъ, откуда послѣднее ни шло бы, между наблюденіемъ и системою, подъ которую подводится оно. Только взвѣшивая по возможности всѣ эти обстоятельства, можно приблизительно уяснить себѣ противорѣчія арабскихъ источниковъ, можно понять, почему напр. у однихъ турки относятся къ племени славянъ и считаются самыми красивыми, многочисленными и сильными изъ нихъ, у другихъ — земля славянъ граничитъ съ Китаемъ, руссы причисляются то къ славянамъ, то къ туркамъ, то наоборотъ — славяне составляютъ часть руссовъ или состоятъ изъ турецкихъ племенъ и т. д.

Не принимая на себя подобнаго труда, мы ограничимся разсмотрѣніемъ арабскихъ извѣстій о руссахъ и славянахъ.

Что подъ именемъ Сакалибовъ, Саклабовъ, С(и)еклабовъ — арабскіе источники разумѣютъ славянскія племена — это не можетъ подлежать сомнѣнію [1]): въ этомъ убѣждаетъ не только тожество имени съ греческими и латинскими названіями Σκλαβηνοι, Σκλαβοι, Sclavi, Slavi, но и арабская топографія славянскихъ

1) Попытка Гаммера (Sur les Origines russes, Spb. 1825 p. 59—60) связать Геродотовыхъ саковъ съ сакалибами арабовъ — не получила признанія: она сближала между собою слишкомъ отдаленныя эпохи. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи имени *славянъ* не можетъ еще назваться рѣшеннымъ.

земель и многія подробности быта, нравовъ и обычаевъ Саклабовъ, находящія полное подтвержденіе въ современныхъ свидѣтельствахъ—своихъ и чужихъ—о славянахъ. Всѣ доселѣ извѣстные арабскіе источники говорятъ объ этомъ съ опредѣленностью, которая не допускаетъ сомнѣній [1]).

Арабы знаютъ имя славянъ не въ его народной, но въ византійской или латинской формѣ Саклибы, Саклабы; но отсюда неосновательно будетъ заключать, что всѣ свѣдѣнія арабовъ о славянахъ идутъ изъ византійскаго источника: греческая форма имени получила общее ученое распространеніе, она была усвоена и арабскими географами, точно такъ напр., какъ ими было усвоено имя озера Мэотійскаго, моря Евксинскаго и пр.: арабы могли быть лично въ земляхъ славянъ и въ то же время обозначать ихъ по византійской географической терминологіи, ибо имъ знакомы были сочиненія греческихъ географовъ и историковъ.

Аль-Фергани опредѣляетъ пространство седьмаго климата съ востока на западъ, отъ сѣверной страны Ягоговъ (Jagogûm) чрезъ землю турковъ, сѣверные берега Каспійскаго моря, Евксинское море и озеро Мэотійское, потомъ чрезъ страны Борджанія и Славонія и до самаго моря Гесперійскаго (Атлантическій океанъ); остальная населенная полоса земли, лежащая

---

1) Френъ замѣтилъ (p. LX), что Якутъ смѣшиваетъ булгаръ волжскихъ съ славянами, на основаніи этого пок. Сенковскій (въ ст. «Скандинавскія саги» Собр. соч. т. V, стр. 466) полагалъ, что арабы на Руси называли славянами однихъ булгаръ волжскихъ, но не слѣдуетъ забывать: а) общей неточности этнографическихъ понятій и терминологіи арабовъ, б) что это смѣшеніе есть исключительный случай, стоящій въ видимомъ противорѣчіи съ показаніями другихъ арабовъ, потому и возводить его въ общее правило арабской этнографіи не позволяютъ условія строгой науки; да и кромѣ того, неизвѣстнымъ остается, кому принадлежитъ эта этнографическая ошибка: Ибнъ-Фоцлану ли, или Якуту: въ послѣднемъ, жившемъ въ 13 вѣкѣ, она понятнѣе; ибо болгарское царство ждало тогда послѣдней минуты своего существованія. Если трудно иногда бываетъ пользоваться извѣстіями арабскихъ писателей, то вовсе не «потому, что подъ именемъ славянъ они часто (?!) разумѣютъ Болгаръ» (Гедеоновъ. О Варяжскомъ вопросѣ. стр. 37), а по общей запутанности ихъ географическихъ и этнографическихъ понятій, по легковѣрному характеру ихъ показаній.

выше этихъ климатовъ, по словамъ Аль-Фергани, также начинается на востокѣ, идетъ чрезъ страны тагаргаровъ, турковъ, татаръ и алановъ, потомъ чрезъ *Борджанію* и *Славонію* и оканчивается у моря Гесперійскаго [1]). *Славонія* Аль-Фергани лежитъ на западъ отъ Чернаго моря, на одной линіи за *Борджаніей,* а послѣдняя на линіи къ западу за Константинополемъ [2]). Чтó же это за страна *Борджанія?* На этомъ вопросѣ считаемъ умѣстнымъ здѣсь остановиться, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи: онъ имѣетъ особую важность для изслѣдователя славянской древности. *Борджанія* — страна борджанъ. Имя этого народа нерѣдко упоминается арабскими писателями, и кажется не можетъ быть сомнѣнія, что подъ *борджанами* они разумѣли *болгаръ дунайскихъ, Борджанія* — это Мизія: въ первый разъ, сколько извѣстно, упомянулъ о ней Аль-Фергани, за нимъ *борджанъ* называетъ арабъ Эль-Гарами (пис. 845—46), текстъ котораго сохранился въ выпискѣ у Ибнъ-Кхордадъ-Бега; изъ Аль-Фергани ясно только, что Борджанія лежала къ западу отъ Константинополя; Эль-Гарами говоритъ, что византійская имперія раздѣляется на четырнадцать провинцій, вторая изъ нихъ Өракія (Dorakya, Tarakia), граничитъ на западѣ *со страною борджанъ*, съ Македоніей — на югѣ и съ Хозарскимъ моремъ (Черное) на сѣверѣ; *третья* провинція, Македонія граничитъ на югѣ съ Сирійскимъ моремъ, на западѣ съ *страною славянъ*, на

---

1) «Septimum denique clima ob oriente itidem sc. boreali Jagôgum regione exorsum protenditur per Turcarum terras, borealia Caspii maris littora, tum per mare Euxinum et paludem Maeotidem, porro per regiones Burgiânae atque Sclavoniae. Terminatur item mari Hesperio».

«Reliquum vero habitati tractûs, quod quidem cognovimus ultra haec climata proferri, initium quoque capit ab oriente scil. Jagogum regno. Dehinc Tagárgarûm, Turcarum, Tatarorum et Alanorum regna secat. Diende per Burgianam et Sclavoniam tendit, tandemque a mari Hesperia finem habet». Fergani Elem. astr. Amst. 1669 Cap. IX p. 38—39 apud Гедеоновъ: Отрывки о Варяжск. вопр. p. 82—3.

2) «Clima sextum quoque ab Oriente per Jagôges porrigitur, tum der Cházaros et medium mare Caspium transit, usque Romanorum ditionem et secat Charasânam, Amasiam, Heracleam, Chalcedonem Constantinopolim, tractus Burgianae, et tandem finitur ad mare Hesperium». ibid.

сѣверѣ съ *страною борджанъ*[1]). Соображая эти топографическія указанія, нельзя не видѣть, что Борджанія какъ разъ совпадаетъ съ страною болгаръ дунайскихъ, Славонія же или земля славянъ— съ страной юго-западныхъ, адріатическихъ славянъ; подтверждается это и показаніемъ Массуди: «борджане, говоритъ онъ, идутъ отъ колѣна Юнана сына Яфетова, ихъ область велика и обширна, они дѣлаютъ нападенія на *грековъ* и *славянъ*, *хазаръ* и турковъ, но *всего сильнѣе* на *грековъ*. Отъ *Константинополя* въ *землю борджанъ 15 дней пути*, а самая ихъ страна простирается на 20 дней ѣзды — въ длину и 30 — въ ширину. Область борджанъ окружена колючимъ плетнемъ (dornigen Zaune), въ которомъ находятся отверстія на подобіе оконъ изъ дерева. Деревни не огорожены подобнымъ плетнемъ. Борджане—маги (язычники) и не имѣютъ священнаго закона (книги); ихъ кони, употребляемые на войнѣ, всегда вольно пасутся на лугахъ и никто не ѣздитъ на нихъ въ не военное время; если поймаютъ человѣка, который сядетъ на военную лошадь въ мирное время — его предаютъ смерти. Когда они выходятъ на войну, то строются въ ряды. Стрѣлки (лукари) образуютъ передовую часть, а за ними находятся женщины и дѣти. Борджане не имѣютъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ монетъ, всѣ ихъ покупки и свадьбы платятся коровами и овцами. Когда между ними и греками существуетъ миръ, то борджане привозятъ грекамъ въ Константинополь дѣвицъ и

---

1) Barbier de Meynard. Le livre des routes d' Ibn-Khordad-beh. P. 1865, p. 224—5. Cf. Reinaud. Géographie d'Aboul-féda. t. 2, p. 283 not. На тожество борджанъ и болгаръ дунайскихъ первый указалъ Оссонъ: Les peuples du Caucase p. 260—2, въ пользу этой мысли онъ привелъ и иныя свидѣтельства, почерпнутыя изъ болѣе позднихъ арабскихъ и персидскихъ источниковъ. Эту догадку Оссона раздѣляютъ и другіе ученые: Дефремри: Fragments de géographes et d' historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. P. 1849. (отт. изъ Journal asiatique 1849 № 10), p. 203—4 nota, Рено: Géographie d'Aboulféda. t. II, p. 331 not., Гедеоновъ: О Варяжск. вопросѣ, p. 83 et. not; Шармуа: Relation de Mas'oudi, p. 386 (или 90 отт.) not. 169—видитъ здѣсь бургундовъ, бургіоновъ (Burgiones, Burgundiones), обитавшихъ въ прибалтійскихъ странахъ, но такое мнѣніе основано лишь на одномъ внѣшнемъ созвучіи именъ и противорѣчитъ яснымъ топографическимъ указаніямъ арабовъ.

отроковъ[1]) изъ рода славянъ.... Далѣе, между ними существуетъ обычай, ежели рабъ какъ-нибудь ошибся или провинился, и его господинъ хочетъ его бить, то рабъ падаетъ предъ нимъ на землю—безъ всякаго съ чьей-либо стороны принужденія, и господинъ бьетъ его сколько душѣ угодно. Ежели же рабъ встанетъ прежде позволенія, онъ теряетъ жизнь. Еще существуетъ между ними обыкновеніе: при наслѣдованіи надѣлять женщинъ богаче, чѣмъ мужчинъ» [2]). Такимъ близкимъ къ грекамъ народомъ, ведущимъ съ ними, а также съ славянами и хозарами постоянную войну, берущимъ рабовъ на славянахъ, могли быть только *болгаре дунайскіе* [3]). И въ приведенномъ извѣстіи ничто не противорѣчитъ ихъ полу-славянскому, полу-азіатскому характеру. Причина, почему названіе Болгаріи, болгаръ выродилось въ Борджанію, борджанъ, можно полагать съ Дефремри, чисто лингвистическая: у арабскихъ писателей не рѣдко употребляются имена Borghar, Borghal вм. Bulgar, Bolghar; такое наименованіе представляло удобный поводъ къ дальнѣйшей порчѣ собственнаго имени, и изъ Borghar—явилось Bordjan. Конечно, такую ошибку

---

1) Мѣсто испорченное въ нѣмецкомъ переводѣ Кремера: Ist Frieden zwischen ihnen und den Griechen, so führen die Rordschan Mädchen und Knaben aus dem Geschlechte der Slawen oder der (?) Griechen nach Constantinopel. Аль-Бекри, передающій тоже о борджанахъ въ сокращеніи—говоритъ яснѣе: «Когда греки заключаютъ съ ними миръ (борджанами), они платятъ имъ дань молодыми дѣвицами и отроками, *которыхъ они берутъ* на *славянахъ*. Defrémery. Fragments etc. p. 24 — 5. Нельзя при этомъ не вспомнить словъ Святослава о Болгаріи: «яко есть середа въ земли моей: яко ту вся благая сходятся..., изъ Руси скора и воскъ, медъ и *челядь*».

2) Изъ неизданнаго сочиненія Массуди «Лѣтописи времени» v. Kremer:: Bericht über meine wissenschaftl. Thätigkeit in Haleb, въ Sitzungsberichte der philosoph-hist. Classe d. wien. Akad. 1850, p. 210 — 211. Мы нарочно привели вполнѣ—за вычетомъ извѣстій о погребальныхъ обычаяхъ борджанъ, это, въ высшей степени замѣчательное мѣсто Массуди о болгарахъ: въ археологическомъ отношеніи оно — истинная драгоцѣнность, тѣмъ болѣе, что несомнѣнно принадлежитъ очевидцу. Замѣтимъ также, что это извѣстіе въ сокращеніи перешло въ сочиненіе Аль-Бекри († 1094) «Пути и Области», извлеченія изъ котораго представилъ Дефремри.

3) Рено, Géog. d' Ab. II, 813 not. замѣчаетъ, что вѣроятно, имя борджавъ ридавалось также аварамъ и сербамъ.

языка (lapsus linguae) сдѣлалъ какой-нибудь одинъ писатель, но съ той поры она могла войти въ общее употребленіе тѣмъ легче, что арабы всегда пользовались трудами своихъ предшественниковъ.

Итакъ, *Борджанія* и *Славонія* (Sclavonia) Аль-Фергани—будутъ страны *нынѣшнихъ юго-западныхъ славянъ*.

Ибнъ-Кхордадъ-бегъ помѣщаетъ землю славянъ на западѣ, въ Европѣ, на ряду съ Андалузіей, землею грековъ и франковъ. Изъ Германіи[1]), по его словамъ, можно итти чрезъ землю славянъ—въ городъ Хозаръ и къ Каспійскому морю, изъ земли славянъ вывозятся рыбы чрезъ Западное море (? Maghreb), лежащее за страною славянъ до города Boulyah и не посѣщаемое никакими кораблями и торговыми судами; мало этого — Ибнъ-Хордадъ-бегъ знаетъ и *руссовъ, принадлежащихъ къ племени славянъ*: «они, говоритъ онъ, ходятъ въ самыя отдаленныя страны отъ *земли славянъ*, спускаются съ товарами по *рѣкѣ славянъ* (Волгѣ) въ Каспійское море»[2]). Торгуютъ русскіе и съ греками, императоръ которыхъ взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ, и на Средиземномъ морѣ, гдѣ они продаютъ бобровые и лисьи мѣха, а также и сабли (épées). Опредѣленнымъ представляется намъ только послѣднее показаніе, принадлежность *руссовъ* къ *племени славянъ*; что же касается до *земли славянъ*, то можно думать, что подъ ней Ибнъ-Кхордадъ-бегъ разумѣлъ земли, лежавшія на сѣверо-западъ отъ Чернаго моря и преимущественно *землю русскую*; иначе, зачѣмъ было называть *Волгу—рѣкою славянъ*, зачѣмъ было говорить, что *русскіе* купцы ходятъ въ отдаленнѣйшія страны отъ *земли славянъ*[3])!

1) У Барбье де Мейнара, p. 265, вмѣсто Германіи стоитъ Арменія, что имѣетъ весьма затруднительный географическій смыслъ, если не вовсе не имѣетъ никакого смысла; Рено, Géogrph. d'Ab. I, LIX, предполагаетъ ошибку писца и ставитъ Германія: ошибка была тѣмъ возможнѣе, что зависѣла отъ одной черточки.

2) Le livre des routes. ed. Barbier de Meynard'a p. 213, 214, 264—5. Cf. Reinaud. Géograph. d' Aboulféda. t. I p. LIX.

3) Вопросъ—откуда идетъ мнѣніе нашего путешественника о генерической принадлежности руссовъ къ славянскому племени: самъ ли онъ вывелъ это

Массуди знаетъ о славянахъ гораздо болѣе: онъ знакомъ съ ними не по однимъ слухамъ: территорія ихъ, по его извѣстію— касается необитаемаго [1]) сѣвера, граничитъ съ востокомъ и отсюда распространяется на западъ; славяне раздѣлены на многія племена и ведутъ войну съ греками, франками, ломбардами (лонгобардами?) и другими варварскими народами [2]); Массуди знаетъ и отдѣльныя племена южныхъ и западныхъ славянъ, онъ приводитъ собственныя имена ихъ, изъ которыхъ иныя ясны съ перваго взгляда, какъ лужане, кышане, сербы, хорваты, моравы, дулѣбы; другія ждуть еще объясненія †, онъ передаетъ любопытныя, и во многихъ случаяхъ подтверждающіяся другими источниками, свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ славянъ, однимъ словомъ, онъ коротко знаетъ славянъ, какъ очевидецъ, или — по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, черпавшій свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, изъ разсказовъ правдивыхъ очевидцевъ [3]). *Славян-*

вѣрное этнографическое заключеніе, или какое изъ русскихъ племенъ — подобно новгородцамъ—носило племенное имя славянъ; вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, насъ не касается, хотя мы и не можемъ не замѣтить, что эти руссы—славяне, по всему вѣроятію, были отъ одного изъ сѣверно-русскихъ племенъ, носившихъ племенное названіе словенъ, сравни объ этомъ прекрасные замѣчанія г. Гедеонова въ III главѣ (стр. 31—43) его сочиненія о Варяжскомъ вопросѣ.

1) Этотъ необитаемый сѣверъ, по замѣчанію Рено, Géogr. d'Aboulf. 1, CCXCIV, начинался для Массуди въ недалекомъ разстояніи на сѣверъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей.

2) Barbier de Meynard. Maçoudi гл. XXIV. Шармуа. Relation etc. гл. XXXII, стр. 16 и сл. от. Kremer l. c. p. 208 — 9.

† Объясненіемъ этихъ именъ, кромѣ Оссона: Les peuples du Caucase p. 220 sq, въ особенности занимался Шармуа, Relation p. 380 (или 84) et sq. и Лелевель—Géographie du Moyen âge, Br. 1852, t. III—IV p. 47—52.

3) Былъ ли Массуди въ странахъ славянъ — достовѣрно сказать нельзя; извѣстно только, что въ этой части своего труда онъ пользовался какими-то (письменными?) источниками, см. начало XXXIV главы (Шармуа XXXII, p. 312 или 16): «Les Slaves descendent de Mar, fils de Japhet.... telle est du moin opinion la plus généralement soutenue par les hommes qui ont appliqué leur intelligence á l'étude de cette question.» Къ извѣстіямъ, почерпнутымъ изъ темнаго слуха, должно отнести главу (XLVI) о баснословныхъ славянскихъ храмахъ. Что Массуди былъ въ землѣ хозаръ, на это существуютъ указанія въ его «Золотыхъ лугахъ» cf. Frähn, Ibn Foszlan's Berichte p. X, и Рено, Géogr. t. 1, p. CCXCVI.

ская земля Массуди — это почти вся огромная территорія, занятая славянскими племенами 10 в.; онъ перечисляетъ племена западныя и южныя, восточныя же собираетъ въ одно общее, коллективное, племенное имя *Руси*. «Руссы, говоритъ онъ, генерическое названіе для *огромнаго* числа племенъ, самое многочисленное изъ нихъ называетъ лудане (Loudaaneh, el-Losa'ane, по Френу=ладожане, по Лелевелю=лучане изъ луцка, на Стирѣ) т. е. русскіе лужане, лютичи (cf. Šafařík, Starož. 2 vyd. t. 2, p. 150—1.); осѣдлое жилище руссовъ Массуди помѣщаетъ на побережьѣ русскаго (Чернаго) моря, и всю землю на сѣверъ отъ Чернаго моря и западъ отъ странъ хозаръ и булгаръ онъ разсматриваетъ, какъ *землю руссовъ* [1]).

Предположивъ даже, что имя *руссовъ* пришло къ восточнымъ славянскимъ племенамъ съ (скандинавскаго) Сѣвера, нельзя не видѣть, что Массуди все же подъ ними понималъ не скандинавскихъ выходцовъ, а русское племя славянъ; вообще, въ извѣстіяхъ Массуди мы не встрѣтимъ ни одной черты, обличающей норманское происхожденіе руссовъ: норманны не могли быть *огромнымъ осѣдлымъ народомъ, состоящимъ изъ безчисленнаго множества племенъ*; морскіе разбои руссовъ на Каспійскомъ морѣ также не говорятъ ничего въ пользу ихъ норманскаго происхожденія; напротивъ, народъ осѣдлый на морскомъ побережьѣ, могущій выставить около 50 тысячъ воиновъ—необходимо указываетъ на коренныхъ туземцевъ, которые сами хорошо должны были быть знакомы съ тревогами морскаго наѣздничества [2]); Пираты—*маджусъ*, дѣлавшіе набѣгъ на Испанію въ 912 г., которыхъ Массуди принимаетъ за *руссовъ*—объясняются странностью географическихъ понятій араба: онъ допускалъ соединеніе Чернаго и Мэотійскихъ морей съ Балтійскимъ посредствомъ канала,

---

1) Cf. Reinaud. Géogr. d'Aboulf. 1, p. CCXCV et sq.

2) Объ осѣдлыхъ поселеніяхъ Руси на Черномъ морѣ много прекрасныхъ замѣчаній высказано г. Гедеоновымъ: «Отрывки» о Варяж. вопросѣ» г. V, p. 53.

и такъ какъ за страною руссовъ, по его понятіямъ, была уже необитаемая пустыня, то естественно, что, слыша о набѣгѣ на Испанію варваровъ съ Сѣвера чрезъ Океанъ, онъ долженъ былъ прійти къ мысли, что это—руссы, переправившіеся чрезъ воображаемый каналъ изъ Чернаго моря въ Балтійское [1]); ко всему этому мы можемъ прибавить еще, что разсказывая о *руссахъ* въ Хозаріи, Массуди всегда ставитъ ихъ въ ближайшую связь съ *славянами*: *руссы* и *славяне*—его обыкновенное выраженіе, они *вмѣстѣ* обитаютъ въ одномъ концѣ Итиля, имѣютъ *одинакую* религію и обычаи, управляются *одним*ъ судьею, находятся *вмѣстѣ* на службѣ у хозарскаго владыки.

О хозарскихъ славянахъ позволительно думать, что они—не тѣ (юго-западныя) племена, обычаи и зданія которыхъ Массуди описалъ въ XXXIV и XLVI главахъ, что эти славяне — тѣ же русскія сѣверныя племена, въ отличіе отъ южныхъ (руссовъ) именовавшіяся племеннымъ именемъ *словенъ* [2]); такое заключеніе естественнѣе, чѣмъ мысль, что на службѣ у хозарскаго владыки были славяне, приходившіе съ юго-запада.

Итакъ, если ничто не говоритъ въ пользу *норманскаго* происхожденія массудіевой Руси, если ничто не противорѣчитъ въ ней происхожденію *славянскому*, если многое прямо указываетъ на послѣднее, то мы имѣемъ полное право заключать, что *саклабы* Массуди были преимущественно племенемъ юго-западныхъ славянъ, *Русь* же его, несомнѣнно—племя славянъ восточныхъ, русскіе славяне X-го вѣка.

Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о *славянахъ* опредѣлительно только

---

1) Reinaud. Géographie d'Aboulfeda t. 1. Intr. p. CCXCVIII—IX. При чемъ онъ прибавляетъ: «si quelques savants se sont autorisés de ce passage pour dire que dans l'opinion de Massoudi les Russes étaient les Normands, ils ont commis une grave erreur». Въ франц. переводѣ Barbier de Meynard'a, t. 1. p. 364—5, вмѣсто Океана, по которому приплываютъ пираты (маджусъ) въ Испанію—стоитъ Средиземное море, хотя потомъ, далѣе говорится объ Океанѣ!!

2) Гедеоновъ. Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ, глава III: «Словене и Русь».

одинъ разъ [1]), что онп повинуются хозарскому Хакану и состоятъ въ его власти (Frähn, De Chasaris Spb. 1822, p. 18, св. стр. 038), о *Руси* же — онъ говоритъ подробно. Ибнъ-Фоцланъ далекъ отъ какихъ бы то ни было ученыхъ, этнологическихъ и географическихъ, замѣчаній, онъ просто передаетъ то, что онъ видѣлъ и что успѣлъ свѣдать отъ посторонних лицъ, булгаръ и русскихъ; его извѣстія нужно разбирать совершенно иначе, чѣмъ извѣстія предшествующихъ арабовъ; критика ихъ можетъ быть только этнографическая, бытовая. Съ этой стороны на Ибнъ-Фоцлана обратилъ вниманіе до сихъ поръ одинъ только пок. акад. *Кругъ*, черновой комментарій котораго изданъ по его смерти А. А. Куникомъ [2]). Кругъ смотритъ на Ибнъ-Фоцлановыхъ руссовъ, какъ на племя скандинавское, и съ этой точки зрѣнія ищетъ въ скандинавскихъ источникахъ подтвержденія извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана; мы становимся на совершенно иную точку зрѣнія: для Круга—Ибнъ-Фоцлановы руссы—напередъ рѣшенное скандинавское племя, онъ идетъ отъ *несомнѣнной*, по его мнѣнію, *истины* о скандинавскомъ происхожденіи Руси, онъ приводитъ только *объяснительныя статьи* къ ней, не *доказываетъ*, *а объясняетъ* ее; мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ эту *гипотезу* и *ищемъ* затерянный племенной корень Ибнъ-Фоцлановыхъ руссовъ; готовой мысли о скандинавствѣ Руси мы противопоставляемъ вопросъ объ этнологіи руссовъ Ибнъ-Фоцлана. Зная уже, что Ибнъ-Хордадъ-бегъ и Массуди подъ именемъ *руссовъ* разумѣютъ *племена восточныхъ славянъ* или *славянъ русскихъ*, естественно и здѣсь, прежде всего, остановиться именно на *нихъ*.

---

1) На основаніи сказаннаго въ примѣч. на стр. 05-ой мы не можемъ отнести къ славянамъ того, что Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о придворныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ обычаяхъ булгаръ—въ извѣстіи, занесенномъ въ географію Казвини (у Шармуа Relation etc. p. 340—1 или 44—5 от. от.).

2) Комментарій Френа—сюда нейдетъ: онъ почти весь состоитъ изъ филологической критики текста, и только кое гдѣ касается самаго содержанія. Объясненія Круга напечатаны въ его Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. II, Spb. 1848 p. 465—535.

Итакъ, не должно ли въ Руси Ибнъ-Фоцлана видѣть русскихъ славянъ?

Чтобы отвергнуть или доказать эту мысль, мы пройдемъ извѣстія Ибнъ-Фоцлана, подвергнемъ ихъ посильной повѣркѣ какъ норманскими, такъ и славянскими источниками, обращая при этомъ особое вниманіе на комментарій Круга; если явный перевѣсъ останется на сторонѣ скандинавскаго характера Иб.-Ф. Руси, то вопросъ, поставленный нами, упадетъ самъ собою; въ случаѣ же равновѣсія, онъ останется въ силѣ и потребуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Замѣтимъ, что объясненія Круга имѣютъ отрывочный, необработанный характеръ: иногда—это объясненія, прямо идущія къ дѣлу, иногда это просто личное мнѣніе изслѣдователя, хотя и подкрѣпленное доказательствами, но доказательствами, относящимися не къ извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана, а къ личнымъ же мнѣніямъ комментатора. Само собою разумѣется, что мы опустимъ всѣ личныя мнѣнія ученаго и остановимся только на его прямыхъ объясненіяхъ словъ Ибнъ-Фоцлана.

Мы уже имѣли поводъ говорить (стр. 69—70) о характерѣ извѣстій Ибнъ-Фоцлана, при чемъ замѣтили, что къ нимъ нельзя относиться безъ критики: они не чужды вольныхъ и невольныхъ преувеличеній, проистекавшихъ какъ отъ руководителей, которымъ онъ довѣрился, такъ и отъ личнаго взгляда писателя, его стремленія поразсказать своимъ читателямъ необычайныя дѣла, какія ему пришлось увидѣть. Здѣсь мы найдемъ полное подтвержденіе нашего взгляда. Обозначимъ предварительно всю сравнительную выгоду норманскаго комментатора предъ славянскимъ: послѣдній владѣетъ лишь немногими свидѣтельствами о языческой Руси, первый же имѣетъ множество памятниковъ норманскаго язычества; самый характеръ ихъ, скупой относительно Руси, слишкомъ щедръ для нормановъ: мы видимъ ихъ среди мелочей домашняго быта, въ живой обстановкѣ нравовъ, одежды, вооруженія и украшеній; все это ближе подходитъ къ характеру извѣстій Ибнъ-Фоцлана, чѣмъ отрывочныя и глухія извѣстія о русскомъ язычествѣ; потому, гдѣ русскій комментаторъ долженъ

довольствоваться *приблизительными* указаніями и вѣроятностью, гдѣ онъ можетъ заключать только о томъ, что извѣстное явленіе не *противорѣчитъ* языческому русскому быту и его порядкамъ, тамъ послѣдователь норманскаго происхожденія Руси въ состояніи бываетъ представить аналогіи прямыя, имѣющія на первый взглядъ всю силу убѣдительности; но позволительно ли на нихъ основывать этнологическія рѣшенія — это вопросъ, на который можно отвѣчать отрицательно и потому, что норманы и славяне— были племена одного происхожденія, что они и до настоящаго времени имѣютъ много общаго въ правахъ и обычаяхъ, общаго не въ смыслѣ заимствованія, а въ смыслѣ нравственнаго наслѣдія, вынесеннаго изъ общей колыбели; эти черты независимаго родства въ X вѣкѣ были, конечно, еще ближе и тожественнѣе; да и самая степень гражданственности норманов X-го вѣка не стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ степенью культуры русскихъ славянъ; иначе не будетъ понятенъ самый первый фактъ русской исторіи, призваніе чужихъ (скандинавскихъ?) правителей, если только должно принимать это призваніе за *дѣйствительный* историческій фактъ, а самыхъ *князей — за дѣйствительныхъ* норманов.

Изо всего этого видно, какія, почти непреоборимыя, трудности встрѣчаютъ изслѣдователя въ точномъ опредѣленіи этнологіи Ибнъ-Фоцлановыхъ руссовъ. Переходимъ къ его извѣстіямъ и замѣтимъ напередъ, что рѣчь идетъ не о простомъ народѣ, но о зажиточныхъ купцахъ, пріѣзжавшихъ торговать въ Булгаръ.

«Я видѣлъ руссовъ (Русь), какъ они пришли съ своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ.»

Кругъ (стр. 507) приводитъ изъ сѣверныхъ источниковъ достаточное количество свидѣтельствъ о распространенной торговлѣ древнихъ скандинавовъ съ другими странами (между прочимъ и съ Русью); остается неяснымъ, какихъ скандинавовъ видѣлъ Кругъ въ русскихъ купцахъ Ибнъ-Фоцлана: потомковъ ли пришедшихъ когда-то съ 3-мя братьями князьями и уже осѣдлыхъ на Руси, или просто купцовъ, выѣхавшихъ временно изъ сѣвер-

наго отечества для торговли съ Русью и востокомъ? Это вопросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не маловажный. Между тѣмъ, не мало можно также указать и свидѣтельствъ о торговыхъ сношеніяхъ собственно русскихъ племенъ съ булгарами и хозарами: для 9-го вѣка мы имѣемъ ясное, положительное извѣстіе Ибнъ-Кхордадъ-бега, который, какъ мы видѣли, не допускаетъ сомнѣній на счетъ народности русскихъ купцовъ, прямо выводя ихъ изъ племени славянъ (см. выше, стр. IX—X) свидѣтельство Массуди, какъ ни рѣшительно и важно оно, мы опускаемъ, слѣдуя правилу, что спорное — не объясняется спорнымъ; Эль Истахри прямо говоритъ, что булгарскіе купцы ходили до Кутабы (Куябе=Кіева); стало быть русскіе въ 10 в. стояли въ торговыхъ сношеніяхъ съ булгарами, и нѣтъ сомнѣнія, что эти сношенія были взаимныя: третья вѣтвь *русскихъ племенъ*, по Эль-Истахри — Утане, мѣсто пребыванія князя ихъ — Арба, (по др. Эрза), но сюда не приходитъ никто изъ купцовъ (булгарскихъ и арабскихъ), а между тѣмъ самъ Истахри говоритъ, что изъ Арбы *вывозятъ черныхъ соболей* и олово, вывозятъ, конечно, русскіе купцы — въ Булгарію и въ Хозарію, два средоточія восточной торговли того времени. Ясно, что эти мѣста посѣщались русскими (изъ племени славянъ) купцами. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» знаетъ путь изъ Руси по Волгѣ въ Болгары и Хвалиссы (Лавр. сп. стр. 3), нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь былъ исключительно торговый; Татищевъ въ своей Исторіи [1]) сберегъ одно древнее извѣстіе, относящееся ко времени Владиміра, о привиллегіяхъ, данныхъ кіевскимъ княземъ булгарскимъ купцамъ, «дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали и русскіе купцы со печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія»; не малымъ доказательствомъ *собственно русскихъ* торговыхъ сношеній съ булгарами и хозарами служитъ и топографія восточныхъ кладовъ. «Кіевъ, по словамъ пок. Савельева, велъ непосредственно торговлю съ Булгаромъ и Итилемъ.. Ближайшій путь въ Булгаръ

1) Исторія Россійская... кн. 2-я, М. 1773, стр. 88—89, подъ 1006 годомъ.

лежитъ отсюда по Деснѣ и волокомъ въ Оку. Этотъ то путь и разумѣли арабскіе писатели, (Истахри, Ибнъ-Хаукалъ) говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ мордовскую землю [1]). Это подтверждается и кладами съ арабскими монетами VIII, IX и X в., вырытыми въ Тульской губерніи. Но этотъ путь былъ по видимому не самый употребительный, по крайней мѣрѣ со времени руссовъ (Савельевъ считалъ руссовъ вообще и арабскихъ руссовъ—несомнѣнными норманами.. см. стр. CLXXIX его Мухаммед. Нумизм. и его Ахметъ эль-Катебъ Ж. М. Н. Пр. 1838 г. № 6). Они обыкновенно спускались изъ Кіева по Днѣпру, такъ какъ описываетъ Константинъ Порфирородный, и вступали въ Черное море, обогнувъ Таврическій полуостровъ, гдѣ были уже значительные торговые города...., изъ Азовскаго моря они подымались въ Донъ, и отсюда уже волокомъ втягивались въ Волгу, которая открывала имъ свободный путь и въ Итиль и въ Булгаръ» [2]). Эти ясныя свидѣтельства дѣлаютъ позволительнымъ въ купцахъ Ибнъ-Фоцлана—подозрѣвать и русскихъ (изъ племени славянъ). Можно ли съ такимъ же правомъ въ нихъ видѣть скандинавовъ? Естественно, что этотъ вопросъ приводитъ насъ снова къ обстоятельству, оставленному Кругомъ въ тѣни, именно—какихъ скандинавовъ: туземныхъ или временно пришедшихъ? Кажется, что на счетъ послѣднихъ не можетъ быть и рѣчи: нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы они назывались Русью, равнымъ образомъ и нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы они вели непосредственно торговлю съ булгарами: скандинавскіе источники: знаютъ 3 торговыхъ пути: *западный* (Vesturvegr) — въ Европу западную, *восточный* (Austurvegr) чрезъ нынѣшнюю Россію въ Царь-градъ, т. е. лѣтописный путь изъ Варягъ въ Греки и *сѣверный* (Norrvegr), огибавшій скандинавскій полуостровъ и чрезъ

---

1) Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Эль-Истахри — здѣсь нѣтъ и помина объ Эрзѣ или Мордовской землѣ.. Объ этомъ см. ниже.

2) П. Савельевъ. Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Спб. 1847. p. CXLIII—IV, p. LXIII—IV.

Нордъ-капъ приводившій въ Біармію; о торговлѣ скандинавовъ по этимъ путямъ свидѣтельствуютъ многіе памятники (Савельевъ, Мухам. Нумизм. CLXXX—II); но о *прямыхъ* сношеніяхъ скандинавовъ съ булгарами — мы до сихъ поръ не встрѣтили никакихъ указаній. Зная торговую предпріимчивость скандинавовъ, можно, конечно, предполагать, что они приходили и въ Булгаръ, изъ Біарміи или изъ Кіевской Руси по вышеуказанному пути; но безъ прямыхъ доказательствъ это предположеніе и останется лишь вѣроятностью[1]. Савельевъ указываетъ на клады съ арабскими монетами, мѣстонахожденіе которыхъ прямо подтверждаетъ существованіе русской туземной торговли съ булгарами и хозарами: въ самомъ дѣлѣ, не временные же, заѣзжіе гостинные люди хоронили въ русской землѣ эти сокровища; потому слѣдуетъ допустить, что это скандинавская Русь осѣдлая, дѣти или внуки тѣхъ, которые пришли съ 3-мя князьями; но допустивъ эту мысль, не исчезнетъ ли причина, по которой соединяютъ имя Руси исключительно съ норманами: въ 922 году, когда, по всему вѣроятію, Ибнъ-Фоцланъ имѣлъ случай увидѣть Русь въ Булгарѣ, этимъ именемъ, даже съ точки зрѣнія норманской теоріи, могли назваться и племена славянскаго происхожденія. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самые защитники норманской Руси ограничиваютъ значеніе норманскаго элемента преимущественно сферой политической жизни.

Итакъ, съ одной стороны мы видимъ несомнѣнные *факты* торговыхъ сношеній русскихъ славянъ съ булгарами, съ другой — *предположенія* о торговлѣ норманов съ тѣмъ же народомъ, и къ тому — имя *Руси* безъ норманскаго знаменованія.

«Никогда я не видѣлъ людей болѣе рослаго тѣлосложенія:

---

1) Къ тому же, по самой теоріи норманскаго происхожденія имени Русь— арабы преимущественно называли варенгами жителей Скандинавіи, а руссами—норманов, господствовавшихъ въ Россіи. Савельевъ, Мухам. Нумизм. стр. CLXXIX.

они высоки, какъ пальмы, имѣютъ русые (рыжіе) волосы и цвѣтъ лица румяный» [1]).

Въ комментаріи къ этому мѣсту Кругъ (стр. 509) приводитъ мѣста изъ Іорнанда и другихъ свидѣтелей-лѣтописцевъ о высокомъ ростѣ нормановъ; но сколько ни нашлось бы подобныхъ указаній, они едва ли могутъ имѣть значеніе отличительнаго этнографическаго признака: о славянахъ русскихъ никакъ нельзя сказать, чтобы они были небольшаго роста [2]); русы (рыжій?) цвѣтъ волосъ и румяное лицо подали Расмуссену поводъ замѣтить: «id minime in Sclavos (plebem Russicam), sed egregie in Scandinavos, Varegos quadrat» [3]). Напрасно! Еще Прокопій (Lib. III, c. 24) замѣчалъ, что славяне имѣютъ цвѣтъ лица не *совсѣмъ бѣлый* и волосы *рыжеватые*; далѣе — *русые* волосы (русы кудри) — постоянный идеалъ физической красоты русской народной поэзіи, такъ сказать типъ русскаго лица.

«Они не носятъ ни камзоловъ, ни кафтановъ. У нихъ мужчина носитъ грубую одежду, которую онъ набрасываетъ на одно плечо, такъ что одна рука его остается свободна» †.

Ибнъ-Фоцланъ глядитъ съ точки зрѣнія арабской одежды, въ которой постоянно употреблялись и кафтанъ и полукафтанье; дѣйствительно, ни въ памятникахъ письменности, ни въ памятникахъ древне-русской миніатюрной живописи такая одежда не представляется намъ обыкновенною, но что она существовала, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова того же Ибнъ-Фоцлана, который разсказываетъ далѣе, какъ русскіе одѣли своего покойника

---

1) Слѣдуемъ въ этомъ мѣстѣ опредѣленному переводу Оссона: ils ont les cheveux blonds et le teint vermeil (p. 90), Френъ (p. 5) передаетъ: fleischfarben und roth; Расмуссенъ (p. 32) russei rufique (sc. blonds). Смыслъ, впрочемъ, одинаковъ.

2) Сравненіе съ пальмою—восточная реторическая фигура. Френъ. p. 72.

3) De Orientis Commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Hav. 1825 p. 32.

† У Расмуссена (p. 32): neque tunicis Orientis neque chaftanis se cingunt (i. c. more Orientis haud vestiuntur); sed viri pallio se induunt; Оссонъ (p. 90): ni vestes, ni tuniques.

въ куртку и кафтанъ изъ золотой парчи. Обыкновенною древнерусскою одеждою представляется *корзно, мятль*=плащъ, она набрасывалась на лѣвое плечо и застегивалась запонкою на правомъ, такъ что правая рука оставалась *совершенно свободною* [1]).

«Каждый носитъ при себѣ топоръ (сѣкиру), ножъ и мечъ. Они всегда ходятъ съ этимъ оружіемъ. Ихъ мечи широки, волнообразно отточены и европейской (французской) работы. На одной сторонѣ ихъ отъ острея до рукоятки изображены деревья, фигуры и другое, тому подобное» [2]).

«Кругъ въ комментаріи (р. 510—11) документально показываетъ, что у скандинавовъ была въ употребленіи *сѣкира*, но здѣсь же приводитъ и нѣкоторыя мѣста русскихъ лѣтописей, свидѣтельствующія, что тоже оружіе было военнымъ оружіемъ и русскихъ племенъ, напр.: I новг. стр. 281: секырою и ножемъ, с. 360: съ топорцемъ, с. 361: топоръ; 332: ножъ. Какому народу ни принадлежало бы изобрѣтеніе обоюдоостраго *меча*, но въ IX—X вѣкахъ это оружіе является *обычнымъ* у русскихъ славянъ: имъ они такъ отличались отъ южныхъ тюркскихъ кочевниковъ, употреблявшихъ *сабли*, что даже создалась особая сказка, какъ бы въ прославленіе *меченосныхъ* полянъ предъ *сабельными* хозарами [3]); самый терминъ, послѣ основательныхъ разъясненій

---

1) См. Изображенія такой одежды въ соч. г. Срезневскаго: Древнія изображенія Св. княз. Бориса и Глѣба. Спб. 1863, рисунки съ фресокъ церквей новгородскихъ, см. на стр. 26 и сл. разсужденіе о самой одеждѣ. Замѣтимъ, что схожая одежда была у скандинавовъ: *möttull*, она была *безъ рукавовъ*, какъ теперешній плащъ. Cf. Weinhold. Altnordisches Leben. B. 1856, p. 167—8.

2) Послѣднее представляется въ текстѣ въ испорченномъ видѣ. Оссонъ loc. c., слѣдуя Сильвестру де Саси, думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ *о татуировкѣ* (!!) русскихъ; Расмуссенъ (p. 33, not): seq. haud intelligo. Auctor loquitur de ornamentis vaginarum gladiorum. Я перевелъ по Френу. l. c. p. 77—8.

3) Хозары заставляютъ полянъ платить имъ дань, они «сдумавше» даютъ *отъ дыма мечь*; хозары принесли мечи и показали своему князю «Рѣша же старци Козарстіи: недобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіе одиною стороною, рекше *саблями*, а сихъ оружіе обоюдо остро, рекше *мечь*; си имутъ имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбыстъся все... Полн. Соб. рус. лѣт. I, стр. 7.

г. Срезневскаго[1]), не можетъ считаться заимствованнымъ отъ нормановъ. Широкіе, волнообразные мечи западной (французской=ефранджие?) работы, по указаніямъ Круга, въ Скандинавіи считались *рѣдкостью* и высоко цѣнились; дѣйствительно— въ сѣверныхъ могилахъ, представившихъ огромное количество мечей, *волнообразные* попадаются въ небольшомъ количествѣ [2]); видно—это оружіе не было обыкновеннымъ оружіемъ народа, а только нѣкоторыхъ, знатныхъ и богатыхъ; могли его имѣть и русскіе богатые купцы, чрезъ землю которыхъ шелъ торговый путь изъ «Варягъ въ Греки». Извѣстіе о фигурахъ, изображенныхъ на мечахъ, сколько знаемъ, не встрѣчаетъ подтвержденія ни въ скандинавскихъ, ни въ русскихъ источникахъ, и если правильно чтеніе и объясненіе Френа, мы пріобрѣтаемъ здѣсь новый археологическій фактъ X-го в., къ кому бы ни относился онъ: къ норманамъ или русскимъ славянамъ.

«Женщины носятъ на груди небольшую коробочку изъ желѣза, мѣди, серебра или золота, смотря по состоянію и обстоятельствамъ своего мужа; къ коробочкѣ прикрѣплено кольцо, на которомъ виситъ ножъ также на груди. На шеѣ женщины носятъ золотыя и серебряныя цѣпи; именно, если мужъ имѣетъ состояніе въ десять тысячъ диргемъ, онъ заказываетъ женѣ своей цѣпь, если въ — двадцать, то она получаетъ двѣ цѣпи, и такъ жена его получаетъ по цѣпи по мѣрѣ того, какъ состояніе его увеличивается десятью тысячами диргемъ, потому часто русская женщина носитъ на шеѣ цѣлое множество цѣпей. Самое роскошное украшеніе женщинъ — бусы зеленаго стекла [3]), подобныя тѣмъ,

---

1) Мысли объ исторіи русскаго языка Спб. 1850, стр. 145—6.

2) Если принять за норму такаго меча тотъ, который находится въ дрезденскомъ собраніи (изображенъ у *Lepkowskiego*, Broń sieczna, Kr. 1857, tab. III, № 22) и представляетъ тк. наз. *мечъ пламенный*, то въ сѣверныхъ могилахъ не отыщется ничего подобнаго; волнообразная линія сѣверныхъ бронзовыхъ мечей не рѣзка (см. Atlas de l'Archéologie du Nord, Cop. 1857, tab. II—III), въ *желѣзныхъ* же вовсе не существуетъ: они имѣютъ лезвіе прямое (см. Ворсо, Сѣверныя Древности, Спб. 1861, стр. 79, 119. 168—9).

3) По другому списку: зеленыя бусы или кораллы изъ глины.

какія находятся на корабляхъ [1]). Они слишкомъ гоняются за ними, платятъ за каждую бусину по диргемѣ и составляютъ изъ нихъ ожерелье своимъ женамъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что коробочка, о которой говоритъ И. Ф. была женскимъ украшеніемъ: Расмуссенъ замѣчаетъ при этомъ (p. 33, not.): «harum capsularum multae: aureae, deauratae, argenteae, argentatae et aeneae in Museis nostris servantur»; онѣ разной формы: овальны, круглы, съ отверстіями и при нихъ когда то (olim) висѣло кольцо. Положимъ, что дѣйствительно такія коробочки были въ употребленіи у норманскихъ женщинъ, спрашивается — однѣ ли онѣ ихъ носили, и исключаетъ ли это такія же украшенія женъ богатыхъ русскихъ купцовъ? При отсутствіи положительныхъ свѣдѣній, какъ, откуда и какими путями распространялись по Европѣ металлическія украшенія, нельзя сказать ничего достовѣрнаго объ этихъ предметахъ роскоши: были ли они туземнаго, европейскаго производства или привозились извнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничивать ихъ употребленіе Скандинавіей: подобныя украшенія были распространены по Европѣ и находятся не рѣдко въ земляхъ славянъ: такъ въ одной, по мнѣнію Воцеля чешской, могилѣ [2]), принадлежащей уже къ желѣзному вѣку культуры и потому съ вѣроятностью усвоиваемой славянамъ, найдены были двѣ бляхи, которыя первоначально составляли одну коробочку, она украшена выбитымъ изображеніемъ четвероногаго животнаго, внизу имѣла четыре отверстія, и въ срединныхъ изъ нихъ еще уцѣлѣли остатки серебряной проволоки, на нихъ, конечно, висѣлъ какой то предметъ, б. м. ножъ, черепокъ котораго най-

---

1) Расмуссенъ понимаетъ это мѣсто такъ: haud omnes promiscue uniones (бусы) volunt, sed quales e Persia per mare Caspium exportatos Arabs noster in navibus per Volgam navigantibus ipse vidit. p. 34 n. Френъ p. 90 not. тоже держался вначалѣ этого мнѣнія, но потомъ, подкрѣпленный Сильвестромъ де Саси — онъ полагалъ, что здѣсь разумѣются *восточные корабли, украшенные (на задней части) бусами*, которыя по мнѣнію моряковъ, предохраняютъ отъ бури.

2) Въ деревнѣ Желенки (Sehelenken).

денъ въ могилѣ пониже ладунки. Воцель, подробно описавшій находку [1]), не находитъ для нея другаго объясненія, какъ извѣстіе о грудной ладункѣ русскихъ женщинъ Ибнъ-Фоцлана. Сюда мы не задумываемся поставить и чудско-русскіе *сустуги*, о которыхъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» въ преданіи о мести Ольги, какъ древляне сидѣли «въ великихъ *сустугахъ* гордящеся». Слово уцѣлѣло донынѣ въ сѣверовосточной полосѣ Россіи для обозначенія груднаго металлическаго украшенія, бляхи, снизу которой спускаются цѣпи; нѣкоторые древніе *сустуги* были найдены въ пермской и другихъ мѣстностяхъ Руси, они, судя по изображеніямъ [2]), совершенно подходятъ къ ладункѣ Ибнъ-Фоцлановыхъ женщинъ..... Не была ли богатая и обильная металлами Біармія главной производительницей ихъ, не отсюда ли эти украшенія шли и къ русскимъ славянамъ и къ Скандинавамъ? *Цѣпи*, которыя носили женщины на шеѣ, также не могутъ служить доказательствомъ норманскаго происхожденія *русскихъ* Ибнъ-Фоцлана: Кругъ приводитъ только мѣсто изъ Инглинга-Саги, гдѣ одной женщинѣ даютъ, какъ Morgen-gabe —три помѣстья и одну золотую цѣпь; въ могилахъ славянскихъ земель цѣпи находятся не рѣдко: онѣ были найдены въ той же чешской могилѣ и въ нѣкоторыхъ русскихъ [3]); кромѣ того, кажется, что Ибнъ-Фоцланъ *цѣпями* могъ назвать и *витыя шейныя гривны* (Оссонъ передаетъ это мѣсто арабскаго путешественника словомъ collier), которыя были довольно распространеннымъ украшеніемъ и у насъ и на западѣ Европы. *Зеленыя бусы*, по свидѣтельству Фина Магнусена и Расмуссена (p. 34, not.), очень цѣнились въ Скандинавіи, онѣ могли высоко цѣниться и на Руси, какъ товаръ чужеземный,

1) Archäologische Parallelen (aus d. Sitzungsber. d. wien. Akademie 1853 т. XI), I, 1854, p. 38—46, особ. 41—2.

2) См. Ешевскій. Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ, въ Пермскомъ Сборникѣ, т. I, М. 1859, рисунки № 1, 23; превосходный *сустугъ* изъ серебра найденъ въ Лихвенскомъ уѣздѣ (Калужск. губ.), снимокъ и описаніе его во Временникѣ Общ., истор. и древностей, кн. V-ая, смѣсь стр. 37.

3) Wocel, Archäol. Parall. I, p. 40. Ешевскій, I. c. гр. К. Тышкевичъ О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. В. 1865, стр. 40—2.

привозимый съ Востока на корабляхъ. Такія бусы были находимы гр. К. П. Тышкевичемъ въ могилахъ западной Руси [1]), встрѣтились онѣ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ извѣстномъ Перепетовомъ курганѣ Кіевской губерніи [2]).

Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана, что русскіе купцы платили арабскою *монетою*, должно объяснить тѣмъ, что она была единственнымъ представителемъ монетной цѣнности на Руси того времени.

«Русь—самый нечистоплотный народъ, какой только созданъ Богомъ: они не очищаются по совершеніи естественныхъ нуждъ, не моются послѣ оскверненія ночнаго (R. post pollutionem v. coitum), точно дикіе ослы. Они приходятъ изъ своей страны, становятъ на якорь свои корабли въ Итилѣ, большой рѣкѣ, и на берегу ея строютъ большіе деревянные дома (бараки). Въ такомъ помѣщеніи живетъ ихъ десять, двадцать, болѣе или менѣе, человѣкъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою лавку для отдохновенія (постель), на которой сидитъ онъ и его красавицы-рабыни, назначенныя къ продажѣ; иногда какой нибудь изъ нихъ забавляется съ рабынею, а товарищъ смотритъ; иногда и многіе изъ нихъ находятся въ такомъ положеніи предъ глазами другихъ. Случается, что какой нибудь купецъ, желая купить рабыню, входитъ къ нимъ въ домъ и застаетъ ее въ сладострастныхъ объятіяхъ господина, который не прекращаетъ этого занятія, пока неудовлетворитъ своей похоти. Каждый день постоянно моютъ они лицо и голову самою грязною водою, какую только можно найти, именно: каждое утро приходитъ служанка, приноситъ большую лохань съ водою и ставитъ ее предъ своимъ господиномъ. Онъ моетъ въ ней руки и лицо, также волосы, чешетъ ихъ гребнемъ въ лохань, потомъ сморкается, плюетъ въ нее и не выплевываетъ нечистоты вонъ, а въ туже воду [3]). Когда онъ окончитъ, что слѣдуетъ, служанка переноситъ тотъ же самый

1) О Курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. стр. 30 sq. 36—7.

2) Древности издан. Кіевск. врем. Коммисіей, К. 1846, таб. IX. N 1—2.

3) Оссонъ переводитъ послѣднюю фразу: «il s'y mouche, il y crache, enfin l jette toutes ses ordrures dans cette eau». p. 92.

сосудъ къ его сосѣду, и онъ дѣлаетъ тоже. Такъ, поочередно, отъ одного къ другому, обноситъ она лохань, и каждый туда сморкается, плюетъ, моетъ лицо и волосы. Какъ скоро ихъ корабли стали на якорь на стоянку, каждый изъ нихъ идетъ въ городъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, лукъ, (чеснокъ), молоко и крѣпкій напитокъ (медъ), отправляется къ высокопоставленному чурбану, который имѣетъ точно человѣчье лицо и окруженъ небольшими изваяніями, за которыми поставлены снова высокіе колья (частоколъ). Онъ подходитъ къ большому деревянному изображенію, бросается предъ нимъ на землю и говоритъ: «владыка мой, я пришелъ издалека, привезъ столько-то рабынь съ собою, столько-то соболиныхъ шкуръ», и пересчитавъ такимъ образомъ всѣ свои привезенные товары, онъ продолжаетъ: «тебѣ принесъ я этотъ подарокъ», потомъ кладетъ принесенное предъ деревяннымъ идоломъ и говоритъ: «я прошу тебя, пошли мнѣ купца, богатаго чистыми золотыми и серебряными деньгами, который купилъ бы у меня все это и не перечилъ никакому моему требованію». Сказавъ это, онъ уходитъ прочь. Если его торговля идетъ плохо, и его пребываніе тамъ слишкомъ затягивается, онъ приходитъ снова, приноситъ второй и потомъ третій подарокъ. И если послѣ того, онъ все таки не достигаетъ того, чего желалъ, онъ приноситъ одному изъ небольшихъ идоловъ подарокъ и проситъ его о помощи, говоря: «это нашего бога — жены и дочери», и такъ переходитъ онъ отъ одного идола къ другому, прося ихъ о заступничествѣ и въ благоговѣніи преклоняясь предъ ними. Часто случается, что его торговля потомъ идетъ хорошо, и онъ продаетъ весь свой товаръ, онъ говоритъ: «мой Владыка исполнилъ мое желаніе, теперь мой долгъ его возблагодарить», затѣмъ, онъ убиваетъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, раздаетъ одну часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ большому идолу и стоящимъ вкругъ него малымъ, вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на колья, вбитые въ землѣ позади небольшихъ идоловъ. Ночью приходятъ собаки и пожираютъ мясо, тогда онъ говоритъ: «мой Владыка благосклоненъ ко мнѣ, онъ принялъ (сожралъ) мою жертву».

Съ нѣкоторымъ изумленіемъ останавливается Я. Гриммъ[1]) на чертѣ нечистоплотности и сладострастія русскихъ купцовъ, онъ находитъ эти качества совершенно несогласными съ порядками древне-сѣвернаго и вообще древне-нѣмецкаго быта; дѣйствительно, не только древне-сѣверному быту, но и быту всякаго народа противорѣчатъ эти извѣстія; ибо трудно подумать, чтобы какой человѣкъ сталъ умываться помоями другаго, имѣя подъ рукою чистую воду (въ Волгѣ)! Ибнъ-Фоцланъ не досмотрѣлъ и преувеличилъ видѣнное; преувеличеніе естественно вытекало изъ пресловутой чистоплотности арабовъ, получившей значеніе религіознаго предписанія; не находя у русскихъ тѣхъ постоянныхъ омовеній и очищеній, которыя соблюдаются правовѣрными мусульманами, путешественникъ съ отвращеніемъ взглянулъ на простое, и до сихъ поръ вездѣ на Руси употребительное, обыкновеніе умываться изъ одной посуды, перемѣняя лишь воду, ему показалось, что каждый моется помоями другаго... Могло такое преувеличеніе произойти и отъ неточнаго разсказа руководителя: Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, что русскіе купцы поутру умываются поочередно изъ *одной* лохани, и его воображеніе дорисовало остальное, когда онъ взялся за писчую трость, чтобы передать своимъ чистоплотнымъ соотечественникамъ видѣнное. Тоже должно сказать и о сладострастіи русскихъ: частный случай могъ дать поводъ къ картинѣ, краски же для нея представила арабская противуположность. Отстранивъ преувеличенное, мы въ этой части разсказа получимъ правильное наблюденіе, что русскіе купцы въ Булгарѣ имѣли свои домашнія обыкновенія, содержали себя по *своему*, т. е. *не по арабски*, и пользовались тѣми правами, какія предлагало рабство, для удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей. Очевидно, такое извѣстіе не имѣетъ рѣшительно никакой этнографической цѣны: въ равной мѣрѣ оно идетъ и къ славянамъ, и къ скандинавамъ, и ко всякому другому народу.

---

1) Kleinere Schriften, II p. 294.

Торговля требуетъ внимательнаго осмотра. Прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда приходила торгующая Русь. Изъ словъ Ибнъ-Фоцлана видно, что она приходила въ Булгаръ изъ своей земли путемъ рѣчнымъ и оттуда привозила свои товары: его купцы — *исключительно купцы* по роду занятій, они *исключительно ради торговли* приходятъ въ Булгаръ изъ своей страны и привозятъ *оттуда же* свой товаръ, они просятъ своихъ боговъ только объ успѣшной *распродажѣ* товара и *ни о чемъ* болѣе...; ни одна черта не указываетъ въ нихъ воиновъ — разбойниковъ, которые, случайно захвативъ добычу, продавали ее въ Булгарѣ, они ведутъ *постоянную* торговлю, потому имѣютъ опредѣленное мѣстопребываніе въ Булгарѣ (сравни выше, свидѣт. Массуди, стр. 012), опредѣленное мѣсто святилища; случайные удальцы не стали бы заводить его. И какимъ путемъ пришли бы норманы изъ своего отечества въ Булгаръ? Городъ лежалъ внѣ знакомаго имъ сѣвернаго и восточнаго путей, они могли проникнуть сюда или изъ Біарміи, или изъ Кіева чрезъ Черное и Азовское моря, Дономъ и волокомъ въ Волгу; но послѣднее крайне невѣроятно, а Біармія сама предлагала выгодный торговый рынокъ; допустить средній путь, чрезъ Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро Шексною въ Волгу, мы не можемъ по совершенному отсутствію всякихъ указаній. Въ такомъ положеніи, какъ были русскіе купцы Ибнъ-Фоцлана могли быть только или природные русскіе славяне или норманы переселенцы, избравшіе русскую землю своимъ вторымъ отечествомъ; и соображая всѣ обстоятельства разсказа Ибнъ-Фоцлана, нельзя не прійти къ мысли, что это были — первые т. е. русскіе славяне. Въ этомъ убѣждаетъ насъ какое то постоянство торговыхъ связей купцовъ съ Булгаромъ, ясно чувствуемое изъ разсказа Ибнъ-Фоцлана: торговля соболями предполагаетъ развитіе туземной промышленности [1]), которую трудно допустить для недавнихъ колонистовъ.

---

1) «Бобры, соболи и горностаи, говоритъ пок. Савельевъ, вывозились изъ земли Веси или нынѣшней Вологодской губерніи, соболи ловились въ странѣ Эрзы (губерн. Нижегородской и Симбирской); лучшія чернобурыя лисицы, про-

пришедшихъ притомъ съ военно административными цѣлями; торговля рабынями у русскихъ славянъ находитъ подтвержденіе въ словахъ Святослава, что изъ Руси идетъ воскъ, медъ, и *челядь* (Пов. вр. лѣтъ, подъ 6477 годомъ).

Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые думаютъ, что язычество русскихъ Славянъ не доросло до обычая придавать видимую форму образамъ боговъ, что истуканы, поставленные въ Кіевѣ Владиміромъ, были произведеніемъ его личныхъ соображеній, его желанія установить общественное богослуженіе: намъ извѣстно, что кумиры — dii manufacti по выраженію Титмара, стояли и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли, что ниспроверженіе ихъ сопровождалось *плачемъ* народа о своихъ богахъ; обычай придавать видимую форму божествамъ существуетъ и у племенъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, потому нѣтъ причинъ не относить извѣстія Ибнъ-Фоцлана къ русскимъ славянамъ; нѣтъ причинъ и *родственный союзъ* русскихъ боговъ Араба объяснять скандинавскими понятіями[1]): слѣды затерянной, можетъ быть нетвердой, генеалогіи боговъ видны и въ скудныхъ извѣстіяхъ о славяно-русскомъ язычествѣ. Жертвы богамъ рогатымъ скотомъ достаточно подтверждаются свидѣтельствомъ Прокопія[2]).

«Если они (русскіе) поймаютъ вора или разбойника, то приводятъ его къ высокому толстому дереву, затягиваютъ прочную

дававшіяся по 100 динаровъ носили названіе буртаскихъ по имени страны Буртасовъ, гдѣ онѣ добывались (Саратовская и Пензенская губерніи); выдры водились въ сѣверныхъ рѣкахъ, въ земляхъ Булгара, Руси и Кіева и привозились въ Булгаръ Руссами». Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи русской исторіи. Спб. 1847. стр. CCIV — V. Неужели въ странѣ, столь обильной пушнымъ товаромъ, торговлю производили *не свои* промышленники — купцы, а чужіе люди, неужели и самый товаръ шелъ не изъ ближайшей Руси, а изъ далекой Скандинавіи!?

1) Какъ это дѣлаетъ Расмуссенъ, видящій въ женахъ и дочеряхъ божества скандинавскихъ Фриггу, Герту (?) и Скаде, Гунладу, Ринду и Гриду. De Orientis Commercio. p. 36 in notis.

2) Καὶ θυουσιν αὐτῷ (т. е. богу-громовержцу) βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. De bello Goth. L. III, cap. 14.

веревку вокругъ его шеи, привязываютъ ее къ дереву и оставляютъ его висѣть, пока онъ, разложившись отъ вѣтра и дождя, не распадется въ куски».

Способъ казни, весьма обычный на Руси: лѣтопись (подъ 1071 годомъ) разсказываетъ, что такъ повѣшены были волхвы на Бѣлоозерѣ, въ 1489 г. такая казнь была совершена надъ двумя преступниками[1]), позднѣе — законодательство усвоиваетъ этотъ народный обычай.

«Они предаются пьянству самымъ нелѣпымъ образомъ и пьютъ день и ночь на пролетъ. Часто случается, что кто нибудь изъ нихъ умираетъ со стаканомъ въ рукѣ».

Въ своемъ комментаріи Кругъ приводитъ много свидѣтельствъ о чрезмѣрномъ употребленіи скандинавами крѣпкихъ напитковъ. Едва ли не болѣе свидѣтельствъ въ этомъ родѣ можетъ представить и русская старина. Почти съ самаго введенія христіанства церковная проповѣдь протестовала противъ этого порока и притомъ иногда прямо называла его «поганскимъ норовомъ»; въ русской народной поэзіи — пиръ и пьянство принадлежатъ къ самымъ основнымъ, обыкновеннымъ мотивамъ: съ этого идетъ починъ всякому дѣлу, отсюда иногда выходятъ послѣдствія, наполняющія все содержаніе былины. Довольно указать на Ваську Буслаева съ его разгульными товарищами, чтобы видѣть, что купеческая Русь въ Булгарѣ не представляла исключенія изъ общаго правила и что по этому только ее нельзя ставить въ рѣшительное родство съ скандинавами[2]).

«У князей русскихъ существуетъ обыкновеніе, что вмѣстѣ съ княземъ, въ княжьей палатѣ (или на княжьемъ дворѣ) живетъ четыреста храбрѣйшихъ и надежнѣйшихъ людей изъ его свиты, которые готовы умереть съ нимъ, или пожертвовать за него жизнью; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему при-

---

1) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. VI прим. 312.

2) По извѣстности предмета считаемъ излишнимъ приводить документальныя ссылки: кто знаетъ слова Θеодосія Печерскаго, тотъ не потребуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій извѣстіямъ арабскаго путешественника.

служиваетъ, моетъ ему голову, приготовляетъ ѣду и пищу, но при этомъ онъ имѣетъ еще и другую, которая служитъ ему наложницей. Эти четыреста сидятъ у (внизу) княжьяго стола, большаго и украшеннаго драгоцѣнными камнями. За столъ съ собою онъ садитъ сорокъ дѣвокъ, назначенныхъ для его постели. Иногда онъ забавляется съ одной какой изъ нихъ въ присутствіи упомянутыхъ знатныхъ мужей своей свиты. Своего сѣдалища (дивана) онъ никогда не покидаетъ; когда же онъ захочетъ удовлетворить естественной нуждѣ, онъ употребляетъ для этого особую посуду; если онъ хочетъ выѣхать, ему подводятъ коня къ самому сѣдалищу, откуда онъ на него и садится, захочетъ онъ сойти съ коня, то подъѣзжаетъ къ своему престолу такъ близко, что съ коня прямо садится на него.

Онъ имѣетъ своего намѣстника, который предводительствуетъ его войсками, сражается съ врагами и заступаетъ его мѣсто въ отношеніи къ подданнымъ».

Въ своемъ разсужденіи о «Варяжскомъ вопросѣ» (стр. 107) г. Гедеоновъ[1]) останавливается на этомъ странномъ извѣстіи Ибнъ-Фоцлана, говоря, что оно, по всей вѣроятности, относится не къ Олегу, и Игорю, а къ предшествующимъ турецкимъ (т. е. хозарскимъ) династамъ. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о существованіи Хозарскаго Каганата въ Кіевѣ, вопроса если и не рѣшеннаго достаточно, то, по крайней мѣрѣ, основательно поставленнаго г. Гедеоновымъ, мы замѣтимъ, что мысль его находитъ не малую поддержку въ извѣстіяхъ арабовъ о хозарскомъ Хаганѣ, его образѣ жизни и правленіи[2]): отличаясь по подробностямъ отъ вышеприведеннаго, эти извѣстія не разнятся

---

1) Сочиненіе г. Гедеонова, безспорно, замѣчательнѣйшее явленіе русской исторической литературы послѣднихъ годовъ; только ослабленію нашей любви къ занятіямъ этого рода должно приписать, что до сихъ поръ оно вызвало лишь краткія, но *значительныя* замѣтки г. Куника и пространныя, но *незначительныя* разсужденія г. Погодина. Сочиненіе заслуживало бы большаго вниманія и уваженія.

2) Ohsson. Les peuples du Caucase... p. 34 sq. Григорьевъ. Объ образѣ правленія у Хазаровъ Ж. Мин. Н. Пр. 1834, стр. 3—8 отд. оттиска.

отъ него въ общемъ характерѣ восточнаго деспотизма; тѣмъ не менѣе — княжеская дружина, воевода, существованіе многихъ наложницъ, образъ пирующаго князя — черты, не противорѣчащія русской жизни X-го вѣка; но способъ его жизни — несомнѣнно восточный, стольже мало идущій къ русскому, какъ и къ скандинавскому быту. Допустимъ ли мы дѣйствительное присутствіе восточнаго начала въ бытѣ русскихъ династовъ (до Олега), припишемъ ли Ибнъ-Фоцлану преувеличеніе или этнографическое смѣшеніе русскихъ съ хозарами, во всякомъ случаѣ мы не найдемъ въ его извѣстіи поддержки для мысли о норманскомъ происхожденіи русскихъ купцовъ въ Булгарѣ.

Всѣ прочія показанія Ибнъ-Фоцлана касаются погребальныхъ русскихъ обычаевъ и уже подробно разсмотрѣны нами; здѣсь мы пополнимъ результатъ нашего осмотра авторитетнымъ мнѣніемъ Якова Гримма, который находитъ, что сожженіе въ кораблѣ или ладьѣ не можетъ быть исключительно выводимо изъ Скандинавіи, потому что оно представлялось само собою, какъ бы необходимостью для чужеземцевъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Булгаръ[1]), принесеніе же въ жертву животныхъ — есть общераспространенный обычай, встрѣчающійся и у литвы; поэтому Гриммъ не находитъ причины относить къ скандинавскимъ варягамъ тѣ обычаи, какіе Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ въ Булгарѣ. «Естественнѣе всего принять», говоритъ нѣмецкій ученый, «что какъ у славянъ, такъ и у нѣмцевъ издревле былъ общій, разнящійся лишь въ частностяхъ, обычай сожигать мертвецовъ; мы бы убѣдились въ этомъ вполнѣ, еслибы наши писатели съумѣли представить обычаи съ тою наглядностью, съ какою Геродотъ изобразилъ скиѳскіе, Прокопій — герульскіе, Вульфстанъ — обычаи Эстовъ (Пруссовъ), а Ибнъ-Фоцланъ — русскіе» (?)[2]).

---

1) Мы позволили себѣ объяснить этотъ фактъ, какъ *обычай* и указали на его основаніе см. стр. 72 нашего изслѣдованія.

2) Kleinere Schriften, t. II, p. 293—4.

Земля славянъ извѣстна и другому арабскому путешественнику половины X-го вѣка — *Эль-Истахри*[1]), но, кажется, главнымъ источникомъ его свѣдѣній объ ней былъ Массуди: Истахри знаетъ только, что славяне живутъ въ сосѣдствѣ съ русскими и болгарами? (камими?), земля ихъ граничитъ съ римлянами (греками) и землями Ислама. Ширину земли онъ опредѣляетъ, проводя линію отъ крайняго сѣвера до крайняго юга, т. е. отъ береговъ Океана до земли Яджусъ и Маджусъ (Гогъ и Магогъ) вдоль *Славоніи*, чрезъ землю Булгаръ и *славянъ*. Говоря о торговлѣ въ Хорасанѣ, Истахри замѣчаетъ, что изъ земли *славянъ*, хозаръ и прилежащихъ странъ привозится много рабовъ и превосходныя кожи[2]).

О *Руси* Истахри знаетъ гораздо болѣе: по немъ — она живетъ въ нынѣшней южной Россіи, сосѣдя съ землями хозаръ и булгаръ, между булгарами и славянами, такъ что землю русскихъ (изъ ихъ земли) предъ входомъ въ Булгары протекаетъ Атель (Волга), которая потомъ впивается въ Каспійское море[3]).

«Русскіе раздѣляются на три вѣтви: первая живетъ по близости къ Булгарамъ, князь ея живетъ въ городѣ Кутабѣ (Куябѣ = Кіевѣ), который болѣе, чѣмъ Булгаръ; вторая вѣтвь называется *славянами* (Словѣне), третья *Утане*, ихъ князь живетъ въ Арбѣ. Купцы ходятъ лишь до Кутабы, въ Арбу же не приходитъ никто изъ нихъ, потому что жители убиваютъ каждаго иноземца и бросаютъ его въ воду. Потому никто ничего не знаетъ о ихъ дѣлахъ, и ни съ кѣмъ они не состоятъ ни въ ка-

---

1) Нѣкоторые ученые несправедливо усвоивали сочиненіе Истахри—Ибнъ Хаукалу: еще Френъ (I. F, 266 sq.), за нимъ Шармуа (Rel. 301 или 5), Мордтманъ (Buch der Länder, p. XII sq.) и Рено (Géogr d'Ab. F. I, LXXXV) указали и исправили эту ошибку. Мы пользовались указаннымъ выше изданіемъ Мордтмана: Buch der Länder. 1845. Къ великому изумленію своему читатель не найдетъ на картѣ, приложенной къ этому изданію, ни *Славоніи*, ни *славянъ*: а между тѣмъ карта составлена такимъ знаменитымъ картографомъ, какъ Кипертъ!

2) У Шармуа (Relation, p. 322 или 26 от. от.) нѣтъ извѣстія о рабахъ, за то, есть иное: «въ Карисмѣ можно видѣть ковры изъ земли Славянъ и Хозаръ».

3) Mordtmann. Buch der Länder.. p. 1, 4, 103, 129.

кихъ сношеніяхъ... Изъ Арбы вывозятъ черныхъ соболей и олово.. Русскіе носятъ короткія платья. Арба лежитъ между землею хозаръ и великими болгарами (мизійскими), которые сосѣдятъ съ римлянами (т. е. съ греками), на сѣверѣ ихъ (т. е. римлянъ). Эти болгары такъ многочисленны и сильны, что налагаютъ на сосѣднихъ грековъ дань. Внутренніе болгары — Христіане»[1]).

Истахри хотя и заимствовалъ многое изъ Ибнъ-Фоцлана и Массуди, но приведенныхъ мѣстъ не встрѣчается въ извѣстныхъ ихъ сочиненіяхъ; потому можно думать, что онъ самъ зналъ описываемые народы и мѣстности; или, по крайней мѣрѣ, получилъ свѣдѣнія о нихъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ въ земляхъ прикаспійскихъ[2]). Много темнаго, спутаннаго находимъ мы въ извѣстіяхъ Истахри: странно напр. его заключеніе, что Китай граничитъ съ славянами, неизвѣстно, что за городъ Арба или Арза[3]); и гдѣ былъ онъ; но главное передано вѣрно: Истахри не знаетъ при-

---

1) Mordtmann. l. c. p. 106. Касательно Утанъ мы слѣдовали чтенію Мордтмана; Френъ (l. c. 162 sq.) читаетъ Арсане или Ерсане, Оссонъ (l. c. p. 84) Ertsayens; Абулфеда въ передачѣ этого мѣста Истахри пишетъ: вторая вѣтвь — Alsalaouye, третья — Alautsanye. (Géogr. d'Ab. F. II. p. 405); если чтеніе Френа вѣрно, то это будетъ народъ чудскаго происхожденія и арабы причислили его къ русскимъ племенамъ по причинѣ, достаточно объясненной пок. Савельевымъ (Мухаммед. Нумизмат. стр. CXXI), но быть можетъ — чтеніе Утане правильно, потому что это имя встрѣчается, какъ названіе одного изъ славянскихъ племенъ см. Šafařik. Slov. Starož., 2 vyd. p. 648. Для нашей цѣли — дѣло въ сущности не измѣнится, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Что же касается до преувеличеннаго извѣстія о нелюдимой дикости этого племени, то оно продиктовано торговою ревностью Булгаръ, которымъ было не выгодно, чтобы арабы вступили въ непосредственныя сношенія съ этимъ племенемъ, и для того они пугали ихъ ложными страхами. Послѣднее мѣсто Истахри о болгарахъ — Рено (l. c. II, p. 306) читаетъ не такъ, а именно: «Русскіе изъ Арбы простираются до древнихъ греческихъ провинцій и находятся на сѣверѣ ихъ, они такъ многочисленны и такова ихъ сила, что они наложили дань на Болгаръ, прилежащихъ къ Римлянамъ».

2) Reinaud. Géogr. d'Aboul-Feda, I, p. LXXXIII.

3) Рено (l. c. II, p. 306) полагаетъ, что это Біармія-Пермь, древніе писатели упоминаютъ объ Арбѣ, Арсѣ, Рабѣ въ землѣ нынѣшнихъ юго-западныхъ славянъ, Šafařik. Abkunft der Slaven, Of. 1828, p. 159—160.

шлой дружины Руси, но осѣдлыхъ туземцевъ средней и южной полосы восточной Европы, онъ ставитъ ихъ въ связь съ славянами (м. б. Словѣнами сѣверной части Руси), говоритъ о дѣйствительномъ, многочисленномъ славяно-русскомъ народѣ и вѣтвяхъ его, а не о дружинѣ норманскихъ пришельцевъ, которая на русской землѣ могла имѣть лишь политически-административныя, но не этнографическія подраздѣленія.

Ибнъ-Хаукалъ заимствовалъ большую часть своихъ извѣстій изъ Истахри; но не все. О славянахъ, сколько могу судить по доступнымъ мнѣ источникамъ, онъ не упоминаетъ вовсе, но нѣсколько разъ говоритъ о нападеніяхъ Руси на Булгаръ и однажды, кажется, на болгаръ дунайскихъ[1]); о торговлѣ Руси съ хозарами и булгарами, которымъ они продаютъ шкуры выдръ[2]).

«Русь — по его словамъ — многочисленное и сильное племя, потому что когда-то они наложили дань на Римлянъ; съ одной стороны они торгуютъ съ Римлянами, съ другой — перевозятъ свои товары (мѣха) въ Булгаръ и оттуда спускаютъ въ Персію; ихъ корабли ходятъ до Хорасана, они носятъ короткія платья, и одни изъ нихъ брѣютъ бороду, другіе отпускаютъ ее и заплетаютъ точно, какъ мы (Арабы) заплетаемъ гриву у лошадей... Изъ Руси Хозары получаютъ *медъ* и мѣха»[3]).

Извѣстное мѣсто Истахри о трехъ племенахъ Руси Ибнъ-Хаукалъ повторилъ съ добавленіемъ, что

«Арсаи (Arsaja, по Френу — Ersanja) приходятъ водою (въ Булгаръ или къ Хозарамъ?) и производятъ торговлю, они ничего не говорятъ о своихъ дѣлахъ и товарахъ (?), никому не позволяютъ сопровождать себя и приходить въ ихъ страну. Изъ Арбы (Arsa, Ersa) вывозятъ мѣха черныхъ соболей, черныхъ лисицъ и олово» †.

Ибнъ-Хаукалъ, какъ извѣстно, лично былъ въ Булгарѣ на

1) Frähn. Ibn Foszlan p. 66.
2) ibidem, p. 66. 147.
3) ibidem p. 71. Ohsson. Les peuples du Caucase.. p. 89—90.
† Frähn l. c. p. 258.

Волгѣ; потому, несмотря на запутанность его извѣстій, на несамостоятельный характеръ большинства изъ нихъ, все-таки для насъ можетъ имѣть нѣкоторую цѣну то, что онъ принимаетъ Русь за народъ туземный, обитателей южной Россіи, и ничего не знаетъ о ихъ сѣверномъ происхожденіи.

Послѣдующіе арабскіе писатели не входятъ въ наше разсмотрѣніе: свидѣтели XI, XII и послѣд. вѣковъ едва ли должны быть приводимы въ доказательство норманскаго или славянскаго происхожденія Руси IX—X-го вѣковъ; замѣтимъ только, что значительнѣйшій изъ нихъ—Муккадези (†1052) также не даетъ никакого права видѣть въ Руси норманов, ибо устранивъ мнимый островъ Вабію[1]), въ его извѣстіяхъ не останется ни одной черты исключительно норманской.

Осмотрѣвъ бѣгло свидѣтельства древнѣйшихъ арабскихъ путешественниковъ о славянахъ и Руси, нельзя не прійти къ убѣжденію, что ихъ Саклабы — несомнѣнное племя славянъ, по преимуществу западныхъ; *Русь* же — племя славянъ восточныхъ.

Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, который изобличилъ бы чуждое, скандинавское — происхожденіе послѣднихъ...

Остается только самое наименованіе Руси, но можно и должно ли соединять съ нимъ скандинавское происхожденіе, когда подъ рукою нѣтъ никакого доказательства въ существованіи особаго скандинавскаго племени *Руси*. Мы не касаемся здѣсь неразрѣшеннаго понынѣ вопроса о происхожденіи этого наименованія, а дѣлаемъ лишь простое заключеніе по извѣстному. Арабы постоянно называютъ племя *Русь* и указываютъ на *южныя* ихъ жилища, съ первыхъ страницъ лѣтописи мы встрѣчаемъ Русь въ коллективномъ смыслѣ *русско-славянскихъ племенъ*, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не находимъ этой Руси, ни одна черта въ бытѣ и характерѣ арабской Руси не обличаетъ исключительно

1) Frähn. l. c. p. 3, 47, sq. отожествляетъ его съ Даніей, но Вабія есть не иное что, какъ дурное чтеніе имени прилагательнаго въ смыслѣ *сырой, болотистой* земли.

скандинавскаго ея происхожденія, ни одна черта, за вычетомъ преувеличеній, не противна быту и характеру славянъ — русскихъ; напротивъ, многое прямо подходитъ только къ нимъ и только ими объясняется... Къ кому же какъ не къ русскимъ славянамъ должно отнести извѣстія арабовъ? Къ такому выводу, неминуемо прійдетъ всякій, для кого вопросъ о происхожденіи имени Русь имѣетъ значеніе дѣйствительно нерѣшеннаго вопроса.

Но станемъ на другую точку зрѣнія: примемъ распространенное историческое *вѣрованіе* о скандинавскомъ происхожденіи этого загадочнаго имени, убѣдимся, что Русь, русская земля стала такъ называться лишь съ прибытіемъ трехъ норманскихъ братьевъ съ дружиною, — дастъ ли это намъ право утверждать, что арабская Русь была дѣйствительно Русь норманская, пришлая, не славянская? Выше мы замѣтили, что во время, когда Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ обычаи и образъ жизни русскихъ купцовъ—этимъ именемъ могли называться уже и русско-славянскія племена, и они должны были такъ называться потому, что нигдѣ нѣтъ никакого слѣда, чтобы въ то время именемъ Руси обозначалась исключительно шведская Русь; имя становится общимъ, земскимъ, имъ необходимо должны были назваться славянскіе купцы, пріѣзжавшіе въ чужую страну: это было какъ бы залогомъ ихъ безопасности, порукой неприкосновенности ихъ и ихъ имущества; для Булгаръ они были *только русскіе*, сами для себя они могли быть и полянами, и сѣверянами, и кривичами. И не покажется ли страннымъ, что едва лишь приходитъ чуждая *военная* дружина, едва успѣваетъ взять подъ свой надсмотръ неустроенныя массы туземцевъ, какъ изъ среды ея выдвигается уже мирное торговое сословіе, цѣли котораго совершенно иныя. О пріѣзжей скандинавской Руси изъ отечества — и думать нечего; иначе, кромѣ прочаго, прійдется допустить немыслимую этнографическую странность: туземной скандинавской Руси не знаютъ ни свои, ни сосѣди, (иначе она заявила бы себя въ памятникахъ, въ особенности въ такой богатой литературѣ,

какъ сѣверная): ее въ маломъ количествѣ знаютъ только булгары да арабы.

Съ двухъ противуположныхъ концовъ мы приходимъ къ одному и тому же результату.

Русь арабскихъ писателей была *славянскою Русью.*

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 31—32. У болгаръ — мертвеца, подозрѣваемаго въ *вампирствѣ*, обливаютъ кипяткомъ виноградняго вина и прокалываютъ *терновыми* или *глоговыми* кольями (см. Княжескій, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1846, № 12, стр. 207).

Къ стр. 38—40. Этимологически с—*трава*, *троути* можетъ быть произведено отъ корня *tarp*=кормить и насыщаться; vid. Fick. Wörterbuch der Indogermanischen Grundsprache, Göt. 1868, pag. 76.

Къ стр. 127. Обычай выносить мертвеца не дверью, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ или съ-подъ порога — былъ въ употребленіи и у племенъ нѣмецкихъ; v. Grimm. Rechtsalterthümer, p. 726—28; Weinhold. Altnordisches Leben, p. 476; невольно возникаетъ вопросъ: не стоитъ ли этотъ обычай въ связи съ славянскимъ прощаніемъ покойника (стр. 223), не есть ли онъ глухой остатокъ предполагаемаго нами (стр. 231) древняго обычая хоронить мертвецовъ подъ порогомъ?

Къ стр. 199. Темная сторона древне-славянской вѣры въ матерьяльную жизнь мертвеца въ могилѣ нашла свое выраженіе въ повѣрьяхъ о *вампирахъ* или *упиряхъ*. Происхожденіе этого представленія до сихъ поръ надлежащимъ образомъ не уяснено; но несомнѣнно, что вампиры не принадлежатъ, какъ полагали прежде, къ *исключительно* славянскимъ повѣрьямъ (cf. Mannhardt въ Zeitschrift f. DMyth. IV, p. 259): они встрѣчаются и у другихъ родственныхъ племенъ и, съ вѣроятностью, могутъ

быть возведены къ эпохѣ племеннаго единства. Быть можетъ происхожденіе этихъ образовъ зависѣло отъ исторической причины: отъ противорѣчія или борьбы двухъ погребальныхъ обычаевъ: сожженія и погребенія. Предположеніе это, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что сказано нами на стр. 242—3; ибо если и была какая борьба между понятіями *погребающихъ и сожигающихъ*, она могла быть только въ началѣ, при первомъ распространеніи обычая сожженія: въ исторически извѣстное время оба обычая мирно уживаются другъ возлѣ друга.

Къ стр. 250. У Черногорцевъ на могильныхъ крестахъ помѣщаются изображенія кукушекъ, столько числомъ, сколько у умершаго осталось ближайшихъ родныхъ, въ особенности сестёръ. Кукушка — символическій образъ тоскующей родной женщины весьма распространенъ въ славянскихъ повѣрьяхъ и народной поэзіи; v. В. С. Караджичъ: Montenegro, p. 99—100.

Къ стр. 271. Текстъ мѣста Ибнъ-Фоцлана о славянахъ въ латинскомъ переводѣ Френа: «Slavi et quicunque iis conterminant, sub ejus imperio (sc. regis Chasarorum) serviliter sunt eique obedienter parent». Frähn. De Chasaris. P. 1822, p. 18.

Къ стр. 275—276. А. А. Куникъ замѣтилъ намъ, что Austrvegr, Vestrvegr, Norvegr — вовсе не значатъ *пути*, но *страны* или *земли*.

КНИГА

О ДРЕВНОСТЯХЪ И ИСТОРІИ

ПОМОРСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ВЪ XII ВѢКѢ.

СКАЗАНІЯ

ОБЪ

ОТТОНѢ БАМБЕРГСКОМЪ

ВЪ ОТНОШЕНІИ

СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТИ.

Предлагаемая обработка «Жизнеописаній» Оттона бамбергскаго столь существенно и, можетъ быть, для себя невыгодно—отличается отъ другихъ однородныхъ изслѣдованій своимъ направленіемъ и задачею, что мы считаемъ необходимымъ предпослать ей нѣсколько вводныхъ, объяснительныхъ словъ.

Ближайшею цѣлью нашей было дать *новое изданіе* этихъ важныхъ источниковъ славянской исторіи и древности, изданіе—исполненное со вниманіемъ къ требованіямъ славянской науки и приспособленное къ ея нуждамъ.

Такую задачу мы думали разрѣшить прежде всего — полною передачею матерьяла, относящагося къ славянскому быту и исторіи; затѣмъ — критическимъ разборомъ и обозрѣніемъ его.

Какихъ пріемовъ держались мы при выборѣ и извлеченіи матерьяла — читатель усмотритъ ниже; въ отношеніи же критической части труда — считаемъ должнымъ сказать слѣдующее.

Два пріема, совмѣстные и равно необходимые, предстоятъ тк. нзв. *низшей критикѣ* при оцѣнкѣ и разборѣ извѣстій древнихъ памятниковъ. Она, во первыхъ — изъ нихъ самихъ установляетъ общіе критеріи или правила, па основаніи которыхъ опредѣляется степень достовѣрности и внутренняго достоинства сообщаемыхъ фактовъ; во вторыхъ — подвергаетъ разбору и осмотру каждое отдѣльное показаніе посредствомъ сопоставленія съ другими однородными и близкими извѣстіями всѣхъ наличныхъ источниковъ.

Настоящій трудъ нашъ ограничивается исполненіемъ только первой части этой критической задачи; удовлетворить требованіямъ послѣдней— мы надѣемся въ особыхъ, отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, начало которыхъ появляется въ свѣтъ одновременно съ этимъ сочиненіемъ.

«Жизнеописанія» Оттона принадлежатъ къ такому роду историческихъ произведеній, богатое содержаніе которыхъ само по себѣ позволяетъ нѣкоторые общіе выводы и заключенія о предметѣ; потому мы собираемъ въ заключительной главѣ всѣ достовѣрныя извѣстія нашихъ памятниковъ въ видѣ систематическаго обозрѣнія внутренняго быта и историческихъ от-

ношеній страны. При разборѣ послѣднихъ нельзя было обойтись безъ того, чтобы, не коснуться и вспомогательныхъ средствъ, предлагаемыхъ нѣкоторыми другими источниками.

Такимъ образомъ, наше изложеніе идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ и содержитъ:

а] вводную историческую замѣтку о личности и дѣятельности Оттона бамбергскаго;

б] критическій обзоръ его «Жизнеописаній», т. е. общую историко-литературную оцѣнку ихъ, какъ источниковъ славянской исторіи и древности;

в] полное и связное изложеніе славянскаго матерьяла памятниковъ;

г] критическое распредѣленіе всѣхъ дотолѣ осмотрѣнныхъ извѣстій, имѣющее цѣлью опредѣлить степень достовѣрности и установить правила оцѣнки ихъ, слѣдуя которымъ историкъ или изслѣдователь древности, каждый по своимъ нуждамъ и задачамъ, могутъ употребить ихъ въ дѣло;

д] сводъ достовѣрнаго, явнаго и скрытаго — матерьяла, какъ общій выводъ изо всего предыдущаго. Это — сжатое обозрѣніе матерьяльнаго и нравственнаго быта, образа жизни и историческихъ обстоятельствъ славянскаго Поморья, насколько они открываются изъ «Жизнеописаній» Оттона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта глава есть систематическій предметный указатель къ славянской ихъ части; наконецъ —

е] «Приложенія», гдѣ нашли мѣсто извлеченія изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, объясняющія предшествующее изложеніе.

Небольшой трудъ нашъ чуждъ всякихъ притязаній на какія-нибудь законченныя изслѣдованія предмета: его задача — облегчить подобную работу посредствомъ подбора, приведенія въ порядокъ и перваго критическаго объясненія матерьяла двухъ замѣчательныхъ памятниковъ славянской исторіи и древности.

Этою, а не иною — мѣрою мы и просимъ нашего читателя [если таковой найдется!] мѣрить предлагаемое изслѣдованіе.

Римъ 1874, 2 Апрѣля нов. ст.

А. К.

Историческая поминка.

(105..—1139)

Въ исторіи послѣднихъ временъ нѣмецкой Имперіи мы встрѣчаемъ одно имя, которое съ равнымъ почтеніемъ называютъ лѣтописи политической жизни, лѣтописи церкви, образованности и искусства. Какъ бы въ противовѣсъ бурнымъ стремленіямъ и раздорамъ вѣка, своеобразная личность одиноко идетъ впередъ дорогою мира и плодотворной примиряющей любви; на этомъ скромномъ пути она оставляетъ прочные, хотя и не одинаково видные, слѣды своей неутомимой человѣчественной энергіи, и потому справедливо вызываетъ признательность современниковъ и потомства.

Мы говоримъ объ Оттонѣ I, епископѣ бамбергскомъ.

Оттонъ принадлежалъ къ тѣмъ замѣчательнымъ личностямъ цѣльной природы, которые, отдаваясь извѣстной идеѣ, умѣютъ и найти средства къ ея выполненію, и достигнуть желаемаго. Онъ обладалъ преимущественно практическими талантами въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: съ умомъ образованнымъ, яснымъ и проницательнымъ онъ соединялъ характеръ твердый, дѣятельный и находчивый, но въ то же время—ровный, спокойный, чуждый крайностей и проникнутый гуманисмомъ, способный соглашать противорѣчія и вносить миръ среди вражды и разлада. Хотя душа и чувство его не были закрыты для увлеченія, но вообще онъ строго держался твердой почвы дѣйствительности; самые идеалы его, безспорно чистые и возвышенные, не перехо-

дили за черту выполнимаго, вездѣ онъ умѣлъ соблюсти мѣру и стремился только къ возможному, осуществимому благу. Вотъ почему его дѣятельность приносила такіе обильные плоды, и онъ такъ рѣдко испытывалъ горечь неуспѣха или обманутой надежды.

На дорогу жизненнаго опыта Оттонъ вышелъ довольно рано: нужда заставила его, еще юношу, отказаться отъ изученія «высшихъ наукъ» того времени и побудила искать дѣятельности. Провѣдавъ, что въ Польшѣ нуждаются въ ученыхъ, онъ переселился туда и сталъ наставникомъ мужской школы. На первое время новое положеніе было тѣмъ хорошо, что, обезпечивъ существованіе Оттона, дало ему средства восполнить пробѣлы своего образованія; вскорѣ, однако, миролюбивый характеръ, умъ, ученость и достоинство жизни его пріобрѣли общее уваженіе и открыли ему болѣе широкую дѣятельность. Положеніе наставника юношества ставило его въ прямыя, непосредственныя отношенія ко многимъ знатнымъ и вліятельнымъ лицамъ государства; узнавъ его способности, они нерѣдко прибѣгали къ его совѣту и поручали ему дѣловые переговоры. Такъ сталъ онъ извѣстенъ и самому князю Владиславу Герману, который принялъ его ко двору и сдѣлалъ своимъ капелланомъ. Къ сожалѣнію, біографы не входятъ въ подробности этого періода жизни Оттона; можно, однако, думать, что и тогда уже его вліяніе на общественныя дѣла было довольно значительно: такъ извѣстно, что, стремясь тѣснѣе связать Польшу съ Германской Имперіей, онъ подалъ Владиславу Герману мысль вступить въ бракъ со вдовствующею сестрою Императора Гейнриха IV, Юдитою, и самъ, въ качествѣ польскаго посланника, съ достоинствомъ и успѣхомъ выполнилъ это предпріятіе; извѣстно также, что и дальнѣйшія сношенія Польши съ Имперіей происходили при его прямомъ участіи и посредничествѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ узналъ его Гейнрихъ IV; онъ полюбилъ молодого, способнаго капеллана и, желая доставить ему дѣятельность, болѣе достойную его талантовъ, перезвалъ къ себѣ. Съ этого времени Оттонъ принимаетъ участіе въ судьбахъ нѣмецкой Имперіи. Съ императоромъ особенно

сближало его одинаковое направленіе религіознаго чувства. Если вѣрить біографу, Оттонъ скоро возвысился до званія канцлера Имперіи и хранителя печати, и его заботѣ поручена была постройка знаменитаго собора въ Шпейерѣ. Счастливое окончаніе этого труднаго, но славнаго дѣла доставило ему епископскую каѳедру. Въ 1102 г. скончался Рупертъ, епископъ бамбергскій, и Гейнрихъ, оставивъ безъ уваженія искательство многихъ знатныхъ людей, назначилъ ему въ преемники Оттона и утвердилъ его «кольцомъ и посохомъ».

Бамбергская епископія была средоточіемъ церковной и политической дѣятельности того времени; Оттонъ, тк. обр., становился однимъ изъ главныхъ лицъ въ Имперіи. Положеніе его было трудное и по обширности обязанностей, и по историческимъ обстоятельствамъ: споръ папы и императора объ инвеститурѣ епископовъ посредствомъ кольца и посоха находился въ самомъ разгарѣ. Требовались необыкновенныя дарованія, чтобы найтись и удержаться съ достоинствомъ среди борьбы и выйти изъ нея съ добрымъ именемъ, требовалось много самоотверженія, чтобы въ такое страстное время—не отдаться личнымъ интересамъ и не пренебречь ради ихъ служеніемъ общему благу. Съ большинствомъ духовныхъ того времени Оттонъ вполнѣ раздѣлялъ начала, поставленныя знаменитымъ Гильдебрандомъ: императорская инвеститура епископовъ представлялась ему нарушеніемъ святыни, и авторитетъ папы стоялъ въ его мнѣніи гораздо выше авторитета императора; но въ тоже время онъ не могъ забыть, чѣмъ былъ обязанъ послѣднему, и потому стоялъ всторонѣ отъ борьбы и входилъ въ нее только тогда, когда видѣлась хотя малѣйшая возможность соглашенія интересовъ церкви и государства и только затѣмъ, чтобы согласить эти интересы и внести миръ среди враждующихъ сторонъ. Политика мира вполнѣ отвѣчала естественнымъ наклонностямъ Оттоновой природы, и если — какъ нерѣдко бываетъ при столкновеніи двухъ интересовъ, она не всегда сохраняла Оттона отъ подозрѣній и упрековъ въ двусмысленныхъ поступкахъ, то все же удержала за нимъ высокое

положеніе и тѣмъ дала средства выполнить тѣ, направленныя къ благу человѣчества, задачи и предпріятія, которыми особенно славно имя Оттона. Не останавливаясь на важныхъ трудахъ его по возстановленію бамбергской епископіи, трудахъ, которые снискали полную признательность исторіи, укажемъ только на образовательную и художественную его дѣятельность: ученыя занятія находили въ немъ дружественнаго покровителя, двухъ извѣстныхъ историковъ времени (Еккегарда и Вольфрама) онъ сдѣлалъ настоятелями своихъ монастырей, и ихъ усиліями здѣсь принялись и утвердились науки; въ особенности же старался онъ распространить образованіе среди народа на родномъ ему языкѣ, и самъ былъ отличнымъ народнымъ проповѣдникомъ. Съ именемъ Оттона исторія искусства соединяетъ нѣкоторые знаменитые памятники благороднаго романскаго стиля: соборы (напр. шпейерскій и бамбергскій), церкви и монастыри, которые не только воздвигнуты на его средства, но и можно сказать при его личномъ художественномъ участіи, какъ знатока и любителя архитектуры и искусства вообще. Біографы его подробно разсказываютъ о его любви къ изящнымъ постройкамъ, любви, источникомъ которой было столько же религіозное воодушевленіе, сколько и образованный вкусъ, и развитое чувство художника.

Оттонъ стоялъ уже на склонѣ своей жизни, когда новая сильная и смѣлая идея овладѣла его душою: онъ рѣшился итти къ отдаленному народу Сѣвера, чтобы вывести его изъ мрака язычества на свѣтъ божественной истины. Оттона не устрашили опасности труднаго предпріятія, съ самоотверженіемъ и свѣжестью юноши онъ взялся за него, твердою настойчивостью, умомъ и любовью побѣдилъ препятствія — и полный успѣхъ увѣнчалъ его славный подвигъ.

«Епископъ Оттонъ былъ преемникомъ Оттона Великаго въ дѣлѣ миссіи Востока; но не мечомъ заставилъ онъ Поморянъ принять Христіанство, а проповѣдью и, можетъ быть еще болѣе — дѣлами любви и добра. Дѣло епископа было прочнѣе, чѣмъ дѣло могучаго оружіемъ императора. Равнымъ образомъ, Оттонъ

бамбергскій былъ и сознавалъ себя преемникомъ св. Адалберта и сродныхъ съ нимъ по направленію духа иноковъ — пустынниковъ, но онъ началъ и исполнилъ свое дѣло не въ томъ смыслѣ, какъ понимали его эти подвижники, стремившіеся только къ вѣнцу мученичества: онъ дорожилъ успѣхомъ, о которомъ они мало заботились, онъ дружественно отнесся къ народу, котораго желалъ обратить, они же казалось отступились и отвратились отъ порочнаго свѣта» (Giesebrecht, Gesch. d. deut. Kaiserzeit, III. 1869. p. 1000).

Житія Оттона, какъ историческіе источники.

Жизнь еп. Оттона, обильная и внѣшними происшествіями и многими подвигами нравственнаго величія, по его смерти († 1139), недолго оставалась предметомъ однихъ устныхъ признательныхъ воспоминаній: еще были въ живыхъ его товарищи, прямые свидѣтели и участники трудовъ его, какъ появились три отдѣльныхъ описанія его жизни, произведенія священника Эбона, схоластика Герборда и неизвѣстнаго инока прифлингенскаго монастыря.

Важныя вообще, какъ источники исторіи среднихъ вѣковъ, «Жизнеописанія» Оттона бамбергскаго и въ ряду источниковъ исторіи и древности балтійскихъ славянъ занимаютъ не только видное, но можно сказать — первенствующее мѣсто. Тогда какъ всѣ анналисты, исключая даже Титмара и Саксона Грамматика, издалека собираютъ ходячіе слухи о славянахъ, или знакомятся съ славянскимъ бытомъ такъ сказать внѣшнимъ образомъ, во время войны и оффиціальныхъ отношеній, спутники Оттона, отъ которыхъ идутъ свѣдѣнія его жизнеописателей, имѣютъ возможность наблюдать жизнь славянъ въ свободныхъ, естественныхъ ея проявленіяхъ и при обстоятельствахъ, которыя прямо вводятъ ихъ въ среду народнаго быта и его порядковъ. Правда, наблюденія эти не чужды случайнаго характера и нѣкоторой монашеской брюзгливости: высшая цѣль миссіонеровъ часто заслоняла ихъ этнографическую любознательность, но при всемъ

томъ—они съумѣли подмѣтить въ жизни славянъ многія важныя черты и передать ихъ правдиво и отчетливо.

Важность сообщаемыхъ «Жизнеописаніями» Оттона свѣдѣній давно замѣчена и оцѣнена наукою, но лишь съ недавняго времени историческая критика располагаетъ этими памятниками въ настоящемъ, чистомъ видѣ ихъ. Когда стали приводить въ извѣстность источники средневѣковой исторіи, открыли и нѣсколько жизнеописаній Оттона; но то были не первичныя, современныя изображаемымъ событіямъ, произведенія, а болѣе позднія компиляціи и передѣлки ихъ. Самыя замѣчательныя и важныя изъ нихъ принадлежали аббату Андрею Лангу (писалъ въ концѣ XV ст.) и тк. наз. Анониму. Заключая въ себѣ повѣсти несомнѣнной достовѣрности и древности, Сборники Андрея и Анонима надолго удовлетворили историческую пытливость ученыхъ, и компиляція или передѣлка долго шла за непосредственный источникъ. Предпріятіе Перца (Monumenta Germaniae historica) возбудило новые поиски въ этомъ отношеніи, но они не привели къ успѣшному результату. *Первоначальныя* «Жизнеописанія» не отыскались. Тогда, съ пособіемъ уже извѣстнаго, обратились къ рѣшенію вопроса о составѣ *сборныхъ*. Разсмотрѣвъ, со вниманіемъ къ самымъ мельчайшимъ подробностямъ, текстъ андреевскихъ Сборниковъ и сличивъ съ ними передѣлку Анонима, Клемпинъ пришелъ къ заключенію, что *Андрей буквально списалъ два произведенія* Эбона и Герборда, современниковъ Оттона. Весь гагіографическій трудъ компилятора заключался въ томъ, что онъ смѣшалъ отдѣльныя части двухъ древнѣйшихъ источниковъ, вставилъ особое сочиненіе ученика Герборда и прибавилъ ко всему этому свои вступительныя посвященія [1]). Разысканіе Клемпина не ограничилось однимъ общимъ заключеніемъ: онъ отмѣтилъ и указалъ и несомнѣнные признаки, по которымъ можно было опредѣлить, чтó собственно принадлежало Эбону и чтó написано Гер-

---

1) Klempin: «Biographien des Bischof Otto und deren Verfasser» въ Baltische Studien, Bd. IX, 1 Heft, Stett. 1842, pag. 9—83.

бордомъ. Такъ открылись средства возстановить утраченные тексты древнѣйшихъ памятниковъ [1]). Этотъ трудъ и былъ предпринятъ для собранія Перца—Р. Кэпке. Онъ провѣрилъ заключенія Клемпина по многимъ рукописямъ сборныхъ «Жизнеописаній», устранилъ дополненія компиляторовъ и, приведя въ *естественный историческій* порядокъ отрывки, напечаталъ свою реставрацію памятниковъ въ XII томѣ «Monumenta Germaniae historica» [2]). Вскорѣ затѣмъ счастливый случай помогъ Гизебрехту младшему (Вильгельму) отыскать и отдѣльный текстъ Гербордова Діалога. Открытіе оправдало вполнѣ заключенія Клемпина и реставрацію Кэпке: послѣдняя, и то только въ «Діалогѣ», отступала отъ настоящаго текста главнымъ образомъ во внѣшнемъ расположеніи матеріала; во всемъ же существенномъ, исторически важномъ — они сходились буквально. Но вмѣстѣ съ тѣмъ открытый памятникъ предлагалъ нѣсколько новыхъ историческихъ данныхъ, опущенныхъ Андреемъ и потому—не вошедшихъ и въ реставрацію Кэпке. Важность этихъ данныхъ побудила послѣдняго предпринять новое изданіе Герборд ова произведенія [3]). Въ то же время и Ф. Яффé издалъ въ свѣтъ и свою рецензію текста обоихъ памятниковъ, не отступающую впрочемъ ни въ чемъ существенномъ отъ рецензіи Кэпке [4]).

Такъ, можно сказать, только теперь наука получила возможность правильно воспользоваться двумя столь важными источниками славянской древности!

Разсмотримъ отдѣльно каждое «Жизнеописаніе» съ точки зрѣнія источника славянской древности и исторіи.

1. Эбонъ. О личности Эбона извѣстно немногое: онъ былъ монахъ и священникъ въ монастырѣ св. Михаила въ Бамбергѣ

---

1) Ibidem, pag. 28—31, 82.

2) Scriptorum, tomus XII, H. 1856, pag. 746—822.

3) Monumenta Germaniae historica, Scrip. t. XX и отдѣльно, in usum scholarum: Herbordi Dialogus de Vita Ottonis, Han. 1868.

4) Въ V т. его изданія: Bibliotheca rerum Germanicarum. 1869. B. p. 580—841, и отдѣльно: Ebonis Vita Ottonis, B. 1863 и Herbordi Dialogus de Ottone episcopo bambergensi, Ber. 1869.

и здѣсь, около 1151—2 г., предпринялъ описать, въ назиданіе потомству, дѣянія Оттона. Трудъ свой Эбонъ раздѣлилъ на три книги: въ первой онъ изложилъ событія жизни, церковной и политической дѣятельности Оттона до времени его поморской миссіи, во *второй* — онъ сначала разсказываетъ о прежнихъ неудачныхъ попыткахъ христіанской проповѣди въ славянскомъ Поморьѣ, о томъ, какъ у Оттона явилась мысль и созрѣла рѣшимость снова предпринять это трудное дѣло, затѣмъ — подробно передаетъ весь *ходъ перваго* путешествія; въ *третьей* книгѣ заключается повѣсть о *второмъ* путешествіи бамбергскаго епископа къ Поморянамъ, кратко указываются черты послѣдней монастырской дѣятельности Оттона и обстоятельства его кончины. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ біографіи [1]), Эбонъ засталъ Оттона еще въ живыхъ, видѣлъ и зналъ его лично, но этотъ личный источникъ свѣдѣній біографа — не богатъ и не разнообразенъ: или Эбонъ не былъ очевидцемъ блестящаго періода дѣятельности Оттона, или же онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ событій, только всѣ, принадлежащія его личному опыту и наблюденію, извѣстія ограничиваются немногими замѣтками о мелкихъ домашнихъ происшествіяхъ жизни Оттона, напротивъ все важное — почерпнуто изъ постороннихъ источниковъ. Опредѣлить ихъ — не трудно. Оставляя въ сторонѣ *первую* книгу, какъ чуждую нашему предмету, во *второй* мы замѣчаемъ три различныхъ источника: разсказъ о прошлой миссіонерской дѣятельности въ странѣ поморянъ, о поводахъ, побудившихъ Оттона къ путешествію и приготовленіи къ нему (с. 1, 2 и полов. 3-ей) — принадлежитъ священнику Удальрику [2]); все описаніе перваго путешествія идетъ, по всей вѣроятности, отъ самихъ спутниковъ Оттона; наконецъ, 12-я глава книги заключаетъ въ себѣ отдѣльное посланіе Оттона къ папѣ Каликсту II. Вся третья книга, за вычетомъ б. м.

---

1) Онѣ указаны Клемпинымъ: Die Biographien des B. Otto, l. cit. p. 117—121, и Кэпке: Monum. Germ. histor., t. XII, Scr. p. 741—2.

2) «Huius apostolatus que fuerit occasio, scire uolentibus aperiam, sicut *ex ore serui Dei Vdalrici*.. audiui». L. II, c. l. cfr. praef.

незначительнаго заключенія (cap. 24—26), списана съ показаніи того же Удальрика[1]). Такъ какъ историческая цѣнность произведенія Эбона стоитъ въ прямой зависимости отъ степени достовѣрности его источниковъ, то мы обязаны внимательно осмотрѣть послѣдніе. Удальрикъ, священникъ основанной Оттономъ церкви св. Эгидія, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ епископомъ, былъ ему «familiarissimus» (III, 18); когда Оттонъ задумалъ итти къ поморянамъ, онъ прежде прочихъ избралъ себѣ въ товарищи Удальрика и его перваго призвалъ для обсужденія предпріятія (II, 3). Внезапная болѣзнь помѣшала ему, однако, принять непосредственное участіе въ первомъ путешествіи Оттона, зато во *второмъ*—онъ является прямымъ сподвижникомъ поморянскаго апостола и раздѣляетъ всѣ труды его. Такимъ образомъ, показанія Удальрика, какъ лица близкаго къ Оттону и непосредственнаго очевидца всего происходившаго и встрѣчавшагося во время второго его путешествія, не могутъ не внушать довѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ наблюдатель хорошо образованный и правдиваго характера[2]). Извѣстія Удальрика, сколько можно судить по пересказу ихъ у Эбона, сосредоточивались главнымъ образомъ на личности Оттона, дѣлахъ его и событіяхъ, непосредственно къ нему относившихся, Отдавшись интересамъ своего патрона, Удальрикъ какъ будто сдерживаетъ свои побочныя воспоминанія, онъ рѣдко вдается въ нихъ и еще рѣже медлитъ на нихъ подробностяхъ, онъ замѣчаетъ и указываетъ только необыкновенное и потому такъ часто минуетъ важное, хотя и обыкновенное. Отсюда—нѣкоторая нагота или сжатость разсказа его, переходящая иногда въ темноту. Вообще, *жизнеописатель* въ Удальрикѣ значительно перевѣшиваетъ *наблюдателя—путешественника*, но при всемъ томъ по-

---

1) «de secundo eius (sc. Ottonis) apostolatu in Pomerania, sicut fidelis cooperator ipsius Vdalricus presbyter Sti Egidii mihi innotuit, scripto tradere curaui».. III, 1.

2) Свѣдѣнія объ Удальрикѣ собраны у Клемпина l. c. p. 126—137; cf. Jaffé: Ebonis Vita Ottonis, B. 1869, Prooem, p. 4.

казанія его имѣютъ для насъ очень важное значеніе: они отмѣчены чертами такой внутренней правды, которая исключаетъ всякую мысль о нарочномъ искаженіи или подкраскѣ существовавшаго; что передаетъ онъ, то было дѣйствительно прямымъ плодомъ его опыта; образованность даетъ ему правильную мѣру оцѣнки явленій и порядковъ чуждаго быта, и если иногда онъ слишкомъ довѣряетъ слуху, или позволяетъ себѣ личныя объясненія, то дѣлаетъ это совѣстливо и тѣмъ даетъ средства отличить дѣйствительные факты отъ случайныхъ толкованій ихъ или нетвердаго слуха. Не то слѣдуетъ сказать объ отдѣлѣ Эбонова труда, въ которомъ излагаются ходъ и обстоятельства *перваго* путешествія Оттона. Отъ кого бы жизнеописатель ни получилъ эти свѣдѣнія: списалъ ли онъ ихъ съ разсказа одного какого-нибудь спутника Оттона, собралъ ли изъ разныхъ источниковъ [1]), во всякомъ случаѣ, этотъ свидѣтель — былъ темнымъ свидѣтелемъ, эти источники — были источники мутные. Кромѣ ошибокъ и неточностей въ передачѣ происшествій, разсказъ носитъ на себѣ такіе признаки поблекшаго, ослабѣлаго воспоминанія, которые прямо указываютъ, что свидѣтель не принадлежалъ къ числу точныхъ, образованныхъ наблюдателей: кругъ его умственныхъ интересовъ — узокъ, онъ не дорожитъ дѣйствительностью и ея подробностями, онъ ищетъ только чудесъ и любитъ разсказывать о нихъ съ особенною обстоятельностью, такъ что, устранивъ изъ этой части біографіи чудесное, историкъ получитъ сухой, безсвязный и очень неточный разсказъ о первомъ путешествіи Оттона. Есть, правда, и здѣсь кое-какія черты, которыми долженъ воспользоваться изслѣдователь славянской древности, есть цѣлый

1) Кромѣ Сефрида, о которомъ говорится ниже, въ первомъ путешествіи принимали участіе: Верингеръ, священникъ изъ Эренбаха (Ebo: II, 3), Германъ «barbare locutionis sciolus sensuque et ingenio satis acutus» (Eb. II, 13), священникъ Гильтанъ (Herb. II, 24), клерикъ Симонъ (ib. II, 26), переводчикъ Адельбертъ (Ebo: II, 3), три польскихъ священника и сотскій Павликій (ib. II, 9). Какъ видно изъ разсказа у Оттона были еще и другіе спутники, но они не названы.

случайный разсказъ (с. 13), важный для него по своимъ подробностямъ, но первыя должны быть предварительно провѣрены по другимъ источникамъ, послѣдній же — единственное мѣсто во всей второй книгѣ, гдѣ обнаруживается голосъ прямого дѣйствователя. Что касается до письменнаго акта или посланія Оттона, внесеннаго Эбономъ въ XII-тую главу книги, то подлинность его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но содержаніе — требуетъ критики. Оттонъ даетъ папѣ отчетъ о результатахъ своей миссіи и представляетъ перечень своихъ наставленій поморянамъ и лютичамъ, между прочимъ — онъ запрещаетъ имъ и исполненіе нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ. Можно подумать, что такія запрещенія указываютъ на факты славянскаго язычества, ибо запрещать всего ближе то, что практически существуетъ въ самой жизни; но это мнѣніе — будетъ поспѣшно. Дѣйствительно, въ актѣ есть нѣсколько прямыхъ указаній на славянскіе языческіе обычаи, но есть и *общія* запрещенія, цѣликомъ взятыя изъ апостольскихъ и церковныхъ постановленій [1]) и только примѣненныя или *обращенныя* къ славянамъ въ силу общаго среднимъ вѣкамъ понятія о томъ, что явленія язычества — вездѣ одни и тѣже, т. е. вездѣ исходятъ отъ духа злобы. Возвратимся къ Эбону. Естественно — представляется вопросъ, какъ воспользовался біографъ своими источниками: передалъ ли онъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ, или измѣнилъ ихъ сообразно какимъ-нибудь своимъ особеннымъ взглядамъ и видамъ. Этотъ вопросъ разрѣшается только приблизительно. Эбонъ былъ человѣкъ до извѣстной степени образованный: онъ хорошо знаетъ священное писаніе, знакомъ также и съ классическими писателями, но общій уровень его воззрѣній на міръ и исторію не возвышается надъ монастырскими понятіями того времени, его интересы — интересы анахорета, его умъ наклоненъ къ сверхъестественнымъ

1) Срав. слѣдующее изъ епистолы Оттона: «(interdixit) ne quid inmundum comedant, non morticinum, non suffocatum, neque ydolotitum, neque sanguinem animalium», съ текстомъ «Actorum» XV, 20 et c. 29.

объясненіямъ, его поэтическая фантазія легко отдается чудесному и предпочитаетъ его мелкой дѣйствительности; но въ тоже время Эбонъ — человѣкъ правдивый, любящій истину и далекій отъ всякаго умышленнаго обмана, хотя бы это былъ даже «fraus pia». Потому если позволительно, и даже должно — думать, что подъ его благочестивымъ перомъ нѣкоторыя извѣстія источниковъ могли сократиться, ослабѣть въ своихъ краскахъ и принять чуждое имъ освѣщеніе, то положительно слѣдуетъ отвергнуть мысль о какомъ-нибудь *намѣренномъ* съ его стороны искаженіи этихъ извѣстій. Природа Эбона была слишкомъ проста для такого поступка.

2. Гербордъ. Если Эбонъ при описаніи жизни Оттона еще могъ располагать нѣкоторымъ запасомъ личнаго наблюденія и опыта, то Гербордъ въ этомъ дѣлѣ былъ уже вполнѣ предоставленъ руководству стороннихъ свидѣтелей: онъ былъ чужестранецъ и вступилъ въ монастырь св. Михаила шесть лѣтъ спустя по смерти Оттона[1]). Какія причины побудили его взяться за трудъ новаго жизнеописанія Оттона, объ этомъ онъ не говоритъ, но можно полагать, что произведеніе Эбона не удовлетворяло его: онъ нашелъ непосредственнаго свидѣтеля и участника *первой* миссіи, который разсказывалъ ему о ходѣ событій несравненно обстоятельнѣе Эбонова источника; онъ недоволенъ былъ и простыми монашескими воззрѣніями Эбона и его литературными пріемами, и потому, кажется, рѣшился представить новое изображеніе подвиговъ лица, составлявшаго предметъ религіознаго почтенія и гордости бамбергскаго духовенства. Своему про-

1) ...«ego aduena sum apud uos et peregrinus; ante annos tantum bisenosetet, unum Dei et uestra misericordia in consorcium uestre fraternitatis adoptatus... Ipsum (sc. Ottonem) autem in carne non uidi; eo quod ante hoc tredecennium introitus mei ad uos sex ille annos iam habebat in tumulo», lib. I, Prooem. Этими показаніями опредѣляется время написанія Діалога: Оттонъ скончался въ 1139 г., Гербордъ вступилъ въ монастырь шесть лѣтъ спустя, слѣд: — въ 1145, тринадцать лѣтъ спустя онъ началъ писать Діалогъ, слѣдов. въ 1158 г., но онъ окончилъ его позднѣе, чрезъ годъ; ибо въ III кн. гл. 5 онъ упоминаетъ объ Удальрикѣ, какъ о покойникѣ, а послѣдній скончался 23 Марта 1159. Jaffé: Ebonis Vita etc. p. 4, Prooem.

изведенію Гербордъ далъ форму Діалога между Тимономъ, пріоромъ монастыря св. Михаила, и Сефридомъ, пресвитеромъ — монахомъ той же обители; первый разсказываетъ о домашнихъ событіяхъ, второй — о путешествіи и дѣятельности Оттона у поморянъ, а также и обо всемъ, сюда относящемся. Подобно произведенію Эбона и Гербордовъ Діалогъ раздѣленъ на три книги: во *второй* также излагаются событія перваго путешествія Оттона, *въ третьей*, до XXXII главы, идетъ разсказъ о второмъ путешествіи, *первая* книга содержитъ обзоръ церковной, монастырской и политической дѣятельности бамбергскаго епископа въ разные періоды его жизни; наконецъ, заключительныя главы третьей книги, страннымъ образомъ, посвящены описанію рожденія, воспитанія и жизни Оттона до вступленія его на епископскую каѳедру. Источники Гербордова Діалога указаны имъ самимъ: прежде другихъ — это Тимонъ и Сефридъ, оба лица дѣйствительныя. Конечно, нельзя думать, что они передавали событія и вели бесѣду тѣми самими словами, какія имъ усвоены у Герборда; этого нельзя допустить уже и потому, что значительная доля разсказа о второмъ путешествіи, какъ увидимъ, заимствована изъ *письменнаго*, сторонняго источника, но нельзя также отвергать, что Тимонъ и Сефридъ избраны въ дѣйствующія лица Діалога не случайно, а по своему непосредственному участію въ предметѣ рѣчи, потому именно, что біографъ былъ имъ одолженъ важнѣйшими свѣдѣніями. Это естественное предположеніе вполнѣ оправдывается и со стороны личности Тимона и Сефрида, и со стороны самаго Гербордова разсказа. Тимонъ былъ воспитанникъ Оттона [1]) и пять лѣтъ находился у него въ услуженіи, съ тѣхъ поръ до самой своей смерти († 1162) онъ не оставлялъ монастыря и, всегда будучи близокъ къ епископу, долженъ былъ быть хорошо знакомъ и съ его монастырской дѣятельностью и съ обыкновеніями его частной жизни. Согласно съ этимъ и всѣ

1) «Iste est, quem aiunt ipsius (sc. Ottonis) mimulum fuisse quinquennem; habuit dominus super eum oculos bonos, eo quod illustri esset parentela et ab ipsis cunabulis ad monasterium translatus». *Herb.* I. Prooem.

разсказы Тимона въ Діалогѣ касаются или монастырской и домашней стороны жизни Оттона, или вообще его характера. Иное находимъ мы у Сефрида: какъ человѣкъ, прожившій пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ съ епископомъ [1]), онъ также хорошо зналъ обстоятельства его частной дѣятельности и жизни, но для него дороже были другія воспоминанія [2]). Когда Оттонъ снаряжался въ первое путешествіе къ поморянамъ, онъ просилъ Удальрика избрать ему вѣрнаго и способнаго къ дѣлу слугу. Тотъ указалъ на Сефрида клерика, который съ высокими умственными качествами соединялъ важное по тому времени искусство писать [3]). Оттонъ одобрилъ этотъ выборъ: и хотя Удальрикъ принужденъ былъ за болѣзнью остаться дома, но Сефридъ отправился съ Оттономъ и раздѣлилъ всѣ труды, опасности и утѣхи труднаго предпріятія [4]). Воспоминанія Сефрида объ этомъ первомъ путешествіи составляютъ содержаніе второй книги Гербордова Діалога: здѣсь на каждомъ шагу виденъ образованный очевидецъ событій, обстоятельный наблюдатель и вѣрный свидѣтель. Нѣкоторыя

---

1) ... «quid te (sc. Sefr.) illius (Ottonis) operum morumue lateret, qui annos ferme *quindecim* nunquam ab eius contubernio abstitisti». *Herb.* I. Prooem.

2) ... «que hoc spatio gessit, tu, ut *cooperator omnium*, oculis presentibus aspiciebas; que uero ante adoptionem tui—presulatu in ipso uel etiam ante presulatum—gesserit, tam ipsius, quam aliorum haut dubio relatu conperta retines uniuersa». Ib.

3) «Est inquit (Vdalricus) adolescens officio clericus nomine Sefridus, ingenio acutus, strenuus et fidelis; qui etiam cartis in itinere, cum necesse est, scribendis promtus et impiger erit. Hunc, meo iudicio, idoneum huic peregrinationi, tue pater dilectioni offero. Quod pius Otto gratanter suscipiens: «recte, ait, iudicasti. Hic deinceps precipuum inter familiares meos, te suggerente, locum obtinebit». Ebo II, c. 3. Есть основаніе думать, что Сефридъ до вступленія своего въ монастырь воспитывался при дворѣ Гейнриха IV; въ этомъ смыслѣ, кажется, слѣдуетъ понимать слова Герборда: «ille (sc. Sefridus), quid in peregrinis et barbaris nacionibus egerit episcopus, quia horum conscius est magis, et quomodo apud principem in curia degerit, uel qua oportunitate in curiam uenerit et inde ad pontificatusdignitatem *homo curialis etin curia enutritus*, aptius explanabit». I, Prooem. Сравни Klempin, l. c. p. 184 sq.

4) «Sefridum tamen, bone indolis adolescentem, pro amore pii nutritoris Vdalrici in comitatu suo admittens, intime dilectionis uisceribus et tunc et deinceps eum fouere non desiit». Ebo, II, 3.

происшествія переданы такъ живо и съ такими правдивыми подробностями, что кажется, будто бы Сефридъ *записывалъ* ихъ по горячему слѣду: образованная любознательность его не довольствуется внѣшнимъ наблюденіемъ явленій диковинныхъ, бросающихся въ глаза, она умѣетъ отыскать и замѣтить и простыя, но важныя черты; умѣетъ схватить самую сущность ихъ. Понятно, какъ дороги для насъ должны быть его показанія! Можно полагать, что Сефридъ принималъ участіе и во второмъ Оттоновомъ путешествіи, но въ описаніи происшествій его Гербордъ принялъ въ главные руководители другого свидѣтеля: онъ заимствовалъ изъ книги Эбона важнѣйшія показанія Удальрика, о которыхъ было говорено выше. Не желая, б. м., подвергнуться упреку въ заимствованіи, а иногда и вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ предметомъ, Гербордъ не рѣдко передаетъ въ неточномъ видѣ извѣстія своего источника, но взамѣнъ того онъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ происшествіяхъ независимо и обстоятельнѣе Эбона и нерѣдко пополняетъ его новыми данными, которыя, быть можетъ, идутъ отъ Сефрида и отличаются свойственною ему правдивостью [1]). Отсюда видно, что хотя III книга Діалога и не имѣетъ той высокой цѣны, какъ II-ая, но все же заключаетъ въ себѣ такія извѣстія, которымъ никакъ нельзя отказать въ важности. Гербордъ былъ далеко образованнѣе Эбона: съ обширною начитанностію въ классикахъ онъ соединялъ богословскую ученость, кромѣ того, обладалъ критическимъ умомъ, который не удовлетворяется простымъ фактомъ, но ищетъ причинъ его. Какъ историкъ, онъ стоитъ гораздо выше Эбона, и нѣтъ причинъ думать, чтобы онъ много стоялъ ниже своего предшественника въ желаніи точно передать извѣстія источниковъ и въ стремленіи къ правдивости. Правда, какъ мы замѣчали, онъ искажаетъ нѣкоторыя извѣстія Удальрика, но, кажется, не съ

---

1) Отличія въ разсказѣ Герборта отъ Эбона, а также и самостоятельныя дополненія перваго указаны будутъ ниже; въ изданіи Кэпке — на поляхъ, у *Яффе* же—въ выноскахъ отмѣчено все, что Гербордъ заимствовалъ у Эбона.

намѣреніемъ исказить самый фактъ, а по особой, въ средніе вѣка нерѣдкой, причинѣ: какъ образованный литераторъ, онъ стремится сообщить своему разсказу изящную литературную *форму:* простыя показанія своихъ источниковъ онъ распространяетъ въ картины, оживляетъ ихъ драматическими положеніями дѣйствующихъ лицъ и психологическимъ анализомъ поступковъ и побужденій ихъ. Словомъ, онъ хочетъ предложить не только назидательное, но и занимательное чтеніе. Этимъ стремленіемъ къ изящной литературной формѣ должно, по нашему мнѣнію, объяснить и тѣ длинныя ораторскія рѣчи, которыя Гербордъ нерѣдко влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ: здѣсь виденъ только ложный историческій пріемъ, а не намѣренное искаженіе дѣйствительности. Понятно, что при такомъ способѣ передачи извѣстій источниковъ, при отсутствіи личнаго знакомства автора съ дѣломъ, историческія ошибки и оступи были неизбѣжны; и ихъ у Герборда—довольно[1]), но отъ ошибокъ до умышленнаго искаженія фактовъ еще далеко, а тѣмъ болѣе такихъ фактовъ, которые принадлежатъ совершенно чуждому міру и не возбуждаютъ никакого желанія нарушить ихъ истину. Не замѣчая, чтобы Гербордъ завѣдомо и съ намѣреніемъ искажалъ показанія своихъ источниковъ, мы не имѣемъ права отказать ему въ довѣріи, но не можемъ, въ то же время, и положиться на него безусловно: критика здѣсь необходима, она должна быть разборчива, но не имѣетъ нужды быть подозрительной.

Изъ нашего разсмотрѣнія произведеній Эбона и Герборда открывается, что они другъ друга взаимно пополняютъ. Обстоятельства перваго путешествія Оттона переданы у Герборда подробно и со всею обстоятельностью очевидца и внимательнаго наблюдателя, у Эбона же разсказъ о нихъ неточенъ, наблюде-

---

1) Нѣкоторыя изъ нихъ указаны *Яффе* въ его изданіи, pag. 10 sq; но намъ кажется, что пок. талантливый историкъ слишкомъ несправедливъ къ Герборду, причисляя его трудъ къ отдѣлу *лживыхъ источниковъ* p. 15; гораздо вѣрнѣе и безпристрастнѣе оцѣнили его Кэпке: p. XIII отд. изд. и 740 въ Monum Germ. hist. t. XII и Клемпинъ: Die Biographien etc., 1. cit, p. 121 sq.

нія поверхностны и, за немногими исключеніями, очень кратки; наоборотъ—второе путешествіе, его происшествія и обстоятельства изложены у Эбона съ основательностью непосредственнаго свидѣтеля, у Герборда же они въ главномъ пересказываются со словъ послѣдняго и притомъ не всегда точно. Большаго вниманія заслуживаютъ *дополненія* къ нимъ Герборда, идущія быть можетъ, отъ Сефрида. Итакъ, во всемъ, что касается *первой* миссіи — предпочтеніе должно быть отдано Герборду, касательно же *второй* — Эбону; тѣмъ не менѣе не могутъ быть оставлены безъ вниманія и извѣстія Эбона о первомъ путешествіи и оригинальныя прибавленія Герборда ко второму: при всей краткости и кажущейся незначительности ихъ, они, какъ свидѣтельства очевидцевъ, хотя бы глухія и неотчетливыя, не только представляютъ важное объяснительное пособіе, но, по отчетливой критической провѣркѣ ихъ другими извѣстіями, получаютъ и самостоятельное значеніе.

3. *Прифлингенскій монахъ.* Вслѣдъ за Гербордовымъ Діалогомъ появилось вскорѣ и *третье* жизнеописаніе Оттона, судя по всѣмъ признакамъ — составленное какимъ нибудь монахомъ прифлингенскаго монастыря [1]). Произведеніе это имѣетъ незначительную историческую цѣнность: большую часть своихъ извѣстій авторъ заимствовалъ изъ Эбона и Герборда, то буквально списывая ихъ свидѣтельства, то передавая ихъ въ сокращеніи [2]). Въ описаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ, однако, отступаетъ отъ этихъ источниковъ и, кромѣ того, иногда приводитъ такіе факты, которые вовсе неизвѣстны ни Эбону, ни Герборду. По собственнымъ словамъ прифлингенскаго біографа —

1) Klempin: Die Biographien, etc. l. c. p. 208 sq. Произведеніе написано между 1160 и 1163 гг., оно впервые напечатано по рецензіи Эндлихера въ Vierter Jahresbericht der Gesellschaft für pommersche Geschichte und Alterthumskunde». Stet. 1830, p. 122—172, потомъ повторено Кэпке въ Monumenta Germaniae historica, Scr. XII, H. 1856, pag. 883—903.

2) Klempin: Die Biographien, etc. loc. cit. p. 212 sq; Köpke: Monum. XII, p. 744, not. 70—2.

онъ получилъ эти свѣдѣнія отъ извѣстныхъ духовныхъ лицъ [1]), но кто были они—остается неизвѣстнымъ. Всего ближе думать, что они не были изъ числа *настоящихъ свидѣтелей*, а принадлежали къ посторониимъ почитателямъ Оттона, которыхъ въ то время было не мало, особенно въ бамбергской епархіи. Имъ извѣстно было о дѣлахъ и подвигахъ поморянскаго апостола очень многое; даже болѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, потому что *главнымъ источникомъ ихъ свѣдѣній служило устное сказаніе*. Разсказы о чудесныхъ приключеніяхъ бамбергскихъ миссіонеровъ въ отдаленной странѣ язычниковъ распространялись быстро въ средѣ монаховъ и духовенства; переходя изъ устъ въ уста, они, естественно, не могли сохранить своего первоначальнаго вида и облекались поэзіей; мало того—рождались новыя легенды, далекія и отъ дѣйствительности, и даже отъ правдоподобія. Такъ сложился цѣлый рядъ монастырско-поэтическихъ сказаній объ Оттонѣ [2]); и эти то устныя легенды послужили источникомъ всѣхъ оригинальныхъ извѣстій прифлингенскаго біографа, по крайней мѣрѣ—они имѣютъ рѣшительно сказочный, поэтическій, по никакъ не историческій характеръ. Что касается до разногласій біографа съ Эбономъ и Гербордомъ, то имъ нельзя придавать особенно важнаго значенія: они объясняются отсутствіемъ историческаго смысла и основательнаго знакомства съ предметомъ; чувство уваженія къ исторической истинѣ и стремленіе слѣдовать ей — совершенно незнакомы прифлингенскому монаху: онъ знаетъ только требованія разсказа и имъ однимъ хочетъ удовлетворить, передавая особенно видное, извѣстное и поучительное изъ жизни Оттона; потому его перо свободно распоряжается сторонними показаніями и легко отдаетъ предпочтеніе какому нибудь глухому легендарному разсказу предъ ясными свидѣтельствами письменныхъ источниковъ.

---

1) ... «ne quis aestimet fabulosa, quae scribimus, ea tantum, quae uel ipsi *pro certo cognouimus*, uel quae a notis religiosisque personis nobis comperta narramus». Prol.

2) Klempin: Die Biographien, etc. l. c. p. 238—9.

По всему этому — произведеніе прифлингенскаго монаха не имѣетъ для насъ значенія источника въ собственномъ смыслѣ: самостоятельная часть его основывается на слишкомъ зыбкой почвѣ устныхъ преданій и лишена исторической достовѣрности. Но и устная молва можетъ заключать въ себѣ извѣстную долю истины, особенно, когда она идетъ вслѣдъ за самими событіями; отвергнуть вполнѣ ее нельзя; потому изслѣдователь, кажется, въ правѣ допустить показанія прифлингенской біографіи въ качествѣ второстепеннаго, дополнительнаго пособія; во всякомъ случаѣ — онъ обязанъ отмѣтить особенно важныя правдоподобныя черты столь древняго памятника, хотя бы и приходилось оставить истину ихъ подъ сомнѣніемъ.

Переходя къ извлеченію славянскаго матерьяла изъ этихъ трехъ или вѣрнѣе—двухъ важныхъ историческихъ памятниковъ, считаемъ необходимымъ напередъ точно опредѣлить внѣшніе пріемы такой работы.

Славянская часть «Жизнеописаній» Оттона передается нами вполнѣ, въ *свободномъ изложеніи:* русскій текстъ представляетъ связное историческое обозрѣніе поморскаго путешествія и проповѣди бамбергской миссіи, а помѣщаемыя въ выноскахъ обширныя извлеченія изъ латинскихъ подлинниковъ заключаютъ въ себѣ всѣ, хотя чѣмъ нибудь замѣчательные, факты славянскаго быта и древностей: это — полное, упорядоченное собраніе матерьяла. Хотя главною цѣлью нашей были сводъ и передача фактовъ, но и здѣсь мы по возможности старались удовлетворить требованіямъ критики, и потому устранили изъ изложенія всѣ очевидныя гагіографическія преувеличенія, всѣ раскрасы и литературныя распространенія, принадлежащія не исторической дѣйствительности, а личнымъ воззрѣніямъ и литературнымъ пріемамъ біографовъ; когда же среди этой, вообще исторически непригодной, реторики монашескаго піэтизма и псевдоклассическаго авторства — не нарокомъ мелькаетъ хоть малѣйшій намекъ на славянскую жизнь и ея порядки, онъ отмѣчается какъ въ пересказѣ, такъ и въ латинскихъ извлеченіяхъ. Если тексты біографовъ

сильно отклоняются другъ отъ друга, мы сводимъ ихъ въ русскомъ изложеніи, или слѣдуемъ одному, болѣе обстоятельному и достовѣрному, а въ выноскахъ сопоставляемъ оба подлинника цѣликомъ; если же отличія въ текстахъ незначительны по объему, но могутъ имѣть для насъ какой-нибудь интересъ или значеніе, избираемъ одинъ главный текстъ и въ скобкахъ приводимъ всѣ существенныя отклоненія другого. Событія и обстоятельства, которыя не заключаютъ въ себѣ прямой для насъ важности и не относятся къ области славянскаго быта, передаются сокращенно только въ русскомъ пересказѣ. Относительно послѣдняго считаемъ долгомъ замѣтить, что, несмотря на всѣ усилія наши удержаться въ границахъ точнаго *историческаго изложенія*, самая задача труда полагала иногда непобѣдимыя къ тому затрудненія: стремясь къ строгой исторической достовѣрности, слѣдовало устранить многія частныя черты источниковъ, сомнительныя или недостовѣрныя въ примѣненіи къ извѣстнымъ событіямъ, но полныя внутренней, бытовой правды и драгоцѣнныя для археолога. Не отвергнувъ произвольно многаго важнаго, мы не могли поэтому — изложить *исторію поморской дѣятельности* Оттона и довольствуемся *передачей событій* и *обстоятельствъ* ея на основаніи прямыхъ источниковъ. Только тамъ, гдѣ видѣлась возможность ненарушить *бытовой правды* фактовъ, требованія исторической критики имѣли для насъ всю обязательную силу свою.

Нѣкоторыя разнорѣчивыя показанія источниковъ имѣли нужду въ объясненіяхъ, и такъ какъ внесеніе послѣднихъ въ русскій пересказъ нарушило бы связную послѣдовательность его, то мы отвели имъ мѣсто въ выноскахъ.

До миссіи.

Призваніе языческихъ народовъ въ христіанское общество, распространеніе между ними истинной религіи и христіанскихъ обычаевъ — составляло духовную и политическую потребность времени. Среди заботъ о водвореніи общественной безопасности

и мирной жизни, среди тяжелыхъ думъ о предстоящей кончинѣ міра и дня Страшнаго Судилища—идея христіанской миссіи получила дѣятельное, воодушевляющее значеніе: въ исполненіи ея воины и политики видѣли свой прямой долгъ и вѣрное средство укротить «неистовство» язычниковъ, а благочестивые люди—вѣрили найти исполненіе заповѣди Спасителя (Ев. Марка XIII, 10) и искупленіе грѣховъ.

На сѣверѣ Европы миссія пріобрѣтала тѣмъ большее значеніе, что подъ ея покровомъ шло исполненіе политическихъ расчетовъ и предпріятій: религіозныя цѣли тк. скз. освящали практическія стремленія. Вотъ почему, въ эту новую обѣтованную землю стремились не только скромные подвижники съ знаменьемъ мира и любви, но и цѣлыя полчища крестоноснаго воинства, огнемъ и мечемъ распространявшаго *духовную* свободу и *политическое* порабощеніе. Войны саксовъ, Даніи и Польши съ балтійскими язычниками имѣютъ столько же политическій, сколько и крестовый характеръ: онѣ предпринимаются подъ знаменіемъ христіанства и въ первое условіе пощады и мира ставятъ побѣжденнымъ *трибутъ* и *принятіе новой религіи*. Правда, нерѣдко христіанская идея совершенно заслонялась корыстными побужденіями и становилась однимъ лишь благовиднымъ оффиціальнымъ предлогомъ: но для лучшихъ людей эпохи она всегда сохраняла живое значеніе нравственнаго долга и вызывала къ дѣятельности, достойной добраго признанія исторіи.

Къ числу такихъ людей принадлежали князь польскій Болеславъ III, Кривоустый (1102—1139) и епископъ бамбергскій Оттонъ I.

Правленіе Болеслава было рядомъ продолжительныхъ и жестокихъ войнъ и съ внѣшними врагами, и съ внутренними нарушителями государственнаго порядка. Съ одной стороны на Польшу нападали чехи, мораване, угры; съ другой—дикій и жестокій народъ русскихъ, которые, заручившись помощью половцевъ, пруссовъ и поморянъ—очень долго сопротивлялись польскому оружію, но послѣ многихъ понесенныхъ пораженій—принуждены

были, вмѣстѣ съ своимъ княземъ (Святополкомъ), просить мира. Миръ былъ скрѣпленъ бракомъ Болеслава съ дочерью русскаго князя (Сбыславою?); но — не на долго: чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла русская княгиня, оставивъ Болеславу одного только сына (Владислава); а за этимъ возобновились вскорѣ и непріязненныя отношенія между тестемъ и зятемъ [1]).

Въ совѣтѣ Болеслава сидѣлъ воевода Петръ (Властъ), человѣкъ очень остраго ума, сильный и храбрый. Видя большія затрудненія укротить русскихъ оружіемъ, онъ совѣтовалъ употребить хитрость и предложилъ свои услуги на такое дѣло. Взявъ тридцать сильныхъ воиновъ, онъ перебѣжалъ къ русскому князю (Володарю галичскому), притворился — будто бы недоволенъ Болеславомъ и умѣлъ пріобрѣсти расположеніе князя, который сблизился съ нимъ и часто поручалъ ему исполненіе дѣлъ. Однажды русскій князь былъ на охотѣ и, увлекшись, отдалился отъ своихъ; его окружали только Петръ съ своими польскими товарищами. Воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, Петръ захватилъ силою русскаго князя и представилъ Болеславу, который вскорѣ взялъ за его освобожденіе такую огромную сумму денегъ и такія богатства, что обезсиленная и доведенная до нищеты Русь—смирилась и уже болѣе не тревожила поляковъ войнами. Въ условіяхъ мирнаго договора, который былъ заключенъ Болеславомъ съ русскимъ княземъ и лучшими людьми земли,

1) «Erant, cum quibus diuisim diuersis temporibus certamen (Bolezlaus) habebat, e parte una Polonie: Bohemi, Moraui, Vngari; ex alia: Rutheni, gens crudelis et aspera; qui, Flauorum, Pruscorum et Pomeranorum freti auxiliis, acrius diutiustque illi resisterunt. Sed frustra; quia, tandem superati ab eo et contriti, post multas clades pacem ab eo postulare cum rege suo decreuerunt». *Herb.* II, 3. «Rex et omnes principes Ruthenorum, sine amicitia et pace ducis non se quietos fore perpendentes, uiam inueniende mutue pacis et gratie: illius prudentie ac fidei committendam presumpserunt. Ille uero—hanc honestissimam ratus uiam statuende atque firmande pacis—filiam ipsius regis petiuit et accepit uxorem... Colebant ergo se mutuis beneficiis socer et gener... Verum ea perfunctoria et breuis erat tranquillitas. Nam post annos paucos Ruthenissa uxor Bolezlai moritur, unum tantum ei filium relinquens; unde quasi rupto uinculo, quo tota inter generum et socerum constabat amicitia, dudum consopita bella paulatim recrudescunt». *Herb.* II, 4.

стояло обязательство неподавать помощи поморянамъ [Herb. II, 3—4] [1]). Это племя «языческое, ненавистное и необузданное» дѣлало безпрерывно набѣги на польскія земли. Стремясь доставить миръ государству и обезопасить его предѣлы, Болеславъ рѣшился или совершенно искоренить безпокойное племя, или мечемъ привести его къ истинѣ христіанства и покою. Достигнуть этого было не легко: поморяне имѣли на окраинахъ своей земли многіе, природой и искусствомъ укрѣпленные, города и крѣпости; при грозившей опасности они сносили сюда свое имущество и были готовы къ вооруженному отпору. Не смотря, однако, на сильное сопротивленіе — поморскіе походы Болеслава были удачны и вели за собою, какъ выражается Саксонъ Грамматикъ (p. 629) «бремя невыносимаго опустошенія». Въ особенности славны были взятія городовъ Штетины и Наклы. Штетина, ме-

1) «Bolezlaus, feritate gentis permotus, cum suis consilium habuit, quonam modo rediuiua mala hec propulsare potuisset. Habebat autem Petrum quendam milicie ductorem, uirum acris ingenii et fortem robore, de quo dubium, utrum in armis an in consiliis maior fuerit, qui erat prefectus a duce super uiros bellatores. Hic ascitus consilio: «si suis tantum—inquit—Rutheni uiribus dimicarent, illos a nobis conteri difficile non esset. Sed habent Flauos, habent Pruscos; habent eciam Pomeranos, gentem ydolatram inuisam ac nimis indomitam. Quos omnes simul in arma prouocare quam durum sit, inexperti non sumus; quamuis ante de his triumphos habuerimus. Quocirca meo animo consilium incidit: Ruthenos arte melius superari. Et ne quis impossibile hoc estimet, ecce uadam ad illos, et incruentam nobis de tirano uictoriam reportabo»... Assumptisque uiris quasi triginta robustissimis, ficta necessitate Petrus ad regem transfugit Ruthenorum; eumque, arte sermonis circumuentum quod male de duce sentiret, estimare fecit... cum die quadam fictus transfuga ipsiusque socii cum rege in saltu uemorum uenandi gratia uagarentur, rex, nichil mali suspicatus, occasione ferarum longius a menibus abscesserat, elongatisque aliis, Petrus cum suis circa illum remanserat. Qua fretus oportunitate, capto rege, incruentam, umi pollicitus erat, de Ruthenis uictoriam domino suo duci reportauit. Mirumque dictu, effera gens illa hoc facto ita edomita est, ut nunquam postea uiuente duce nec quidem de bello cogitarent. Nam pro ereptione sui tirannus, quicquid maiorum suorum studio ac solercia in thesauris collectum habere poterat, dare coactus est, aurum argentum et queque preciosa in uasis et uestibus et uariis opum speciebus quadrigis et camelis in Poloniam apportantibus; ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret. Deinde, ubi federa mansure pacis iureiurando tam rex quam optimates Ruthenorum solidauerant, eciam hoc polliceri fide firmissima rogati sunt, ne Pomeranis ultra forent auxilio». Herb. II, 4.

трополія всего Поморья, со всѣхъ сторонъ окруженная водою и болотами — казалась неприступною; Болеславъ въ зимнее время 1121 г., не безъ опасности, провелъ свои войска по льду и безпрепятственно занялъ городъ. Укрѣпленную и сильную Наклу онъ взялъ приступомъ и предалъ огню, а окрестныя мѣстности такъ опустошилъ огнемъ и мечемъ, что, три года спустя, туземцы показывали спутникамъ Оттона въ разныхъ мѣстахъ — развалины, пожарища и груды труповъ, какъ будто пораженіе случилось недавно. Разсказывали, что Болеславъ предалъ смерти 18 тыс. воиновъ, а 8 тыс. съ женами и дѣтьми увелъ плѣнными въ свою землю и разселилъ по граничнымъ городамъ и крѣпостямъ, поручивъ имъ защиту государства противъ внѣшнихъ враговъ и наказавъ обратиться въ христіанство [1]).

1) Pomeraniam insultibus crebris concutere, uastare ac populari cepit [sc. Boleslaus]. Et quia paganismo tenebantur, dux eos aut penitus elidere aut ferro ad fidem christianismi conatus est impellere. At illi suis fisi uiribus, eo quod ciuitates et castra natura et arte firma in introitu terre haberent quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt; omnemque substantiam suam in uribibus collocantes, armorum presidia preparare moliuntur. Sed... ingenium et [Deus]... uires contra eos Bolezlao ministrauit, ita ut multis et magnis frequenter cladibus eos afficeret. Nam et ciuitatem Stetinensem, que stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur, que eciam tocius Pomeraniae metropolis fuit, hiemali tempore strictam per glaciem non sine periculo exercitum ducens, inopinata clade percussit. Naclam quoque ciuitatem munitam et fortem ualde fregit et succendit, et omnem in circuitu regionem eius igni et ferro uastauit adeo, ut ruinas et adustiones et aceruos cadauerum interfectorum incole nobis [т. е. спутникамъ Оттона] per diuersa loca monstrarent post annos tres acsi de strage recenti. Tam grauissime autem in illarum ciuitatem expugnatione subacti sunt, ut, quos neci et captiuitati dux superesse passus est, cum suo principe christianos se atque tributarios fore, quod iurare licuit, pro lucro ingenti ducerent. Ferunt autem, quod, decem et octo milibus uirorum pugnatorum nece traditis, octo milia cum uxoribus et paruulis ad terram suam captiuos abduxerit. Et in periculosis marchiarum locis, in urbibus et castris eos collocans, quo terre sue presidio forent et cum hostibus suis, gentibus scilicet externis, bella gererent indixit; hoc addito, ut, abdicatis ydolis, christiane se religioni per omnia conformarent», Herb. II, 5. О частыхъ походахъ Болеслава противъ Поморянъ подробно передаетъ Мартинъ Галлъ во II и III книгѣ своей Chronicon Polonorum. Разсказъ Герборда не имѣетъ характера строгаго хронологическаго повѣствованія: это — простое припоминаніе отношеній Болеслава къ Поморью для объясненія послѣдующаго, cf. Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer, II, H. B.

«Поморское грубое варварство» (cruda barbaries) должно было покориться: жители и князь (Вартиславъ) обязались платить дань и принять христіанство. Тщетно, однако, Болеславъ искалъ между епископами своей земли—дѣятелей для предстоящей миссіи: имъ, кажется, слишкомъ памятны были прежніе печальные опыты подобныхъ предпріятій, чтобы отважиться на новый, потому они отказывались подъ разными предлогами и извиненіями (Herb. II, 5). Въ началѣ 1122 года ко двору Болеслава неожиданно пришелъ епископъ Бернгардъ, испанецъ по происхожденію, и объявилъ князю о своемъ намѣреніи проповѣдывать Евангеліе въ языческой странѣ поморянъ. Болеславъ былъ радъ этому, но, кажется, не считалъ Бернгарда способнымъ выполнить трудную задачу и предвидѣлъ неуспѣхъ; онъ не скрывалъ опасности предпріятія: «народъ поморскій, говорилъ онъ, имѣетъ дикіе, звѣрскіе нравы и скорѣе готовъ претерпѣть смерть, чѣмъ подчиниться игу христіанства» [1]). Бернгарда, однако, не устрашили опасности: его душа горѣла желаніемъ или обратить невѣрныхъ, или украситься вѣнцомъ мученика ради Христа; онъ просилъ только дать ему проводника и переводчика и, получивъ ихъ, какъ истинный послѣдователь Спасителя, необутыми ногами и въ одеждѣ бѣдняка, вышелъ на предстоявшую ему дѣятельность. Успѣхъ не отвѣчалъ его ожиданіямъ. Граждане города Волына, куда прибылъ онъ и гдѣ проповѣдывалъ умѣя судить только по внѣшности, *встрѣтили его по одеждѣ* и спросили: кто онъ и отъ кого посланъ? Когда Бернгардъ назвалъ себя слугою истиннаго Бога, создателя неба и земли, посланнымъ отъ него для того, чтобы обратить ихъ отъ заблужденія язычества на путь истины, волынцы

1859, p. 15—19. Цѣль нашего труда позволила намъ ограничиться только передачею Гербордова разсказа. Касательно города Наклы, нынѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это имя слѣдуетъ читать: Nacla, Nakiel [у Мартина Галла], а не Radam, какъ читалъ сначала Кэпке и Клемпинъ, ср. предисловіе послѣдняго къ сочиненію Kratz'a: Die Städte der Prov. Pommern, Ber. 1865, p. XXIV sq., cf. 1—2 in notis.

1) «Tantam gentis illius esse ferocitatem, ut magis necem inferra, quam iugum fidei subire parata sit». Ebo: II, 1.

пришли въ негодованіе: ихъ простой смыслъ не могъ соединить идеи высшаго божества, полнаго славы и богатства—съ видомъ крайней бѣдности, въ которой явился его посланникъ; они приняли Бернгарда за обманщика, пришедшаго ради матерьяльной поживы и требовали, чтобы онъ удалился [1]). Напрасно Бернгардъ предлагалъ доказать свое божественное призваніе посредствомъ чуда, прося зажечь какое-нибудь жилище и бросить самого его въ огонь, онъ утверждалъ, что выйдетъ оттуда здравъ и невредимъ; жрецы и старѣйшины, по совѣщаніи, рѣшили, что это человѣкъ безумный и безнадежный: «тѣснимый нуждою, говорили они, онъ не дорожитъ жизнью и, предлагая намъ зажечь какой-нибудь домъ, желаетъ отмстить свою неудачу: пожаръ необходимо распространится, и весь городъ погибнетъ. Намъ не слѣдуетъ слушать безумца, но не годится также и предать его смерти: онъ — бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, это дознано опытомъ сосѣдей, навлекаетъ бѣдствія; лучше, безъ обиды, посадивъ въ ладью — устранимъ его изъ нашихъ предѣловъ» [2]). Пока шло совѣщаніе, Бернгардъ, сгорая любовью

---

1) Ille [sc. Bernhardus] despecto habitu et nudis pedibus urbem Iulin ingreditur ibique constanter fidei katholice semina spargere cepit. Ciues autem ex ipso eum habitu despicientes, utpote qui non nisi secundum faciem iudicare sciebant—quis esset uel a quo missus, inquirunt. At ille seruum se ueri Dei, factoris celi et terre, profitetur et ab eo se missum, ut illos ab errore ydolatrie ad uiam ueritatis reducat. Illi uero indignati: «Quomodo — inquiunt, credere possumus, te nuncium summi Dei esse, cum ille gloriosus sit et omnibus diuiciis plenus, tu uero despicabilis et tante paupertatis, ut nec calciamenta habere possis. Non recipiemus te nec audiemus. Summus enim Deus nunquam tam abiectum nobis legatum dirigeret; sed si re uera conuersionem nostram desiderat per idoneum et dignum sue potestati ministrum nos uisitabit. Tu uero, si uite tue consultum esse uolueris, quantocius ad locum, unde digressus es, reuerteure; nec ad iniuriam summi Dei missum eius te profitearis. Quia pro sola tue mendicitatis inopia releuanda huc migrasti». Ebo: II, 1.

2) «Sacerdotes et seniores plebis, multam inter se conquisicionem habentes aiebant: Iste [sc. Bernhardus] insanus et desperatus est; nimia cogente inopia, mortem appetit, morti se ultro ingerit. Sed et argumentosa nos circumueniens nequicia, repulsionis sue a nobis uindictam exigit, ut sine nostro non moriatur excidio; quia scilicet, una domo succensa, tocius urbis interitum subsequi necesse est. Non eniam expedit nobis, peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pru-

мученичества, схватилъ сѣкиру и началъ рубить священный, удивительной величины столбъ [1]. Волынцы не снесли подобнаго оскорбленія, они бросились на проповѣдника и избили его до полусмерти; но лишь только пришелъ онъ въ себя, какъ снова принялся проповѣдывать: тогда жрецы силою увлекли его изъ средины толпы, посадили вмѣстѣ съ капелланомъ и переводчикомъ въ ладью и отправили въ море, запретивъ съ угрозою приближаться къ предѣламъ ихъ земли. Бернгардъ возвратился къ Болеславу и со слезами разсказалъ свою печальную исторію; для него ясна была причина неудачи: «не зная духовныхъ потребностей, волынцы судятъ по внѣшнему виду — говорилъ онъ; они отвергли меня ради нищеты моей, но если среди нихъ явится проповѣдникъ, исполненный внѣшняго блеска и богатства—они обратятся къ христіанству» [2]. Слова Бернгарда — не прошли даромъ: Болеславъ ими скоро воспользовался. Отдохнувъ нѣсколько дней у польскаго князя, Бернгардъ отправился въ Бамбергъ и пришелъ туда во время государственнаго съѣзда, въ ноябрѣ 1122 года. Ученость Бернгарда, его строгія добродѣтели пріобрѣли въ Бамбергѣ общее уваженіе, они сблизили съ нимъ и епископа Оттона, который часто распрашивалъ о его проповѣди въ Поморьѣ и о тамошнемъ народѣ. Бернгардъ замѣтилъ необыкновенный интересъ Оттона къ дѣлу христіанской

---

zenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicantem occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substancia eorum ad nichilum redacta est»... Ebo, II, 1. Упоминаніе объ Войтѣхѣ мы устранили изъ изложенія: оно, конечно, прибрано на этотъ случай ученымъ повѣствователемъ.

1) «Bernhardus amore martirii flagrans, correpta secure columpnam mire magnitudinis, Iulio Cesari a quo urbs Iulin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est». Ebo, ibidem. Сказаніе о Юліѣ Цезарѣ въ отношеніи Волына и священнаго столба очевидно—ученая *этимологическая* сказка.

2) «Animales inquit [Bernhardus] sunt et spiritualium penitus ignari donorum, ideoque hominem non nisi exteriori habitu metiuntur. Me quidem pro paupertatis mee tenuitate abiecerunt, sed si potens quisdam predicator, cuius gloriam et diuicias reuereantur, ad eos accesserit, spero illos iugum Christi spontanee subituros». Ebo II, 1.

миссіи и, желая видѣть въ немъ болѣе счастливаго преемника, изложилъ причины своей неудачи и совѣтовалъ итти къ «варварамъ» неиначе, какъ въ блестящей обстановкѣ, съ помощниками, съ богатымъ запасомъ матерьяльныхъ средствъ. «Еще—предупреждалъ онъ, берегись требовать отъ язычниковъ чего-нибудь изъ имущества ихъ, а добровольно приносимое вознаграждай большими дарами, чтобы они поняли, что ты пришелъ къ нимъ не ради стяжанія, но единственно по любви къ Богу и для проповѣди Евангелія» [1]. Разсказы Бернгарда поселили въ Оттонѣ желаніе итти на подвигъ христіанскаго просвѣщенія язычниковъ (Ebo, II, 1). Это желаніе выросло въ твердую рѣшимость, когда Болеславъ Кривоустый, все занятый заботою обращенія поморянъ, прямо обратился къ нему, какъ къ старому знакомцу и другу своей юности, вызывая его на это трудное, но славное предпріятіе. Въ письмѣ, которое Болеславъ писалъ по этому поводу къ Оттону, онъ излагалъ свои трехлѣтнія тщетныя усилія найти проповѣдника для поморянъ, просилъ Оттона принять на себя этотъ подвигъ и обѣщалъ съ своей стороны всевозможныя пособія и людьми, и другими средствами (Herb. II, 6) [2].

---

1) «Ego quidem [sc. Bernhardus] tanta paupertatis abiectione opus euangelii agressus sum, ut nec calciamentis uti uoluissem. Sed gens illa, nimie dedita insipientie ueritatisque penitus ignara, cernens tenuitatis mee et habitus despectionem, non pro amore Christi sed pro sola inopie necessitate me illo migrasse credidit; ideoque uerbum salutis ex ore meo audire contempnens, repulit. Vnde necesse est, ut, si, tu pater amande [sc. Otto], lucrum aliquot in brutis barbarorum pectoribus agere uolueris, assumpta cooperatorum et obsequentium nobili frequentia sed et uictus ac uestitus copioso apparatu, illuc tendas. Cauendum est etiam, ne quicquam de bonis eorum appetas. Sed, si oblatum quid fuerit ab eis, maiora quam acceperis restituas; ut per hoc intelligant, te non turpis lucri gratia, sed solo Dei amore opus euangelii subisse». Ebo, II, 2.

2) «Quia in diebus iuuentutis tue [sc. Ottonis] apud patrem meum [sc. Wladislauum Hermannum] decentissima te honestate conuersatum memini .... si tue non displicet dignitati, ueteres tecum renouare animo sedet amicitias tuoque consilio simul et auxilio uti ad Dei gloriam promouendam ... Nosti enim, ut arbitror, quomodo Pomeranorum cruda barbaries, non mea quidem sed Dei uirtute humiliata, societati ecclesie per baptismi lauacrum se admitti petiuit. Sed ecce per triennium laboro, quod nullum episcoporum uel sacerdotum idoneorum michiue coaffinium ad hoc opus inducere queo. Vnde, quia tua sanctitas ad omne opus bonum prompta

Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Въ приглашеніи Болеслава Оттонъ увидѣлъ голосъ провидѣнія, призывающій его на подвигъ. Онъ посовѣтовался съ клиромъ и отправилъ къ папѣ Каликсту II посланника, испрашивая апостольскаго разрѣшенія и благословенія на трудное дѣло. Отвѣтъ папы былъ благопріятенъ, и Оттонъ сталъ готовиться въ путь (Herb. II, 7). Ему нужны были надежные помощники; прежде прочихъ онъ остановился на любимцѣ своемъ, священникѣ Удальрикѣ. Призванный къ совѣту, Удальрикъ немедленно рѣшился слѣдовать за своимъ патрономъ. Кромѣ священника Вернера и переводчика Адельберта [1]), избранныхъ самимъ Оттономъ, положено было взять и клерика Сефрида, на котораго указалъ Удальрикъ, какъ на юношу расторопнаго, усерднаго и къ тому же искуснаго писца (Ebo: II, 3). Помня печальный опытъ и наставленія Бернгарда, слыша, что въ богатомъ Поморьѣ почти вовсе нѣтъ нищихъ и бѣдняки вообще презираются, Оттонъ позаботился явиться туда въ обиліи и внѣшнемъ блескѣ: онъ взялъ съ собою не только богатый запасъ вещей, необходимыхъ при богослуженіи, но и много одеждъ, драгоцѣнныхъ тканей и иныхъ подарковъ, назначенныхъ для знатныхъ и богатыхъ той страны (Herb. II, 7 Ebo: II, 3) [2]).

---

et indefessa predicatur, rogamus, pater amantissime, non te pigeat, nostro comitante seruicio, pro Dei gloria tueque beatitudinis incremento id laboris assumere. Sed et ego ... impensas omnes et socios itineris et lingue interpretes et coadiutores presbiteros, et quecunque necessaria fuerint, prebeo; tu tantum uenire dignare». Herbord. II, 6.

1) «Adelbertum quoque, lingue bapbarice sciolum, interpetem habere possumus». Ebo, II, 3.

2) [Otto] «quia terram Pomeranorum fama ferente opulentam audiuerat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari, et iam dudum quosdam seruos Dei predicatores egenos ac censu tenues propter inopiam contempsisse, quasi non pro salute hominum sed pro sua necessitate releuanda officio insisterent predicandi; studiose procurauit»... etc., Herb. II, 7. Vestes quoque et pannos preciosos aliaque donaria, nobilibus ac diuitibus apta, euangelista simplex et prudens in uiam portauit euangelii: ne forte indigentie causa paganis uide-

Изготовившись и устроивъ домашнія дѣла, Оттонъ хотѣлъ отправиться, но неожиданная болѣзнь Удальрика удержала его на нѣкоторое время: ему тяжело было разстаться съ мыслью имѣть товарищемъ человѣка столь близкаго, онъ рѣшился повременить. Такъ прошло три дня; болѣзнь, однако, не прекращалась, и, дорожа временемъ, Оттонъ оставилъ Удальрика и выступилъ въ путь въ началѣ мая 1124 г. Надежда, что Удальрикъ скоро оправится и присоединится къ миссіи, еще разъ заставила Оттона остановиться на нѣкоторое время въ монастырѣ Михельфельдъ, но, получивъ извѣстіе, что больному не легче, онъ простился съ провожавшими его и послѣдовалъ далѣе. Освятивъ на пути нѣкоторые храмы, Оттонъ, чрезъ чешскій лѣсъ, пришелъ въ Чехи; здѣсь, въ монастырѣ Кладрубы, его ожидали посланники чешскаго князя Владислава и сопровождали въ Прагу, гдѣ онъ былъ встрѣченъ епископомъ Мегингардомъ съ особымъ почетомъ (Ebo, II, 3). Въ Прагѣ Оттонъ не медлилъ: чрезъ Садскую онъ скоро прибылъ въ замокъ Милетинъ, гдѣ въ то время находился самъ князь, принявшій его съ великолѣпіемъ. Богато одаренный Владиславомъ, знаменитый миссіонеръ, въ сопровожденіи чешскихъ, а потомъ польскихъ — пословъ, мирно продолжалъ свой путь чрезъ Варту, Нѣмчъ, Вратиславу, Калишъ и Познань (Herb., II, 8). Онъ часто останавливался и уклонялся съ прямой дороги въ сторону для проповѣди Евангелія. Вездѣ его встрѣчали съ торжественнымъ вниманіемъ и почетомъ (Ebo, II, 3; Herb. II, 8). Въ Гнѣзднѣ, куда наконецъ прибыла миссія, самъ Болеславъ, вмѣстѣ съ знатными людьми земли своей, вышелъ къ ней на встрѣчу за городъ необутыми ногами — и торжественно проводилъ Оттона въ главный храмъ. Въ Гнѣзднѣ

---

retur euangelizare, sed nouelle plantationi sua potius conferre quam illius appetere» . . . Herb, II, 7. «Interim—говорилъ Оттонъ Удальрику, accepta a me pecunia, uestes et necessaria queque tibi compara. Quia ad suggestionem Bernhardi non cum tenuitate sed habundancia tam uestium quam uictualium Pomeranos adire nos opportet; ne, cum paupertatis angustias in nobis deprehenderint, non zelo iustitie sed pro inopie releuanda necessitate illo nos migrasse cauillentur et . . . a finibus suis nos eiciant» . . . Ebo, II, 3.

миссія оставалась цѣлую недѣлю: нужно было собраться и устроиться къ предстоящему труднѣйшему путешествію. Болеславъ заботился доставить Оттону все необходимое: онъ снабдилъ его людьми для службъ, которые одинаково хорошо знали нѣмецкій и славянскій языки, далъ много подводъ, на которыхъ везли продовольствіе и вещи, наградилъ въ обиліи и деньгами своей страны. Въ помощники къ Оттону князь назначилъ трехъ священниковъ и военнаго сотника Павликія, человѣка дѣятельнаго и умѣвшаго толково говорить съ народомъ (Herb. II, 9)[1]. Простившись съ Болеславомъ, Оттонъ и спутники его двинулись далѣе и пришли къ крайнему предѣлу польской земли, къ пограничной крѣпости Уздѣ. Отсюда Павликій отправилъ пословъ къ поморскому князю Вартиславу, чтобы предувѣдомить его о прибытіи Оттона. Вартиславъ былъ въ то время въ Старьградѣ; получивъ извѣстіе, онъ немедленно выступилъ на встрѣчу миссіи (Ebo, II; 4)[2].

«*Земля поморская*, какъ ясно изъ ея наименованія, лежитъ около моря. Если взглянуть на ея положеніе въ цѣломъ, какъ относительно заводей и морскихъ заливовъ, такъ и сухой почвы,

---

1) «Dedit [dux Bolezlaus] domino meo [sc. Ottoni] de gente illa tam Sclauice quam Teutonice lingue gnaros satellites ad diuersa eius ministeria, ne quid incommoditatis per lingue ignorantiam in gente externa pateretur. Quid dicam? Currus et quadrigas ordine longo, uictualia et omnes sarcinas nostras portantes; monetam quoque ilius terre liberalitate contulit ingenua», Herb. II, 9. Эбонъ передаетъ, что Оттонъ оставался у Болеслава «per tres ebdomadas in domo Iacobi, prepositi maioris eccelesia», разсказываетъ еще, что по выходѣ миссіи изъ Гнѣздна, ее обокрали въ ближайшей деревнѣ, Ebo II, 4. Мы основались на разсказѣ Сефрида, какъ очевидца.

2) «Cumque ad castrum quoddam, quod Vzda nominatum est quod est in confinio utriusque terre, cum suis uenisset, comes Paulus [centurio Paulicius у Герборда], ductor eius, premisit nuncios ad Wortizlaum Pomeranie ducem; qui Ottonem, fama apud eos celeberrima uulgatum, fines suos euangelizandi gratia adire insinuarent... Quo mandato dux Wortizlaus accepto, in castro Zitarigroda nuncupato ei occurit»... Ebo II, 4. Здѣсь у Эбона—путаница: Вартиславъ не могъ встрѣтить Оттона въ Старьградѣ, который лежалъ на сѣверѣ Поморья. Сефридъ у Герборда ничего не говоритъ объ этомъ, потому вѣрнѣе думать, что въ Старьградѣ князь получилъ извѣстіе о прибытіи Оттона и вышелъ оттуда къ нему на встрѣчу. Сефридовъ дальнѣйшій разсказъ возводитъ эту догадку въ достовѣрность.

она представитъ какъ бы треугольникъ, т. е. три стороны, которыя, подобно линіямъ, концами сходятся и образуютъ три угла, такъ однако, что одинъ уголъ болѣе двухъ другихъ, онъ и простирается до страны Лютичей къ Саксоніи и на сѣверъ къ морю, постепенно загибаясь. Такимъ образомъ Поморье имѣетъ за собой на морѣ Данію и небольшой, но многолюдный островъ Руяну; надъ собою, т. е. направо отъ сѣвера—землю половцевъ (!? славянъ?), пруссовъ и Русь; предъ собою же, т. е. на югъ небольшимъ концомъ достигаетъ границъ Угріи и Моравіи; наконецъ, на обширномъ пространствѣ граничитъ съ Польшею до предѣловъ земли Лютичей и Саксоніи. Народъ этотъ (поморскій), искусный въ войнѣ на сушѣ и морѣ, привыкшій жить разбоемъ и грабежомъ, былъ всегда необузданъ въ природной своей дикости и совсѣмъ чуждъ христіанскаго богопочтенія и религіи. Сама же земля даетъ жителямъ въ изобиліи рыбу и дикихъ звѣрей и очень богата всякаго рода хлѣбомъ, овощами и сѣменами. Нѣтъ страны обильнѣе медомъ и плодоноснѣе пастбищами и лугами. Вина у жителей нѣтъ, да они и не стремятся добыть его; но ихъ меды и пиво, тщательно приготовленные, превосходятъ даже и фалернскія вина» (Herb. II, 1)[1]).

1) «Est terra hec. [sc Pomerania]; si totam eius posicionem tam in stagnis et refusionibus marinis, quam in locis campestribus considerare uelimus, quasi figura triangula. Quia tribus lateribus, quasi tribus lineis per capita sibi coherentibus, tres angulos habere deprehenditur; ita tamen, ut unus angulus duobus reliquis sit extensior, qui eciam usque ad Leuticiam et prope Saxoniam uersus aquilonem ad fluctus oceani paulatim recuruatus dimittitur. Itaque Pomerania post se in oceano Daciam habet et Rugiam, insulam paruam sed populosam; super se autem, id est ad dexteram septentrionis, Flauiam—[Slauiam, ибо Flauia — земля Половцевъ здѣсь не у мѣста; впрочемъ б. м. Гербордъ дѣйствительно думалъ о половцахъ: онъ знаетъ [cf. Herb. II, 3, 4] о войнахъ поляковъ съ Русью и половцами, потому и *предполагаетъ*, что страна послѣднихъ находится возлѣ Польши и граничитъ съ Поморьемъ] habet et Prusciam; ante se uero, id est uersus aridam, parua extremitate se attingentes fines respicit Vngarie ac Morauie, dein Poloniam spaciosa contiguitate usque ad confinia Leuticie et Saxonie se habet attingendo extendentem. Gens ista, terra marique bellare perita, spoliis et raptu uiuere consueta, naturali quadam feritate semper erat inindomita et a cultu et fide christiana penitus aliena. Terra uero ipsa piscium et ferarum copiosam incolis prebet habundanciam; omnigenumque frumentorum et leguminum siue seminum

Возвратимся къ нашимъ путешественникамъ.

За Уздой, по другую сторону рѣки Нотеци, тянулся огромный, мрачный лѣсъ, лежавшій границею между Польшей и Поморьемъ. Чрезъ него шла дорога Оттона и его товарищей. Они находились среди дѣвственной природы, гдѣ дотолѣ почти не бывала нога человѣка; только Болеславъ въ прежніе годы проходилъ съ войскомъ по этому мѣсту и обозначилъ свою дорогу засѣками и знаками на деревьяхъ. По этимъ знакамъ пробиралась и миссія, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, опасности и всякіе страхи: ихъ подводы грязли въ болотахъ, огромныя змѣи и дикіе звѣри угрожали нападеніемъ, птицы — тревожили ихъ крикомъ. Чрезъ шесть дней труднаго пути проповѣдники достигли берега рѣки, которая составляла собственную границу Поморья. Здѣсь ожидалъ ихъ Вартиславъ, пришедшій съ пятью стами воиновъ и остановившійся лагеремъ на другомъ берегу; онъ перешелъ съ немногими рѣку и привѣтствовалъ приходъ Оттона. Вартиславъ былъ христіаниномъ, но изъ страха предъ язычниками скрывалъ свою религію [1]). Въ то время, когда епископъ,

---

fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior. Vinum autem nec habent, nec querunt; sed melleis poculis et cereuisia curatissime confecta, uina superant Falernica». Herb. II, 1. Мы сочли удобнымъ привести Гербордову характеристику Поморья именно при изложеніи вступленія Оттона въ эту землю. Географическія опредѣленія, кажется, плодъ *ученыхъ соображеній* самого Герборда и не отличаются ни ясностью, ни особой цѣнностью; но указанія на бытъ и хозяйство поморянъ идутъ несомнѣнно отъ Сефрида и заслуживаютъ полнаго вниманія. Лингвистическое толкованіе имени Поморья, будто бы отъ *pome*—iuxta, circa и *moriz*—mape, Pomerania, quasi Pomerizania; e. iuxta uel circa mare sita, заставляетъ думать, что Гербордъ слышалъ правду, но не умѣлъ вѣрно передать ее.

1) «a duce Polonie dimissi, per Vzdam castrum in extremis Polonie finibus transeuntes, nemus horrendum et uastum, quod Pomeraniam Poloniamque diuidit, intrauimus... Nemus hoc nulli ante mortalium peruium erat; nisi quod superioribus annis dux latrocinandi causa, priusquam subegisset totam Pomeraniam, sectis signatisque arboribus uiam sibi exercituique suo exciderat. Que signa tenentes uix diebus sex emenso nemore ad ripam fluminis, qui limes Pomeranie est, consedimus. Dux uero Pomeranorum aduentus nostri prescius, cum, quingentis uiris occurrens, ex alia parte aque castra metatus est. Mox que amne transmisso cum paucis, episcopum salutat atque salutatur ab illo». Herb. II, 10, 11.

князь и Павликій, отойдя въ сторону, вели разговоръ чрезъ переводчика, спутники Оттона остались съ людьми князя и испытывали сильный страхъ, видя себя въ первый разъ лицомъ къ лицу съ «варварскимъ, дикимъ народомъ». Замѣтивъ смущеніе пришельцевъ, поморскіе воины вздумали позабавиться надъ ними и начали пугать ихъ ложными страхами: вынувъ острые ножи, они угрожали заколоть ихъ, дѣлали видъ, что хотятъ зарыть ихъ въ землю и пронзить ихъ головы, выдумывали и другіе роды мученій, сопровождая все это шумнымъ крикомъ [1]). Несчастные не знали образа мыслей и намѣреній поморскаго князя, они стояли окруженные «дикими лицами варваровъ», одни среди нисходившей ночной темноты, въ виду только что оставленнаго страшнаго лѣса; они думали, что приходитъ конецъ ихъ, что имъ предстоятъ немедленныя мученія и смерть, и поручали себя Богу исповѣдью, молитвами и пѣніемъ. Но свободно вздохнули они, когда князь ободрилъ ихъ своимъ дружескимъ словомъ; и вскорѣ сами, вмѣстѣ съ «варварами», смѣялись надъ своимъ страхомъ. Оказалось, что воины Вартислава втайнѣ были христіанами; это ободрило миссіонеровъ, и они скоро начали «поучать тѣхъ, на которыхъ прежде и взглянуть не могли со страха». Оттонъ, не медля, началъ дѣйствовать, онъ поднесъ князю въ даръ посохъ изъ слоновой кости. Князь былъ доволенъ, благодарилъ Оттона, потомъ, обратясь къ своимъ воинамъ, сказалъ: «какого отца послалъ намъ Богъ и какой отеческій подарокъ, для меня онъ пріятнѣе теперь, чѣмъ во всякое другое время». На другой день князь назначилъ изъ своихъ людей проводниковъ-слугъ для Оттона и приказалъ, чтобы по

1) «Episcopo autem et duce cum interprete et Paulicio seorsum in colloquio demorantibns, ceteri qui cum duce uenerant homines barbari, quia clericos aliquantum trepidare uidebant, ficto eos terrore amplius uexabant... cultros acutisimos educentes, uiuos nos excoriare aut transfigere, ac humi nos defodere usque ad uerticem, coronasque nostras eisdem scultri punctare ac secare minati cunt». Herb. II, 11. Эбонъ представляетъ дѣло серьезнымъ, онъ говоритъ: «barbari instinctu inimici et satellitum eius, uidelicet sacerdotum suorum, crudeli impetu super famulos Christi irruentes, mortem eis minari ceperunt». II, 4, и защитѣ князя приписываетъ спасеніе миссіонеровъ. Что Гербордъ вѣрно смотритъ на характеръ происшествія, это видно изъ всего послѣдующаго.

всѣмъ тѣмъ мѣстамъ Поморья, которыя составляли княжью собственность, епископъ пользовался даровымъ гостепріимствомъ. Миссія, перейдя рѣку, вступила въ Поморье и, слѣдуя за проводниками, направилась къ крѣпости Пырицѣ, Вартиславъ же отошелъ по своимъ дѣламъ (Herb. II, 10, 11, 12) [1]).

По дорогѣ путешественники встрѣтили нѣсколько небольшихъ, войной разоренныхъ, деревень и немногихъ жителей, которые только что собрались послѣ погрома и расточенія. Спрошенные—желаютъ ли принять христіанство, они поверглись къ ногамъ епископа и просили научить ихъ вѣрѣ и крестить. Такъ окрещено было тридцать человѣкъ, и положено счастливое начало великому дѣлу (Herb. II, 13) [2]).

Миссіонеры приблизились къ княжьей крѣпости Пырицѣ еще за-свѣтло, и глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: былъ день языческаго празднества (около 4 іюня), къ нему изо всей области собралось болѣе четырехъ тысячъ народа; все сборище шумно предавалось играмъ и пѣнію. Оттонъ остановился: странники сочли неблагоразумнымъ и неосторожнымъ появиться теперь среди народа, разгоряченнаго питьемъ и разгу-

---

1) «Facto mane, dux de uiris qui secum uenerant ductores et ministro reliquit episcopo; mandans, in tota Pomerania per cuncta loca possessionis sue liberalia ei preberi hospitia. Nos uero, transito fluuio, terram Pomeranorum... intrauimus et, conductoribus nostris uiam demonstrantibus, iter ad castrum Pirissam direximus». Herb. II, 12.

2) «In ipso autem itinere uiculos paucos bellica pridem uastatione dirutos et raros incolas, qui nuper se post dispersionem recollegerant, inuenimus; qui, de fide christiana conuenti et an credere uellent interrogati; humiliter pedibus aduoluuntur episcopi, cathezizari se atque baptizari postulantes»... Herb. II. 13. Въ передачѣ пути Оттона до Пырицы и происшествій его—источнику Эбона измѣняетъ память: онъ очевидно смѣшиваетъ прежній путь миссіи чрезъ лѣсъ съ путемъ ея до Пырицы, бывшимъ послѣ свиданія Оттона съ Вартиславомъ: «et legatos suos pio Ottoni [dux] assignauit, qui per desertum magnum [?] quod inminebat, continuato *septem dierum spacio* [?] eum transduxerunt»... II, 4. Ниже онъ говоритъ: «*altera die* ad uillam proximam diuertit, ibique plures Domino cooperante secunde natiuitatis sacramento iniciauit. Tercia die ad Piriscum... uenit». Такимъ образомъ оказывается, что, разставшись съ Вартиславомъ, они *на третій день* пришли въ Пырицу и въ тоже время *семь дней* странствовали по пустынѣ. Смѣшеніе явное!

ломъ [1]), они провели ночь безъ сна, неотваживаясь затеплить огонь и разговаривая въ полъ-голоса. Утромъ епископъ отправилъ Павликія и посланниковъ Вартислава въ крѣпость. Отъ имени князей они привѣтствовали старѣйшинъ; объявили, что прибылъ епископъ, присланный ими для проповѣди народу христіанской религіи и убѣждали достойно принять его и почтительно слушать его наставленій. Такова была воля князей. Кромѣ того, говорили они, епископъ — человѣкъ почтенный: онъ богатъ, ничего не требуетъ и ни въ чемъ не нуждается, сюда пришелъ ради вашего спасенія, а не за прибылью [2]). Посланники просили ихъ вспомнить послѣднія бѣдствія и свои обѣщанія и не противиться болѣе христіанству, законамъ котораго покоряется весь міръ. Старѣйшины пришли въ затрудненіе: нерѣшительно и подъ разными предлогами они желали выиграть время, чтобы найтись среди обстоятельствъ; говорили, что такое важное дѣло нуждается въ спокойномъ, зрѣломъ обсужденіи; но Павликій съ послами, подозрѣвая хитрость, требовали немедленнаго рѣшенія, грозили, что иначе они огорчатъ пришедшаго епископа и тѣмъ разгнѣваютъ самихъ князей. Узнавъ, что Оттонъ находится вблизи, старѣйшины не отказывались долѣе, они держали совѣтъ сначала между собою, потомъ съ Павликіемъ и послами—и рѣшили принять епископа; затѣмъ они вышли съ ними къ народу, который, противъ обыкновенія, еще былъ въ сборѣ и не расходился по деревнямъ, и ясною, привѣтливою рѣчью изложили предъ нимъ обстоятельства дѣла. Скоро и легко склонился весь народъ на

---

1) «ad castrum ducis Pirissam undecima hora diei propinquantes, ecce illic hominum ad quatuor milia ex omni prouincia confluxisse, ut eramus eminus, aspeximus. Erat enim nescio quis festus dies paganorum; quem lusu luxu cantuque gens uesana celebrans, uociferatione alta nos reddidit attonitos. Non igitur utili uel cautum nobis uisum est, illa nocte in turbam, potu leticiaque feruentem, nos tam insolitos hospites aduenire» . . . Herb. II, 14.

2) Mane episcopus Paulicium et nuncios Bratizlai ducis ad castrum mittit. Ac illi, salutatis maioribus ex nomine ducum [т. е. князя польскаго и Вартислава], ab eis missum nunciant episcopum... addentes: uirum esse honorabilem, domi diuitem et nunc quoque in aliena terra suis opibus sufficientem; nichil illum petere nullius egere; pro illorum salute abuenisse non questus gratia»... Herb. II, 14.

предложеніе своихъ старшинъ; провѣдавъ же о присутствіи Оттона, поднялъ страшный крикъ и просилъ скорѣе призвать его, желая видѣть и слышать его прежде, чѣмъ разойдется сходка и каждый возвратится домой. Вмѣстѣ съ Павликіемъ и послами— къ Оттону отправились нѣкоторые обитатели крѣпости (castellani) и привѣтствовали его отъ имени знатныхъ людей и всего народа, они почтительно приглашали его къ себѣ, говоря, что никто не оскорбитъ его, и всѣ искренно готовы повиноваться ему [1]). Епископъ двинулся къ крѣпости. Когда жители издали увидѣли длинный рядъ подводъ, множество лошадей и людей, они пришли въ смятеніе и начали подозрѣвать воинское нападеніе, но, узнавъ истину, успокоились и быстро, «подобно потоку» — устремились на встрѣчу; они окружили пришельцевъ, съ любопытствомъ разглядывали ихъ и ихъ вещи и такъ провожали до самаго мѣста пристанища. Предъ входомъ въ крѣпость было пространное мѣсто, на немъ разбила свои шатры миссія, и «варвары» дружественно и мирно во всемъ помогали ей [2]). Оттонъ немедленно приступилъ къ дѣлу: онъ облекся въ церковныя одежды, по просьбѣ Павликія и старѣйшинъ взошелъ на высокое мѣсто и оттуда чрезъ переводчика началъ говорить къ народу, онъ благодарилъ его за дружескій пріемъ, указалъ на причину своего прихода и убѣждалъ принять христіанство. Все сборище

---

1) ... «ubi eam sententiam tam bonam tamque salubrem diligenti retractatione probauerant—primo quidem apud se in conclaui, deinde uero cum legatis et Paulicio ad plenum uigorem laxiori consilio firmauerant — cum eisdem ad populum egressi, qui, sicut ad festum confluxerat, contra morem indispersus... in loco manebat nec in rus discesserat, luculenti sermonis dulcedine, multo beniuolentie captu eos de hoc uerbo allocuti sunt. Sed quid multa? Mirum dictu quam subito, quam facili consensu omnis illa multitudo populi, auditis primatum uerbis, in eandem sese conuenientiam inclinauerit. Et quia dici audiunt, episcopum in proximo esse, facto ingenti clamore, ut aduocetur, rogant, quo illum uidere queant et audire, antequam soluto cetu singuli in loca sua discedant. Redeuntibus Paulicio et legatis abierunt quidam de castellanis cum eis ad episcopum, qui ad se illum inuitarent, salutatum ex parte nobilium plebisque uniuerse»... Herb. II, 14.

2) «Fuit ante introitum castri area spaciosa, quam occupantes, fiximus tentoria in eodem loco, ipsis barbaris mansuete ac familiariter nos adiuuantibus et in omnibus se nobis oportunos exhibentibus»... Herb. II, 14.

«грубаго» народа, какъ одинъ человѣкъ — согласилось послѣдовать новому ученію. Цѣлую недѣлю поучали Оттонъ и его приближенные народъ истинамъ религіи, правиламъ и обычаямъ христіанской жизни; затѣмъ онъ назначилъ трехдневный постъ и приступилъ къ крещенію. Мальчики, женщины и мужчины, каждый полъ — крещенъ былъ отдѣльно и притомъ — съ устраненіемъ всего, что могло показаться страннымъ народу, или оскорбить его природное чувство стыда. Достоинство образа дѣйствій и обращенія Оттона, его внѣшняя и внутренняя чистота и приличіе вызывала похвалы у язычниковъ [1]). Такъ крестилось въ Пырицѣ около семи тысячъ народа [2]). Съ крещеніемъ не окончилось дѣло проповѣдниковъ: они пробыли въ тѣхъ мѣстахъ около двадцати дней, посвящая все время проповѣди и поученію народа истинамъ вѣры, церковнымъ постановленіямъ и христіанскимъ обычаямъ; они учили его, между прочимъ, и христіанской годовщинѣ, раздѣленію года на мѣсяцы и мѣсяцевъ на недѣли [3]). Же-

1) Episcopus, monente Paulicio et primatibus, de loco editiori populum cupientem ore alloquitur interpretis... Hec et his similia... populo rudi simpliciter euangelizante pontifice, omnis illa multitudo quasi unus homo, fidei sancte concordantes, illius doctrine se comisserunt». Herb. II, 15. Ipse in omni actione sua, quod et paganis dignum laude uidebatur, quandam... cuiusdam sangularis munditie atque elegantis et urbane discipline prerogatiuam habebat»... Herb. II, 16.

2) «Erat antem numerus conuersorum ibi [sc. in Pirissa] ad fidem quasi septem milia». Herb. II, 17. Должно думать, что въ это число входили главнымъ образомъ жители окрестныхъ мѣстъ: какъ относительно языческихъ празднествъ Пырица была средоточіемъ, куда сходились поселяне ближнихъ деревень, такъ могла она быть имъ и относительно христіанскаго крещенія. *Прифлингенскій монахъ* [II, 4] ставитъ число крестившихся только въ 500 человѣкъ; но полагаться на это показаніе нельзя, въ виду яснаго свидѣтельства очевидца—Сефрида.

3) «Mansimus in eodem loco quasi diebus uiginti... instruentes de festiuitatibus ...de distributione mensium et institutione tocius anni secundum christianos»... Herb. II, 17. О дѣйствіяхъ Оттона въ Пырицѣ Эбонъ передаетъ очень кратко: «tercia die ad Piriscum castrum primum Pomeranie uenit, ubi, ciues ad fidem exhortans, quatuordecim [?] diebus sedit; eis nimirum abnuentibus et seruum Dei ad alia migrare loca facientibus seque nouam hanc legem sine primatum et maiorum suorum consilio aggredi non posse testantibus. Tandem pio Ottone assiduis pro saluacione eorum precibus incubante... assenserunt», etc... Ebo II, 5. Вотъ и все! Въ виду такой необстоятельности разсказа, показаніе Эбона *о четырнадцатидневномъ пребываніи* Оттона въ Пырицѣ не должно быть принято во вниманіе.

лая еще болѣе упрочить свое дѣло, Оттонъ построилъ часовню, освятилъ алтарь и снабдилъ эту первую, скромную церковь всѣмъ необходимымъ для богослуженія. Язычники приняли все это съ благодарною радостью—и оставили свои старыя суевѣрія и языческіе обычаи (Herb. II, 14—17).

Время, однако, было отправиться далѣе: впереди предстояла еще богатая жатва. Оттонъ созвалъ новообращенныхъ и еще разъ объяснилъ имъ таинства вѣры и связанныя съ ними условія христіанской жизни, онъ запрещалъ имъ языческое идолослуженіе и обычаи: «будучи язычниками вы не знали таинства брака, говорилъ онъ, не соблюдали вѣрности одному супружескому ложу, но, по желанію, имѣли много женъ. Теперь же, если кто изъ васъ до крещенія имѣлъ нѣсколько женъ, тотъ пусть изберетъ изъ нихъ одну себѣ по нраву, другихъ же отпуститъ. Слышу я также, что женщины предаютъ смерти новорожденныхъ дѣвочекъ. Сколь ужасно это—нельзя выразить словами: даже дикіе звѣри не поступаютъ такъ съ дѣтенышами своими! Вы должны оставить это убійство: родится ли ребенокъ мужскаго или женскаго пола—вскормите рожденіе ваше съ одинаковою заботливостью»[1]). (Herb. II, 18).

Простившись съ духовными дѣтьми своими, Оттонъ и его спутники, подъ руководствомъ пословъ, прибыли (24 іюня) въ княжескій городъ Камину. Здѣсь находилась княгиня, законная жена князя, она была наклонна къ христіанству и со всѣмъ до-

1) «Vos, qui usque ad hec tempora non christiani sed pagàni fuistis, sacramentum coniugii non habuistis; quia fidem uni thoro non seruastis, sed, qui uoluistis plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licebit... Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat, dimissisque aliis, hanc solam habeat ritu christiano. Et partus, inquit [Otto]—femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis. Quod quantum abhominationis habeat, exprimi sermone non potest... Parricidium hoc non fiat ammodo in uobis. Siue sit masculus, siue femina, diligenter enutrite partus uestros»... Herb.: II, 18. Эбонъ усвояетъ этотъ страшный обычай Каминцамъ: «Illic [i. e. Camine] requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent—nam crudelitate paganica puellas necare, et mares seruare solebant»... Ebo... II, 5.

момъ своимъ почтительно приняла проповѣдниковъ. Еще до прибытія Оттона, когда онъ трудился въ Пырицѣ, она тайно посылала туда развѣдать обо всемъ происходившемъ и, узнавъ объ успѣхахъ христіанства, старалась расположить къ принятію его сначала своихъ приближенныхъ, а потомъ и другихъ, кого могла [1]). Поэтому ли, или по другой причинѣ — миссія не встрѣтила противодѣйствія въ Каминѣ: народъ согласился принять новое ученіе. Болѣе сорока дней посвящены были поученію, проповѣди и крещенію: ежедневно толпою приходилъ и уходилъ народъ того мѣста и изъ окрестной области; труда было много, но и жатва обильна [2]). Среди такихъ занятій Оттона въ Камину пришелъ князь поморской земли Вартиславъ съ своею дружиною, онъ извинился предъ епископомъ, что дѣла правленія столь долго задержали приходъ его и отдавалъ теперь себя и своихъ въ полныя услуги миссіи; онъ также дружески привѣтствовалъ поцѣлуемъ и пожатіемъ руки каждаго изъ сотрудниковъ Оттона и вообще — былъ радъ имѣть такихъ гостей у себя въ домѣ. Такъ какъ дальнѣйшій путь проповѣдниковъ лежалъ по водному сообщенію отъ города къ городу, то князь приказалъ управителямъ своихъ деревень принять лошадей и вьючный скотъ ихъ и помѣстить на лучшія пастбища земли; когда потомъ животныя возвращены были владѣльцамъ, послѣдніе нашли ихъ до того откормленными, что каждый съ трудомъ могъ узнать ему принадлежавшее [3]).

---

1) «legatis nos deducentibus, ad ciutatem ducis Caminam deuenimus. Erat autem illic ducissa, uxor uidelicet ducis legittima. Et, licet inter paganos, christiane tamen religionis memor, de nostro aduentu letissima efficitur et cum omni domo sua nos deuotissime suscepit». Herb.: II, 19. Эбонъ называетъ Каминъ «castrum magnum ubi sedes duci est», Ebo: II, 5.

2) «Quadraginta diebus in eodem loco [sc. Camine] manentes... uidebamur in tam copiosa messe pauci messores. Nam et ipsius loci atque circumiacentis prouincie populus cateruatim accedebat cottidie ac recedebat», Herb. II, 20. Въ другомъ мѣстѣ Гербордъ [II, 24] опредѣляетъ время пребыванія Оттона въ Каминѣ числомъ около 50 дней, Эбонъ же—числомъ четырнадцати недѣль; послѣднее—очевидная ошибка.

3) «Dum ea Camine gerebantur... ecce cum suo comitatu dux terre Vratizlaus... superuenit... «Non, queso ait irascaris, quod post primam illam et momentaneam salutationem tam diu fui te non uidens; sed causa fuere inexcusabiles rei publice

Немедленно приступилъ Оттонъ къ крещенію княжеской дружины; тѣ-же изъ нея, которые были уже христіанами, но, по сожитію съ язычниками, не могли удержаться въ предѣлахъ христіанской жизни — а къ числу такихъ принадлежалъ и самъ князь — очистились покаяніемъ и были снова приняты въ лоно церкви. Сознавая несовмѣстность обычая многоженства или наложничества съ христіанскою чистотою жизни, князь торжественно, при епископѣ и народѣ, отрекся отъ двадцати четырехъ наложницъ, которыхъ, по языческому обычаю, онъ имѣлъ кромѣ своей законной жены. Примѣру князя послѣдовали и многіе другіе, жившіе доселѣ также во многоженствѣ [1]). Въ Каминѣ Оттонъ построилъ и освятилъ храмъ, одарилъ его всѣмъ необходимымъ для богослуженія и назначилъ сюда одного изъ своихъ священниковъ, а князь даровалъ новой церкви владѣнія и содержаніе священнику [2]); народъ не только изъ города, но и изъ деревень собирался ежедневно въ храмъ, благочестиво соблюдая воскресный день и другіе праздники.

Въ это время случилось происшествіе, которое не могло не казаться нашимъ проповѣдникамъ — знаменательнымъ и чудеснымъ. Неподалеку отъ города, въ одной деревнѣ жила богатая и знатная вдова, окруженная многочисленной семьею и дѣятельно

---

administrationes. Nunc autem ecce assum parere ac seruire tue paternitati, prout uis. Etenim nos ipsi et omnia nostra tui sumus; utere sicut uis»... «Quia uero deinceps nauigio de ciuitate ad ciuitatum eundum fuit, omnes equos et iumenta nostra uillicos suos ad optima loca terre pastus gratia deducere iussit;... quos, certe ita recepimus alteratos, ut pre crassitudine uix cuique suus nosceretur»: Herb., II, 21.

1) «Milites, qui cum duce uenerant, cathezizati statim et baptizati sunt... Dux etiam: «Scio, inquit, christiane sanctitati esse contrarium, plures uxores uel concubinas habere». Simulque, tactis sanctorum reliquiis sicut christianis iurare mos est, coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quator concubinas, quas ritu gentili sue legittime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii complures eiusdem enormitatis presumptores, abiurata et ipsi coniugium pluralitate, uni thoro exemplo ducis fidem se seruaturos polliciti sunt»... Herb. II, 21—22.

2) «Extructa illic basilica et sanctificato altari et sanctuario collatisque illuc per ducem prediis ac dote in sustentationem sacerdotis, pater liberalissimus.. libros contulit, etc»... Herb. II, 22.

правившая домомъ своимъ. Мужъ ея при жизни имѣлъ свою собственную стражу въ тридцать лошадей со всадниками, а это казалось въ той странѣ чѣмъ-то очень значительнымъ: силу и могущество знатныхъ или воеводъ тамъ опредѣляли количествомъ и числомъ лошадей, говоря: «силенъ, могучъ или богатъ тотъ или иной: онъ можетъ держать столько, или столько-то коней»; узнавъ число лошадей — всякій разумѣлъ число воиновъ; ибо каждый воинъ имѣлъ только по одному коню; а кони земли той были велики и сильны; каждый воинъ сражался безъ щитоносца, носилъ плащъ и щитъ и довольно ловко и бодро выполнялъ свои военныя обязанности. Только князья и воеводы имѣли одного, много двухъ слугъ. Вдова столь знатнаго человѣка съ презрѣніемъ относилась къ христіанству; она говорила, что поклоняется отечественнымъ богамъ и ни за что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданій отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ одинъ воскресный день, во время жатвы, народъ собрался въ церковь; вдова же не пустила слугъ своихъ и приказала имъ итти на жатву: «глядите, говорила она, какія сокровища и богатства даровали намъ наши боги, ихъ щедротами обильны мы всякимъ добромъ, славою и всѣмъ другимъ; потому — отказывать въ почитаніи имъ — преступленіе не маловажное». Хозяйка сама отправилась со слугами на поле: она хотѣла дать имъ личный примѣръ и разсѣять ихъ ложный страхъ нарушенія христіанскаго праздника; но — такъ разсказывала молва — лишь только рука ея взялась за серпъ, какъ вдова внезапно поражена была неожиданнымъ ударомъ. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась и, объясненная въ христіанскомъ смыслѣ, оказала свое дѣйствіе: слуги умершей немедленно пришли въ церковь и просили крещенія, вѣрующіе еще болѣе укрѣпились въ вѣрѣ, остатокъ невѣрующихъ воспитался къ ней (Herb. II, 18—23) [1]).

---

1) «Cum hec omnia rite peracta essent et non solum de ciuitate uerum etiam de rure populus ad ecclesiam omni die conueniret, et diem dominicum aliasque solempnitates deuote obseruarent, uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde, christiana religione contempta, patrios deos se

Получивъ отъ князя пословъ и проводниковъ, именно знатныхъ гражданъ Домислава съ сыномъ, Оттонъ, въ началѣ августа, отправился по озерамъ и морскимъ заливамъ къ городу Волыну. Городъ этотъ былъ великъ и крѣпокъ, а жители его жестоки и варварскаго нрава. Когда проповѣдники уже приближались къ городу, проводники ихъ начали медлить и тихо, съ боязнью, переговариваться между собою. Оттонъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. Они отвѣчали, что боятся за него и его приближенныхъ. «Волынцы, говорили они, всегда отличались жестокимъ и необузданнымъ нравомъ; лучше будетъ, если тебѣ угодно, переждать на берегу до наступленія ночи; войдя же теперь открыто въ городъ — мы возбудимъ противъ насъ толпу народа». Совѣтъ представлялся благоразумнымъ: по нѣкоторымъ городамъ князь имѣлъ свое особое жилище и дворъ съ строеніями; и былъ такой законъ: кто, преслѣдуемый врагомъ, скроется въ это при-

---

colere nullaque occasione uanitatis noue a parentum suorum ueteri traditione declinare se uelle dicebat. Erat autem multam haben familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam; et, quod in illa terra magnum uidebatur, maritus eius, dum uiueret, in usum satellicii sui triginta equos cum assessoribus suis habere consueuerat. Fortitudo enim et potentia nobilium et capitaneorum secundum copiam uel numerum estimari solet caballorum. «Fortis inquiunt et potens est ac diues ille; tot uel tot potest habere caballos»; sicque audito numero caballorum, numerus militum intelligitur. Nullus enim militum preter unum caballum illic habere consueuit; sunt autem magni et fortes equi terre illius. Et unus quisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strennue sic militie sue officium exequens. Soli autem principes et capitanei uno tantum, uel si multum est duobus clientibus—contenti sunt. Factum est ergo in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, prefata matrona nec ipsa ueniebat, nec suos uenire permittebat, sed magis turbulenta: «Ite, inquit, metite michi agros meos». Videtisne, quanta bona et quantas diuicias nobis dederint dii nostri ipsorumque largitate opibus et gloria omnibusque rebus habundantes sumus. Quare ab eorum cultura discedere, non leuis iniuria est. Ite igitur, sicut dixi, ad metendas segetes nostras; et ut minus timeatis, parate michi uehiculum; ecce ego uobiscum ipsa in campos messura descendam. Cumque in agrum uenisset: «Quod me, inquit, facere uideritis, omnes similiter faciatis». Moxque rebrachiatis manicis, succintaque ueste, falcem dextera corripuit, stantes uero calamos sinistra tenens, secare nisa est».. etc. Herb. II, 23. То-же происшествіе передаетъ и Эбонъ: II, 6; оно здѣсь менѣе украшено, чѣмъ въ разсказѣ Герборда, но лишено за то и тѣхъ важныхъ бытовыхъ подробностей, которыя находятся въ послѣднемъ.

станище, тотъ пользуется правомъ неприкосновеннаго убѣжища, остается тамъ невредимъ и безопасенъ. Проникнувъ подъ покровомъ ночи въ княжье мѣсто и будучи въ безопасности, проповѣдники, по мнѣнію проводниковъ, могли болѣе успѣть въ своемъ дѣлѣ, постепенно входя въ сближеніе съ гражданами и сообщая имъ цѣль своего прихода. Совѣтъ былъ принятъ, и ночью миссія перешла въ жилище князя [1]). На утро пришельцевъ увидѣли жители; они приходили и уходили, снова являлись, разглядывали странниковъ, спрашивали—откуда они, зачѣмъ пришли, и другъ другу сообщали о происшедшемъ. Скоро бѣшенство овладѣло толпою: вооруженная топорами, мечами и другимъ оружіемъ, она, безъ всякаго уваженія къ мѣсту, ворвалась на княжій дворъ и прямо угрожала проповѣдникамъ смертью, если они немедленно не оставятъ своего убѣжища и самаго города. На княжьемъ дворѣ стояло очень прочное зданіе, сложенное изъ огромныхъ бревенъ

---

1) «Acceptis a duce legatis et conductoribus de ipso loco ciuibus, Domizlao, uidelicet et filio eius, uiris honoratis, per lacus refusiones marinas Iulinam uecti sumus nauigio. Est autem ciuitas hec magna et fortis; hominesque illius loci crudeles erant et barbari. Cum autem propinquassemus ciuitati, conductores nostri herere pauere atque inter se musitare ceperunt. Quod intelligens episcopus: «Quid est, quod ad inuicem confertis?» At illi: «Timemus — inquiunt, pater, tibi ac tuis: populus iste durus semper et indomitus fuit. Si ergo placet tibi, applicemus et moram in littore usque ad crepusculum noctis faciamus; ne forte ciuitatem manifeste ingrediendo tumultum populi super nos suscitemus». In singulis autem ciuitatibus dux palacium habebat et curtim cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus. Dixerunt ergo: «Si per noctem ad ducis tecta intramus, freti securitate, paulatim ciues conueniendo negociumque nostrum illis pedetentim insinuando, melius fortasse proficiemus». Placuit consilium; et cum dies abscessisset, tecti umbra noctis, curtim et menia ducis inuasimus, illis ignorantibus». Herb. II, 24. У Эбона—разсказъ гораздо глуше: «Progressus itaque apostolus Pomeranorum uenit ad urbem magnam Iulin, ubi Odora fluuius preterfluens lacum uaste longitudinis ac latitudinis facit illicque mare influit. Ciues autem loci illius crudeles erant et impii... Mos autem est regionis illius, ut princeps terre in singulis castris propriam sedem et mansionem habeat, in quam quicumque fugerit, tutum ab inimicis asylum possidet. Illuc pius Otto ingressus orationibus et lacrimis pro conuersione gentis Pomeranice instabat». Ebo II, 7. У Прифлингенскаго біографа: «Mos iste antiquitus a gentibus seruabatur, ut quamdiu quis libere in domo principis habitaret, nisi primum consulto principe, de graui crimine coargutus, nihil at quoquam molestiae sustineret»... II, 5.

и досокъ и называвшееся *ступою* или *пиралемъ*; сюда путники снесли съ корабля и скрыли все важное: бумаги епископа, свои пожитки, священныя вещи, деньги и другія драгоцѣнности; сюда, въ страхѣ предъ раздраженнымъ народомъ, скрылись теперь епископъ и прочіе клерики: Сефридъ же, страдавшій сильною лихорадкою, лежалъ въ другомъ домѣ; услышавъ шумъ и неистовые крики, онъ собрался съ силами, сталъ на ноги и съ порога увидѣлъ дворъ, полный народа, вооруженнаго копьями и другимъ оружіемъ. Толпа шумѣла и криками вызывала ихъ выйти. Проповѣдники медлили, какъ бы надѣясь, что волненіе утихнетъ, но оно расло и наконецъ перешло въ яростное нападеніе: толпа бросилась на «ступу» и начала рубить и рушить кровлю и стѣны [1]). Странники пришли въ ужасъ, и только епископъ мужественно радовался предстоявшему во Христѣ мученичеству. Когда Павликій и послы увидѣли, что оставаться тамъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ, они бросились къ народу, крича и знаками требуя молчанія. Толпа нѣсколько утихла, и послы говорили, что если они не хотятъ уважить княжьяго мѣста, пусть, по крайней мѣрѣ, позволятъ имъ мирно уйти изъ города; за что и откуда такое

---

1) «In crastinum uero... [maligni homines].. insano furore correpti, magno tumultu, securibus et gladiis aliisque telis armati, sine ulla reuerentia in ipsam ducis curtim irrumpentes, mortem nobis sine ulla retractatione, nisi quantocius de curia et de ipsa ciuitate fugeremus comminabantur». Herb. II, 24. У Эбона: «urbani, audito seruorum Dei aduentu, sequenti die primo diluculo super eos armata manu irruerunt et fustibus ac lapidibus impetentes expellere nitebantur; dicentes: in uanum eos ducis mansionem irrepsisse, quasi illic pacem habituri essent; cum subuersores patrie ac legum antiquarum extranei ab hac pacis condicione deorum suorum edicto consererentur».. Ebo: II, 7. «Erat autem in ipsa curti edificium quoddam fortissimum, trabibus et tabulis ingentibus conpactum, quod *stupam* uel pirale uocant, in quod scrinia et clitellas et capellam episcopi et pecuniam et queque preciosa de naui portaueramus; quin et propter impetum furentis populi cum episcopo clerici omnes illuc confugerant. Ego autem eo tempore magna febri tenebar, in alia domo iacens et egrotans; ultra uires tamen, audito strepitu et clamore bachantium, de stratu erectus, ad ostium domus constiti. Et ecce omnia plena hominum, tela et arma portantium. Vociferabantur autem et clamabant, exire nos conpellentes. Sed moram nobis facientibus, quasi a furore illi essent cessaturi, magis eorum exarsit insania, factoque impetu stupam aggrediuntur et dissipant, tecto primum, dein parietibus disiectis et excisis». Herb. II, 24.

ожесточеніе противъ нихъ? «Мы пришли предать смерти, отвѣчалъ народъ, лживаго епископа и другихъ христіанъ, которые оскорбляютъ нашихъ боговъ; но ежели вы хотите спасти его — вотъ дорога, идите и уведите его поскорѣе изъ города». Улицы Волына были болотисты и грязны, по нимъ проходили мосты и, вездѣ положены были доски отъ грязи. Павликій взялъ епископа за руку и повелъ впередъ, скромно убѣждая слѣдовать, какъ можно скорѣе. Такъ, не безъ затрудненія, прошли проповѣдники чрезъ толпу отъ княжьяго двора до помоста, но здѣсь одинъ изъ варваровъ, человѣкъ сильный, метнулъ издали огромнымъ копьемъ, стараясь поразить мимошедшаго епископа въ голову. Оттонъ отклонился, и копье угодило ему въ плечо; когда же варваръ повторилъ свой ударъ, а другой также издали бросилъ въ него копьемъ, епископъ упалъ съ помоста въ грязь на руки проводниковъ своихъ, Павликія и свящ. Гильтана [1]). Мужественный Павликій не оставилъ Оттона: несмотря на грозныя копья, онъ сошелъ съ помоста по колѣни въ грязь и поднялъ поверженнаго епископа, принимая на себя многіе удары. Другіе священники и клерики, защищавшіе своего патрона, также подверглись многимъ ударамъ палками и копьями. Съ великимъ трудомъ пришельцы оправились и, достигнувъ снова помоста, продолжали свой путь изъ города, горожане оставили ихъ, усмиренные болѣе разумными. Перейдя чрезъ озеро (Дивенское), Оттонъ и его спутники разобрали за собою мостъ, чтобы помѣшать новому нападенію, и отдохнули на полѣ между овинами и житницами [2]). За

1) «Platee ciuitatis palustres erant et lutose et pontes extructi et tabule undique posite propter lutum. At autem per medium turbe nos omnes non inperturbatis passibus extra curtim usque ad pontes deuenimus, ecçe quidam de turba uir barbarus et fortis, librata quam gestabat ingenti phalanga, uasto ictu caput ferire nisus est transeuntis episcopi. Sed ille, auertens caput, humero ictum susscepit; eodemque geminante commissum et alio eminus in eum iaciente contum, inter manus Paullicii ac Hiltani sacerdotis, ducentium illum, a ponte in lutum prosternitur Otto noster»... Herb. II, 24. Эбонъ представляетъ происшествіе иначе: по его словамъ Оттонъ получилъ ударъ отъ человѣка, который возвращался изъ лѣсу съ дровами и на пути встрѣтилъ епископа. Ebo. II, 8.

2) «multo discrimine ponte arrepto, rursum ire et abire cepimus extra ciuitatem, illique [i. e. Iulinenses] a prudentioribus sedati, cessauerunt a nobis. Abeun-

озеромъ, которое окружало городъ, проповѣдники оставались цѣлые семь дней; они все ожидали, что, можетъ быть, горожане одумаются и перемѣнятъ на лучшее свои мысли. Въ продолженіе этого времени нѣкоторые изъ нихъ часто ходили въ городъ, а также и «лучшіе люди» Волына приходили къ Оттону, извиняясь въ бывшемъ безпокойствѣ и складывая всю вину на глупыхъ и низкихъ людей изъ народа. Епископъ бесѣдовалъ съ ними о христіанской религіи, напомнилъ имъ имя и могущество князя польскаго, говорилъ, сколь худо можетъ быть имъ, когда онъ узнаетъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его миссіонерамъ, указывалъ на обращеніе въ христіанство, какъ на средство отклонить грозу. «Лучшіе люди» приняли совѣтъ и, возвратясь въ городъ, обстоятельно обсуждали дѣло; наконецъ рѣшили: поступить такъ, какъ поступятъ штетинцы; ибо огромный и знаменитый городъ Штетина считался матерью всѣхъ городовъ поморской земли, и Волыну, говорили, невмѣстно принять новую религію прежде, чѣмъ она будетъ признана авторитетомъ Штетины (Herb. II, 24—25) [1].

---

tes ergo trans lacum, disiecto ponte a tergo nostro, ne iterum impetum super nos facerent, in campo inter areas et loca horreorum decumbendo respirauimus»... Herb. II, 24.

1) «Mansimus ergo per dies quindecim trans stagnum, quod cingebat ciuitatem; expectantes, si forte meliori animo fierent. Interea uero et nostri ad illos sepe ibant et redibant, similiter autem et eorum primates ueniebant ad nos excusare se, stultis hominibus et uilioribus de plebe culpam illius tumultus imponentes. Habuit ergo cum eis uerbum de fide christianismi, quasi per ambages hortans eos et suadens. Preferebat etiam nomen et potentiam ducis Polonici; et quomodo ad illius iniuriam spectet illata nobis contumelia, quidue mali contra eos inde oriri queat, nisi forte illorum intercedat conuersio insinuauit. At illi consilium se accepturos dicebant. Regressique ad suos, omnia hec tractabant; diligenter ac retractabant; tandemque in unius sententie formam concesserunt, uidelicet: super hoc uerbo se facturos, quicquid facerent Stetinenses. Hanc enim ciuitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum matremque ciuitatum; et satis iniustum fore se aliquam noue religionis obseruantiam admittere, que illius auctoritate prius roborata non fuisset». Herb. II, 25. По Эбону Оттонъ оставался у Волына всего 7 дней; кромѣ того Эбонъ иначе передаетъ окончаніе переговоровъ Оттона съ знатными людьми Волына, по его словамъ: «illi [i. e. Iulinenses] prauo sacerdotum suorum consilio seducti, nullatenus sane doctrine preconem recipere uolebant, quin immo de finibus suis cum ignominia eum perturbantes ad Stetinenses ire conpulerunt».. Ebo: II, 7. Вліяніе жрецовъ на рѣшеніе

Въ числѣ гражданъ Волына былъ нѣкто Недамиръ, человѣкъ богатый и значительный; тайный христіанинъ — онъ вмѣстѣ съ сыномъ часто посѣщалъ Оттона и оказывалъ ему всякое вниманіе и защиту. Когда епископъ, узнавъ о рѣшеніи волынцевъ, хотѣлъ немедленно отправиться въ Штетину, Недамиръ не только предложилъ къ его услугамъ—три ладьи съ припасами, но и самъ съ сыномъ взялся быть проводникомъ его. Штетина, какъ замѣчено выше, была главнымъ городомъ всѣхъ городовъ поморской земли, въ ней заключалось три высокихъ холма, былъ также и особый княжій дворъ.

Подъ руководствомъ Недамира и его сына проповѣдники прибыли въ городъ ночью; Оттонъ помѣстился въ жилищѣ князя, а Недамиръ, опасаясь возбудить противъ себя неудовольствіе штетинянъ, въ тишинѣ отплылъ домой (Ebo: II, 8—9; Herb.: II, 26)[1]).

волынцевъ было бы само по себѣ вѣроятно, если бы не принадлежало къ числу личныхъ предположеній біографа, которыми онъ любитъ объяснять всякое противодѣйствіе язычниковъ введенію и распространенію христіанства. Прифлингенскій біографъ извращаетъ весь ходъ происшествій и прибавляетъ слѣдующее существенное, но сомнительное извѣстіе: «usque ad id temporis Iulinensibus uenerabiliter reseruata Iulii Caesaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumserat, ut ipsa ferri materies nullis iam usibus esset profutura. Ouam tamen episcopus, ut tanto eos errore absolueret, quinquaginta talentis argenti uoluit comparare... Pagani uero ut impii et infideles uehementer abnuere, lanceam diuinioris esse naturae, nihil ei transitorium uel caducum posse conferri, ac perinde nullo unquam a se pretio extorquendam, in qua praesidium sui, patriae munimentum et insigne uictoriae esse constabat».. II, 6.

1) «Erat Nedamirus diuiciis et potencia inter suos opinatissimus, antea quidem in Saxonia baptizatus et occulte christianus. Hic omnem pio Ottoni exhibebat humanitatem et defensionem; et abeuntem magna deuotionis reuerentia prosecutus, tres naues non modicas uictualium copia oneratas hilariter prebuit ac ducatum ei ad urbem Stetinensem usque in arcem ducis officiose satis exhibuit».. Ebo: II, 8. [Urbs Stetinensis] «que principatum omnium Pomeraniae ciuitatum obtinens, tres [въ другомъ спискѣ quatuor] montes suo ambitu inclusos habet».. Ebo: II, 9. «Nedamero duce ac filio eius Stetinam nauigauimus; sed illi, Stetinenses offendere ueriti, si nos adduxisse uiderentur, priusquam ab eis uideri possent, nobis ualefacientes, in locum suum reuersi sunt. Nos uero per crepusculum noctis, applicantes ciuitati, egressi naues, curtim ducis intrauimus».. Herb. II, 26. Прифлингенскій біографъ прибавляетъ о Штетинѣ слѣдующее: [Stetinensium adiit episcopus ciuitatem] «quae a radicibus montis in altum porrecta, trifariam diuisis munitionibus natura et arte firmatis, totius prouinciae metropolis habebatur».. II, 7.

Поутру Павликій и послы отправились къ старшинамъ и объявили имъ, что отъ князей прибылъ епископъ для проповѣди Евангелія, совѣтовали и побуждали принять его. Старшины отвѣчали отказомъ: они не желали оставлять законы отцовъ своихъ и были довольны религіей, какую имѣли. «У христіанъ, говорили они, есть воры и разбойники, имъ отсѣкаютъ ноги, выкалываютъ глаза; всевозможныя преступленія и наказанія совершаетъ христіанинъ надъ христіаниномъ; пусть минуетъ насъ такая религія» [1]). На этомъ отвѣтѣ стали и прочіе. Проповѣдники провели тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, но почти ничего не достигли. Озабоченные долгимъ и безполезнымъ пребываніемъ въ Штетинѣ, послы пришли къ мысли спросить князя польскаго, что велитъ онъ: тамъ ли оставаться или итти назадъ, что думаетъ онъ объ упорствѣ Волына и Штетины? Граждане не безъ боязни узнали о намѣреніи пришельцевъ, но все же просили отправить пословъ, говоря, что съ ними пойдутъ и ихъ люди: если князь даруетъ имъ прочный миръ и облегченіе дани, если послы утвердятъ это обоюднымъ письменнымъ условіемъ, то они охотно согласятся принять христіанскіе законы [2]). Послы съ Павликіемъ отправились. Оттонъ между тѣмъ все заботился о своемъ дѣлѣ: онъ устроилъ дважды въ недѣлю, въ торговые дни, когда народъ сходился сюда изо всей волости, церковные ходы съ крестомъ по рынку и при этомъ проповѣдывалъ. Сельскій народъ — въ своей простотѣ, привлеченный новизной дѣла, оставлялъ свои занятія и охотно слушалъ епископа, хотя и не рѣшался увѣровать; въ опредѣленные дни онъ сходился на рынокъ болѣе ради этого зрѣлища, а не для

---

1) «Mane facto, Paulicius et legati primates adeunt... At illi: «Nichil inquiunt nobis et uobis. Patrias leges non dimittemus; contenti sumus religione, quam habemus. Apud christianos, aiunt, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priuantur oculis, et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis».. Herb. II, 26.

2) «Quod consilium ubi ciuibus conpertum fuit, timebant quidem; tamen rogabant, ut mitterentur legati, suos cum illis hac ratione profecturos dicentes, ut, si apud ducem [Bolezlaum] perpetue pacis stabilitatem obtinere tributumque alleuiare, queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex scripto firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent». Herb. II, 26.

торга. (Herb. II, 26) [1]). Счастливое обстоятельство помогло Оттону. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ Штетины былъ Домиславъ, человѣкъ высокаго ума, богатый и знатнаго происхожденія, онъ пользовался такимъ почетомъ, что даже самъ князь Поморья Вартиславъ ничего не предпринималъ безъ его совѣта и согласія. Воля Домислава направляла какъ общественныя, такъ и частныя предпріятія, и не только большая часть Штетины была полна его родными и ближними, но и въ окрестныхъ мѣстностяхъ родственныя связи его были столь обширны, что едва-ли кто могъ противиться ему. Оттонъ видѣлъ, что если ему удастся обратить къ христіанству Домислава и его родственниковъ,—весь народъ послѣдуетъ ихъ примѣру; но человѣкъ этотъ былъ твердаго характера и сверхъ того—находился въ отлучкѣ (Ebo: II, 9). Домиславъ имѣлъ двухъ юныхъ сыновей, которые часто посѣщали епископа и съ любопытствомъ распрашивали о христіанствѣ; Оттонъ замѣтилъ и воспользовался этимъ: своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ, своими разсказами онъ такъ привлекъ юношей, что они объявили желаніе креститься (Herb. II, 27). Мать ихъ, женщина уважаемая и значительная въ городѣ, узнала объ этомъ тогда, когда они были уже христіанами; она поспѣшила къ епископу и вмѣсто горькихъ упрековъ, благославляла дѣло его: она была христіанка, въ юности ее разбойнически похитили изъ христіанской страны и, какъ женщину благороднаго происхожденія и красивую, отдали въ жены богатому и знатному язычнику Домиславу. Примѣръ подѣйствовалъ: скоро епископъ крестилъ не только домочадцевъ Домислава, но и родныхъ и сосѣдей, мужей, женщинъ и дѣтей. Своимъ духовнымъ первенцамъ Оттонъ подарилъ богатыя одежды, которыя велѣлъ тогда же вышить золо-

1) «Abeuntibus ergo cum Paulicio nostris et eorum legatis, nos interim bis in ebdomada, in diebus scilicet mercatus, per medium fori, podulo ex omni prouincia conueniente, sacerdotalibus induti crucem portauimus. Plebs autem, que de rure fuit, et simplicitate sua et rerum nouitate capta, negociis suis postpositis, predicationen libentissime accepit, quamuis credere non auderet... et magis propter uerbum quam propter forum ruricole confluebat». Herb. II, 26.

томъ, золотые пояса и красивую обувь (Herb. II, 28) [1]). Это обстоятельство имѣло важныя послѣдствія; дѣти показывали подарки своимъ сверстникамъ, хвалили Оттона и тѣмъ привлекли къ христіанству много другихъ. Недовѣріе гражданъ къ епископу начало исчезать; многіе изъ нихъ, видя, какъ онъ выкупалъ плѣнныхъ, истлѣвавшихъ въ цѣпяхъ и на паляхъ, принимали его даже за видимое божество. Домиславъ скоро узналъ объ обращеніи жены и дѣтей: оскорбленный, б. м., тѣмъ, что все произошло безъ его вѣдома и согласія, онъ даже заболѣлъ и угрожалъ Оттону изгнаніемъ; когда же, возвратившись, увидѣлъ, сколь много сосѣдей и согражданъ обратились къ христіанству, самъ послѣдовалъ за ними (Herb. II, 29; Ebo: II, 9) [2]). Въ ту пору возвра-

---

1) «Domizlaus quidam, corpore et animo ac diuiciarum copia sed et generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus, tanto ab omnibus honore et reuerentia, colebatur, ut nec ipse dux Pomeranie Wortizlaus sine consilio et assensu eius quicquam agere presumeret; sed ad illius nutum uniuersa tam. publica, quam priuata disponebatur negocia. Nam et pars maxima urbis Stettinensis.. propinquis et affinibus Domizlai repleta erat; sed et in aliis circumiacentibus regionibus tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset. Sciens itaque pius Otto... quia si hunc fidei christiane cum propinquis suis subiceret, omnis plebs exemplo eius attraheretur, toto conamine rinocerotam hunc ad arandum in agro Domini loro predicationis alligare contendit». Ebo: II, 9.

«Mater puerorum, nam pater domi aberat, matrona magne honestitatis et potentie in ciuitate illa... [пришла къ епископу и] protestata est, in diebus adolescentie sue de terra christianorum per rapinam ablata fuit et, cum esset ingenua et speciosa gentili homini marito suo, diuiti ac prepotenti uiro copulata est. [Epissopus].. eadem [sc. matrona] petente atque cum fiducia iam euangelizante, omnes eius domesticos aqua tinxit regenerationis. Deinde etiam omnes conuicinos et familiares, uiros ac feminas cum paruilis suis, eadem fidei societas paulatim inuoluit. Pueros quoque ipsos... duabus camisiis de subtili panno uestiuit; et easdem camisias aurifrigio in ora capicii et satura humerali atque brachiali ornari eis fecit. Duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata.. in domum matris remisit». Herb. II, 28.

2) «Ipsa [Ottonis] gratuita redemptis captiuorum, in cippis et compedibus putrefactorum, multos ciues nostros fecerat autumare.... Coniux prefate matrone et pater primitiuorum in uia, domi absens, ubi audiuit, quod uxor et filii totaque domus eius, proiecto paganismo, ritu uiueret christiano, mori uoluit pre dolore. Sed uxor prouida cognatos eius et amicos, qui malagma ei consolationis apponerent obuiam direxit egroto... Itaque reuersus ille, cum non solum domesticos suos uerum et alios uicinos et conciues suos ueterem hominem exutos in nouitate uite conspiceret ambulantes, ad conformandum se illis facile inclinatus est»: Herb. II, 29.

тились Павликій съ посланниками, они принесли съ собою письменный договоръ и посланіе Болеслава къ поморскому народу вообще и Штетинцамъ въ особенности. Князь обѣщалъ прочный миръ и долгую дружбу, если они примутъ христіанство, въ противномъ случаѣ грозилъ гибелью, пожаромъ и вѣчною враждой; онъ укорялъ ихъ за недостойное обращеніе съ Оттономъ и говорилъ, что только уступая его и посланниковъ совѣту и просьбамъ, ради скорѣйшаго принятія христіанства, онъ рѣшился слѣдующимъ образомъ облегчить тяжесть служебной повинности и трибута: «вся поморская земля должна ежегодно платить польскому князю, кто бы онъ ни былъ, только триста марокъ серебра ходячаго вѣса. Въ случаѣ, если князю предстоитъ война, поморяне помогаютъ ему такъ: девять домовладыкъ достаточно снаряжаютъ въ походъ десятаго оружіемъ и деньгами и во время его отсутствія вѣрно пекутся о домѣ его. Соблюдая все это и слѣдуя христіанству — заключалъ князь, поморяне будутъ имѣть наше рукобитье на прочный миръ и радость вѣчной жизни, и во всѣхъ обстоятельствахъ защиту поляковъ, какъ друзей и союзниковъ. Собралось вѣче, и предъ народомъ и старшинами прочтено было посланіе Болеслава, всѣ радовались конечно гораздо болѣе — «чѣмъ въ то время, когда были покорены при Наклѣ; оставя всякое противорѣчіе, всѣ рѣшились принять христіанство» (Herb. II, 30).

«Quo [т. е. обращеніе въ христіанство жены и дѣтей] audito, Domizlaus primo quidem grauiter indignatus, quod sine uoluntate et assensu eius hec acta essent... persecutionis crudelissime auctor factus est; ita ut minis et terroribus ac conuiciis Ottonem aggressus, cum ignominia de finibus illis eliminare temptasset», Ebo, II, 9.

1) «Dum ea geruntur in ciuitate, Paulicius et legati tam illorum, quam nostri a duce Polonie ueniunt, pacti mandata et scripta tiranni secundum hec uerba reportantes: «Bolezlaus... dux Poloniorum et hostis omnium paganorum, genti Pomeranice et populo Stetinensi, promisse fidei sacramenta seruanti, pacem firmam et longas amicitias; non seruanti uero, cedem et incendia et eternas inimicitias. Si occasiones quererem aduersus uos, iusta esse poterat indignatio mea; quod, quasi fidei uestre transgressores, uos retrorsum abire conspicio; et quod dominum et patrem meum Ottonem episcopum... uestre saluti a Deo uero et nostro ministerio destinatum, sicut oportuit, non suscepistis neque hactenus secundum Dei timorem

Въ городѣ Штетинѣ находились четыре зданія, называемыя *континами*. Одна изъ нихъ, главнѣйшая, была построена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ; но что рѣдко встрѣчается — краски наружныхъ изображеній отличались особою прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство живописцевъ! Въ это зданіе, по старому обычаю предковъ, приносилась закономъ опредѣленная десятина награбленныхъ богатствъ, оружія враговъ и всякой добычи, пріобрѣтенной въ морскихъ или сухопутныхъ бояхъ; здѣсь сберегались золотые и серебряные сосуды и чаши, которые въ праздничные дни выносились какъ будто изъ святилища; и знатные, и сильные люди гадали, пировали и пили изъ нихъ. Въ честь и украшеніе боговъ въ главной континѣ сохранялись также огромные рога туровъ, украшенные позолотой и драгоцѣнными каменьями и пригодные для питья, рога приспособленные къ музыкѣ, кинжалы, ножи и всякая драгоцѣнная утварь, рѣдкая и прекрасная на видъ. Три

illius doctrine obedistis... Horum [Оттона и посланниковъ поморскихъ] consilio ac petitioni acquiescere dignum iudicans, seruitutis ac tributi pondus, ut iugum Christi eo alacriores suscipiatis, hoc modo releuare decreui: tota terra Pomeranorum duci Polonie, quicumque sit ille, trecentas tantum argenti marcas publici ponderis annis singulis persoluerit. Si bellum ingruerit ei, hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter prouidebunt. Ista seruantes et fidei christiane consentientes, nostram pacem porrectione manus et eterne uite gaudium consequemini et in omnibus oportunitatibus uestris presidia semper et auxilia Polonensium tamquam socii et amici experiemini». Igitur habita concione, ubi coram populo et principibus uerba hec recitata sunt—multo, quam dum apud Naclam armis subacti essent letiores — pacti sacramenta deuote suscipientes, remota omni controuersia, euangelicis traditionibus se submiserunt». Herb. II, 30. Вопросъ, имѣлъ-ли Гербордъ подъ руками списокъ съ подлинной грамоты Болеслава, или передалъ со словъ Сефрида только ея содержаніе, скорѣе рѣшается въ пользу перваго предположенія: по памяти довольно трудно пересказать такъ, какъ излагается грамота у Герборда. Отдѣльный списокъ грамоты доселѣ неизвѣстенъ.

другія контины менѣе уважались и менѣе были украшены: внутри ихъ кругомъ разставлены были скамьи и столы, потому что тутъ происходили совѣщанія и сходки гражданъ: въ опредѣленные дни и часы они собирались сюда затѣмъ, чтобы пить, играть или разсуждать о своихъ дѣлахъ (Herb. II, 32) [1]).

Немедленно по прочтеніи посланія Болеслава, Оттонъ съ деревяннаго возвышенія обратился къ народу съ проповѣдью: онъ убѣждалъ поспѣшить принятіемъ христіанской религіи, отказаться отъ глухихъ и нѣмыхъ истукановъ, разрушить святилища, уничтожить изображенія, нетерпимыя истиннымъ Богомъ. Народъ, однако, все еще страшился боговъ своихъ, обитавшихъ въ храмахъ и идолахъ; необходимъ былъ разительный, убѣждающій примѣръ ихъ безсилія, чтобы подвигнуть его къ уничтоженію прежней святыни. Видя это, Оттонъ самъ рѣшился положить начало спасительному дѣлу: вооружившись топорами и крючьями, онъ и его приближенные стали разорять контины и храмы. Граждане стояли и ждали, что сдѣлаютъ боги въ свою защиту; не замѣчая

---

1) «Erant autem in ciuitate Stetinensi cóntine quatuor. Sed una ex his, que principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uolucrum et bestiarum, tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrium fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum. In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et arma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna quesitum erat, sub lege decimationis congerebant. Crateres etiam aureos uel argenteos, in quibus augurari epulari et potare nobiles solebant ac potentes, in diebus sollempnitatum quasi de sanctuario proferendos, ibi collocauerant. Cornua etiam grandia taurorum agrestium deaurata et gemmis intexta, potibus apta, et cornua cantibus apta; mucrones et cultros; multamque suppellectilem preciosam, raram et uisu pulchram, in ornatum et honorem deorum suorum ibi conseruabant»... «Tres alie cóntine minus uenerationis habebant, minusque ornate fuerant. Sedilia tantum intus in circuita extructa erant et mense; quia ibi conciliabula et conuentus suos habere soliti erant; nam siue potare siue ludere siue seria sua tractare uellent, in easdem edes certis diebus conueniebant et horis». *Herb.*: II, 32. «In ea siquidem ciuitate domus duae, quas ab eo, quod inclusa deorum simulacra continerent continas dixere priores, ingenti cura uel arte constructae haud grandi ab inuicem irteruallo distabant, in quibus ab stulto paganorum populo deus Triglous colebatur». Prief. II, 11.

никакого противодѣйствія, они наконецъ усумнились въ ихъ могуществѣ и бросились разрушать и грабить свои святилища, унося строительный матеріалъ ихъ на домашнее употребленіе. Такъ очень скоро разрушены были всѣ четыре контины (Herb. II, 30—31) [1]. Народъ опредѣлилъ отдать проповѣдникамъ всѣ сокровища, хранившіяся въ главной континѣ, но Оттонъ отстранилъ предложеніе и велѣлъ раздѣлить ихъ между собою. Въ Штетинѣ стоялъ идолъ съ тремя головами на одномъ тѣлѣ и назывался Триглавомъ; уничтоживъ туловище, епископъ взялъ и унесъ съ собою три смежныя головы, какъ бы въ знакъ побѣды; впослѣдствіи онъ переслалъ ихъ въ Римъ, представляя папѣ и всей церкви видимый памятникъ трудовъ своихъ. Былъ также въ Штетинѣ огромный густолиственный дубъ, подъ нимъ протекалъ пріятный источникъ; простой народъ почиталъ дерево священнымъ и оказывалъ ему большое чествованіе; полагая, что здѣсь обитаетъ какое-то божество. Когда епископъ хотѣлъ срубить дубъ, народъ просилъ оставить его, обѣщая впредь не соединять съ этимъ мѣстомъ и деревомъ никакого религіознаго поклоненія, а пользоваться ими ради простого удовольствія. (Herb. II, 32)[2]. Въ числѣ важныхъ предметовъ язычества Штетинянъ,

---

1) «Episcopus, arrepto tempore, pulpitum conscedens: «Nunc, ait, ad nostri sermonis officium uentum est.... primo ipsis deceptoribus diis uestris, surdis et mutis sciptilibus, et inmundis spiritibus, qui in eis sunt.. quantocius renunciate; fana diruite, simulacra conterite... Sed scio quia nondum satis confiditis; scio, quod timetis demones inhabitatores fanorum et sculptilium uestrorum; et idcirco non audetis ea comminuere. Sed pace uestra sit, ut ego ipse cum fratribus meis sacerdotibus et clericis simulacra et continas illas aggrediar; et si nos illesos permanere uideritis, uos omnes nobiscum in securi et ascia excisis ianuis et parietibus, deicite illas et incendite». Herb. II, 30. «Episcopus et sacerdotes armati securibus et sarpis cóntinas aggrediuntur et fana, comminuentes et excidentes omnia, scandentes tecta et conuellentes. Stabant autem ciues aspicientes, quid dii facerent miserrimi, utrumnam tecta sua defenderent necne. At ubi destructoribus nichil mali euenire uident.... facto impetu diruunt et comminuunt omnia; ipsamque lignorum materiam inter se diripientes ad domos suas in usum foci coquendis panibus et cibis comportabant. Et.. omnes illi contine numero quatuor mira celeritate confracte sunt ac direpte». *Herb.*: II, 31.

2) «Erat ibi simulacrum triceps, quod in uno corpore tria capita habens Triglaus uocabatur; quod [episcopus] accipiens, ipsa capitella sibi coherentia, corpore

на которые Оттонъ обратилъ вниманіе, былъ огромный вороной конь, очень тучный и быстрый, онъ считался столь священнымъ, что никто не осмѣливался сѣсть на него; круглый годъ онъ стоялъ безъ всякаго употребленія, смотрѣлъ же за нимъ внимательно одинъ изъ четырехъ храмовыхъ жрецовъ. Когда граждане намѣревались отправиться въ походъ противъ врага, или за добычею, то имѣли обычай предузнавать исходъ предпріятія посредствомъ этого коня слѣдующимъ образомъ: полагали девять копій на землю на разстояніи локтя одно отъ другого, затѣмъ, осѣдлавъ и взнуздавъ коня, жрецъ-смотритель его бралъ его подъ уздцы и провождалъ три или четыре раза взадъ и впередъ чрезъ простертыя копья. Если конь свободно проходилъ, не задѣвая ногою копій или не разбрасывая ихъ, то предвѣщалась удача, и народъ шелъ съ увѣренностью на предпріятіе; въ противномъ случаѣ спокойно оставался дома. Оттонъ, не безъ сильнаго противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ, устранилъ этотъ родъ гаданія, а равно и метаніе деревянныхъ жребіевъ, посредствомъ которыхъ производились предвѣщанія объ удачѣ морскихъ битвъ или грабежа; во отвращеніе соблазна онъ велѣлъ продать вѣщаго коня въ чужую землю, увѣряя при этомъ, что онъ болѣе годится для упряжи, чѣмъ для предвѣщаній. Епископъ убѣждалъ народъ уважать христіанъ, какъ братьевъ, не убивать, не продавать и не мучить ихъ въ плѣну, не тревожить и не грабить границъ ихъ, но дружески относиться къ нимъ; женщинамъ же онъ запрещалъ жестокій обычай умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ, ибо тамъ до того времени было въ обычаѣ, если какая женщина рождала много дѣвочекъ, то, ни во что вмѣняя убійство, нѣкоторыхъ

---

comminuto, secum inde quasi pro tropheo asportauit et postea Romam pro argumento conuersionis illorum transmisit... Erat preterea ibi quercus ingens et frondosa; fons subter eam amenissimus, quam plebs simplex, numinis alicuius inhabitatione sacram estimans magna ueneratione colebat. Hanc etiam episcopus cum post destructas continas incidere uellet, rogatus est a populo ne faceret. Promittebant enim, nunquam se ulterius sub nomine religionis nec arborem illam colituros nec locum; sub solius umbre atque amenitatis gratia... saluare illam potius, quam saluari ab illa se uelle». *Herb.*: II, 32.

изъ нихъ удавливали за тѣмъ, чтобы удобнѣе присматривать и заботиться о другихъ (Herb. II, 33) [1]).

Очистивъ городъ отъ язычества и устранивъ обычай многоженства, епископъ объяснялъ народу по деревнямъ и площадямъ улицъ истины и догматы христіанства, и новая религія вездѣ принималась безпрекословно: въ огромномъ городѣ, гдѣ считалось девятьсотъ отцовъ семейства безъ женъ, дѣтей и прочей толпы— не нашлось ни одного, кто, послѣ общаго согласія, воспротивился

1) «Habebant [Stetinenses] caballum mire magnitudinis et pinguem, nigri coloris et acrem ualde. Iste toto anni tempore uacabat, tanteque fuit sanctitatis, ut nullum dignaretur sessorem habuitque unum de quatuor sacerdotibus templorum custodem diligentissimum. Quando ergo itinere terrestri contra hostes aut predarum ire cogitabant, euentum rei hoc modo per illum solebant prediscere: Haste nouem disponebantur humo, spacio unius cubite ad inuicem disiuncte. Stratto ergo caballo atque frenato, sacerdos, ad quem illius pertinebat custodia, tentum freno per iacentes hastas in transuersum ducebat ter atque reducebat. Quodsi pedibus inoffensis hastisque indisturbatis equus transibat, signum habuere prosperitatis et securi pergebant; sin sutem, quiescebant. Hoc ergo genus sortium aliasque ligneas calculationes, in quibus naualis pugne uel prede considerabant auguria, quamuis multum retinentibus aliquibus, Dei tandem auxilio penitus abrasit; ipsumque profani uaticinii caballum, ne simplicibus esset offensionis laqueus, in aliam terram uendi precepit; asserens hunc magis quadrigis quam propheciis idoneum. Cumque omnes superstitiones et enormitates suas episcopo docente abiecissent, monuit: ut omnes christianos, fratres suos reputantes, nec uenderent nec interficerent neque captiuando torquerent, nec terminos eorum turbarent, nec predas ex eis tollerent; sed fraterne ac socialiter se cum omnibus gererent eademque ab illis mutuo sperarent. Et quod omni immanitate crudelius erat femineos partus enecare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius prouiderent, aliquas ex eis iugulabant, pro nichilo ducentes parricidium». *Herbor.*: II, 33. Прифлингенскій монахъ, сходясь въ главномъ съ Гербордомъ, прибавляетъ *нѣкоторыя поясненія*, заслуживающія быть отмѣченными: «Et equum formae praestantis, qui dei Trigloi dicebatur, ciues alere consueuerunt. Nam et sella eius auro et argento, prout dominum deceret, ornata in altera continarum ab ydolorum pontifice seruabatur qua nimirum equus diuinus instructus loco et tempore constituto procederet, cum ad captanda auguria uario errore delusus gentilis ille populus conueniret. Erat uero auguriorum huiusmodi consuetudo. Hastis pluribus sparsim positis equum Trigeloi per eas transire fecerunt. Qui cum nullam earum de ambulando contigeret, ualens uidebatur augurium, ut equis sedentes pergerent ad praedandum. At si quam earum suo contigisse incessu, interdictam sibi diuinitus equitandi facultatem arbitrantes, ad sortes se illico contulerunt, quatenus ex earum consideratione cognoscerent, utrum nauigando, an potius ambulando praedatum ire deberent». Prief. II, 11.

бы истинѣ Евангелія; недоволенъ былъ только жрецъ — блюститель извѣстнаго священнаго коня, всячески старавшійся противодѣйствовать Оттону; но онъ вскорѣ умеръ, и смерть его, къ пользѣ дѣла, объяснили наказаніемъ божьимъ (Herb. II, 34) [1]). Обрядъ крещенія горожанъ и приходившаго деревенскаго народа исполнился установленнымъ порядкомъ; затѣмъ Оттонъ построилъ и освятилъ двѣ церкви, одна (во имя св. Адальберта) стояла среди торговаго мѣста, на холмѣ Триглава; другая (во имя св. Петра) — на площади предъ входомъ въ городъ. Епископъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ для служенія и оставилъ одного изъ спутниковъ своихъ — священникомъ (Herb. II, 36; III, 14, 16; Ebo: III, 1) [2]).

Между тѣмъ Волынцы узнали объ успѣхѣ Оттоновой проповѣди въ Штетинѣ: они тайно посылали сюда осторожныхъ и разумныхъ развѣдчиковъ, которые наблюдали за дѣйствіями проповѣдниковъ. Не найдя въ нихъ никакого обмана и хитрости и видя общее обращеніе Штетинянъ въ христіанство, посланные возвратились въ Волынъ, передали обо всемъ своимъ согражданамъ и превозносили превосходства новой религіи (Herb. II, 37). Возбужденные этимъ Волынцы отправили къ Оттону почетныхъ пословъ и призывали его къ себѣ, говоря: «мы не смѣли нарушить закона отцовъ и предковъ нашихъ безъ согласія большихъ людей, которые находятся въ метрополіи нашей Штетинѣ, но

---

1) «Emundata ciuitate ab immanitate scelerum et spurcitiarum, abdicata etiam coniugum pluralitate, fiunt cathecismi per uicos et capita platearum... In tam ingenti ciuitate, que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona, que post generalem consensum ab euangelii ueritate se retrahere niteretur; nisi tantum solus ille sacerdos, qui prefati caballi habebat curam». Herb.: II, 34.

2) «Curebant [sc. ciues] de ipsa ciuitate et de omni circum pouincia felices anime, ad regales nuptias ingredi festinantes». Herb.: II, 36. Въ этомъ мѣстѣ Гербордъ говоритъ только о постройкѣ одной церкви: «extructa basilica diligenti artificio *in medio foro* Stetinensi ... [Otto] sacerdotem inuestire curauit»; но въ описаніи второго путешествія упоминаетъ и о другой: «fuit basilica *ante introitum* ciuitatis [Stetine] in area spaciosa, quam ipse [sc. Otto] in priori profectione dedicauerat», III, 14, conf. ib. 16. Эбонъ III. 1, прямо говоритъ о постройкѣ двухъ церквей. См. ниже стр. 372, пп. 1.

послѣ того, какъ твой Богъ покорилъ чрезъ тебя нашихъ старѣйшинъ, мы, оставя всякое противорѣчіе, готовы слушать твои наставленія и принять ученія спасенія» (Ebo: II, 11) [1]. Оттонъ и самъ не забылъ прежняго рѣшенія Волынцевъ: по обращеніи Штетины онъ хотѣлъ немедленно поспѣшить къ нимъ; но его просили прежде посѣтить двѣ крѣпости, Градецъ и Любинъ, которыя находились недалеко отъ Штетины и принадлежали къ ея погосту [2]. Окрестивъ жителей этихъ крѣпостей, освятивъ алтарь и назначивъ священника, Оттонъ со спутниками спустились Одрою въ море и прибыли по благопріятному вѣтру къ Волыну. На этотъ разъ Волынцы дружелюбно приняли проповѣдниковъ: не только городъ, но и вся область приняла христіанство, и таково было множество приходившаго народа, мужей, женъ и дѣтей, что въ два мѣсяца неустаннаго труда Оттонъ съ сотрудниками едва успѣли исполнить таинство крещенія [Herb.: II, 37] [3].

---

1) «Iulinenses... cum audissent Stetinenses fidem recepisse... legatos honorabiles ad reuocandum uirum Dei miserunt... «Nos—inquiunt, pater honorande, antiquam patrum et maiorum nostrorum legem sine consensu primatum, quos in hac Stetinensi nostra metropoli reueremus, infringere non presumpsimus. Sed postquam Deus tuus principes nostros sibi per te subegit, nos quoque, omni remota contradictione, monitis tuis obtemperare et doctrinam salutis excipere parati sumus». Ebo: II, 11.

2) «Episcopus, tenorem pacti, quo ab eis [sc. Julinensibus] recesserat, mente habens, cogitabat quidem statim post conuersionem Stetine ad eos properare; sed rogatus est duo prius inuisere castella, Gradiciam uidelicet et Lubinum; que in confinio posita ad pagum pertinebant Stetinensem». Herb.: II, 37.

3) «Tota ciuitas [Iulin] et prouincia cum populo suo apposita est ad Dominum; tantaque fuit multitudo uirorum et mulierum et utriusque sexus puerorum, ut in spacio duorum mensium, quamuis sine cessatione instaremus operi, uix omnes tingere possemus»; Herb. II, 37. Эбонъ передаетъ даже число крещеныхъ: «Computatus est autem numerus baptizatorum illo tempore uiginti duo milia et centum quinquaginta sex homines»... Ebo II, 11. Прифлингенскій монахъ говоритъ, что Волынцы: «continam unam, inter alia sacra deificam illam Iulii Caesaris quam colebant lanceam continentem in manum episcopi tradiderunt. Далѣе слѣдуетъ чудо, которое заслуживаетъ быть приведено, потому что въ основѣ его лежитъ знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ: «ubi ea contina sita erat fluuius redundans paludem fecerat, et iam undique circumfluentibus aquis, una tantum in parte per eam ponte porrecto fanum illud adiri poterat. Quod ubi in potestatem episcopi, conuersa ad Dominum gentilitate, concessit, ita subito arefactus est locus, ut omnes qui aderant mirarentur»... II, 16.

Дѣло не обошлось, однако, безъ противодѣйствія со стороны главныхъ хранителей язычества, жрецовъ: не имѣя силы вести открытую борьбу, они тайно старались возбудить ненависть противъ епископа и погубить его. По разореніи языческихъ святилищъ и уничтоженіи идоловъ, жрецы скрыли золотое изображеніе особенно чтимаго ими Триглава, унесли его изъ области и отдали на храненіе какой-то вдовѣ, проживавшей въ небольшой деревнѣ, гдѣ почти невозможно было открыть его. Вдова берегла истуканъ, какъ зѣницу ока: она, обернувъ покрываломъ, спрятала его въ дуплистомъ пнѣ огромнаго дерева, такъ что нельзя было даже и видѣть его. Въ пнѣ оставалось только небольшое отверстіе, куда влагалась жертва, и въ домъ вдовы приходили для совершенія языческихъ обрядовъ. Оттонъ провѣдалъ объ этомъ и, боясь, чтобы идолъ не привлекъ снова къ язычеству грубаго и неокрѣпшаго въ вѣрѣ народа, обдумывалъ способъ, какимъ можно было бы добыть святыню язычниковъ. Онъ видѣлъ, что прямымъ путемъ этого нельзя достигнуть: жрецы, узнавъ о его намѣреніи, постараются укрыть идола въ болѣе скрытое мѣсто, потому онъ рѣшился тайно отправить ко вдовѣ одного изъ своихъ спутниковъ — Германа, человѣка разумнаго и знавшаго языкъ туземцевъ. Посланникъ долженъ былъ идти переодѣтый въ народную одежду, какъ будто для принесенія жертвы Триглаву. Германъ купилъ себѣ шапку и плащъ, какіе носили туземцы, и не безъ затрудненій и опасностей отыскалъ извѣстную вдову; онъ увѣрялъ ее, что спасся отъ морскаго крушенія помощью призваннаго Триглава и хочетъ теперь принесть ему благодарственную жерву. Женщина указала пришлецу зданіе, гдѣ стоялъ пень, въ которомъ скрывался идолъ и научила его, куда должно было вложить жертву. Германъ поспѣшно вошелъ въ зданіе, бросилъ въ отверстіе пня драхму серебра, чтобы по звуку металла могли думать, что онъ приноситъ жертву и быстро вытащилъ назадъ брошенныя деньги. Онъ внимательно разсматривалъ предметы, думая какъ бы исполнить данное порученіе: идолъ Триглава такъ тщательно и плотно былъ прикрѣпленъ къ дереву, что не было

возможности не только отдѣлить, но даже и двинуть его; но на стѣнѣ висѣло сѣдло Триглава, очень ветхое и негодное ни къ какому употребленію. Германъ оторвалъ его отъ стѣны и ночью унесъ съ собою къ епископу, какъ доказательство своихъ усилій овладѣть истуканомъ Триглава [1]). Оттонъ отказался отъ даль-

---

1) «Soli pontifices ydolorum uie Domini resistebant et multas serûo Dei tendentes insidias, occulte eum perimere nitebantur. Sed multitudine plebis cottidie ad fidem conuolante, cum nullus sacrilegis et profanis sacerdotibus ad eum pateret accessus, confusi ... longius extra regionem illam secesserunt... Cum uero delubra et effigies ydolorum a pio Ottone destruerentur, profani sacerdotes aurem imaginem Trigelawi, qui principaliter ab eis colebatur, furati, extra prouinciam abduxerunt et cuidam uiduc, apud uillam modicam degenti, ubi nec spes ulla requirendi esset, ad custodiendum tradiderunt. Que mercede ad hoc conducta, quasi pupillam oculi sui includens profanum illud custodiebat simulacrum; ita ut, trunco ualidissimc arboris cauato, illic imaginem Trigelawi pallio obductam includeret et nec uidendi ne dicam tangendi illud cuiquam copia esset. Solummodo foramen modicum, ubi sacrificium inferretur, in trunco pabebat; nec quisquam domum illam nisi profanos sacrificiorum ritus agendi causa intrabat. Quod audiens, inclitus Pomeranorum apostolus multifaria intencione satagebat, quoquo mode illuc attingere; premetuens, quod et accidit, post abscessum suum rudibus adhuc et necdum in fide confirmatis plebibus simalcrum illud in ruinam futurum. Sed prudenter animaduertens, utpote uir omni sagacitate preditus: quia, si publicam illo profectionem indiceret, sacerdotes, audito eius aduentu, imaginem Trigelawi rursum ad remociora occultando abducerent, sapienti usus consilio, quendam ex comitibus suis Hermannum nomine, barbare locutionis sciolum sensuque et ingenio satis acutum, latenter ad uiduam illam destinare curauit. Cui etiam precepit, ut, assumpto habitu barbarico, ad sacrificandum Trigelawo se pergere fingerent. Hermannus itaque, pilleolum barbaricum et clamidem mercatus, post multa ardue uie pericula uiduam illam tandem conueniens, asserebat: se, nuper de procelloso maris gurgite per inuocationem dei sui Trigelawi erutum ideoque debitum ei pro saluatione sua sacrificium litare desiderantem ductu eius illo mirabili ordine per ignotos uie tractus deuenisse. At illa: «Si ab eo, inquit, missus es, ecce edes, in qua deus noster robore cauato inclusus detinetur. Ipsum quidem uidere et tangere non poteris; sed ante truncum procidens, eminus foramen modicum, ubi quod uouisti sacrificium inferas, attende. Quod dum imposueris, reuerenter clauso ostio, egredere. Et si uite tue consultum esse uolueris, caue, ne cuiquam hunc patefacias sermonem». Qui alacer edem illam ingressus, dragmam argenti in foramen iactauit, ut sonitu metalli sacrificasse putaretur. Sed concitus, quod iecerat, retraxit; et pro honore contumeliam Trigelawo, id est sputaculum ingens pro sacrificio, obtulit. Deinde curiosius attendens, si forte negocii, pro quo missus erat, exequendi facultas ulla suppeteret, animaduertit imaginem Trigelawi tanta cautella et firmitate trunco inpressam, ut nullo pacto eripi aut saltem loco moueri posset... Et circumferens oculos uidit sellam Trigelawi comminus parieti affixam; erat autem nimie

нѣйшихъ попытокъ: онъ опасался, что туземцы объяснятъ его стремленія жаждой золота: потому удовольствовался тѣмъ, что, собравъ знатныхъ и старѣйшихъ, взялъ съ нихъ клятву оставить почитаніе Триглава, сокрушить истуканъ, а все золото употребить на выкупъ плѣнныхъ (Ebo: II, 13)[1]). Когда Оттонъ еще былъ въ Волинѣ, возвратились въ городъ многіе изъ Волынцевъ, ходившіе по торговымъ дѣламъ за море: они также не оказали противодѣйствія христіанству, и были немедленно крещены. Въ Волинѣ епископъ построилъ двѣ церкви: одна—въ честь св. Адальберта и Вячеслава, особенно уважаемыхъ туземцами, стояла въ самомъ городѣ, на мѣстѣ, гдѣ прежде происходило языческое богослуженіе; другая—въ честь св. Петра за городомъ на обширномъ и пріятномъ полѣ (Ebo: II, 15)[2]). Такъ — какъ Волинъ былъ средоточіемъ Поморья и жители его отличались энергіей и упорствомъ, то князь Вартиславъ и правители земли опредѣлили быть въ немъ главному мѣстопребыванію епископа: они надѣялись, что постоянное присутствіе наставника смягчитъ нравы грубаго народа и удержитъ его отъ возврата къ языческой жизни (Herb. II, 37)[3]).

antiquitatis et nullo iam pene usui apta. Statimque exiliens cum gaudio, infaustum munus parieti detrahit et abscondit. Primoque noctis conticinio egressus, omni festinatione dominum suum sociosque reuisit; cuncta que egerat replicat, sellam etiam Trigelawi in testimonium fidei sue representat». Ebo II, 13.

1) «Apostolus Pomeranorum, habito cum suis consilio, sibi quidem et suis ab hac requisicione desistendum censuit, ne non tam zelo iusticie quam auri cupiditate hoc agere uideretur. Collectis tamen et adunatis principibus ac natu maioribus, iusiurandum ab eis exegit: ut cultura Trigelawi penitus abdicaretur et, confracta imagine, aurum omne in redemptionem captiuorum erogaretur». Ebo: II, 13.

2) «Plurimi Iulinensium pro negociatione sua trans mare abierant: qui audita ciuium suorum conuersione ... et ad metropolim suam reuersi ... a presbiteris baptizati, ciuibus suis... adunantur. Apostolus Pomeranorum duas illic ecclesias constituit: unam in ciuitate Iulin sub honore sct. Adelberti et Winezlai, qui magne apud barbaros opinionis erant, in loco ubi profani demoniorum ritus agi solebant... alteram extra ciuitatem in campo mire latitudinis et amenitatis in ueneratione apostolorum principis edificauit, illique sedem episcopalem statuit». Ebo: II, 15.

3) «Quia ciuitas hec in meditullio sita est Pomeranie ciuesque Iulinenses fortes et dure ceruicis, tam dux Vratizlaus quam principes terre sedem episcopatus illic constituendum fore censuerunt; scilicet ut gens aspera ex iugi doctoris presentia mansuesceret, nec ad pristinos rediret errores». Herb.: II, 37.

Изъ Волына, чрезъ Камину, миссія прибыла въ Клодно. Жители города только-что возвратились съ морскихъ острововъ, куда бѣжали, скрываясь отъ польскаго погрома. Проповѣдники не встрѣтили здѣсь никакого противорѣчія своему дѣлу, они свободно водрузили знамя креста, приводили въ истинную вѣру и поучали народъ. Такъ какъ мѣстность была пріятна и лѣсиста и предлагала обильный матерьялъ для построекъ, то они основали обширную церковь благороднаго стиля въ честь св. креста и спѣшили далѣе къ богатой, впереди ожидавшей ихъ жатвѣ. Перейдя рѣку (Регу), протекавшую возлѣ Клодны, они нашли на какой-то обширный и пространный городъ, опустошенный мечомъ и огнемъ и лежавшій въ развалинахъ. Повсюду видны были слѣды пожарища и кучи наваленныхъ труповъ. Жалкій остатокъ жителей разсказывалъ, что они—слуги тѣхъ, которые были здѣсь убиты или плѣнены польскимъ княземъ, имъ удалось спастись бѣгствомъ отъ погибели, и они возвратились теперь на родное пепелище. Они не успѣли еще порядочно устроиться и жили между развалинами стѣнъ, защитивъ ихъ сверху кровлею изъ вѣтвей и хвороста. Оттонъ предложилъ имъ утѣшеніе и окрестилъ ихъ. Въ то-же время онъ привелъ къ христіанству и многихъ жителей, приходившихъ сюда изъ окрестныхъ селъ (Herb. II, 38; Ebo II, 18)[1].

---

1) «Mouentes a Iulina, Clódonam uenimus; nichilque difficultatis aut contradictionis illic inuenientes, sancte crucis tropheum ibi ereximus. Et quia locus nemorosus erat et amenus et ligna ad edificandum suppetebant, in honore sancte crucis ingentem ecclesiam de nobili artificio fundauimus». Herb. II, 38. «Primum castellum Gamin, exin Dodinensem locum [очевидная описка въ ркп. вм. Clodinensem]... adiit; ubi multos Pomeranorum, de insulis maris reuersos, ubi timore Polizlai ducis occultati erant, baptizauit». Ebo II, 18. «Transito flumine, quod Clodonam preterlabitur, ciuitatem quandam inuenimus, magnam quidem ambitu et spaciosam, sed raros incolas. Nam ferro et incendio se uastatam, adustionum signis et cadauerum aceruis spectantibus indicabat. Ipsi autem incole tenues, illorum se fuisse clientulos, qui a duce Polonie illic interfecti erant et captiuati, asserebant, et a facie gladii saluatos se fuge presidio. Fecerant autem ex ramis et uirgultis circa ruinas parietum tuguria et umbracula, quibus tegebantur, quousque tecta meliora instaurarent. Hos pater optimus uerbis consolans et stipe releuans, benignissime instruxit et baptizauit. Multi etiam de uiculis circumpositis ruricole

Отсюда проповѣдники пришли къ Колобрегѣ, лежавшей на берегу моря. Городъ былъ почти пустъ, потому что жители—по обычаю купцовъ — отправились торговать въ море, на острова. Остававшіеся дома говорили, что они не могутъ рѣшиться на что-нибудь новое безъ прочихъ согражданъ и потому нѣкоторое время отказывались принять христіанство, но потомъ уступили настойчивымъ увѣщаніямъ Оттона... Окрестивъ ихъ, основавъ алтарь и жертвенникъ и устроивъ все необходимое для возникавшей церкви, Оттонъ съ сотрудниками перешли въ Бѣлградъ, отстоявшій на одинъ день пути отъ Колобреги. Въ Бѣлградѣ они имѣли тотъ же успѣхъ.

Изъ всего Поморья—миссіи оставалось теперь посѣтить еще четыре города: Узедомъ, Волегощъ, Гостьковъ и Дыминъ съ принадлежащими къ нимъ погостами, селами и островами; но на это уже не доставало времени: стояла глубокая зима, да и дѣла бамбергской епархіи требовали немедленнаго возвращенія Оттона (Herb. II, 39; Ebo, II, 18, 16, 17) [1]); потому онъ рѣшился въ Бѣлградѣ положить предѣлъ своей дѣятельности и отправиться въ обратный путь по прежней дорогѣ... Онъ снова навѣстилъ мѣста, въ которыхъ трудился, и снова имѣлъ случай въ Клоднѣ, Волынѣ и Штетинѣ пріобрѣсть для христіанства многихъ. Это были—торговые люди: во время перваго крещенія они, по своимъ дѣламъ, находились въ чужихъ земляхъ и возвратились до-

---

illic confluentes fidei percepere sacramenta». Herb. II, 38. «Hec occupatio predicatori ueritatis moram redeundi fecit, cumque in Dodinensi loco aliquamdiu detinuit». Ebo, II, 18.

1) «Inde Colobrégam peruenimus, que super litus maris sita est. Sed quia ciues illius pene omnes institorum more ad exteras insulas negociandi causa nauigauerant, illi, qui domi reperti sunt, absentibus suis conciuibus nichil se noui aggressuros dicebant; atque sub tali occasione aliquamdiu resisterunt euangelio. Tandem exhortationibus crebris ab episcopo superati sunt... [Otto] diei unius itinere distantem à Colobrèga Belgrádam petens, simili operum effectu illic letificatus est... Quod ubi factum erat, uisum est ei bonum esse—omissis quatuor que supererant ciuitatibus cum pagis uiculis et insulis suis, Vznoimia uidelicet Hologosto, Cozgougia et Timina; quia tempus eum reuocabat; hiemps quippe erat — id quod plantauerat, interim irrigare». Herb. II, 39.

мой уже по отходѣ Оттона. Крещеніе ихъ и утвержденіе въ вѣрѣ народа, на этомъ разъ дружественно и радостно встрѣтившаго проповѣдниковъ, нѣсколько задержало Оттона. Видя общее расположеніе и любовь къ себѣ поморцевъ, онъ даже, если вѣрить Герборду, хотѣлъ навсегда остаться у нихъ, но былъ удержанъ отъ этого своими сотрудниками. Въ началѣ февраля 1125 миссія вышла изъ предѣловъ Поморья въ Польшу, потрудившись въ немъ тк. обр. около восьми мѣсяцевъ [1]).

Въ Гнѣзднѣ ихъ встрѣтилъ съ великимъ почетомъ и благодарностью князь Болеславъ и, одаривъ всѣхъ богато, приказалъ проводить до предѣловъ Чехіи. Оттонъ видимо торопился поспѣть въ Бамбергъ къ празднику Пасхи, потому, предоставивъ устройство новой поморской епископіи — заботливости и попеченіямъ Болеслава, быстро прошелъ Чехію и 24 марта 1125 былъ встрѣченъ въ Михельфельдѣ своимъ народомъ и церковнымъ причтомъ. Въ Бамбергъ онъ торжественно вступилъ въ самый день свѣтлаго Воскресенья (29 марта); народъ, духовенство и монахи окрестныхъ монастырей приняли его со слезами радости, какъ будто воскресшаго изъ мертвыхъ, и торжественный гимнъ «Aduenisti desiderabilis» привѣтствовалъ приходъ новаго апостола Поморской земли (Ebo: II, 18; Herb.: II, 42).

Общее впечатлѣніе, вынесенное проповѣдниками изъ долгаго странствія по славянскому Поморью не было мрачнымъ: они видѣли страну, богато одаренную природой и людей, правда—грубыхъ, но отличавшихся и многими добрыми качествами. Собирая

1) «Discretus pontifex apud Belgradam terminum ponens euangelii, omnia loca et ciuitates superius nominatas... denuo perlustrauit, cogniturus quomodo se haberent sata... Atque... quam plurimos inuenit baptizandos, qui generali baptizmo prius interesse non poterant; eo quod in exteris partibus peregrinati negocia sua exercerent. Quorum profecto Clódone, Iuline, Stetine maxima erat copia... Nullam ciuitatem aut locum plantationis sue relinquere uoluit [sc. Otto], quam non semel aut sepius ante exitum, a terra confortationis et consolationis causa reuiseret; et tanto amore sue plantationis flagrabat episcopus, quod uoluntatem plenariam apud eos [sc. Pomeranos] remanendi haberet; sed a clericis suis dissuasus est». Herb. II, 40.

въ одно цѣлое свои воспоминанія, Сефридъ такъ отзывается о Поморьѣ: «страна невѣроятно обильна рыбою, добываемою какъ изъ моря, такъ изъ рѣкъ, озеръ и прудовъ; на одинъ денарь можно купить цѣлый возъ свѣжихъ, вкусныхъ и жирныхъ сельдей; въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, кабаны, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ излишествѣ масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ, и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля и макъ и всякаго рода овощи, и еслибы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина и фиговое дерево, ее можно бы назвать обѣтованною землею по богатству плодоносныхъ деревьевъ. Между жителями господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ и не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ; мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они удивлялись, когда увидѣли запертыми наши вьюки и сундуки. Платье свое, деньги и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его. Что́ особенно вызываетъ удивленіе — ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ, но каждый отецъ семейства имѣетъ отдѣльный домъ, опрятный и честный, назначенный только для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: принимаются одни, немедленно ставятся другіе; нѣтъ ни мышей, ни кошекъ, но чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей; и въ какое время кто ни захотѣлъ бы поѣсть, будутъ ли то чужіе—гости или домочадцы, ихъ ведутъ ко столу, гдѣ стоитъ все готово» (Herb.: II, 41) [1]).

---

1) «Piscium illic tam ex mari, quam et aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilis. Carratamque pro denario recentis acciperes allecis; de cuius sapore uel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferine: ceruorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et tritici cum canauo et papauere et cuncti generis legumine. Atque si uitem et oleam et ficum haberet,

Было, однако, много и темныхъ сторонъ въ жизни и нравахъ поморскаго народа. На нѣкоторыя изъ нихъ указываетъ Оттонъ въ оффиціальномъ отчетѣ о своей дѣятельности, представленномъ папѣ Каликсту II. Ознакомившись со страной поморскихъ язычниковъ и нѣкоторыми городами земли лютичей при проповѣди христіанства, епископъ нашелъ необходимымъ воспретить туземцамъ слѣдующее: предавать смерти новорожденныхъ дочерей — какое беззаконіе было сильно между ними распространено, — имѣть многихъ женъ, хоронить мертвыхъ христіанъ между язычниками въ лѣсахъ и на поляхъ, полагать сучья на могилы ихъ и исполнять всякіе языческіе обычаи, строить идольскія капища, прибѣгать къ вѣдуньямъ, производить гаданія (Ebo: II, 12) [1]).

terram esse putares repromissionis propter lignorum habundantiam fructiferorum... Tanta vero est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudium penitus inexperti, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seram uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod clitellas nostras et scrinia serata viderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis recondunt, fraudem nullam metuentes utpote inexperti. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferculatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed aliis absumptis alia subrogantur. Non sorex, non sorilegus [? soricilegus] admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam». Herb.: II, 41.

1) «Anno dominice incarnationis millesimo centesimo uicesimo quarto, indictione secunda, Calixto papa secundo Romane sedi presidente, Otto Dei gratia Babenbergensis ecclesie octauus episcopus... partes Pomeranorum paganorum cum quibusdam ciuitatibus terre Liuticie aggressus est, ut eos ab errore gentilitatis reuocaret... Hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nephas maxime inter eos uigebat... et unus quisque contentus sit una uxore, ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in siluis aut in campis; ne fustes ad sepulchra eorum ponant; omnem ritum et prauitatem paganam abiciant; domos ydolorum non construant; phitonissas non adeant, sortilegi non sint». Ebo: II, 12. Что это посланіе дѣйствительно идетъ отъ Оттона — свидѣтельствуетъ Эккегардъ: Mon, Germ. VI, 263, см. у Яффе: Ebonis—Vita Ottonis, p. 58, in notis. Въ текстѣ этого посланія въ Хроникѣ Эккегарда прибавлены въ концѣ и самыя имена городовъ, посѣщенныхъ Оттономъ: Nomina ciuitatum: Piriz, Stetin, Vulin, Gamen, Colbrech, Belgrado, Lubin, Gresch». *Pertz*, Monum. XII, p. 851. in not.

Вторая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Съ обращеніемъ Волына и Штетины, двухъ важнѣйшихъ городовъ славянскаго поморья — въ христіанство, язычество, казалось, было подорвано въ самомъ корнѣ; но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Вѣковыя убѣжденія, вѣрованія и привычки народа не могли сразу исчезнуть: они только до поры — времени посторонились и скоро потянули неофитовъ на прежнее.

Неизвѣстно, что происходило въ Поморьѣ по уходѣ Оттона, только не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ получилъ извѣстіе, что Волынъ и Штетина снова возвратились къ обычаямъ язычества.

Разсказывали, что это случилось такимъ образомъ.

Городъ Волынъ, въ которомъ стояла огромная колонна съ воткнутымъ копьемъ, посвященнымъ, будто бы, Юлію Цезарю, имѣлъ обычай праздновать въ началѣ лѣта торжество какого-то божества; на этотъ праздникъ для игръ и плясокъ сходилось множество народа. Когда волынцы обращались въ христіанство, тогда, по приказу Оттона, преданы были огню большіе и малые идолы, стоявшіе на открытомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей тайно унесли и скрыли нѣсколько небольшихъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ изваяній. Пришло время названнаго языческаго праздника, сошелся съ обычнымъ усердіемъ изо всей области народъ и предавался различнымъ играмъ и пиршеству, когда передъ него вынесли сохраненныя изображенія его прежнихъ боговъ. Этого было достаточно, чтобы разгоряченный веселіемъ народъ снова возратился къ старому языческому обряду служенія имъ. Но среди игръ и плясокъ по языческому обычаю—

въ городѣ вдругъ произошелъ пожаръ и распространился съ такою быстротою и силою, что жители не только не могли спасти что-либо изъ своего имущества, но и сами едва избѣжали смерти. Когда огонь стихъ, они возвратились въ опустошенный городъ и увидѣли среди пожарища церковь св. Адальберта, которую Оттонъ, за недостаткомъ камня, выстроилъ изъ досокъ; она полусгорѣла, но трапеза, крытая тростникомъ и внизу опоясанная полотномъ—осталась невредима. Народъ принялъ это за чудо и снова, отказавшись отъ идоловъ, обратился въ христіанство [1]). Хотя исходъ дѣла не могъ ни радовать Оттона, но самое происшествіе показывало, какъ еще нетверды въ вѣрѣ были волынцы.

Доносились вѣсти и о шаткости христіанства въ Штетинѣ. Штетина, огромный городъ, большій, чѣмъ Волынъ, заключалъ въ себѣ три холма; высшій изъ нихъ находился въ срединѣ и

1) «Ottone post primum gentis Pomeranice apostolatum ad sedem propriam feliciter reuerso, due ex nobilissimis ciuitatibus, id est Iulin et Stetin... ad pristinas ydolatrie sordes rediere, hac uidelicet occasione. Iulin, a Iulio Cesare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columpne mire magnitudinis ob memoriam eius infixa seruabatur, cuiusdam ydoli celebritatem in inicio estatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Cumque... per pontificem ydola maiora et minora, que in propatulo erant, ignibus conflagrari cepissent, quidam stultorum modicas ydolorum statues, auro et argento decoratas, clam furati penes se absconderunt nescientes quale per hoc urbis sue operarentur excidium. Nam ad predictam ydol, celebritatem comprouincialibus solito feruore concurrentibus ludosque et commessationes multiformi apparatu exhibentibus, ipsi dudum absconditas simulacrorum effigies populo inani leticia resoluto presentates, eos ad antiquum paganizandi ritum impulerunt. Statimque per hoc diuine correptiones plagam incurrerunt. Siquidem ludis et saltationibus paganico more omni populo occupato, subito ignis Dei cecidet e coelo super apostatricem ciuitatem; tantaque uiolencia tota urbs conflagrari cepit, ut nemo quippiam de rebus suis eripere ualeret sed animas tantum suas saluare cupientes, fuga pernici seuiens incendium uix euaderent. Tandem uero urbe sua ignis atrocitate deleta, reuersi inuenerunt ecclesiam s. Adelberti per Ottonem illuc in meditullio propter raritatem lapidum firmo lignorum tabulatu constructam, ex media parte flammarum uaporibus absumptam. Sed mirum in modum sanctuarium, quod uiliori scemate id est harundineto contectum fuerat, subter habens pannum lineum oppansum propter uermiculos ab altari arcendos, omnino ab ignibus intactum remanserat. Quo ingenti uiso miraculo, tota plebs... abiuratis penitus ydolis urbeque sua, prout poterant, reedificata, iugo Christi ceruices suas alacri deuotione submiserunt». Ebo: III, 1.

былъ посвященъ верховному языческому богу Триглаву. Здѣсь стоялъ треглавый идолъ; золотая повязка покрывала очи и уста его. Жрецы увѣряли: верховный богъ имѣетъ три головы потому, что властвуетъ надъ тремя царствами: небомъ, землею и преисподней, золотая же повязка покрываетъ лицо его въ знакъ того, что онъ не обращаетъ вниманія на проступки людей, какъ будто не видитъ и молчитъ о нихъ. По обращеніи въ христіанство этого могущественнаго города, идолы были преданы сожженію, на триглавовой горѣ построена церковь въ честь св. Адальберта, а другая, во имя св. Петра — за городскою стѣною; жертвы и богатые дары, которые прежде обильно приносились жрецамъ и языческимъ святилищамъ, отошли на церкви. Это, какъ полагали, возбудило жрецовъ: видя, что прежніе роскошные доходы ихъ со дня на день все болѣе слабѣютъ, они искали случая возобновить ихъ, обративъ народъ въ прежней религіи. Случилось, что въ городѣ появилась большая смертность; народъ прибѣгнулъ къ жрецамъ, спрашивая о причинѣ; жрецы говорили, что это — наказаніе за отпаденіе отъ религіи отцовъ и грозили немедленною смертью, если не умилостивятъ своихъ старыхъ боговъ жертвами и обычными приношеніями. Слово подѣйствовало на суевѣрные, запуганные умы: собралось вѣче, отыскали снова идоловъ, и снова всѣ сообща совершали торжественно языческое служеніе. Возбужденная толпа бросилась затѣмъ на христіанскіе храмы и наполовину разорила ихъ, но, дойдя до алтаря — остановилась и вызывала главнаго жреца довершить разрушеніе. Разсказывали, что при этомъ произошло чудо: жрецъ взялъ сѣкиру и уже готовился разорить святилище, какъ внезапно отступилъ и упалъ пораженный ударомъ. Какъ бы то ни было, народъ не уничтожилъ христіанскихъ святилищъ, но рядомъ съ ними воздвигнулъ языческія капища и двое-вѣрно поклонялся и нѣмецкому богу, и прежнимъ богамъ своихъ отцовъ (Ebo III., 1) [1]).

---

1) «Stetin, amplissima ciuitas et maior Iulin, tres montes ambitu suo conclusos habebat. Quorum medius qui et alcior, summo paganorum deo Trigelawo

Въ то-же время въ Штетинѣ случилось происшествіе, неоставшееся безъ вліянія на утвержденіе христіанства. На сѣверозападъ отъ славянскаго Поморья находится Данія, отдѣленная отъ него моремъ; ширина моря здѣсь такова, что если въ ясный день стать на немъ въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ земель, то онѣ представятся взорамъ въ видѣ легкихъ облачковъ. Въ Штетинѣ жилъ одинъ гражданинъ, по имени Вирчакъ, знаменитый и воинскою славою, и своими богатствами: онъ часто ходилъ за добычею въ Данію, подобно тому, какъ и датчане производили частые

---

dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat; asserentibus ydolorum sacerdotibus: ideo summum deum tria habere capita, quoniam tria procuraret regna, id est celli terre et inferni; et faciem cidari operire pro eo, quod peccata hominum, quasi non uidens et tacens dissimularet. Hac itaque potentissima ciuitate ad ueri Dei agnicionem per beatum presulem adducta, delubra ydolorum flammis erant absumpta, dueque ecclesie, una in monte Trigelawi sub honore sancti Adelberti, alia extra ciuitatis menia in ueneratione sancti Petri erant locate. Et ex hoc sacrificia, que copioso apparatu et diuiciis sacerdotibus fanisque ydolorum exhibebantur, nunc ecclesie Christi uendicabant. Vnde commoti sacerdotes et prioris pompe delicias cottidie sibi decrescere uidentes occasionem querebant, ut populum ad ydolatriam questus sui gratia reuocarent. Accidit ergo, mortalitatem magnam ciuitati superuenire. Et requisiti a plebe sacerdotes dicebant: abiurationis ydolorum causa hoc eos incurrisse; omnesque subito morituros, nisi antiquos deos sacrificiis et muneribus solitis placare studerent. Ad hanc uocem statim conuentus forenses aguntur; simulacra requiruntur; et in commune profanus sacrificiorum ritus ac celebritas repetitur; ecclesie Christi ex media parte destruuntur. Cumque ad sanctuarium plebs furibunda uenisset, non ausa ulterius progredi, sumum ydolorum pontificem sic tumultuoso strepitu alloquitur: «Ecce, quod nostrum erat, exsecuti sumus; tuum est istud caput et culmen Teutonici dei pro officio tuo aggredi et profanare». «Ille autem, arrepta securi cum alcius dextram librasset, subito diriguit [у Герборда: «Vnus illorum, dum malleo cementarii altare percuteret, subito languore ac stupore a Domino percussus est». III, 16] et, resupinus, corruens clamore lamenbabili dolorem suum protestatus est. Accurrens uulgus causam doloris requirit. At ille grauiter ingemiscens «Heu proh dolor — inquit — quante potentie, quante fortitudinis est Teutonicus deus; et quis resistet ei? Ecce ego, quia sacram eius edem contingere presumpsi, quomodo percussus sum?» Illis uero attonitis et quid agerent inquirentibus, pontifex eorum «Edificate, ait, hic domum dei uestri iuxta edem Teutonici dei; et colite eum pariter cum diis uestris, ne forte indignatus interitum huic loco quantocius inferat». Qui precepto eius paruerunt. Et usque ad reditum piissimi apostoli sui Ottonis in hoc errore permanserunt». Ebo: III, 1. У Герборда, III, 16, говорится о постройкѣ языческаго *алтаря* возлѣ христіанскаго: «[populus] consilium probauit exstructoque nefando altari iuxta dominicum altare, Deo seruierunt et demonibus».

разбойничьи набѣги на Поморье. Въ то время, когда городъ отпалъ въ язычество, сильный Вирчакъ снарядилъ шесть кораблей и пустился новымъ набѣгомъ на Данію; но тамъ его ждала непредвидѣнная засада, и онъ попалъ въ плѣнъ со всѣми товарищами. Датчане предали послѣднихъ жестокой смерти, а предводителя, въ разсчетѣ на хорошій выкупъ, заключили въ тяжкіе оковы и бросили въ темницу. Какимъ-то чудомъ Вирчаку удалось избавиться: въ малой ладьѣ онъ, по попутному вѣтру, переплылъ море и благополучно возвратился въ родной городъ. Свое чудесное освобожденіе онъ объяснялъ заступничествомъ Оттона, къ богу котораго онъ обращался съ мольбами о спасеніи. Такъ разсказывалъ онъ своимъ согражданамъ, и тѣ, во свидѣтельство происшествія, повѣсили самую ладью на входныя городскія ворота. Хотя разсказъ Вирчака и долженъ былъ расположить жителей къ христіанству, но, подъ вліяніемъ жрецовъ, они остались въ прежнемъ заблужденіи (Ebo, III, 2) [1]).

Вѣсть, что штетинцы впали въ двоевѣріе, что они служатъ истинному Богу и идоламъ, возбудила христіанскую ревность Оттона. Онъ рѣшился снова идти въ Поморье, имѣя намѣреніе по-

---

1) «Siquidem orientalis est regio barbarorum Pomerania, habens ex latere prouinciam Danorum, mari interiacente. Tantaque est maris latitudo, utramque diuidens regionem, ut, qui in medio nauigans serenissima die positus fuerit, uix prouincias has ad instar paruissime nubis considerare ualeat. Hic [Wirtschachus] ciuis Stetinensis, gloria et diuiciis inter suos opinatissimus, frequenter in prouinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat; sicut et illi e contra in Pomeraniam crebras incursiones piraticas faciebant. Sed eo tempore, quo ciuitas sua apostasiam incurrerat, idem perpotens uir Wirtschachus copioso sex nauium apparatu Danos sibi infensos petebat et, non preuisas incidens insidias, cum omnibus suis captus est. Sociisque crudeliter strangulatis, ipse solus carceri traditus, collo pectore manibus pedibusque graui catenarum nexu, questus dumtaxat gratia, compeditus». Слѣдуетъ — чудо: Оттонъ является во снѣ Вирчаку и тотъ, по пробужденіи, видитъ себя свободнымъ отъ оковъ, идетъ къ морю, находитъ челнъ безъ весла, садится въ него и по вѣтру приплываетъ въ Штетину. «Maximoque ciuium suorum gaudio et admiratione susceptus, omnem iacture et ereptionis sue ordinem eis exposuit. Qui etiam in testimonium miraculi huius nauiculam ipsam in porte urbis introitu suspenderunt. Sed malis incitati sacerdotibus, legationem pii doctoris sui spreuerunt, in eodem errore durantes...» Ebo: III, 2. Гербордъ—III, 15, не прибавляетъ къ разсказу Эбона—ничего существеннаго.

бывать на этотъ разъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ не могъ посѣтить въ первое путешествіе. Запасшись въ обиліи всѣмъ необходимымъ и выбравъ достойныхъ товарищей, между которыми находился теперь и любимецъ его, свящ. Удальрикъ, Оттонъ отправился въ путь за три дня до праздника Пасхи (31 марта, 1127 г.). Не желая, б. м., утруждать своимъ присутствіемъ чешскаго и польскаго князей, или по какой иной причинѣ — Оттонъ слѣдовалъ теперь другою дорогою, чрезъ Саксонію. Въ Галле онъ закупилъ много драгоцѣнныхъ тканей и другихъ вещей, назначенныхъ для подарковъ, и, отправивъ ихъ по рѣчному пути до предѣловъ лютичей (до Гавельберга), самъ направился туда чрезъ Магдебургъ. Гавельбергская епископія такъ была разорена частыми набѣгами язычниковъ, что въ ней едва оставались слабые слѣды христіанства. Въ самый день прихода Оттона въ Гавельбергъ (около 15-го апрѣля)—городъ праздновалъ торжество «какого-то идола Яровита» и былъ отовсюду окруженъ знаменами. Епископъ остановился у воротъ города и, призвавъ правителя Вирикинда, упрекалъ его за попущеніе такого язычества; Вирикиндъ оправдывался; онъ говорилъ, что никакъ не можетъ побудить народъ принять ученіе вѣры отъ архіепископа Норберта, который своими жестокими угнетеніями до того вооружилъ всѣхъ, что они скорѣе готовы претерпѣть смерть, чѣмъ иго подобнаго рабства. Вирикиндъ упрашивалъ Оттона раскрыть городу его заблужденія, увѣряя, что народъ гораздо охотнѣе послушаетъ его увѣщаній, чѣмъ приказаній своего архіепископа. Оттонъ согласился и съ возвышенія, бывшаго предъ городскими воротами, проповѣдывалъ собранному народу слово спасенія. Жители легко отказались отъ языческаго празднованія, говорили даже, что при другомъ архіепископѣ они скоро и добровольно примутъ и самое крещеніе [1]). Подаривъ Вирикинда деньгами, а его жену—богато

1) «[Habelbergense episcopium]... tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat ut christiani nominis uix tenues in eo reliquie remanserint. Nam ipsa die aduentus eius [sc. Ottonis] siuitas, uexillis undique circumpositis, cuiusdam ydoli Gerouiti nomine celebritatem agebat. Quod uir Domini ut aduertit, cordetenus

украшенною Псалтирью, Оттонъ запасся здѣсь всѣмъ необходимымъ для путешествія, уложилъ пожитки на тридцать подводъ и просилъ Вирикинда дать ему проводниковъ; но тотъ, вопреки прежнему обѣщанію, отказался: путь миссіи лежалъ чрезъ страну непріятелей, и онъ боялся, что стража его попадетъ въ руки враговъ и погибнетъ. Оттонъ съ товарищами отправились одни, безъ проводниковъ [1]). Пять дней они шли по обширному лѣсу и вышли къ большому озеру; здѣсь имъ встрѣтился человѣкъ въ малой ладьѣ, и они пріобрѣли отъ него значительное количество рыбы. Къ общему изумленію рыбакъ не принялъ отъ нихъ въ вознагражденіе ни денегъ, ни иныхъ вещей, а согласился взять только нѣкоторое количество соли: онъ разсказывалъ, что уже семь лѣтъ не видѣлъ хлѣба и жилъ одною рыбою и водою изъ озера; бѣднякъ съ женою убѣжали сюда во время польскаго погрома, захвативъ съ собою только топоръ и большой ножъ (косырь): среди озера они нашли небольшой островокъ, построили хижину и жили въ безопасности; лѣтомъ они заготовляли большой запасъ сушеной рыбы, которою питались во время зимы; потому — соль была для нихъ необходимѣе денегъ. Въ тѣхъ мѣстахъ обитало племя морачанъ; они услышали о добромъ епископѣ и просили его

pro tali errore compunctus, urbis menia ingredi recusauit. Sed ante portam consistens Wirikindum, eiusdem loci dominum accersiuit et, cur hanc ydolatriam exercere pateretur obiugrauit. Qui protestatus, plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori seruitutis iugo eam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ad eo doctrine uerbum reciperet; sed prius mortis occasum quam seruitutis huiusmodi onus subire paratam esse. Idem uero Wirikindus supplicabat episcopo: ut eidem ciuitati errorem suum pandere non abnueret; dicens monitis eius multo ardentius plebem quam archiepiscopi sui iussionibus obaudire. Qui stans in edito ante portam ciuitatis, omni populo coadunato, uerbum salutis predicabat; et abdicationem huius sacrilege celebritatis facile apud eos obtinuit, protestantibus eis: etiam baptismi gratiam sub alio archiepiscopo se prompta uoluntate suscepturos»... Ebo: III, 3.

1) «predicator... ibique diuersa itineri necessaria cum triginta plaustris comparauit. Deinde a Wirikindo exquirere cepit, si ducatum sibi per regionem suam, sicut in Merseburgensi oppido coram gloriosissimo rege Lothario ei sponderat, prebere paratus esset. Qui abnuens respondit: eum per terras hostium suorum paulo post transiturum, ideoque ducatum ei prebere non posse; ne forte satellites sui ab eisdem hostibus capti et iugulati interirent». Ebo, III, 3.

крестить ихъ; но Оттонъ не могъ исполнить ихъ желанія: онъ находился въ епархіи архіепископа магдебургскаго и считалъ неумѣстнымъ свое вмѣшательство въ дѣла ея; потому онъ совѣтовалъ жителямъ обратиться къ главному наставнику ихъ, Норберту. Туземцы наотрѣзъ отказались послѣдовать совѣту: они жаловались, что Норбертъ угнетаетъ ихъ жестокимъ рабствомъ и снова изъявляли полную готовность слѣдовать внушеніямъ кроткаго Оттона. Тронутый этимъ, онъ обѣщалъ, съ дозволенія папы и согласія архіепископа магдебургскаго, посѣтить ихъ на возвратномъ пути, по выполненіи своего призванія (Ebo: III, 1—4) [1]).

Путники прибыли въ поморскій городъ Дыминъ во время военной тревоги. Незадолго предъ тѣмъ императоръ Лотаръ, вторгнувшись въ страну лютичей, сжегъ главный городъ съ языческимъ святилищемъ ихъ; лютичи хотѣли теперь вознаградить свою потерю опустошеніемъ Дымина и плѣномъ его граждан; послѣдніе защищались мужественно и просили князя Вартислава о помощи. Въ самое время, когда Оттонъ со свитою и пожитками приближался къ Дымину, лучшіе граждане его держали вѣче на полѣ предъ городскими воротами; увидѣвъ, что съ

---

1) «Erat illic uastissima silua. Qua diebus quinque transmissa, uenit ad stagnum mire longitudinis; ubi homuncionem parue insidentem nauicule centemplatus, copiosam ab eo piscium multitudinem comparauit. Sed ipse, mirum dictu, argento multo aliisque speciebus sibi propositis, nil pretii nisi tantum sal accipere consensit. Dicebat enim: septennio se panem non gustasse, sed piscibus tantum et aqua stagni illius uitam alere inopem. Siquidem, capta a duce Polonie eadem prouincia, ipse cum uxore sua fugiens, securi et ascia sua assumpta, paruam in medio stagni ipsius planiciem inuenit; ubi edificata domuncula secure habitabat, tantamque siccatorum piscium multitudinem estiuo tempore congregabat, ut tota hieme superhabundaret. Quibus etiam condiendis non paruam salis quantitatem a bono predicatore coemit. Erat etiam illic barbarorum natio, que Moriz uocabatur. Hec, audita beati presulis opinione, ultro se fidei sacramentis ab eo imbui expetebat. Sed ipse… ad Noripertum archipresulem suum eos dirigebat... At illi, Magdeburgensem pontificem se nolle sequi protestantes, quia grauissimo seruitutis iugo eos opprimere niteretur, ei … ceruicem cordis humiliter submittere et dictis eius per omnia abaudire pollicentur. Quorum deuotionem intuens, benigne respondit: se quidem interim ad gentes sibi commissas tendere: sed post earum conuersionem, si in hac uoluntate persisterent, auctoritate et permissu domni pape atque consensu Noriperti archiepiscopi, eos inpigre uisitaturum». Ebo: III, 4.

высотъ, окружавшихъ городъ, съ шумомъ спускается большой обозъ, народъ пришелъ въ безпокойство: онъ думалъ, что это нападеніе лютичей, и торопился войти въ городъ и приготовиться къ отпору. Не замѣчая, однако, во мнимыхъ врагахъ никакой воинской обстановки, дыминцы скоро узнали Оттона, уже извѣстнаго имъ по слуху, и поспѣшили къ нему на встрѣчу (Ebo: III, 5). Правитель города былъ извѣстенъ Оттону еще изъ перваго путешествія; онъ дружески принялъ проповѣдниковъ, но не могъ предложить гостепріимства, говоря, что ждетъ другихъ гостей (конечно, самого Вартислава), и назначилъ для помѣщенія ихъ мѣсто въ старомъ замкѣ, лежавшемъ внѣ города. Тамъ путники и разбили свои шатры, надѣясь отдохнуть отъ трудной дороги (Herb.: III, 1). Оттонъ немедленно призвалъ народныхъ старѣйшинъ и убѣждалъ ихъ принять христіанство (Ebo: III, 5) [1]).

Хотя дыминцы и ожидали въ ту ночь прибытія князя Вартислава съ поморскимъ войскомъ для защиты ихъ отъ лютичей, но слухъ, что лютичи сами имѣли намѣреніе выступить противъ Вартислава къ Дымину, сильно тревожилъ городъ (Herb.: III, 2.) Войско Вартислава было раздѣлено на двѣ части: пѣхота слѣдо-

---

1) «Veniens ad urbem Timinam, magnum illic belli apparatum hostilemque Luticensium incursionem reperit. Nam Luticenses, quorum ciuitas cum fano suo a gloriosissimo rege Lothario zelo iusticie nuper igni erat tradita, urbem Timinam uastare ciuesque eius captiuare nitebantur. Sed ipsi, eis uiriliter resistentes, Wortizlai ducis auxilium requirebant... Ipsa uero die aduentus presulis eximii ciues Timinenses ante portam conuentus forenses agebant. Sed quia ciuitas in ualle posita erat, ipso [sc. Ottone] de montibus cum tam copioso triginta plaustrorum apparatu descendente, plebs omnis, tumultuoso hoc perterrita sonitu hostiumque cuneos super se arbitrata irruere, urbem quantocius ingredi seque ad resistendum preparare molitur. Appropinquante seruo Dei, nichil armorum in circuito eius sed potius uexillum crucis deprehendunt; statimque pium Ottonem, fame apud eos celeberrima uulgatum, agnoscentes, alacri deuotione occurrunt meniaque ciuitatis intrare deposcunt». Ebo: III, 5. «[Nos solum tamen urbis prefectum in priori peregrinacione cognitum habentes, ipsum de hospicio conuenimus; sed ille, amice nos suscipiens et alios quoque se hospites habiturum dicens, aream iuxta ciuitatem in ueteri castello nostre mansioni designauit. In qua fixis tentoriis... Herb. III, 1]... habitabat [Otto]; interimque accersitos ad se primates plebis ad fidei christiane et lauacri salutaris gratiam mira predicationis dulcedine prouocabat». Ebo: III, 5.

вала путемъ воднымъ, конница — путемъ сухимъ; послѣдняя, по разсчету, должна была прійти къ Дымину ранѣе, чѣмъ пѣхота; но случилось такъ, что сильный вѣтеръ пригналъ ладьи съ пѣшихъ войскомъ быстрѣе обыкновеннаго и до прибытія конницы. Когда та пришла и замѣтила въ темнотѣ ночной стоявшее войско, то, неожидая встрѣтить своихъ, подумала что это—враги. Произошла довольно продолжительная и шумная стычка. Устрашенные криками и звукомъ оружія, спутники Оттона погасили огни и, полагая, въ чемъ увѣрялъ ихъ переводчикъ Альбинъ, что толпа язычниковъ — лютичей напала на войско князя и истребила его, побуждали другъ друга къ побѣгу. Оттонъ, однако, хотѣлъ узнать вѣрное — и для того отправилъ Альбина на развѣдку; но когда тотъ переплылъ рѣку, то спокойствіе уже водворилось: обѣ стороны узнали другъ друга. Между тѣмъ правитель города съ своей стороны прислалъ къ Оттону воина съ объясненіемъ происходившаго. Вартиславъ былъ очень радъ приходу Оттона, но, спѣша поутру выступить съ войскомъ на добычу, не могъ тогда же свидѣться съ нимъ и, чрезъ посланнаго, совѣтовалъ, какъ можно скорѣе перебраться на другую сторону рѣки и здѣсь ожидать его возвращенія. Князь удивлялся, какъ проповѣдники остались невредимы въ эти два дня, среди столь частыхъ воинскихъ движеній враговъ. Около полудня съ той стороны, гдѣ лежала земля лютичей, потянулось облако дыма: то былъ знакъ грабежа, а къ вечеру возвратился и самъ князь съ войскомъ, обремененный большою добычею (Ebo III, 5, Herb.: III, 2)[1]. Проповѣдники видѣли, какъ

---

1) «Dux Pomeranie, populaturus Leuticiam, cum exercitu eadem nocte illo uenturus erat. Timinenses autem Leuticios audierant ad pugnam ibi ei occursuros; unde non modica trepidacio fuit in ciuitate». Herb., III, 2. «Sequenti nocte dux Pomeranie in auxilium Timinensium cum duobus exercitibus, id est nauali et equestri, seperuenit. Et equester exercitus prior occurere debuerat; sed uentus rapidissimo cursu nauim inpellens celerius litori appulit. Equester uero exercitus, postea ueniens sociamque turmam, quam se tarde secuturam sperabat, illic inueniens, suspicatus est, hostilem cuneum se incurrisse, eo quod tetra noctis ingruerit caligo; statimque clamor confusus et tumultus importabilis utrimque exoritur. Vniuersus pii presulis comitatus, nimio terrore perculsus, ad fugam semet inuicem

воины раздѣляли между собою награбленное: одежды, деньги, скотъ и всякое другое имущество. Въ раздѣлъ шли также и плѣнники. Слышались вопли, плачъ и безграничное горе: мужъ разлучался съ женою, родители съ дѣтьми, поступая, въ силу раздѣла, къ разнымъ владѣльцамъ. Это были язычники, но несчастная судьба ихъ тронула сострадательнаго епископа, и онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Довольный и удачей предпріятія, и присутствіемъ Оттона, князь желалъ сдѣлать ему пріятное: онъ подарилъ свободу болѣе юнымъ и слабымъ плѣнникамъ и постарался не разлучать тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ особенно горька была разлука; съ своей стороны — епископъ выкупилъ и отпустилъ на волю многихъ плѣнниковъ-христіанъ. Обмѣнявшись рѣчью и подарками, Вартиславъ и Оттонъ занялись своими дѣлами. Быть можетъ вслѣдствіе переговоровъ съ княземъ, Оттонъ не медлилъ долѣе въ Дыминѣ: онъ приказалъ сложить на ладьи пожитки и отправилъ съ ними по рѣкѣ Пѣнѣ въ Узноимъ большую часть своей свиты, самъ же съ немногими слѣдовалъ туда сухимъ путемъ. Благодаря усиліямъ священниковъ, оставшихся въ Поморьѣ отъ первой миссіи, христіанство уже успѣло распространиться и въ Узноимѣ; Оттону пришлось только довершить дѣло (Herb.: III,

cohortatur: affirmante domno Albwino interprete uiri Dei: paganorum Luticensium adesse cateruam et iam cede miserabili ducis exercitum laniare. Doctor uero eximius eundem Albwinum religiosum presbiterum illuc celeriter pro inuestiganda rei ueritate transmisit. Qui, flumini concitus se iniciens, eo quod natandi peritus esset, pacata iam omnia reperit, quia exercitus illi ciues se tandem recognouerant». Ebo., III, 5. «Nos strepitu ac tinnitu armorum excitati et exterriti, ignem in castris nostris aqua perfudimus, fugam meditantes. Interea, socios se agnoscentes, illi a pugna desierunt. Prefectus uero, misso satellite causam illius tumultus nobis insinuans, ne timeremus rogauit». Herb. III, 2. «Dux Wortizlaus, de aduentu pii pastoris ultra quam credi potest gratulatus, mandat ei: sine mora in ulteriorem sibi ripam occurrere; dicens, diuini esse miraculi, quod biduo ibi inter tam crebras hostium discursiones illesus permansit». Ebo. III, 5. «Facto mane dux, cum exercitu omni ad predam festinans, episcopum uidere non potuit; sed missis nunciis ibidem illum die illa se rogauit expectare. Circa meridiem uero Leuticiam quaqua uersum fumigare aspeximus, signum omnia uastantis exercitus. Ad uesperum autem ecce dux, uoti compos, multa onustus preda, cum suis omnibus letus et incolomis reueritur». Herb. III, 2.

2)[1]). Расположеніе Вартислава къ христіанству ясно обнаружилось еще во время первой миссіи; извѣстно также, что самъ онъ былъ христіаниномъ, но, живя среди язычниковъ, не могъ слѣдовать правиламъ христіанской жизни. Теперь онъ желалъ прочно утвердить новую религію и съ этою цѣлью — къ 22 маю назначилъ въ Узноимѣ общій съѣздъ воеводъ, знатныхъ людей и жупановъ земли своей. Когда они съѣхались изъ Дымина и другихъ городовъ и сѣли на вѣче, Вартиславъ держалъ къ нимъ рѣчь о приходѣ епископа; напомнилъ, что и прежде въ ихъ страны приходили многіе проповѣдники слова божья, но нашли здѣсь смерть себѣ. Еще недавно былъ распятъ одинъ изъ нихъ, останки котораго собрали и предали честному погребенію капелланы епископа. Князь указывалъ на высокое положеніе Оттона въ имперіи и нравственный подвигъ его самоотверженія; «съ такимъ знаменитымъ посланникомъ папы и императора, говорилъ онъ, нельзя и не должно поступать неуважительно: если вы откажете ему въ повиновеніи, или чѣмъ огорчите, то, услышавъ объ этомъ, немедленно явится съ войскомъ императоръ и разоритъ въ конецъ васъ и землю вашу». Вартиславъ предлагалъ общимъ голосомъ обсудить дѣло и съ должнымъ уваженіемъ принять епископа. Знатные люди

1) «Nobis inspicientibus, diuidebant spolia, uestes pecuniam pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeri, cum ad diuersos dominos pro racione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant. Et quamuis pagani essent omnes, quos huiusmodi miseria inuoluerat, episcopus tamen. . condicionem miseratus humanam, lacrimas tenere non potuit. Dux uero et successu rerum et de aduentu episcopi letissimus, uidens, quia hoc eius uoto placuit, teneriores et infermiores quosdam absolui iussit; et quibus separatio dolori erat, manere simul eius interuentu ordinabat. . Episcopus etiam multos precio absoluit; quos fide imbutos baptismoque nouit regeneratos, liberos abire dimisit. Dein cum mutuis se colloquiis recreassent et inuicem muneribus honorassent, duce ad sua negocia digresso, nos omnem substantiam nostram Timine nauibus imponentes, per Pene fluminis undam tribus diebus Vznoimiam uecti sumus; episcopo itinere terrestri cum paucis gradiente... Neque ibi difficultas erat in opere; quia ciuitas illa precompluta fuerat imbre doctrine salutaris. Sacerdotes etenim, quos pater beatus operis sui uicarios in gente illa reliquerat, Vznoimiam ex magna parte conuerterant; reliqua uero pars per episcopum apposita est ad Dominum». Herb. III, 2.

и старѣйшины составили совѣтъ; долго они находились въ нерѣшительности и колебались, смущаемые противорѣчіями жрецовъ; наконецъ, болѣе разумная сторона совѣщанія, наклонная къ христіанству, взяла верхъ, и такимъ образомъ — состоялось рѣшеніе принять новую религію (Ebo III, 6)[1]. Окрестивъ въ Узноимѣ всѣхъ знатныхъ, Оттонъ отправилъ напередъ въ другіе города, подвое въ каждый, своихъ священниковъ, которые должны были извѣстить народъ объ обращеніи высшихъ людей и скоромъ прибытіи его самого. Двое изъ такихъ посланниковъ, священникъ Удальрикъ и переводчикъ Альбинъ, пришли въ богатый городъ Волегощъ. Они были съ почетомъ приняты женой правителя города, которая тотчасъ накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе; священники пришли въ изумленіе, встрѣтивъ такую ласку и гостепріимство въ «царствѣ діавола». Когда они удовольствовались пищей, Альбинъ, знавшій пославянски, тайно сообщилъ ей причину прихода ихъ и какъ, вслѣдствіе совѣщанія въ Узноимѣ, всѣ знатные люди отказались отъ идолослуженія и приняли хри-

---

1) «(Dux Wortizlaus) in festiuitate penthecostes generale principum regni sui colloquium in eodem loco (in ciu. Vznoim) indixit. Vbi conuenientibus Timinensis ciuitatis aliarumque urbium primoribus, sapienter eos ad suscipiendum christiane fidei iugum prouocabat. Ipse enim in puericia sua captiuus erat in Teutonicas regiones abductus, atque in oppido Mersburgensi baptismi gratiam consecutus; sed inter paganos uiuens, ritum christiane legis exequi non poterat. Ideoque gentem, cui preerat, fidei iugo subici ardentes desiderabat», Ebo. III, 6. «in hac ciuitate (Vznoimie).. dux terre Wortizlaus, toto corde christianus, instinctu Ottonis baronibus et capitaneis tocius prouincie ac prefectis ciuitatum in festo pentecostes conuentum indixit». Herb. III, 3. Considentibus ergo principibus, dux ita exorsus est..., слѣдуетъ, конечно — вымышленная рѣчь Вартислава, изъ которой мы находимъ нужнымъ привести только слѣдующее: «antea quidem multi uerbum Dei his partibus annunciantes uenerunt, quos.. occidistis. E quibus etiam unum nuper cruci fixistis, sed ossa eius capellani.. episcopi.. colligentes honorifice tradiderunt sepulture».... His auditis, principes et natu maiores, oportunum huic colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia nutabundi oberrabant, precipue sacerdotibus ydolorum questus sui gratia contradicentibus. Tandem.. unanimiter cultum ydolorum abdicarunt et.. baptismi gratiam flagitare ceperunt». Ebo. III, 6. «Concilium hoc non antea solutum est, quam principes ipsi et omnes qui cum eis aduenerant baptismi sacramenta percepissent». Herb. III, 3.

стіанство. Извѣстіе это до того поразило домохозяйку, что она долгое время не могла прійти въ себя. На вопросъ Альбина о причинѣ ея ужаса, она объяснила, что имъ грозитъ неминуемая погибель, такъ-какъ городскія власти и весь народъ постановили предать ихъ немедленной смерти, если они появятся въ Волегощѣ. Добрая женщина скорбѣла, что ея домъ, спокойный и гостепріимно открытый для всѣхъ странниковъ, сдѣлается мѣстомъ убійства: провѣдай о приходѣ Удальрика и Альбина кто-нибудь изъ городскихъ начальниковъ, домъ ея сейчасъ окружатъ и или сожгутъ со всѣми, въ немъ находящимися, или принудятъ ее выдать пришельцевъ. Желая спасти ихъ, хозяйка указала комнату въ верхнемъ отдѣленіи дома, гдѣ до поры — времени они могли скрыться, а слугамъ своимъ велѣла увести ихъ лошадей съ пожитками въ отдаленную свою деревню. Въ городѣ, однако, уже распространился слухъ о прибытіи проповѣдниковъ и о мѣстѣ ихъ нахожденія. Скоро привалила на дворъ разъяренная толпа и искала ихъ, чтобы предать смерти. Жена правителя города сознавалась, что дѣйствительно къ ней приходили чужестранцы, но удовольствовавшись пищею, скоро ушли, и она не могла узнать кто — они и куда идутъ. Толпа повѣрила и успокоилась на этомъ отвѣтѣ (Ebo: III, 7) [1]). Причиною этой тревоги, по мнѣнію Удальрика,

1) «In eadem ciuitati baptisatis principibus uniuersis, binos et binos e presbiteris sibi adherentibus ad alias urbes ante faciem suam premisit (sc. Otto) ut populo conuersionem principum suumque aduentum denuntiarent. Quorum duo, id est Vdalricus religiosus presbiter S. Egidii et Albwinus, interpres uiri Dei, opulentissimam ciuitatem Hologost dictam adierunt. Vbi a matre familias uxore scil. prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuocione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent. Tandem finita refectione, domnus Albwinus (Sclauice linque gnarus, Herb., III, 5) matrem familias secrecius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui, et qualiter ab colloquium Vznoim habitum cuncti principes, abdicatis ydolatrie sordibus, Christi gratiam induerint. Hec illa audiens adeo expauit, ut, terre procumbens, diu semianimus remanserit. Quam aqua refecillatam dm. Albwinus requirere cepit: cur adeo exhoruisset... At illa.... «pro nece uestra iam iamque imminenti contremuit cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retrac-

былъ одинъ жрецъ, который, слыша объ успѣхахъ христіанской проповѣди, поднялся на хитрость: онъ облекся въ плащъ и другія священныя одежды и до разсвѣта, тайно вышелъ изъ города въ ближній лѣсъ; замѣтивъ какого-то шедшаго на рынокъ крестьянина, жрецъ внезапно остановилъ его; тотъ, сильно испуганный необыкновенною встрѣчею, видя священныя бѣлыя облаченія, вообразилъ, что ему явился самъ верховный богъ, и въ ужасѣ палъ ницъ на землю. Жрецъ говорилъ: «я богъ твой, которому ты поклоняешься; не бойся, но возстань и иди немедленно въ городъ, тамъ повѣдай властямъ и всему народу слово мое: если придутъ ученики того обольстителя, который вмѣстѣ съ княземъ находится теперь въ Узноимѣ, да предадутъ ихъ немедленной смерти; иначе — погибель грозитъ городу и всѣмъ жителямъ». Жрецъ скрылся, а крестьянинъ, прійдя въ себя, поспѣшилъ передать гражданамъ волю мнимаго божества, и они единодушно рѣшили привести ее въ исполненіе [1]).

tatione occidamini. Et hec domus mea, semper quieta et pacifica, omnibus peregrinis superuenientibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque, si aliquis magistratuum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus meos concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate (у Герборда: matrona in superiori quodam cenaculo eos abscondit, III, 5). Et ego ministros (Herb. pueros) meos cum exuuiis uestris atque caballis ad remociores uillas meas dirigam». Illi . . fecerunt ut docti erant. Post modicum plebs furibunda irrupit (gladiatores et turba populi cum telis et fustibus tecta matrone irrumpunt, Herb. III, 5); omniaque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem expetebant. Quibus mater familias: «fateor, ait — domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelocius abierunt. Et ego, qni uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui». Ebo: III, 7.

1) «Causa huius inquisitionis et tumultus sacerdos quidam ydolorum fuit Qui, audita noue predicationis opinione, ad callida argumenta conuersus, cuiusdam fani clamide et reliquis indutus exuuiis, urbem clam egreditur uicinamque petens siluam pretereuntem quendam rusticum insolito occursu perterruit. Qui, uidens eum uestibus ydoli amictum, suspicatus, deum suum principalem sibi apparuisse, pre stuporo exanimis in faciem corruit, eumque talia dicentem audiuit: «Ego sum deus tuus, quem colis. Ne paueas; sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meam magistratibus omnique populo insinua; ut, si discipuli seductoris illius, qui cum duce Wortizlao apud Vznoim moratur, illis apparuerient, sine dilatione morti acerbissime tradantur. Alioquin ciuitas cum habitatoribus suis peribit». Quod cum

Удальрикъ и Альбинъ не долго скрывались въ своемъ убѣжищѣ: на другой же день (по Герборду — на третій, III, 5) пришелъ Оттонъ съ княземъ и воинами и освободилъ ихъ. Уже

---

rusticus ille summa festinatione ciuibus denunciasset, illi, unanimiter adunati mandatum dei sui peragere conabantur». Ebo: III, 8, «Fama facti repente in uniuersam prouinciam uulgatur, uillas et uicos in studia diuersa conscidens, aliis dicentibus: «quia bene est, aliis autem dicentibus: quia non; sed magis seductio magnates apprehendit». Ipsi uero sacerdotes ydolorum, non minima causa huius concisionis, erant appositi eis, quibus displicebat, quod factum fuerat; sua nimirum lucra cessatum iri non ignorantes, si cultura demonum illic aboleretur. Vnde, modis omnibus rem prepedire moliti, uaria calliditatis sue argumenta uisionibus sompniis prodigiis et uariis terroribus confinxerunt. Quin etiam in Hologosta ciuitate — quo tunc proxime aducnturus nunciabatur episcopus — sacerdos, qui illis ydolo ministrabat, nocturno tempore uicinam siluam ingressus et in loco ediciori secus uiam inter condensa fruticum sacerdotalibus indutus astabat, et mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur: «Heus tu, inquit, bone homo». At ille respiciens in eam partem, unde uocem audierat, inter uirgulta personam candidis indutam quamuis dubia luce uidere cepit et timere. Et ille: «Sta, inquit, et accipe, que dico. Ego sum deus tuus; ego sum, qui uestio et graminibus campos et frondibus nemora; fructus agrorum et lignorum, fetus pecorum et omnia, quecunque usibus hominum seruiunt, in mea sunt potestate. Hec dare soleo cultoribus meis, et his, qui me contempnunt, auferre. Dic ergo eis, qui sunt in ciuitate Hologostensi, ne suscipiant deum alienum, qui eis prodesse non possit; mone, ut alterius religionis nuncios, quos ad eos uenturos predico, uiuere non patiantur». Hec ubi attonito ruricole demon uisibilis edixerat, ad densiora nemoris sese contulit inpostor. Rusticus uero, quasi de oraculo stupidus, corruens pronus adorauit in terra. Deinde abiens in ciuitatem cepit annunciare uisionem. Credidit populus; iterumque atque iterum circumdantes hominem, eadem sepius narrare cogebant, moti uidelicet monstri nouitate. Postremo, acsi nescius omnium, aduenit sacerdos, indignationem primo simulans quasi de mendacio; deinde attentius audire et obtestari cepit hominem, ut, uera tantem narrans, nullo figmento populum sollicitaret. At ille, ut erat rusticane simplicitatis, manus tendere, oculos ad celum leuare, magnisque iuramentis et forti protestatione rem ita se habere asserens, etiam locum ipsius apparitionis se ostensurum pollicetur. Tunc sacerdos, conuersus ad populum, uane suspirans: «En hoc est, inquit, quod toto anno dicebam. Quid nobis cum alieno deo? Quid nobis cum religione christianorum? Iuste mouetur et irascitur deus noster, si post omnia benefacta eius stulti et ingrati ad alium conuertimur. Sed ne iratus occidat nos, illis irascamur; et occidamus eos, qui nos seducere ueniunt». Quod dictum cum placuisset omnibus, firmauerunt decretum: ut, si Otto episcopus uel quisquam de societate eius ciuitatem intraret, sine mora occiderentur. Item firmauerunt sibi sermonem nequam, scilicet ut, si nocte uel clam intrantes quisquam tecto reciperet, simili sententie subiaceret». Herb.: III. 4. Такъ, какъ разсказъ Герборда представляется только распространеніемъ простого повѣствованія Эбона, то мы въ изложеніи и слѣдовали послѣднему, но, по принятому нами правилу, привели здѣсь вполнѣ и первый.

вечерѣло, когда нѣкоторые изъ спутниковъ Оттона захотѣли посмотрѣть находившееся въ городѣ языческое святилище и отправились туда, не принявъ никакихъ предосторожностей. Жители подумали, что они хотятъ зажечь ихъ святилище, на улицѣ собралась вооруженная толпа и грозила пришельцамъ нападеніемъ. Въ виду опасности Удальрикъ счелъ нужнымъ остановить товарищей, и они поспѣшили удалиться; но клерикъ Дитрихъ, который шелъ впереди всѣхъ, слишкомъ поздно замѣтилъ отступленіе своихъ: онъ былъ уже у дверей самаго храма и теперь, внезапно захваченный толпой, не зная куда скрыться, въ испугѣ вбѣжалъ въ святилище. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ огромной величины щитъ, обтянутый золотомъ и искуснѣйшей работы; никому изъ смертныхъ не дозволено было прикасаться къ нему въ обыкновенное время, ибо язычники соединяли съ этимъ какое-то религіозное предзнаменованіе; щитъ былъ посвященъ богу войны Яровиту и только въ военное время могъ быть тронутъ съ мѣста. Тогда его несли впереди войска и вѣрили, что чрезъ это остануться побѣдителями въ битвахъ. Дитрихъ увидѣлъ щитъ и, быстро овладѣвъ имъ, выбѣжалъ на встрѣчу разъяренной толпѣ. При видѣ священнаго вооруженія жители, въ деревенской простотѣ своей, вообразили, что это явился самъ Яровитъ; одни въ ужасѣ ударились въ бѣгство, другіе — пали ницъ на землю; Дитрихъ же, миновавъ опасность, бросилъ щитъ и присоединился къ своимъ (Ebo: III, 8; Herb.: III, 6)[1]).

---

1) «Aduesperascente die, quidam ex comitibus dm. episcopi, fanum in eadem urbe situm considerare uolentes, minus caute pergebant. Quod cernentes aliqui de ciuibus, suspicati sunt, fanum ipsum igne eos tradere uelle; et congregati horrisono armorum, strepitu eis occurere gestiebant (у Герборда: congregantes se in platea, etiam arma portare ac fustes et . . . nobis obuiam stare. III, 6). Tum religiosus presbiter Vdalricus ad socios conuersus ait: «Non sine causa cogregantur isti; sed sciatis, eos re uera interitum nostrum festinare». Quo audito socii, retrogradum iter secuti, fuge presidia petunt. Clericus autem Dietricus nomine, qui iam precedens eos, portis delubri ipsius appropinquauerat (fores delubri tenebat.. Herb. ib.), nesciens quo diuerteret, audacter fanum ipsum irrupit; et uidens aureum clipeum parieti affixum, Gerouito qui deus milicie eorum fuit consecratum —

Оттонъ оставался въ Волегощѣ цѣлую недѣлю, и успѣхъ его увѣнчались успѣхомъ: весь народъ принялъ христіанство. Разрушивъ языческіе храмы, положивъ основаніе церкви, епископъ оставилъ здѣсь одного изъ спутниковъ своихъ, священника Іоанна и поспѣшилъ въ городъ Гостьковъ. Тамъ находился богато украшеный и отстроенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; жители употребили на него триста талантовъ и гордились имъ. Соглашаясь принять христіанство, они просили Оттона и даже предлагали ему значительную сумму денегъ, чтобы только онъ не разрушалъ этого украшенія города. Но Оттонъ не согласился сохранить языческую святыню, говоря что она, по его уходѣ, будетъ причиною ихъ отступничества и гибели (Ebo: III, 9, Herb.: III, 7) [1]. Идолы, стоявшіе въ храмѣ, были изваяны съ невѣроятнымъ изяществомъ и отличались столь удивительной величиной, что нѣсколько паръ быковъ едва могли двинуть ихъ съ мѣста. Послѣ того, какъ имъ отрубили руки и ноги, выкололи глаза, вырвали ноздри, ихъ вывезли чрезъ мостъ для сожженія:

---

quem contigere apud los illicitum erat — arrepto eodem clipeo, obuiam eis processit. (У Герборда: Erat illic clipeus pendens in pariete mire magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus, quem contingere nulli mortalium liceret; eo quod esset illis nescio quid in hoc sacrosanctum ac pagane religionis auspicium, in tantum ut nunquam nisi belli solummodo tempore a loco suo moueri deberet. Nam, ut postea comperimus, deo suo Gerouito, qui linqua Latina Mars dicitur, erat consecratus, et in omni prelio uictores sese hoc preuio confidebant. Clericus autem. . . . clipeum corripuit, et amento collo iniecto, leuaque loris inserta, in medium turbe furentis e ianua prosiliit. III, 6.). Illi autem, utpote uiri stulte rusticitatis, suspicati, deum suum Gerouitum sibi occurrere; obstupefacti abierunt retrorsum et ceciderunt in terram. Dietricus autem, . . . proiecto clipeo, aufugit». Ebo: III, 8.

1) «Apostolus Pomeranorum. . . aliam urbem Chozegowam expetiit, in qua magnis decoris et miri artificii fana erant, que ciues eiusdem loci trecentis extruxerant talentis. Sed et beato patri nostro maximam pecunie quantitatem offerebant, ne ea deleret, sed pro ornatu loci integra et inconuulsa reseruaret. Quod uir Domini penitus abdicauit». . . Ebo: III, 9. «In hac ciuitate (sc. Gozgaugia) mire magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit, sed episcopus cum de fide christiane religionis eos per interpretem alloqueretur, illi ad omnia se paratos asserebant, si modo fanum eorum intactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper extructum fuerat; multumque in illo gloriabantur, eo quod uideretur magnum tocius ciuitatis esse ornamentum». etc. Herb. III, 7.

приверженцы язычества стояли при этомъ зрѣлищѣ и сильно вопили, какъ бы желая помочь богамъ своимъ и призывая погибель на голову разрушителей отечества; другіе же, болѣе благоразумные — говорили, что если бы идолы были дѣйствительно боги, они могли бы защитить сами себя. Въ то самое время, когда Оттонъ разрушалъ въ Гостьковѣ знаменитое своей художественной отдѣлкой языческое святилище, пришли провѣдать его послы маркграфа Адальберта, а также и бамбергскіе вѣстники, которые, согласно прежде данному приказанію, принесли различные предметы житейской потребности (Ebo: III, 10)[1]); ибо Оттонъ содержалъ себя и своихъ спутниковъ на собственныя средства, во отстраненіе толковъ, что онъ пришелъ въ далекія, богатыя страны ради своей нищеты, съ цѣлью стяжанія, онъ ни чего не требовалъ и ничего не принималъ отъ туземцевъ; когда же близкіе къ нему знатные люди предлагали что-либо добровольно, — нужны были усиленныя просьбы, чтобы склонить его на принятіе; но въ такомъ случаѣ онъ съ почетомъ предлагалъ имъ взамѣнъ что-нибудь драгоцѣнное изъ своихъ запасовъ, отдавая всегда большимъ противъ принятаго (Ebo: III, 9)[2]). По

1) «Eo tempore quo fana hec mirandi operis in urbe Chozegowa destruebat (sc. Otto), legati honorabiles marchionis Adalberti. . . et nuncii de uillis suis Müchcln et Scidingen, iuxta condictum oportuna ei subsidia deferentes, superuenere. Iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata, que multa boum paria uix mouere poterant, abscissis manibus et pedibus, effossis oculis ac truncatis naribus, per descensum cuiusdam pontis igni cremanda trahebantur; astantibus ydolorum fautoribus et magne eiulatu, ut diis suis succurrentur ac iniqui patrie subuersores per pontem demergerentur, acclamantibus; aliis uero sanioris consilii e contra protestantibus: quia, si dii essent, semet ipsos defendere possent». . Ebo: III, 10.

2) «Immo propriis se comitesque suos transigebat sumptibus . . ne forte reputarent (Pomerani) cum causa inopie tam remotas adisse regiones; quasi, in terra sua ingruente rerum uictualium penuria, in hec opulentissima regna secedens, sub pretextu euangelizandi uite sustentacula argumentosa requireret. Quod prudenter animaduertens uir sagacissimi ingennii, numquam ab eis, quibus spiritualia seminabat carnalia metere uolebat; sed nec loco muneris quicquam ab eis percipere consensit. Si uero a primoribus sibi fidelissima familiaritate adherentibus, quicquam uoluntarie offerretur et ut id susciperet, multa precum instantia constringeretur, ipse, de suis preciosa quelibet eis honorabiliter offerens, maiora dabat, quam accepisset» . . . Ebo: III, 9.

разрушеніи святилища и уничтоженіи идоловъ, Оттонъ окрестилъ народъ и занялся постройкою церкви. Къ освященію ея прибылъ правитель города, Мицлавъ, который уже былъ крещенъ вмѣстѣ съ прочими знатными людьми во время сейма въ Узноимѣ. Оттонъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ исправить прежнюю жизнь: нѣтъ ли на его совѣсти какого насилія, нѣтъ ли плѣнниковъ, плѣненныхъ имъ ради денегъ. Послѣднее оказалось справедливымъ: у Мицлава въ темницахъ содержалось много датскихъ должниковъ — христіанъ, которые, по предстательству Оттона, и были немедленно освобождены; равнымъ образомъ Мицлавъ даровалъ свободу и плѣнникамъ — язычникамъ, хотя за ними считались большія преступленія и невыносимыя обиды.

Во время обряда освященія церкви — не оказалось необходимаго сосуда съ золою; и такъ какъ его нигдѣ не могли доискаться, то Удальрикъ самъ отправился въ подземелье, гдѣ находилась зола. Тамъ, въ дальнемъ отдѣленіи, заключенъ былъ одинъ узникъ. Услышавъ чей-то приходъ, онъ со стономъ протянулъ руку изъ темницы; изумленный Удальрикъ подошелъ и увидѣлъ юношу, обремененнаго тяжкими оковами на шеѣ, груди и ногахъ. На вопросъ о причинѣ, узникъ разсказалъ, что онъ — сынъ какого-то знаменитаго датчанина и заключенъ въ темницу, какъ заложникъ, потому что отецъ его состоитъ долженъ Мицлаву пятьсотъ марокъ [1]). Набравъ золы, Удальрикъ возвратился къ

---

1) «Pius predicator, destructis ydolorum fanis et populo sacre regenerationis lauacro in sinum matris ecclesie congregato, nouam Christo edificare cepit basilicam. Ad cuius dedicationem cum loci eiusdem princeps Mizlaus nomine uenisset, qui dudum cum aliis primoribus ad curiale colloquium in penthecoste Vznoim habitum baptismatis gratiam perceperat (precipue uero Mizlaum; ipsius ciuitatis principem, quem pridem in penthecoste cum aliis primatibus Vznoimie baptizauerat, ut in eo ceteros erudiret de omnibus his alloquitur. . Herb. III, 9), his eum beatus pontifex uerbis per interpretem suum Adalbertum allocutus est: . . . «Hoc est, quod moneo: ut secreta conscientie tue scruteris et, si cui aliquid per uiolentiam rapuisti, digne restituas; si quos causa pecunie captiuasti, pro honore Dei absoluas». Tum ille: «Nemini inquit uiolentiam exhibui; sed captiuos multos penes me habeo grauiter michi obnoxios». Cui uir Domini: «Require ait siqui inter eos sint christiani». Et cum requisisset, inuenit plures ex Danorum regione christia-

епископу и передалъ ему, что видѣлъ и слышалъ. Оттонъ не рѣшился на этотъ разъ лично просить Мицлава и поручилъ это дѣло Удальрику и Адальберту, своему переводчику. Не охотно склонился Мицлавъ на убѣжденія ихъ: датчанинъ былъ долженъ ему весьма значительную сумму денегъ, и заключеніе его сына въ подземной темницѣ представлялось дѣйствіемъ справедливости; послѣ долгихъ увѣщаній и просьбъ, наконецъ, онъ уступилъ и велѣлъ своей стражѣ освободить должника (Ebo: III, 12)[1]). По освященіи церкви Оттону предстояло иное важное дѣло: пронеслась вѣсть, что Болеславъ, князь польскій, съ огромнымъ войскомъ снова вторгнулся въ предѣлы Поморья. Причина этого была слѣдующая: поморяне не выполнили своихъ обязательствъ, они возвратились къ язычеству, возобновили разрушенныя укрѣпленія и крѣпости и, понадѣясь на свои силы, отказались отъ платежа трибута; оскорбленный этимъ Болеславъ рѣшился наказать и снова покорить ихъ своей власти. Когда поморяне узнали, что

---

nos; quos statim beato patri nostro omni debito absolutos obtulit. Ad quos seruus Dei gratulatus: «Qui, ait, cepisti, perfice gratum Domino secrificium, ut paganos etiam captiuitate depressos. . absoluas». Et ille: «Multorum, inquit, criminum rei sunt isti et dampna michi non ferenda intulerent. Sed . . . iuxta uerbum tuum — absoluantur». . . . Ex inprouiso cineres defuerunt; . . . tunc religiosus presbiter Vodalricus . . ad subterraneum quoddam habitaculum pro cineribus colligendis uelocius abiit. Cuius introitu audito, captiuus illic (in abditiori parte — Herb. III, 9) lattans uocem cum gemitu emisit et manum de cauea protraxit. Obstupefactus Vdalricus accessit uidere, quidnam hoc esset; uiditque iuuenem miserabiliter collo pectore ac pedibus ferro inclusum. Et accersito interprete, hec ab eo audiuit: . . . «Ego sum filius nobilissimi Danorum principis (cuiusdam potentis de Dacia — Herb. III, 9); et dux Mizlaus pro quingentis marcis, a patre meo sibi dandis, hic me inclusum retinet». (Iste in cauea subterranea uinctus cippo et cathenis tenebatur, eo quod pater euis, quingentarum librarum debitor, hunc uadem posuisset, Herb. ibd). Ebo: III, 12.

1) «His auditis (т. е. слова Удальрика), obstupefactus princeps: «Hic, ait, captiuus singulariter michi pre omnibus aliis obnoxius est; ideo que suppliciter peto, ne causa manifestetur; sed magis in subterraneo habitaculo, ut dignus est, reseruetur». . . «Quid fiet de quingentis argenti talentis, a patre ipsius pro incomparabili dampno michi illato exsoluendis?» Tunc demum Mizlaus princeps. . . missis militibus suis, de ergastulo tenebroso eum produxit et sic cathenis undique astrictum manibus suis altari consecrando superponens, holocaustum obtulit Domino». Ebo: III, 12.

войско князя находится вблизи, они пришли въ ужасъ: одни бѣжали и сносили свое имущество въ укрѣпленныя мѣста, другіе вооружались и имѣли намѣреніе защищать свои предѣлы (Herb.: III, 10)[1]. Знатные люди и старѣйшины единодушно обратились къ Оттону и просили его о совѣтѣ и защитѣ. Онъ успокоилъ ихъ, обѣщая лично отправиться къ Болеславу и удержать его отъ войны. Оставивъ всѣ свои вещи и свящ. Удальрика въ Узноимѣ, Оттонъ скоро собрался и, вмѣстѣ съ спутниками и лучшими людьми земли, выступилъ въ путь. Присутствіе послѣднихъ было необходимо, потому что они хорошо знали положеніе дѣлъ и могли отвѣчать на обвиненія князя (Ebo: III, 13; Herb. III, 10)[2]. Болеславъ встрѣтилъ Оттона съ отличнымъ почтеніемъ и оказывалъ ему полное расположеніе, но, узнавъ о причинѣ прихода его, очень изумился. «Это племя, говорилъ онъ, съ такою страшною свирѣпостью опустошало набѣгами мою землю и народъ, что даже не щадило могилъ усопшихъ праотцевъ, вырывая и разметывая кости ихъ по полямъ». Болеславъ удивлялся, какъ остались въ

---

1) «Bolezlaus dux Poloniorum inuictissimus, in multa fortitudine et copioso militum apparatu de terra sua ueniens, iam in ipsis terminis Pomeranie castra metatus ferebatur, in furore graui terram ipsam ingressurus. Audierat enim: quod post priorem Ottonis predicationem nec pacti secum federis nec suscepte religionis iura seruare curarent. Insuper compertum habebat: quod ciuitates, que pridem conuerse fuerant, cum his que conuerse nondum fuerant, remissi tributi ueniam aspernati suique mediatoris obliti, uiribus suis se deinceps tutos fore confiderent; munitionibus et castris, que bellica ui conplanata fuerant, ex magna parte hoc internalo reparatis. Vnde quasi iustam commotionem habens, dux iterum eos conterere ueniebat sueque dicioni subiugare. Quod illi audientes, missisque sepius atque remissis exploratoribus, exercitum iam in proximo cognoscentes, multum ubique trepidare ceperunt; partimque fugere ac res suas ad loca munita deferre, partim etiam arma contra mouere finesque suos defendere meditabantur». Herb: III, 10.

2) «Primates natuque maiores, unanimiter ad apostolum suum confugientes eius magnopere flagitabant consilium.. Quibus auditis, nolite, ait, timere... Ego cum comitibus meis ducem Poloniorum adeam eumque ab intentione bellandi, Deo auxiliante, auertam», Ebo: III, 13. Assumptis igitur clericis, (Vdalricum uice sua ad confirmandam neophitam plebem Vznoim reliquit. Ebo: ib.) sarcinas quidem et omnem supellectilem suam ibi relinquens, obuiam se parat exercitui; iunctis sibi uiris honorabilibus de terra, qui a duce obiectis respondere et omnibus controuersiis decidendis hinc inde exortis possent sufficere». Herb.: III, 10.

живыхъ проповѣдники, когда еще недавно одинъ такой былъ распятъ поморянами на крестовой палѣ. Оттонъ говорилъ, что поморяне приняли теперь христіанство, и онъ пришелъ именно за тѣмъ, чтобы отвратить отъ нихъ грозу войны; иначе, возмущенные при самомъ началѣ христіанской жизни, они могутъ уклониться отъ прямого пути. Болеславу нелегко было отказаться отъ давно задуманнаго предпріятія: онъ опасался вызвать общее презрѣніе своего народа, если не возместитъ должнымъ возмездіемъ столь виновному обидчику, поморскому князю. Желая, однако, уважить Оттона, онъ соглашался прекратить войну, если Вартиславъ самъ въ смиреніи придетъ къ нему и станетъ просить о милости. Немедленно посланы были за княземъ Вартиславомъ и Удальрикомъ почетные послы, причемъ напередъ обезпечена была безопасность прочнаго мира. По тредневномъ пути Вартиславъ и Удальрикъ прибыли въ Польшу и вступили въ переговоры о дѣлѣ; два дня совѣщанія не приводили къ желанному соглашенію и только на третій, при посредничествѣ Оттона, состоялись условія мира и союза, которыя и скрѣплены были въ присутствіи правителей и знатныхъ людей взаимнымъ поцѣлуемъ польскаго и поморскаго князей. Затѣмъ, во свидѣтельство своей преданности Вартиславъ принесъ на алтарь Адальберта большую сумму денегъ и за тѣмъ отправился вмѣстѣ съ Оттономъ и свитою обратно въ Узноимъ. Епископъ ревностно продолжалъ свое дѣло, по прежнему посылая служителей слова божья для проповѣди по окрестнымъ городамъ (Ebo: III, 13)[1]. Неподалеку отъ

---

1) «Agnitis causis itineris (dux Poloniorum) admodum obstupuit; dicens: gentem illam beluine ferocitatis immanitate terram populumque suum deuastasse, adeo ut etiam parentes suos e sepulchris protraheret et collisis capitibus dentes excuteret ossaque eorum per publicum aggerem disperderet; mirumque esse quod ipse uiuus discerptus non fuisset ab eis, cum omnes anteriori tempore Christum illic anunciantes mortis sententiam incurrissent sed et unus eorum crucis patibulo nuper affixus occubuisset. At ille. . . gratia christi gentem illam aiebat initiatam; seque ad hoc uenisse, ut incursionem bellorum ab ea amoueret, ne nouus grex inter ipsa fidei primordia turbatus a recto tramite exorbitaret. Dux autem Polizlaus respondit: non ex facili sibi constare, ut expeditionem illam, tanto tem-

Узноима, за озеромъ жило племя Украпъ, отличавшееся особенною дикостью и свирѣпостью нравовъ; услышавъ объ успѣхѣ проповѣди Оттона, они неоднократно присылали къ нему, объявляя, что если онъ придетъ въ ихъ землю, то немедленно со всѣми своими будетъ преданъ жестокой смерти [1]). Потому, хотя епископъ и имѣлъ сильное желаніе идти въ ту землю, но приближенные люди всегда удерживали его; наконецъ, на этотъ подвигъ вызвался Удальрикъ, и Оттонъ далъ ему дозволеніе и назначилъ спутниковъ. Несмотря на всѣ отговоры и представленія переводчика Адальберта, Удальрикъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи и однимъ днемъ отправился въ путь вмѣстѣ съ путниками и какимъ-то переводчикомъ полякомъ. Погода сначала была благопріятна, но когда они отъѣхали отъ берега на значительное разстояніе, поднялась буря и обратно прибила волной ладью ихъ къ прежней пристани. Буря продолжалась цѣлые семь дней и помѣшала Удальрику привести въ исполненіе его намѣреніе (Ebo:

---

pore propositam, intermitteret; sed pro nichilo se deinceps ab omni populo suo habendum, si Pomeranorum ducem tam grauiter sibi obnoxium debito talione non reperculeret..... «Si, inquit, humiliatus Pomeranorum dux per semet ipsum michi occurrere et ueniam deprecari uoluerit, faciam secundum uerbum tuum». . . Mox ergo legati honorabiles Wortizlaum ducem et Vdalricum capellanum accersientes, diriguntur, data eis prius firmissime pacis desiderata securitate. Qui trium dierum itinere confecto, Poloniam uenerunt et, honorifice cum suo comitatu suscepti, causam pro qua uenerant tractare ceperunt. Sed per duos dies interminatam reliquerunt; tercia tandem die, pio Ottone mediante, reconciliati pacis oscula libant et, abdicata bellandi intentione, fedus intemerate dilectionis ambo duces coram primatum et nobilium frequentia pepigerunt. Ipse quoque dux Pomeranorum in testimonium deuotionis sue magnam pecunie quantitatem super altari beati Adalberti martiris. . . obtulit. . . . itinere quo uenerat cum pio Ottone uniuersoque comitatu Vznoim reuersus est. . . piusque predicator ad circumpositas ciuitates uerbi ministros, sicut et antea, peruigili solicitudine dirigebat». Ebo: III, 13.

1) «Erant autem trans mare barbari crudelitate et seuicia singulares, qui Vcrani dicebatur. Hi, audita beati presulis opinione, crebris ei legationibus mandauerant: quod, si umquam terras eorum intrare presumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissime se tradendum sciret». Ebo: III, 14. Гербордъ III, 11, 12, въ описаніи неудачной поѣздки Удальрика къ Укранамъ не прибавляетъ ничего новаго къ извѣстію Эбона, кромѣ страннаго утвержденія, что страна Укранъ лежала на островѣ.

III, 14). Оттонъ желалъ теперь итти въ Штетину, жители которой, какъ было извѣстно, снова отпали въ язычество; близкіе люди старались отговорить его отъ опаснаго путешествія въ городъ, гдѣ возбужденный жрецами народъ готовилъ ему гибель; но Оттонъ не поколебался: не находя должнаго соревнованія въ своихъ сотрудникахъ, онъ рѣшился самъ исполнить задуманное и тайно ото всѣхъ, собравъ необходимыя пожитки, вышелъ въ путь; онъ прошелъ уже значительное пространство и готовился отплыть далѣе на кораблѣ, какъ былъ настигнутъ спутниками, которые замѣтили его отсутствіе и отправились отыскивать его[1]).

Они твердо рѣшились не оставлять его, но убѣдили пока возвратиться и повременить до слѣдующаго дня, когда путешествіе должно было совершиться сообща (Ebo: III, 15; Herb.: III, 13)[2]).

На другой день Оттонъ съ своими сотрудниками отправился на кораблѣ въ Штетину. Штетинцы раздѣлялись на двѣ стороны: одни оставались вѣрны христіанству, другіе по большей части возвратились къ язычеству. Когда Оттонъ приближался къ городу, его скоро замѣтили и узнали: вѣстовщики кричали гражданамъ, что прибылъ обманщикъ, что слѣдуетъ встрѣтить его оружіемъ и отмстить за обиду боговъ своихъ. Переводчикъ передалъ объ этомъ Оттону, и тотъ облекся въ священныя одежды съ зна-

---

1) «Apostolus Pomeranorum. . . ad Stetinenses, qui a fide apostatauerant, iter suum direxit; licet multi fideles Christi et familiares sui cum ab hoc proposito reuocarent. Nam pontifices ydolorum plebem apostatam in necem eius unanimiter concitauerant. Sed ipse, nullum suorum hoc opus aggredi presumere cernens, quodam die, secreto collectis pontificalibus exuuiis colloque inpositis, sollus illo tendere cepit et, nauim ibi fortuito pretereuntem aspiciens, naulo dato eam quantocius ingredi accelerabat. Quod Vdalricus . . . animaduertens, sociis confestim indicauit. Illi pernici cursu eum insecuntur; primusque Adalbertus interpres, eum comprehendens inuitum ac renitentem domum redire eompulit». Ebo: III, 15.

2) Послѣднее обстоятельство находится только у Герборда: III, 13; вообще сжатый до темноты разсказъ Эбона — у Герборда представляется гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе: нѣтъ сомнѣнія, что онъ почерпнулъ его изъ другого источника.

меньемъ креста приготовился встрѣтить опасность. Предъ входомъ въ городъ на площади стояла церковь св. Петра, построенная Оттономъ въ первое путешествіе; сюда укрылись проповѣдники и немедленно начали божественное служеніе. Немного спустя, толпа съ шумомъ высыпала изъ городскихъ воротъ и окружила церковь съ намѣреніемъ разорить ее и предать смерти пришельцевъ; но слыша церковное пѣніе, остановилась въ нерѣшимости и долго совѣщалась, что дѣлать; наконецъ — успокоилась и ушла обратно[1]). Это было въ пятницу; слѣдующій день проповѣдники провели здѣсь же, постомъ и молитвою готовясь къ предстоящему подвигу, быть можетъ — подвигу мученичества (Herb.: III, 14; Ebo: III, 15). Между тѣмъ благоразумная часть жителей Штетины совѣщалась со жрецами и вызывала ихъ защитить свое дѣло и старую религію основательными доказательствами; извѣстный же знатный гражданинъ Вирчакъ, и прежде при всякомъ удобномъ случаѣ и мѣстѣ, въ народныхъ совѣщаніяхъ, на улицѣ и въ домахъ говорившій въ пользу христіанства, ободренный теперь присутствіемъ Оттона, дѣйствовалъ съ особенною

---

1) «Ascensa naui, prosperis flatibus Stetinam uecti sumus. Homines autem de ciuitate inter se diuisi erant, aliis adhuc in fide manentibus, aliis autem ex maiori parte ad paganismum reuersis». Herb.: III, 14. «Cum ciuitati Stetinensi appropinquassent, speculatores eos agnoscentes et considerantes ingenti strepitu ciuibus antiquum erroris magistrum superuenire acclamabant, cui cum gladiis et fustibus occurrere et — ad iniuriam deorum uindicandam — indigne tractare expediret. Quod famulus Dei cum per interpretem agnouisset, crucis uexillum erexit, pontificalibus sese indumentis preparauit eisque obuiam ire deliberauit. Primoque ecclesiam principis apostolorum, quam ante portam (ante introitum ciuitatis in area spaciosa, Herb.: III, 14) eiusdem urbis ipse exstruxerat, ingressus, debitum Christo persoluebat obsequium. . Illi uero, post modicum tumultuoso strepitu portis erumpentes (ecclesiam undique cingerent et insanis tumultibus debachantes, edem ipsam conuellendam et omnes qui erant ibi una cum magistro interficiendos clamitarent. Herb., III, 14), cum seruos Christi diuinas laudes psallere cernerent, diu multumque hesitantes et inter se quidnam agerent conferentes, tandem. . . uia qua uenerant confusi regrediuntur». Ebo: III, 15. «Unus autem ex ciuibus cui auctoritatem non sapentia solum, sed et senectus addiderat, id fieri uidens uehementer indoluit ac primo conuersus ad plebem, utquid contra inermes armata conuenerit, sciscitatur. . . . perdere homines innocentes, sine causa, sine audientia, non debere» . . . Priefl. Mon. III, 7.

ревностью[1]): онъ пришелъ къ епископу съ друзьями и родственниками, разсказалъ ему обо всемъ происходившемъ и побуждалъ къ проповѣди, обѣщая полное содѣйствіе и свое, и своихъ близкихъ (Herb.: III, 14, 15, 16). Въ воскресенье, отслуживъ обѣдню, Оттонъ, какъ былъ въ церковныхъ облаченіяхъ и предшествуемый знаменемъ креста — отправился съ своимъ клиромъ на торговое мѣсто, стоявшее среди города. Съ ними слѣдовалъ и Вирчакъ. У городскихъ воротъ, онъ дотронулся копьемъ до висѣвшаго челна и обратилъ на него вниманіе Оттона, говоря, что этимъ знакомъ хотѣлъ предложить каждому мимоидущему свидѣтельство о милосердіи божьемъ и его (т. е. епископа) заслугахъ. Сквозь густую толпу народа проповѣдники пришли на торговую площадь; тамъ стояли большія деревянныя *степени*, подымавшіяся уступами вверхъ; отсюда вѣстники и власти имѣли обыкновеніе говорить къ народу. Оттонъ съ клиромъ взошелъ на одну изъ нихъ, и когда, по движенію руки Вирчака, улегся шумъ непріязненной толпы — началъ проповѣдывать чрезъ переводчика Адальберта (Herb.: III, 17, Ebo: III, 15)[2]). Народъ не неохотно слушалъ слова епископа, но тишина продолжалась не долго. Одинъ жрецъ, «толстый и громадный», еще прежде

1) «Sapientioros quique super his rebus ipsos sacerdotes secretius conueniunt, ipsorum esse dicentes: congruis rationibus religionem suam defendere». Herb. III, 14. «Interea ciuis quidam nobilis eiusdem ciuitatis Witscacus nomine in conuentu populi, in plateis et domibus, ubicunque et quandocunque facultatem habuit, regnum Dei et fidem predicare non desiit». Herb. III, 15.

2) «Die dominico, completis missarum sollĕmpniis, sicut erat sacra indutus armatura, uexillo crucis ex more prelato, in medium forum ciuitatis duci se rogauit. Cum ad portam uentum esset, ecce, per quam sine remigio trans mare Witscacus uectus erat, nauicula poste pendebat, et admotus lateri pontificis: «Vides, ait, pater». Et feriens eam hasta: «Hanc idcirco suspendi feci ad portam, ut ingredientes et egredientes hoc facto discerent, quid in suis necessitatibus de misericordia Dei ac de tuis meritis sperare deberent». His dictis, in consertissimas turbas paganorum, ministris comitantibus, in medium forum sese intulit episcopus. Erant autem ibi gradus lignei, de quibus precones et magistratus concionari soliti erant (у Эбона: erant autem illic piramides magne et in altum more paganico murate, III, 15.) In quibus stans minister (per interpretem suum Adelbertum, Ebo, ib.) euangelii sermonem cepit, fremitum autem dissidentis populi Witscacus uice preconis manu et uoce sedabat». Herb.: III, 17.

замышлявшій гибель Оттону, услышавъ, что онъ проповѣдуетъ теперь на вѣчевомъ мѣстѣ, пришелъ въ ярость, прибѣжалъ съ палицей въ рукѣ, продрался сквозь толпу къ «степени» и сильными ударами потрясъ столбъ, на которомъ стояла она. Съ ругательствами онъ кричалъ епископу замолчать и, заглушивъ голосъ его и переводчика, укорялъ народъ, что поддался обману; онъ называлъ Оттона врагомъ народа и боговъ его, побуждалъ немедленно поразить его копьями, которыя они постоянно носили съ собою. Толпа взволновалась, нѣкоторые уже подняли руки, чтобы метнуть копья, какъ внезапно остановились. Видя ихъ бездѣйствіе, жрецъ въ ярости старался вырвать копье у одного изъ нихъ, и самъ намѣревался поразить Оттона, но также не могъ ничего сдѣлать и скоро обратился въ бѣгство[1]). Отчего произошло это — неизвѣстно, но самое событіе не могло не казаться чудеснымъ; такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли его и Оттонъ, и его спутники. Счастливо миновавъ опасность, Оттонъ сошелъ съ степени и отправился въ полуразрушенную церковь св. Адальберта; по торжественной молитвѣ, онъ ниспровергъ стоявшій вблизи языческій жертвенникъ и выбросилъ его. Это, быть можетъ, было причиною новаго народнаго волненія: толпа, вооруженная мечами

---

1) «Predicante autem eo, ecce pontifex ydolorum anhelus cucurrit (pinguis et procerus . . cambucam suam manu gestabat . . . Herb.: III, 18) multoque sudore confertissimam irrepens turbam, piramidem percussit (usque ad ipsos gradus accessit leuataque manu semel et bis columpnam graduum ualidissime percussit) ac seruum Dei obmutescere magni clamoris uirtute imperauit. Ipse enim cum suis priori nocte in necem episcopi . . . conspirauerat; sed. . . hoc frustratus est proposito. Cumque . . uirum Dei in conuentu forensi iam predicare audisset, furibundus illuc accurit ac silentium indixit. Sed famulus Domini constanter que ceperat prosecutus est. Ille autem, gracilem Adelberti uocem interpretis sua clamosa atque altisona comprimens (ait: «Sis, o insensati stulti et inertes, quare decepti et incantati estis? Ecce hostis uester et hostis deorum uestrorum?» Herb.: III, 18) magna fortitudine barbaris imperat; ut praedicatorem Christi hastis, quas more Quiritum Romanorum iugiter ferebant, transfodere non morentur. Qui, iussis eius obaudientes, cum dextras alcius ad sagittandum eum eleuassent, . . quasi saxa diriguerunt . . . Quod cernens infaustus ille ydolorum sacerdos, ira inflammatus, ignauiae eos accusare cepit unique eorum hastam manu eripere ac seruum Christi conatus est transfodere. Nec mora et ipse diriguit; pudoreque actus in fugam conuertitur». Ebo: III, 16.

и палками, окружила церковь и снова грозила смертью проповѣдникамъ; но и на этотъ разъ ушла, не сдѣлавъ имъ никакого вреда. При такомъ расположеніи умовъ, знатный Вирчакъ и его друзья настоятельно убѣждали Оттона уйти скорѣе изъ города, говоря что иначе, окруженный коварствомъ жрецовъ, онъ погибнетъ; но епископъ отказался. На нѣкоторое время, казалось, гроза утихла: назначено было чрезъ двѣ недѣли собраться вѣчу, на которомъ жрецы и народъ должны были окончательно рѣшить: примутъ ли они христіанство или откажутся отъ него[1]). Народъ, такимъ образомъ, выжидалъ дальнѣйшаго, а Оттонъ, воспользовавшись спокойствіемъ, заботился о возстановленіи церкви св. Адальберта, которое предпринялъ на свои деньги (Ebo: III, 16; Herb.: III, 18). Онъ часто посѣщалъ этотъ храмъ, и однажды встрѣтилъ игравшихъ на улицѣ дѣтей, поздоровался съ ними на ихъ родномъ языкѣ и, какъ будто въ шутку, благословилъ знаменьемъ креста; онъ шелъ далѣе, какъ замѣтилъ, что всѣ они, оставивъ игры, съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдовали за нимъ и разсматривали незнакомыхъ людей. Оттонъ остановился и спросилъ: нѣтъ ли между ними принявшихъ крещеніе? Такіе нашлись, и епископъ, взялъ ихъ на сторону — спрашивалъ, желаютъ ли они сохранить ту вѣру, въ которой крещены? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ говорилъ, что, какъ христіане, они не должны быть вмѣстѣ съ язычниками и допускать ихъ къ своимъ играмъ. Сейчасъ же крещеные отдѣлились отъ некрещеныхъ и,

1) «Descendens uero de gradibus, ecclesiam S. Adalberti cum fidelibus uisitauit ac, premissa inibi orationis sollempnitate, altare abhominationis fregit, comminuit et eiecit». Herb. III, 18. «Interea barbari cum gladiis et fustibus congregati portam ecclesiae ambiunt, seruos Dei ad mortem expetunt; sed mox.. in fugam conuertuntur. Tunc Wirtschachus princeps... cum ceteris familiaribus episcopi superuenit, omnimodis eum deposcens, ut ab urbe secederet, priusquam perfidia sacerdotum circumuentus, morti succumberet. Abnegat presul beatissimus.. Indicitur ergo generale colloquium post quatuordecim dies, in quo certa diffinicione sacerdotes cum plebe iugum Christi aut susciperent, aut penitus abdicarent». Ebo: III, 16. Нѣкоторыя, впрочемъ глухія, выраженія Эбона даютъ, какъ будто бы, поводъ заключать, что вѣчевыя ступени стояли за городомъ, а не въ срединѣ его на торговомъ мѣстѣ но ясныя показанія Герборда прямо этому противорѣчатъ; cf. Herb.: II, 36.

переставъ играть съ ними, отворачивались отъ нихъ. Гордясь своимъ христіанствомъ, они запросто и смѣло обращались съ епископомъ и слушали его даже среди игръ; некрещеные же стояли поодаль въ замѣшательствѣ и какъ будто въ испугѣ. Оттонъ, дѣтскою, понятною рѣчью, укрѣпилъ въ вѣрѣ первыхъ и столь долго убѣждалъ послѣднихъ, что и они возжелали принять крещеніе и стать христіанами (Herb.: III, 19).

Кажется, еще до общаго окончательнаго вѣча — происходило предварительное обсужденіе дѣла: старѣйшины и благоразумные люди долго совѣщались между собою о предстоящемъ дѣлѣ, интересахъ города и отечества; въ особенности тщательно взвѣшивали они слова и поступки Оттона; наконецъ — рѣшили снова обратиться въ христіанство и окончательно, безповоротно отказаться отъ язычества. На этомъ разошлась сходка. Ночью пришелъ къ епископу Вирчакъ съ немногими друзьями: онъ самъ присутствовалъ въ собраніи и теперь кратко разсказалъ о происходившемъ (Herb.: III, 20) [1]. Въ назначенный день — въ большомъ, удобномъ для совѣщанія зданіи, помѣщавшемся въ срединѣ города на холмѣ Триглава, гдѣ стоялъ замокъ князя — собралось вѣче; на немъ присутствовали знатные люди, жрецъ и старѣйшины, явился и Оттонъ. Когда воцарилось молчаніе, онъ спросилъ, что рѣшили они: желаютъ ли принять божественную религію, или останутся при служеніи князю тьмы? Одинъ изъ жрецовъ отвѣчалъ, что какъ прежде, такъ и теперь, и всегда они твердо будутъ чтить боговъ отцовъ своихъ, и потому — напра-

---

1) «Interim uero maiores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi consederant et, a mane usque ad medium noctis huic deliberationi uacantes, de salute propria et tocius populi, de statu ciuitatis et conseruatione patrie secundum prudentiam seculi diligenter disputabant. Precipue autem uniuersa, que Ottonis erant, dicta uel facta examussim trutinabant; et.. in hanc sententiam omnes communiter cedunt, ut funditus exstirpata ydolorum cultura, ex intergo se religioni christiane submittant. Atque in hoc uerbo concilium soluunt. Witscacus autem, qui omnibus his intererat, nocte ipsa cum paucis ad episcopum ueniens, optatum nuncium affert, omne consilium ei breuiter insinuans». Herb.: III, 20. Причина, почему мы принимаемъ это совѣщаніе въ смыслѣ *предварительнаго* — объяснена въ слѣдующей выноскѣ.

сенъ трудъ и слово его. Возмущенный Оттонъ грозилъ имъ вѣчною мукою и, поднявшись съ мѣста, возложилъ на себя столу и готовился предать ихъ проклятію. Увидѣвъ это, знатные люди просили его остановиться на нѣкоторое время, сами же, оставивъ жрецовъ въ домѣ, вышли для отдѣльнаго совѣщанія и скоро единодушно рѣшили отказаться отъ язычества и принять христіанство. Знатнѣйшій изъ нихъ Вирчакъ, войдя къ епископу, объявилъ, что онъ и знатные люди — правители опредѣлили: жрецовъ, зачинщиковъ всякаго зла — изгнать изъ предѣловъ отечества и во всемъ, что касается дѣла религіи — слѣдовать его, Оттона, руководству и наставленію. Узнавъ такое рѣшеніе, жрецы поспѣшно удалились, и съ той поры ни одинъ изъ нихъ болѣе не появлялся въ той мѣстности. Оттонъ же съ своими сотрудниками приступилъ къ уничтоженію языческихъ капищъ [Ebo: III, 16] [1]).

1) Statuta die antistes Domini montem Trigclaui in media ciuitate, ubi sedes erat ducis, ascendit magnamque domum, huic colloquio oportunam, intrauit. Assunt principes cum sacerdotibus natuque maioribus, et facto silencio uir Domini sic ait:.... «ex ore uestro audire desidero, utrum dm. meu Iesu Christo an principi tenebrarum diabolo seruire disposuistis». Respondens unus sacerdotum: «Non, inquit, tanto tempore colloquium hoc differi oportuit; quia et pridem et nunc et semper deos patrum nostrorum colere fixum est nobis; ideoque noli frustra laborare, sermo tuus non capit in nobis». Quibus auditis, uir Domini.... de loco suo consurgens, arma spiritualia arripit, stolam collo inponit, ut eos anathematis uinculo astringat. Quo uiso principes... uestigiis eis aduoluntur, humiliter supplicantes, ut... adhuc breuissimi spacium colloquii eis indulgeat. Annuit statim presul piissimus... principes ergo, relictis in domo sacerdotibus, egressi, unanimiter fidem Christi, abdicatis ydolatrie sordibus, receperunt. Primusque Wirtschachus, nobilissimus eorum, ad seruum Dei ingressus, hanc pro omnibus dedit rationem: Ego, pater honorande, cum primatibus hunc locum regentibus.. pari uoto in hoc conuenimus: ut sacrilegos istos sacerdotes, omnium malorum incentores, longe a terminis nostris eliminemus, teque ducem et preceptorem in uiam salutis eterne auida mente sequamur».... Quo audito, cuncti sacerdotes ydolorum sine mora surgentes pernici fuga elapsi sunt, ita ut nullus eorum deinceps ibi comparuerit. Antistes autem Domini.. confestim delubra ydolorum cum suis destruere cepit». Ebo: III, 16. Сравнивая Эбоновъ разсказъ о сеймѣ съ вышеприведенымъ Гербордовымъ, мы встрѣчаемъ между ними такія несогласимыя разности, что почти становится невѣроятнымъ, чтобы дѣло шло объ одномъ и томъ же происшествіи; невѣроятнымъ также кажется, чтобы рѣшеніе такого важнаго дѣла, каково принятіе христіанства, могло произойти такъ, какъ передаетъ его Эбонъ, т. е. вдругъ, безъ предварительныхъ совѣщаній и обсужденій. Вотъ почему, въ видѣ предположенія — мы обособляемъ оба разсказа въ отдѣль-

Затѣмъ, когда остававшіеся въ язычествѣ были крещены, а отпадшіе отъ христіанства присоединены къ церкви, случилось происшествіе, необычайность котораго проповѣдники объясняли особеннымъ благоволеніемъ божьимъ. Штетинскіе рыболовы поймали въ рѣкѣ Одрѣ двухъ необычайной величины камбалъ, которыя встрѣчались тамъ только весною, а не осенью [это было именно въ августѣ]. Изумленные такой ловлей, они принесли ихъ въ даръ проповѣдникамъ, объясняя, что имъ никогда не случалось видѣть этой рыбы въ настоящее время года; камбалы были — будто-бы такъ велики, что Оттонъ со всею свитою кормились ими въ продолженіи двухъ недѣль и еще удѣлили часть нѣсколькимъ знатнымъ людямъ [Ebo: III, 17][1]. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Штетины находилось какое-то языческое святилище; разрушеніе его Оттонъ поручилъ своему вѣрному и близкому Удальрику. Тотъ отправился, но немногіе еще остававшіеся приверженцы язычества, замѣтивъ съ городской стѣны, куда онъ шелъ, старались поразить его въ голову камнями и бревнами. Хотя Удальрикъ и остался невредимъ, но долженъ былъ возвратиться назадъ. Когда Оттонъ узналъ объ этомъ, онъ облекся въ церковныя облаченія, и съ знаменемъ креста самъ отправился на опасное предпріятіе. Приверженцы язычества на этотъ разъ не посмѣли напасть на него: они разсѣялись и скрылись по сво-

---

ные факты *совѣщаніе предварительное* [изложенное у Герборда] и *собственный сеймъ* [описанный Эбономъ]. Конечно это обособленіе — далеко не историческая достовѣрность и принимается только *по необходимости*, но оно вполнѣ удовлетворяетъ *нашей* цѣли.

1) «Piscatores Stetinensium autumpnali tempore, quo hec christiane milicie rudimenta agebantur [т. е. 1127 г.], ad fluuium Odoram progressi, quos insolite magnitudinis rombones apprehendunt, quorum occursus non nisi uerno tempore esse solet. Obstupefacti illi nouam hanc capturam, nouis predicatoribus celitus prouisam, inter se conferunt; moxque apostolo suo cum hec iocundo munere occurentes, aiebant: nunquam in illis partibus rombones autumpnali tempore uisos... Erant autem rombones tante uastitatis et longitudinis, ut seruo Dei cum uniuerso comitatu suo per quatuordecim dies sufficientem preberent alimoniam, ita ut nobilibus etiam quibusque ex eadem copia reliquie honorabiliter partirentur». Ebo: III, 17.

нмъ убѣжищамъ. Разрушивъ святилище, Оттонъ на возвратномъ пути нашелъ огромное орѣховое дерево, подъ которымъ протекалъ источникъ: они были посвящены какому-то божеству. Не медля, епископъ приказалъ срубить дерево; но пришедшіе Штетиняне усильно просили не дѣлать этого; ибо бѣднякъ, стороживщій орѣшникъ, продажею его поддерживалъ свое скудное существованіе; сами же они клятвенно увѣряли, что навсегда запретятъ жертвоприношенія языческому божеству, которыя совершались въ этомъ мѣстѣ. Оттонъ благоразумно уступилъ ихъ просьбѣ; но покамѣстъ шли переговоры, внезапно явился сторожъ дерева и, подойдя къ епископу сзади, размахнулся сѣкирою и хотѣлъ поразить его; по счастію — ударъ былъ невѣренъ и сѣкира, миновавъ Оттона, вонзилась въ мостъ, на которомъ стоялъ онъ, и такъ глубоко засѣла въ деревѣ, что бросившій съ трудомъ могъ вытащить ее [1]). Увидя это, переводчикъ Адальбертъ пораженъ былъ ужасомъ, онъ быстро бросился, вырвалъ сѣкиру изъ рукъ варвара и скрылъ ее; всѣ другіе окружили виновника и грозили ему смертью. Заступничество Оттона спасло его; Адаль-

1) «Erat autem fanum quoddam longius remotum, ad quod deiciendum fidelem et familiarissimum sibi Vodalricum sacerdotem religiosum direxerat. Sed pauci qui remanserant fautores ydolorum, de mure prospicientes eum illo tendere, iactu lapidum et lignorum caput eius conterere moliebantur. Qui tamen illesus euasit, reuersusque ad pium patrem Ottonem, insidias eorum retexuit. Vir Domini, statim elato crucis uexillo ac pontificali redimitus infula, semet ipsum huic periculo ingerere non dubitauit; cuius presenciam barbari non ferentes, hac illacque dispersi, fuge latibula quesiere. Destructo igitur fano, cum uir Dei reuerteretur, arborem nuceam pregrandem ydolo consecratam cum fonte, qui subter fluebat, inuenit; quam statim succidere suis imperauit. Accedentes uero Stetinenses suppliciter rogabant: ne succideretur; quia pauperculus ille custos arboris ex fructu eius uitam alebat inopem. Se autem, iureiurando affirmabant, sacrificia, que illic demóniis exhibebantur, generale edicto perpetualiter inhibere. Quorum petitioni doctor piissimus, dictante equitatis ratione, nauiter annuit. Dum uero mutuis hec conferunt sermonibus, ecce barbarus ille custos arboris [agri possessor Herb.: III, 22] ex inprouiso accurrit, seruoque Dei post tergum clam assistens, eius sanctum uerticem francisca annisu forti appeciit [securim bellicam utrisque manibus leuans, caput episcopi ferire nisus est, Herb. ib.]. Sed.. frustrato ictu, ponti firmo tabulatu strato, cui tum forte superstabat, franciscam tam ualide infixit, ut dificultas extrahendi moram percussori faceret». Ebo: III, 18.

бертъ относилъ это чудесное спасеніе къ покровительству божію, говоря, что сторожъ орѣшника владѣлъ природнымъ талантомъ и такъ былъ искусенъ въ метаніи копья и ударѣ сѣкиры, что безошибочно могъ попасть въ самую средину небольшаго отверстія [Ebo: III, 18, 19] [1]).

Оттонъ исполнилъ въ Штетинѣ все, чего требовала его духовная обязанность; онъ хотѣлъ теперь возвратиться въ Узноимъ; но граждане пришли и убѣдительно просили его утишить раздоръ, возникшій между ними и княземъ Вартиславомъ. Оттонъ обѣщалъ, но требовалъ, чтобы Штетиняне съ своей стороны отправили вмѣстѣ съ нимъ почетныхъ пословъ, которые, въ случаѣ, если князь имѣетъ какія жалобы, могли бы разъяснить ихъ и потомъ увѣдомить своихъ согражданъ о дѣлахъ состоявшагося мира. Послы были снаряжены и во время пути могли оказать Оттону добрую защиту, ибо ему снова готовилась гибель. Два жреца устроили засаду съ цѣлью убить его: они тайно отправили впередъ толпу воиновъ [числомъ 84], которые въ одномъ узкомъ водномъ проходѣ должны были напасть на епископа, отрубить ему голову и доставить ее жрецамъ. При приближеніи Оттона засада дѣйствительно выбѣжала и готова была сдѣлать нападеніе, но, встрѣтивъ въ послахъ своихъ согражданъ и друзей и узнавъ, по какому дѣлу они ѣдутъ съ епископомъ, оставила враждебныя намѣренія и удалилась [2]). Разсказывали потомъ, что и

---

1) «Quo uiso Adalbertus interpres, nimio terrore concussus, perniciter franciscam barbari manibus eripit et abscondit; omnesque.. sacrilegum inuadunt et mortem ei intentant. Sed pietas Ottonis, ne quid mali homicida patiatur, obsistit eique licet indigno uitam et salutem impetrat. Adalbertus autem montem S. Michaelis babenbergensem deuota inclinatione salutans, ait....: «barbarus iste, naturali ingenio callens, ita sagittandi uel manu feriendi peritia est imbutus, ut etiam angusti foraminis orbem non frustrato ictu oppetere idoneus esset». Ebo: III, 19.

2) «Igitur confirmatis in fide et doctrina Domini Stetinensibus cum uir Dei Vznoim redire disponeret, accedentes ad eum urbis eiusdem ciues suppliciter rogabant, ut discordiam, que inter eos et ducem Wortizlaum conflata erat, suo interuentu dissolueret. Ad hec ille: «Faciam, inquit, ut uultis; sed peto, legatos honorabiles ex parte uestra mecum dirigi, qui pacis huius munia uobis reportent et

оба жреца погибли неестественною смертью: одинъ пораженъ былъ ударомъ, другой — впалъ въ какое-то помѣшательство и былъ повѣшенъ своими же соотечественниками [Ebo, III, 20]. Въ Волинѣ Оттонъ не встрѣтилъ никакого противорѣчія: какъ прежде Волынцы отпали отъ христіанства, слѣдуя примѣру Штетинянъ, такъ теперь, по обращеніи послѣднихъ, легко обращались и первые, потому что у Волынцевъ считалось какъ бы правиломъ поступать во всемъ по примѣру Штетины [Herb. III, 25] [1]). Народъ вѣрилъ въ особое могущество Оттона, потому часто прибѣгалъ къ нему въ своихъ нуждахъ: такъ приходилъ одинъ воинъ, прося о помощи для сына, страдавшаго лунатизмомъ и предлагая въ подарокъ двѣ пары быковъ; приходила какая-то слѣпая женщина, прося объ исцѣленіи. Оттонъ помогалъ каждому — сколько могъ, увѣщевалъ гражданъ помнить прежнія бѣдствія и не возвращаться болѣе къ поклоненію Юлу [sic!] и его копью, къ обожанію идольскихъ изображеній или истукановъ. Приспѣвшее время жатвы нерѣдко заставляло поселянъ нарушать христіанскіе праздники, и по этому поводу разсказывали о

---

si dux iuste aliquid habet querele, de obiectis rationem reddant». Confestim legati Stetinensium bono pastori assignantur, qui etiam non paruo in eadem uia presuli almo fuere presidio. Nam quo pontifices ydolorum uiro Dei mortis laqueos intenderunt; ut milites octoginta quatuor clam premiserant, qui cum obseruantes in reditu ingularent et caput eius palo infixum sibi remitterent... Cum ergo milites.. uirum Dei nauigantem aspexissent, ex insidiis erumpentes, quo tenderet, clamosa uoce requirunt. Respondentes legati Stetinenses, cur hoc inquirerent, uicissim percunctantur. At illi, uoces ciuium et amicorum suorum agnoscentes, gradum sistunt seque presentiam eorum illic nescisse fatentur». Ebo. III, 20. Кажется одно только стремленіе придать литературную обработку простому разсказу Эбона, и ничто иное, увлекло Герборда [III, 24] въ сторону: онъ передаетъ происшествіе нѣсколько иначе, чѣмъ Эбонъ, рисуетъ напр. цѣлую картину схватки между проводниками Оттона и засадой, но при всемъ томъ, не прибавляетъ къ своему источнику ни одной существенной, самостоятельно важной черты.

1) «Sicut enim exemplo Stetinensium pridem a fide recesserant, ita denuo, conuersis illis, facile conuertebantur. Illos enim per omnia imitari, quasi pro sententia eis fuit». Herb. III, 25.

нѣкоторыхъ чудесныхъ наказаніяхъ, постигшихъ виновныхъ [Ebo. III, 21, 22; Herb.: III, 26, 27, 29] [1]).

Изъ Волына Оттонъ, вмѣстѣ съ послами Штетины, отправился въ Каминъ къ князю Вартиславу и былъ съ почетомъ встрѣченъ имъ и всѣмъ народомъ. Объяснивъ князю дѣло, по которому пришелъ, онъ просилъ его о мирѣ. Вартиславъ отвѣчалъ, что Штетинцы — народъ упорный, не уважали ни Бога, ни людей и долгое время безчестили землю его, опустошая ее своими грабежами и разбоями, то такъ какъ теперь ихъ буйство укрощено Оттономъ, то они и могутъ, при его посредничествѣ, получить желанный прочный миръ. Немедленно затѣмъ послы Штетины, отказались отъ прежней неправды, приняли отъ князя поцѣлуй мира и принесли должную благодарность Оттону за примиреніе; потомъ они купили необходимые припасы — чего прежде, находясь въ враждѣ, никакъ не смѣли сдѣлать — и довольные, ушли обратно къ своимъ [Ebo: III, 23] [2]).

---

1) «Miles quidam, habens filium lunaticum, seruo Dei eum adduxit; boues quatuor, ut sanitati puerum restitueret, obtulit». Ebo: III, 21. «Moneo, ut, illius calamitatis memores, nec Iulium ipsum nec Iulii hastam nec statunculos ydolorum uel simulacra ullo modo colatis denuo».. Herb.: III, 26. «Accidit in festo beati Laurencii ut presbiter quidam ex comitatu Ottonis nomine Bockeus preteriens uideret rusticos in agro frumenta metentes.... et ecce ignis Dei cecidit e celo tactasque messes eorum.. consumpsit». «Item in urbe Games dicta rusticus quidam cum coniuge sua ad metendum exierat in solempnitate assumptionis Dei genitricis Marie perpetue uirginis.... et ecce cecidit retrorsum et expirauit; partemque segetis, quam metendo apprehenderat etiam moriens manu retinuit». Ebo: III, 22.

2) «Igitur pontifex cum legatis Stetinensium ad ducem Pomeranie tendens, urbem Gaminam adiit. Vbi occurente sibi duce Wortizlao cum omni plebe, debita reuerencia.. exceptus est, [et] causam pro qua uenerat tractare cepit.. Dux.. benigne humiliterque respondit:... «Populus iste, pro quo petis, dure ceruicis est nec Deum nec homines reueretur; multo iam tempore rapinis et latrociniis regnum meum uastando maculauit. Sed tu, pastor dulcissime, efferos mitigasti..; ideoque pacis firmissime gaudia deinceps, te mediante, obtineant». Statimque legati Stetinensium, uestigiis eius aduoluti, omnem prioris discordie occasionem penitus abdicarunt, pacisque osculo a duce percepto, beato pontifici debitas reconciliationis huius gracias egerunt. Emptisque, prout uolebant, necessariis, quod antea discordes nullo modo presumpserant in sua ovantes remearunt». Ebo: III, 23.

Между тѣмъ Руяне, узнавъ, что Штетиняне безъ ихъ совѣта и участія приняли христіанство, порушили союзъ съ ними, прервали торговлю и всякія взаимныя сношенія торговыхъ людей. Ненависть ихъ къ Штетинянамъ росла постепенно и вскорѣ перешла въ открытую вражду: они удалили отъ своихъ береговъ корабли Штетинянъ и, по общему приговору, постановили считать ихъ врагами; слыша же, что Оттонъ имѣетъ намѣреніе прибыть въ Руяну съ проповѣдью, они, подъ угрозой смерти, объявили ему запрещеніе вступать въ ихъ предѣлы. Съ тѣхъ поръ Руяне частыми обидами раздражали Поморянъ и наконецъ, вторгнулись съ военными кораблями въ область Штетинянъ. Несмотря на то, что они были нѣсколько разъ съ урономъ отражены, они не хотѣли прекратить войны; тогда Штетиняне постановили вооружиться и, при новомъ нападеніи Руянъ, выступивъ противъ нихъ соединенною силою, нанесли имъ рѣшительное пораженіе. Руяне бѣжали, оставивъ многихъ плѣнныхъ, и съ той поры не тревожили болѣе Штетинянъ, которые вскорѣ чрезъ плѣнниковъ вынудили ихъ къ унизительному мирному договору [1]). Оттонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы привести Руянъ къ христіанству: прежняя угроза ихъ не устрашала его, онъ

1) «Interea Rutheni, comperta fide et conuersione Stetinensium [grauiter indignati, quod sine respectu et consilio eorum christianam subissent legem, Ebo.: III, 23].. a societate illorum se auertunt; commercia omnia mutuaque negocia institorum ex indignatione abrumpentes. Isti autem, sepenumero a multis predicatoribus ad fidem uocati, de integro nunquam uenire uoluerunt; sed aliis interdum credentibus, alii non credebant. Atque ex maiore parte paganicis ritibus degentes semina fidei illic conualescere non sinebant.. Rutheni ergo paulatim crescente odio Stetinensibus publice aduersari ceperunt; et primo quidem naues illorum a littoribus suis arcent, post etiam ex communi decreto hostes eos haberi statuunt, Ottoni episcopo mandantes — audierant enim, quod illo ad predicandum uenire uelet — ne unquam fines eorum attingeret. Dicebat enim, nichil eum apud se inuenturum nisi acerbas penas et mortem certissimam». Herb.: III, 30. «Rutheni autem crebris insultibus Pomeranos lacessunt et Stetinensium fines armatis nauibus perturbant. Cumque semel et bis repercussi, a bello cessare noluissent, Stetinenses ex consilio communi arma tractare ceperunt atque iterum venientibus coadunatis uiribus occurrere. Sed quid plura? Tanta strage Rutheni fusi sunt et tanti ex eis in captiuitatem redacti, ut, qui euadere potuerunt, nullum ultra uictoribus bellum intulerint».. Herb.: III, 31.

привыкъ итти на встрѣчу опасности; но одно особое обстоятельство остановило исполненіе его замысла: въ числѣ людей, окружавшихъ его въ Волынѣ, находилось нѣсколько Штетинянъ, людей добрыхъ и разумныхъ, хорошо знакомыхъ и съ мѣстностью, и съ нравами Руянъ; на вопросъ епископа, не согласятся ли они провести его въ Руяну, они много разсказывали ему о происхожденіи, свирѣпыхъ нравахъ, непостоянствѣ въ вѣрѣ и звѣрскомъ образѣ жизни этого народа, говорили также, что онъ, должно быть, подчиненъ власти архіепископа датскаго [1]). Узнавъ объ этомъ, Оттонъ не рѣшился своевольно вмѣшиваться въ дѣла чужой епархіи, но думая, что датскому архіепископу пріятно будетъ, если Руяне обратятся въ христіанство, онъ отправилъ къ нему съ письмомъ и подарками пресвитера Ивана, испрашивая на это дѣло его дозволенія. Архіепископъ былъ добрый и простой человѣкъ, необыкновенной учености и благочестія, но во внѣшнемъ — отличался славянской деревенщиной; да и жители той страны, не смотря на свое благосостояніе и богатство, отличались какою-то общею грубостью, были необразованы и мужиковаты. Города и крѣпости не укрѣплялись тамъ стѣнами и башнями, а деревяннымъ частоколомъ и рвами; церкви и дома знатныхъ людей — очень бѣдны и убоги на видъ. Занятіе жителей состояло въ охотѣ, рыбной ловлѣ, пастушествѣ стадъ, ибо въ стадахъ заключалось все ихъ богатство; земледѣліемъ же занимались рѣдко; въ образѣ жизни и одеждѣ у нихъ не было ни роскоши, ни изящества [2]). Архіепископъ много разспрашивалъ Ивана объ

1) «Stetinenses quidam uiri boni et prudentes in comitatu episcopi erant Iuline, gnari locorum prouinciarum et morum cuiusque gentis. Hos ergo episcopus paulatim interrogationibus pretemptabat, scire uolens, si quomodo eum illuc [т. е. въ Руяну] perducere uelint. Ad illi de origine Ruthene gentis, de feritate animorum et de instabilitate fidei et bestiali eorum conuersatione multa ei narrantes, etiam hoc, quod archiepiscopo Danorum subiecti esse debuerint, non tacebant». Herb.: III, 30.

2) «Erat [archiepiscopus] uir bonus et simplex. . non mediocris scientie ac religionis, in exterioribus tamen Sclauice rusticitatis. Nam et homines terre illius tales sunt, un in maxima ubertate atque diuitiis generali quadam duritia omnes inculti uideantur et agrestes. Vrbes ibi et castra sine muro et turribus ligno tan-

Оттонѣ, его ученіи и дѣлахъ; касательно же главнаго предмета посольства отозвался, что не можетъ дать никакого отвѣта, пока ни спроситъ совѣта князей и знатныхъ людей земли. Иванъ не желалъ такъ долго оставаться въ Даніи, потому просилъ архіепископа отпустить его обратно; тотъ дружественно простился съ нимъ, послалъ Оттону письмо, подарки и цѣлую лодку масла въ знакъ любви и дружбы, обѣщалъ, что немедленно спроситъ мнѣнія князей и увѣдомитъ о томъ Оттона (Herb. III, 30).

Послѣдній не дождался, однако, этого увѣдомленія: онъ исполнилъ все, что могъ и что долженъ былъ исполнить въ отношеніи къ народу, за христіанское просвѣщеніе котораго онъ взялся. Изъ тьмы грубаго язычества онъ вывелъ и твердо поставилъ его на широкую дорогу религіи историческаго человѣчества. Сверхъ того, Лотаръ нетерпѣливо требовалъ его возвращенія, грозя, въ противномъ случаѣ, ущербомъ церковнаго интереса. Вотъ почему — Оттонъ рѣшился воздержаться отъ увлекательнаго подвига озарить свѣтомъ христіанства коренную страну славянскаго язычества, темное царство Свантовита. Простившись съ друзьями, близкими и знакомыми, онъ отправился въ обратный путь около конца ноября, навѣстилъ по дорогѣ еще разъ своего друга, князя польскаго, и прибылъ наконецъ въ Бамбергъ 20 декабря 1127 года, встрѣченный радостнымъ клиромъ и всѣмъ народомъ.

Въ подвигѣ Оттона нѣмецкіе историки видятъ прочный почипъ распространенія и утвержденія нѣмецкой народности на сѣверѣ Европы; это дѣло внушаетъ имъ гордое чувство національ-

---

tum et fossatis muniuntur; ecclessie ac domus nobilium humiles et uili scemate. Studia hominum aut uenatio aut piscatio est uel pecorum pastura. In his etenim omnes diuicie illorum consistunt; siquidem agrorum cultus rarus ibi est. Porro in uictu uel in habitu uestium parum lauti habent aut pulchritudinis». Herb.: III, 30.

наго торжества, они цѣнятъ въ немъ только побѣду нѣмецкаго начала надъ славянскимъ.

Съ иною мыслью и инымъ чувствомъ взглянетъ на подвигъ Оттона славянинъ: онъ оцѣнитъ преимущественно чистоту побужденій, безкорыстіе и человѣчественное благородство дѣйствій поморянскаго апостола; не встрѣчаясь въ исторіи отношеній нѣмцевъ къ балтійскимъ славянамъ ни съ чѣмъ подобнымъ, онъ, можетъ быть, увидитъ въ дѣлѣ Оттона прямой упрекъ нѣмецкому началу; но, во всякомъ случаѣ, онъ благословитъ это лицо, которое въ вѣка корысти и насилія умѣло сохранить чистоту и достоинство дѣйствій, которое съ братскою любовью отнеслось къ славянину-язычнику и признало въ немъ равноправнаго себѣ человѣка.

Къ критикѣ свидѣтельствъ.

Выше (стр. 307—321) мы разсмотрѣли общія свойства и характеръ «Жизнеописаній» Оттона, какъ источниковъ славянской исторіи и древности. Теперь, изложивъ весь заключающійся въ нихъ славянскій матерьялъ — необходимо дать ему болѣе близкую критическую оцѣнку, такъ сказать распредѣлить составныя части его по степени ихъ достовѣрности и исторической важности.

Весь запасъ свѣдѣній о балтійскихъ славянахъ, находящійся въ произведеніяхъ Эбона и Герборда, распадается на два, существенно различные отдѣла: а) *фактовъ въ собственномъ смыслѣ*, б) *мнѣній, сужденій, объясненій и выводовъ изъ фактовъ*.

Къ тому, что сказано нами о правдивомъ характерѣ сообщеній Сефрида и Удальрика и о ихъ умѣніи наблюдать явленія, находимъ нужнымъ прибавить слѣдующее. Мы замѣчали уже (стр. 312, 316), что оба сотрудника Оттона были хорошо по своему времени образованы. Образованіе ихъ не ограничивалось книжною монастырскою ученостью, а было — столько же образованіемъ ума, сколько и вкуса или эстетическаго чувства. XII вѣкъ былъ временемъ высшаго процвѣтанія тк. изв. романскаго искусства (стиля). «Это — пора противуборства великихъ всемірно-историческихъ силъ, на которыхъ коренилась средневѣковая жизнь, пора фантастически восторженнаго увлеченія крестовыми походами, глубоко возбужденнаго движенія и вмѣстѣ — новаго сосредоточенія внутреннихъ силъ. Такая усиленная многоподвижность, при обновившемся въ то время углубленіи внутренняго чувства — сообщается и художественному стремленію; простота

стиля, господствовавшая въ IX вѣкѣ, уступаетъ мѣсто болѣе обильному, живѣе расчлененному развитію, въ которыхъ существо романизма находитъ себѣ полнѣйшее выраженіе. Архитектура и въ эту эпоху остается рѣшительно господствующимъ и опредѣляющимъ элементомъ.. она вступаетъ въ тѣснѣйшую связь съ изобразительными искусствами, предлагая совсѣмъ новый, небывалый просторъ для ихъ дѣятельности; въ то-же время, при живѣйшемъ возбужденіи фантазіи, она обогащается бездною новыхъ, орнаментическихъ видообразованій; но и фигурный элементъ и орнаментика — все покоряется ея высшему закону въ совершенной подчиненности и въ строжайшемъ, схематическомъ порядкѣ»[1]). Много превосходныхъ, образцовыхъ созданій христіанской архитектуры относится къ этой эпохѣ... Самъ Оттонъ съ особенною ревностью заботился о построеніи новыхъ, передѣлкѣ и украшеніи старыхъ церквей согласно съ новыми художественными требованіями времени: біографы его представляютъ подробныя извѣстія объ этой религіозно-художественной сторонѣ его дѣятельности[2]). Потому, нельзя, да и незачѣмъ — думать, что Удальрикъ и Сефридъ, люди образованные и столь близкіе къ бамбергскому епископу, оставались чужды художественнымъ интересамъ эпохи и своего патрона; они не могли быть имъ чужды даже и тогда, когда упорно пожелали бы этого: видимая дѣйствительность есть такая образовательная школа, отъ вліянія которой никто не бываетъ властенъ уклониться по своей прихоти или произволу. Эстетическое образованіе Удальрика и Сефрида для насъ — очень важно: оно служитъ порукою истины извѣстій ихъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ и фактахъ славянской жизни, которые вызываютъ со стороны ихъ хвалу и признательное удивленіе. Образованный и развитой вкусъ нерѣдко можетъ найти

1) Ф. Куглеръ: Руководство къ исторіи искусства, рус. переводъ 1869, стр. 429—30.

2) Ebonis Vita Ottonis, I, 4, 17, [18], 21, [22]; Herbordi Dialogus in prooem, I, 11, 13; 21—2, 26.

грубость въ произведеніяхъ изящныхъ, но едва-ли когда назоветъ изящнымъ что-нибудь дѣйствительно грубое.

Совершенно иное представляется намъ при оцѣнкѣ такихъ свидѣтельствъ и извѣстій нашихъ памятниковъ, которыя говорятъ о фактахъ и историческихъ явленіяхъ, выходившихъ изъ отношеній проповѣдниковъ къ туземцамъ. Здѣсь, чтобы стать на твердыя основанія — необходимо прежде прочаго войти въ образъ мыслей, интересы и взаимныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ. Передъ нами въ отвѣтѣ двѣ собирательныя личности: бамбергскіе миссіонеры и туземцы — Поморяне. Нельзя ожидать, чтобы нѣмецкіе проповѣдники отправлялись въ дальній сѣверный край, къ варварамъ-язычникамъ безъ всякихъ предубѣжденій: общая молва времени, разсказывавшая о предательскихъ нравахъ и невѣроятной звѣрской жестокости славянъ, печальная судьба многихъ христіанскихъ проповѣдниковъ, нашедшихъ на сѣверѣ кончину мучениковъ, свидѣтельство Бернгарда о своей неудачѣ, наконецъ — самое письмо Болеслава III, гдѣ довольно ясно выдавалось боязливое нежеланіе польскаго духовенства итти на проповѣдь къ «грубымъ варварамъ», и отзывы поляковъ, для которыхъ Поморяне были предметомъ ненависти и политическаго озлобленія — все это напередъ должно было породить въ умахъ бамбергскихъ проповѣдниковъ мрачные, непривѣтливые образы. Они шли въ страну ужаса и нечестія, въ развращенное царство діавола, шли, правда, съ рѣшимостью, но — едва ли со спокойнымъ духомъ, едва-ли безъ тревожныхъ предубѣжденій. Естественно, что сужденіе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могло быть правильнымъ: на многое они должны были глядѣть тк. скз. закупленными глазами, понимать и объяснять его по своимъ готовымъ понятіямъ, иногда вовсе не отвѣчавшимъ сущности предметовъ и явленій.. Сблизившись болѣе съ народомъ, они нерѣдко возвышаются надъ національными и религіозными предубѣжденіями, но вполнѣ освободиться отъ нихъ — не могутъ. Потому нерѣдко видятъ вражду, коварство, злой умыселъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было и чудомъ объясняютъ самыя обыкновен-

ныя, простыя явленія. Была и другая причина возможности неправильнаго взгляда и пониманія миссіонеровъ: чужеземцы, незнакомые съ славянскою рѣчью, они сносились съ народомъ и дѣйствовали чрезъ переводчиковъ и, такимъ образомъ, во многихъ воззрѣніяхъ и объясненіи предметовъ — находились въ зависимости отъ сторонняго толкованія. Мы не имѣемъ никакихъ основаній считать посредниковъ Оттона людьми, незаслуживающими довѣрія; но въ то-же время не можемъ думать, что ихъ передача сужденій и мыслей туземцевъ — была бы вполнѣ точна и вѣрна оригиналу, что ихъ объясненія предметовъ были всегда не личными толкованіями, а настоящимъ объясненіемъ знатоковъ дѣла. Польскіе переводчики (во время первой миссіи Оттона) слѣдили свою опредѣленную цѣль: они имѣли въ виду такъ или иначе успѣшно выполнить порученіе своего князя и потому старались по возможности уладить дѣло между Оттономъ и туземцами; понятно, что при этомъ они иногда могли давать иной смыслъ поступкамъ послѣднихъ и смягчать рѣзкость нѣкоторыхъ фактовъ. Съ своей стороны, положеніе туземцевъ было вовсе не таково, чтобы вызвать ихъ на прямодушныя, открытыя объясненія. Оттонъ явился въ ихъ землю тк. скз. непрошеннымъ вѣстникомъ ученія, внутренней потребности котораго они еще не почувствовали: нравственный смыслъ христіанства и христіанскіе порядки жизни стояли выше понятій простого народа; историческая необходимость принятія христіанства сознавалась очень немногими; напротивъ, привязанность къ исконнымъ формамъ жизни, лѣнивое довольство старой религіей — были явленіями общими. Поэтому, внутренно туземцы не могли иначе отнестись къ дѣлу Оттона, какъ съ подозрительнымъ нерасположеніемъ, какъ къ ненужному новшеству, за которымъ таились недобрыя цѣли и стремленія; ихъ зрѣнію и чувству не была доступна искра божественнаго огня, воодушевлявшая Оттона. Но послѣдній шелъ, хотя и со знаменемъ мира, но подъ защитою грозной и памятной руки Болеслава III, посломъ его. Страхъ предъ польскою силою вынуждалъ Поморянъ покориться. Въ ко-

лебаніи между такими мыслями — поступки и рѣчи ихъ долгое время имѣютъ нерѣшительный, двуличный характеръ: они не желаютъ отказаться отъ старины, но въ то-же время не смѣютъ отвергнуть и новаго, они уступаютъ настоятельнымъ требованіямъ проповѣдниковъ, принимаютъ крещеніе; а въ глубинѣ души остаются прежними язычниками, или впадаютъ въ двоевѣріе, чтутъ старыхъ боговъ, не отвергая вполнѣ и новаго. Вообще, убѣжденіе въ превосходствѣ *нѣмецкаго* бога предъ богами родными — могло не иначе развиться и созрѣть, какъ процессомъ медленнымъ, для этого нужны были цѣлые годы благопріятныхъ условій; а пока такое убѣжденіе не пустило прочныхъ корней въ народѣ, до тѣхъ поръ въ немъ не могло быть полнаго довѣрія къ чужеземцамъ, вѣры въ чистоту и безкорыстіе дѣйствій ихъ и искренности поступковъ и рѣчей въ отношеніи къ нимъ. Такое естественное положеніе вещей, кажется, вовсе не сознавалось миссіонерами. Люди своего вѣка, они были не чужды нѣкотораго внѣшняго пониманія своей задачи, они считали дѣло поконченнымъ, когда народъ принималъ наружное крещеніе, уничтожалъ идоловъ и языческіе храмы и обѣщалъ слѣдовать порядкамъ христіанской жизни. Неудивительно, что они видѣли полный успѣхъ тамъ, гдѣ была только тѣнь его.. Событія, происшедшія въ промежутокъ времени между концомъ перваго и вторымъ путешествіемъ Оттона, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Отсюда слѣдуетъ, что и всѣ торжественныя заявленія проповѣдниковъ о томъ, какъ охотно и радостно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ принималъ христіанство, должны быть въ значительной степени объясняемы личными воззрѣніями ихъ, удовлетворявшихся наружной стороной дѣла и не проникавшихъ до сущности его. Въ дѣйствительности это расположеніе къ христіанству объясняется политическими отношеніями къ Польшѣ и извѣстной долей терпимости, присущей языческой религіи. Неполное и преувеличенное объясненіе событій, зависѣло не мало и отъ невольнаго стремленія прославить личность знаменитаго епископа. Шла ли эта апотеоза отъ непосредственныхъ свидѣтелей, или она принадлежала

Эбону и Герборду, но слѣды ея въ «Жизнеописаніяхъ» — несомнѣнны, какъ несомнѣнно и ея вліяніе на изложеніе и объясненіе событій. Разсказы о великомъ уваженіи, чрезмѣрной любви и преданности народа Оттону вытекаютъ именно изъ этого личнаго источника.

Таковы думаемъ, были отношенія, въ которыхъ находились стороны, прикосновенныя къ дѣлу, и таковъ былъ образъ мыслей ихъ, выходившій изъ этихъ отношеній!

Попытаемся же на этихъ основаніяхъ обозначить степень исторической достовѣрности свидѣтельствъ, такъ—какъ отъ этого зависитъ и самая степень важности ихъ содержанія.

Факты славянскаго быта и исторіи, занесенныя въ «Жизнеописанія» Оттона, не одинаково равны по достоинству достовѣрности.

Первое мѣсто занимаютъ тѣ изъ нихъ, которые были лично замѣчены и наблюдены бамбергскими проповѣдниками; а равно и тѣ событія, въ которыхъ они принимали непосредственное, прямое участіе.

Достовѣрность этого рода извѣстій — полная; ибо, не обращаясь уже къ правдивости характера свидѣтелей и ограничиваясь однимъ содержаніемъ показаній ихъ, мы не только не найдемъ никакихъ слѣдовъ вымысла, но даже не можемъ предположить и какихъ-нибудь причинъ, или поводовъ къ нему. Мысль, что бамбергцы могли увлечься желаніемъ разсказать поболѣе о чудесахъ, видѣнныхъ ими въ землѣ язычниковъ, и о бѣдствіяхъ, ими тамъ вынесенныхъ — устраняется естественною простотою разсказа и отсутствіемъ всякихъ, особенно поразительныхъ, невѣроятныхъ и небывалыхъ явленій, особенно тяжкихъ бѣдствій и страданій. Хвастовство, даже и осторожное, не удержалось бы въ такихъ скромныхъ границахъ... Менѣе довѣрія внушаетъ форма, въ которую иногда бываютъ облечены эти извѣстія; въ скупомъ разсказѣ анахорета Эбона факты и событія глохнутъ, подъ изящнымъ классическимъ перомъ Герборда — они распространяются въ искусственныя картины; но освободивъ ихъ изъ

этой внѣшней оболочки, мы найдемъ въ нихъ мало, почти ничего, что вызывало сомнѣніе или недоразумѣніе. Относительно формы— наши памятники мало чѣмъ отличаются отъ средневѣковыхъ историко-гагіографическихъ произведеній; потому, пользуясь ими, какъ историческими источниками, необходимо всегда отдѣлять слогъ писателей или способъ выраженія факта отъ самаго факта или его содержанія, — иначе дѣйствительность легко можетъ получить ложное освѣщеніе, и гагіографическій миѳъ займетъ мѣсто дѣйствительной исторіи. Такъ-какъ событія въ «Жизнеописаніяхъ» передаются по памяти, то и нельзя думать, чтобы они были изложены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Отмѣченныя нами въ выноскахъ несогласія между Эбономъ и Гербордомъ подтверждаютъ это: но въ общемъ — разсказъ Герборда (т. е. Сефрида) для первой миссіи и разсказъ Эбона (т. е. Удальрика) для второй — представляются довольно послѣдовательными и согласуются съ географическими данными, т. е. съ размѣщеніемъ городовъ и путей сообщенія между ними.

Второй родъ фактовъ и событій составляютъ тѣ, которые стоятъ внѣ личнаго наблюденія и участія миссіонеровъ, которые стали имъ извѣстны изъ разсказовъ стороннихъ лицъ.

Здѣсь — почва уже не такъ прочна, какъ въ предыдущемъ: слухъ не имѣетъ достоинствъ личнаго наблюденія, онъ можетъ быть неоснователенъ, неточенъ, можетъ вывѣтриться до пустоты и растянуться до поэтической исторіи. Поэтому и факты, переданные по сообщеніямъ, со вторыхъ рукъ — требуютъ при употребленіи въ дѣло скорѣе осторожности, чѣмъ довѣрія. Мѣркою оцѣнки такихъ фактовъ должно служить согласіе ихъ съ прочими извѣстіями, неумышленность или такъ сказать — невинность ихъ и простота: чѣмъ естественнѣе и проще фактъ, чѣмъ менѣе происшествіе позволяетъ предполагать заднія мысли, чѣмъ менѣе оно заключаетъ признаковъ предвзятыхъ, хотя бы и неумышленныхъ — понятій и стремленій, тѣмъ болѣе оно имѣетъ права на вниманіе изслѣдователя. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія *второй* порядокъ фактовъ славянскаго быта и исторіи въ

«Жизнеописаніяхъ» содержитъ въ себѣ немного такого, которое пришлось бы отвергнуть или оставить подъ сомнѣніемъ. Всего чаще — это не самый фактъ или событіе, а форма, въ которой передается оно и подробности обстановки, въ которую ставитъ его настроенный къ чудесному умъ Эбона или драматическое авторство Герборда. Факты, переданные со слуховъ — двоякаго рода: одни касаются Польши и ея отношеній къ поморянамъ, другіе относятся собственно къ поморянамъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ славянскихъ племенъ (лютичамъ, украпамъ, и руянамъ). Источникомъ первыхъ свѣдѣній были, конечно, сами поляки и поморскіе свидѣтели польскаго нашествія; источникомъ вторыхъ были туземные друзья Оттона и оставленныя въ Поморьѣ духовныя лица. Миссіонеры имѣли практическую необходимость въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ: отъ нихъ нерѣдко зависѣлъ успѣхъ ихъ дѣла и вѣрность предпріятій, потому они вообще должны были быть разборчивы въ отношеніи слуховъ, по крайней мѣрѣ — слуховъ болѣе важныхъ. Отсюда, въ значительномъ большинствѣ случаевъ извѣстія ихъ, взятыя изъ этихъ источниковъ — имѣютъ достовѣрный характеръ. За исключеніемъ нѣкоторой чудесной обстановки — они не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, вполнѣ согласуются съ дѣйствительными событіями, объясняются ими и, въ свой чередъ — даютъ имъ немалое объясненіе.

По всему тому, что было выше замѣчено объ образѣ мыслей и взглядахъ миссіонеровъ, объ отношеніяхъ къ нимъ туземцевъ — трудно предполагать, чтобы *мнѣнія, сужденія, выводы и объясненія явленій и происшествій*, встрѣчающіяся нерѣдко въ нашихъ памятникахъ, — могли быть правильными, могли въ точности соотвѣтствовать дѣйствительности, и потому — всегда равно быть важны для изслѣдователя. Важны эти сужденія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они просто передаютъ впечатлѣніе, произведенное на чужеземцевъ явленіями и порядками славянскаго быта; гдѣ же дѣло идетъ о причинахъ и слѣдствіяхъ явленій, тамъ мнѣніе нѣмецкихъ пришельцевъ имѣетъ силу не

болѣе *личнаго предположенія* людей, которымъ открыта одна наружная сторона предмета: проницательный умъ можетъ иногда угадать, что находится внутри его; но безъ основательнаго ознакомленія съ дѣломъ — гораздо чаще можетъ впасть въ ошибку или пустое гаданіе.. Пусть-бы, однако, это были личныя мнѣнія и сужденія очевидцевъ и непосредственныхъ участниковъ: хотя и невѣрныя, они все же могутъ заключать въ себѣ извѣстную долю косвенной, посторонней истины и навести изслѣдователя на нѣкоторыя немаловажныя соображенія; но въ «Жизнеописаніяхъ» Оттона они такъ слиты съ мыслями и литературною реторикою Эбона и Герборда, что нерѣдко нѣтъ никакой возможности распознать настоящій источникъ. При такихъ обстоятельствахъ — критика не можетъ допустить этого рода показаній даже въ качествѣ косвенныхъ свидѣтельствъ: они останутся для нея личными *предположеніями и гаданіями*, которыя она, по своимъ соображеніямъ, вольна признать или отвергнуть.

Такъ на нашъ взглядъ размѣщаются по степени достовѣрности и важности составныя части славянскаго матеріала «Жизнеописаній» Оттона!

Внутренній бытъ и историческія отношенія славянскаго Поморья. *)

Край, гдѣ происходила дѣятельность Оттона, носитъ въ нашихъ источникахъ названіе Поморья: «tota Pomerania, prouincia Pomerania, terra, regio Pomeranorum [1]). Подъ этимъ именемъ аналистамъ X—XII вв. извѣстна часть славянской земли, лежавшая по побережью Балтійскаго моря между рѣками Одрой и Вислой [2]). У біографовъ Оттона «Померанія» обозначаетъ не этнографическую единицу, а политическое соединеніе нѣсколькихъ славянскихъ племенъ, состоявшихъ подъ рукою поморскаго князя. Оттонъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ въ Поморьѣ и нѣкоторыхъ городахъ земли лютичей; и дѣйствительно онъ, во второе путешествіе, обходитъ Дыминъ, Гостьковъ, Волегощъ и Узноимъ, которые, лежа на западъ за Одрой — принадлежали собственно къ лютичамъ, хотя и причисляются біографами къ городамъ поморской земли и стоятъ въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ поморскаго князя [3]). Пространство и границы политическаго

*) Считаемъ напередъ необходимымъ замѣтить, что въ послѣдующихъ ссылкахъ — буквы: pag. обозначаютъ *paginam*, т. е. страницу нашего предыдущаго изложенія, nn. — *notam*, т. е. — примѣчаніе или выноску его.

1) Herb. II. 1, 5, 7, 10, 12, 30, 37; III, 10; Ebo II. 9, III. 2; pag. 333, 334 n. 1, pag. 326 nn. 1, pag. 331 nn. 2, pag. 335 nn. 1, pag. 354 nn. 1, pag. 364 nn. 3, pag. 390 и 391 nn. 1, pag. 350 nn. 1, pag. 373 nn. 1.

2) Adamibrem. Gesta IV, 13; cf. II, 19 et schol. 15; Helmoldi Chron. I, 2. У польскихъ лѣтописцевъ кромѣ Pomorania встрѣчается переводъ «Maritima», см. Index nominum къ изданію Кадлубка г. Мулковскаго. Crac. 1864.

3) Ebo II. 12; III. 6; Herb. II. 24; pag. 369 nn. 1, pag. 381, 382 nn. 1; pag. 345, 346 nn. 1. См. объ этомъ предметѣ болѣе подробныя замѣчанія у Виггера, Meklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 114—15; и Квандта, Baltische Studien t. XXII. Schw. 1868, p. 149 sq.

Поморья съ точностью неизвѣстны. Правда, Гербордъ довольно подробно обозначаетъ внѣшній видъ и предѣлы славянской «Помераніи»; но впадаетъ при этомъ въ такія преувеличенія и темноту, которыя ясно показываютъ, что его географія вышла не изъ опыта и дѣйствительнаго знакомства со страною, а изъ общихъ соображеній или глухихъ слуховъ [1]). Если справедлива мысль, что территорія поморскаго политическаго союза была *исключительнымъ* поприщемъ дѣятельности бамбергскихъ проповѣдниковъ, что Оттонъ не проповѣдывалъ и не имѣлъ въ виду проповѣдывать внѣ предѣловъ его [2]), то пространство союза въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ быть обозначено слѣдующимъ образомъ: оно обнимало южное побережье Балтійскаго моря, начиная отъ мѣста противъ острова Руяны, гдѣ впадала рѣка Гильда (нынѣш. Рыкъ) — на востокъ по рѣку Персанту съ двумя городами, лежавшими за нею (Колобрегой и Бѣлградомъ); юговосточная граница края остается въ точности неизвѣстна; на югѣ же онъ непосредственно прилегалъ къ Польшѣ, отдѣляясь отъ нея рѣкою Нтецью и огромнымъ лѣсомъ; наконецъ — на западѣ гра-

---

1) Herb. II. 1; pag. 333, 334 nn. 1.

2) Болеславъ приглашалъ Оттона на проповѣдь не вообще къ *сѣвернымъ язычникамъ*, а исключительно, къ *поморянамъ*, которые находились тогда въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ Польши. Согласно съ этимъ Оттонъ опредѣляетъ цѣль своего предпріятія «проповѣдью въ Поморьѣ и нѣкоторыхъ городахъ земли лютичей», Ebo. II. 12; pag. 369 nn. 1, и именно въ тѣхъ, на которые распространялась власть поморскаго князя; онъ идетъ «litteris Wortizlai ducis Pomeranie euocatus... ad gentes sibi commissas», Ebo III. 4, pag. 376, 377 nn. 1, и потому отказываетъ въ проповѣди морачанамъ, непринадлежавшимъ къ поморской власти, Ebo III. 4; pag. 376, 377 nn. 1; нигдѣ не видно, чтобы онъ дѣйствовалъ внѣ владѣній поморскихъ и внѣ союза съ польскимъ княземъ (въ первую миссію) и съ поморскими князьями (во вторую). Если Оттонъ, уступая просьбамъ Вирикинда, остановился для обличенія язычества лютичей-долинцевъ, Ebo III. 3; pag. 375 nn. 1, то онъ сдѣлалъ это на правахъ прохожаго проповѣдника, не входя въ городъ, не медля и не добиваясь успѣха, какъ дѣлалъ въ городахъ Поморья. Онъ желалъ, правда, итти еще къ руянамъ, но не иначе, какъ съ согласія датскаго архіепископа, Herb. III. 30, pag. 406, 407 nn. 1;—да къ тому же это желаніе и осталось однимъ желаніемъ. Всѣ эти обстоятельства, думаемъ, достаточно указываютъ, что мѣстомъ апостольской дѣятельности Оттона было единственно Поморье въ смыслѣ политическаго союза.

ница шла по верховьямъ рѣки Пѣны отъ Дымина къ сѣверу по рѣку Гильду [1]). Дѣятельность Оттона сосредоточивалась преимущественно на сѣверной части страны, какъ болѣе населенной и важной; южной окраины онъ коснулся только мимоходомъ и, кромѣ того, во второе путешествіе прошелъ часть земли лютичей (долинцовъ) и морачанъ [2]).

Природа страны соединяла въ себѣ много условій для довольнаго существованія человѣка и поощренія труда его. Край представлялъ обширную равнину. Море, облегавшее сѣверъ ея, мѣстами глубоко врѣзывалось въ материкъ, образуя множество заливовъ, среди которыхъ помѣщались значительные острова и полуострова [3]). Въ странѣ проходили многія рѣки; между ними первенствующее мѣсто занимала Одра, какъ по величинѣ, такъ и по удобности сообщенія съ моремъ; внутри—находилось довольно много большихъ и малыхъ озеръ. Мѣстность—ровная, почти лишенная горныхъ возвышенностей, по крайней мѣрѣ—такихъ, которыя могли бы имѣть замѣтное вліяніе на бытъ народа, во многихъ частяхъ была покрыта густыми и обширными лѣсами [4]). *Естественныя богатства края* засвидѣтельствованы Сефридомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя можно было бы назвать преувеличенными, еслибы справедливость ихъ не подтвеждалась другими источниками. Воды страны были невѣроятно обильны рыбою, лѣса — дичью и полезными животными: оленями, зубрами, вепрями, медвѣдями и прочими звѣрями. Почва, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и имѣла болотистый характеръ, отличалась вообще необыкновеннымъ плодородіемъ, произращая въ изобиліи тучные

---

1) Herb. II. 1, 10, 12; III. 1—2; Ebo II, 4; III. 5; pag. 333 nn. 1, 2, 334 nn. 1. 335 nn. 1. 336, 337 nn. 1. 378, 379 nn. 1, 378 nn. 1. Впрочемъ, принадлежность Бѣлграда и Колобреги къ поморско-лютичскому союзу — еще вопросъ.

2) Ebo III. 3, 4; pag. 375 nn. 1, 376, 377 nn. 1.

3) Herb. II. 1; Ebo II. 18; pag. 333, 334 nn. 1.

4) Herb. II, 1, 10, 24, 38, 41; III, 2; Ebo II, 1; III, 4, 8; pag. 333, 334 nn. 1, 335 nn. 1, 345, 346 nn. 1, 365 nn. 1, 368 nn. 1, 376, 377 nn. 1, 381 nn. 1, 382 nn. 1.

злаки, разнаго рода зелень, овощи, сѣмена, всякія полезныя растенія и деревья [1]).

Столь богатая и разнообразная *природа должна была отозваться соотвѣтствующимъ вліяніемъ на бытъ и образъ жизни обитателей.* Ровный характеръ страны, отсутствіе внутри ея рѣзкихъ естественныхъ преградъ, сближая и связывая отдѣльныя части населенія, сообщало ему племенное однообразіе и нѣкотораго рода этнографическую цѣльность. Тогда—какъ на пространствѣ между Лабой и Одрой исторія замѣчаетъ множество дробныхъ славянскихъ племенъ, конечно—близкихъ между собою, но имѣвшихъ и свои бытовыя отличія, она—не знаетъ ничего подобнаго относительно собственнаго Поморья, гдѣ сидитъ одно цѣльное племя, безъ этнографическихъ подраздѣленій. Естественныя богатства страны и легкость путей сообщенія должны были отозваться не только на внутреннемъ благосостояніи жителей, но и на развитіи труда и обмѣнѣ его посредствомъ торговли, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и на образованности ихъ. Разнообразіе природныхъ условій сообщало странѣ и значительную внѣшнюю крѣпость, и безопасность, поставляя естественныя преграды внезапнымъ вторженіямъ и дѣйствіямъ враговъ: огромные лѣса и рѣки тянулись по границамъ земли, города и другія осѣдлости, окруженные озерами и болотами, были трудно доступны для непріятеля, а по морскимъ заливамъ и озерамъ находилось много острововъ, на которыхъ, въ случаѣ вражьяго погрома, жители могли найти временное безопасное убѣжище [2]). Вообще природа Поморья представляла много простора и поощренія для успѣшнаго развитія просвѣщенія и гражданственности.. Если успѣхи въ этомъ отношеніи были вообще слабы, то причина этого зависѣла не отъ природы, а отъ человѣка и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, среди которыхъ ему выпало жить и дѣйствовать.

---

1) Herb. II. 1, 5, 21, 23, 41; Ebo III. 4, 17; pag. 333, 334 nn. 1, 326 nn. 1. 342 nn. 3, 368 nn. 1; 376, 377 nn. 1.

2) Herb. II. 5, 10, 24, 25; Ebo II. 18; III. 4; pag. 326 nn. 1, 335 nn. 1, 345, 346 nn. 1, 365 nn. 1, 377 nn. 1.

Населеніе страны было исключительно славянское. Нѣмецкіе проповѣдники въ два путешествія и съ двухъ разныхъ концовъ обходятъ всѣ важнѣйшія мѣста поморской земли и восточныхъ лютичей, они находятся въ близкихъ непосредственныхъ сношеніяхъ и съ высшимъ сословіемъ, и съ простымъ народомъ, и они не встрѣчаютъ ни малѣйшаго слѣда другой рѣчи, кромѣ славянской. Они окружены славянами—и только одними славянами; всѣ сношенія ихъ съ «варварами» идутъ чрезъ переводчиковъ; чрезъ переводчика же и самъ Оттонъ говоритъ къ народу; языкъ туземцевъ они постоянно называютъ «sclavica» или «barbarica lingua»[1]). Правда, не всегда, не при каждомъ частномъ случаѣ сношеній Оттона съ поморянами біографы указываютъ на участіе и посредство переводчиковъ; но это потому, что такое участіе само собою разумѣлось, что незачѣмъ было повторять фактъ, извѣстный и незамѣчательный. Поэтому можно даже думать, что среди славянскаго населенія страны—не существовало никакихъ, сколько нибудь значительныхъ, инородческихъ поселковъ; иначе—они были бы замѣчены и указаны внимательными миссіонерами. Конечно, въ поморскихъ городахъ были и иноземцы, пришлые ли гости, случайные ли обитатели или плѣнные рабы—но такія одиночныя явленія могутъ быть оставлены безъ вниманія при опредѣленіи этнографіи населенія Поморья.

Степень заселенности края не можетъ быть съ точностью опредѣлена изъ показаній бамбергскихъ проповѣдниковъ: они шли по свѣжему слѣду польскаго погрома; города и другія осѣдлости лежали въ развалинахъ; множество жителей погибло, много разбѣжалось и укрылось по островамъ, много было уведено плѣнными и поселено въ Польшѣ[2]). Судить о нормальномъ историческомъ состояніи по такому случайному, возмущенному положе-

---

1) Herb. II. 6, 9, 11, 15; III. 5, 7, 19; Ebo II. 3, 13; III. 5, 7, 12, 15, 16; pag. 330 nn. 2, 331 nn. 1, 335 nn. 1, 340 nn. 1, 383 nn. 1, 387 nn. 1, 361 nn. 1; 331 nn. 1, 379 nn. 1, 389, 396 nn. 2, 397 nn. 1.

2) Herb. II. 5, 13, 38; Ebo II. 18; III. 4; pag. 326 nn. 1, 337 nn. 2, 365 nn. 1, 377 nn. 1.

нію страны—невозможно. Есть, однако, въ нашихъ источникахъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія, заслуживающія быть замѣченными, таковы извѣстія о значительномъ числѣ крестившихся въ Пырицѣ и Каминѣ, о многолюдномъ населеніи жупы волынской[1]... Принявъ въ расчетъ и другія соображенія, можно полагать, что сѣверная часть края и бассейнъ Одры были заселены не бѣдно. Условія, благопріятныя для развитія жизни, промышленной и торговой дѣятельности, образовали въ этихъ мѣстахъ многолюдные города, которые, естественно, должны были притягивать населеніе съ востока и юга. Поэтому и дѣятельность Оттона не безъ причины сосредоточилась на сѣверѣ страны, гдѣ находился центръ поморской жизни, по мѣрѣ отдаленія отъ котораго населеніе рѣдѣло, и начинались пустоши[2]).

Образъ жизни населенія былъ прочный, осѣдлый. Формы осѣдлости: деревни и села, крѣпости и города.

Деревни и села — uillae, uici, uiculi, rura — неоднократно упоминаются въ «Жизнеописаніяхъ» Оттона, но очень глухо[3]): изъ этихъ показаній нельзя составить никакого опредѣленнаго понятія о формѣ поморской сельской осѣдлости. Кажется, что бамбергскіе проповѣдники не заходили въ эти мѣста, да и не имѣли въ томъ необходимости, такъ какъ сельское населеніе часто само сходилось въ города. Деревни и села по большей части расположены были невдалекѣ отъ торговыхъ и защитныхъ центровъ; и изъ того, что въ нихъ проживали иногда знатныя и богатыя лица[4])—можно заключать, что они были не незначительны.

Крѣпости—castra, castella, urbes, municiones—находились и внутри, и по окраинамъ страны, въ мѣстахъ отъ природы удоб-

---

1) Herb. II. 17, 20, 34, 37; Ebo II. 11; pag. 348 nn. 2, 342 nn. 2. 360 nn. 1, 361 nn. 3.

2) Ebo II. 4; Herb. II. 13; pag. 337 nn. 2.

3) Herb. II. 13, 14, 23, 26, 34, 38, 39; III. 4, 29; Ebo II. 4, 13; III. 7; pag. 337 nn. 2, 338 nn. 1, 344 nn. 1, 352 nn. 1, 365 nn. 1, 366 nn. 1, 384 nn. 1, 361 nn. 383 nn. 1.

4) Herb. II. 23; (Ebo II, 9); pag. 344 nn. 1, 352, 353 nn. 1.

ныхъ для защиты и были укрѣплены съ такимъ искусствомъ, что считались непобѣдимыми [1]). Нѣкоторыя, какъ Пырица, Градецъ и Любинъ имѣли кажется и постоянное обывательское населеніе [2]); въ другихъ—была одна стража; окрестные жители собирались въ нихъ съ своимъ имуществомъ только въ виду опасности непріятельскаго нападенія [3]). Хотя количество пограничныхъ крѣпостей въ Поморьѣ было довольно значительно [4]), но самое положеніе ихъ не могло быть особенно благопріятно для развитія широкаго общежитія. Вотъ почему напр. южныя пограничныя крѣпости не разрослись, какъ на сѣверѣ, въ обширные города; Пырица была скорѣе сильною княжескою крѣпостью — castrum ducis, чѣмъ городомъ въ широкомъ значеніи этого слова: какъ политическое (и религіозное?) средоточіе окрестной области, она соединила подъ своими стѣнами, въ годовщину языческаго празднества, болѣе четырехъ тысячъ народа, но это не были ея постоянные обитатели, а деревенскіе пришельцы; и вообще изъ источниковъ не видно, чтобы Пырица имѣла устройство настоящаго города [5]). Пограничныя крѣпости стояли слишкомъ далеко отъ возможности движенія жизни и ея интересовъ, въ мѣстахъ постоянной опасности, среди пустынной, невоздѣланной и непривлекательной природы, они могли удовлетворять цѣлямъ защиты, но не могли стать центромъ развитаго общежитія.

Города — ciuitates, oppida, urbes. Выше мы имѣли случай замѣтить, что въ силу историко — географическихъ условій развитіе общественной жизни должно было сосредоточиться преимущественно на сѣверѣ страны, гдѣ море, съ своими безчисленными заливами и островами, не только давало обильный источникъ для промышленной дѣятельности, но и открывало свободный торговый путь къ иноземнымъ рынкамъ и предлагало довольно прочную

---

1) Herb. II. 5; III 10; pag. 326 nn. 1, 391 nn. 1.
2) Herb. II. 14—17; 37; pag. 325 nn. 1. 338 nn. 2, 340 nn. 2, 361 nn. 2.
3) Herb. II. 5; III, 10; pag. 326 nn. 1, 391 nn. 1.
4) Herb. II. 5; pag. 326 nn. 1.
5) Herb. II. 14—17; pag. 338 nn. 1, 340 nn. 2, 3.

защиту въ случаѣ нападенія непріятеля. Оттого самые значительные города Поморья возникаютъ въ сѣверѣ страны, при морѣ, или вблизи его, на рѣкахъ, непосредственно въ него ведущихъ. Таковы:

а) *Штетина*; она лежала при впаденіи Одры въ озеро, образуемое морскимъ заливомъ. Хотя имя города становится въ первый разъ исторически извѣстно изъ «Жизнеописаній» Оттона, но уже тогда онъ слылъ *знаменитѣйшимъ и древнѣйшимъ* городомъ поморской земли. По понятіямъ того времени городъ былъ очень обширенъ и многолюденъ: онъ вмѣщалъ въ себѣ три холма и имѣлъ жителей—девятьсотъ отцовъ семействъ, не считая женъ, дѣтей и множества прочаго люда. Окруженная со всѣхъ сторонъ водой и болотами и сильно укрѣпленная искусствомъ, Штетина была почти неприступна для непріятеля. Какъ старѣйшій и сильнѣйшій изъ поморскихъ городовъ, какъ средоточіе обширной торговой дѣятельности, наконецъ — какъ важный передовой постъ, стоявшій защитою у входа страны съ сѣвера, Штетина имѣла первенствующее политическое значеніе, признавалась метрополіей земли и матерью прочихъ городовъ ея; ей принадлежалъ почипъ въ общественныхъ дѣлахъ и рѣшеніямъ ея покорялись младшіе сверстники [1]).

б) *Волынъ* —Iulin — находился на сѣверъ отъ Штетины, на островѣ, обтекаемомъ широкимъ устьемъ Одры. Городъ былъ также великъ, сильно укрѣпленъ и многолюденъ. Значительность населенія его видна отчасти изъ того, что бамбергскіе проповѣдники положили на дѣло крещенія два мѣсяца — и все таки осталось много некрещеныхъ, ходившихъ за море по торговымъ дѣламъ. Важное значеніе Волына, какъ торговаго центра страны, побудило кн. Вартислава избрать его стольнымъ городомъ поморской епископіи [2]).

---

1) Herb. II. 5, 25, 34; III. 25; Ebo II. 9, 11; III. 1. pag. 326 nn. 1, 349 nn. 1, 360 nn. 1, 404 nn. 1, 350 n. 1, 361 nn. 1, 372 nn. 1.

2) Herb. II. 24, 37, 40; Ebo II, 7, 11. 15; III. 1; pag. 345, 346 nn. 1, 361 nn. 3, 365, n. 1, 371 nn. 1.

в) *Камина* — на востокъ противъ острова Волына. Городъ, кажется образовался изъ княжьяго укрѣпленія и потому считался собственностью князя и былъ постояннымъ мѣстомъ его жительства. Здѣсь проживали законная жена Вартислава, его семейство и родственники. Оттонъ оставался въ Каминѣ около 50 дней, крестя народъ, который ежедневно приходилъ изъ того мѣста и окрестности [1]).

г) *Клодно*. Судя по направленію пути бамбергской миссіи, Клодно должно было находиться между Волыномъ и Колобрегой, на лѣвомъ берегу рѣки (Реги?), среди лѣсной природы. Жители города занимались преимущественно торговлею въ чужихъ землях, спускаясь для этого по рѣкѣ — въ море [2]).

д) Неизвѣстно, какъ назывался тотъ обширный и пространный городъ, обгорѣлыя развалины котораго миссіонеры встрѣтили за рѣкой (Регой?) на пути отъ Волына къ Колобрегѣ [3]).

е) *Колобрега* находилась на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Персанты, на правой сторонѣ ея. Городъ былъ по преимуществу торговый: Оттонъ, прійдя въ него въ началѣ 1125 года, засталъ его почти пустымъ, ибо большинство жителей ушло торговать въ море, на острова [4]).

ж) *Бѣлградъ* — также на правомъ берегу Персанты, на разстояніи одного дня пути отъ Колобреги [5]).

За Одрой, въ области поморскихъ лютичей, находились слѣдующіе города:

з) *Дыминъ*—на верховьѣ рѣки Пѣны. Городъ стоялъ на границѣ поморскихъ лютичей и долинцевъ, а потому имѣлъ преимущественно военно-оборонительное значеніе и былъ хорошо укрѣпленъ [6]).

---

1) Herb. II. 19—23; Ebo II. 5; III. 23, pag. 342 nn. 1, 2.
2) Herb. II. 38, 40; pag. 365 nn. 1, 367 nn. 1.
3) Herb. II. 38; pag. 365 nn. 1.
4) Herb. II. 39; pag. 366 nn. 1.
5) Herb. II. 39; pag. 366 nn. 1.
6) Herb. II. 39; III. 2; Ebo III. 5, 6; pag. 366 nn. 1, 378 nn. 1, 379 nn. 1.

и) *Узноимъ* на островѣ того же имени. Городъ, какъ кажется, былъ не незначителенъ, иначе едва ли Вартиславъ избралъ бы его въ 1127 г. мѣстомъ сейма всѣхъ волостителей и знатныхъ людей поморской земли [1]).

к) *Волегощъ* находился на сѣверѣ страны поморскихъ лютичей, противъ острова Узноима, на заливѣ, образуемомъ впаденіемъ р. Пѣны въ море. По отзыву бамбергскихъ миссіонеровъ—это былъ богатѣйшій (торговый) городъ [2]). Въ немъ находилось замѣчательное святилище Яровита.

л) *Гостьковъ* между Дыминымъ и Узноимомъ. Значительность города видна отчасти изъ того, что въ немъ находилось святилище удивительной величины и художественной отдѣлки [3]). Городъ велъ значительную торговлю.

Таковы главные города поморской земли. Кромѣ нихъ въ нашихъ источникахъ упоминаются еще: *Накла*, сильно укрѣпленная и твердая; она была разорена и сожжена Болеславомъ III въ 1121 г. [4]); княжеская крѣпость *Старъградъ* [5]) и городъ Гаволянъ-неизвѣстнаго наименованія [6]). Города Поморья, какъ и вообще всѣ старинные славянскіе города—выросли и развились по большей части изъ небольшихъ защитныхъ городковъ или религіозно-военныхъ укрѣпленій, подъ стѣнами которыхъ — ради удобствъ защиты и общежитія, садилось постоянное населеніе. Крѣпость тк. обр. образовала срединное ядро или центръ собственнаго города. Въ ней обыкновенно помѣщалось святилище, замокъ князя, обширныя прочныя зданія, къ нимъ принадлежавшія, и дворъ; все вмѣстѣ было обнесено твердыми стѣнами [7]).

---

1) Herb. III, 3; Ebo III, 6; pag. 382 nn. 1.
2) Herb. II, 39; III, 5, 6; Ebo III, 7, 8, 17; pag. 366 nn. 1, 383 nn. 1, 384 nn. 1; 386 nn. 1.
3) Herb. II, 39; III, 7; Ebo III, 9—10; pag. 366 nn. 1, 388 nn. 2.
4) Herb. II, 5, 30; pag. 326 nn. 1, 354 nn. 1.
5) Ebo II, 4; pag. 333 nn. 2.
6) Ebo III, 3; pag. 375 nn. 1.
7) Ebo II, 7, 9, 24; III, 1, 16; Herb. II, 24, 26; Priefl. II, 5; pag. 346 nn. 1, 350 nn. 1, 371 nn. 1, 372—73 nn. 1, 397 nn. 1,

Жилъ ли кто постоянно въ этомъ мѣстѣ — изъ источниковъ не видно; но если и жили, то не простые, обыкновенные обыватели, а правительственныя лица и городская стража. Вокругъ стѣнъ крѣпости располагался городъ, гдѣ жило торговое и ремесленное и вообще все главное населеніе. Городъ имѣлъ улицы, по которымъ для удобства иногда лежали деревянные помосты; площади, на которыхъ происходили торги и совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, вѣча; для послѣднихъ были устроены особыя возвышенныя мѣста, вѣчевыя степени, съ которыхъ говорили къ народу правительственныя лица и старѣйшины. Дома въ городѣ, иногда довольно высокія, были выстроены по большей части изъ дерева и тѣсно стояли другъ возлѣ друга. Самый городъ былъ также обнесенъ валомъ или стѣнами и имѣлъ входныя ворота [1]). За городомъ — помѣщалось предмѣстье, гдѣ находились различныя хозяйственныя зданія, житницы, амбары и тк. далѣе [2]). Не всѣ города имѣли такое развитое устройство, но всѣ — въ большей или меньшей степени, смотря по значительности и обширности города.

Такимъ образомъ — поморскій городъ соединялъ въ себѣ два назначенія: онъ былъ столько же мѣстомъ общежитія, взаимной обмѣны труда, религіознымъ и административно-экономическимъ центромъ, сколько и мѣстомъ защиты, пространною оборонительною крѣпостью [3]).

Пути сообщенія. Сообщеніе между отдѣльными мѣстностями и частями страны, городами, крѣпостями и селами—происходило

---

1) Ebo II, 1; III, 1—3, 15, 18; Herb. II, 24, 26, 34; III, 17, 22; pag. 328 nn. 2, 371 nn. 1, 372 nn. 1, 395 nn. 1, 396 nn. 1, 2, 397 n. 1, 402 nn. 1, 347 n. 1, 348 nn. 1, 2, 352 nn. 1, 360 nn. 1, 2.

2) Herb. II, 24; pag. 348 nn. 2. Существованіе пригородей — suburbia изъ нашихъ источниковъ не совсѣмъ ясно, но оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, cf. Martini Galli Chronicon II, 28 у Бѣлевскаго въ Monumenta Poloniae, I, p. 446—8 о пригородѣ въ Колобрегѣ.

3) Для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ и исторіею поморскихъ, городовъ можно обратиться къ превосходному сочиненію Кратца: Die Städte der Provinz Pommern. B. 1865; а равнымъ образомъ къ ст. Геринга: «Beiträge zur Topographie Stettins in älteren Zeit» въ Baltische Studien X, 1, 1844, p. 1—86.

безъ особыхъ затрудненій, столько же посредствомъ многихъ путей водныхъ, сколько и чрезъ твердыя дороги, которыя были достаточно устроены даже для движенія значительнаго количества людей. Миссія слѣдовала изъ города въ городъ то по рѣкамъ и озерамъ, то по твердому пути; тѣми же дорогами ходили войска и дружина князя Вартислава и, наконецъ—войска Болеслава III, разгромившія сѣверное Поморье. Затрудненія въ путяхъ сообщенія замѣчаются на южной и западной окраинахъ страны, гдѣ на большихъ пространствахъ тянулись огромные еще дикіе, дѣвственные лѣса и болота [1]. Впрочемъ, такъ-какъ путь миссіонеровъ и князей былъ строго опредѣленный, отъ одного значительнаго города къ другому, то и заключеніе объ особенно широкомъ развитіи путей сообщенія во всемъ Поморьѣ—не представляется необходимымъ. Вѣрно только, что *важнѣйшіе* города и мѣста жительства сообщались между собою легко и свободно. По болотистымъ топямъ, заливамъ и рѣкамъ находились мосты, правда—непрочные; но удовлетворявшіе первымъ потребностямъ сношеній [2].

Занятія населенія были довольно разнообразны:

Земледѣліемъ, огородничествомъ и садоводствомъ занималось преимущественно населеніе сельское и жители пригородей. Они воздѣлывали рожь, пшеницу, лёнъ и коноплю, макъ и многія другія огородныя и садовыя овощи. Жатвы отличались обиліемъ и производились посредствомъ серпа. Богатство плодовыхъ деревьевъ приводило бамбергскихъ миссіонеровъ въ изумленіе [3]. Само собою разумѣется, что успѣхи земледѣлія были не вездѣ одинаковы: они зависѣли и отъ характера почвы, неравномѣрно плодородной, покрытой еще во многихъ частяхъ топкими болотами,

---

1) Herb. II, 5, 10, 12, 21, 24, 26; III, 2, 14; Ebo II, 4; III, 3, 5, 15, 20; 326 nn. 1, 335 nn. 1, 337 nn. 1, 342 nn. 3, 345, 346 nn. 1, 350 nn. 1, 361, 374, 381 nn. 1, 395 nn. 333 nn. 1, 378 nn. 1, 394 nn. 1, 403 nn. 2.

2) Ebo III, 10, 18; Herb. II, 24; pag. 388 nn. 1, 402 nn. 1, 348 nn. 2.

3) Herb. II, 1, 23, 41; III, 4; Ebo II, 6; III, 22; pag. 333, 334 nn. 1, 344 nn. 1, 368 nn. 1, 384 nn. 1, 405 nn. 1.

и отъ историческихъ обстоятельствъ: мѣста, открытыя для вражьихъ нѣбѣговъ, представляли для земледѣльца мало прочной надежды на успѣхъ, и потому—не могли особенно поощрять и развивать трудъ его. Земледѣліе успѣвало только въ болѣе счастливыхъ, плодородныхъ и безопасныхъ мѣстностяхъ... Тѣмъ не менѣе, говоря вообще о всемъ народѣ, характеръ занятій его былъ по преимуществу земледѣльческій; иначе — едва ли бамбергскіе миссіонеры воздали бы такую хвалу земледѣльческому обилію и богатству страны.

Скотоводство находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Роды домашняго скота были: свиньи, овцы и бараны, козы, коровы и быки, составлявшіе вьючный скотъ; особенно же славны были огромные и сильные кони, цѣнившіеся очень высоко. Количествомъ ихъ измѣрялась сила и могущество знатныхъ людей [1]).

Рыболовство, естественно, было однимъ изъ важнѣйшихъ занятій жителей, сидѣвшихъ по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Главный родъ рыбы составляли сельди, обиліе, величина и пріятный вкусъ которыхъ столь положительно засвидѣтельствованы Сефридомъ. Кромѣ сельдей ловилась и иная рыба; объ одномъ большомъ родѣ ея (камбола-ромбъ) миссіонеры сохранили почти полубаснословное воспоминаніе [2]).

Пчеловодство, какъ особый промыселъ или занятіе, можетъ быть предполагаемо изъ существованія отличныхъ медовъ, о которыхъ разсказываетъ Сефридъ [3]).

Ремесленныя занятія главнымъ образомъ обнимали предметы первой необходимости: постройку жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, выдѣлку оружія, домашней утвари, полотна и другихъ тканей для одеждъ, обуви... [4]). Впрочемъ, какъ кажется, ремесленная дѣятельность уже не ограни-

1) Herb. II, 23, 41; III, 2, 27; Ebo III, 10, 21; pag. 344 nn. 1, 368 nn. 1, 381 nn. 1, 388 nn. 1.

2) Herb. II, 1, 41; Ebo III, 4, 17; pag. 333, 334 nn. 1, 368 nn. 1, 377 nn. 1, 402 nn. 1.

3) Herb. II, 1, 41; pag. 333, 334 nn. 1, 368 nn. 1.

4) uide infra: pag. 433 nn. 3, 4, 432 nn. 4, 334 nn. 1, 2, 3.

чивалась однимъ этимъ, но распространялась и на нѣкоторые предметы роскоши, шитье золотомъ, художественныя скульптурныя и живописныя работы, литье или ковку изъ благородныхъ металловъ [1]).

Война, или говоря вѣрнѣе—*пиратство и грабежъ* принадлежали къ обычному промыслу. Знатные, богатые люди, вожди собирали дружины и ходили наудалую грабить сосѣднія земли, преимущественно Данію и Польшу [2]). Добыча раздѣлялась между соучастниками похода; часть ея шла въ сокровищницы храмовъ. Пиратствомъ и разбоемъ занимались очень многіе изъ народа, по крайней мѣрѣ о поморянахъ шла общая молва, какъ о народѣ дикомъ, необузданномъ, привыкшемъ жить грабежомъ и войною, безпрестанно разорявшемъ сосѣднія страны, нещадившемъ даже своихъ близкихъ соотечественниковъ [3]).

Торговая дѣятельность — при естественной производительности страны и легкости путей сообщенія — была очень значительна. Это видно даже изъ случайныхъ показаній нашихъ источниковъ: многіе волыняне ходили за море (въ Данію и Швецію?) по торговымъ дѣламъ, то-же дѣлали и жители Штетины и Клодны; Штетина торговала съ Руяной; обитатели Колобреги, при наступленіи зимы, почти всѣ отправлялись въ море на острова для торговли, такъ что Оттонъ нашелъ городъ опустѣлымъ; Гостьковцы вели торговыя дѣла съ датчанами... [4]) Для внутренней торговли по городамъ и большимъ деревнямъ въ опредѣленные дни открывались рынки, къ которымъ и сходился окрестный народъ [5]). Предметами торговли, можно пологать, были: рыба, соль, хлѣбъ, товары, шедшіе съ запада, а также и челядь—рабы. Торговля,

---

1) Herb. II, 28, 32; III, 6; Ebo II, 13, III, 1, 8, 10; pag. 352, 353. nn. 1, 356. nn 1, 357 nn. 2, 386 nn. 1, 363 nn. 1, 371 nn. 1, 372 nn. 1, 388 nn. 1.

2) Ebo III, 2; pag. 374 nn. 1.

3) Herb. II, 1, 32, 33; III, 2; Ebo III, 2, 13, 23; pag. 333, 334 nn. 1, 356 nn. 1, 359 nn. 1, 379 nn. 1, 381 nn. 1, 374 nn. 1, 392 nn. 1, 405 nn. 2.

4) Ebo II, 15, III, 12; Herb. II, 39, 40, III, 30; pag. 364 nn. 2, 389 nn. 1, 366 nn. 1, 367 nn. 1, 406 nn. 1.

5) Herb. II, 26; III, 4; pag. 352 nn. 1, 384 nn. 1.

можно думать, производилась и мѣною предметовъ, и денежною куплею. Монета въ странѣ ходила чужеземная, польская и вѣроятно — датская и саксонская. Особою рѣдкостью она не была, какъ видно изъ того, что ее въ большомъ количествѣ имѣли не только владѣтельныя и знатныя лица, но и обыкновенные горожане [1]).

Общій экономическій бытъ Поморья представляется бамбергскими проповѣдниками въ состояніи довольства и богатства: въ странѣ, по ихъ словамъ, не было нищихъ, и бѣдняки вообще презирались. Наученный печальнымъ примѣромъ Бернгарда, отвергнутаго волынцами ради его видимой бѣдности, Оттонъ особенно заботился о томъ, чтобы явиться къ варварамъ въ блескѣ, обиліи и богатствѣ и тѣмъ привлечь ихъ къ христіанству; этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ потомъ часть успѣха своего дѣла [2]). Дѣйствительно, въ странѣ было много богатыхъ людей, они имѣли большое вліяніе и силу, но едва ли можно сказать, что въ ней вовсе не было бѣдности, по крайней мѣрѣ — едва ли наблюденія проповѣдниковъ и ихъ знаніе народнаго быта были столь многосторонне—обширны, чтобы мы могли принять отзывъ ихъ за полную правду: бамбергская миссія видѣла только города и не заглядывала въ тѣ глухія гнѣзда, гдѣ обитаетъ голь и суровая нищета.

Домашнее хозяйство, смотря по состоянію лицъ, было болѣе или менѣе обширно и благоустроено. Дома и другія зданія за недостаткомъ камня строились изъ дерева и имѣли иногда верхнее (горницы) и нижнее отдѣленія [3]). Яства и питья подавались въ изобиліи. Сефридъ особенно хвалитъ необыкновенный вкусъ медовъ и пива, необыкновенную чистоту и порядокъ стола [4]). Изъ

---

1) Herb. II, 9, 30, 41; III, 2; Ebo III, 9, 12, 13; pag. 333 nn. 1, 354 nn. 1, 368 nn. 1, 381 nn. 1, 387 nn. 1, 389 nn. 1, 390 nn. 1, 392 nn.

2) Herb. II, 7, 14; Ebo II, 2, 3, 13; III, 9; pag. 329 nn. 2, 330 nn. 1, 331 nn. 2, 338 nn. 2, 328 nn. 1, 364 nn. 1, 388 nn. 2.

3) Herb. II, 24, 31; III, 5; Ebo III, 7; pag. 347 n. 1, 357 nn. 1, 383 nn 1.

4) Herb. II, 1, 41; Ebo III, 7; pag. 333, 334 nn. 1, 368 nn. 1, 383 nn. 1.

домашнихъ вещей упоминаются: чаши, турьи рога, удобные для пѣнія, а равно и рога для питья меда, и другіе сосуды [1]). Одежда была проста, но едва ли особенно бѣдна, такъ—какъ она составляла предметъ воинской добычи. Какъ воины, такъ и простые люди носили плащи и шляпы, отличные по своей формѣ отъ подобныхъ нѣмецкихъ. Жрецы носили длинную одежду [2]). Обыкновенное вооруженіе состояло въ копьяхъ, между прочимъ, метательныхъ, мечахъ, сѣкирахъ, ножахъ и щитахъ. Войска имѣли знамена [3]).

Военное дѣло. По отзывамъ свидѣтелей поморяне были опытны и искусны въ бояхъ на морѣ и твердой землѣ, усердно и ловко отправляли свои воинскія обязанности; каждый сражался безъ щитоносца, и только князья и воеводы имѣли одного, много—двухъ слугъ [4]). Такому отзыву нельзя, впрочемъ, придавать большого значенія: ихъ военнаго искусства и силъ хватало на борьбу съ такими сосѣдями, какъ лютичи и руяне; но не съ такими, каковы были поляки. Погромы Болеслава III показываютъ, что поморскія полчища не могли выдержать борьбы съ правильно устроеннымъ войскомъ; потому всего ближе думать, что поморяне пріобрѣли славу искусныхъ воиновъ своими удалыми пиратскими набѣгами, а не веденіемъ настоящей войны. То-же или почти тоже должно сказать и о ихъ военномъ оборонительномъ искусствѣ: хотя свидѣтели и говорятъ о крѣпости ихъ городовъ и мѣстъ защиты, хотя сами туземцы очень надѣялись на ихъ неприступность и непобѣдимость; но эти надежды мало оправдывались дѣйствительностью [5]).. Войско поморянъ состояло изъ пѣхоты и конницы. Послѣдняя была, какъ кажется, войскомъ по-

1) Herb. II, 32; pag. 356 nn. 1.

2) Herb. II, 23; III, 2; Ebo II, 13; III, 8; pag. 344 nn. 1, 381 nn. 1, 363 nn. 1, 384 nn. 1.

3) Herb. II, 11, 23, 24, 32—3; III, 5, 6, 17—18, 22; Ebo III, 8, 15, 16, 18, 19; pag. 336 nn. 1, 344 nn. 1, 347 nn. 1, 356 nn. 1, 357 nn. 2, 359 nn. 1, 383 nn. 1, 360 nn. 2, 365 nn. 1, 375 nn. 1, 396 nn. 2.

4) Herb. II, 1, 23; pag. 334 nn. 1, 344 nn. 1.

5) Herb. II, 5; III, 10; pag. 226 nn. 1, 391 nn. 1.

стояннымъ, т. е. постоянными дружинами князей и знатныхъ людей земли [1]).

Нравственное состояніе народа представляется на первый взглядъ полнымъ рѣзкаго противорѣчія: съ одной стороны свидѣтели хвалятъ его необыкновенную общительность, честность, гостепріимство и вѣжество, простое добродушіе, веселость и чистоту нравовъ [2]);—съ другой отзываются о немъ, какъ о народѣ дикомъ, свирѣпомъ и грубомъ, народѣ звѣрской жестокости, преданномъ грабежу и разбою [3]). Противорѣчіе исчезнетъ, если вспомнимъ, какую тяжелую школу жизни проходили поморяне: тѣснимые отовсюду врагами, они неминуемо должны были огрубѣть въ борьбѣ за свободу и право существованія. Въ сферѣ домашней, среди мира, выходили наружу и дѣйствовали старые добрые нравы, привычки и инстинкты народа; но внѣ ея, въ отношеніи ко врагамъ — жажда добычи, ненависть и месть увлекала его въ другую, противуположную сторону. И нѣтъ ничего удивительнаго, что систематическій, закономъ церкви и государства освященный — разбой и жестокость своихъ враговъ онъ стремился вознаградить мелкимъ грабежомъ и равною жестокостью. Потому, въ нравственномъ отношеніи поморяне едва-ли въ глазахъ историка станутъ ниже своихъ сосѣдей, нѣмцевъ, датчанъ и поляковъ. Грубость и звѣрство было общею чертою быта всѣхъ ихъ. Что ожесточенная дикость поморянъ зависѣла не отъ низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, а была слѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ, это видно изъ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеній и изъ того, что имъ вообще не остались чужды нѣкоторые успѣхи образованности. Правда, они не пользовались

1) Herb. II, 11, 12, 21—3; III, 2, 5; Ebo III, 5; pag. 335 nn. 1, 337 nn. 1, 392 nn. 3, 343 nn. 1, 344 nn. 1, 378 nn. 1, 384 nn. 1.

2) Herb. II, 12, 14, 41; Ebo III, 1, 7; pag. 337 nn. 1, 338 nn. 1, 339 nn. 1, 2, 368 nn. 1, 371 nn. 1, 383 nn. 1.

3) Herb. II, 1, 4, 24, 37; III, 30; Ebo II, 1, 7; III, 3, 13, 14, 23; pag. 325 nn. 1, 327 nn. 1, 334 nn. 1, 346 nn. 1, 347 nn. 1, 348 nn. 1, 364 nn. 3, 407 nn. 1; 375 nn. 1, 392 nn. 1, 393 nn. 1, 405 nn. 2.

искусствомъ письма, но зато понимали и цѣнили достоинство пластическаго искусства, имѣли художественно отдѣланные храмы и художественныя изображенія боговъ, приводившія въ изумленіе миссіонеровъ своею красотою [1]).

Обычаи и преданія отцовъ были для народа закономъ, который дѣйствовалъ тѣмъ шире и сильнѣе, что государственная власть едва начиналась.. Въ сферѣ религіозной и домашней частной жизни господство обычнаго права было полновластное, въ области же общественныхъ отношеній оно уже ограничивалось, или вѣрнѣе — пополнялось нѣкоторыми распоряженіями правительства, князя и старѣйшинъ земли [2]).

Семейный бытъ и его условія — невполнѣ ясны. Народъ жилъ семействами, а не родами [3]). Власть отца, можно думать, была очень велика, но уже не имѣла той абсолютной безпредѣльности и суровости, какою обыкновенно отличаются чисто патріархальныя семьи. По крайней мѣрѣ—этого не видно. Единственный остатокъ быта такой отдаленной, грубой эпохи уцѣлѣлъ въ обычаѣ предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ. Миссіонеры замѣчаютъ, что обычай былъ сильно распространенъ въ народѣ, они приписываютъ его власти материнской и объясняютъ его тѣмъ, что туземцы, умерщвляя однихъ дѣтей, хотѣли доставить болѣе присмотра и призора другимъ [4]). Наблюденіе и объясненіе—поверхностныя: гораздо вѣрнѣе будетъ полагать, что обычай истекалъ изъ власти отцовской, что онъ не имѣлъ особенно широкаго распространенія и держался изстари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не въ силу педагогическаго убѣжденія, а потому что при тревогахъ воинскаго быта излишество дѣтей слабаго женскаго пола — представлялось тяжелымъ бременемъ для семьи. Населеніе жило въ формѣ единожества, только князь и знатныя богатыя

---

1) Herb. II, 32; III, 7; Ebo III, 9, 10; pag. 356 nn. 1, 387 nn. 1, 388 nn. 1.

2) Herb. II, 21, 23, 24, 26, 32; Ebo II, 7, 11; III, 6; pag. 343 nn. 1, 344 nn. 1, 346 nn. 1, 347 nn. 1, 351 nn. 1, 356 nn. 1, 361 nn. 1, 382 nn. 1.

3) Herb. II, 30, 34, 41; pag. 354 nn. 1, 360 nn. 1, 368 nn. 1.

4) Herb. II, 18, 33; Ebo II, 5, 12; pag. 341 nn. 1, 359 nn. 1, 369 nn. 1.

лица пользовались старымъ правомъ многоженства; но при этомъ одна жена считалась законною, остальныя же — наложницами [1]). Многоженство тк. обр. не имѣло правной силы и разсматривалось какъ фактъ дозволенный, но неузаконенный. Положеніе женщины—не было низкимъ: въ качествѣ жены она пользовалась въ семьѣ и обществѣ значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ, а по смерти мужа могла получить даже и нѣкоторую юридическую власть и стать правительницею семейнаго имущества, такова была напр. знатная вдова, мать большой семьи, управлявшая всѣмъ домомъ, о которой разсказываетъ Гербордъ [2]). Начала семейнаго наслѣдованія не видны.

О собственности въ нашихъ источникахъ находимъ очень немногое: извѣстны только предметы ея, но не условія владѣнія ими. Племя осѣдлое, земледѣльческое, поморяне — естественно, должны были имѣть недвижимую, т. е. поземельную собственность [3]). Предметами собственности движимой были домашній скотъ, произведенія земли и водъ, вещи, добытыя по праву войны и грабежа, предметы домашняго обихода, одежда и вооруженіе [4]).

Договоры и обязательства при довольно развитыхъ общественныхъ отношеніяхъ и торговой дѣятельности—должны были имѣть не малое значеніе и силу. Въ политическіе договоры и обязательства поморяне вступали съ руянами и польшею [5]). Частныя долговыя обязательства обезпечивались залогомъ или вѣрнѣе — заложниками, которые, при неуплатѣ долга, подвергались тяжелому темничному заключенію [6]). Договорные акты скрѣплялись символическимъ дѣйствіемъ рукобитья и поцѣлуя [7]).

1) Herb. II, 18, 19, 22, 34; Ebo II, 12; pag. 341 nn. 1, 342 nn. 1, 343 nn. 1. 360 nn. 1, 369 nn. 1.

2) Herb. II, 19, 23, 28; Ebo III, 7; pag. 342 nn. 1, 344 nn. 1, 353 nn. 1. 383 nn. 1.

3) Herb. II, 12, 21, 22, 23; pag. 337 nn. 1, 342 nn. 1, 343 nn. 2.

4) См. выше, pag. 430 nn. 3. pag. 431 nn. 1, 4 pag. 432 nn. 3, pag. 433 nn. 3. pag. 434 nn. 2.

5) Ebo III, 13, 23; Herb. II, 26, 30; III, 10; pag. 392 nn. 1, 406 nn. 1. 351 nn. 2, 354 nn. 1, 391 nn. 2.

6) Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 389 nn. 1, 390 nn. 1.

7) Ebo III, 13, 23; pag. 392 nn. 1, 405 nn. 2.

Состоянія. По общему историческому закону времени самымъ низшимъ состояніемъ было *рабское.*

Рабами становились военноплѣнные, взятые по праву войны или грабежа. Они, вѣроятно, употреблялись на болѣе тяжелыя работы или поступали въ продажу, какъ всякій другой предметъ собственности; потому въ рабѣ цѣнились прежде всего сила и способность къ работѣ. Хотя изъ нѣкоторыхъ показаній нашихъ источниковъ явствуетъ, что положеніе плѣнниковъ—рабовъ у поморянъ было очень тяжкое и мучительное, но нѣтъ сомнѣнія, это зависѣло отъ желанія получить скорѣйшій и большій выкупъ [1]). Таково ли было состояніе рабовъ натурализированныхъ, остававшихся на работѣ-службѣ въ странѣ—можно сомнѣваться; иначе, конечно христіанскіе проповѣдники не преминули бы попытаться улучшить и смягчить ихъ положеніе. Самое существованіе натурализированныхъ рабовъ въ Поморьѣ—изъ «Жизнеописаній» не вполнѣ ясно [2]); но оно можетъ быть предполагаемо съ достаточными основаніями.

Народъ, какъ кажется—пользовался правомъ личной свободы: нигдѣ и ни изъ чего не видно, чтобы служебныя несвободныя отношенія его опредѣлялись правами рожденія и состоянія, а не правами добровольнаго взаимнаго обязательства или договора. У богатыхъ и знатныхъ людей мы находимъ слугъ и служебную дружину, но не видимъ крѣпостныхъ въ собственномъ смыслѣ [3]). Вполнѣ несвободное состояніе вытекало только изъ нарушенія обязательствъ [4]). Народъ имѣлъ право носить оружіе [5]). Имѣлъ ли онъ право земельной собственности—не извѣстно, есть только

---

1) Herb. II, 29, 33; III, 2; Ebo III, 12; pag. 353 nn. 2, 359 nn. 1, 381 nn. 1. 389 nn. 1; 390 nn. 1.

2) «Clientulli», о которыхъ говорится у Герборда II, 38 pag. 365 nn. 1, были кажется не рабы, а просто слуги.

3) *«plebs, populus».* Herb. II, 23, 25, 26, 30, 38; Ebo II, 9; III, 7; pag. 344 nn. 1, 349 nn. 1, 352 nn. 1, 354 nn. 1, 365 nn. 1, 353 nn. 1, 381 nn. 1.

4) Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 389 nn. 1, 390 nn. 1.

5) Herb. II, 24; III, 5, 18; Ebo III, 15, 16, 18; pag. 346 nn. 1, 383 nn. 1, 395 nn. 1, 397 nn. 1, 398 nn. 1.

примѣры, что онъ пользовался правомъ владѣнія землею [1]). Въ какой степени народу принадлежало право участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ — съ опредѣлительною точностью сказать трудно: изъ нѣкоторыхъ указаній бамбергскихъ проповѣдниковъ видно, что это участіе было прямое, непосредственное; изъ другихъ — что онъ участвовалъ посредствомъ своихъ представителей и только утверждалъ или принималъ рѣшеніе послѣднихъ [2]). Одно достовѣрно, что самъ народъ не могъ принять или постановить что-нибудь безъ совѣта и рѣшенія старѣйшинъ и лучшихъ людей и стало быть не пользовался полнымъ правомъ участія въ рѣшеніи дѣлъ [3]). Изъ земскихъ повинностей его ясно упоминается повинность военной службы, при чемъ ему принадлежало право на часть военной добычи [4]). Нѣтъ сомнѣнія также, что и всѣ работы по общественному благоустройству, постройка, укрѣпленіе и починка мѣстъ защиты (крѣпостей), постройка мостовъ и общественныхъ зданій — были общенародною повинностью.

Знатные люди или высшее сословіе земли было *благородное*, т. е. отличалось отъ прочаго народа правами по рожденію [5]). Оно имѣло право поземельной собственности и право непосредственнаго участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ и управленіи страною, составляло высшій правительственный совѣтъ [6]). Обязанностью его, можно думать, была конная военная служба.

---

1) Herb. III, 22; Ebo III, 18; pag. 402 nn. 1.

2) Herb. II, 14, 30; III, 20; Ebo II, 1; III, 16; pag. 339 nn. 1, 354 nn. 1, 328 nn. 2, 400 nn 1.

3) Ebo II, 5, 11; pag. 359 nn. 361 nn. 1.

4) Herb. II, 30, III, 2; pag. 354 nn. 1, 381 nn. 1.

5) «nobiles, nobilitate generis eminentissimi, primates, primores, magnates, principes, barones, eximii ciues». Herb. II, 7, 14, 23; 25, 26, 30, 32, 37; III, 3, 4, 9, 15; Ebo II, 5, 9, 11, 13; III, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 16, 17; pag. 331 nn. 2, 338 nn. 2, 339 nn. 1, 344 nn. 1, 349 nn. 1, 351 nn. 1, 356 nn. 1, 364 nn. 3, 383 nn. 1, 389, nn. 1, 396 nn. 1, 340 nn. 3, 353 nn. 1, 361 nn. 1, 364 nn. 1; 378 nn. 1, 391 nn. 2, 400 nn. 1, 401 nn. 1, 381 nn. 1.

6) Herb. II, 14, 23, 25; III, 3, 20; Ebo II, 1, 5, 9; III, 5, 6, 16; pag. 339 nn. 1, 344 nn. 1, 349 nn. 1, 382 nn. 1, 399 nn. 1, 400 nn. 1, 328 nn. 2, 353 nn. 1, 378 nn. 1, 340 nn. 3.

Дружина князя, вѣроятно, состояла изъ такихъ благородныхъ людей, да и сами они имѣли право содержать собственныя дружины [1]). Поморская знать была многочисленна и богата, она имѣла очень значительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ [2]). Ограниченіе власти ея со стороны народа представляется болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ; гораздо болѣе дѣйствительнымъ было ограниченіе власти князя посредствомъ власти знатныхъ людей.

Князь. Княжескую власть мы застаемъ въ Поморьѣ въ неразвитомъ состояніи. Князь, кажется, былъ только первый, болѣе богатый и могущественный изъ знатныхъ людей земли. Согласно съ этимъ и права его немногимъ были выше правъ прочихъ знатныхъ. Онъ владѣлъ большими помѣстьями и сильными крѣпостями [3]), ему принадлежало право почина въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. назначеніе и созваніе сеймовъ знатныхъ людей для обсужденія и рѣшенія дѣлъ [4]); онъ былъ главнымъ воеводою ополченія земли [5]) и представителемъ ея при договорахъ о мирѣ [6]), съ его мѣстомъ жительства, наконецъ, соединено было право убѣжища для преступниковъ и вообще людей, угрожаемыхъ насильственною смертью [7])... Но при всемъ томъ, власть князя была не только слаба фактически, но и основывалась на весьма шаткихъ правахъ. Едва ли что значительное въ отношеніи всей земли могъ предпринять онъ по своему благоусмотрѣнію, безъ согласія прочихъ знатныхъ людей, бывшихъ также своего рода князьями. Вотъ почему-такъ незначительна въ дѣйствительности была его

---

1) Herb. II, 11, 12, 21—23; Ebo III, 2; pag. 335 nn. 1, 342 nn. 3, 343 nn. 1, 344 nn. 1, 374 nn. 1.

2) Ebo II, 8, 9; III, 2; Herb. III, 15, 17, 20; pag. 350 nn. 1, 353 nn. 1, 374 nn. 1, 396 nn. 1, 2, 399 nn. 1.

3) «dux terrae, dux Pomeranorum, princeps terrae»; Herb. II, 12, 19, 21—24; Ebo II, 4; pag. 333 nn. 1, 337 nn. 1, 342 nn. 1, 342 nn. 3, 343 nn. 2.

4) Ebo III, 6; Herb. III, 3; pag. 381, 382 nn. 1.

5) Ebo III, 5; Herb. III, 1, 2; pag. 378 nn. 1, 379 nn. 1, 387 nn. 1.

6) Ebo III, 13; pag. 392 nn. 1.

7) Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7; Priefl. II, 5; pag. 345, 346 nn. 1, 347 nn. 1, 350 nn. 1.

личная помощь бамбергскимъ проповѣдникамъ. Его авторитетъ, какъ видно, былъ очень слабъ въ большихъ городахъ: штетиняне стояли какъ-то независимо отъ него, раздорили съ нимъ и грабили его владѣнія, вольняне ни во что вмѣняли его *право убѣжища* [1]); самъ Оттонъ побѣждаетъ упорство язычниковъ, прибѣгая не къ силѣ и власти туземнаго князя, а къ силѣ князя польскаго [2]). Кромѣ главнаго князя всей земли, были и мѣстные князья [3]). Они, вѣроятно, входили въ составъ высшаго благороднаго сословія и ничѣмъ существенно не отличались отъ прочихъ знатныхъ лицъ земли.

Чужеземцы. Народъ, стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, не могъ не быть терпимымъ къ людямъ захожимъ, чужеземцамъ. Они необходимо должны были у него пользоваться правомъ безопасности. Примѣры противнаго, указываемые нашими источниками [4]), находятъ объясненіе въ исторіи: въ чужеземцахъ народъ часто видѣлъ и встрѣчалъ враговъ, посягавшихъ на его свободу и миръ, относившихся къ нему съ корыстными цѣлями, оскорблявшихъ его вѣрованія и святыню. Подъ дѣйствіемъ подозрительно-непріязненнаго взгляда на такихъ враговъ-чужеземцевъ, и Оттону съ его спутниками пришлось нѣсколько разъ испытать дѣйствительную опасность [5]); но тамъ, гдѣ на нихъ глядѣли иначе, т. е. безъ недовѣрія и подозрѣнія, тамъ и отношенія къ нимъ туземцевъ становились иныя. Тамъ дѣйствовалъ старый патріархальный обычай гостепріимства, въ силу котораго личность гостя-странника не только находилась въ полной безопасности, но и имѣла право на уваженіе и обязывала къ дру-

---

1) Ebo II, 7; III, 20, 23; Herb. II, 24; pag. 345, 346 nn. 1, 403 nn. 2, 405 nn. 2.

2) Herb. II, 25—6, 30; pag. 349 nn. 1, 351 nn. 2.

3) Herb. II, 15, 37; III, 6, 9; Ebo III, 12, 16; pag. 364 nn. 3, 382 nn. 1, 389 nn. 1, 390, 439, nn. 5, 398 nn. 1.

4) Ebo II, 1—2, 7; III, 6, 7, 13, 14; Herb. III, 24; pag. 328 nn. 1, 2, 382 nn. 1, 383 nn. 1, 392 nn. 1, 393 nn. 1, 347 nn. 1, 348 nn. 1.

5) Herb. II, 24; III, 5, 6, 14, 18, 22; Ebo II, 7, 8; III, 7, 8, 15, 16, 18, 19, 20; pag. 346 nn. 1, 347 nn. 1, 348, 383 nn. 1, 394 nn. 1, 385, 386 nn. 1, 395 nn. 1, 397 nn. 1, 398 nn. 1, 402 nn. 1, 403 nn. 1, 2.

жественному пріему и угощенію. Съ удивленіемъ встрѣчали проповѣдники дѣйствіе такого добраго обычая: его существованіе казалось имъ страннымъ у язычниковъ, «въ царствѣ діавола»[1]. Потому, устранивъ случайную возможность непріязненныхъ отношеній къ чужеземцамъ и выходившей отсюда опасности или гибели для нихъ, мы должны будемъ признать, что законъ-обычай въ Поморьѣ предоставлялъ имъ и право безопасности, и право гостепріимства.

Управленіе. Земля раздѣлялась на области или жупы[2]). Средоточіемъ каждой жупы былъ городъ, къ нему принадлежало или вѣрнѣе—тяготѣло большее или меньшее число крѣпостей и другихъ мѣстъ осѣдлости[3]). Всѣ они вмѣстѣ составляли въ административно-юридическомъ отношеніи — одно цѣлое: городъ былъ только центральнымъ мѣстомъ управленія жупы и не имѣлъ, какъ кажется, своего особаго, отдѣльнаго отъ прочихъ частей ея, юридическаго устройства и управленія; потому—и не существовало въ правномъ смыслѣ различія между бытомъ города и всей жупы, не видно сословія городского, и понятіе «горожанина» было скорѣе понятіемъ мѣстнымъ, чѣмъ юридическимъ. Такое устройство — понятно тамъ, гдѣ городъ образовался не вслѣдствіе намѣренія отдѣлить свои интересы отъ интересовъ прочихъ мѣстъ страны, а единственно по естественному стремленію къ удобствамъ общежитія и безопасности. Онъ сталъ центромъ страны, но не обособился отъ нея въ самостоятельно-отдѣльную единицу и жилъ съ нею одною общею жизнью. Изъ правительственныхъ лицъ въ «Жизнеописаніяхъ» упоминаются: *старѣйшины* народа, *знатные лучшіе, первые люди, князья*[4]), т. е. благородные дворяне; *на-*

---

1) Ebo III, 7; Herb. II, 41; III, 5; pag. 337 nn. 1, 368 nn. 1, 383 nn. 1.

2) «prouincia, pagus». Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37, 39; Ebo II, 13; III, 1; pag. 342 nn. 2, 352 nn. 1, 361 nn. 2, 3, 366 nn. 1, 361 nn. 1, 371 nn. 1.

3) Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37; III, 4; Ebo III, 1, 18; pag. 337, 338 nn. 1, 342 nn. 2, 352 nn. 1, 361 nn. 2, 3, 366 nn. 1, 371 nn. 1, 402 nn. 1.

4) «maiores natu, seniores plebis, eximii ciues, principes». etc. Ebo II, 1, 5, 11, 13; III, 5, 6, 7, 13, 16; Herb. II, 14, 20, 23, 30, 37; III, 3; pag. 328 nn. 2, 338 nn. 2, 361 nn. 1, 364 nn. 1, 378 nn. 1, 381 nn. 1, 382 nn. 1, 383 nn. 1. 391 nn. 2, 399 nn. 1, 338 nn. 2, 339 nn. 1, 344 nn. 1, 354 nn. 1, 364 nn. 3. см. также 439 nn. 5.

чальники городовъ или *кастелланы* [1]); наконецъ—*воеводы* [2]). Всѣ эти лица составляли городской совѣтъ, обсуждавшій и рѣшавшій дѣла, касавшіяся города и всей жупы [3]). Упоминаются также еще: *вѣстники*, которые объявляли народу рѣшенія правительственнаго совѣта, *стража* начальника города и деревенскій *староста*, управлявшій княжьими имѣніями [4]). Въ дѣлахъ, касающихся религіи или связанныхъ съ нею — принимали участіе и *жрецы* [5]). Способъ рѣшенія дѣлъ происходилъ посредствомъ совѣщаній: вѣчей и сеймовъ. *Вѣче* было двухъ родовъ: одно—открытое всенародное, имѣвшее мѣсто sub ioue на площадяхъ или особыхъ вѣчевыхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены въ Штетинѣ для этого вѣчевыя ступени или возвышенія, съ которыхъ можно было говорить къ народу [6]); другой родъ вѣча—частный или закрытый—происходилъ въ особыхъ помѣщеніяхъ или въ зданіяхъ, принадлежащихъ святилищу и называвшихся *континами* (въ Штетинѣ); здѣсь участвовали только члены правительства, старѣйшины, знатные люди земли, вообще—правительственный совѣтъ. Обсудивъ дѣло, они предлагали свое рѣшеніе на утвержденіе народа и къ исполненію [7]). *Сеймы* собирались въ случаѣ важныхъ дѣлъ, касающихся интересовъ всей страны; князь назначалъ время и мѣсто, знатные люди, воеводы и жупаны съѣз-

---

1) «princeps loci,—ciuitatis, prefectus ciuitatis,—urbis, dominus loci». Herb. III, 1, 2, 3, 9; Ebo III, 3, 7, 12; pag. 375 nn. 1, 378 nn. 1, 379 nn. 1, 38 nn. 1, 383 nn. 1, 389 nn. 1.

2) «Capitanaei» Herb. II, 23; III, 3; pag. 344 nn. 1, 382 nn. 1.

3) magistratus ciuitatis». Ebo III, 7, 8; Herb. III, 17; pag. 383 nn. 1, 384 nn. 1, 396 nn. 2, были-ли между правительственными лицами и *старцы изъ народа*, по роду непринадлежавшіе къ знати, рѣшить трудно. Латинская терминологія источниковъ не позволяетъ никакого твердаго заключенія, а изъ самихъ обстоятельствъ дѣла не открывается ничего положительнаго.

4) «preconeś», «milites principis», «satellites prefecti urbis», «uillicus». Herb. III, 17, 2; Ebo III, 12; Herb. II, 21; pag. 396 nn. 2, 379 nn. 1, 390 nn. 1, 342 nn. 3.

5) Ebo III, 16; pag. 400 nn. 1.

6) Ebo III, 1, 5, 7, 15; Herb. II, 30; III, 15, 17; pag. 372 nn. 1, 378 nn. 1, 383 nn. 1, 396 nn. 1, 2, 397 nn. 1, 354 nn. 1.

7) Ebo II, 5. III, 1, 6; Herb. II, 14, 32; III, 20, pag. 339 nn. 1, 382 nn. 1.

жались, обсуждали предстоявшія дѣла и постановляли свое рѣшеніе [1]).

Преступленіе и наказаніе. Преступнымъ дѣйствіемъ считались: нарушеніе сдѣланнаго обязательства, нарушеніе установленныхъ законовъ и обычаевъ отцовъ, которыми держалась страна; а равно и—неисполненіе постановленій городского совѣта и народа [2]). Наказаніями были: лишеніе свободы и тяжелое заключеніе въ тюрьму — за первый родъ преступленій; *потокъ* или разграбленіе и сожженіе дома преступника—за послѣдній [3]). Существовали-ли наказанія увѣчьемъ членовъ и смертная казнь? Судя по тому, что было сказано штетинцами на предложенія Оттона принять христіанство, можно подумать, что ихъ не было. Для увѣчья, дѣйствительно, мы не находимъ примѣровъ въ нашихъ источникахъ, но что поморяне предавали позорной смерти не только христіанскихъ проповѣдниковъ, но и своихъ — на это указанія существуютъ [4]); а потому едва-ли и слѣдуетъ заключать изъ словъ штетинцевъ объ отсутствіи смертной казни. Существованіе какъ ея, такъ и правнаго увѣчья — доказывается другими источниками, которыхъ мы здѣсь не касаемся.

Судъ. Какимъ образомъ и чрезъ кого производился судъ и расправа, на это нѣтъ никакихъ указаній. Все, что мы можемъ отмѣтить въ этомъ отношеніи — есть существованіе княжья права *убѣжища* (ius asyli): угрожаемый смертью убѣгалъ въ княжье мѣсто и былъ тамъ безопасенъ до разбора дѣла. Если преступленіе его доказывалось — князь выдавалъ его на расправу. Конечно такое учрежденіе явилось вслѣдствіе потребности ограничить дѣйствіе личной расправы или кровной мести. Какъ показываетъ случай съ бамбергскими проповѣд-

---

1) Ebo III, 6; Herb. III, 3, cf. II, 37; pag. 381 nn. 1, 382 nn. 1, cf. 365 cf. 364 nn. 3.

2) Ebo II, 7; III, 7, 12; Herb. III, 9; pag. 383 nn. 1, 389 nn. 1, 390 nn. 1.

3) *ibidem.*

4) Ebo III, 6, 13, cf. c. 20; Herb. II, 26; pag. 382 nn. 1, 392 nn. 1, 351 nn. 1, cf. въ «Приложеніяхъ».

никами — право княжьяго убѣжища мало уважалось волынской вольницей [1]).

Международныя отношенія. При томъ распространеніи въ какомъ мы находимъ у поморянъ пиратство и грабежъ сосѣдей — международныя отношенія едва-ли могли быть опредѣленны и тверды; но интересы торговли и потребность безопасной жизни все же вызывали необходимость договоровъ и союзовъ съ другими племенами, основанныхъ на взаимныхъ обязательствахъ. Въ такомъ союзѣ стояли поморяне съ руянами, такіе договоры заключали они съ Польшей, обязываясь ими къ дани и военной помощи [2]). Договоры заключались посредствомъ уполномоченныхъ нарочитыхъ людей или посланниковъ и скрѣплялись, какъ мы замѣтили выше, символическимъ дѣйствіемъ рукобитья и поцѣлуя, знаменовавшимъ миръ, согласіе и любовь [3]).

Внутреннія отношенія, т. е. отношенія другъ къ другу отдѣльныхъ областей страны, кажется, тоже основывались на взаимныхъ обязательствахъ, по крайней мѣрѣ — при нападеніи лютичей на Дымипъ князь съ войсками явился на помощь послѣднему. Отношенія Волына и др. городовъ къ Штетинѣ были чисто филіальныя [4]).

Религія представляла вѣрный нравственный образъ быта и культуры народа. Мы находимъ въ ней то-же раздвоеніе, какъ и въ жизни: съ одной стороны — это религія мирнаго земледѣльца, боготворящаго силы природы, чтущаго добрыхъ, дружественныхъ боговъ, надѣляющихъ людей всякимъ обиліемъ и земнымъ богатствомъ; съ другой — это религія воина или пирата, исполненная грозныхъ образовъ и страха, карающая гибелью, погромами и разореніемъ. Религія поморянъ перешла за черту простого

---

1) Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7, 8; Prief. II, 5; pag. 346 nn. 1, 347, 348, 350 nn. 1.
2) Ebo III, 23; Herb. II, 30; III, 30; pag. 406 nn. 1, 354 nn. 1.
3) Herb. II, 26, 30; III, 10; Ebo II, 11; III, 13, 20, 23; pag. 351 nn. 2, 352 nn. 1, 354 nn. 1, 391 nn. 2, 392 nn. 1, 403 nn. 2, 405 nn. 2, 361 nn. 1.
4) Ebo III, 5; Herb. III, 2; Ebo II, 9, 11; Herb. II, 25; III, 15, 25; pag. 378 nn. 1, 379 nn. 1, 350 nn. 1, 361 nn. 1, 348 nn. 2, 401 nn. 1.

естественнаго народнаго вѣрованія и поклоненія: она была въ вѣдѣньи развитой жреческой іерархіи и изъ этой школы выходила въ формѣ доктрины, вѣроученія, богослужебнаго ритуала. Божества воплотились въ опредѣленные внѣшніе образы (идолы), размѣстились въ опредѣленномъ порядкѣ по храмамъ, получили опредѣленный образъ чествованія. Насколько въ всемъ этомъ участвовала объяснительная, систематизирующая богословская работа жрецовъ—сказать трудно; но присутствіе ея здѣсь несомнѣнно.

Народъ, жившій въ довольствѣ и благосостояніи, и съ понятіемъ божества соединялъ мысль о матеріальномъ обиліи и богатствѣ: оно было для него источникомъ всякихъ благъ земныхъ, оно одѣвало зеленью и плодами поля и лѣса, дарило людямъ стада и всякія другія богатства [1]).

Слѣды древнѣйшихъ вѣрованій видны въ обожаніи деревьевъ, орѣшника и дуба (посвященныхъ богу громовнику ?) и воднаго источника, гдѣ обитало какое-то стихійное божество [2]). Воинственное направленіе народнаго быта ясно и довольно грубо выразилось въ обожаніи оружія, копья, которое высилось на огромномъ столбѣ или колоннѣ среди Волына [3]). Божествъ было много. Верховный изъ нихъ (Свантовитъ?) имѣлъ тк. скз. главное мѣстопребываніе въ Штетинѣ, въ святилищѣ на высокой горѣ, находившейся въ срединѣ города. Большой идолъ его былъ представленъ въ формѣ человѣка съ тремя смежными головами, почему и назывался Триглавомъ; золотая повязка покрывала его глаза и губы. По ученію жрецовъ, кажется, впрочемъ, произвольному—три головы обозначали, что богъ властвуетъ надъ тремя областями: небомъ, землей и преисподней, а повязка обозначала будто бы, что онъ не обращаетъ вниманія на грѣхи людей, какъ бы не видитъ и молчитъ о нихъ. Верховный богъ былъ воинъ-наѣздникъ: однимъ изъ атрибутовъ его святилища было сѣдло; онъ помогалъ

1) Herb. II, 23; III, 4; Ebo II, 1; pag. 344 nn. 1, 328 nn. 1, 2.

2) Herb. II, 32; Ebo III, 18; pag. 357 nn. 2, 402 nn. 1.

3) Ebo II, 1; III, 1; Herb. III, 26; Prieft. II, 6; pag. 329 nn. 1, 370, 371 nn. 1, 404, 405 nn. 1, 399 nn. 1.

людямъ въ опасныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ большого изображенія его существовали и малыя. Объ одномъ подобномъ, сдѣланномъ изъ золота, упоминается, что оно помѣщалось въ дуплѣ древеснаго пня [1]). Въ Волегощѣ и у Гаволянъ чтился Яровитъ, весеннее (земледѣльческое) божество, ставшее главнымъ богомъ войны: на стѣнѣ его святилища висѣлъ огромный щитъ, обтянутый золотомъ; прикасаться къ нему не дерзалъ никто изъ смертныхъ, суевѣрный народъ соединялъ съ такимъ дѣйствіемъ какое-то недоброе предзнаменованіе, это значило б. м. — пробудить къ дѣятельности браннаго бога, навлечь гибель... Но во время войны громадный щитъ выносили и вѣрили, что подъ его покровомъ они останутся побѣдителями [2]).. О многочисленныхъ идолахъ другихъ боговъ, стоявшихъ по разнымъ святилищамъ въ Волынѣ, Гостьковѣ, Штетинѣ и пр. наши источники отзываются довольно глухо, они замѣчаютъ только необыкновенно художественную, красивую отдѣлку ихъ, что даетъ понятіе о довольно развитомъ религіозно-естетическомъ чувствѣ и вкусѣ народа [3]).

Храмы или святилища, въ которыхъ помѣщались изображенія боговъ и гдѣ происходило служеніе имъ — находились и въ городахъ и въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ. Проповѣдники говорятъ съ удивленіемъ о красотѣ и богатствѣ ихъ. Въ Штетинѣ стояло четыре *контины* (кѫшта, кѫтъ); главная изъ нихъ была отстроена съ удивительнымъ художествомъ: внутри и снаружи на стѣнахъ находились рѣзныя выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя такъ живо и согласно съ природой, что можно было подумать — они живутъ и дышатъ. Краски изображеній были такъ прочны, что имъ вовсе не вредили ни снѣгъ, ни дожди [4]). Въ Гостьковѣ находились также великолѣпной отдѣлки художе-

1) Ebo II, 13; III, 1; Herb. II, 32; III, 20; Priefl. II, 11; pag. 363 nn. 1, 372 nn. 1, 357 nn. 1, 356 nn. 1.

2) Ebo III, 3, 8; Herb. III, 4, 6; pag. 375 nn. 1, 383, 384 nn. 1, 385, 386, nn. 1.

3) Herb. II, 30; III, 26; Ebo II, 13; III, 1, 10, 16; pag. 357 nn. 1, 405 nn. 1, 360, 361 nn. 1, 371 nn. 1, 388 nn. 1, 400.

4) Ebo II, 13; III, 8, 18; Herb. II, 30—33; III, 6; Prief. II, 11, 16; pag. 363 nn. 1, 402 nn. 1, 357 nn. 1, 356 nn. 1, 386 nn. 1, 361 nn. 1.

ственные храмы; жители потратили на нихъ значительную сумму денегъ и славились ими, какъ знаменитымъ украшеніемъ своего города[1]). Нельзя, конечно утверждать, что эти памятники поморскаго искусства были произведеніемъ туземной культуры и туземныхъ художниковъ; скорѣе здѣсь можно видѣть работу европейскихъ мастеровъ романскаго стиля, столь любившаго скульптурныя изображенія звѣрей, птицъ и людей; но во всякомъ случаѣ самый фактъ существованія художественныхъ произведеній въ Поморьѣ представляетъ не малое свидѣтельство въ пользу образованности, если не всего народа, то лучшихъ изъ него. Торговыя сношенія въ этомъ случаѣ не прошли даромъ. Въ храмы—въ честь и украшеніе боговъ — по старому обычаю приносилась часть добычи, награбленныя богатства и оружіе враговъ; здѣсь сохранялись золотыя и серебряныя чаши, огромные позолоченные и украшенные драгоцѣнными камнями рога звѣрей, пригодные для питья, и другіе рога, на которыхъ можно было играть, ножи и кинжалы и вообще всякія рѣдкія и художественныя драгоцѣнности[2]). Подъ покровомъ боговъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ храмамъ, въ урочное время, происходили собранія гражданъ: они сходились сюда играть, веселиться или обсуждать свои дѣла. Три прочія штетинскія контины, менѣе украшенныя, чѣмъ главная, служили именно для этой цѣли: въ нихъ кругомъ были устроены скамьи и столы, за которые и садились приходящіе. Религіозное значеніе трехъ меньшихъ континъ — не подлежитъ сомнѣнію, иначе Оттонъ не предалъ бы ихъ разрушенію[3]). Служителями боговъ и блюстителями святилищъ ихъ были *жрецы*. Они совершали богослуженіе и всякіе обряды, связанные съ религіей, они же служили истолкователями воли божества. Каждое святилище—кажется имѣло своего жреца; въ Штетинѣ, по числу континъ, ихъ было четыре; изъ нихъ одинъ главный. Отъ про-

1) Ebo III, 9; Herb. III, 7; pag. 387 nn. 1.
2) Herb. II, 32; pag. 356 nn. 1.
3) Ibidem.

чаго народа жрецы отличались особой, длинной одеждой. Власть и вліяніе ихъ на народъ едва ли были особенно значительны, по крайней мѣрѣ — ихъ противодѣйствіе введенію христіанства находило весьма слабую поддержку и отзывъ со стороны лучшихъ людей и всего народа [1]). Мы замѣчали уже, что въ сокровищницы святилищъ, въ видѣ *жертвъ*, приносилась часть добычи; въ источникахъ упоминаются еще обрядовыя жертвоприношенія, совершавшіяся подъ орѣшникомъ, гдѣ обитало божество; а равно и другія умилостивляющія и благодарственныя жертвы Триглаву [2]). Воля божества узнавалась посредствомъ гаданій. Въ Штетинѣ находился огромный и быстрый конь вороной масти; круглый годъ на него никто не садился, онъ считался священнымъ и за нимъ ухаживалъ одинъ изъ жрецовъ. Когда задумывался какой-нибудь набѣгъ или военный походъ, народъ гадалъ объ исходѣ предпріятія слѣдующимъ образомъ: на землю полагались рядомъ девять копій, каждое въ разстояніи локтя одно отъ другого; сѣдлали и взнуздывали священнаго коня, и жрецъ, смотрѣвшій за нимъ, провождалъ подъ уздцы его трижды взадъ и впередъ по простертымъ копьямъ. Если конь проходилъ, не задѣвъ ногами и не смѣшавъ копій, то предвѣщалась удача предпріятію, и полчище выходило въ походъ; въ противномъ случаѣ знаменовалась неудача, и предпріятіе оставлялось [3]). По другому извѣстію отлагалось не самое предпріятіе, а только способъ его: думали, что божество, чрезъ своего коня, такимъ знаменіемъ воспрещаетъ отправленіе въ походъ *конный* и потому прибѣгали къ *жребіямъ*, чтобы посредствомъ ихъ узнать, что слѣдуетъ предпринять: пѣшій ли набѣгъ или морской [4]). Во всякомъ случаѣ — основная

---

1) Herb. II, 33, 34; III, 4, 14; Ebo II, 1, 7, 13; III, 1, 2, 6, 8, 15, 16, 20; pag. 359 nn. 1, 360 nn. 1, 384 nn. 1, 396 nn. 1, 328 nn. 2, 361 nn. 1, 372 nn. 1, 374 nn. 1, 382 nn. 1, 394 nn. 1, 398 nn. 1, 397 nn. 1, 400 nn. 1, 403, nn. 2.

2) Ebo II, 13, 15; III, 1, 18; pag. 363 nn. 1, 364; nn. 2, 371 nn. 1. 372 nn. 1, 402 nn. 1, 356 nn. 1.

3) Herb. II, 33; pag. 359 nn. 1.

4) Priefl. mon. II, 11; 359 nn. 1.

мысль гаданія ясна: проходя свободно чрезъ рядъ копій впередъ и назадъ, невидимый божественный всадникъ тѣмъ, какъ бы указывалъ на свободный, безпрепятственный проходъ чрезъ опасности предпріятія, на свободное возвращеніе домой, стало быть—на удачу. Какое значеніе имѣло число *девяти* копій—неизвѣстно, но что оно не было случайнымъ—это ясно. Кромѣ этого способа гаданія, наши источники говорятъ еще о гаданіяхъ *жребіями и чашами*, которыя хранились въ святилищахъ и употреблялись при торжественныхъ случаяхъ. Быть можетъ, гаданіе чашами заключалось въ простомъ возліяніи напитка въ честь божества и молитвы къ нему о счастіи, благополучіи и удачѣ [1]). Религіозныя *празднества* совершались въ земледѣльческія урочныя времена. Таково было празднество, совершавшееся въ началѣ лѣта въ Пырицѣ (въ іюнѣ), на которое стекался народъ изъ всей окрестной области и проводилъ время въ пирахъ, играхъ, пляскѣ и пѣніи. Гаволяне торжествовали празднество Яровита въ срединѣ апрѣля, т. е. при возвратѣ солнечной силы и возрожденіи природы. Съ полевымъ, земледѣльческимъ характеромъ праздникъ соединялъ характеръ воинскій: онъ совершался окруженный отовсюду священными знаменами. Въ Волинѣ празднованіе божеству (Свантовиту?) происходило въ началѣ лѣта; къ торжеству стекалось множество народа изъ области. Сверхъ этихъ большихъ праздниковъ были, кажется, и меньшіе, мѣстомъ дѣйствія которыхъ служили контины [2]).

Изъ *языческихъ суевѣрныхъ обычаевъ* источники упоминаютъ еще погребеніе усопшихъ по лѣсамъ и полямъ и прибѣганіе къ вѣдуньямъ за помощью. Къ числу такихъ «вѣщихъ женокъ» принадлежала, быть можетъ, та женщина-вдова, которой жрецы поручили храненіе скрытаго имени Триглава [3]).

---

1) Herb. II, 32, 33; Ebo II, 12; Prief. II, 11; pag. 356 nn. 1, 359 nn. 1, 369 nn. 1.

2) Herb. II, 14, 32; Ebo III, 1, 3; pag. 357, 338 nn. 1, 356 nn. 1, 371 nn. 1, 374, 375 nn. 1.

3) Ebo II, 12, 13; pag. 369 nn. 1. 362, 363 nn. 1.

Характеръ поморскаго язычества — на сколько онъ открывается изъ «Жизнеописаній»—не отличался рѣзкой, упорной религіозной исключительностью. Несмотря на, повидимому, твердо установившіяся, доктриной закрѣпленныя формы языческаго вѣроученія и культа, несмотря на существованіе во главѣ ихъ ревнивой жреческой іерархіи и на то, что религія приняла и усвоила политическій элементъ страстной народной вражды, она не въ конецъ утратила и терпимость, присущую наивному язычеству, не перешла въ фанатизмъ. Зависѣло ли это отъ свойствъ народнаго характера или отъ степени образованія, сказать трудно; но то вѣрно, что религіозными фанатиками въ настоящемъ смыслѣ поморяне не были, и случаи нетерпимости ихъ вытекали не столько изъ религіи, сколько изъ историческихъ отношеній и обстоятельствъ. Этимъ объясняется съ одной стороны довольно легкій внѣшній успѣхъ проповѣди Оттона, съ другой — знаменательное явленіе *двоевѣрнаго* поклоненія въ Штетинѣ [1]). Но хотя темная сила жреческаго язычества и не была у поморянъ тѣмъ подавляющимъ бременемъ, какимъ являлась она у ихъ ближайшихъ родственниковъ, все же она была темною силою; она могла еще вызвать и поддержать дѣятельность народа, но была рѣшительно не въ состояніи вести его впередъ, по стезѣ развитія и прогресса.

Историческія отношенія. Изъ того, что было доселѣ сказано о бытѣ и образѣ жизни поморскаго народа, можно заключать, что онъ издавна не оставался чуждъ движенію сѣверной политической исторіи. Народъ съ такими развитыми торговыми сношеніями, преданный постоянному занятію морскихъ и сухопутныхъ войнъ и грабежа, былъ, конечно, дѣятельнымъ участникомъ событій времени. Напрасно, однако, мы будемъ искать въ источникахъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ объ этомъ извѣстій и указаній: политическая исторія славянскаго Поморья остается совершенно темна до самаго конца XI вѣка. Правда, грамоты папъ и нѣмец-

---

1) Ebo III, 1, 3, 4; Herb. II, 15, 20; pag. 372 nn. 1, 375 nn. 1, 376, 377 nn. 1, 340 nn. 1, 342 nn. 2.

кихъ императоровъ еще прежде указываютъ на часть поморской земли, лежавшую между рр. Пѣной и Одрой [1]), но собственнаго Поморья онѣ не знаютъ: сюда, какъ видно, не проникало еще римско-нѣмецкое оружіе креста и меча, а вмѣстѣ съ ними — и притязанія духовныхъ и свѣтскихъ властителей... Поморье была для нихъ «terra incognita, Christo et Imperatori adhuc non subiugata».

Первыми засвидѣтельствованными событіями поморской исторіи были:

а) *войны поляковъ съ поморянами при Болеславѣ I, Казимирѣ, Болеславѣ II и Владиславѣ-Германѣ,*

б) *борьба Поморья съ Болеславомъ III, Кривоустымъ,* и слѣдовавшее за нею

в) *введеніе христіанства чрезъ бамбергскую миссію.*

О войнахъ поморянъ съ первыми князьями Пястова рода «Жизнеописанія» Оттона вовсе не упоминаютъ: имъ извѣстны только отношенія Поморья къ Польшѣ при Болеславѣ III. Чтобы уяснить эти отношенія, необходимо поставить ихъ въ связь съ предшествовавшимъ. Средства къ тому даетъ старшій польскій анналистъ, Мартинъ Галлъ и отчасти — Кадлубекъ.

Племя «необузданое и ненавистное», поморяне издавна, тревожили польскія земли безпрестанными набѣгами, разореніемъ и грабежомъ; потому — естественно, одною изъ важныхъ заботъ слагавшагося польскаго государства была забота объ укрощеніи буйныхъ сосѣдей. Какъ ни глухи извѣстія польскихъ лѣтописцевъ (и схоліаста Адама бременскаго) о предпріятіяхъ Болеслава I и Казимира въ отношеніи Поморья, но изъ нихъ все таки видно, что польскіе князья, дѣйствительно или номинально, владѣли страною по праву завоеванія. Гданскъ былъ въ концѣ X в. польскимъ

---

1) Codex Pomeraniae diplomaticus ed. Hasselbach et Cosegarten, Pr. 1843—62, Nro. 8, 9, 10; Pommersches Urkundenbuch, hrsg. v. Klempin I, St. 1868, Nro. 17, 19, 20, 21.

городомъ, въ Колобрегѣ Болеславъ I основалъ даже епископство [1]). По словамъ Мартина Галла Болеславъ II въ началѣ своего правленія *владычествовалъ* надъ поморянами, но вскорѣ — несмотря на одну выигранную битву, утратилъ власть [2]); такъ что при Владиславѣ-Германѣ Поморье является свободнымъ и вызываетъ противъ себя рядъ военныхъ предпріятій со стороны поляковъ. Еще до 1091 г. Владиславъ, поразивъ поморянъ, взялъ многіе города и крѣпости внутри страны и на побережьи моря, посадилъ по важнѣйшимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ своихъ воеводъ и посадниковъ и, желая отнять у язычниковъ всякія средства къ возстанію, велѣлъ за одинъ разъ сжечь всѣ крѣпости, находившіяся въ центрѣ страны. Мѣра не принесла ожидаемой пользы. Поморяне вскорѣ поднялись снова, избили болѣе строгихъ и жестокихъ польскихъ посадниковъ, прогнали другихъ, образъ дѣйствій которыхъ былъ мягче и благороднѣе, и снова стали свободны [3]). Владиславъ не могъ оставить безъ возмездія такой обиды: въ началѣ 1091 г. онъ съ сильнымъ войскомъ вторгся въ поморскіе предѣлы, проникъ до богатой и многолюдной Штетины, взялъ огромную добычу и безчисленное количество плѣнныхъ и отошелъ къ своимъ предѣламъ. Поморяне, однако, шли по слѣдамъ и настигли его у рѣки Наклы (? Нотеци). Битва, кажется, имѣла нерѣшительный исходъ: обѣ враждующія стороны разошлись ни при чемъ [4]). Слѣдовавшая въ томъ-же году попытка Владислава овладѣть поморскою крѣпостью Накломъ (на р. Нотецѣ) окончилась для поляковъ—безплодно. Осажденнымъ удалось отвлечь непрія-

1) Martini Galli Chronicon I, 6, 19, 21 — у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae historica, I, Lw. 1864, pag. 400, 416, 418; Win. Kadlubkonis Chronicon II, 12—у Бѣлевскаго въ Monumenta II, Lw. 1872, pag. 279. О принадлежности Гданска Польшѣ и объ основаніи Болеславомъ колобрегской епископіи, см. замѣчанія: Röppel'я: Geschichte Polens, Hamb. 1840, I, p. 106—7 in notis, Adami Brem. Gesta II, 33, schol.; cf. Helmoldi Chronica I, 15.

2) Mart. Galli Chronicon I, 22, 25 (Monum. I, p. 419—420); Kadlubkonis Chronicon II, 18 (Monum. II, p. 294).

3) Martini Galli Chronicon II, 1 (Monum. I, p. 429); Kadlubkonis Chronicon II, 22 (Monum. II, p. 303).

4) Martini Galli Chron. II, 2 (Monum. I, p. 429—430).

теля всторону и сжечь осадныя орудія его и часть лагеря; къ тому же войска, особенно союзныхъ чеховъ — начинали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Эти обстоятельства побудили князя снять осаду и уйти домой [1]). Между тѣмъ подросли дѣти Владислава, Сбигнѣвъ и Болеславъ; престарѣлый князь передалъ имъ начальство надъ войскомъ и отправилъ ихъ въ походъ противъ поморянъ. Мартинъ Галлъ разсказываетъ, что при этомъ особенно отличился Болеславъ: онъ принудилъ къ сдачѣ находившуюся въ ихъ власти крѣпость Межирѣчье, овладѣлъ другою какою-то знаменитою крѣпостью поморянъ, при чемъ взялъ богатую добычу и множество плѣнныхъ, а воиновъ предалъ смерти, и заставилъ, наконецъ — поморянъ разрушить ихъ собственное сильное укрѣпленіе, которое они возвели насупротивъ польской крѣпости Зантока и которое столь тщетно осаждалъ братъ его, Сбигнѣвъ. Вообще «желая покорить страну варваровъ», онъ стремился не столько за добычею, сколько затѣмъ, чтобы овладѣть городами и укрѣпленіями и разорить ихъ [2]). Таковы были отношенія Поморья къ Польшѣ до вступленія на престолъ Болеслава III, Кривоустаго.

Не смотря на то, что польско-поморскія войны имѣли характеръ неправильной и случайной пограничной борьбы и не достигали никакихъ прочныхъ результатовъ, — со стороны поляковъ онѣ, какъ кажется, не были только одними набѣгами съ цѣлью грабежа, укрощенія и возмездія за обиды, но имѣли и *политическую задачу* распространенія польскаго государства пріобрѣтеніемъ или усвоеніемъ богатыхъ земель Поморья. Укрощеніе буйныхъ сосѣдей и месть имъ, по взглядамъ времени, вполнѣ достигались разореніемъ, грабежомъ страны, плѣномъ и наложеніемъ тяжелаго трибута; но болѣе прочное завладѣніе требовало иныхъ мѣръ — и потому Владиславъ-Германъ занимаетъ войскомъ

---

1) Martini Galli Chronicon II, 3 (Monum. I, p. 430—1).

2) Martini Galli Chronicon II, 7, 14, 15, 17 (Monum. I, p. 434, 436, 439—40); Kadlubkonis Chron. II, 24 (Monum. II, 311—12).

важнѣйшія поморскія крѣпости и ставитъ тамъ своихъ посадниковъ, потому и Болеславъ III, желая покорить страну, стремился овладѣть городами и укрѣпленіями ея. Со стороны польскихъ князей было естественно стремленіе возвратить то, что, по ихъ мысли, добыто оружіемъ Болеслава I, чѣмъ владѣли онъ и Казиміръ. Этого требовалъ долгъ семейно-государственной традиціи.

Хотя мѣры къ утвержденію польскаго владычества въ Поморьѣ оказались слабыми и малодѣйствительными, но политическая задача осталась въ полной силѣ и въ лицѣ Болеслава III нашла себѣ неутомимаго поборника и отчасти исполнителя.

Однимъ изъ первыхъ предпріятій Болеслава III, по вступленіи его на престолъ (1102), былъ походъ въ Поморье. Съ отборнымъ небольшимъ войскомъ онъ проникъ въ самую средину земли язычниковъ, до главнаго города ихъ, богатаго и многолюднаго Бѣлграда, взялъ его въ тотъ-же день приступомъ, разрушилъ и сравнялъ съ землею укрѣпленія и съ богатою добычею возвратился домой. Дальнѣйшія послѣдствія этого дѣла заключались главнымъ образомъ въ устрашеніи поморянъ: другихъ, по крайней мѣрѣ, лѣтописецъ не указываетъ [1]). Въ 1107 г., не успѣвъ довести къ концу походъ противъ моравапъ, Болеславъ съ конницей устремился противъ Колобреги, «города обильнаго богатствами и укрѣпленнаго». Въ пять дней непрестаннаго пути чрезъ пустыни, онъ достигъ мѣста, перешелъ рѣку (Персанту) и неожиданно напалъ на городъ. «Если бы—говоритъ Мартинъ Галлъ, нападеніе сталось съ одинаковымъ единодушіемъ, поляки, безъ сомнѣнія, овладѣли бы знаменитымъ и главнымъ городомъ поморянъ. Но добыча и богатства, находившіяся въ «подгороди»— ослѣпили отвагу воиновъ, и судьба спасла городъ отъ поляковъ». Войско бросилось грабить подгородь; пока оно выводило и вязало плѣнныхъ, дѣтей и плѣнницъ, брало «морскія богатства», граждане, несмотря на то, что вождь ихъ убѣжалъ другими воротами при первомъ извѣстіи о появленіи врага, успѣли приготовиться

---

1) Mart. Galli Chronicon II, 22 (Monum. I, p. 413).

къ отпору. Городъ остался нетронутымъ, разграблена и сожжена была одна подгородь. Чувствуя недостаточность силъ своихъ, Болеславъ немедленно вышелъ за стѣны ея и отправился въ возвратный путь [1]). Вѣсть объ этомъ событіи сильно устрашила все «племя варваровъ», такъ что, когда Болеславъ снова поднялся на защиту какого-то своего родича Сватобора, котораго поморяне лишили власти и заключили въ тюрьму, они поспѣшили отвратить грозу немедленною выдачею узника [2]). Войны, однако, далеко не кончились. Кромѣ самого Болеслава въ то же время ихъ дѣятельно велъ и воевода его Скарбимиръ. Онъ взялъ двѣ поморскія крѣпости [одна изъ нихъ называлась Битомъ], разрушилъ ихъ, причемъ — овладѣлъ большою добычею и плѣнными [3]). Съ своей стороны поморяне, хотя и стѣсненные, не оставляли своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу, грабили и уводили въ плѣнъ жителей, жгли селенія ихъ [4]). Болеславъ неутомимо преслѣдовалъ врага. Однажды, находясь на охотѣ, отъ съ немногими отроками своими попалъ въ засаду и едва было не погибъ. Подоспѣвшая помощь спасла его; поморяне ушли, «обремененные болѣе печалью, чѣмъ добычею [5]). Отмстивъ за такую обиду разоряющимъ походомъ, Болеславъ въ зимнее время (1107—1108 г.) предпринялъ новый, болѣе рѣшительный. Намѣреніе его было овладѣть такими поморскими крѣпостями, которыя, находясь среди болотъ, были почти неприступны лѣтомъ. Онъ направился снова къ средоточію страны, Бѣлграду, осадилъ его и сталъ готовиться къ приступу. Городъ—сдался; князь оставилъ здѣсь часть своихъ воиновъ и поспѣшилъ на побережье, къ Колобрегѣ. Онъ еще не подошелъ къ городу и имѣлъ намѣреніе сначала взять крѣпость, лежавшую у моря, какъ граждане вышли къ нему на

---

1) Martini Galli Chron. II, 28 (Monum. I, p. 446—7).
2) Martini Galli Chronicon II, 29 (Monum. I, p. 447—48).
3) Martini Galli Chronicon II, 30, 31 (Monum. I, 448).
4) Martini Galli Chronicon II, 33, 34 (Monum. I, 449, 445—6,; Kadlubkonis Chronicon II ,26; III, 8 (Monum. II, 314, 335).
5) Martini Galli Chronicon II, 33 (Monum. I, 449).

встрѣчу, отдали себя во власть его, предлагая «миръ и службу». Пріѣхалъ съ покорою и какой-то поморскій князь и также обязался къ службѣ и военной повинности полякамъ. Все Поморье, казалось, было покорено: пять недѣль ходилъ Болеславъ по странѣ и нигдѣ не нашелъ противодѣйствія [1]). Но эта покорность — была только наружная, вынужденная обстоятельствами. Не успѣлъ Болеславъ уйти, какъ поморяне снова ополчились и поднялись, по обычаю, на грабежъ польской земли: они внезапно напали на церковь въ Спицимирѣ, ограбили ее, взяли въ плѣнъ какого-то священника, принятаго ими за архіепископа (гнѣзденскаго, Мартина), и ушли [2]). Въ Поморьѣ находилось еще много городовъ и крѣпостей, которые сохраняли независимость и непріязненныя отношенія къ Польшѣ. Противъ одной изъ такихъ, Чарнкова, (надъ р. Нотецью) выступилъ Болеславъ съ большими силами. Осада длилась довольно долго, но наконецъ крѣпость отдалась во власть Польшѣ. Многіе были при этомъ убиты, другіе — крещены и между ними начальникъ укрѣпленія Гнѣвомиръ [3]). И это пріобрѣтеніе Болеслава было непрочно и безъ послѣдствій: въ то время (1108), какъ онъ былъ занятъ войной съ моравнами и чехами, поморяне, чрезъ измѣну Гнѣвомира — овладѣли польскою крѣпостью Устьемъ (Uscze на р. Нотецѣ). Болеславъ долженъ былъ спѣшить на выручку; его появленіе возстановило, правда, прежній порядокъ [4]), но ничего не измѣнило къ лучшему въ отношеніи къ поморскимъ дѣламъ; такъ что, давъ краткій отдыхъ воинамъ и лошадямъ, онъ снова вторгается въ Поморье и, пренебрегая сборомъ добычи, прямо осаждаетъ крѣпость Велунъ. Поморяне защищались отчаянно: они не надѣялись на пощаду. Пока оса-

---

1) Martini Galli Chronicon II, 34, 39 (Monum. I, p. 450, 453—4); Kadlubkonis Chronicon III, 2 (Monum. II. 329—331).

2) Martini Galli Chronicon II, 43 (Monum. I, 455—6); Kadlubkonis Chronicon III, 10 (Monum. II, 336 sq.).

3) Martini Galli Chronicon II, 44 (Monum. I, 456—7).

4) Martini Galli Chronicon II, 47 (Monum. I, 457); Kadlubkonis Chronicon III, 4 (Monum. II, p. 333).

ждающіе приготовляли осадныя орудія, они исправили укрѣпленія, огородили ворота и заготовили камни. Борьба длилась долго, потери были велики съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, истомленные и доведенные до крайности поморяне, получивъ отъ Болеслава въ залогъ неприкосновенности его перчатку, рѣшились сдаться. Разсвирѣпѣлые побѣдители не исполнили уговора: вопреки приказу князя, они избили всѣхъ, не пощадивъ ни единого. Крѣпость была исправлена и занята польскимъ войскомъ [1]). Бѣдствія не образумили, однако, поморянъ: на слѣдующее же лѣто (1109) большое полчище ихъ вторглось въ предѣлы Мазовіи, жгло, грабило и плѣнило жителей. Мазовшане собрались подъ начальствомъ воеводы Магнуса, разбили и разсѣяли толпу грабителей [2]). Славная побѣда Болеслава III надъ поморянами сталась въ томъ-же году (1109) у Накеля. Крѣпость стояла на границѣ Польши и Поморья, среди болотъ, и была сильно укрѣплена. Поляки обложили ее и готовились къ приступу, когда осажденные попросили перемирія на срокъ, съ условіемъ, что если къ тому времени они не получатъ помощи, то сдадутъ крѣпость. Перемиріе имъ было дано; но осадныя работы не были сняты. Между тѣмъ вѣстники подняли поморское войско, оно поспѣшило на выручку, давъ клятву или умереть за родину, или одержать побѣду; съ этою цѣлью они отпустили лошадей и «неготовыми» дорогами, по лѣсамъ, пробирались къ Накелю. Имъ удалось напасть на поляковъ неожиданно: срокъ перемирія еще не кончился, многіе воины были въ отсутствіи за продовольствіемъ себѣ и скоту, другіе на разныхъ развѣдкахъ движеній непріятелей. Болеславъ, раздѣливъ свое небольшое войско на два полка, одинъ повелъ лично, другой поручилъ начальству Скарбимира, и битва началась. Поморяне стояли толпою, поставивъ копья на землю и обративъ ихъ противъ врага, какъ сплошную щетину, такъ что подступъ къ нимъ

---

1) Martini Galli Chronicon II, 48, (Monum. I, 458).

2) Martini Galli Chronicon II, 49 (Monum. I, 459); Kadlubkonis Chronicon III, 8 (Monum. II, 334—5).

былъ почти невозможенъ. Въ то время, когда Болеславъ нападалъ спереди, Скарбимиръ обошелъ съ тылу и нашелъ случай проникнуть въ средину толпы. Раздѣленные и окруженные, поморяне еще долго сопротивлялись, но потомъ обратились въ бѣгство. Изъ сорока тысячъ едва спаслось десять, остальные погибли въ битвѣ или въ болотахъ. Крѣпость сдалась на условіи пощады; ея примѣру вскорѣ послѣдовали и какія-то другія шесть поморскихъ укрѣпленій [1]). Среди серьезной борьбы съ Гейнрихомъ V и чехами Болеславъ не упускалъ изъ виду и поморянъ: въ началѣ 1110 г. онъ еще разъ предпринялъ походъ противъ нихъ, взялъ снова три крѣпости, сжегъ и сравнялъ ихъ съ землею, съ добычею и плѣнными возвратился домой, желая отдохнуть и укрѣпить города, пострадавшіе во время борьбы съ нѣмецкимъ императоромъ [2]). Въ 1111 г. мы снова находимъ польскаго князя среди войнъ съ поморянами. Посадникъ его въ Накелѣ и другихъ городахъ, поморянинъ Святополкъ, быть можетъ, одинъ изъ князей страны — не исполнялъ данныхъ обязательствъ, дѣйствовалъ самостоятельно и даже относился враждебно къ Польшѣ. Это побудило Болеслава осадить Накель. Осада шла неуспѣшно; у поляковъ не было осадныхъ орудій: болотистая мѣстность не допускала привоза ихъ; сверхъ того, крѣпость была сильно укрѣплена и хорошо снабжена войскомъ и всякими запасами, она могла выдержать долгую осаду. Потому, когда Святополкъ предложилъ миръ, заложниковъ — между ними и собственнаго сына — и значительную сумму денегъ, Болеславъ согласился и снялъ осаду [3]). Неисполненіе условій со стороны Святополка было причиною, что на слѣдующій же годъ поляки неожиданно осадили поморскую крѣпость Вышеградъ и принудили ее къ сдачѣ. Оставивъ тамъ часть воиновъ, какъ стражу, Болеславъ появился у

---

1) Martini Galli Chronicon III, 1 (Monum. I, p. 463—5), Kadlubkonis Chronicon, III, 14 (Monum. II, 340—342).

2) Martini Galli Chronicon III, 18 (Monum. I, p. 473).

3) Martini Galli Chronicon III, 26 (Monum. 482—3).

другой, гораздо болѣе сильной крѣпости (Накеля?) и повелъ осаду. Осажденные защищались храбро: они знали, что ихъ ожидала гибель въ случаѣ торжества поляковъ. Наконецъ, видя успѣхи польской осады и потерявъ надежду на помощь со стороны Святополка, крѣпость сдалась на условіяхъ неприкосновенности жизни и свободнаго выхода жителей. На этотъ разъ поляки точно сдержали слово [1])...

Извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ оканчивается Хроника Мартина Галла. О дальнѣйшихъ отношеніяхъ Польши къ Поморью уже говорятъ «Жизнеописанія» Оттона. Но прежде чѣмъ разсмотримъ ихъ показанія, считаемъ необходимымъ сдѣлать общій историческій выводъ изъ всѣхъ доселѣ переданныхъ фактовъ.

Болеславъ, несомнѣнно, продолжалъ и отчасти привелъ въ исполненіе политическую задачу своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя дѣйствія его въ отношеніи поморянъ объясняются, конечно, лишь чувствомъ личнаго раздраженія и справедливаго возмездія, но вообще всѣ его походы направлены къ одной цѣли подчиненія поморской земли своей власти. Это ясно, когда взглянемъ на мѣста, противъ которыхъ направлены были его удары: прежде прочаго, чтобы открыть страну и такъ сказать соединить ее съ Польшею—ему необходимо было овладѣть пограничною полосою земли по рѣкѣ Нотеци. Противъ сильныхъ поморскихъ крѣпостей, здѣсь стоявшихъ, устремлены главныя усилія его. Затѣмъ онъ направляется въ центръ страны и беретъ главные города ея, Бѣлградъ и Колобрегу, очевидно не ради наказанія или случайной добычи, а ради прочнаго завладѣнія землею. Враждебныя политическія отношенія къ инымъ народамъ, нѣмцамъ, чехамъ, моравапамъ, а отчасти дѣла внутреннія и поморская сила—были причиною, что войны съ поморянами велись съ перерывами и достигли своей цѣли не прежде окончательнаго взятія крѣпости Накеля и вторичнаго покоренія Бѣлграда, но тѣмъ не менѣе этой цѣли они достигли: все достаточное Поморье, около

---

1) Ibidem.

1110—1112, поступило во власть Польши, стало странью польскаго государства [1]). Съ того времени источники не говорятъ болѣе о походахъ Болеслава противъ поморянъ, обитавшихъ между р. Персантою и Вислою: такихъ походовъ, по всему вѣроятію — не было, потому что въ нихъ не было нужды. Мѣсто дѣйствія его оружія переносится теперь на Одру, т. е. въ страну западнаго Поморья, еще свободнаго, столь же необузданнаго и безпокойнаго, какъ и ихъ восточные соплеменники.

Возвратимся къ нашимъ «Жизнеописаніямъ». Соберемъ въ одно ихъ извѣстія объ отношеніяхъ западнаго Поморья къ Польшѣ, попытаемся затѣмъ привести ихъ въ порядокъ и связь съ вышеприведенными польскими свидѣтельствами.

Безпрестанно тревожимый поморскими набѣгами и грабежами, Болеславъ старался или совершенно уничтожить язычниковъ, или мечомъ привести ихъ къ покою и игу христіанства: нѣсколько разъ вторгался онъ съ своими полчищами въ Поморье и страшно опустошалъ его; такъ, устроивъ свои отношенія къ Руси, незадолго до прихода въ страну бамбергской миссіи, онъ овладѣлъ Штетиною, взялъ приступомъ, разорилъ и сжегъ сильную Наклу и иные города и крѣпости, избилъ и расточилъ множество жителей, множество ихъ увелъ плѣнными и поселилъ въ Польшѣ. Поморяне должны были покориться, они обязались къ мирнымъ отношеніямъ, военной помощи полякамъ, платежу дани и къ принятію христіанства [2]). Обязательства, какъ видно, были ими плохо выполняемы. Собравшись съ силами, оправившись отъ пораженія, поморяне снова принимались за прежнее удалое ремесло набѣговъ и грабежей въ польскихъ окраинахъ. Требовалось принятіе мѣръ рѣшительныхъ: для собственнаго спокойствія поляки должны были держать въ постоянномъ страхѣ неугомон-

---

1) Коломанъ въ своемъ письмѣ къ Болеславу титулуетъ его: «Maritorum monarchus», Kadlubconis Chronicon III, 4 (Monum. II, p. 332).

2) Herbordi Dialogus II, 5, 6, 10, 13, 30; Ebo III, 4. pag. 326, nn. 1, 334, nn. 1, 335, nn. 1, 337, nn. 2, 354, nn. 1, 376, 377, 1.

ныхъ сосѣдей, вести съ ними почти непрерывную войну. Но исполнить это было нелегко, чтобъ не сказать — невозможно. Поморяне имѣли сильно укрѣпленные города и крѣпости по границамъ и внутри земли, овладѣть ими требовалось и много времени, и не малаго труда; сверхъ того—частые походы большого войска въ Поморье были очень тяжелы и затруднительны—и по характеру страны, покрытой лѣсами, болотами и пустошами, и потому, что они ослабляли, дробили и отвлекали польскія силы, столь нужныя, какъ для поддержанія порядка внутри страны, такъ и для защиты прочихъ границъ государства, съ разныхъ сторонъ угрожаемаго врагами[1]). Болеславъ III видѣлъ, что путемъ войны и разоренія онъ не достигнетъ прочнаго успѣха; а между тѣмъ ему необходимы были мирныя отношенія къ Поморью, необходимо было сдѣлать свирѣпыхъ и безпокойныхъ сосѣдей данниками и надежными союзниками. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому представлялось введеніе и распространеніе между ними христіанства. Не встрѣтивъ дѣятельнаго сочувствія къ такому дѣлу въ средѣ своего духовенства и потерпѣвъ неудачу съ Бернгардомъ, князь польскій, вѣроятно — съ вѣдома поморскаго князя — вызвалъ на это дѣло Оттона, знаменитаго и своими христіанскими добродѣтелями, и дарами практическаго разума [2]). Оттонъ принялъ приглашеніе. Уполномоченный Болеславомъ, въ сопровожденіи его посланниковъ, онъ ограничиваетъ свою дѣятельность во время перваго путешествія—мѣстами собственнаго Поморья, т. е. городами, лежавшими между Одрой и Персантой. Въ Пырицѣ, Каминѣ, Клоднѣ, Колобрегѣ и Бѣлградѣ онъ не встрѣчаетъ никакого противорѣчія своей проповѣди [3]); но въ Волынѣ и Штетинѣ терпитъ сначала неудачу и, только послѣ новаго угрожающаго заступничества князя польскаго, водру-

---

1) Herbordi Dialogus II, 3—5, 10; pag. 323, 324 nn. 1, 325, 326 nn. 1, 335 nn. 1.

2) Ebo II, 1; Herb. II, 5, 6. pag. 326 nn. 1, 328 nn. 1, 2, 330 nn. 2. Helmoldi Chronicon I, 40.

3) Herb. II, 14, 19, 38, 39; pag. 339 nn. 1, 342 nn. 1, 365 nn. 1, 366 nn. 1.

жаетъ въ этихъ мѣстахъ знамя христіанства [1]). Успѣхъ проповѣди Оттона въ первое «хожденіе» его былъ далеко неполный. Кажется, что въ слѣдующемъ же году (1126) Штетина и Волынъ» возвратились къ язычеству [2]); поморяне отстроили разрушенныя Болеславомъ крѣпости, укрѣпили другія, и понадѣясь на свои силы, перестали платить дань и возобновили свои набѣги и непріязненныя отношенія къ Польшѣ; послѣдними, можно думать, руководилъ самъ поморскій князь Вартиславъ [3]). Узнавъ объ отпаденіи Штетины и Волына въ язычество и, быть можетъ, вызванный христіаниномъ Вартиславомъ [4]), Оттонъ отправился снова къ поморянамъ. На этотъ разъ его дѣятельность сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ земли лютичей-чрезпѣнянъ и Штетинѣ. Она вѣнчается дѣйствительнымъ успѣхомъ: христіанство принимается прочно, при посредничествѣ Оттона утишается и вражда Вартислава съ Болеславомъ, который уже вторгся было въ Поморье для новаго наказанія буйныхъ и вѣроломныхъ сосѣдей [5]).

Уже выше мы имѣли поводъ замѣтить, что извѣстіе «Жизнеописаніи» Оттона о походахъ Болеслава въ Поморье не имѣетъ точнаго хронологическаго характера и представляетъ простое припоминаніе о событіяхъ съ цѣлью объясненія послѣдующаго [3]). Всматриваясь въ него ближе, нельзя не видѣть, что главнымъ источникомъ здѣсь были сообщенія поляковъ. Они разсказывали миссіонерамъ, что знали о поморянахъ и, конечно, по чувству національной гордости, не могли умолчать о славныхъ подвигахъ своего князя. Отъ такихъ разсказовъ нельзя требовать исторической послѣдовательности и точности: они—припоминанія общія. Потому намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности относить съ

1) Herb. II, 24, 26, 30, 37; pag. 347 nn. 1, 351 nn. 1, 2, 354 nn. 1, 361 nn. 2.
2) Ebo III, 1; pag. 370, 371 nn. 1, 372 nn. 1.
3) Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 nn. 1, 2, 392 nn. 1.
4) Ebo III, 4; pag. 377 nn. 1.
5) Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 nn. 1, 2, 392 nn. 1,
6) pag. 326 nn. 1.

новѣйшими изслѣдователями взятіе Наклы ко времени 1119—20 г. и ради этого полагать, что Накла была совсѣмъ другая крѣпость, чѣмъ Накель Мартина Галла и будто бы лежала неподалеку отъ Колобреги [1]). Для подтвержденія такой догадки — нѣтъ надежныхъ данныхъ; напротивъ, зная характеръ разсказа, основаннаго на воспоминаніи, гораздо ближе думать, что Накло «Жизнеописаній» и Накель польскаго анналиста—тожественны, что оба источника говорятъ хотя и различно, но объ одномъ и томъ же событіи.

Управившись съ восточнымъ Поморьемъ, Болеславъ обратилъ оружіе противъ западнаго. Изъ словъ нашихъ памятниковъ можно заключать, что онъ нѣсколько разъ вторгался въ страну, но объ этихъ походахъ его у насъ нѣтъ никакихъ подробныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ строгомъ смыслѣ исторически засвидѣтельствованнымъ представляется только походъ 1120—1 г., когда Болеславу удалось взять Штетину, разорить нѣсколько крѣпостей и городовъ. Бамбергскіе проповѣдники имѣли случай лично видѣть страшные слѣды польскаго погрома [2]). Сколь далеко прошло польское оружіе — остается неизвѣстнымъ; можно думать, что оно не переходило за Одру, равнымъ образомъ, какъ кажется, Волынъ остался нетронутымъ [3]). Если дать силу случайнымъ показаніямъ «Жизнеописаній» и мнѣнію самихъ поляковъ, то результатомъ этой войны было *покореніе* Поморья [4]); но

1) Квандтъ, Кэпке и Бѣлевскій, см. Monumenta Poloniae historica II, Lw. 1872, pag. 75—76, nn. 3. Думать, что видѣнный бамбергскими проповѣдниками разрушенный городъ (Herb. II, 38; 365 nn. 1.) былъ именно Накло — нельзя. Имя Накло и самое событіе имъ было хорошо извѣстно, и они не замедлили бы это замѣтить.

2) Herb. II, 13, 38; pag. 337 nn. 2, 365 nn. 1.

3) Реппель, Gesch. Polens I, p. 268, думаетъ, что Болеславъ проникъ далеко за Одру до озера Морича, на томъ, конечно, основаніи, что бамбергская миссія во второе хожденіе свое—встрѣтила на этомъ озерѣ рыболова, который «capta a duce Polonie eadem prouincia» бѣжалъ сюда отъ польскаго погрома (Ebo III, 4, pag. 376, 377 nn. 1); но eadem prouincia — здѣсь очевидно значитъ Поморье; а что рыболовъ зашелъ такъ далеко, то должно вспомнить, что онъ бѣжалъ не отъ поляковъ только, но и отъ голода.

4) Herb. II, 10, 30; pag. 335 1; nn. 354 nn. 1.

происшествія указываютъ иное; изъ нихъ видно, что зависимость поморянъ отъ поляковъ не шла далѣе обѣщаній дани, военной помощи и принятія христіанства. Хотя и сильно пораженное, Поморье стоитъ независимо съ своимъ народнымъ княземъ и своимъ правительствомъ; польскій авторитетъ, въ виду недавнихъ бѣдствій, имѣетъ значительную внушающую силу, но это — сила страха [1]), а не политической зависимости или подчиненія; при томъ же свободный и сильный Волинъ знать не хочетъ ни миссіонеровъ, ни посланниковъ польскаго князя и относится къ нимъ съ грубымъ неуваженіемъ [2]). Изъ всѣхъ обязательствъ поморскій князь, какъ христіанинъ, расположенъ исполнить только обязательство принятія христіанства, да и здѣсь, м. б. недовѣряя призванному поляками миссіонеру, онъ оказываетъ ему мало помощи, и вначалѣ предоставляетъ его—собственнымъ его силамъ. Такія непрочныя отношенія къ Поморью были нескрыты отъ Болеслава: затрудняясь б. м. новыми войнами, онъ рѣшился испытать средство, къ которому кромѣ того обязывало его и званіе христіанскаго монарха, къ введенію христіанства. Онъ вызвалъ на этотъ подвигъ Оттона [3]).

Что побудило бамбергскаго епископа принять на себя такое трудное и опасное дѣло? Біографы его даютъ разумѣть, что это было внутреннее призваніе, чуждое всякихъ стороннихъ цѣлей и намѣреній. Оттонъ хотѣлъ достойно завершить свои многолѣтніе труды и старанія на пользу христіанства и церкви. Дѣйствительно, разсматривая внимательно всѣ его дѣйствія въ Поморьѣ въ періодъ перваго путешествія — нельзя открыть въ нихъ ничего, кромѣ самой чистой ревности о спасеніи народовъ, ходившихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, ни слѣда какого-нибудь затаеннаго политическаго замысла. Было ли это дѣйствительно чистое воодушевленіе христіанина, или политическое благоразуміе и

---

1) Herb. II, 26; III, 10; Ebo III, 13; pag. 351 nn. 2, 391 nn. 2.
2) Herb. II, 24; pag. 346, 347 nn. 1, 330 nn. 2.
3) Herb. II, 6; pag. 330 nn. 2. Helmodi Chronica Slauorum I, 40.

слѣдствіе убѣжденія, что только при такомъ образѣ дѣйствія возможенъ успѣхъ — рѣшить трудно. Одно представляется достовѣрнымъ, что если Оттонъ, какъ человѣкъ практическаго, дальновиднаго ума и не оставался чуждъ нѣкоторымъ политическимъ стремленіямъ, то они въ началѣ направлены были въ пользу польскаго, но отнюдь не нѣмецкаго интереса. Онъ твердо вѣрилъ въ торжество христіанства подъ державою польскаго князя и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, вовсе не помышляя о выгодахъ нѣмецкихъ. Въ союзѣ съ Болеславомъ, поддерживаемый его помощью и силою, Оттонъ во время первой миссіи обходитъ только ту область, которая, хотя и узнала грозу польскаго оружія, но не пришла еще въ прочныя зависимыя отношенія къ Польшѣ; проповѣдь бамбергскаго апостола, по мысли Болеслава, кажется, должна была, посредствомъ утвержденія и распространенія истинной религіи, утвердить и упрочить политическую зависимость страны отъ Польши. Тамъ, гдѣ эта зависимость стояла твердо и не подвергалась колебаніямъ — не было особой необходимости и въ дѣйствіяхъ Оттона: распространеніе христіанства могло быть приведено въ исполненіе и туземнымъ, польскимъ духовенствомъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется, почему бамбергскій проповѣдникъ вовсе не коснулся политически обезсиленнаго восточнаго Поморья и въ Бѣлградѣ положилъ предѣлъ своей евангельской дѣятельности. Страна принадлежала къ гнѣзденской епархіи, дѣло христіанства здѣсь предоставлено было уже заботѣ архіепископа гнѣзденскаго. Намъ совершенно неизвѣстны взгляды и мысли Оттона на счетъ того, въ какой мѣрѣ Польша могла упрочить насажденное имъ Христіанство, организовать и утвердить церковь. Изъ личнаго опыта и знакомства съ поморскими обстоятельствами онъ, кажется, могъ убѣдиться въ относительной слабости польской власти. Самое намѣреніе Вартислава и знатныхъ земли устроить въ Волинѣ самостоятельную епископскую каѳедру [1]) указывало на отношенія довольно неза-

1) Herb. II, 7; pag. 364 nn. 3.

висимыя отъ поляковъ; но какъ бы то ни было, за недостаткомъ времени или по инымъ соображеніямъ, только Оттонъ совершенно устранился отъ дѣла устройства поморской церкви и предоставилъ его Болеславу. Чрезъ три года Оттонъ узналъ о возвращеніи къ язычеству двухъ главнѣйшихъ городовъ страны, Штетины и Волына. Его извѣстилъ объ этомъ, кажется, самъ поморскій князь Вартиславъ и просилъ о помощи [1]). Оттонъ обсуждаетъ предстоящее предпріятіе съ нѣкоторыми славянскими князьями во время государственнаго съѣзда въ Межиборьѣ [2]) и отправляется въ путь; но уже не чрезъ Польшу, а чрезъ земли нѣмецкой церкви, именно — магдебургской епархіи. Главнымъ мѣстомъ дѣйствій его служатъ теперь страны, издавна номинально причисляемыя къ римско-нѣмецкимъ владѣніямъ [3]), но въ дѣйствительности — еще язычествующія и признающія власть поморскаго князя, т. е. страны лютичей-чрезпѣнянъ, лежавшія между рр. Пѣной и Одрой [4]). Въ Узноимѣ Вартиславъ назначаетъ общій съѣздъ волостителей земли, на которомъ постановляется общее принятіе христіанства [5]). Съ этого времени Оттонъ дѣйствуетъ рука объ руку съ Вартиславомъ и поморскою знатью; съ ихъ помощью онъ приводитъ въ крестную вѣру чрезпѣнянъ,

---

1) Ebo III, 4; pag. 377 nn. 1.

2) Это ясно изъ его переговоровъ съ Вирикиндомъ. Ebo III, 3; pag. 376 nn. 1.

3) Gosegarten: Codex Pomeraniae Diplomaticus I, Nro. 8—10; Klempin: Pomm. Urkundenbuch I, 17, 19, 20, 21.

4) Когда и вслѣдствіе чего образовался союзъ поморянъ съ чрезпѣнянами—на это не указываетъ прямо ни одно историческое свидѣтельство. Существуетъ указаніе косвенное: Гельмольдъ, Chronica Slauorum I, 36, говоритъ, что землею лютичей-чрезпѣнянъ владѣлъ князь Оботритовъ Гейнрихъ; въ 1113 г. онъ предпринималъ вмѣстѣ съ ними изъ Волегоща походъ противъ руянъ (ibid. 38). Гейнрихъ скончался въ началѣ 1119 г., стало быть, можно полагать, что политическій союзъ чрезпѣнянъ съ поморянами состоялся послѣ этого времени, можетъ быть въ ту пору, когда сыновья Гейнриха были заняты усобицами, Helm. Chr. I, 46, 48. Условія союза неизвѣстны, изъ «Жизнеописаній» Оттона открывается только, что въ ихъ число входило обязательство взаимной помощи или защиты.

5) Ebo III, 6; pag. 381, 382 nn. 1.

отвращаетъ новую польскую грозу, готовую разразиться [1]), улаживаетъ раздоръ между поморскимъ княземъ и Штетиною [2]), возвращаетъ къ христіанству послѣднюю [3]). При всемъ этомъ польскій авторитетъ остается какъ-бы въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи христіанства и церкви. Очевидно, что наученный опытомъ Оттонъ пересталъ опираться на непрочную польскую силу и перешелъ на сторону туземныхъ поморскихъ интересовъ. Но однихъ-ли туземныхъ? Нисколько не отрицая чистоты намѣреній и дѣйствій поморскаго апостола, мы полагаемъ, что мысль еще не оставалась чужда и нѣкотораго расчета, что онъ дѣйствовалъ съ яснымъ сознаніемъ конечной цѣли, къ которой должна была привести насажденная его рукою новая религія, именно къ пріобрѣтенію благодатной страны не только для христіанства вообще, но и для *нѣмецкой* церкви и народности. Дальнѣйшія событія вполнѣ оправдываютъ эту мысль. Плодами обращенія поморянъ въ христіанство воспользовался вовсе не тотъ, кто думалъ, кто началъ и кто такъ старался объ этомъ, кто ожидалъ отъ этого добрыхъ для себя послѣдствій. Болеславъ на дѣлѣ остался ни при чемъ: «тевтонскій богъ» покорилъ поморянъ не для него, а для своихъ кровныхъ соплеменниковъ, «ad usum proprium». Съ введеніемъ христіанства въ Поморьѣ прочною ногою утвердилась нѣмецкая церковь; а съ нею — нѣмецкое начало становится основнымъ руководящимъ началомъ государственной власти и народнаго образованія. Княжеская власть, поднятая и усиленная новой религіей, постепенно усвояетъ нѣмецкую политику, княжескій родъ и знать мало по малу отдаляются отъ родной славянской національности и переходятъ въ нѣмецкую; нѣмецкое духовенство и монашество распространяются по всей странѣ, за ними вслѣдъ идутъ густыя толпы нѣмецкихъ переселенцевъ, привлеченныя и природными богатствами края и разными

---

1) Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 nn. 1, 2, 392 nn. 1.
2) Ebo III, 20, 23; pag. 403 nn. 2, 405 nn. 2.
3) Ebo III, 15 sq.; Herb. III, 13 sq.; pag. 395 nn. 1.

льготами и привиллегіями, которыя давались имъ свѣтскими и духовными властями. Словомъ, водвореніе христіанства чрезъ нѣмецкую миссію неизбѣжно повлекло за собою утвержденіе и дальнѣйшее господство нѣмецкаго начала. Въ высшихъ сферахъ, въ области церковной, политической и правительственной дѣятельности—*славянское* Поморье скоро становится *нѣмецкимъ герцогствомъ*; а въ то время только въ этихъ сферахъ и совершалось собственно историческое движеніе...

Дальнѣйшія отношенія Польши къ западному Поморью—неизвѣстны. Тѣнь польской власти исчезаетъ здѣсь, когда, чрезъ полстолѣтіе, Гейнрихъ Левъ, Свендъ и Вальдемаръ обращаютъ на эту страну свои тяжелые удары. Поморье съ тѣхъ поръ становится укрѣпленною землею то датчанъ, то нѣмцевъ — попеременно.

Оттонъ еще находился въ живыхъ, когда Поморье, повидимому, снова уклонилось на путь язычества. По смерти Вартислава произошла реакція въ пользу стараго порядка вещей, ее, какъ можно думать, велъ Ратиборъ, братъ и преемникъ власти Вартислава. Успѣхъ ея былъ непродолжителенъ: нѣмецкая церковь успѣла уже пустить слишкомъ твердые корни и могла легко вынести мимолетное потрясеніе.

Пробѣгая мыслью все доселѣ изложенное, нравы, обычаи и порядки быта славянскаго Поморья—не могу не коснуться двухъ, близкихъ вопросовъ изъ отечественной, русской древности.

Давно, одинъ почтенный ученый, память котораго заслуживала бы большаго уваженія потомковъ, случайно обронилъ гипотезу о заселеніи новгородской области съ балтійскаго Поморья. Свѣтлая мысль не нашла отголоска и не была признана, какъ не были признаны и многія другія его свѣтлыя мысли, только теперь находящія признаніе и справедливую оцѣнку; но пора, ка-

жется, воздать ей должное, пора сказать, что она имѣетъ всѣ условія основательнаго, глубокомысленнаго и плодотворнаго историческаго предположенія.

Недавно другой, почтенный ученый, разувѣрившись въ непогрѣшимости канонической гипотезы о происхожденіи Руси и призваніи первыхъ князей отъ норманновъ, высказалъ не менѣе свѣтлую и плодотворную мысль о призваніи ихъ отъ славянъ, съ балтійскаго Поморья... Мысль осталась также мало признана наукою.

Ни пок. Каченовскій, ни г. Гедеоновъ не доказали своихъ догадокъ, не успѣли, да и не могли—сообщить имъ значеніе ученой истины. Скудость матеріала не допускала ничего иного, кромѣ догадки.

Пройдя съ такими надежными руководителями, каковы жизнеописатели Оттона, весь наличный запасъ свѣдѣній о бытѣ славянскаго Поморья, принявъ въ соображеніе и нѣкоторыя указанія поморскихъ грамотъ, я не задумываюсь высказать, что изъ всѣхъ догадокъ о первоначальной колонизаціи Новгорода и призваніи первыхъ князей—догадки Каченовскаго и г. Гедеонова представляются самыми основательными и правдоподобными. Онѣ стоятъ между собою въ причинной связи: заселеніе новгородской области съ балтійскаго Поморья дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ призваніе и князей оттуда-же и тѣми-же новгородцами. Имя *Новгорода* становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьградѣ (даже не одномъ, а двухъ), находившемся на балтійскомъ Поморьѣ; имя Славьно кажется противнемъ такого же балтійскаго Славна (slauna, slauene); характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ-же, что и поморской; характеръ вѣча (cf. Thietm. Chr. VI, 18), вѣчеваго устройства и вѣчевой «степени» сходенъ до подробностей; одинаково и устройство «княжьяго двора...» Такихъ фактовъ — еще мало, чтобы догадкѣ сообщить значеніе истины, но для вѣроятности исторической догадки они имѣютъ вѣское значеніе.

Если въ сказаніи о происхожденіи Руси и призваніи князей

изъ-за моря должно признать дѣйствительное историческое основаніе или самый фактъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ прійти къ мысли, что Новгородъ, стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ связяхъ съ поморскими славянами, родственный или по крайней мѣрѣ — близко знакомый съ ними, всего скорѣе долженъ былъ обратиться къ нимъ, а не чужеязычнымъ норманнамъ или пруссамъ. Суждено ли этимъ догадкамъ остаться только вѣроятными догадками, откроется ли новый матеріалъ, который устранитъ ихъ или подтвердитъ ихъ истину, оставаясь въ предѣлахъ исполнимаго — мнѣ кажется, что вопросъ значительно подвинулся бы впередъ, еслибы: во первыхъ—былъ сличенъ мѣстный славянскій именословъ (по грамотамъ) съ новгородскимъ, во *вторыхъ* — если бы были разобраны особенности языка поморскихъ славянъ, насколько онѣ видны изъ латинскихъ грамотъ, сравнительно съ особенностями древняго новгородскаго нарѣчія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отрывокъ неизвѣстнаго автора о нравахъ поморянъ.

«Pomerani slaui est gens indomita. pugnax et praeda uiuens. et danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratico apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et indicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc poganizant. uicinisque gentibus pacem non tenentes. Horum insolentias in suis dampnis cum Dani ferre non possent. arma conclamant et ad urbem praedonum adunati. nemine excusato. miles et rusticus. rex et sacerdos simul in unum diues et pauperi pugnaturi conueniunt. Et archiepiscopus affuit ultor iniquitatis. terre defensor. uindex ecclesie. uisor denique miraculi, quod retulit ipse. Duo inquit corpora pendebant patibula non collotenus ut solent fures suspendi, sed ut canes aut lupi calcaneis appensi. uisi tam horridi, ut non possent causae illorum pro horrore non discuti uel inquiri. Responsum est ab indigenis. iuste illos sic passos fures fuisse pessimos. diu et cum dampno ciuium latuisse non ab homine sed a deo perditos fuisse».

Представленный отрывокъ сообщенъ А. В. Мацѣіовскимъ въ VI т. его «исторіи славянскихъ законодательствъ (Historya prawodawstw słowiańskich, W. 1858 t. VI p. 390—1)». Онъ

взятъ изъ пергаменной рукописи XIII столѣтія, находящейся въ библіотекѣ графовъ Рачыньскихъ въ Познани. Отрывокъ находится въ статьѣ «epistola de leproso per ignem mundato». Онъ замѣчателенъ не только, какъ живое, современное изображеніе воинственныхъ нравовъ поморянъ, но и какъ свидѣтельство о существованіи у нихъ смертной казни, въ чемъ можно было-бы сомнѣваться, положившись на слова «Жизнеописаній» Оттона (supra, pag. 351, nn. 1). Откуда взятъ этотъ отрывокъ — до сихъ поръ неизвѣстно. По характеру своему онъ всего ближе подходитъ къ повѣствованію Саксона Грамматика, хотя существенно отличается отъ него по слогу. Впрочемъ, *датское* происхожденіе его едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: едва-ли въ особѣ «архіепископа, мстителя отчизны и защитника церкви» можно разумѣть кого иного, а не знаменитаго Абсалона, архіепископа Лундскаго, непосредственнаго вождя датскихъ походовъ противъ руянъ, поморянъ и лютичей. Со временемъ воинской дѣятельности Абсалона вполнѣ совпадаетъ и извѣстіе, что поморяне «de nouo Christiani adhuc poganizant». Но какой походъ датчанъ противъ поморянъ разумѣется здѣсь? Всего ближе подходитъ сюда Вальдемаровъ походъ 1169 г. (?), предпринятый вскорѣ по конечномъ паденіи Руяны и подробно описанный Саксономъ Грамматикомъ (Hist. danica, l. XIV, ed. Müller, p. 856 sq.).

II.

Извѣстія Мартина Галла о бытѣ поморянъ.

Излагая войны пястовичей съ поморянами (выше, стр. 452—460), мы слѣдовали главнымъ образомъ Мартину Галлу, но ограничились извлеченіемъ изъ его Хроники однихъ историческихъ данныхъ и простыми библіографическими ссылками на источникъ. Между тѣмъ подробности разсказа польскаго лѣтописца имѣютъ значительную цѣнность и въ бытовомъ, археологическомъ отношеніи: онѣ представляютъ довольно крупныя черты поморской

культуры и нравовъ и въ этомъ отношеніи могутъ служить немаловажнымъ дополненіемъ къ тому, что сообщается «Жизнеописаніями» Оттона. Такое обстоятельство побуждаетъ насъ представить здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ польско-латинской хроники, именно — извлеченіе всего, что можетъ имѣть значеніе въ отношеніи разъясненія поморскаго быта и древностей. Риторическія фигуры и изліянія политико-патріотическаго энтузіазма хрониста мы, конечно, по возможности устраняемъ изъ текстовъ. Въ заключеніи даемъ мѣсто общему обозрѣнію матеріала и нѣкоторымъ поясненіямъ его, съ цѣлью дополнить нашу предшествующую картину поморскаго быта. Извлеченія изъ Хроники магистра Винкентія, обыкновенно называемаго Кадлубкомъ — не представляются необходимыми. Въ этомъ произведеніи изслѣдователь не найдетъ ничего, или почти что ничего, для поясненія поморскаго быта и древностей: надутая реторика здѣсь вконецъ сгубила чувство исторической дѣйствительности и уваженіе къ ней.

Текстъ Мартина Галла приводится по рецензіи А. Бѣлёвскаго, изъ его «Monumenta Poloniae historica» t. I, Lw. 1864.

1. «Quibus (id est Pomeranis) uictis, ciuitates eorum et municipia infra terram et circa maritima uiolenter occupauit (dux Wladizlauus), suosque uastaldiones et comites in locis principalibus et munitioribus ordinauit. Et quia perfidiae paganorum omnino uoluit insurgenti fiduciam amputare, suosmet praelatos iussit nominato die in hora constituta omnes in meditullio regni munitiones concremare». II, 1.

2. «At Wladizlauus dux.. cum forti manu terram eorum (sc. Pomeranorum).. introiuit... Stetin, urbem terrae populosiorem et opulentiorem, ex improuiso intrauit, indeque praedam immensam et captiuos innumerabiles congregauit. Cumque iam cum sua praeda nichil dubitans remearet, iamque securus sui regni finibus propinquaret, Pomorani subito subsequentes eum super fluuium Nacla (?) inuaserunt, bellumque cum eo pridie palmarum cruentum et luctuosum partibus utrisque commiserunt». II, 2.

3. «Qui (Boleslauus) regionem barbarorum subiugare concupiscens, praedas agere prius uel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones uel ciuitates obtinere uel destruere meditatur. Igitur gressu concito quoddam nobile satis ac forte castrum obsessurus inuasit, quod tamen eius primum impetum non euasit, unde praedam multam et captiuos egit, bellatores uero sententiae bellicae redegit». II, 15.

4. «..nunciatum est eis Pomoranos exiuisse, eosque contra Zutok regni custodiam et clauem, castrum oppositum erexisse. Erat enim castrum nouum ita altum et ita proximum christianis quod ea quae dicebantur et fiebant in Zutok et audiri et uideri bene poterant a paganis.. Puer Boleslauus aduenit.. et pontem inuadendo castellanis abstulit, et in portam prosequendo suos enses intulit». II, 17.

5. «Conuocata multitudine bellatorum, cum paucis electis penetrauit (Bolezlauus) meditullium patriae paganorum. Cumque ad urbem regiam et egregiam Albam nomine peruenisset.. equo descendens uiolenter ac mirabiliter urbem opulentam et populosam die qua uenerat expugnauit. Dicunt etiam quidam eum primum inuasisse, eumque primum propugnacula conscendisse.. De ciuitate autem praedam innumerabilem asportauit, municionem uero planiciei coaequauit». II, 22.

6. «Conuocato exercitu... (Boleslauus et milites) Cholbreg ueniunt ductu sidereo... ad urbem Cholbreg propinquantes, fluuiumque proximum sine ponte uel uado, ne praescirentur a paganis, cum periculo transeuntes, agminibus ordinatis, aciebusque retro duabus in subsidio collocatis, ne forte Pomorani hoc praescirent eosque incautos adirent, urbem opulentam diuitiis munitamque praesidiis unanimiter inuadere concupiscunt.. Quidam tantum praedam, quidam urbem capere meditantur. Et si cuncti sicut quidam unanimiter inuasissent, illa die procul dubio gloriosam Pomoranorum urbem et praecipuam habuissent; sed copia diuitiarum praedaque suburbii militum audaciam excecauit, sicque fortuna ciuitatem suam a Polonis liberauit. Pauci tantum

probi milites gloriam diuitiis praeferentes, emissis lanceis, pontem extractis gladiis transierunt portamque ciuitatis intrauerunt, sed a ciuium multitudine coarctati, uix tandem retrocedere sunt coacti. Ipse dux etiam Pomoranus illis aduenientibus intus erat, timensque totum exercitum aduenire, per aliam portam effugerat... Interea alii aliam portam et alii aliam inuadebant, alii captiuos ligabant, alii marinas diuitias colligebant, alii pueros et puellas educebant. Igitur Bolezlauus milites suos, quamuis tota die fatigatos assultando, uix tandem eos circa uesperem reuocare potuit commorando. Militibus itaque reuocatis ac suburbio spoliato, recessit inde Bolezlauus.. extra muros, omni prius aedificio concremato. Ex quo facto natio tota barbarorum concussa uehementer exhorruit, famaque Bolezlaui longe lateque dilatata procrebuit. Vnde etiam in prouerbium cantilena componitur, ubi satis illa probitas et audacia conuenienter extollitur in haec uerba:

«Pisces salsos et foetentes apportabant alii,
Palpitantes et recentes nunc apportant filii.
Ciuitates inuadebant patres nostri primitus,
Hii procellas non uerentur neque maris sonitus,
Agitabant patres nostri ceruos, apros, capreas.
Hii uenantur monstra maris et opes aequoreas». II, 28.

7. «Rursus hiemali tempore Pomoraniam inuasuri Poloni congregantur, ut facilius munitiones congelatis palludibus capiantur... Adueniens Bolezlauus ad urbem (Albam) quae quasi centrum terrae medium reputatur, castra ponit, instrumenta parat, quibus leuius et minori periculo capiatur. Quibus partibus assidue armis et ingeniis laborauit, quod paucis diebus urbem ciues reddere coartauit. Qua recepta, suos ibi milites collocauit, signoque dato, motisque castris ad maritima properauit. Cumque iam ad urbem Cholbreg declinaret, et castrum mari proximum expugnare priusquam ad urbem accederet cogitaret, ecce, ciues et oppidanos

pronis ceruicibus obuiam Bolezlauo procedentes, semet ipsos et fidem et servitium proferentes. Ipse quoque dux Pomeranorum adueniens Bolezlauo inclinauit, eiusque, residens equo, se seruicio et militiae deputauit». II, 39.

8. «Bolezlauus iterum Pomoraniam est ingressus, et castellum obsessurus Carnkou magnis uiribus est agressus; machinis diuersi generis praeparatis, turribusque castellana munitione praeeminentioribus eleuatis, armis tamdiu ac instrumentis oppidum impugnauit, donec illud facta deditione suo dominio mancipauit. Insuper etiam ad fidem multos ab infidelitate reuocauit, ipsumque dominum castelli de fonte baptismatis eleuauit. Audientes autem hoc pagani ipseque dominus paganorum, sic facile uidelicet corruisse contumaciam Charncorum, ipse dux Bolezlawo primus omnium inclinauit, sed eorum neuter longo tempore confidelitatem obseruauit». II, 44.

9. «Hostium terram (Pomoraniam) ingrediens, non praedas sequitur uel armenta, sed castrum Velun obsidens machinas praeparat ac diuersi generis instrumenta. At contra castellani, uitae diffidentes solummodo in armis confidentes, propugnacula releuant, destructa reparant, sudes praeoccupatas et lapides sursum eleuant, obstruere portas festinant... Ad extremum tamen Pomorani.. sese castellumque, recepta Bolezlaui ciroteca pro pignore, reddiderunt». II, 48.

10. «Quoddam castrum nomine Nakel in confinio Poloniae ac Pomoraniae paludibus et opere firmum constat, ad quod capiendum dux belliger cum exercitu suo sedens, armis et machinis laborabat. Cumque oppidani non posse tantae multitudini resistere se uidissent, et cum tamen a suis auxilium principibus expectassent, inducias quaesierunt, diemque certum indiderunt, infra quem, si sui eos non iuuarent, in potestatem hostium et oppidum et se darent. Induciae quidem eos assultandi conceduntur, sed apparatus tamen expugnandi minime differuntur. Interim oppidanorum nuntii Pomoranorum exercitum conuenerunt, eisque pactionem suorum factam cum hostibus retulerunt. Tunc uero Pomorani,

audita legatione stupefacti, coniurant insimul pro patria uel se mori uel uictoriam de Polonis adipisci. Dimissis igitur equis, ut adaequato periculo fiducia cunctis et audacia maior esset, nullam uiam uel semitam gradientes, sed ferarum lustra condensaque siluarum irrumpentes, non in die statuto sed in S. Laurentii sacrosancto quasi sorices de latibulis emerserunt.. (Bolezlauus) cepit hostes in circuitu transgirare, quia sic in terra hastas suas uersis cuspidibus in hostes affixerant, seseque simul constipauerant, quod nullus poterat ad eos uirtute nisi cum ingenio penetrare. Erant enim.. pedites fere cuncti, nec ad proelium more christianorum ordinati, sed.. in terra poplitibus recuruati. Dumque magis impiger Bolezlauus circumquaque uolitare uideretur quam currere, transuersis in eum hostibus, Scarbimirus intrandi locum inueniens, ex aduerso non differt in cuneos diutius confertissimos penetrare. Penetratis itaque barbaris ac uallatis, arciter imprimis resistunt, sed coacti tandem fugam petunt.. Oppidani uero uidentes se totam spem amisisse, nec auxilium aliunde uel a quolibet expectare, ciuitatem uita donata reddiderunt. Audientes autem haec de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt, se ipsos uidelicet munitionesque tradiderunt». III, 1.

11. «Castrum Nakel.. Bolezlauus cuidam Pomorano genere sibi propinquo, Suatopolc uocabulo concesserat cum aliis castellis pluribus sub tali fidelatis conditione retinere, quod nunquam deberet ei suum seruitium uel castella causa pro qualibet prohibere; sed postea nunquam iuratum sibi fidelitatem retinuit, neque ueniens unquam promissam seruitutem exhibuit, nec uenientibus portas castellorum aperuit, immo, sicut perfidus hostis et traditor, uiribus et armis sua seseque prohibuit. Vnde Bolezlauus dux septentrionalis ad iracundiam concitatus, conuocatis bellatorum cohortibus castrum Nakel fortissimum obsedit. Ibique.. laborem suum in uanum penitus expendebat, quia humidum per locum, aquosum et paludosum, machinas et instrumenta ducere non sinebat. Insuper castellum erat et uiris et rebus necessariis sic fir-

matum, quod non esset armis uel necessitate rei cuiuslibet per annum continuum expugnatum». III, 26.

12. «inde (sc. a castello Wysehrad) progrediens, obsidione castrum aliud circumiuit. Illud namque castrum cum maiori labore prolixiorique dilatione Bolezlauus expugnauit, quia plures et fortiores ibi pugnatores locumque munitiorem assultu bellico exprobauit. Paratis igitur a Polonis instrumentis ac machinationibus expugnandi, Pomorani similiter instrumenta modis omnibus repugnandi fecerunt; Poloni foueas acquant, terram lignaque comportant, quo leuius ac planius ad castrum cum turribus ligneis accedant; Pomorani contra lardum lignaque picea parant, quibus paulatim congeriem illam comburant. Tribus enim castellani uicibus instrumenta omnia de muro descendentes furtiue combusserunt, tribusque uicibus iterum illa Poloni construxerunt. Ita nempe turres ligneae Bolezlaui castello uicinae stabant, quod castellani de propugnaculis cum eis armis et ignibus repugnabant. Si quandoque Polloni castellum armis, igne, lapidibus stratis impetebant, castellani similiter modis omnibus uicem contrariam repugnabant. De Polonis multos castellani sagittis et lapidibus uulnerabant; de castellanis uero Poloni plures cottidie perimebant.. Interdum tamen cum Bolezlauo pactum facere castrumque reddere cogitabant, interdum inducias petentes, uel auxilium expectantes illud consilium differebant. Interea Poloni., tot laboribus et uigiliis fatigati desistebant, sed castrum capere uel insidiis insistebant. Pomorani uero talem Bolezlaui mentem et intentionem cognoscebant, quod nullatenus euadere manus ipsius nisi castro reddito praeualebant, et ex hoc maxime diffidebant, quia de Suatopolc suo domino nullum auxilium expectabant. Vnde pro tempore consilium partibus utrisque satis idoneum inierunt, castellum uidelicet fide recepta tradiderunt, ipsique sani cum suis omnibus, incolumes, quo sibi libuit, abierunt». III, 26.

Разсматривая извѣстія Мартина Галла о поморянахъ, нельзя прежде прочаго не замѣтить одной важной этнографической черты: несмотря на близость своей рѣчи къ польской, поморяне считаются совершенно особымъ племенемъ; въ противуположность полякамъ они были «barbari», «natio barbarorum». Въ образованіи такого понятія несомнѣнно участвовали политическія и религіозныя причины: поморяне были «hostes Polonorum», «pagani»; но кажется — не одни эти причины, а и нѣкоторыя отличія въ обычаяхъ; польскій лѣтописецъ отмѣчаетъ напр., что ихъ военные обычаи были иные, чѣмъ у поляковъ: они сражались не отдѣльными строями, а въ густой толпѣ, устремивъ свои копья щетиной противъ врага и присѣвъ къ землѣ, вѣроятно затѣмъ, чтобы удобнѣе защититься щитами (III, 1, cf. Saxo Gram. p. 751).

Свидѣтельство Сефрида (p. 326 nn. 1, 391 nn. 1), что поморяне имѣли много, какъ внутри земли, такъ и по границамъ ея, природою и искусствомъ укрѣпленныхъ крѣпостей, находитъ полное подтвержденіе въ извѣстіяхъ Мартина Галла: «municipia, munitiones, castra, castella» поморянъ находились въ срединѣ страны, на побережьи моря и южной границѣ, онѣ были сильно укрѣплены, имѣли высокія стѣны, защищенныя частоколомъ, были окружены рвами, чрезъ которые лежали мосты, имѣли, кажется, и боевыя башни (II, 1, 15, 17, 22, 39; III, 1, 26). Помѣщенныя среди болотъ и топкихъ мѣстъ (II, 39, III, 26), поморскія укрѣпленія были трудно доступны для непріятеля: послѣдній долженъ былъ выжидать зимняго времени, чтобы имѣть возможность подвезти осадныя орудія. Несмотря, однако, на свою крѣпость, поморскія мѣста защиты почти всегда уступали полякамъ; причина заключалась не только въ превосходствѣ правильно организованнаго польскаго войска, но и въ превосходствѣ польскихъ осадныхъ средствъ, которымъ поморяне могли противупоставить только личную отвагу и мужество. Тамъ, гдѣ поляки были лишены этихъ средствъ—крѣпости были въ состояніи выдержать долгую осаду (III, 26).

Было-ли въ крѣпостяхъ, кромѣ постоянной стражи, и по-

стоянное не-военное населеніе—изъ показаній польскаго лѣтописца не ясно; оно едва ли могло быть въ укрѣпленіяхъ пограничныхъ, но внутри страны существованіе его предположить можно, такъ какъ изъ крѣпостей здѣсь выростали уже города, «ciuitates». Въ одной изъ такихъ сильныхъ крѣпостей Болеславъ предалъ смерти всѣхъ воиновъ, жителей же увелъ плѣнными (II, 15).

Объ устройствѣ поморскаго города даетъ нѣкоторое понятіе разсказъ лѣтописца о взятіи Колобреги (II, 28): перейдя рѣку, войско Болеслава бросилось грабить suburbium, торговую пригородь, отдѣленную отъ собственнаго города стѣнами его и рвомъ, чрезъ который проходилъ мостъ. Пригородь также была обнесена валомъ (II, 28).

Восточное Поморье, составляя въ этнографическомъ отношеніи одно цѣлое, въ политическомъ состояло изъ отдѣльныхъ областей, находившихся подъ властью отдѣльныхъ князей. «Dux, princeps terrae» вовсе не извѣстенъ Мартину Галлу; онъ знаетъ только отдѣльныхъ князей, воеводъ и правителей, таковы: «dux pomoranus», убѣжавшій изъ Колобреги при вѣсти о появленіи поляковъ (II, 28) и явившійся потомъ съ покорою (II, 39); «dux» или «dominus paganorum», покорившійся по взятіи крѣпости Чарнкова (II, 44); Святополкъ «pomoranus», родственникъ Болеслава, владѣвшій крѣпостью Накелемъ и многими другими укрѣпленіями; «principes», отъ которыхъ тщетно ожидали помощи осажденные въ Наклѣ (III, 1). Отсюда можно заключать, что въ эпоху Болеслава въ восточномъ Поморьѣ еще не было единодержавной княжеской власти, и это, быть можетъ, было причиною успѣха польскаго оружія.

Бѣлградъ, по словамъ Мартина Галла, былъ «urbs regia, praecipua, quae quasi centrum terrae medium reputatur» (II, 22, 39), т. е. столица, средоточіе земли. Удальрикъ и Сефридъ называютъ такимъ городомъ Штетину (Ebo II, 9, III, 2; Herb. II, 5, 25; pag. 349 nn. 1, 350 nn. 1, 371, 372 nn. 1, 326 nn. 1). Понимая такія наименованія не въ политическомъ, а въ нрав-

ственномъ смыслѣ (а иначе ихъ понимать нельзя, такъ-какъ страна не имѣла государственно-политическаго единства), мы не найдемъ никакого противорѣчія между этими показаніями: Штетина считалась первымъ городомъ, метрополіей западнаго Поморья, Бѣлградъ же — восточнаго.

Остановимся взаключеніе на выраженіяхъ «diuitiae marinae» «opes aequoreae» (II, 28). Въ чемъ заключались онѣ? Судя по контексту, можно подумать, что эта добыча поляковъ заключалась въ соленыхъ и свѣжихъ рыбахъ, которыми торговали жители Колобреги; но позволительно также полагать, что этимъ именемъ польскій лѣтописецъ хотѣлъ обозначить вообще богатства, добываемыя изъ моря и путемъ моря, всякіе товары и, можетъ быть, янтарь. Послѣднее предположеніе даже нѣсколько вѣроятнѣе, такъ—какъ конница Болеслава могла взять рыбы только въ той мѣрѣ, въ какой нуждалась въ ней для своего продовольствія. «Diuitiae marinae» скорѣе были нѣчто болѣе цѣнное и менѣе обременительное!

III.

Слѣды Оттоновой проповѣди въ грамотахъ.

Въ поясненіе и пополненіе къ предыдущему — представимъ краткія регесты нѣкоторыхъ грамотъ, заключающихъ въ себѣ указанія на миссію Оттона или ея послѣдствія.

a) Грамота, данная въ 1136 г. императоромъ Лотаромъ Оттону и бамбергской церкви. По просьбѣ Оттона, въ награду за то, что онъ первый потрудился надъ разрушеніемъ язычества и обращеніемъ варварства славянъ — императоръ даруетъ ему и его преемникамъ, съ согласія маркграфа Адальберта, дань съ четырехъ областей славянской земли: Гросвины съ Руховымъ, Лѣсной, Межирѣчья и Ситной. Кромѣ этого бамбергской церкви отдается еще область Требуша. Codex Pomer. diplom. № 14; Klempin, Pommersch. Urk. Buch № 27.

б) Грамота 1139—1147 г., данная аббатомъ монастыря св. Михаила Германомъ одному изъ поморскихъ спутниковъ Оттона—Берону. Аббатъ освобождаетъ его жену и дѣтей отъ подвѣдомственнаго подчиненія своимъ чиновникамъ. Klempin Pom. Urk. B. № 29.

в) Грамота 1139, данная папой Иннокентіемъ II бамбергскому епископу Эгильберту. Иннокентій постановляетъ, чтобы всѣ церкви, находящіяся въ странахъ варваровъ, обращенныхъ къ христіанству Оттономъ, подлежали бы вѣдѣнію бамбергскаго епископа до той поры, пока не получатъ своего особаго. Codex Pom. dipl. № 15, Klempin, Urk. B. № 28.

г) Грамота 1140 г. Папа Иннокентій II, по просьбѣ перваго поморскаго еп. Адальберта, принимаетъ новую поморскую епископію подъ свой покровъ, установляетъ главнымъ мѣстомъ ея — церковь св. Адальберта въ Волынѣ, опредѣляетъ владѣнія и доходы ея, именно: городъ Волынъ съ рынкомъ и корчмою, крѣпости—города́: Дыминъ, Требошу, Гостьковъ, Волегощъ, Узедомъ, Гросвину, Пырицу, Старьградъ съ принадлежащими къ нимъ деревнями; Штетину, Кампну съ корчмой, рынкомъ, деревнями и другими принадлежностями; Колобрегу съ соловарней, мытомъ, рынкомъ, корчмой и всѣми принадлежностями; сверхъ того опредѣляетъ дань со всего Поморья до рѣки Лебы съ каждаго пахаря—двѣ мѣры хлѣба и пять денаровъ; а также десятину съ рынка Ситемъ (?). Cod. Pom. dipl. № 16; Klempin, Urk. b. № 30.

д) Грамота Адальберта поморскаго епископа, 1153 г., монастырю въ Столпѣ. Адальбертъ упоминаетъ, что поморскій народъ, благочестивымъ стараніемъ Болеслава, славнаго польскаго князя и проповѣдью Оттона былъ приведенъ въ христіанство при князѣ Вартиславѣ; что первымъ епископомъ по общему выбору князей и съ утвержденія папы

былъ избранъ онъ, Адальбертъ. Cod. Pom. dipl. № 11, Klempin, Pom. Urk. b. № 43.

Какъ ни значительны, повидимому, эти указанія, но они не мало подтверждаютъ высказанное нами (стр. 468) предположеніе объ устраненіи поляковъ отъ вліянія и участія въ судьбахъ поморской церкви и о томъ, что проповѣдь Оттона немедленно положила первое прочное начало зависимымъ отношеніямъ Поморья отъ нѣмцевъ. Старанія Болеслава по обращенію поморянъ сохраняются, какъ признательное воспоминаніе (cf. Helmoldi Chronica I, c. 40), но остаются безъ политическихъ для него послѣдствій, по крайней мѣрѣ—послѣднія ни изъ чего не видны; напротивъ—связь съ нѣмецкою церковью и зависимость отъ нея начинается съ первыхъ шаговъ христіанской жизни страны.

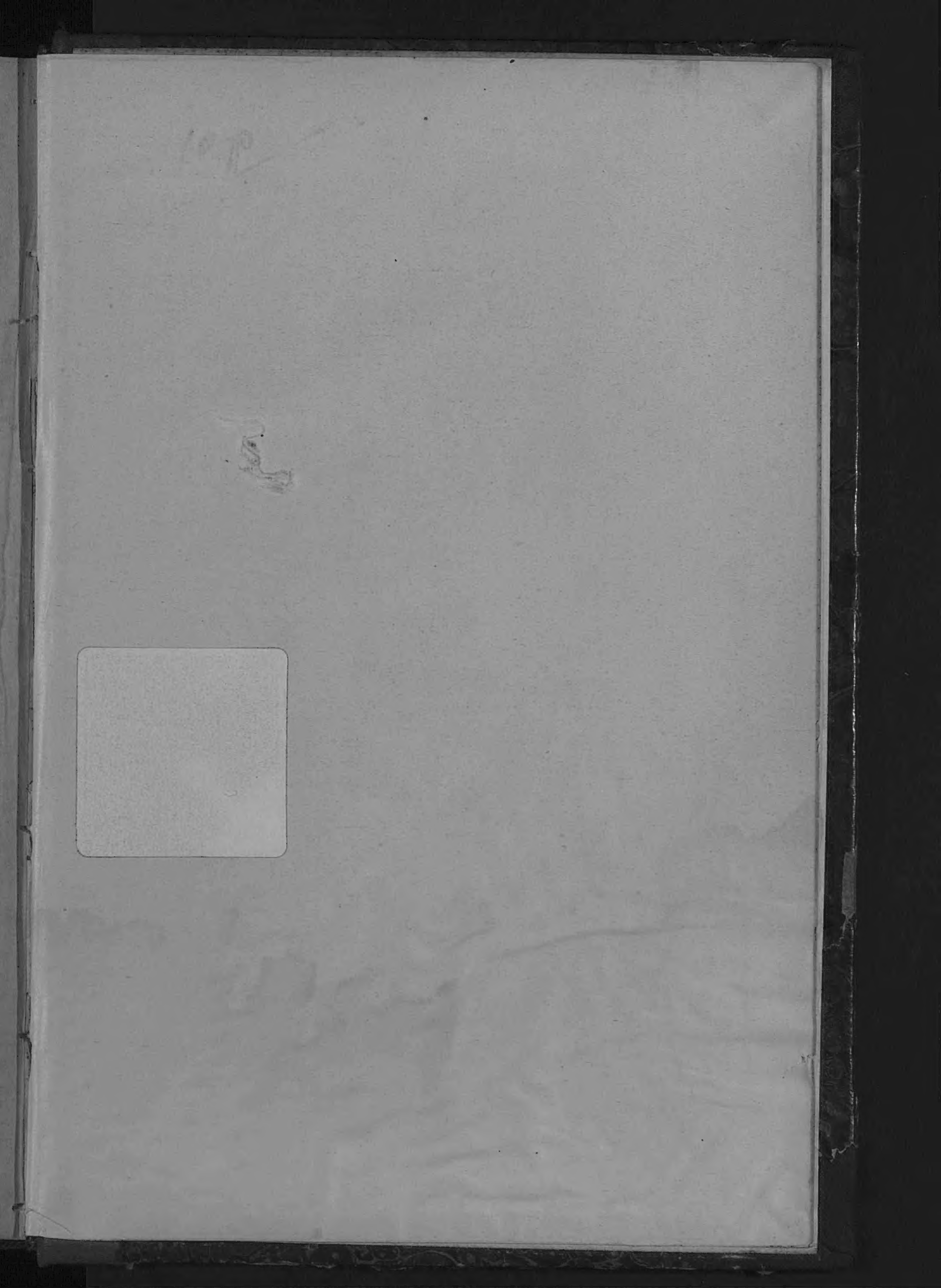
Не безъ значенія и то обстоятельство, что стольнымъ мѣстомъ первой поморской епископіи сталъ г. Волынъ: рѣшеніе Вартислава и прочихъ князей (выше, стр. 364, 365), какъ видно, приведено было въ исполненіе.

Число сотрудниковъ Оттона (см. выше pag. 312 nn. 1) пополняется новымъ именемъ Берона.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Въ статьѣ: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ произошли, по болѣзни корректора, слѣдующія опечатки въ ссылкахъ:

стр.	Напечатано.	Должно быть.
122	101— 2	102— 3
132	119—20	120—21
145	100— 1	102— 3
146	105	106
147	95	96
148	101— 2	102— 3
—	93	94
206	66— 7	67— 8
210	143	145
213	64— 5	66— 7
—	74	75
—	75	76
—	146	149
—	75	76
214	147	150
215	142	145
—	152	155
—	173	176
216	147	150
217	54	55
—	126, 104	128, 105
218	151	154
219	147, 151—27	150, 154—56
—	146— 7	149
220	106	107
221	106, 116—17	107, 118—19
—	147	150
—	138	141
—	207	210
223	124— 5	126— 7
225	190	193
227	182, 66	185, 67
—	138, 147	140, 149
228	176	179
229	108	109
231	93, 101	94, 102
232	121, 123	123, 125
—	99, 118, 138	100, 120, 140
—	100	101
234	79—80	81
—	83	84
237	76—78	77—79
238	85	86
—	118	120
239	131— 2	133— 4
—	74, 118, 126	75, 120, 128
—	131— 2	133— 4
—	113—14	115
—	200	203
240	199	203
—	172	175— 6
241	79—80	81
—	89	90
242	121, 117—18	123, 118—19
—	112—113	114—115
—	180— 1	184— 5
244	68	69
245	64	65
—	116—17	118—19
—	126	128
—	65	66
246	66, 126	67, 128
—	126	128
247	33, 75, 85	32, 76, 86
—	182	185
248	138— 9	140— 1
—	129—30	132
249	99, 126	100, 128
—	119—120	121—122
250	120	122
—	227	231
251	39—40	38—40
—	113	115
—	118	120
—	142— 4	144— 6
—	94— 5	95— 6
—	143—5, 182	145—8, 186
254	130	133
—	101, 103	102, 104
255	147	150
—	147— 8	150— 1
257	144	147
—	145, 101	148, 102
—	102, 123	104, 125
271	038	296
274	IX—X	267— 8
285	012	268—70

10р

